3 1761 08821307 9

Полное собраніе сочиненій
Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Н. Г. Мартыновъ.

Grigorovich, Dmitry Vasil'evich
LR
G8576

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie
Sochinenij, t. 5

СОЧИНЕНІЙ

Дм. Вас. Григоровича.

t. 5

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

ПОВѢСТИ, РОМАНЫ

и

ОЧЕРКИ.

1852—1853 гг.

Д. В. Григоровича.

v. 5

462780
6. 6. 47

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова.
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1852. Смедовская долина. Разсказъ 1

1853. Зимній вечеръ. Повѣсть 25

— Рыбаки. Повѣсть 113

СМЕДОВСКАЯ ДОЛИНА.

РАЗСКАЗЪ.

Подъ именемъ „Смéдовской лощинки“ поселяне западной и гористой части К*** уѣзда разумѣютъ небольшую долину, соединяющую двѣ старыя водяныя мельницы, построенныя на самомъ берегу рѣчки Смедвы. Отъ одной мельницы до другой считается верстъ пять. Но если оставить проселокъ, который проходитъ гдѣ-то вѐрхомъ, спуститься въ долину и идти берегомъ, слѣдуя теченію рѣчки—пройдешь, безъ сомнѣнія, верстъ восемь или девять, прежде чѣмъ достигнешь до второй мельницы. Смедва, по мѣрѣ приближенія своего къ Окѣ, въ которую впадаетъ она за второй мельницей, становится уже и врѣзывается постепенно глубже и глубже въ свои берега. Какъ бы сознавая скорую кончину свою и сожалѣя о ней, она изгибается на всевозможные лады, изламывается подъ самыми острыми углами, стараясь пробѣжать по возможности большее пространство и налюбоваться вдосталь на живописные холмы, которые смотрятся въ ея свѣтлыя воды. И въ самомъ дѣлѣ, побывавъ разъ между этими веселыми, улыбающимися холмами, чувствуешь къ нимъ непреодолимое влеченье. Скаты долины, то крутые и покрытые яркою листвой орѣшника, изъ которой выбѣгаютъ кое-гдѣ кудрявые, темно-зеленые дубки, то выступающіе длинными глинистыми языками, усыпанными камнями и перерѣзан-

ными овражками, то появляющіеся выемками, въ родѣ амфитеатра, и плотно затканные мелкимъ голубоватымъ кустарникомъ, — слѣдуютъ на всемъ протяженіи своемъ прихотливой линіи, которую описываетъ рѣчка. Въ иномъ мѣстѣ долина расширяется, открывая лугъ, исполосованный серебряной лентой; мягкая, сочная и лоснящаяся зелень этихъ луговъ поддерживается круглый годъ весеннимъ разлитіемъ Смедвы и стокомъ дождевой воды съ сосѣднихъ холмовъ; кое-гдѣ высятся сѣрые, остроконечные наметы сѣна, сберегаемые для зимы; тутъ же, невдалекѣ, пасутся спутанныя лошади; нерѣдко увидите вы бѣлую, костлявую клячу, которая спитъ, положивъ кудлатую голову на красноватыя жерди, окружающія сѣно, между тѣмъ, какъ жеребенокъ, повернувшись къ ней спиною и вытянувъ узенькую шейку, заливается звонкимъ ржаньемъ, въ полномъ убѣжденіи, что потерялъ мать. Въ иномъ мѣстѣ бока долины сходятся такъ близко, такъ тѣсно сжимаютъ рѣчку, что длинныя вѣтви перекосившихся ветелъ и орѣшниковъ, покрывающихъ берегъ, переплетаются между собою, образуя надъ водою рѣшетчатые, фантастическіе своды.

Природа средней полосы Россіи рѣдко представляетъ совокупленіе мѣстности, которая бы въ общей сложности могла назваться великолѣпной панорамой; все ограничивается обыкновенно нѣсколькими лощинами, обросшими лѣсомъ и оживленными ручьемъ, или безконечною гладью полей и луговъ съ разбросанными кое-гдѣ деревушками. Вся прелесть этихъ видовъ заключается не столько въ общемъ ихъ очертаніи, сколько въ деталяхъ и тѣхъ мелкихъ эпизодахъ, которые попадаются на каждомъ шагу, но совсѣмъ тѣмъ рѣдко группируются въ одну гармоническую картину.

Смедовская долина усѣяна такими эпизодами. Особенно живописною казалась мнѣ всегда лѣвая сторона ея: она подымается крутымъ, полукруглымъ хребтомъ, покрытымъ кудрявою, роскошною зеленью, и высоко планируетъ надъ лѣвою стороною. Тутъ открываются поминутно свѣтлыя расщелины, старые овраги, обросшіе нѣжной травкой и цвѣтами, исполосованные длинными тѣнями осинъ и березъ, между стволами которыхъ сверкаютъ на солнцѣ угловатые камни и бѣлый плитнякъ, служившіе когда-то дномъ потока; попадаются обвалы, обнажаю-

щіе пестрые пласты песку, глины и охры; крупные и мелкіе корни полу-оторванныхъ, висящихъ въ воздухѣ кустовъ сползаютъ на эти обрывы косматою бахромою, набрасывая кое-гдѣ зубчатую, черную тѣнь. Пространство между краемъ берега и подошвою ската пересѣкается безпрестанно ключами; то тихо и почти незамѣтно пробираются они въ длинной, густой травѣ или лозникѣ, изъ котораго наши рыбаки плетутъ верши; то звонко журчатъ между камнями, скатывая ихъ въ видѣ маленькихъ плотинъ, снова разрушая свою работу, и вдругъ исчезаютъ подъ кустомъ или провалившимся, полусгнившимъ мостикомъ; то разливаются они на довольно большое пространство, дѣлятся на безчисленное множество тоненькихъ рукавовъ, образуя безчисленное множество островковъ, покрытыхъ изумрудною тиной, золотыми макушками куриной слѣпоты или сплошною голубою скатертью мелкихъ незабудокъ... Однимъ словомъ, я не знаю ничего живописнѣе этого мѣста.

Узенькая тропинка, изгибающаяся по лѣвой сторонѣ Смедовской долины, составляетъ любимую мою прогулку; часто безъ всякой видимой цѣли я отправляюсь изъ Хлыщевки (такъ величаютъ первую мельницу) и направляюсь къ Емельяновкѣ, второй мельницѣ, гдѣ Смедва впадаетъ уже въ Оку. Въ Емельяновкѣ славное молоко и превосходный черный хлѣбъ, который кажется еще превосходнѣе послѣ восьми верстъ прогулки; истребивъ того и другого въ достаточномъ количествѣ, я располагаюсь обыкновенно на скамьѣ подлѣ плотины, болтаю съ дюжими батраками и не менѣе дюжимъ хозяиномъ мельницы и смотрю, какъ спускается солнце за темные сосновые лѣса по той сторонѣ Оки; смотрю, какъ на рѣку выбѣгаютъ тоненькія лодочки рыбаковъ, какъ зажигаются огоньки въ чуть видныхъ деревушкахъ... Затѣмъ я прикутываюсь теплѣе въ шинель и возвращаюсь въ Хлыщевку противоположною стороною долины. Кругомъ все уже стихло и смолкло, кромѣ ручьевъ, которые катятся въ Смедву; изрѣдка крикнетъ коростель или дикая утка, притаившаяся въ береговой осокѣ; сладко прислушиваюсь я къ чуть внятному лаю собаки, къ мѣрному звяканью въ караульную доску, съ отдаленному шуму запоздалой крестьянской телѣжки, скачущей гдѣ-то по пыльному проселку; гляжу не нагляжусь на темные берега рѣки, обрамленные крутыми скатами

долины, посеребренными полнымъ мѣсяцемъ, который медленно плыветъ по темно-синему звѣздному небу.

Разъ какъ-то, въ концѣ іюля, часовъ около шести по полудни, я шелъ по той самой тропинкѣ, о которой сказалъ выше. Солнце замѣтно уже склонилось къ западу, такъ что тропинка, ручьи и весь лѣвый скатъ окутывались тѣнью; совсѣмъ тѣмъ, было, однакожъ, очень жарко; правая сторона долины, облитая косыми лучами солнца, сообщала, казалось, теплоту самымъ тѣнистымъ частямъ противоположнаго берега; тонкій запахъ шиповника, кашки, медуницы и другихъ полевыхъ цвѣтовъ, смѣшиваясь съ запахомъ сырой почвы и тонкихъ лужаекъ, окаймляющихъ ручьи, разливался въ воздухѣ съ приближеніемъ вечера. Круглыя, величественныя облака, сверкающія какъ перламутръ или кованое серебро, медленно бродили по небу, открывая безконечныя перспективы съ синимъ, прозрачнымъ дномъ; съ каждой секундой долина принимала новые оттѣнки; густой, мѣстами темнозеленый, мѣстами темносиній колоритъ тѣнистой стороны отдѣлялъ ее рѣзче и рѣзче отъ пылающаго неба и бѣлыхъ облаковъ; лѣвая сторона окрашивалась между тѣмъ пурпуромъ, и не было, казалось, точки, которая не находилась бы въ движеніи; желтая тѣнь овраговъ быстро бѣжала по откосу, превращаясь въ розовую и фіолетовую; смолистые стволы деревъ превращались въ золото и ярко сверкали между листьями, бросавшими коричневыя, сквозныя тѣни. Вѣтеръ не трогалъ ни однимъ листикомъ, или, лучше сказать, его вовсе не было. Картина оживлялась безчисленнымъ множествомъ стрижей—маленькихъ птичекъ въ родѣ ласточекъ; вырываясь изъ своихъ кругленькихъ норокъ, которыми пробуравлены крутые берега Смедвы, они зигзагами рѣзали воздухъ; изрѣдка, въ вышинѣ показывался коршунъ; вытянувъ неподвижно зубчатыя крылья свои и управляясь однимъ хвостомъ, онъ водилъ плавные круги надъ долиной.

Я былъ уже на половинѣ пути, когда слуха моего неожиданно коснулось протяжное мычаніе и хлясгъ копытъ по влажной почвѣ, возвѣщавшіе, что неподалеку, за какимъ-нибудь откосомъ, находилось стадо. И въ самомъ дѣлѣ, сдѣлавъ двадцать или сорокъ шаговъ, я увидѣлъ стадо, расположившееся по обѣимъ сторонамъ широкаго ручья, шумно вырывавшагося

изъ кремнистаго углубленія, обросшаго высокимъ орѣшникомъ, дикой малиной, душистымъ зорникомъ; хмѣль и ежевичникъ переплетали ихъ тонкіе прутья; вѣтка хмѣлю, упавшая однимъ концомъ въ воду, трепетно вздрагивала, сбрасывая свои желтые цвѣточки въ струйки ручья, быстро изгибавшіяся между плитнякомъ. Крутой скатъ долины углублялся въ этомъ мѣстѣ на довольно значительный полукругъ и былъ какъ-будто приплюснутъ сверху: послѣднее обстоятельство позволяло двумъ-тремъ лучамъ солнца проникать въ углубленіе, пронизывать сочную листву, превращая иной листъ въ сплошное золото, тогда какъ другой сквозилъ и принималъ яркій цвѣтъ изумруда; стадо лежало въ тѣни; и только въ одномъ мѣстѣ лучъ солнца сквозилъ по ребрамъ пестрой коровы и случайно захватывалъ бѣлую голову ея сосѣдки, которая, подогнувъ подъ себя ноги и вперивъ изумленный взоръ на какой-то неизвѣстный предметъ, молчаливо жевала жвачку.

Пастухъ сидѣлъ неподалеку на камняхъ, прикрытыхъ коричневыми лохмотьями сермяжнаго полукафтанья; онъ представлялъ типъ тѣхъ сухонарыхъ, костлявыхъ старичковъ, которымъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить съ точностію лѣта. Черты его исчезаи лвъ безчисленномъ множествѣ тонкихъ морщинокъ, усыпавшихъ его лицо и даже шею, — смуглую, шероховатую, какъ древесная кора; волосы старика, коротко обстриженные на макушкѣ, въ видѣ шапочки, спускавшіеся длинными неправильными космами на лобъ и затылокъ, были между тѣмъ черны, какъ у молодого парня. Въ рѣдкой, чахлой бородкѣ пастуха сильно пробивалась сѣдина. По одной сторонѣ его лежала плетеная берестовая котомка, и рядомъ съ нею порыжѣвшая шляпа съ темнобурымъ носовымъ платкомъ и продолговатою тавлинкою изъ березовой коры. По другой сторонѣ виднѣлось нѣсколько связокъ лыкъ, колодка съ начатымъ лаптемъ и воткнутымъ въ него кочадыкомъ. Старикъ прервалъ свою работу, чтобы приняться за полдникъ, состоявшій изъ огромнаго сукроя чернаго хлѣба, который онъ пережевывалъ съ большимъ трудомъ, перенося поминутно откушенный кусокъ съ одной щеки въ другую; онъ ѣлъ, однакожъ, съ большимъ аппетитомъ; противъ него, у самыхъ ногъ, сидѣла маленькая шаршавая собаченка, съ исполинскими бровями; она не спу-

скала глазъ съ хозяина и каждый разъ, какъ тотъ подносилъ кусокъ хлѣба ко рту, свѣшивала голову то въ одну сторону, то въ другую, немилосердно болтая въ то же время хвостомъ.

Я подошелъ ближе. Заслышавъ шаги, собака быстро приподнялась съ мѣста и съ видомъ крайней озабоченности побѣжала впередъ; не подозрѣвая встрѣтить меня за сосѣднимъ кустомъ, она вихремъ откинулась назадъ и, метаясь, какъ полоумная, вокругъ пастуха, залилась неистовымъ лаемъ, причемъ шерсть ея стала дыбомъ и заходила во всѣ стороны.

— Сизой! Сизой! закричалъ старикъ, потрясая въ воздухѣ рукою, вооруженною хлѣбомъ.—Сизой!.. экой шальной какой, право шальной! Цыцъ! говорятъ; вотъ я-те, погоди!... Ничего, батюшка, ничего, подхватилъ онъ, обращая ко мнѣ доброе лицо свое:—ступай, не бойся: не тронетъ; она не злющая, не кусается...

Сизой заливался съ возрастающей энергіей. Я подошелъ къ пастуху и попросилъ кусокъ хлѣба для собаки.

— Э-э-э? батюшка, нѣтъ, отъ чужого не возьметъ, ни за что не возьметъ! Хоть ты голодомъ мори ее, не возьметъ! Ужъ такая-то нравная собаченка, такой-то жиденокъ, что и-и-и... Сизой! Сизой! вишь шавель какая! Цыцъ, котенокъ! О-о-о, погоди, погоди, постой, вотъ я-те порасхожу, заключилъ старикъ, нагибаясь къ землѣ и дѣлая видъ, какъ-будто схватываетъ палку.

Сизой остановился, поглядѣлъ недовѣрчиво на хозяина, медленно перешелъ ручей, принялъ наблюдательную позу и, убѣдившись наконецъ, что рука пастуха ощупывала только землю, разразился новымъ лаемъ.

— Вотъ поди-жъ ты, даромъ что песъ, а все смыслитъ! сказалъ старикъ, осклабляя беззубыя десны свои и лукаво прищуриваясь:—вѣдь вотъ знаетъ же, что не трону... Такой вороватой собаченки, кажись, я и не видывалъ... Привычлива больно; въ стадѣ съ ней и товарища не надыть: другой разъ въ лугахъ либо на пару́ коровы разбѣгутся, особливо изъ молодыхъ, небывалыхъ въ стадѣ; укажи только: Сизой! глянуть не успѣешь—всѣхъ въ кучу согналъ. Такая-то, право, смышленая, даромъ что отъ земли не видишь!...

Сказавъ это, старикъ, приложивъ ладонь ко лбу, въ видѣ

зонтика, оглянулъ стадо, погрозилъ еще разъ Сизому, сѣлъ на камень и снова принялся за полдникъ. Я расположился подлѣ него на травѣ, и мы разговорились. Изъ словъ старика оказалось, что онъ нанимался пастухомъ въ деревушкѣ, находившейся верстахъ въ трехъ отъ Емельяновской мельницы.

— Самъ-то я не оттолева, примолвилъ онъ: — я изъ Крапиловки: вотъ какъ въ городъ-то ѣдешь, вправо видна бѣлая церковь... большое село такое на самомъ берегу Оки... Да ты, я чай, Крапиловку-то знаешь?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Приволье у насъ большое—не то, что здѣсь, продолжалъ словоохотливый старикъ: — лѣсу-ли, пашни-ли, всего много; да и землица-то не здѣшней чета... вишь, одни кругояры да глина, примолвилъ онъ, указывая на противоположный скатъ долины, позолоченный солнцемъ: — а луга-то какіе? У насъ лугомъ-то идешь, идешь... версты четыре пройдешь, а все конца ему нѣтъ! Супротивъ нашей Крапиловки и мѣста такого не найдешь — всѣмъ взяла. Вотъ развѣ что насчетъ народа... ну, нашъ поплоше будетъ здѣшняго...

— Чѣмъ-же?...

— Бѣдовый! такой-то народъ, и-и-и, Боже упаси! Вѣстимо, коли нашъ братъ отошелъ отъ пашни да присталъ къ этимъ фабрикамъ, добра ждать нечего. Безъ малаго въ двадцать лѣтъ такъ перебаловались всѣ, что житья не стало. Да вотъ, примѣрно, хошь бы мой парнюха—одинъ только и есть,— звали его Мишаха — Михайло — не было бы фабрикъ, не было бы и горя! Баловалъ, баловалъ да и добаловался; самъ, почитай, пропалъ, да и бабенку свою погубилъ; а все народъ сбилъ съ толку...

— Что̀-жъ съ нимъ такое случилось?

— Что̀ случилось: самъ въ бурлаки пошелъ, вотъ ужъ второй годъ скоро будетъ, а меня на старости лѣтъ пустилъ чуть не по міру... Кабы не онъ, такъ я рази сталъ бы такъ-то наниматься въ чужихъ людяхъ? У меня въ Крапиловкѣ-то свой домъ есть... Да, прибавилъ онъ послѣ молчка: — было времячко, не чаялъ, не гадалъ, что будетъ онъ у меня такъ-то стоять пустехонекъ; на все, знать, воля Божья: сколько ни живи, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь...

Старикъ покачалъ головою и остановился. Онъ бросилъ остатокъ хлѣба Сизому, который лежалъ, вытянувъ голову на переднія лапы, уложилъ колодку и лапоть въ котомку, засунулъ лыки за поясъ, понюхалъ табаку и сталъ приготовляться въ дорогу. Натянувъ на плечи полукафтанье, онъ опустился на колѣни у берега ручья, распахнулъ ладонью руки воду и припалъ къ ней губами; утоливъ жажду, онъ перекрестился, надѣлъ шляпу и кликнулъ собаку:

— Сизой, время домой идти... ась? ну, что, глупый, хвостомъ-то размахался? вѣстимо пора; вишь солнышко-то гдѣ, и не видать отселева... ступай, сдѣлай-ка вотъ тамъ распорядокъ!... заключилъ пастухъ, указывая рукою на двухъ-трехъ коровъ, гулявшихъ въ отдаленіи у рѣки.

Сизой полетѣлъ стрѣлою. Немного погодя, стадо поднялось съ мѣста и, разсѣявшись по кустамъ, начало взбираться по крутому скату долины. Пастухъ перебросилъ за спину котомку, взялъ палку, и мы пошли слѣдомъ, по узенькой тропинкѣ, мѣстами заслоненной орѣшникомъ. Съ этой минуты Сизой уже изчезъ изъ виду; до насъ долеталъ лишь голосъ его, раздававшійся то тутъ, то тамъ, смотря потому, въ какую сторону направлялось стадо.

Вскорѣ мы достигли вершины ската; тропинка сливалась незамѣтно съ широкимъ проселкомъ, изрытымъ глубокими колеями, который тянулся по одному направленію съ долиной; очутившись на немъ, съ трудомъ вѣрилось, однакожъ, чтобы поблизости могли находиться какіе-нибудь признаки живописнаго мѣстоположенія; справа, съ той стороны, откуда мы поднялись, горизонтъ замыкался кустами; слѣва разстилались неоглядныя глинистыя и худо обработанныя поля; передъ нами клубилось облако пыли, поднятое стадомъ и зарумяненное косыми лучами солнца.

Нѣкоторое время мы шли молча. Я думалъ о томъ, какъ бы завести разговоръ о сынѣ и снохѣ старика. Иногда бываетъ такъ, что ничтожнѣйшій намекъ на какое нибудь событіе возбуждаетъ самый сильный интересъ; въ другое время слушаешь съ невозмутимымъ равнодушіемъ происшествіе, дѣйствительно заслуживающее вниманія не знаю, происходитъ ли это вслѣдствіе болѣе или менѣе хорошаго расположенія духа, или по другимъ причинамъ,—знаю только, что два-три слова, сказанныя

старикомъ по поводу его сына, возбудили сильнѣйшимъ образомъ мое любопытство. Я хотѣлъ уже приступить къ разспросамъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, старикъ предупредилъ меня; болтливый, какъ всѣ старики, долго жившіе въ одиночествѣ, онъ видимо радовался встрѣчѣ съ собесѣдникомъ; быть-можетъ, бѣднякъ по цѣлымъ днямъ никого не видалъ, кромѣ Сизаго.

— Такъ ты, говоришь, знаешь Крапиловку-то?... сказалъ онъ, вѣроятно, съ цѣлью возобновить бесѣду.

— Какъ-же! не разъ даже приводилось бывать.

— Когда жъ ты тамъ былъ? спросилъ онъ, устремивъ на меня нетерпѣливые глаза.

— Нынѣшнею весною...

— Да, въ эту пору у насъ привольное житье! съ живостью перебилъ старикъ:—особливо, коли ты засталъ водополье— и, чай, видѣлъ, какъ наши-то по рѣкѣ погуливаютъ; вѣдь вотъ круглый годъ сидятъ за станомъ да челнокомъ постукиваютъ, а какъ разольется моремъ-океаномъ наша Ока, верстъ на семь отъ берега до берега, такъ, небось, работу-то пустую побросаютъ: кто за бредень, кто за вершу, кто за что гораздъ... Какъ фабрикъ этихъ у насъ не было, всѣ мы, отъ мала до велика, этимъ рукомесломъ промышляли; у каждаго, бывало, своя лодка; а кто позажиточнѣе, такъ по двѣ, либо по три... И то сказать надо, въ тѣ поры и рыбы-то было какъ-то побольше: бывало деньденьской все на водѣ да на водѣ; иную пору ночь-то въ лодкѣ проспишь; житье было знатное, не то, что здѣсь: ну, что̀ тутъ: буераки, крутояры, глина... промолвилъ онъ такимъ тономъ, какъ-будто Смедовская долина была степь и отстояла отъ Оки на цѣлую тысячу верстъ.

Старикъ прошелъ молча нѣсколько шаговъ, потомъ обратился ко мнѣ совершенно неожиданно и сказалъ:

— А я такъ вотъ ужъ давно въ Крапиловкѣ-то не бывалъ... зимой, объ масляной будетъ два года.

— Что̀ жъ такъ?

— Да такъ, охоты нѣтъ! отвѣчалъ онъ, тряхнувъ головой съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ! — иной разъ, какъ словно и потянетъ тебя: „сходи да сходи“, а придешь—вотъ хошь-бы въ прошлую святую — придешь, такая-то тоска припадетъ къ тебѣ,—лучше бы и не ходилъ! Промежъ чужихъ людей живешь

глазъ-то тебѣ никто не колетъ, а какъ придешь къ своимъ, такъ словно каждый тебя позоритъ... Вѣстимо, послѣ того, что̀ въ нашей семьѣ прилучилось, не только на людей, да и на домъ-то на свой зазорно смотрѣть... А все нашъ народъ виною, особливо вотъ эти фабричные ребята... у-у-у, Боже упаси! Кабы не они, мой бы Мишаха-то жилъ-бы о-сю пору въ дому, жилъ бы ладно и безобидно съ женою... да и я бы, на старости лѣтъ, на мѣсто того, чтобы стадо гонять, няньчился бы съ ихними ребятенками, въ свободное время ловилъ бы рыбу въ Окѣ,—и жили бы мы, лиха не чая.

— Что̀-жъ такое сдѣлалъ твой Михайло, что тебѣ совѣстно изъ-за него показаться въ Крапиловкѣ? спросилъ я.

— А что̀ сдѣлалъ?... вѣстимо недоброе дѣло; да онъ что̀: только въ бурлаки пошелъ, да годикъ потосковалъ; а вотъ жальчѣе всего его бабенку: та совсѣмъ пропала, загубилъ ее, лучше бы ей не рождаться...

Я сталъ упрашивать пастуха разсказать мнѣ во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ исторію его сына. Старикъ не долго отнѣкивался; онъ, можетъ-статься, самъ былъ очень радъ высказать то, что̀, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не находило случая высвободиться изъ груди его.

— Этому теперь лѣтъ пятокъ будетъ, началъ онъ: — жилъ я тогда своимъ домкомъ; хозяйки у меня не было: померла еще съ-молоду. Оставила она меня одного съ Мишуткой. Въ ту пору нашъ народъ сталъ впервые заводиться станами, да брать работу на фабрикахъ. Вотъ и говорятъ мнѣ: „дядя Савелій—говорятъ—что ты своего Мишутку держишь въ домѣ? отпусти его пряжу или шпули мотать: вѣдь онъ малъ, малъ, а въ годъ-то все добудетъ тебѣ рублишковъ десять... отпусти его!“ Хоть и нужда, признаться, была, а такія слова куда пришлись мнѣ не по-сердцу. Ка̀къ—думаю себѣ—примѣрно вотъ такъ-то самъ съ собою раздобариваю—ка̀къ, и дѣды наши, и отцы наши, и прадѣды наши были рыбаками, фабричнымъ дѣломъ не промышляли, и дѣло-то, думаю, самое пустое, да и самъ-то я весь свой вѣкъ съ бреднемъ либо съ вершей возился, а парнюху моего такъ бы и отпустить на фабрику! Нѣтъ, думаю, погодите молъ: супротивъ нашего рыбацкаго рукомесла не найдешь другого; привыкъ я къ нему съизмаленьку; да и рука у меня счаст-

ливая; нѣтъ, думаю, не пущу Мишутку, ни за что не пущу на фабрику, пропадай они совсѣмъ съ ихъ деньгами. Сталъ я такъ-то думать, а они опять приступали: „отпусти да отпусти“, ловъ — говорятъ — годъ отъ году плоше да плоше, да и то сказать надо, помощь въ немъ невѣсть какая... Время было въ тѣ поры больно тугое, вижу, всѣ у насъ, не токмо взрослые, — и малые сидятъ за работой, что, думаю, должно быть ужь такія времена пришли; думалъ, думалъ, да и свернулъ на ихнее: отдалъ Мишутку на фабрику богатому сосѣду — Карпомъ звали. Сталъ онъ у меня шнули мотать. Что̀ говорить напраслину? на первыхъ порахъ я въ немъ худого ничего не видалъ; парнишка былъ со смысломъ, толковый такой; сталъ онъ у меня подростать; живетъ годъ на фабрикѣ, живетъ другой, посадили его за станъ; еще годика два прошли... Ну, тутъ ужъ прошло совсѣмъ не то. Глядишь, мой парнюха то съ дѣвками забавляется, то въ трубочку покуриваетъ, то подерется съ кѣмъ... Знамо, человѣкъ молодой, что увидалъ, то и самому надо дѣлать! Недаромъ говорятъ: за добромъ идти, что за кладомъ: три версты пройдешь, да умаешься, а худое-то подъ рукой лежитъ: вокругъ него народъ все избалованный, — и табашники, и пьяницы, и сволочь всякая фабричная... чѣмъ бы къ добру наставить, сами потачку даютъ! Мнѣ опосля говорили: „Чего-жъ ты самъ-то смотрѣлъ!“ Чего смотрѣлъ, чего смотрѣлъ... Чего мнѣ смотрѣть! Я нешто мало говорилъ? иной разъ и за вихоръ возьмешь, — да впрокъ не пошло; вѣстимо, дѣтище-то свое — не чужое: одна рука бьетъ, а другая гладитъ; о-охъ, спохватился я, да ужъ поздно: вижу, совсѣмъ избаловался мой Мишакъ. Вотъ то-то, глупая-то дурость моя... Что̀ ты станешь дѣлать!... Вотъ, батюшка, какъ я тогда сказалъ тебѣ, этому будетъ назадъ лѣтъ пять. Мишкѣ моему было годковъ осемнадцать. Сижу я разъ подъ-вечеръ, приходитъ ко мнѣ Карпъ Ивановъ, а Мишка жилъ ужъ не у него, у другого хозяина, — приходитъ, и давай выговаривать: — „Уйми — говоритъ — дядя Савелій, парня, ой уйми — говоритъ — провѣдалъ я, бѣгаетъ онъ за моей дѣвкой; мотри, не было бы худо!“ — „Вѣстимо, молъ, Карпъ Ивановичъ, хорошее-ли это дѣло... я — говорю — потачки ему не дамъ!“ Потолковали да и разошлись. Въ тотъ же вечеръ разсказалъ я все Мишкѣ: куда тебѣ! и руками и ногами! отпирается; знать —

говоритъ, — не знаю, вѣдать — говоритъ — не вѣдаю, бабы — говоритъ — натолковали да и все тутъ! И такъ, безстыжій, такъ вотъ въ глаза прямо и смотритъ. Я ему вѣру и далъ и жилъ я, ничего не чаялъ, пока не прилучился грѣхъ... Что ты станешь дѣлать!... Прибѣжалъ Карпъ, прибѣжала жена его, подняли крикъ, содомъ такой. „Что, братцы — говорю я имъ — крикомъ дѣла не поправишь; мы — говорю — съ васъ ничего не просимъ; отдайте намъ дѣвку, отдайте — говорю; по крайности хоть сраму на себя не примете...“ Покричали, покричали, да потомъ и положили. Сыграли свадьбу и перевезли молодую въ мой домишко. Мишутка мой какъ словно притихъ; день-деньской работаетъ, изъ дому не вызовешь; въ одну зиму три основы справилъ. Я, признаться, не ждалъ большого добра отъ нашей молодой, а вышло другое: баба вышла такая, что лучше, кажись, и не надыть: смирная, покорная, и ужъ такъ-то полюбился ей мой парень, такъ полюбился, что только и наровитъ, какъ бы ему угодить въ чемъ. Ей полюбился мой Мишутка, а она мнѣ добре по нраву пришлась: такая-то была добрая да ласковая бабёнка. Прожилъ я съ ней зиму и такъ привыкъ, что коли, бывало, уйдетъ куда, ждешь не дождешься: „куда ушла, молъ, наша Параша“, только и на умѣ. Къ исходу весны родила она дочку. Хозяйство наше было не велико, а какъ хозяйка-то слегла на время, — и совсѣмъ некому стало заправлять домомъ. Зазвали мы на ту пору батрачку править домомъ: была она старая дѣвка и проживала на фабрикѣ у Карпа... О-охъ, такая была, такая, что и-и... да кто ее зналъ прежде... опосля только свѣдали... Вотъ, батюшка, съ того самаго времени, какъ поступила она, все пошло у насъ не такъ, какъ было прежде... И что за человѣкъ такой была эта Лукерья, такъ Боже упаси! Мутитъ, дуритъ, и не уймешь ничѣмъ; скажешь слово—бѣда, разлютуется, и пошла, пошла, хошь изъ дому вонъ бѣги. Завладѣла всѣмъ домомъ, а пуще того завладѣла Мишкой... и диковинное это дѣло! старая, кривая, а вѣдь вотъ влѣзла же ему въ душу: обошла она его, либо другое что, а только души въ ней не чаялъ. Что ни день, ссоры да крикъ. Чѣмъ бы за жену вступиться, Мишка во всемъ потакаетъ Лукерьѣ... Я и давай выживать ее изъ дому. Какъ выжилъ, пошло еще хуже: встрѣнется съ нею на улицѣ, либо въ другомъ мѣстѣ, натребеситъ, наплететъ она ему нивѣсть что на жену; придетъ онъ домой—и давай, и давай...

Ужъ я и говорилъ-то ему и стращалъ-то всячески — нѣтъ! ничего не беретъ. Вижу, Параша моя стала сохнуть; ночи не спитъ, нивѣсть что бормочетъ, днемъ ни съ кѣмъ ни слова не молвитъ... И дожили мы до горя, до такого горя, что и вспомянуть такъ тяжело!... Взяла это она разъ ночью (дѣло было лѣтнее), взяла своего ребенка и сбѣжала съ нимъ нивѣсть куда... На другое утро, хвать-похвать, нѣтъ Параши да и полно! Искали, искали, думали: утопилась, либо другое что; въ городъ объявили, — нигдѣ не нашли; такъ и пропала. Прошелъ годъ — ни слуху, ни духу. Много принялъ я горя въ этотъ годъ. Кажинный день вспоминалъ я нашу бабёнку и больно жалѣлъ о ней; жалѣлъ также и о внучкѣ; тошнѣй того было мнѣ смотрѣть на Мишку. Привязался онъ къ этой Лукерьѣ, — словно околдовала она его, словно зельемъ какимъ къ себѣ приворожила; хошь бы разъ вспомянулъ о женѣ! точно ея и не бывало! Ходилъ онъ попрежнему на фабрику, да только жилъ-то не попрежнему: сталъ за частую хмѣльнымъ зашибаться; вмѣстимо, вино — врагъ человѣку; что ни выработаетъ, все пропьетъ, либо прокантуетъ. Всему научила фабричная жизнь, а пуще того — Лукерья. Совсѣмъ сгибъ мой Мишаха; я ужъ и рукой махнулъ: вмѣстимо, думается, гдѣ мнѣ, старику, совладать съ нимъ! Такъ было до того времени, какъ случай привелъ намъ провѣдать про жену его и ребенка Вотъ какъ это было. Пріѣзжаетъ къ намъ, въ Крапиловку, подъ осень, купецъ съ краснымъ товаромъ. Карпъ Ивановъ, отецъ Параши, приводился ему какъ-то съ родни. Заночевалъ у него купецъ — человѣкъ былъ старый и кредитный — заночевалъ, да и разсказываетъ: — „Грѣхъ, говоритъ, на душу не приму, заподлинно не знаю, а сдается мнѣ, видалъ я вашу Парашу“; говоритъ гдѣ встрѣтилъ и гдѣ примѣрно видѣлъ, — и мѣсто разсказалъ, гдѣ примѣрно найти ее. Дошла эта вѣсть и до Мишки. Въ началѣ ему какъ словно и нуждушки нѣтъ задурилъ еще пуще; потомъ какъ словно притихъ на время. Вотъ я и говорю ему: „Миша, говорю, дурью позасорилъ ты голову, худымъ товаромъ ты торгъ повелъ... рано ли, поздно ли говорю — Господь тебя покараетъ“ — говорю да смотрю на него. Молчитъ. Опять на день либо на два пропадетъ: пьянствуетъ безъ просыпу, словно горе какое у него на душѣ. Другой разъ недѣлю цѣлую изъ дому не выходитъ. Пить не пьетъ, хлѣба въ ротъ не беретъ; упрется локтями въ столъ, сидитъ — съ мѣста не тронется. Сидитъ онъ такъ-то разъ да и говоритъ мнѣ: „Батюшка,

говоритъ, за что я погубилъ ее!“ Кого, говорю, погубилъ?— „Парашу погубилъ, говоритъ; каюсь, говоритъ, предъ людьми и передъ Господомъ!...“ И сталъ онъ тутъ припоминать свое прежнее житье-бытье: какъ полюбилась ему Параша, и что она ему въ ту пору говорила, — слова, кажись, единаго не пропустилъ... Да вдругъ, батюшка, какъ ударится о земь и давай плакать. — „Нѣтъ, говоритъ, силушки моей нѣтъ, совѣсть замучила... пойду, говоритъ, я къ ней, пойду да приведу домой. Жизнь опостыла мнѣ, покаюсь, говоритъ, предъ людьми и передъ Господомъ!!...“ Я до смерти обрадовался; слава-те, Господи, думаю; помолились мы Богу, а на другой день Михайло мой пошелъ въ дорогу. Шелъ онъ безъ малаго недѣлю, — шелъ словно въ потемкахъ: вѣстимо, дороги-то хорошо не зналъ, да и въ мошнѣ-то всего одинъ полтинникъ. Ну, и нашелъ онъ ее... О-охъ! и вымолвить страшно. Самъ опосля мнѣ все повѣдалъ. Вотъ, батюшка, какъ дѣло было: убѣжала она отъ насъ въ другую губернію и нанялась батрачкой въ домѣ у одного богатаго мужичка. Страха, что ли, боялась она, а только и выдай себя за вдову! Жила такъ-то у нихъ полгода и всѣмъ полюбилась, а пуще того хозяйскому сыну. Что̀ ты станешь дѣлать? Что̀ ужъ, сказывали, ни дѣлалъ онъ: и къ ворожеямъ ходилъ, и къ знахарямъ, да и заманилъ ее,—заманилъ и стали жить все одно, что мужъ съ женою... Вѣдь вотъ какой великій грѣхъ вышелъ! Какъ провѣдалъ Мишаха мой обо всемъ этомъ, „такъ, говоритъ, и грохнулся о земь. Сколько пролежалъ, не помню“. Всталъ и давай караулить. Выждалъ; видитъ, идетъ она на рѣчку; онъ къ ней. „И злобы, говоритъ, въ ту пору, не было у меня никакой; какъ увидѣлъ, словно, говоритъ, отлегло отъ сердца; и она, говоритъ, словно вздрогнула; стоитъ, а сама такъ вотъ вся и трясется...“ Сталъ онъ ей выговаривать: „Знаю, говоритъ, все про тебя, все, говоритъ, знаю; я твой погубитель, я стану отвѣтъ держать за тебя предъ людьми и предъ Господомъ, не поминай, говоритъ, что прошло, пойдемъ со мной!...“ Она не пошла. И говоритъ это она ему: „Губи меня, говоритъ, губи, коли хочешь, а я съ тобой не пойду!“ Пришелъ мой Михайло назадъ въ Крапиловку,— пришелъ весь ободранный, и лица на немъ нѣту. Весь эвтотъ день ходилъ какъ шальной, слова не молвилъ. Такъ пробылъ онъ цѣлую недѣлю; потомъ опять запилъ, загулялъ, и, кажись, конца этому не было. Пьянствовалъ, пьянствовалъ, да и разскажи своимъ товарищамъ-фабричнымъ про жену свою. А тѣ его надоумили: „Подай,

говорятъ, на нее бумагу...“ Онъ и подалъ; а какъ провѣдалъ, что жену привезли да посадили въ нашъ острогъ, чуть съ ума не свихнулся; напала на него хвороба-горячка. Въ это время я не разъ въ острогъ навѣдывался къ Парашѣ. Какъ ни придешь, бывало, плачетъ, либо молится... И велика грѣшница; великій грѣхъ приняла на душу, а все жаль. Судили ее, судили и повезли въ Москву для пересылки. Михайло лежалъ въ больницѣ; я остался дома одинъ какъ перстъ. Тоска такая на меня напала. Ноетъ мое сердце да и полно: словно змѣя какая повилась вокругъ и сосетъ его... Дай, думаю, пойду-ка я въ Москву; погляжу-ка еще разъ на Парашу, да прощусь съ ней. Сборы не Богъ вѣсть какіе были: взялъ хлѣбца, перекрестился, да и пошелъ. Москва, самъ вѣдаешь, не больно отъ насъ далече. Пришелъ туда я въ самыя святки. Спрашиваю, какъ мнѣ повидаться съ ней, съ Парашей-то! „Такое-то, молъ, и такое дѣло прилучилось“. — „Понавѣдайся, говорятъ, въ тюрьму, туда, говорятъ, сродственниковъ-то пусчаютъ.“ Сказали, какъ и куда пройдти. Дорогой купилъ ей на послѣднія кресть; оставалось всего три гроша; что ихъ жалѣть, думаю, — купилъ ей сайку. Прихожу, спрашиваю, а ее ужъ сдали на Воробьевы горы, въ пересыльный замокъ. „Воскресенье утромъ, говорятъ, отправлять будутъ.“ Дождался воскресенья — и туда; какъ теперь помнится... самъ иду, а сердце-то у меня такъ вотъ и ломитъ, такъ и ломитъ... Прихожу. Большущіе дома такіе настроены, кругомъ заборы да загородь, стоятъ вездѣ часовые. Я къ нимъ. „Маленько, говорятъ, запоздалъ, теперь нельзя, молебствіе идетъ, а вотъ обойди, говорятъ, кругомъ, увидишь ворота, тамъ и жди... скоро поведутъ, и поведутъ въ тѣ ворота...“ Такіе добрые, привѣтливые... „Спасибо, молъ, братцы, что не отогнали, добромъ промолвили...“ Какъ сказали они, такъ и сдѣлалъ. Ощупалъ пазуху: крестикъ тутъ и сайка тутъ; стою и жду. Влѣво отъ меня березовая роща, такъ вотъ вся и шумитъ... Вѣтеръ былъ добре-великъ. По правую руку вся Москва видна; мѣсто высокое, — куды противъ здѣшняго! Въ тѣ поры плохо было только видно: снѣгъ валомъ-валилъ, да и время было пасмурное. Вотъ, слышу, загремѣли ворота! вывели ссыльныхъ; смотрю, и Параша моя тутъ: бѣлехонька какъ известь, лица нѣту, стоитъ, сердечная, словно убитая. Я пододвинулся ближе; а тутъ священникъ стоитъ; я къ нему: „Батюшка, говорю, вотъ, говорю, пришелъ проститься... кре-

стикъ, говорю, принесъ... вонъ та, говорю, бабенка-то, что подлѣ подводы-то... заставь за себя Богу молиться..." Взялъ онъ у меня крестикъ... я саячки не посмѣлъ отдать: такъ и осталась за пазухой. Подняла Параша голову, увидала меня, да такъ вотъ, батюшка... такъ... такъ вотъ... такъ и залилась, и залилась. „Батюшка, говоритъ, батюшка... о-охъ, помолись за меня, грѣшную..." да дальше-то ужъ и не выговоритъ ничего. Надѣлъ священникъ на нее мой крестъ, перекрестилъ ее и сталъ уговаривать; потомъ отошелъ, обратился ко всѣмъ да и говоритъ имъ; а они стоятъ всѣ въ рядъ, по обѣимъ сторонамъ солдаты; отошелъ да и говоритъ: „Дѣти, говоритъ, помолитесь Богу и проститесь съ родной землей... проститесь въ послѣдній разъ съ Москвою..." И чего ужъ, кажись, батюшка, вѣдь вотъ тутъ нивѣсть какого народу не было; другой и душегубецъ, либо разбойникъ какой, а какъ сказалъ онъ имъ это слово, такъ вотъ всѣ навзрыдъ и залились; и меня самого слеза пробила. Тутъ забили въ барабаны, и пошли они въ дальнюю дорогу... Въ тотъ же день пошелъ я домой. Михайло мой въ это время какъ словно маленько поправился; мало-по-малу совсѣмъ сталъ на ноги. Да не въ прокъ пошло ему здоровье. Весну цѣлую ходилъ безъ дѣла, и лѣто также. „Охоты, говоритъ, ни къ чему нѣтъ", да и все тутъ; что ты станешь съ нимъ дѣлать! Ходилъ онъ такъ-то, почитай, все лѣто, по осень опять загулялъ; курилъ, курилъ да и закабалился въ бурлаки; будетъ этому скоро два года. А все вѣдь, батюшка, коли поглубже плыть въ этомъ дѣлѣ,—все вѣдь фабричная жизнь виновата... Эхъ, кабы не послушался я тогда нашего народа, повелъ бы парня по отцовскому рукомеслу, такъ вѣстимо не то бы и было: наша рыбацкая жизнь простая,—не то, что ихная—фабричная!.. Остался я такъ-то одинъ-одинешенекъ. Добре тоска одолѣла меня. Къ тому и зазорно было какъ-то глядѣть на своихъ-то: опостыла мнѣ Крапиловка, да и домъ-то опостылъ совсѣмъ; землю свою сдалъ я сосѣду, а самъ пошелъ въ наймы къ чужимъ людямъ... Въ Крапиловку почитай что я теперь и не заглядываю; какъ заглянешь туда, самъ спокаешься; ходишь, ходишь потомъ,—словно камень на сердцѣ лежитъ у тебя... Лучше вотъ и не ходить... Богъ съ ними!..

— А что-жъ сталось съ Лукерьей? спросилъ я, послѣ минуты молчанія: — неужто она о-сю пору живетъ въ Крапиловкѣ?

— Нѣтъ, батюшка, давно пропала... померла прошлую весну, послали ее, слышь, въ погребъ: оступилась да и повихни себѣ ногу... нога болѣла, болѣла, пухла да и сгубила ее... Во всемъ, сказывали мнѣ, спокаялась, во всѣхъ лихихъ дѣлахъ своихъ!..

Старикъ снова замолкъ и потупилъ голову.

Мы прошли съ четверть версты, не сказавъ другъ другу ни слова. Во все это время Сизой шелъ подлѣ. Изрѣдка махалъ онъ хвостомъ и забѣгалъ впередъ, чтобы устремить на хозяина желтые зрачки свои, заслоненные вкривь и вкось исполинскими, шаршавыми бровями. Онъ видимо былъ почему-то не въ духѣ; но мрачное расположеніе Сизаго не было, однакожъ, продолжительно. Какъ только стадо свернуло съ дороги влѣво по направленію къ деревнѣ, гдѣ нанимался пастухъ, Сизой залился звонкимъ лаемъ и, распушивъ хвостъ, полетѣлъ дѣлать распорядокъ, какъ говорилъ дядя Савелій.—Густое облако пыли, не сквозившее уже отъ солнечныхъ лучей, которые только-что потухли на горизонтѣ, скрыло отъ меня и стадо, и Сизаго. Вскорѣ я потерялъ изъ виду и самого дядю Савелья.

Я удвоилъ шагъ, чтобы скорѣе дойти до мельницы. Въ воздухѣ чувствовалась уже свѣжесть, которая свидѣтельствовала, что Ока не очень далеко; дорога начинала опускаться; бока долины понижались, расходились амфитеатромъ и сглаживались съ дальнею мѣстностью. Немного погодя, на огненномъ, постепенно блѣднѣющемъ небѣ обозначилась фіолетовая, слегка зарумяненная линія горизонта; еще нѣсколько шаговъ впередъ—и я увидѣлъ Оку; тамъ выступили луга съ послѣднимъ заворотомъ Смедвы; ближе всего, почти подъ ногами, возносились темныя, неправильныя группы ветелъ; кой-гдѣ, сквозь сучья, проглядывало багровое небо; тутъ же, между стволами ветелъ, чернѣла плотина и на одномъ концѣ ея рисовалась причудливая профиль мельницы съ прилѣпленными къ боку амбаромъ, спускомъ для воды и колесами; на боку лежала опрокинутая лодка. Ветлы съ своими огненными просвѣтами, плотина съ своими шестами, тварями, растянутымъ бреднемъ и самая мельница цѣликомъ перекидывались въ широкомъ, сверкающемъ прудѣ; на поверхности его, гладкой какъ розовое зеркало, играла рыба и появлялись затѣмъ кружки, которые расширялись и зазубривали дрожащими, серебряными нитками то мѣсто, гдѣ отражалась мельница.

Окрестность между тѣмъ темнѣла, и въ ясномъ, постепенно синѣющемъ небѣ начинали зажигаться звѣзды. До слуха доносились какіе-то неясные, замирающіе звуки... Наконецъ все смолкло и окуталось тѣнью... Въ окнѣ мельницы мелькнулъ огонекъ и заигралъ въ водѣ вмѣстѣ съ звѣздами...

Минуту спустя, я стоялъ уже на плотинѣ и бросалъ прощальный взглядъ на Смедовскую долину.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

(ПОВѢСТЬ НА НОВЫЙ ГОДЪ).

I.

СУМЕРКИ.

Я долженъ начать съ сумерекъ: это неизбѣжно. Другіе, на моемъ мѣстѣ, поступили бы, можетъ быть, иначе; это ихъ дѣло; но я не могу принять на себя такой отвѣтственности и начинаю сумерками. Во-первыхъ, я рѣшительно не постигаю, что могло бы быть предосудительнаго въ такомъ началѣ? Во-вторыхъ, я не встрѣчалъ еще смертнаго, который не чувствовалъ бы особеннаго влеченія къ сумеркамъ. Начиная съ людей зрѣлаго возраста, словомъ сказать: людей солидныхъ, степенныхъ, которые сознаются, что нѣтъ высшаго наслажденія, какъ сидѣть въ сумерки передъ каминомъ и, переваривая сытный обѣдъ, прихлебывать въ то же время кофе съ коньякомъ или коньякъ безъ кофе, и кончая молодыми людьми, радостно ожидающими четырехъ часовъ вечера, чтобъ взять подъ мышку портфель и ловко пройтись по Невскому проспекту; кончая даже ничтожнымъ, жалкимъ какимъ-нибудь сверчкомъ, который съ явнымъ нетерпѣніемъ сторожитъ минуту

солнечнаго заката, чтобъ затянуть свою пѣсню—всѣ, рѣшительно всѣ любятъ сумерки!

Но смѣю увѣрить, всѣхъ этихъ причинъ было бы, можетъ статься, еще не довольно, еслибъ точно не предстояла мнѣ самая крайняя надобность начать именно сумерками. Это фактъ, противъ котораго станутъ спорить тѣ только, которые, по какимъ бы то ни было личнымъ причинамъ, не захотятъ вникнуть въ положеніе человѣка, принявшаго на себя обязательство прослѣдить за всѣми періодами длиннаго зимняго вечера. Всякій вечеръ—это ужъ несомнѣнно—начинается сумерками, и, слѣдовательно, повѣсть, имѣющая предметомъ изображеніе вечера, неизбѣжно должна начаться съ сумерекъ; самая логика нѣмѣетъ передъ такимъ выводомъ.

И такъ, чтобъ не откладывать дѣла въ долгіе ящики, совѣтую вамъ зажмурить скорѣе глаза, мысленно закутаться въ шинель или шубу, и представить себѣ, что вы прогуливаетесь въ пятомъ часу вечера по петербургскимъ улицамъ.

Сумерки только-что начались. Блѣдно-зеленый закатъ разливаетъ холодный полусвѣтъ на кровли домовъ; мало-по-малу въ глубинѣ улицъ все начинаетъ сѣрѣть и меркнуть; въ потемнѣвшемъ небѣ зажглась ужъ первая звѣзда—звѣзда любви, какъ называютъ ее обыкновенно въ провинціи, потому, вѣроятно, кто тамъ любятъ засматриваться на нее барышни... Но петербургскія барышни мало занимаются астрономіей; въ Петербургѣ думаютъ только о Невскомъ проспектѣ—этой звѣздѣ петербургскихъ улицъ! Но это мимоходомъ. Съ каждой секундой дневной свѣтъ замѣтно уступаетъ шагъ сумеркамъ; пѣшеходы съ трудомъ различаютъ черты другъ друга; только и видишь, что бороды, усы и мѣховые воротники, опушенные инеемъ. Страшно-холодно! Такого холоднаго вечера не было еще, кажется, во всю зиму. Закутайтесь плотнѣе въ шубу (этакая, право, отличная выдумка эти шубы!), закутайтесь плотнѣе и ускоримъ шагъ. Предметы путаются, мѣшаются съ темнотою; мы перестаемъ различать бороды, усы и воротники, осыпанные снѣжными иглами. При трепетномъ мерцаніи звѣздъ, которыми осыпалась теперь неизмѣримая глубина небеснаго свода, смутно даже обозначаются верхнія части домовъ съ ихъ кровлями и цѣлымъ милліономъ трубъ, которыя, какъ окаменѣлое море, безмолвно высятся и про-

падаютъ въ пространствѣ... Замѣчаете ли вы, какая тишина овладѣла вдругъ городомъ? Точно сибаритъ, переваривающій свой обѣдъ и заснувшій въ сумерки подъ каминомъ. Вы различаете отдѣльные звуки; пѣсня извощика-ваньки въ отдаленьи, колоколъ, визгъ колесъ по снѣжной, насквозь промерзнувшей мостовой, чего никакъ не услышишь въ другое время дня, когда тысячи отдѣльныхъ звуковъ сливаются въ одно общее неопредѣленное журчанье, схожее съ звукомъ, который издаютъ морскія раковины, приставленныя къ уху. Городъ, какъ бы утомленный страшною суетою утра, притихъ на минуту и собирается съ свѣжими силами для препровожденія такого же суетливаго, хлопотливаго вечера. Но морозъ никого не разбираетъ, и повѣрьте, всѣ столичные носы, которымъ вздумается въ этотъ вечеръ высунуться на воздухъ, всѣ носы безъ исключенія, начиная съ греческаго носа, которымъ такъ справедливо гордится франтъ, и кончая крупнымъ носомъ лавочника—всѣ почувствуютъ въ равной степени холодъ! Никакъ не менѣе двадцати градусовъ! А говорятъ еще, что въ Петербургѣ теплѣе, чѣмъ въ другихъ сѣверныхъ столицахъ! Хорошо и здѣсь: вы чувствуете на лицѣ что-то похожее на остріе бритвы: такъ и рѣжетъ! бррр!! Къ этому, впрочемъ, надо сказать, сильнѣйшимъ образомъ способствуетъ вѣтеръ. Онъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу тѣхъ всемогущихъ, свойственныхъ одному только Петербургу вѣтровъ, который, если стать на перекресткѣ, хоть, напримѣръ, у „Пяти угловъ“, будетъ дуть на васъ со всевозможныхъ концовъ свѣта въ одно и то же время, и, что всего замѣчательнѣе, будетъ дуть непремѣнно до тѣхъ поръ, пока не наградитъ васъ жабой; не говорю о флюсѣ: это само собою разумѣется. Таково ужъ, видно, свойство этого вѣтра.

Все идетъ, однакожъ, своимъ обычнымъ порядкомъ. Сигналомъ городского пробужденія были, какъ и всегда, фонарщики; закутавшись съ головы до ногъ рогожей, придерживая одной рукой складную лѣстницу, другой рукой фонарь, они неожиданно, какъ привидѣнье въ театрѣ, явились на всѣхъ углахъ и тотчасъ же принялись за свое дѣло. Сквозь мракъ, окончательно сгустѣвшій, мелькнули сначала рѣдкіе огоньки, потомъ, какъ бы перескакивая съ мѣста на мѣсто, они разбѣгались по всѣмъ направленіямъ, и наконецъ стали вытягиваться стройными, сверкающими линіями. Казалось издали, какъ-будто исполинская, невидимая рука торопливо

водила огненнымъ перомъ, спѣша обозначить планъ огромнаго города... Нижнія части домовъ поминутно выступали изъ мрака; длинныя волнующіяся тѣни бѣгали по освѣщеннымъ стѣнамъ и, выростая наравнѣ съ кровлями, чуть ли не досягали до краснаго зарева, все шире и шире распространявшагося надъ столицей. Человѣкъ, незнакомый съ Петербургомъ и подъѣзжающій къ нему въ эту минуту, легко могъ подумать, что городъ въ опасности и пылаетъ со всѣхъ концовъ; зарево виднѣлось въ десяти верстахъ: то былъ, однакожъ, отблескъ нѣсколькихъ сотенъ газовыхъ фонарей, которыми каждый вечеръ убирается Невскій проспектъ. Городъ свѣтлѣлъ и оживалъ съ каждою секундой. Толпы народа шумно высыпали на тротуары; экипажи съ своими фонарями, похожими на два глаза, стремительно неслись съ Литейной, Морскихъ, Садовой и проч. и проч. Вскорѣ въ улицахъ стало тѣсно, городской шумъ дѣлался слышнѣе и слышнѣе; можно было думать, что постепенно, одну за другой, отворяли шлюзы исполинской плотины.

Впрочемъ, въ этотъ вечеръ все необходимо должно было шумѣть и волноваться болѣе обыкновеннаго; вечеръ этотъ былъ, безспорно, самый замѣчательный изъ числа трехсотъ-шестидесяти, потому что имъ оканчивался протекшій годъ. Въ ознаменованіе такого важнаго событія, въ каждомъ почти окнѣ, даже самыхъ верхнихъ этажей, горѣли двѣ свѣчки. Но праздничный видъ обывательскихъ оконъ ничего не значитъ передъ окнами магазиновъ; блескъ ихъ ослѣплялъ глаза. Каждое окно въ этотъ достопамятный вечеръ представлялось чѣмъ-то въ родѣ маленькой лондонской выставки; газовое пламя повторялось на серебряныхъ сервизахъ, скользило по фарфору, пронизывало граненый хрусталь играло на золотыхъ и бронзовыхъ издѣліяхъ, освѣщало дорогія ткани, платья, чепцы, шляпки, ленты, дробилось въ стеклянныхъ вазахъ, наполненныхъ драже и конфектами, и ярко выставляло на-показъ безчисленныя бонбоньерки самыхъ затѣйливыхъ формъ, и ужъ, конечно, самыхъ недоступныхъ цѣнъ. При видѣ такихъ сокровищъ, деньги сами собою приходили въ движеніе и перевертывались въ карманѣ то копьемъ, то рѣшеткой. Праздничный видъ улицъ привлекалъ на тротуаръ почти все народонаселеніе; мелкіе торгаши, пользуясь освѣщеніемъ изъ оконъ, привлекали въ свою очередь народъ, выставляя на показъ лотки съ яблоками, орѣхами и другими лакомствами. Толпа видимо прибывала. Лица, не имѣвшія ровно никакой надобности выходить за

ворота, даже тѣ, которыя, по разсѣянности, забыли припасти къ зимѣ теплую одежду, и тѣ покидали свои жилища. Толпы мальчишекъ въ пестрядинныхъ халатахъ заграждали дорогу; равнодушные къ холоду (было, однакожъ, какъ я вамъ сказывалъ, двадцать градусовъ мороза), равнодушные къ холоду, они стояли какъ околдованные передъ магазинными окнами. Улицы превращались въ великолѣпное гулянье, чему не мало содѣйствовали экипажи, летѣвшіе по всѣмъ направленіямъ и поминутно подкатывавшіе къ тротуарамъ. Изъ экипажей ловко выпрыгивали дамы въ чернобурыхъ лисицахъ и господа въ бобрахъ и собольихъ шубахъ; нѣсколько секундъ пробирались они между рядами пальто, халатовъ, шинелей, шляпокъ и лицъ сомнительной свѣжести, потомъ входили въ магазины и присоединялись къ другимъ господамъ въ бобрахъ и соболяхъ. Въ толпѣ, гулявшей на тротуарѣ, обнаруживалось тогда еще больше движенія; все жалось и тискалось другъ на дружку, стараясь разсмотрѣть, какъ господа въ бобрахъ и дамы въ чернобурыхъ мѣхахъ выкладывали на конторки бумажники, снабжали лакеевъ покупками, выходили изъ магазиновъ и снова улетали въ своихъ экипажахъ, чтобъ дать мѣсто другимъ каретамъ, другимъ покупателямъ. Радость и довольство сіяли, однакожъ, на всѣхъ лицахъ, какъ на тѣхъ, которыя багровѣли отъ жара внутри магазиновъ, такъ и на тѣхъ, у которыхъ бѣлѣли отъ холода носъ и щеки. Новый годъ! Черезъ пять-шесть часовъ наступитъ новый годъ!.. Хоть новость эта рѣшительно не объясняетъ причину всеобщей радости, но фактъ тотъ, однакожъ, что всѣ лица безъ исключенія казались очень довольны.

При всемъ томъ, справедливость требуетъ замѣтить, что во всей этой толпѣ, гулявшей по Петербургу, самыя веселыя лица, безъ различія сословій и состояній, принадлежали все-таки тѣмъ смертнымъ, которые имѣли счастіе называться отцами семействъ, мужьями, крестными отцами, дѣдушками и влюбленными.

Не мѣшаетъ сказать: въ Петербургѣ, равно какъ и въ другихъ городахъ Европы, существуютъ двѣ знаменитыя эпохи въ году, когда наступаетъ рѣшительное торжество для вышеупомянутыхъ особъ; эпохи эти: Новый годъ и Свѣтлое Христово Воскресенье. За недѣлю до этихъ праздниковъ, Петербургъ перестаетъ ужъ быть Петербургомъ, и вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, превращается въ Аркадію: жены дѣлаются необычайно любезными и начинаютъ ухаживать за мужьями; дѣти начинаютъ отлично учиться;

дяди, дѣдушки и крестные отцы встрѣчаютъ полные баллы въ школьныхъ рапортичкахъ племянниковъ и внучковъ; влюбленные и ухаживатели всякаго рода, терявшіе надежду на счастіе впродолженіе цѣлыхъ шести-семи мѣсяцевъ, теряютъ теперь голову отъ избытка надеждъ и радостей; словомъ, въ эти блаженные дни идетъ непрерывный обмѣнъ улыбокъ, привѣтливыхъ рѣчей, обворожительныхъ billets doux, заманчивыхъ взглядовъ, трогательныхъ пожатій рукъ, сладко звучащихъ поцѣлуевъ, такъ что вчужѣ беретъ зависть! Самые слуги, кучера, кухарки и дворники дѣлаются вдругъ учтивыми, обнаруживаютъ просвѣщеніе и поражаютъ политичностью тончайшаго свойства; просто золотой вѣкъ! И вотъ всѣ эти отцы, мужья и влюбленные, не зная, чѣмъ бы лучше выразить свою признательность, бѣгаютъ какъ угорѣлые по всѣмъ магазинамъ, покупаютъ платья, шали, дорогую мебель, бриллiанты, кареты, шляпки, конфекты, даже дома и орловскихъ рысаковъ. Большинство человѣческаго общества состоитъ изъ отцовъ, дѣдовъ, дѣтей, дядей и влюбленныхъ, и вотъ почему, благодаря яркому освѣщенію, намъ попадаются однѣ только радостныя физіономіи; казалось, каждый несъ въ карманѣ вѣрную росписку въ томъ, что новый наступающій годъ будетъ для него несравненно счастливѣе протекшаго. Да, веселье было на всѣхъ лицахъ безъ исключенія! Веселье проникало всюду: оно разгуливало вмѣстѣ съ вѣтромъ по всѣмъ перекресткамъ и улицамъ, заглядывало подъ каждыя ворота, взбиралось по всѣмъ лѣстницамъ, навѣдывалось во всѣ этажи, въ подвалы, на чердаки; распространялось по всѣмъ городскимъ частямъ и кварталамъ, словомъ, всюду, гдѣ только знали о приближеніи новаго года; а гдѣ-жь этого не знали?

Что говорить! Въ многочисленной семьѣ петербургскихъ улицъ (семья, вы знаете, не безъ урода) могли, конечно, существовать (и вѣрно существовали) такіе отдаленные, глухіе переулки, гдѣ трудно сыскать малѣйшій признакъ торжества: могли найтись улицы, въ которыхъ приближеніе новаго года ничѣмъ не обозначалось, если не считать плошекъ, выставленныхъ хозяевами мелочныхъ лавочекъ, и тотчасъ же, впрочемъ, погашенныхъ вѣтромъ; но о такихъ захолустьяхъ говорить не стоитъ послѣ Невскаго проспекта. Ну, чтó въ самомъ дѣлѣ хорошаго въ этихъ далекихъ переулкахъ, куда шумъ заселенной части столицы едва-едва доходитъ чуть внятнымъ гуломъ; гдѣ едва слышатся радостныя восклицанія гуляющей

толпы и трескъ экипажей; гдѣ все безмолвствуетъ, кромѣ вѣтра, который украдкою, какъ воришка, пробирается вдоль заборовъ, раскачиваетъ одинокіе беззащитные фонари и сметаетъ мелкій снѣгъ съ кровель низенькихъ деревенскихъ домиковъ? Куда ни взглянешь— пустырь да пустырь! Дома то и дѣло прерываются заборами, такъ что заборовъ больше, чѣмъ домовъ: домъ, потомъ заборъ; опять домъ и опять заборъ; а тамъ, далеко, какъ словно на другомъ концѣ свѣта, мелькаетъ огонекъ будки. Рѣшительно никакого развлеченія ни для ума, ни для глаза! Изрѣдка, развѣ, пробѣжитъ, поджавъ хвостъ и обнюхивая васъ, жалкая собаченка, потерявшая своего хозяина. Пѣшеходы попадаются рѣдко, а если и попадаются, то все какіе-то несообщительные: запрячетъ руки въ карманъ, уйдетъ съ головою въ воротникъ (хорошо еще, если есть воротникъ); нѣтъ, чтобъ сказать вамъ привѣтливое слово; не освѣдомится даже о вашемъ имени и отечествѣ, что̀, какъ извѣстно, исполняется въ этотъ вечеръ новаго года всѣми людьми, мало-мальски знакомыми съ приличіемъ и общежитіемъ. Но даже и такіе прохожіе рѣдки.

Позвольте... вотъ снова скрипятъ чьи-то шаги за угломъ, снова кто-то приближается. Перейдемъ на другую сторону тротуара. Вѣрно опять какой нибудь забулдыга? Точно. Вотъ приближается онъ къ фонарю. Онъ не одинъ, однакожъ; съ нимъ мальчикъ. Жалкія фигуры!

Мальчику лѣтъ семь, не больше; продолговатое лицо мальчика миловидно, но въ настоящую минуту безъ всякой пріятности: ни улыбки, ни живого веселаго взгляда, свойственнаго дѣтскому возрасту; одѣтъ онъ, правда, плохо; но неужели такое ничтожное обстоятельство въ силѣ ужъ на него дѣйствовать? И то надо сказать, впрочемъ, въ этомъ переулкѣ вѣтеръ, не заслоненный высокими домами и толпою, свирѣпѣетъ безъ милосердія! Холодно, ухъ какъ холодно! Спутникъ мальчика тоже, кажется, не можетъ похвастать гардеробомъ: по всему видно, онъ въ тонкихъ, какъ говорится. Но это собственно ничего; главная причина неудовольствія, отпечатаннаго на лицѣ его, заключается, кажется, въ томъ, что мальчикъ дрожитъ отъ стужи и грозитъ превратиться въ ледяную сосульку. Можетъ такъ, а можетъ и иначе. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ въ тонкихъ снялъ съ себя какое-то подобіе шерстяного шарфа, служившее галстукомъ, и плотно обвернулъ имъ шею

мальчика, который во все время, какъ продолжалась эта церемонія, перескакивалъ съ ноги на ногу и дулъ въ маленькіе кулаки свои. Освободивъ себя отъ шарфа, спутникъ мальчика остался въ ветхомъ пальто, такихъ же панталонахъ и картузѣ, изъ-подъ котораго вырывались въ безпорядкѣ длинныя пряди кудрявыхъ, черныхъ, какъ смоль, волосъ.

Тусклый блескъ фонаря даетъ намъ возможность разсмотрѣть лицо его; оно отвѣчаетъ, какъ нельзя лучше, одеждѣ: также изношено и жалко, хотя нѣсколько помоложе платья. Понятно, что съ такимъ костюмомъ и наружностью но слѣдовало показываться на Невскомъ проспектѣ, не говорю отъ двухъ до четырехъ часовъ, но даже въ настоящую пору. Если прибавить, что человѣкъ въ тонкихъ сильнѣйшимъ образомъ хромалъ на одну ногу и носилъ сапоги, имѣвшіе такой видъ, какъ-будто нѣсколько разъ обошли вокругъ свѣта, всякій согласится, что поступалъ онъ даже благоразумно, удаляясь отъ Невскаго проспекта.

И въ самомъ дѣлѣ, какая была ему надобность идти на Невскій? Принимая въ соображеніе жалкій видъ пальто и сапогъ, трудно было предположить, чтобъ владѣтель ихъ имѣлъ возможность зайдти въ англійскій магазинъ и купить японскую вазу, или подняться къ Бале и купить фунтъ конфектъ à la Montpensier для своего спутника. Что-жъ касается до того, чтобъ раздѣлять всеобщую радость, потискаться въ толпѣ, поглазѣть на окна магазиновъ, ему также, кажется, не до того было: онъ оставался повидимому совершенно равнодушнымъ къ приближающемуся новому году. Такъ по крайней мѣрѣ говорило блѣдное лицо его, освѣщенное фонаремъ; оно служило, сверхъ того, несомнѣннымъ доказательствомъ, что въ душѣ человѣка въ тонкихъ не находилось даже надежды на то, что новый приближающійся годъ будетъ для него счастливѣе протекшаго года.

II.

ЯША ЖИЛЕТНИКОВЪ.

Было время, мой почтенный читатель, этому не очень давно, когда покрой пальто, фасонъ шляпы, цвѣтъ перчатокъ и блескъ

сапогъ имѣли для меня огромное значеніе въ моей публичной жизни. Публичная жизнь моя, нужно вамъ сказать, заключается въ томъ, что я гуляю отъ двухъ до четырехъ часовъ по-полудни каждый день по Невскому проспекту. Не правда ли, такое мелочное чувство недостойно человѣка, имѣющаго нѣкоторое притязаніе на званіе человѣка образованнаго и просвѣщеннаго? Я совершенно съ вами согласенъ. Мало этого: я дошелъ теперь, слава Богу, до того, что мысленно начинаю презирать людей, которые, увидя на улицѣ пріятеля или родственника въ порыжѣвшей шляпѣ, кидаются въ ближайшій магазинъ, чтобъ избѣжать случая пожать ему руку. При всемъ томъ чувствую, что далеко еще не исправился. Такъ, напримѣръ, гуляя по отдаленнымъ переулкамъ Петербурга, даже по Гороховой, Вознесенской, Садовой и прочимъ, я вполнѣ еще владѣю собою: мнѣ въ голову не приходитъ поглядѣть, все ли въ порядкѣ на плечахъ встрѣтившагося пріятеля; но странное дѣло! стоитъ только попасть на Невскій, особенно на солнечную, фешьонебельную сторону,—убѣжденія мои исчезаютъ какъ дымъ; чувство пошлаго, ложнаго стыда овладѣваетъ тотчасъ же слабымъ существомъ моимъ; я готовъ лучш епровалиться сквозь землю, чѣмъ пройдтись рука объ руку съ знакомымъ, у котораго на рукахъ перчатки съ завиточками на концѣ пальцевъ, горбъ на спинѣ, или другой какой-нибудь недугъ, рѣзко бросающійся въ глаза. Знаю, меня нисколько не оправдываетъ множество друзей и пріятелей, которые раздѣляютъ мою слабость—очень хорошо знаю! Но что жь прикажете дѣлать! страннымъ, непостижимо-страннымъ движеньямъ подвержена душа человѣческая! Но странная также, неизвѣданная пока еще, тайна заключается, должно быть, и подъ плитами этого тротуара солнечной стороны, тротуара, имѣющаго свойство превращать походку человѣка, его лицо, чувства, образъ мыслей, точку зрѣнія и даже убѣжденія! Какъ видите, я далеко еще не исправился; время отъ времени, все еще нападаютъ на меня самыя непохвальныя, франтовскія какія-то полосы. Такъ, напримѣръ, мнѣ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, дѣлается совѣстно поѣхать на ванькѣ (а между тѣмъ у меня никогда не было кареты; нечего даже и надѣяться; никогда и не будетъ); лицо мое вдругъ принимаетъ тогда выраженіе какой-то комической важности; самодовольство проглядываетъ въ каждомъ моемъ движеніи; сердце, это доброе, впечатлительное сердце, неожиданно охладѣваетъ къ лучшимъ друзьямъ, не имѣющимъ собственнаго экипажа; я измѣняю

даже тогда старинному портному своему, скрывающемуся подъ скромной фирмой: Au pauvre diable, и мысленно даю себѣ слово заказывать платье у столь прославленнаго Шармера, и проч. и проч. Въ такіе несчастные дни я за себя не ручаюсь; я чувствую, что откажусь отъ лучшаго друга, даже въ глухомъ переулкѣ. За доказательствами идти недалеко: мнѣ хотѣлось разсказать вамъ исторію одного стариннаго моего пріятеля (съ этою цѣлью принялся я собственно нынче за перо), и что-жь? Одна мысль, что знакомый мой принадлежитъ къ сословію оборванцевъ, носитъ картузъ и не только не носитъ голландскаго бѣлья, но даже не имѣетъ манишки, смутила меня совершенно; я запнулся, замялся на первомъ же словѣ. Вмѣсто того, чтобъ прямо, откровенно приступить къ дѣлу, я началъ чуть ли не съ заката солнца, ни дать ни взять, какъ одинъ мужичекъ расиновской комедіи: Les Plaideurs, который начинаетъ съ сотворенія міра, разсказывая о пропажѣ пѣтуха; я водилъ васъ по петербургскимъ улицамъ, приплелъ, ни къ селу ни къ городу, сумерки, показалъ вамъ героя моего сначала подъ фонаремъ, словомъ: изловчался всѣми возможными способами, и все это для того только, чтобъ не сказать вамъ чистосердечно, что въ числѣ моихъ пріятелей находится одинъ оборванный!

Но раскаяваться, говорятъ, никогда не поздно. Основываясь на этомъ, скажу вамъ безъ обиняковъ, что человѣкъ въ тонкихъ, встрѣтившійся намъ въ переулкѣ, пользуется давнишней моей дружбой; я не остановлюсь на такой хорошей дорогѣ и тутъ же объявлю, что онъ никто иной, какъ гаеръ Яша Жилетниковъ!

Но, можетъ быть, не совсѣмъ хорошо извѣстно прямое значеніе слова гаеръ. Въ провинціи, напримѣръ, о гаерахъ знаютъ только по наслышкѣ.

Подъ именемъ гаера, изволите ли видѣть, разумѣютъ смертныхъ обоего пола, которые, по мѣткому простонародному выраженію, ломаются въ балаганахъ на Святой и на Масляной; а въ остальное время года добываютъ насущный хлѣбъ, посѣщая дворы большихъ домовъ, и, при содѣйствіи бубенъ и шарманки, кувыркаются черезъ стулья, ходятъ вверхъ ногами, прыгаютъ лягушкой, пригибаютъ затылокъ къ пяткамъ, и прочее, и прочее.

Гаеры, надо правду сказать, народъ вообще незажиточный; капиталистовъ насчитываютъ между ними весьма мало. Несомнѣнно,

однакожъ, что изъ большого числа злополучныхъ смертныхъ, принадлежащихъ къ гаерскому сословію, самый злополучный былъ пріятель мой Яша Жилетниковъ.

Жилетниковъ, прошу замѣтить, не фамилія; фамилія Яши затеривается въ мракѣ неизвѣстности; я сомнѣваюсь даже, была ли у него когда-нибудь фамилія. Жилетниковъ — прозвище. Подобно бо̀льшей части своихъ собратовъ, Яша началъ свое поприще не на подмосткахъ балагана, хотя имѣлъ бы на то полное право, но на подмосткахъ, или на нарахъ портняжнаго заведенія, гдѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, на турецкій манеръ; а такъ какъ курсъ его ученья начался и ограничился шитьемъ однихъ жилетовъ, дальше онъ не пошелъ, его и прозвали Жилетниковымъ.

Я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые страстно любятъ пускаться въ ученыя изслѣдованія и рѣшаютъ труднѣйшія задачи, хотя сами не твердо еще увѣрены въ разницѣ между магнетизеромъ и импровизаторомъ, часто смѣшиваютъ слово псевдонимъ съ анахронизмомъ, придаютъ ученое значеніе слову Шехеразада, и если впродолженіе вечера разъ произнесутъ слова эксцентризмъ или субъектъ, то думаютъ, что сказали Богъ вѣсть какую мудрость; нѣтъ, я не принадлежу къ такимъ мудрецамъ, и потому не берусь рѣшить причины, заставившей Яшу Жилетникова промѣнять блестящую карьеру портного на шаткое гаерское поприще.

Разумѣется, если смотрѣть съ философской точки зрѣнія, послѣднее ремесло ничуть не хуже перваго; съ этой точки гаерство можетъ даже казаться выгоднымъ: давно ужъ, вѣдь, доказано, что гибкость — великое дѣло! Я увѣренъ, однакожъ, что Яша былъ далекъ отъ подобнаго воззрѣнія; практическая, чисто матеріальная сторона гаерскаго ремесла тоже не занимала его мысли; съ этой точки ремесло гаера ровно никуда негодится!

Хорошо, когда природа, всегда щедрая въ дарахъ своихъ, снабдитъ геркулесовской силой, крѣпкими ногами, которыя не знаютъ усталости; толстою кожей, которая не чувствуетъ холода подъ трико тѣлесно-кирпичнаго цвѣта, и такими здоровыми костями, что если случится шлепнуться со всего маха на мостовую послѣ неудачнаго salto-mortale, то стоитъ только крякнуть да отряхнуться, чтобъ избавиться отъ контузіи. Но что̀, если природа отниметъ физическіе

дары свои! что, если снабдить узенькою чахоточною грудью, тощими членами? Тогда что?.. И тогда, впрочемъ, ничего не произойдетъ особеннаго; точно также пойдетъ все своимъ чередомъ; надо же какъ-нибудь существовать и съ тощей грудью! Живой примѣръ этого видимъ въ Яшѣ Жилетниковѣ.

При всемъ томъ, Яша никогда не роптал на судьбу свою; мало того, хотя иногда не подъ силу было держать на носу стулъ съ сидѣвшимъ на немъ мальчикомъ (тѣмъ самымъ, котораго видѣли мы въ переулкѣ); болѣзненно напрягались тощіе мускулы и дрожали локти, когда приводилось ходить на рукахъ, но публика встрѣчала всегда улыбку на лицѣ Яши Жилетникова. Яша гордился этой улыбкой. Съ однимъ только не могъ онъ никакъ справиться; не будь этого; онъ жилъ бы поживалъ припѣваючи: Яша страшно былъ зябокъ отъ природы; холодъ сокрушалъ его совершенно; стоило появиться десятиградусному морозу, добродушная улыбка мгновенно исчезала съ лица Яши; самое лицо его какъ-будто измѣнялось тогда: скорчивалось, синѣло, зубы начинали щелкать, словомъ: онъ не походилъ на самого себя.

Такая слабость, простительная всякому другому, вовсе не шла, однакожъ, къ человѣку, прямая обязанность котораго заставляла, такъ сказать, красоваться въ трико во всякое время года. Говоря откровенно, тутъ все-таки не могло бы еще быть большой бѣды: мало ли на свѣтѣ благодѣтельныхъ средствъ для предохраненія себя отъ стужи. коньякъ, напримѣръ, согрѣваетъ очень хорошо внутренность; другіе пьютъ ромъ или водку; третьи предпочитаютъ всему пѣнное; но горе въ томъ, что Яша не бралъ въ ротъ ни того, ни другого, ни третьяго; вообще говоря, Яша былъ человѣкъ трезвый, кроткій, смирный. Онъ былъ я вамъ скажу, честный человѣкъ; меня не увлекаетъ пріязнь, я говорю сущую правду. За годъ до настоящаго времени онъ нашелъ, идучи разъ переулкомъ, бумажникъ; въ бумажникѣ находились деньги, и что-жъ? Яша представилъ все въ цѣлости въ полицію, о чемъ было даже напечатано своевременно въ газетахъ. Но о дѣлахъ зрѣлаго возраста послѣ; возвратимся къ дѣтству.

Семи лѣтъ отъ роду, Яша остался круглымъ сиротою; родства большого не было; была одна только мать, да и та торговала яблоками да гнилыми апельсинами на Вознесенскомъ мосту. Наслѣдство,

какъ можете себѣ представить, осталось небольшое: всего, кажется, одна пара затасканныхъ башмаковъ, головной платокъ въ клѣткахъ и дырахъ, платье, пережившее ужь нѣсколькихъ владѣлицъ и купленное первой владѣлицей на Толкучемъ рынкѣ; еще остался лотокъ съ початой дюжиной гнилыхъ апельсиновъ. Трудно рѣшить, что сталось бы съ бѣднымъ мальчикомъ послѣ того, какъ съѣдены были апельсины, еслибъ не явился вдругъ благодѣтель-дворникъ сосѣдняго дома. Петербургскіе дворники пользуются вообще обширнымъ кругомъ знакомства; многіе пользуются даже кредитомъ въ мелочныхъ лавкахъ.

Дворникъ взялъ сироту подъ свое покровительство; и не прошло недѣли послѣ похоронъ яблочной торговки, какъ ужь Яша грѣлъ утюги у портного мастера; то-то было ему тепло тогда!—Но—увы! его вскорѣ оторвали отъ печки и засадили за работу. Портняжное ремесло не далось Яшѣ: онъ былъ къ нему какъ-то, видно, не сроденъ; дойдя до жилета, Яша сталъ въ тупикъ, какъ становятся въ тупикъ нѣкоторые воспитанники, когда дѣло доходитъ до дифференціальнаго вычисленія. Фракъ, пальто, панталоны — все это было также недоступно иголкѣ маленькаго Яши, какъ недоступна квадратура круга уму математиковъ. Яша не увлекался, сднакожъ, примѣромъ товарищей; прогулки по Крестовскому, куреніе табаку, кедровые орѣхи, кутежъ — все это для него не существовало; тогда ужь начиналъ мерещиться ему балаганъ, камзолы, шитые блестками, перья на головахъ дамъ, выѣзжающихъ на балконы балагановъ, люди, бѣгающіе на рукахъ и пляшущіе на канатѣ подъ тактъ турецкаго барабана, и прочее. Самъ онъ говорилъ мнѣ не разъ: „Какъ услышу, говоритъ, шарманку на дворѣ, такъ даже, повѣрите ли, инда поджилки задрожатъ!“ При видѣ гаера, выдѣлывающаго штуки на коврѣ, сердце Яши Жилетникова билось какъ птица, посаженная въ клѣтку. Наконецъ, онъ не выдержалъ: бросилъ жилеты и поступилъ въ труппу какого-то канатнаго плясуна и вмѣстѣ съ тѣмъ акробата. Что̀ прикажете дѣлать съ призваніемъ!

Не стану утруждать васъ описаніемъ, какъ провелъ Яша первые годы пребыванія своего на новомъ мѣстѣ. То была жизнь, преисполненная самыхъ горькихъ испытаній; пересчитать всѣ неудачные скачки Яши, перечесть всѣ случаи, когда онъ могъ сломить шею, такъ же трудно, какъ перечесть число шкаликовъ на петергофской

иллюминаціи. Мы прямо перейдемъ къ этой эпохѣ, когда онъ твердою ногою стоялъ на канатѣ безъ помощи балансира и бѣгалъ на рукахъ такъ же свободно, какъ на ногахъ. Этому назадъ лѣтъ шесть. Труппа, въ которую поступилъ онъ тогда, была весьма многочисленна; стоитъ взглянуть на афишки того времени, чтобы убѣдиться въ этомъ; тутъ могли вы видѣть и сирійскія игры, и египетскія пирамиды, и гимнастико-акробатическія штуки, и пантомимы и даже живыя картины. Къ величайшему несчастью Яши (я говорю теперь отъ себя; Яша думалъ объ этомъ иначе), въ этихъ живыхъ картинахъ участвовали живыя женщины. Яша былъ также живой человѣкъ. Ну, разумѣется, сами знаете, сердце не камень... Яша влюбился Стоя за кулисами въ одномъ трико (сколько разъ Яша говорилъ мнѣ объ этомъ), забывалъ онъ стужу, глядя, какъ возлюбленная его, принявъ обворожительную позу, вертѣлась передъ публикою на деревянномъ помостѣ! Судьба покровительствовала ему въ этотъ періодъ его жизни; въ какой-то пантомимѣ они объяснились Хорошо то, по крайней мѣрѣ, что дѣло было на чистоту: Яшу никто не завлекалъ, никто не обманывалъ; благодаря амплуа возлюбленной въ живыхъ картинахъ, благодаря повертыванью на деревянномъ помостѣ, Яшѣ представлялся случай разсмотрѣть, такъ сказать, будущую судьбу свою со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Объясненіе произошло въ началѣ пантомимы, а въ концѣ оба ужь рѣшились соединиться брачными узами. Получить согласіе родныхъ было не трудно: отецъ невѣсты находился тутъ же въ балаганѣ; онъ игралъ въ оркестрѣ на кларнетѣ.

Меня беретъ иногда раздумье при мысли, зачѣмъ женятся нѣкоторые люди? Я встрѣчалъ въ жизни непостижимые случаи. Такъ, напримѣръ, зналъ я одного человѣка, который отзывался всегда съ негодованіемъ о семейной жизни. Случилось ему разъ купить на аукціонѣ двухспальную кровать за очень дешевую цѣну, и что жъ бы вы думали? Съ этого самаго дня, какъ по волшебству какому-то, перевернулся верхъ дномъ весь его образъ мыслей: онъ сталъ даже заговариваться, толкуя о подругѣ жизни, дѣткахъ и семейныхъ радостяхъ. Недѣлю спустя, я былъ шаферомъ на его свадьбѣ; въ нетерпѣніи своемъ онъ не позаботился даже о выборѣ: женился на дочери сосѣдняго булочника! Зналъ я другого человѣка; то былъ попросту дворовый человѣкъ средней руки. Приходитъ онъ разъ къ своему господину и проситъ позволенія жениться. Господинъ совѣ-

туетъ ему бросить такую мысль, представляетъ всѣ резоны, молодость лѣтъ и прочее. Хорошо. Недѣлю спустя, дворовый человѣкъ снова прибѣгаетъ съ тою же просьбою. Баринъ снова усовѣщеваетъ.

Еще проходитъ недѣля, начинается та же исторія; на этотъ разъ, однакожъ, видъ двороваго человѣка какъ-то особенно встревоженъ.

— На комъ же ты хочешь жениться? — спрашиваетъ баринъ.

— Такъ и такъ, говоритъ, власть милости вашей: наша, говоритъ, поломойка Матрена...

— Какъ же тебѣ не стыдно? возражаетъ удивленный баринъ: — сколько мнѣ извѣстно, и ты самъ это знаешь, Матрена не стоитъ твоего мизинца...

Тутъ господинъ развиваетъ ему свой образъ мыслей касательно поломойки. Дворовый человѣкъ совершенно соглашается; мало того, онъ присовокупляетъ къ свѣдѣніямъ барина свои собственныя, не дѣлающія чести невѣстѣ; но это не мѣшаетъ ему, однакожъ настаивать на своемъ.

— Такъ и такъ, говоритъ, такая ужь, знать, судьба моя!

Баринъ настоятельно требуетъ тогда разъясненія такого отчаяннаго увлеченія.

— Знаю, сударь, все знаю, говоритъ дворовый человѣкъ, рыдая на-взрыдъ: все знаю, говоритъ: — знаю, и такая она и сякая, но какъ же быть-то? Вѣдь я, сударь, о прошлой Святой ей подарилъ ситцевое платье въ восемь съ полтиной; какъ такъ же? неужто ему такъ и пропадать?

Дѣлать было нечего, парень обвѣнчался и до сихъ поръ еще не наплачется. Нечего сказать, солоно-таки обошлось ему ситцевое платье! Но это такъ только, къ слову пришлось.

Яша женился столько же по любви, сколько по разсудку, и, слѣдовательно, его дѣло совсѣмъ другого рода. Онъ былъ совершенно счастливъ; лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что не проходило года безъ того, чтобъ жена не дарила ему наслѣдника; въ одинъ годъ явилось даже двое разомъ. Не успѣетъ Маша (такъ звали жену

гаера), не успѣетъ выкормить одного ребенка, смотришь — ужь и другой въ началѣ! Ясно, что, при такихъ обстоятельствахъ, явились ей нѣкоторыя затрудненія участвовать въ живыхъ картинахъ; не шло какъ-то, знаете. Яша, съ своей стороны, не желая разлучиться съ женою, придумалъ слѣдующее: купить шарманку, купилъ на Апраксинѣ дворѣ старый коверъ и началъ обходить дворы, въ сопровожденіи жены и тестя; Маша играла на шарманкѣ, тесть вторилъ на кларнетѣ, Яша, между тѣмъ, кувыркался на коврѣ — и все шло какъ нельзя лучше; дѣлишки, право, шли очень недурно. Когда подросли дѣти (ихъ было ужь тогда четверо), они также приняли участіе въ представленіяхъ: четырехлѣтняя дочка плясала въ антрактахъ по-русски, шестилѣтній мальчикъ, тотъ самый, котораго видѣли мы въ переулкѣ, ловко ужь взбѣгалъ на голову отцу и даже удачно держался на рукахъ безъ помощи родителя. Но счастье скоротечно. Одинъ шагъ, одно неловкое движеніе, одинъ неудачный прыжокъ—и все пошло прахомъ! Въ одно осеннее, пасмурное утро, Яша Жилетниковъ сломалъ себѣ ногу. Это случилось мѣсяца за три до начала нашего разсказа. Жена его на ту пору была беременна нѣсколькими мѣсяцами. Вернувшись изъ больницы, Яша засталъ страшную тѣсноту въ семействѣ; семейство сѣло на мель, какъ говорится. Жена лежала больная въ постели. Все поддерживалось пока однимъ старикомъ, который добывалъ кое-что, играя на кларнетѣ подъ окнами. Помощь, можете себѣ представить, была незначительная. Нельзя было, никакъ нельзя оставаться въ настоящемъ положеніи. Яшѣ слѣдовало рѣшиться на какое-нибудь предпріятіе, потому что показывать акробатическія штуки съ хромою ногою дѣло положительно невозможное. Случай опять-таки выручилъ Яшу. Выручка заключалась въ томъ, что Яша познакомился съ баньщикомъ, который въ ту пору крайне нуждался въ качальщикахъ. Качальщиками называются люди, которые накачиваютъ въ баняхъ воду. Крайность миновала, но дѣла шли все-таки худо.

Новорожденный (въ самое это время родила Маша), новорожденный окончательно спуталъ всѣ обстоятельства; въ два дня какихъ-нибудь, онъ поглотилъ всѣ деньги, предназначенныя за наемъ квартиры. Доведенный до мата, Яша отправился тогда вмѣстѣ съ старшимъ своимъ мальчикомъ къ знакомому баньщику просить впередъ денегъ. Мы застали его въ ту минуту, когда онъ возвращался отъ баньщика.

Зная хорошо обстоятельства Яши Жилетникова, я могу утвердительно сказать, что въ эту минуту онъ былъ близокъ къ отчаянію. Баньщикъ отказалъ на-отрѣзъ. Не думайте, чтобъ я сталъ осуждать баньщика — совсѣмъ напротивъ. Баньщикъ былъ въ своемъ правѣ; скажу болѣе: онъ былъ совершенно правъ, отказавъ Яшѣ въ деньгахъ.

Жилетниковъ забралъ у него впередъ болѣе цѣлковаго; а цѣлковый, сами знаете, много значитъ для оборотливаго человѣка. Здѣсь цѣлковый, тутъ цѣлковый, тамъ цѣлковый — смотришь — три цѣлковыхъ; три да три составляетъ шесть, шесть да шесть — двѣнадцать, этакъ дойдешь, пожалуй, и до тысячи! Нѣтъ; надо соблюдать счетъ. Мѣсяцъ тому назадъ, вышелъ такой же точно случай: баньщикъ тоже отказалъ Яшѣ. Яша обратился ко мнѣ съ жалобой. „Нѣтъ, Яковъ Петровичъ“, сказалъ я ему: — „говоришь ты не такъ, какъ слѣдуетъ. Ты сколько получаешь въ мѣсяцъ?.. Четыре цѣлковыхъ! Хорошо; ну, такъ соблюдай экономію, своди свои счеты — вотъ и все тутъ; баньщика винить нечего, пеняй на себя!“ Такъ нѣтъ же, поди, не послушалъ! Попадетъ полтинникъ, чѣмъ бы приберечь его, смотришь, купилъ женѣ платочекъ, либо башмаки, да ребятишкамъ по прянику! То-то молодость! Разсудка своего не имѣетъ, какъ говорилъ одинъ практическій философъ, также изъ моихъ знакомыхъ.

Но прекратимъ всѣ эти размышленія и послѣдуемъ лучше за Яшей и его мальчикомъ.

Не знаю, какъ вамъ, мой читатель, но мнѣ смерть хочется узнать, чѣмъ кончится для Яши Жилетникова вечеръ новаго года. Я теряюсь въ догадкахъ, и не постигаю, на что онъ рѣшится въ стѣсненныхъ своихъ обстоятельствахъ. Такъ вѣдь нельзя, согласитесь сами, надо же на что-нибудь рѣшиться...

III.

ВСТРѢЧА. — ТАИНСТВЕННЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Зная теперь зябкія свойства Яши Жилетникова, сами можетъ себѣ представить, какой страшный холодъ долженъ онъ былъ чув-

ствовать, когда, снявъ съ себя шерстяной шарфъ, единственный. можно сказать, грѣющій предметъ гардероба, остался въ одномъ пальто, картузѣ и панталонахъ. Если изъ памяти мальчика изгладится когда-нибудь это обстоятельство, онъ не достоинъ будетъ названія человѣка; мы смѣло назовемъ его тогда неблагороднымъ животнымъ.

Запрятавъ голую шею въ поднятый воротникъ пальто (Боже, какой воротникъ! безъ признака какой бы то ни было шерстинки), скорчившись подъ одеждой, какъ сухая горошина въ сухомъ стручкѣ, Яша продолжалъ путь. Вѣтеръ завывалъ, какъ собака, озлобленная голодомъ, и какъ собака кусалъ за икры всѣхъ тѣхъ, у кого были такіе же ненадежные сапоги и панталоны, какъ у Яши Жилетникова. Подъ-конецъ Яша предоставилъ даже ноги на произволъ судьбы и занялся исключительно руками: слѣдовало по крайней мѣрѣ хоть ихъ предохранить отъ горькой участи; онъ прибѣгнулъ къ давно извѣстному способу: засунувъ кисть правой руки глубоко за пазуху и давъ ей согрѣться, онъ вынималъ ее на морозъ и поспѣшно пряталъ на ея мѣсто кисть лѣвой руки; этимъ простымъ способомъ все-таки наблюдалось нѣкоторое равновѣсіе, на долю каждой руки выпадало одинаковое число пріятныхъ ощущеній. Мальчикъ, между тѣмъ, бѣжалъ подлѣ въ припрыжку. Съ каждымъ порывомъ вѣтра ребенокъ прижимался къ отцу, сдавливалъ себя локтями и пищалъ, какъ-будто въ него впивались иголки.

Яша торопливо вынималъ изъ-за пазухи кисть руки, наслаждавшуюся тепломъ, и принимался тогда ощупывать ребенку носъ и руки.

— Говорилъ, не ходи! произносилъ сквозь зубы отецъ, но безъ всякаго, однакожъ, сердца или раздраженія:—говорилъ, зазябнешь, такъ нѣтъ же, вотъ, ввязался, пошелъ! „Нѣтъ, тятенька, не боюсь холода!“ подхватилъ Яша, передразнивая ребенка и становясь спиною къ вѣтру, съ цѣлью защищать сына:—вотъ тебѣ и „не боюсь!“—Эхъ, такъ и жжетъ анаѳемской, бррр... буу-о! заключилъ Яша, снова запрятывая шею и ускоряя шагъ.

Такимъ порядкомъ добрались они до угла сосѣдняго переулка. Тутъ Яша неожиданно остановился.

— Вотъ-те на!.. какъ скоро! воскликнулъ онъ, откидываясь назадъ и увлекая за собою сынишку.

Переулокъ представлялъ, въ самомъ дѣлѣ, поразительную картину; было чему удивляться. Говоря относительно, тутъ было больше шума, блеска и движенія, чѣмъ даже на Невскомъ проспектѣ. Само собою разумѣется, что переулокъ торжествовалъ, благодаря мелочной лавочкѣ. Не будь лавочки, онъ скрывался бы до сихъ поръ въ невѣжественномъ мракѣ и новый годъ прошелъ бы для него незамѣтно. Я всегда горою стоялъ за мелочныя лавочки.

Лавочки то же, что маленькія столицы въ большой столицѣ, маленькіе Петербурги въ большомъ Петербургѣ; вліяніе ихъ на глухіе закоулки такъ же важно, какъ вліяніе столицъ на отдаленныя губерніи.

За полчаса до появленія Яши, огни ни за что не хотѣли показываться въ переулкѣ, ни дать ни взять, какъ щепетильныя дамы, которыя ни подъ какимъ видомъ не явятся первыми на балъ. На томъ бы, вѣрно, и стало дѣло, еслибъ лавочникъ не поспѣшилъ вывѣсить лампы къ дверямъ лавочки; свѣтъ мгновенно распространился по переулку; но тутъ еще не все: вслѣдъ за лампою лавочникъ вынесъ еще пару плошекъ. Минуту спустя, на тротуарѣ передъ лавочкой появились уже гуляющіе. Лавочникъ оставался между тѣмъ у входа и гордо поглядывалъ на стороны. Онъ имѣлъ полное право гордиться даже въ томъ случаѣ, еслибъ не позаботился поддержать честь и славу своего переулка.

Лавочка, освѣщенная снаружи двумя плошками и лампою, представляла зрѣлище, не уступавшее въ великолѣпіи магазинамъ Невскаго проспекта; полагаю даже, вывѣска лавочки давала ей значительный перевѣсъ надъ послѣдними: она изображала двѣ сахарныя головы по бокамъ, золотую греческую чашу съ плодами по серединѣ, банку съ вареной брусникой въ перспективѣ, два лимона и кусочки пастилы, расположенные въ видѣ русской избы. Изъ окна, причудливо разрисованнаго снѣжными узорами, выглядывали яблоки, длинные вкусные хлѣбы, сальныя свѣчи, студень, исполинскія ватрушки, предназначавшіяся преимущественно жившимъ насупротивъ извощикамъ, пироги съ капустой и морковью, пачки нюхательнаго табаку, извѣстнаго подъ именемъ березинскаго и страстно любимаго будочниками, луковицы, снопы чубуковъ, гитара и проч. Отворенная дверь позволяла любоваться бочками съ солодомъ, мукою и огурцами, метлой, конторкой, блистающими мѣдными вѣсами и остро-

конечною головою прикащика, какъ бы сформированной по образцу тѣхъ сахарныхъ головъ, которыя возносились стройными рядами на задней стѣнѣ.

Въ ту минуту, какъ Яша Жилетниковъ остановился за угломъ, гулянье принимало обширнѣйшіе размѣры. Нельзя сказать, чтобъ публика была самая отборная, но нельзя опять-таки сказать и того, чтобъ она состояла исключительно изъ оборванныхъ подмастерьевъ и необразованныхъ водовозовъ; были по большей части все свои обыватели ближайшихъ домовъ; попадались смазливыя горничныя, отличавшіяся тонкимъ вкусомъ и обращеніемъ; лакеи всѣхъ возможныхъ родовъ, начиная съ надменнаго гайдука, завлеченнаго въ эти страны сердечною страстью, и кончая подслѣповатымъ нахмуреннымъ малымъ, возвращающимся изъ сосѣдней булочной съ десяткомъ сухарей; попадались зеленовидныя мѣщанки, проживавшія въ свое удовольствіе; ловкіе писаря, отрывавшіеся поминутно отъ своихъ дамъ, чтобъ юркнуть въ лавочку и возвратиться съ леденцами въ оберточной бумагѣ; виднѣлись кухарки, страстныя охотницы до цикорнаго кофе; слѣдомъ, ужъ непремѣнно выступалъ кавалеръ съ выпуклою грудью, усами и тонкой фуражкой; были также и другія личности, достойныя вниманія; но тутъ, какъ и вездѣ, главную часть толпы составляли мальчишки, явившіеся при первомъ намекѣ на иллюминацію. Они молніею проносились по переулку и, какъ шаршавыя ночныя бабочки, кружась и вертясь, тискались подлѣ плошекъ. Во всемъ этомъ было дѣйствительно что-то праздничное, тѣшившее душу; какъ въ многолюдныхъ кварталахъ города, такъ и въ этомъ глухомъ захолустьи всѣ радовались приближенію новаго года. Веселый говоръ, шарканье, пискъ и хохотъ оглушали лавочника, который все еще продолжалъ гордо стоять подлѣ своей двери. Послѣднее обстоятельство именно и заставило Яшу стоять такъ долго за угломъ. Благодаря блистательной иллюминаціи, лавочнику ничего не стоило увидѣть Яшу въ толпѣ; ничего также не стоило ему взять его за шиворотъ, и онъ непремѣнно бы исполнилъ это, еслибъ Яша, позабывъ совѣты благоразумія, пустился по переулку. Жилетниковъ оставался долженъ лавочнику. Отправляясь къ баньщику, онъ имѣлъ неосторожность завернуть къ лавочнику и обнадежить его, что нынче же вечеромъ выплатитъ долгъ. Лавочникъ могъ, слѣдовательно, схватить Яшу за шиворотъ, какъ человѣка невѣрнаго въ своемъ словѣ.

Страшно критическое положеніе! Съ одной стороны вѣтеръ, который уничтожалъ Жилетникова; съ другой стороны лавочникъ, который непремѣнно бы его уничтожилъ. Не приведи Богъ находиться когда-нибудь въ такихъ обстоятельствахъ! Судьба, эта судьба, не оставляющая насъ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ жизни, опять-таки выручила Яшу. Онъ приходилъ ужь въ совершенное отчаяніе, какъ вдругъ вѣтеръ сорвался съ кровель, поднялъ съ мостовой миріады снѣжныхъ блестокъ, закружилъ ихъ въ воздухѣ, повернулъ за уголъ, ворвался, какъ бѣшеный, въ переулокъ и задулъ плошки, украшавшія входъ лавочки. Въ толпѣ гулявшихъ произошло страшное смятеніе, сопровождавшееся визгомъ мальчишекъ и возгласами дамъ, которымъ вихрь потревожилъ юбки.

Пользуясь случаемъ, Яша подхватилъ замерзавшаго мальчика и, прихрамывая, прискакивая, пустился безъ оглядки мимо лавочки. Минута—онъ былъ уже на противоположномъ углу и входилъ въ другой переулокъ. Оставалось теперь недалеко до квартиры; но если Яша ускорялъ шагъ, то дѣлалъ это единственно для ребенка. Не Богъ знаетъ какія радости ожидали его дома. Вечеръ новаго года не имѣлъ ничего привлекательнаго для Яши; онъ душевно желалъ, чтобъ его вовсе даже не существовало на свѣтѣ. Первое число января считается обыкновенно крайнимъ срокомъ уплаты долговъ; радуются тѣ только, у кого очищены счеты. Съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ обледенѣлыми ногами, Яша приближался къ своему жилищу, когда до слуха его неожиданно долетѣли звуки кларнета, вылетавшіе вмѣстѣ съ вѣтромъ изъ сосѣдней улицы.

— Это дѣдушка! произнесъ мальчикъ, останавливаясь.

Не знаю; но вѣрно то, что звуки лучинушки, сопровождаемые самыми фантастическими переливами, дѣйствительно раздавались по окрестности. Хорошо было съ одной стороны, что звуки эти напоминали нѣкоторымъ образомъ извѣстныя пѣвучія двери Пульхеріи Ивановны и Аѳанасья Ивановича; басы выполняли, правда лучинушку, но тонкія ноты явственно вторили: „ай, батюшки, зябну!“

— Это дѣдушка! дѣдушка! повторилъ мальчикъ съ такимъ радостнымъ выраженіемъ, какъ словно на него пахнуло тепломъ изъ отдушника.

— Ступай домой: скажи матери: — сейчасъ-молъ приду, про-

изнесъ отецъ, поворачиваясь въ ту сторону, откуда слышалась лучинушка: — ступай же скорѣй... зазябъ вовсе, вишь руки-то какъ окоченѣли!...

— Ничего! нѣтъ, ничего... торопливо отвѣчалъ мальчикъ, похлопывая ладонями и припрыгивая: — ничего, право-слово ничего...

— Какой ничего; замерзъ, какъ есть...

— Ей-Богу ничего, пойдемъ къ дѣдушкѣ!

Дѣлать нечего, надо было чѣмъ-нибудь вознаградить ребенка за отсутствіе подарковъ и гостинцевъ, которыми вознаграждаютъ въ этотъ вечеръ другихъ дѣтей; къ тому же, на совѣсти отца лежала елка, которую онъ обѣщалъ къ Рождеству, и которой также не было. Яша молча взялъ сынишку за руку и пошелъ въ ту сторону, гдѣ заливался кларнетъ. Немного погодя, увидѣли они, при свѣтѣ фонаря, низенькаго старичка, который стоялъ передъ окномъ и, переминая ногами, игралъ на кларнетѣ. Окно, задернутое занавѣской, было сильно освѣщено изнутри; надо полагать, топилась въ комнатѣ печка; перебѣгающее пламя и человѣческія тѣни на занавѣскѣ поминутно обманывали старика; каждый разъ, какъ за окномъ обнаруживалось больше движенія, старикъ принимался выдѣлывать самые трудные пассажи; онъ не сомнѣвался, что сейчасъ отворится форточка и къ ногамъ его упадетъ гривенникъ, завернутый въ бумажку; но тѣни скрывались, и снова изъ кларнета слышалось еще сильнѣе прежняго: „ай, батюшки, зябну!“

— Дѣдушка! здравствуй, дѣдушка! неожиданно прокричалъ мальчикъ.

Неоконченная нота пискнула изъ кларнета, и старикъ обернулся; но не успѣлъ онъ опустить инструментъ, какъ внучекъ скрылся подъ полами его фризовой шинели.

— Эхъ, озорникъ какой! чуть съ ногъ не сшибъ! сказалъ старикъ, принимая наклонное положеніе, чтобъ дать больше мѣста подъ шинелью. — Э! да и ты здѣсь, Яша?... промолвилъ онъ, подымая голову.

— Здѣсь, батюшка...

— Ну что̀, голубчикъ, какъ!... благополучно ли? торопливо спросилъ старикъ.

— Ничего, батюшка... какъ есть, ничего! глухо отвѣчалъ Яша.

— Что̀ ты?

— Напрасно только ходилъ.

— Эхъ, дѣло-то наше! Экая оказія право! Плохо. Яша, плохо, голубчикъ! проговорилъ старикъ, отдувая щеки, что дѣлалъ онъ поминутно, вѣроятно, по привычкѣ дуть въ кларнетъ: — эхъ, фу, фу-у! дѣло такое! стало, такъ ничего и не досталъ?

— Не даетъ; и того, говоритъ, много оченно забрано.

— Эхъ, фу-фу! промолвилъ тесть, запрятывая кларнетъ подъ шинель и не замѣчая второпяхъ, что прижалъ клапаномъ инструмента носъ внучку: — этакая оказія! подхватилъ онъ: — ну и я, того... Ничего то-есть не добылъ! весь кварталъ почитай исходилъ; игралъ, игралъ, одну лучинку разъ сорокъ никакъ проигралъ, никакого толку, фу-фу! только вотъ и досталъ одинъ пятакъ на свѣчку; въ лавочкѣ взялъ, домой снесъ; эхъ-ма! фу, фу, фу! зарѣзала насъ, Яша, нога твоя! какъ есть, всѣхъ зарѣзала она варварка! добавилъ онъ, тряхнувъ головою.

Старикъ поправилъ картузъ, прикрывавшій широкую лысину и нѣсколько пучковъ сѣдыхъ волосъ, и, переваливаясь съ ноги на ногу, чтобъ не задавить бѣжавшаго подъ шинелью внучка, направился къ дому въ сопровожденіи продрогшаго зятя. Пройдя шаговъ десятокъ, кларнетистъ пріостановился, выровнялся съ гаеромъ и пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Вотъ теперича, слышь, статья какая: какъ намъ съ квартирой-то быть? началъ старикъ.

Яша ничего не отвѣчалъ; лицо его ушло въ воротникъ пальто, одна рука скрылась въ карманъ; онъ хотѣлъ словно спрятаться въ эту минуту отъ всего свѣта.

— Вѣдь вотъ теперича, Василій Афанасьевичъ сказалъ: „коли не будетъ, говоритъ, денегъ нонеча объ вечеръ, завтра, говоритъ, духу вашего чтобъ не было“... вотъ она статья-то какая, фу, эка! слышь, для новаго-то года. А! подхватилъ старикъ: — оно, положимъ, ниито: что жъ? ну и съѣхали бы! главная причина, Маша слегла—вотъ что! перевезти-то не слободно, нѣтъ силы-воз-

можности; застудишь, вишь какіе холода стоятъ... она-то пуще всего насъ связала, фу, фу, а!

— Все единственно, безъ денегъ и здоровую не перевезешь, отозвался Яша изъ глубины пальто.

— Ну нѣтъ, съ здоровой-то все бы того... повольготнѣе; все какъ бы ни есть перевернулись: пошла бы тогда съ шарманкой; ребятишекъ съ собой взяла бы.

— Было и это, а лучшаго не видали; что̀ ужь тутъ! глухо отозвался Яша.

— Ну нѣтъ, братъ, нѣтъ, повольготнѣе жили противъ теперешняго... такой тѣсноты не видали; хоть за квартиру платили; дѣло на виду: ну что, примѣрно, я одинъ возьму? ходишь, ходишь, вотъ хоть бы сегодня, дуешь, дуешь, инда щеки заболятъ, а прійдешь ни съ чѣмъ! этакое задалось дѣло! фу, фу!... Ну, такъ какъ же быть-то, а? присовокупилъ старикъ, неужели такъ съ пустыми руками вернемся? хоть ситничка добыть надо.

При словѣ „ситничекъ“ обѣ полы шинели слегка распахнулись и пропустили голову мальчика.

— Купи ситничка, дѣдушка! купи ситничка! проговорилъ ребенокъ.

— Спрячься, холодно! спрячься, говорятъ, сказалъ дѣдъ, съ особенною какою-то торопливостью закрывая полами шинели лицо внучка, который снова почувствовалъ на носу своемъ клапанъ кларнета. Слышь, Яша, продолжалъ старикъ, понижая голосъ, толкая локтемъ зятя и кивая ему головой на спрятаннаго ребенка:— слышь, вѣдь съ утра маковой росинки въ роту не было, какъ есть!.. Я, чай, и тамъ-то нищатъ!.. Эхъ, народили вы на свою голову!.. Теперича вотъ еще статья какая: что̀ намъ съ Васюткой-то дѣлать? груди не беретъ. Ходилъ въ лавочку, просилъ, не даетъ Парфенъ молока въ долгъ, не отпущаетъ.,. что̀ намъ съ Васюткой-то дѣлать?

— А то же... О чемъ говорили вечоръ... то и сдѣлаемъ! отозвался Яша, и вдругъ высунулъ изъ пальто руки и голову съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, который видитъ, наконецъ, что всѣ ухищренія напрасны, что не убѣжишь отъ людскихъ преслѣдованій.

— Полно, Яша, полно... что̀ ужь это?... надо найдти, при-

мѣрно, другое средствіе... примирительнымъ тономъ началъ-было старикъ; но Яша перебилъ его:

— Нѣтъ, батюшка, я ужъ на томъ положилъ! сказалъ онъ твердымъ, хотя дрожащимъ голосомъ.

Яша, повидимому, не обращалъ уже вниманія на стужу; онъ шелъ, открывъ руки и голую шею на вѣтеръ.

— Нѣтъ, Яша, право можно найдти окромя другое средствіе, подхватилъ старикъ, сильнѣе еще прежняго отдувая свои щеки: — что̀ ужъ это!... извернемся лучше какъ-нибудь... вѣдь жаль, Яша, право жаль.

— А мнѣ и подавно... какъ быть!

— Ничего изъ того не будетъ, никакого, то-есть, облегченія... лишнія слезы однѣ — право такъ, фу, фу! Одно возьми въ разсужденье: развѣ другимъ ребятишкамъ легче будетъ черезъ это? Что пятерымъ ѣсть нечего, что четверымъ — все одна статья. Эхъ, фу, фу, эхъ, народили вы ихъ на свою голову!

— Точно, легче не будетъ, сказалъ Яша послѣ минуты молчанія: — точно; по крайности, хошь одинъ изъ моихъ дѣтей голодать не станетъ; хошь одинъ да будетъ счастливѣе! Авось, поможетъ, Богъ дастъ, возьмутъ, взмилуются, беречь станутъ... Ноньче же день такой, подъ новый годъ... Подумаютъ, на счастье послалъ Господь, ну и возьмутъ, оберегать станутъ.

— Эхъ, хе! вотъ-те и новый годъ!... чѣмъ бы радоваться, тѣшиться... Эхъ, фу! фу, а̄!

— А насчетъ человѣка, о комъ мы вечоръ говорили, продолжалъ Яша, пропустившій мимо ушей восклицаніе тестя: — человѣкъ хорошій, надежный, тоже вотъ и достатки большіе имѣетъ, что̀ ему! не даромъ идетъ о немъ слава по всему кварталу.

— Что̀ говорить! возразилъ тесть тономъ раздумья: — человѣкъ хорошій, это точно; а все жаль, Яша! фу, фу! а человѣкъ, то-есть, лучше быть нельзя; точно, хорошій человѣкъ! Больше ста разъ, можетъ статься довелось мнѣ играть у него на дворѣ: только заигралъ — сейчасъ тебѣ гривенникъ высылаетъ... И не то, примѣрно, есть другіе господа, играть оченно заставляютъ, то-есть, безперечь; нѣтъ, говоритъ, ступай, братецъ; самъ изъ форточки покажется; игры,

говоритъ, мнѣ твоей не надобно... такъ, ни за что дастъ гривенникъ: баринъ чего ужь лучше!

Яша ничего не отвѣчалъ; у старика также, видно, отпала охота разговаривать; оба шли молча до тѣхъ поръ, пока мальчикъ, выглядывавшій время отъ времени изъ своей засады, окончательно не оторвалъ носа отъ клапана, мѣшавшаго ему глядѣть на улицу, и не закричалъ:

— Пусти меня, дѣдушка, домой пришли!

— Тсс... тише, не шуми! сказалъ старикъ, снова набрасывая полу шинели на голову внучка: — надо изловчиться, примѣрно, какъ-нибудь, пройдти такъ легонько... промолвилъ онъ, наклоняясь къ зятю:---главная причина, слышь, не повстрѣчаться бы намъ съ Васильемъ Аѳанасьевичемъ: оченно сердитъ ноньче; ужь коли да провѣдаетъ что — денегъ нѣтъ, велитъ съѣзжать съ квартиры, это ужь безпремѣнно!... Завтра, можетъ статься, для новаго-то года какъ-нибудь посовѣстится... А мы тѣмъ временемъ извернемся... Завтра съ утра пойду играть, авось что и добуду; малую толику выплатимъ ему за квартиру, онъ, слышь, того и обождетъ!

Проговоривъ все это съ явнымъ намѣреніемъ обнадежить зятя, старикъ опустилъ ладонь къ тому мѣсту шинели, гдѣ скрывалась голова внучка, чтобъ, въ случаѣ надобности, тотчасъ же зажать ему ротъ и, бережно ступая по снѣгу, вошелъ подъ ворота вмѣстѣ съ Яшей.

Домъ выходилъ на уголъ двухъ переулковъ; то было каменное, но одноэтажное и неоштукатуренное зданіе, принадлежавшее вдовѣ какого-то Дроздова, что̀ можно было прочесть, при дневномъ свѣтѣ, на желтомъ ярлыкѣ, прибитомъ надъ воротами. Къ этому дому примыкали, одинъ за другимъ, еще четыре дома, но ужь деревянные и глядѣвшіе своими низенькими окнами прямо на расшивочную, расположенную въ сосѣднемъ переулкѣ. Ворота каменнаго, передового зданія служили единственнымъ сообщеніемъ съ другими владѣніями вдовы Дроздовой. Чтобъ попасть въ дальній домъ, вмѣщавшій квартиру гаера, слѣдовало пройдти длинный-предлинный дворъ, ограниченный справа четырьмя деревянными домами, слѣва заборами; дно двора замыкалось тѣми же барочными досками, просверленными дырами.

Въ лѣтнее время дворъ Дроздовой походилъ еще на что нибудь: трава и крапива росли въ изобиліи; въ заднемъ углу возвышалось даже какое-то деревцо; и дѣти обывателей могли дышать свѣжимъ воздухомъ, какъ только очищалась помойная яма, что̀ происходило ровно разъ въ мѣсяцъ. Но лишь только наступалъ ноябрь съ своими вѣтрами и снѣгами, дворъ дѣлался окончательно ужъ ни на что непохожимъ: учитель словесности и чистописанія, жившій на хлѣбахъ у самой хозяйки, не даромъ называлъ ея дворъ Кавказомъ Дарьяльскаго ущелья. Снѣгъ съ кровель сметали во внутрь двора, и снѣжные бугры возвышались со всѣхъ сторонъ, какъ волны окаменѣлаго Ледовитаго моря; всякій жилецъ выносилъ сюда все, что находилъ лишнимъ въ хозяйствѣ; кромѣ того, выкатывалъ бочки, корчаги, корыта; веревки съ висѣвшимъ бѣльемъ, протянутыя отъ кровель до забора, распространяли повсюду темноту полярныхъ ночей. Еслибъ Яша и его тесть не были здѣшними обывателями, и еслибъ, въ добавокъ, не раскидывалось надъ ними ясное морозное небо, усѣянное ярко блиставшими звѣздами, они, вѣрно, не нашли бы дороги. На дворѣ царствовала мертвая тишина, изрѣдка прерываемая звяканьемъ колокольчика, возвѣщавшаго, что въ распивочную сосѣдняго переулка навѣдывались гости.

Къ тишинѣ этой вскорѣ, однакожъ, примѣшалось какое-то шипѣнье, очевидно выходившее изъ дальнихъ сѣней. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, старый кларнетистъ увидѣлъ на полу сѣней огненную звѣзду, а немного повыше круглое, одутловатое лицо, освѣщенное трубою закипавшаго самовара.

— Эхъ, нелегкая его возьми, онъ... шепнулъ старикъ, невольно дѣлая шагъ назадъ и тотчасъ же приводя въ дѣйствіе опущенную ладонь, то-есть зажимая ротъ внучку, изъ предосторожности, чтобъ тотъ какъ-нибудь не выдалъ.

— Анна Ивановна, это вы? раздался почти въ то же время въ сѣняхъ гнусливый голосъ, старавшійся казаться пріятнымъ.

— Гм! гм! откашлянулся старикъ.

— Что его бояться! пускай гонитъ съ квартиры, квартира его!... пробормоталъ Яша, который, подобно всѣмъ людямъ, обнаруживающимъ робость и нерѣшительность въ мелочахъ жизни, сдѣлался вдругъ необыкновенно храбръ въ минуту истинной опасности.

*

— Анна Ивановна, вы ли это? повторилъ голосъ.

— Нѣтъ, гм! гм!... это я... гм! это мы! отозвался старикъ, приближаясь къ сѣнямъ и опуская руки, причемъ полы шинели распахнулись и пропустили голову мальчика — Поди, Ваня, къ матери, скажи: сейчасъ-молъ будемъ, промолвилъ старикъ, нагибаясь къ внучку, который мгновенно исчезъ въ какой-то темной двери. — Это мы! заключилъ старикъ, окончательно ужъ вступая въ сѣни, облѣпленные сверху до низу инеемъ.

Василій Аѳанасьевичъ, человѣкъ средняго роста, средняго возраста, лѣтъ, такъ, подъ-пятьдесятъ, съ лицомъ пухлымъ, но болѣзненнымъ и такимъ зеленымъ, какъ-будто питался онъ однимъ только сѣномъ (меня не удивило бы, еслибъ Василій Аѳанасьевичъ точно питался травою); онъ нюхалъ табакъ, и подъ носомъ его, изрядно опухшимъ, виднѣлись всегда слѣды табачной пыли. Рѣдкіе волосы Василья Аѳанасьевича, зачесанные съ праваго уха на лѣвое, съ явнымъ намѣреніемъ скрыть лысину, были бѣлокуры. Говорятъ, будто лица людей бѣлокурыхъ всегда мягче и пріятнѣе, чѣмъ у брюнетовъ; я съ этимъ несогласенъ; встрѣчаются и бѣлокурыя лица, на которыхъ грубыя человѣческія свойства какъ бы сосредоточили свою резиденцію. За доказательствами идти не далеко... но оставимъ это! Коротенькій халатъ, подпоясанный платкомъ, позволялъ любоваться на груди Василья Аѳанасьевича темнымъ съ свѣтлыми пуговицами жилетомъ, надъ которымъ дрожалъ, какъ студень, жирный подбородокъ. Василій Аѳанасьевичъ былъ золотильщикъ; но въ настоящее время онъ мало занимался ремесломъ своимъ; время уходило на разыскиваніе невѣсты, которая по возможности должна была осуществлять (такъ самъ онъ говорилъ) три достоинства: молодость, красоту и достатокъ. Василій Аѳанасьевичъ нанималъ у Дроздовой весь задній домъ, состоящій изъ четырехъ комнатъ; двѣ комнаты отдавалъ въ наймы, въ остальныхъ двухъ самъ помѣщался. Съ жильцами своими обходился онъ хорошо, то-есть требовалъ только съ ихъ стороны строжайшей акуратности и еще безграничнаго уваженія къ себѣ собственно, какъ къ главному хозяину квартиры. Вообще говоря, онъ человѣкъ обращенія ровнаго, но твердъ въ словѣ; если ужъ скажетъ, чтобъ жилецъ черезъ часъ очистилъ квартиру, такъ ужъ поставитъ на своемъ. Онъ никогда не горячился; голосъ его возвышался въ тѣхъ только, рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ, когда

упрямый, неуважительный жилецъ вынуждалъ его грозить полиціей.

— Гм! гм! это мы, Василій Аѳанасьевичъ, повторилъ старикъ, стараясь придать слову „мы“ какое-то особенно нѣжное выраженье.

— Вижу, братъ, вижу... сказалъ золотильщикъ, окидывая жильцовъ такимъ взглядомъ, что когда онъ снова обратилъ глаза къ самовару, самоваръ зашипѣлъ сильнѣе прежняго:—вижу, подхватилъ онъ:—только этого мало: требуются деньги за квартиру, вотъ что!

— Гм! гм!... изволишь видѣть, Василій Аѳанасьевичъ... оно, то-есть... мы, изволишь видѣть...

— Что̀ тутъ толковать! все одно, не сегодня, завтра надо сказать, нѣтъ денегъ! отрывисто произнесъ Яша.

Василій Аѳанасьевичъ поднялъ голову.

— Какъ же можешь ты это говорить своему хозяину? повторилъ Василій Аѳанасьевичъ съ чувствомъ глубочайшаго достоинства.

— Который цѣлковый мы вамъ должны, тотъ заплатимъ и квартиру очистимъ, а кричать на насъ нечего! возразилъ Яша съ такой горячностью, какой вовсе нельзя было ожидать отъ полузамерзавшаго человѣка; впрочемъ, говорятъ, и ледъ даетъ искру при сильномъ треніи. Такая выходка въ-конецъ ошеломила золотильщика.

— Когда такъ, сказалъ онъ, горделиво запахивая халатъ:— вонъ, ступай вонъ!... не то я позову сюда...

Слово „полиція“ готово ужъ было сорваться съ языка раздраженнаго Василія Афанасьевича и, нѣтъ сомнѣнія, онъ привелъ бы въ дѣйствіе свою угрозу, еслибъ старикъ не поспѣшилъ остановить его.

— Эхъ, Василій Аѳанасьевичъ, и для такого дня, для новаго-то года?... полно! сказалъ онъ, толкая локтемъ зятя: — мы тебѣ заплатимъ, все до послѣдней копѣечки очистимъ... только маленечко еще... слышь, повремени маленько!... У насъ и разговору примѣрно, матеріи такой не было бы, не случись горя... не сломи Яша ногу...

Мы всегда платили кажись исправно; повремени, по силѣ-возможности; то есть, вотъ какъ: по гробъ жизни благодарить станемъ! Ну хорошо, сгонишь, это примѣрно, ты насъ съ квартиры, ноньче сгонишь; все одно, завтра никто ее не сыметъ; вѣдь также пустая останется!... Дай намъ воздохнуть, поуправиться... завтра новый годъ, авось сотворитъ Господь, для того дня добуду деньженокъ... обожди благодѣтель!

— Зачѣмъ же говорить такъ: „денегъ нѣтъ", ворчливо возразилъ золотильщикъ, стараясь поддѣлаться подъ тонъ Яши: — ты знать долженъ, кому говоришь; хозяину своему говоришь! не на улицѣ попался человѣкъ, что ты можешь ему говорить такимъ манеромъ! Это, братецъ, не хорошо, подхватилъ онъ наставительнымъ, но ужь смягченнымъ голосомъ: — да, долженъ благодарить, а не то, чтобъ такъ хозяину, потому, выходитъ, квартира первая вещь, всему голова, заглавіе... И то держу изъ милости, по добродѣтели по своей; давно бы согнать надо по настоящему; потому, выходитъ, мы нищихъ никогда не держали; васъ держать, выходитъ, все единственно — страмота одна. Вотъ хоть бы сегодня, безъ васъ Анна Ивановна снесла вамъ хлѣба... что же это такое? какіе же вы жильцы послѣ этого? просто страмота одна съ вами; отчаянный самый народъ и больше ничего!...

— Конечно, поспѣшилъ подхватить старикъ изъ опасенія, чтобъ зять не вмѣшался въ разговоръ и не испортилъ дѣла: — конечно, Василій Аѳанасьевичъ, точно, тѣснота одолѣла... фу, фу... а все же надо, примѣрно, взять въ разсужденье... все же не по своей провинности: нога, вотъ его нога-варварка насъ всѣхъ зарѣзала!... потому мы не какіе-нибудь мазурики... Хошь бы, примѣрно, зять мой, помнишь, прошлый-то годъ бумажникъ нашелъ, съ деньгами нашелъ, вѣдь отдалъ же кому слѣдуетъ, не попользовался... Это значитъ не всякой такъ поступитъ: добавилъ старикъ, не пропускавшій случая приплести исторію найденнаго бумажника.

— А все, главная причина: не долженъ онъ такъ разговаривать съ своимъ хозяиномъ, перебилъ золотильщикъ: — потому квартира всему голова, заглавіе, и хозяинъ квартиры самый выходитъ...

Скрипъ шаговъ, неожиданно раздавшійся на дворѣ, прервалъ рѣчь его.

— Анна Ивановна, это вы? произнесъ онъ, смягчая до крайней степени голосъ.

— Я, Василій Аѳанасьичъ, я самая! отвѣчалъ кисленькій, но не лишенный пріятности голосокъ, какимъ говорятъ обыкновенно старыя дѣвы, не утратившія еще надежды на замужество.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ сѣняхъ показалась крошечная, сухопарая женщина съ коротенькими руками, обремененными узлами, съ крошечной головкой, опутанной платкомъ, и крошечнымъ лицомъ, въ которомъ все какъ-то было кругло: и носъ, и щеки, и подбородокъ, и даже ротъ. То была другая жилица золотильщика, но, Боже, какая жилица! образецъ всѣхъ жилицъ! Самъ Василій Аѳанасьевичъ уважалъ Анну Ивановну. Она дѣйствительно заслуживала уваженье: женщина была добрая, платила за квартиру исправно, имѣла даже маленькій капиталъ, въ триста рублей ассигнаціями, нажитый честными трудами. Анна Ивановна занималась, вотъ ужъ скоро пятнадцать лѣтъ, вязаньемъ шерстяныхъ носковъ, чепчиковъ и перчатокъ, предназначавшихся для продажи на Апраксиномъ дворѣ, гдѣ пользовалась она голосомъ, вѣсомъ и всеобщимъ уваженіемъ. Такое общественное положеніе дѣлало величайшую честь Аннѣ Ивановнѣ: круглая сирота, безъ связей, безъ подпоры, она всѣмъ была себѣ обязана. Анну Ивановну обвиняли въ гордости и часто происходившей отъ того обидчивости, щепетильности; но всякому покажется такая слабость весьма натуральною, если сказать, что покойный папенька Анны Ивановны содержалъ цырюльню на Владимірской. Содержать цырюльню не всякій можетъ—не бездѣлица; и, какъ хотите, простительно гордиться такимъ родителемъ.

— Здравствуйте, Василій Аѳанасьевичъ! скороговоркою начала Анна Ивановна, перекладывая узелъ съ одной руки на другую: — здравствуйте, Герасимъ Степанычъ, промолвила она, обращаясь къ старику: — добраго вамъ вечера, Яковъ Петровичъ! ухъ, какъ устамши! бѣжала, знаете, изъ лавочки... насилу духъ перевожу... а тутъ, знаете, человѣкъ... ахъ какъ перепужалась... да, знаете, дерзкій такой... о чемъ это вы здѣсь заговаривались?

— Да вотъ, Анна Ивановна, денегъ не отдаютъ за квартиру...

— Просимъ то-есть обождать по-силѣ возможности... хоть до завтра бы, Анна Ивановна, вмѣшался старикъ: — вѣдь все одно, также пустая простоитъ!...

— Полноте, Василій Аѳанасьевичъ, повремените, ваше не уйдетъ; знаете, завтра ужь день такой! сказала Анна Ивановна: — васъ за это во весь годъ Богъ счастьемъ наградитъ; добрымъ дѣломъ начнете годъ, добрымъ и кончится... вотъ также, знаете, покойный мой папенька... содержалъ этта онъ, знаете, цырюльню на Владимірской; ну былъ, знаете, человѣкъ не то, чтобъ какой нибудь... также, знаете, свой капиталъ имѣлъ; такъ разъ, знаете, передъ новымъ годомъ весь долгъ простилъ...

— Для васъ ужь развѣ сдѣлаю уваженье, Анна Ивановна... такъ и быть! Народъ, вотъ видите, оченно отчаянный, вотъ что!...

— Ну хоть для меня! хоть для меня! торопливо сказала дѣвица. Ухъ какъ устамши! Пойду; прощайте; теперь, знаете, некогда. Смотрите же, Василій Аѳанасьевичъ, приходите какъ обѣщали! знаете, этакъ черезъ часочекъ... надо же вмѣстѣ новый-то годъ встрѣтить! я ужь и въ лавочкѣ кое-что взяла; будутъ все знакомые вамъ люди: Андреичъ... знаете, такой еще весельчакъ-то; такъ приходите же!

— Погодите, Анна Ивановна, вотъ что: неловко, какъ словно... У меня, вамъ извѣстно, родственникъ изъ Тихвина гоститъ... сестринъ...

— Это ейный-то мужъ? Иванъ Тихонычъ! такъ что-жь такое? и его зовите!

— Не приходится какъ-то...

— Вотъ вздоръ какой! непремѣнно приведите... такой любезный, обходительный человѣкъ... скажите, оченно дескать рады знакомству.

— Хорошо, скажу, Анна Ивановна; только вотъ, какъ я вамъ говорилъ: пожалуйста, чтобъ не было у васъ дяди Николая... одинъ уговоръ...

— Помилуйте, что̀ вы, что̀ вы! ни за какія благополучія не будетъ! что̀ вы! я и такъ напрямикъ ему отказала... что̀ вы! Онъ,

хоть, знаете, и дядя мнѣ по маменькѣ, ейный братъ, а нечего дѣлать, потому человѣкъ, знаете, невоздержанный, страсти подобно! разстроитъ только нашу пріятную компанію.

— То-то же; пожалуйста, Анна Ивановна, потому оно, знаете, и для квартиры нехорошо; затѣетъ шумъ, драку.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорю вамъ—не будетъ! Такъ смотрите же, этакъ черезъ часокъ приходите... Прощайте, Герасимъ Степанычъ, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Прощайте, Яковъ Петровичъ! Поклонитесь Марьѣ Герасимовнѣ, да скажите—навѣщу ее завтра утромъ, безпремѣнно, заключила Анна Ивановна, исчезая въ дверяхъ, расположенныхъ въ дальнемъ углу.

— Что жъ вы здѣсь стоите? спросилъ золотильщикъ, обращаясь къ двумъ оставшимся жильцамъ;—до завтраго вечера обожду... и то больше, что просила Анна Ивановна.

— Ну, благодарствуй, Василій Аѳанасьичъ! отвѣчалъ старикъ:—желаемъ тебѣ, фу, фу! желаемъ встрѣтить счастливо новый годъ!

— Спасибо, спасибо; и вамъ того желаю, торопливо проговорилъ золотильщикъ; при этомъ онъ поднялъ самоваръ и, откинувъ назадъ зеленое лицо свое, въ которое неожиданно устремилась струя горячаго пара, поплелся за Анной Ивановной, бормоча сквозь свои толстыя губы:—Этакой отчаянный народъ, право! такой-то отчаянный, что просто и сказать нельзя!

Старый кларнетистъ и зять его, акробатъ, постояли на мѣстѣ секунды двѣ, потомъ потянулись къ досчатой двери, повѣсили голову и тоже побрели въ свою квартиру.

IV.

СЕМЕЙСТВО АКРОБАТА. ПОХИЩЕНІЕ.

Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно ввести васъ теперь, хоть для разнообразія, въ великолѣпную комнату, установленную, не

скажу—мебелью Гамбса или Тура, Лизере или Гальпена, нѣтъ, этого мало, но настоящею неподдѣльною булевскою мебелью; комнату, украшенную, сверхъ того, севрскимъ, саксонскимъ и китайскимъ фарфоромъ, обвѣшанную драгоцѣнными картинами, устланную мягкимъ, какъ пухъ, ковромъ и освѣщенную карселями въ нѣсколько сотъ рублей за штуку, и проч. Но, къ сожалѣнію, я долженъ подавить въ себѣ такое желаніе. Долгъ прежде всего; мы необходимо приносимъ ему иногда въ жертву лучшія наши фантазіи.

Волей-неволей, я снова долженъ буду повѣствовать о другѣ моемъ, Яшѣ Жилетниковѣ. У Жилетникова же, сколько могу судить, не имѣется въ настоящее время не только булевской, но даже гамбсовской мебели; я сильно даже сомнѣваюсь, была ли когда-нибудь у Жилетникова хоть одна самая маленькая, самая ничтожная японская ваза; мнѣ покрайней мѣрѣ никогда не приходилось видѣть у него что-нибудь въ этомъ родѣ. Комната Жилетникова (квартира его состояла изъ одной комнаты) отличалась необыкновенной простотой; никакого лишняго украшенія на стѣнахъ, кромѣ развѣ узоровъ, образовавшихся отъ сырости, да еще трещинъ и впадинъ, происшедшихъ отъ обвалившейся штукатурки; строгая простота служила, казалось, девизомъ Яшѣ Жилетникову: простота въ разстановкѣ мебели, простота на окнѣ, гдѣ располагались просто, безъ всякаго намѣренія пустить пыль въ глаза: горшокъ, муравленая подбитая миска, нѣсколько деревянныхъ ложекъ и глиняная кружка. Мнѣ нравилось всегда, что единственное окно комнаты постоянно завѣшивалось какимъ-нибудь предметомъ изъ гардероба: фартукомъ, платкомъ, иногда даже панталонами; свѣтъ, конечно, нѣсколько заслонялся, но за то Яша Жилетниковъ, его жена, тесть и дѣти не имѣли съ утра до вечера передъ глазами помойной ямы, какъ нарочно расположившейся передъ окномъ. Не знаю, какъ вамъ, но по-моему, одно было не хорошо, именно: отсутствіе тепла; въ настоящую минуту вамъ стоило только дохнуть противъ свѣта сальнаго огарка, чтобъ убѣдиться, какая страшная разница существовала между теплотою вашего дыханія и воздухомъ комнаты. Огарокъ, купленный часъ назадъ, старымъ кларнетистомъ, возвышался на шарманкѣ, поставленной къ окну; шарманка служила столомъ семейству акробата; тутъ обѣдали, ужинали, пили чай; впрочемъ, чаю давно ужъ не пили; столъ, какъ видите, былъ съ

музыкой (такіе столы продавались, говорятъ, очень дорого на лондонской и дублинской выставкахъ).

Пламя огарка, придавленное мохнатой шапкой нагара, освѣщало жалкую сосновую кровать съ лежавшей на ней женщиной. Какъ, неужели это та самая Маша, которую видѣлъ я когда-то на сценѣ балагана! Та самая Маша, которой любовался я, когда, бывало, вертѣлась она при блескѣ ламп на деревянномъ кругѣ въ игривомъ образѣ Венеры, нимфы и тому подобнаго. Куда-жъ дѣвались эти каріе, живые глаза? эти полныя плечи и икры, имѣвшія свойство приводить меня всегда въ неописанный восторгъ? Нѣтъ сомнѣнія, однакожъ, это Маша, жена лучшаго друга моего, Яши Жилетникова! Никто не могъ подмѣнить ее! Я вижу ее теперь въ профиль, вижу рѣдкія пряди бѣлокурыхъ волосъ на преждевременно увядшихъ вискахъ, вижу одну темную впадину вмѣсто праваго глаза, но, несмотря на это, безошибочно узнаю старую свою знакомку.

Никогда еще, во всю ея жизнь, не приводилось ей принимать участія въ такой печальной живой картинѣ! Подлѣ нея лежалъ послѣдній ея ребенокъ, обернутый въ какое-то бурое тряпье; остальные члены семейства помѣщались тутъ же, на той же кровати; въ ногахъ сидѣлъ знакомый намъ Ваня; раздраппированный платкомъ, которымъ больная мать поспѣшила его прикутать, онъ жадно вонзалъ зубы въ хлѣбъ, принесенный Анной Ивановной и оставленный на его долю; подлѣ располагалась сестра его, дѣвочка пяти лѣтъ, но ужъ большая мастерица плясать русскую и сохранять равновѣсіе въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ, въ заключеніе спектакля, ставилъ ее себѣ на голову; она совсѣмъ почти исчезла подъ ветхой отцовской шинелью; наружу выглядывали только бѣлокурая, кудрявая головка и круглое личико, подрумяненное холодомъ; тутъ было еще двое дѣтей; но послѣднія окончательно ужъ затеривались въ многочисленныхъ складкахъ одѣяла и одежды, брошенной на постель. Изнуренный профиль матери, ея колѣни, голова Вани, кудри его сестры и складки одѣяла, приподнятаго головами двухъ младшихъ дѣтей, бросали на ближайшую стѣну густую зубчатую тѣнь, которая становилась все длиннѣе, по мѣрѣ того, какъ сокращался огарокъ; тѣнь начинала ужъ захватывать ветхій трико кирпичнаго цвѣта, принадлежавшій главѣ семейства и висѣвшій на гвоздѣ;

немного подальше, на другомъ гвоздѣ, виднѣлись голубой камзолъ съ оставшимися кой-гдѣ блестками, бубенъ, маленькій кокошникъ и сарафанчикъ—предметы драгоцѣнные, но висящіе безъ употребленія съ тѣхъ поръ, какъ Яша сломалъ себѣ ногу и пятилѣтняя дочь его не участвовала ужь въ представленіяхъ. Остальные предметы гардероба частью находились на плечахъ Яши и его тестя, которые еще не возвращались.

Для полноты живой картины, недоставало только тишины; отсутствіе тишины отнимало весь эффектъ: мать безпрестанно кашляла, новорожденный не переставалъ пищать, пятилѣтняя дѣвочка ежилась, другіе два ребенка, какъ самые неблагоразумные въ семействѣ, высовывали поминутно головы и жаловались на стужу. Изъ всѣхъ этихъ звуковъ я предпочитаю, однакожъ, возгласы Вани, который разсказывалъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ похожденія свои съ отцомъ. Не смотря на частыя остановки, происходившія единственно оттого, что кусокъ хлѣба въ рукахъ его не былъ еще конченъ, онъ успѣлъ передать о томъ, какъ отправились они съ отцомъ изъ дома; сообщалъ, какъ началъ онъ думать, что умретъ отъ холода, когда пробирались они по темнымъ закоулкамъ своего квартала; какъ достигъ потомъ освѣщенныхъ улицъ, и какъ вдругъ забылъ и вѣтеръ, и холодъ, когда очутился передъ блистающими высокими окнами, заставленными сверху до низу игрушками и лакомствами; онъ слегка только коснулся дерзновенной мысли присвоить себѣ маленькую изъ этихъ игрушекъ, и то потому больше, что вызванъ былъ неумѣренными восторгами пятилѣтней сестры своей; потомъ перешелъ Ваня къ тому, какъ отецъ снова повелъ его темными, холодными переулками; онъ началъ ужь разсказывать, какъ вошли они къ баньщику; но въ эту самую минуту въ дверяхъ послышалось топанье, и вслѣдъ за тѣмъ на порогѣ комнаты показались его отецъ и дѣдушка.

Разсказчикъ тотчасъ же остановился: на постели произошло необычное движеніе, точно заколыхалось море, въ которомъ, вмѣсто плавающихъ матросовъ, ныряли маленькія дѣти. Не берусь передать вамъ крика, съ какимъ встрѣчены были вошедшіе; въ этомъ единодушномъ дѣтскомъ возгласѣ было что-то похожее на восторженную пискотню неоперившихся еще птичекъ, когда, завидѣвъ издали мать, высовываютъ онѣ изъ гнѣзда желтенькіе носики, въ

полной увѣренности, что она несетъ имъ гостинецъ. Но сравненіе пойдетъ къ дѣлу; а если и пришлось кстати, то говоритъ въ пользу дѣтей Жилетникова: пискотня маленькихъ птичекъ, привыкшихъ двадцать разъ въ день получать гостинцы, свидѣтельствуетъ только о ихъ нетерпѣніи, неумѣренности, жадности, и ровно ничѣмъ не оправдывается, тогда какъ дѣти Жилетникова имѣли полное право подымать суматоху, потому что, во-первыхъ, никогда еще не получали гостинца; во-вторыхъ, гостинецъ былъ имъ обѣщанъ. Да, дѣдушка Герасимъ обѣщалъ имъ гостинецъ, и я нахожу, что въ этомъ именно заключается главная вина его. Очень нужно было разсказывать, что сегодня новый годъ! что въ новый годъ умныхъ и послушныхъ дѣтей награждаютъ подарками! Хуже всего то, что Яша, думая избавиться какъ-нибудь отъ пискотни и желая дать покой своей женѣ, имѣлъ неосторожность подтвердить слова дѣда; къ довершенію всѣхъ бѣдъ, онъ добавилъ, что непремѣнно принесетъ игрушекъ всѣмъ дѣтямъ безъ исключенія, если только перестанутъ они надоѣдать матери: судите же сами, можно ли было оставаться равнодушнымъ при появленіи отца и дѣда!

Не говорю о пятилѣтней плясуньѣ; одной секунды было достаточно, чтобъ освободиться изъ-подъ шинели, соскочить на земь и броситься къ отцу, но даже другіе два ребенка, присутствіе которыхъ обозначалось до сихъ поръ жалобами и движеніями подъ одѣяломъ, и тѣ побросались съ кровати и облѣпили отца; казалось даже, самъ новорожденный закричалъ звончѣе обыкновеннаго.

Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ (отцовскіе карманы тотчасъ же оказались пустыми), ребятишки мгновенно обратились къ дѣду, и хорошо впрочемъ сдѣлали: оглушенный ихъ крикомъ, стѣсненный въ своихъ движеніяхъ, Яша шагу не могъ сдѣлать къ женѣ, которая давно, между тѣмъ, повернула къ нему изнеможенное лицо свое и спрашивала о чемъ-то.

— Гдѣ вы долго такъ были?.. Измучили вы меня совсѣмъ! говорила она слабымъ, но раздраженнымъ голосомъ, свойственнымъ женщинамъ, одержимымъ грудною болью.

— Никакъ нельзя было... не управился... далеко очень ходилъ, произнесъ Яша, торопливо приближаясь къ постели, между тѣмъ какъ тесть увлекалъ дѣтей въ дальній уголъ.—Ты, Маша, не сумлѣвайся, поспѣшилъ присовокупить мужъ, замѣтивъ слѣды

безпокойства на блѣдномъ лицѣ жены:—ей-Богу не сумлѣвайся... лучше то-есть быть нельзя!.. спроси хоть у батюшки.

— Не сумлѣвайся, Маша, все благополучно! гм! все, какъ есть! подхватилъ старикъ, становясь на цыпочки и бережно укладывая кларнетъ на гвозди подъ потолкомъ, въ такое мѣсто, куда не могли достать дѣти:—лучше быть нельзя! подхватилъ онъ:—и баньщикъ, и... и я вотъ кое-что того... фу, фу, добылъ! и все такое! Полно вамъ кричать-то... ну, что вѣшаетесь! (тутъ онъ неожиданно обернулся къ внучкамъ):—эки какіе, право! сказано: принесъ—чего вамъ еще. А вотъ кто кричать станетъ, да досаждать, тому ничего не дамъ; такъ, ни съ чѣмъ останется! Видите, матери нездоровится... эки право безтыжіе какіе!..

Яша поглядывалъ украдкою на жену. Слова отца повидимому не произвели на нее желаннаго дѣйствія: брови ея слегка дрогнули, глаза съ безпокойствомъ переходили отъ мужа къ отцу; грудь, по которой изгибалась темная, глубокая тѣнь, поднялась, какъ бы стѣсненная мрачнымъ предчувствіемъ и недовѣрчивостью.

— Ты думаешь того... нѣтъ, нѣтъ, не сумлѣвайся! заговорилъ вдругъ Яша съ необычайной живостью; при этомъ онъ снялъ съ себя картузъ, тряхнулъ имъ по воздуху и даже усмѣхнулся; но я былъ всегда того мнѣнія, что Яша Жилетниковъ былъ столько же ловкій акробатъ, сколько плохой актеръ; несмотря на улыбку, лицо его оставалось блѣдно и встревожено, чему не мало способствовали черные волосы, разсыпавшіеся въ безпорядкѣ по плечамъ; въ одномъ развѣ можно было отдать ему справедливость: онъ съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ стискивалъ зубы, такъ что не было возможности замѣтить, какъ они щелкали.

— Скажете ли вы наконецъ толкомъ-то: что-жь баньщикъ... далъ ли онъ денегъ? проговорила больная съ бо̀льшею еще противъ прежняго раздражительностью.

— Какъ же... то-есть, далъ! возразилъ Яша съ увѣренностью.

— Гдѣ же онѣ?.. покажи...

— Погоди маленько... дай вздохнуть... надо, то-есть, видишь ли... надо обождать немножко... Такъ и сказалъ:—сію секунду, говоритъ, въ наличности не имѣю... повремени часокъ, го-

ворить, возьми впередъ, говоритъ, хоть за цѣлый мѣсяцъ... Ты бы, Маша, пальтомъ моимъ прикуталась; все бы, того, потеплѣе, ей-Богу! добавилъ неожиданно Яша, приводя въ дѣйствіе слова свои.

Въ отвѣтъ на это, жена его закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Побойся Бога! эхъ! эхъ! ну о чемъ? заговорили въ одно время Яша и тесть, торопливо подбѣжавшій къ постели:—вѣдь вотъ ты вѣдь какая! не дослушаешь, да и того...

— Эхъ, подхватилъ старикъ:—ну, о чемъ плакать-то? словно махонькая, разсудку, примѣрно, своего не имѣешь... говорятъ, обожди часокъ... вѣдь ждали же, ждали, почитай, цѣлые мѣсяцы...

— Ваня сказывалъ, встрѣтили Василія Аѳанасьича... съ квартиры обѣщалъ согнать... Обманываете вы меня! проговорила Маша, рыдая.

— Ну, вотъ подижь-ты! съ комическою увѣренностью воскликнулъ старикъ:—подижь-ты, о чемъ сокрушается!

— Самое, что ни есть пустяшное настоящее дѣло! прибавилъ Яша, украдкою грозя сыну.

— Слышь, о чемъ сокрушается! Эхъ-ма! подхватилъ старикъ:—слышь, Василья Аѳанасьича повстрѣчали! Да ты спроси сперва-наперва, что было-то? Слава Господу Богу, что еще встрѣтились! Переговорили съ нимъ и все такое... повременить обѣщалъ; то-то вотъ не знамши-то, не спросимши, да въ слезы...

— А денегъ-то все нѣтъ!.. Теперь надо бы молочка ребенку, а гдѣ...

— Все будетъ, все, дай только срокъ! вѣдь я же толкомъ говорю: игралъ ноньче почитай весь вечеръ на кларнетѣ... ну, и выручилъ, и лавочнику заплатилъ; можно сейчасъ взять. А вотъ встрѣтился еще одинъ человѣкъ: „безпремѣнно, говоритъ, что принесу ноньче же вечеромъ“; былъ за нимъ маленькій должокъ, такъ онъ, примѣрно, обнадежилъ; „безпремѣнно, говоритъ, принесу“; о чемъ крушиться-то? Бога только гнѣвишь, право!

Тутъ старикъ толкнулъ локтемъ Яшу, и оба соединенными силами принялись увѣщевать больную. Яша краснорѣчиво распростра-

нился о добродѣтеляхъ баньщика, коснулся, для вящаго эффекта, о стѣсненныхъ обстоятельствахъ этого достопочтеннаго мужа, убѣждалъ жену повременить только часъ, одинъ единственный часъ; говорилъ, что, по прошествіи этого времени, онъ готовъ сломать лѣвую свою ногу, если баньщикъ не принесетъ обѣщанныхъ денегъ. Старикъ, въ свою очередь, съ особеннымъ увлеченіемъ повѣствовалъ о лавочникѣ, о добытыхъ деньгахъ и о случайно встрѣтившемся человѣкѣ, который черезъ часъ обѣщалъ выручить. Изъ словъ дѣдушки Герасима ясно значилось, что если онъ не захватилъ молока для новорожденнаго, такъ единственно потому лишь, что лавочка была биткомъ набита покупателями: никакъ не проберешься, и что ему и Яшѣ не въ терпежъ ужь было дожидаться на улицѣ: оба страхъ продрогли; а что, вотъ только немного пообогрѣются, сію-жь минуту пойдутъ въ лавочку, принесутъ все нужное и даже заберутъ кой-чего лишняго.

Не берусь рѣшить, что именно подѣйствовало на больную: краснорѣчивыя ли убѣжденія мужа и престарѣлаго отца, слабый ли лучъ надежды, нежданно прокравшійся въ ея встревоженную душу, или, попросту, ослабѣвшіе ея нервы утомились происшедшею сценой, но только она мало-по-малу успокоилась; она перестала плакать, подавила вздохъ и, прикутавъ спавшаго подлѣ младенца, опустилась на подушку, причемъ верхняя часть ея туловища окончательно исчезла въ густой тѣни, бросаемой спинкой кровати.

Яша медленно отошелъ тогда въ дальній уголъ, сѣлъ на скамью и, уперевъ локти въ колѣни, опустилъ голову въ ладони.

Трудно рѣшить, о чемъ думалъ онъ въ эту минуту. Скорѣе можно поймать на лету одну за другою дюжину ласточекъ, чѣмъ уловить чужія мысли. Принимая въ соображеніе существующія обстоятельства, можно приблизительно догадываться, что Яша думалъ о теплыхъ квартирахъ и жильцахъ, которые блаженствовали, сидя теперь передъ топившейся печкой; думалъ о знакомыхъ гаерахъ, у которыхъ сытыя дѣти, здоровая жена и, въ добавокъ, цѣлыя ноги; думалъ о нѣсколькихъ тысячахъ сытныхъ пироговъ съ капустой и морковью, которые поспѣвали теперь въ печкахъ; думалъ о нѣсколькихъ стахъ котлетахъ (Яша произносилъ всегда: коклеты), которыя жарились теперь въ трактирахъ, и проч. Мысли его, цѣпляясь одна за другую, перешли наконецъ незамѣтно къ бумажнику, найденному

имъ прошлаго года; въ этомъ бумажникѣ, сказывали ему, было около тысячи рублей... Тысяча рублей!... Ну что, если бы?... Но Яша въ ту же секунду подавилъ въ себѣ такую мысль, и съ этой минуты исключительно ужъ занялся будущностью дѣтей своихъ, судьбою новорожденнаго.

Старикъ, между тѣмъ, давно присоединился къ внучкамъ. Онъ усѣлся съ ними на жиденькомъ тюфякѣ, брошенномъ на полу за спинкою кровати и, посадивъ къ себѣ кого на колѣни, кого подлѣ, а кого такъ, просто, поглаживая по головкѣ, разсказывалъ сказку. Это былъ единственный способъ усмирить на время ребятишекъ и заставить ихъ забыть объ обѣщанныхъ гостинцахъ. И въ самомъ дѣлѣ, слушая дѣдушку Герасима, нельзя было не забыться, нельзя было не развѣсить ушей! Чего только не приплеталъ онъ къ своей сказкѣ! Тутъ были и коровы съ золотыми рогами, у которыхъ на одномъ боку помѣщалась баня, на другомъ боку котелъ, такъ что можно было въ одно время и мыться, и париться; были золотыя березы, отягченныя серебряными яблоками; были острова съ медовыми рѣками, патоочными ручьями, кисельными берегами и пряничными домами... Чего только не было! Слюнки текли сами собою. И неизвѣстно, до какихъ сластей дошелъ бы наконецъ старикъ, еслибъ, поднявъ какъ-то голову, не встрѣтилъ взгляда Яши, взгляда, сопровождаемаго выразительнымъ движеніемъ головы. Старикъ тотчасъ же замялся.

— Ну, дѣтушки, сказка наша теперь кончена: жили-поживали, да добра наживали и все такое... А я вотъ что скажу вамъ, прибавилъ онъ вкрадчивымъ шопотомъ: — вотъ мы теперь всѣ сколько насъ ни на есть, всѣ, и мать, и отецъ, и я, и вы — всѣ, слышь того... соснемъ маленечко.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хотимъ спать! закричали дѣти въ одинъ голосъ.

— Тсс... шт!.. прошипѣлъ старикъ, выглядывая изъ-за спинки постели и устремляя глаза на больную, лежавшую въ забытьи: — тш!.. прислушайте только: вотъ мы того, часочекъ соснемъ, а тамъ, слышь, новый годъ встрѣчать станемъ... времени вѣдь много еще до новаго-то года! Тѣмъ временемъ, я знаю, подойдетъ одинъ человѣкъ, принесетъ денегъ .. А вотъ кто плакать будетъ, прибавилъ старикъ, грозя двумъ младшимъ внучкамъ, которые принялись хны-

кать, тому не будетъ гостинца, право не будетъ! Ну, ребятишки, нут-ка, кто скорѣе заснетъ! Ваня, ты прозябъ, голубчикъ, лягъ-ка, поди, какъ согрѣешься! заключилъ дѣдъ, обращаясь съ особенною заботливостью къ старшему внуку, какъ къ самому смышленому.

— Что-жъ, дѣдушка, коли не хочется, возразилъ Ваня.

— Экой ты, братецъ ты мой, какой! понудь себя маленько... лягъ только, лягъ; я тебя прикутаю. А прійдетъ тотъ человѣкъ — сапоги куплю! Вѣдь твои всѣ прорваны, и на улицѣ-то стыдно показаться, мальчишки и то смѣются. Ну, ребятишки, ляжемъ! Вотъ и я съ вами, только прикутаю.

Сказавъ это, старикъ снялъ съ гвоздя трико, камзолъ, бросилъ ихъ на дѣтей, которыя сбились въ кучку, и вскорѣ самъ присоединился къ нимъ. Магическое слово „сапоги", которые, можно сказать, были первою несбыточною мечтою семилѣтняго мальчика, произвело на Ваню такое же вѣрное дѣйствіе, какъ слово „гостинецъ" на его сестеръ и братьевъ; свернувшись кренделемъ подъ лохмотьями отцовскаго гардероба, они закрыли глаза и, обманутые притворнымъ храпѣньемъ дѣда, вскорѣ заснули крѣпчайшимъ сномъ...

— Спятъ? прошепталъ Яша, осторожно приподымаясь съ своего мѣста.

— Угомонились, отвѣчалъ старикъ, отрываясь какъ бы нехотя отъ группы внучковъ и вставая на ноги.—Яша, прибавилъ онъ, подходя къ зятю и взявъ его за руку:—Яша, не-ужъ-то, въ самомъ дѣлѣ? Одумайся, подумай, съ ней-то что станется! заключилъ онъ, кивая головою на спавшую дочь.

Въ отвѣтъ на это Яша махнулъ только рукой, потомъ перекрестился и съ видомъ суетливаго какого то замѣшательства приблизился на цыпочкахъ къ кровати; тесть шелъ за нимъ и также крестился.

Увѣрившись, что больная точно спала, Яша тихонько отвернулъ уголъ одѣяла, подъ которымъ лежалъ новорожденный (какъ дрожала въ эту минуту рука Яши, о еслибъ вы только видѣли!) Нужна была необычайная ловкость гаера (я увѣренъ, что никакой другой человѣкъ, кромѣ фокусника, или гаера не справился бы съ такою ловкостью), чтобъ приподнять младенца и не разбудить его.

Одинъ крикъ—и все погибло! но крикъ не раздался, и Яша отошелъ съ младенцемъ къ двери.

Тутъ Яша остановился, пригнулъ заплаканное лицо свое къ ребенку и перекрестилъ его.

— Мочи нѣтъ, силы не хватаетъ, не могу! прошепталъ онъ задыхающимся отъ сдавленныхъ рыданій голосомъ:—возьми ты его отнеси, батюшка... тебѣ все не такъ тяжко... возьми! присовокупилъ онъ, поспѣшно укладывая ребенка на руки старика и, не давъ ему времени опомниться, вывелъ его изъ комнаты.

Очутившись въ сѣняхъ, они остановились и стали прислушиваться. Имъ послышались чьи-то голоса, сопровождаемые хохотомъ. Догадавшись, что весь этотъ шумъ выходилъ изъ квартиры Анны Ивановны, гдѣ, судя по времени, должна была ужь начаться пирушка, старикъ и гаеръ подошли къ двери, выходившей на дворъ.

— Услышатъ... дверь подлѣ... неси... Христосъ съ тобою! Господи! проговорилъ Яша, прикладываясь губами къ тому мѣсту, гдѣ скрывались ножки младенца, и призывая на помощь всѣ свои силы, чтобъ не разразиться воплемъ:—иди, батюшка! иди, Христосъ съ нимъ! счастливѣе будетъ! Ноньче такой день... я затѣмъ больше и ждалъ новаго года... ступай, батюшка!.. Господи!

Вѣтеръ врывался съ такою силою въ растворенныя ворота, что крутилъ снѣгъ даже въ сѣняхъ; морозъ, казалось, еще усилился: духъ захватывало, но Яша Жилетниковъ никакъ не могъ оторваться отъ сѣнной двери и продолжалъ крестить окоченѣвшею рукою младенца и тестя, хотя оба были ужь давнымъ-давно на улицѣ.

Дѣдушка Герасимъ шелъ между тѣмъ своей дорогой. Дѣдушка Герасимъ былъ человѣкъ старый и, слѣдовательно, опытный, много извѣдалъ онъ на вѣку своемъ всякой всячины и больше всего горестей: приводилось видѣть, какъ умирали собственныя дѣти, привелось хоронить жену, и какъ еще хоронить! безъ гроша денегъ! случалось мерзнуть по цѣлымъ суткамъ и голодать по цѣлымъ недѣлямъ, и проч. и проч. Но всѣ испытанія, такъ по крайней мѣрѣ казалось ему въ настоящую минуту, ровно ничего не значили противъ того, что приводилось теперь испытывать.

Мудренаго нѣтъ: ни разу еще не случалось ему подкидывать

внучковъ; впечатлѣніе было ново, и потому-то самому сильно дѣйствовало. Онъ точно несъ подъ шинелью не младенца, но трехъ-пудовую гирю; колѣни его подгибались сами собою и стучали другъ о дружку немилосерднѣйшимъ образомъ; но хуже всего было то, что на глаза его поминутно набѣгали слезы и застилали зрѣніе, и безъ того ужъ довольно слабое. Это обстоятельство было причиною, что съ нимъ произошло именно то, чего онъ такъ опасался, когда завернулъ за уголъ и вступилъ въ сосѣдній переулокъ.

Противъ самыхъ оконъ Анны Ивановны (квартира золотильщика, если помнитъ читатель, выходила въ переулокъ), дѣдушка Герасимъ столкнулся носъ къ носу съ дядей Николаемъ, родственникомъ Анны Ивановны.

Старикъ хотѣлъ-было прошмыгнуть мимо, но дядя Николай ухватилъ его за шинель и назвалъ по имени. Отступать было поздно. Дядя Николай, освѣщенный съ одной стороны окномъ своей родственницы, съ другой стороны фонаремъ распивочной, представлялъ изъ себя безконечную длинную, сухую, комически мрачную и встрепанную фигуру съ остаткомъ картуза на головѣ, съ остаткомъ синяго длиннополаго кафтана на костлявыхъ плечахъ. Съ перваго же слова легко было догадаться, что онъ только-что вышелъ изъ распивочной и съ пользой провелъ тамъ время.

— Стой! произнесъ густымъ, надорваннымъ басомъ дядя Николай, стискивая пальцами воротникъ на шинели дѣдушки Герасима.—Стой!..

— Да пусти, сдѣлай милость... Ну, чего привязался, недосугъ, возразилъ старикъ, стараясь высвободить одною рукою шинель, тогда какъ другая рука поддерживала внучка.

— Стой!.. ты оттедова... долженъ знать... всѣхъ знать долженъ, какіе такіе у этой вѣдьмы... А я ихъ всѣхъ разобью... потому какъ она меня не пущаетъ... да, потому, выходитъ, всѣхъ разобью! мрачно проговорилъ дядя Николай, грозя кулакомъ въ окно Анны Ивановны, за которымъ раздавались голоса и хохотъ.

— Ну, да хорошо, хорошо, бей, пожалуй, только не держи... право некогда, пусти пожалуйста... сказалъ старикъ, прислушиваясь испуганнымъ ухомъ, не заплакалъ ли внучекъ.

— Погоди, стой!.. слышь, такъ имъ не пройдетъ... я имъ по-

кажу... потому какъ она вѣдьма меня не пустила, да ну я ей... слышь! слышь! крикнулъ вдругъ дядя Николай, окончательно выходившій изъ себя каждый разъ, какъ за окномъ говоръ и хохотъ раздавались слышнѣе.

— Фу ты, братецъ, какой право несообразный! да пусти же, говорятъ недосугъ! досадливо приговорилъ старикъ, который, безъ сомнѣнія, давно бы урвался, еслибъ не боялся разбудить младенца.

— Стой!.. погоди!.. такъ, говорю, не пройдетъ!.. продолжалъ между тѣмъ бѣсноваться дядя Николай, яростно махая кулакомъ передъ окномъ: — я тебѣ покажу, вѣдьма ты евдакая, ехидная тварь! всѣхъ разобью!.. дамъ знать... слышь? слышь? пируютъ!.. кантуютъ!.. о! о! о!.. съ возраставшимъ гнѣвомъ крикнулъ обиженный дядя Николай, замахиваясь вдругъ обоими кулаками въ окно и какъ бы намѣреваясь разбить его въ дребезги. Онъ тутъ же, однакожь, перемѣнилъ страшное свое намѣреніе; надо полагать: духу не хватало, или чувство мести недостаточно еще созрѣло въ оскорбленной груди дяди Николая; пылая, вѣроятно, яростнымъ нетерпѣніемъ подкрѣпить одно и возбудить другое, онъ выпустилъ вдругъ шинель старика и опрометью, со всѣхъ ногъ, кинулся въ распивочную.

Дѣдушка Герасимъ торопливо подобралъ полы шинели, прикрылъ ими драгоцѣнную свою ношу и, немного, погодя достигнулъ противуположнаго угла переулка.

V.

ВЕЧЕРИНКА У АННЫ ИВАНОВНЫ.

Я смотрю съ невозмутимымъ равнодушіемъ на успѣхи моихъ пріятелей на поприщѣ жизни, искусствъ, наукъ и литературы. Меня не возмущаютъ бѣдняки, получающіе огромное наслѣдство; но возмущаетъ блескъ и великолѣпіе, которыми окружаютъ себя мои знакомые... Разсудокъ ясно говоритъ мнѣ, что завидовать всему этому, въ моемъ положеніи, такъ же нелѣпо, дико и безразсудно, какъ завидовать росту и сановитости страсбургской колокольни. При

всемъ томъ, однакожъ, я никакъ не могу побѣдить въ себѣ чувство зависти при видѣ нѣкоторыхъ общественныхъ положеній. Да, я завидую, напримѣръ, всѣмъ людямъ съ маленькимъ независимымъ состояніемъ, добытымъ собственными трудами; людямъ, живущимъ въ маленькихъ, но комфортабельныхъ и теплыхъ квартирахъ, за которыя выплачены деньги впередъ за весь годъ; людямъ, которые ровно никому не должны и никому не завидуютъ, которые вполнѣ довольны своимъ состояніемъ, довольны своею судьбою и могутъ, къ довершенію всѣхъ этихъ благъ, давать маленькіе вечера и веселые чайки своимъ добрымъ знакомымъ и пріятелямъ, словомъ: я завидую всѣмъ людямъ поставленнымъ въ положеніе... ну хоть бы (далеко идти не за чѣмъ), хоть бы въ положеніе Анны Ивановны. Да, я завидую Аннѣ Ивановнѣ: у нея нѣтъ доходныхъ помѣстьевъ, съ которыми связывается всегда столько хлопотъ. Вотчина ея заключается вся въ правой рукѣ ея; живетъ она въ теплой комнатѣ и платитъ всегда впередъ Василью Аѳанасьевичу; душа ея такъ же чиста, безгрѣшна и покойна, какъ у новорожденнаго младенца; капиталъ ея не великъ, но вѣренъ; доходы небольшіе, но позволяютъ ей давать вечеринки и приглашать къ себѣ такихъ людей, какъ, напримѣръ, Авениръ Михайловичъ, какъ Андрей Андреевичъ, пріятель Авенира Михайловича... Да, я завидую Аннѣ Ивановнѣ, завидую особенно въ послѣднемъ случаѣ, потому что такихъ людей, какъ Авениръ Михайловичъ, прошу замѣтить, немного. Богъ знаетъ, чѣмъ я готовъ пожертвовать, чтобъ хоть разъ, одинъ разъ, зазвать къ себѣ Авенира Михайловича! Но штука въ томъ, что Авениръ Михайловичъ не рѣшится пойти къ встрѣчному-поперечному; такъ и слѣдуетъ, впрочемъ: человѣку, какъ Авениръ Михайловичъ, который съ самаго дѣтства, можно сказать, вертѣлся между одними князьями да графами, согласитесь сами, не совсѣмъ прилично мѣшаться во всякую компанію. Мнѣ будетъ очень пріятно короче познакомить васъ хоть съ наружностью этого достойнаго молодого человѣка: въ настоящую минуту это весьма удобно: въ комнатѣ Анны Ивановны четыре свѣчки, двѣ на комодѣ, двѣ на окнѣ; намъ легко разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ ея гостя. Если вамъ случалось любоваться лицами тѣхъ прекрасныхъ молодыхъ людей, которыхъ изображаютъ обыкновенно на вывѣскахъ портныхъ и парикмахеровъ, вамъ нечего описывать лицо

Авенира Михайловича: оно было нѣсколько изношено (художники всегда льстятъ оригиналу), но выигрывало непомѣрно отъ щегольски-закрученныхъ усиковъ, бакеновъ à l'anglaise и завиточковъ на лбу и вискахъ; волосы его подобраны на затылкѣ и съ боковъ на манеръ тѣхъ рыцарскихъ париковъ, въ которыхъ являются на сценѣ статисты. О фракѣ его говорить нечего; три года назадъ, фракъ этотъ красовался сначала на вѣшалкѣ у Шармера, потомъ на плечахъ одного молодого щеголя; въ то время еще всѣ столичные денди восхищались этимъ фракомъ, и даже заказали себѣ точно такіе; жилетъ, травяного цвѣта былъ, можетъ статься, не соразмѣренъ съ тощею грудью Авенира Михайловича; но Авениръ Михайловичъ сохранялъ его на груди своей какъ предметъ, данный ему на память однимъ толстымъ господиномъ, погибшимъ параличомъ; та же уважительная причина заставляла носить неимовѣрно узенькіе сѣрые панталоны одного молоденькаго богача, умершаго весною чахоткой; впрочемъ, послѣднимъ предметомъ Авениръ Михайловичъ завладѣлъ самопроизвольно: привязанность къ молоденькому богачу увлекала его; ему хотѣлось во что бы то ни стало сохранить у себя память о немъ. Пестрый галстукъ (также чья-то память) лежалъ красивымъ бантомъ на манишкѣ Авенира Михайловича; не различаю отсюда, точно ли манишка у Авенира Михайловича... меня беретъ сомнѣніе, глядя на остроконечные воротнички, выглядывающіе изъ-за галстука и стѣсняющіе пышные бакены à l'anglaise... впрочемъ, могутъ быть и воротнички и манишка. Онъ сидѣлъ, живописно изогнувшись на стулѣ и устремивъ сѣрые глаза свои съ поволокою на Анну Ивановну, выбивалъ пальцами правой руки какой-то маршъ на столѣ, лѣвая нога его лежала на правой и граціозно балансировала,— обстоятельство, позволявшее различать не совсѣмъ надежную подошву. Въ общей сложности, гость Анны Ивановны не могъ назваться безукоризненнымъ франтомъ, не смотря даже на то, что каждая часть его костюма, отдѣльно взятая, принадлежала первымъ столичнымъ щеголямъ: кое-какіе швы пообносились, кое-какіе обшлага лоснились, какъ сафьянъ, кое-гдѣ недоставало пуговицъ; но все это тотчасъ же объяснится, когда я скажу вамъ, что въ настоящее время обстоятельства Авенира Михайловича были весьма плохи; съ кѣмъ, скажите на милость, этого

не случается? Но нѣтъ худа безъ добра: не будь такихъ обстоятельствъ, Авениръ Михайловичъ, весьма вѣроятно, не удостоилъ бы Анну Ивановну своимъ посѣщеніемъ. Онъ началъ за ней ухаживать съ того времени, какъ лишился послѣдняго своего мѣста; онъ думалъ амуры свести съ Анной Ивановной; не прочь даже былъ на ней жениться въ крайней надобности. Не далѣе какъ недѣлю тому назадъ, Авениръ Михайловичъ послалъ ей объяснительное письмо, начинавшееся такимъ образомъ: „Ничто не волнуетъ положеніе жизни, какъ мысль кинувшая быстрый полетъ коихъ душа возноситъ къ заповѣданнымъ чтимымъ благороднымъ очамъ! Душа ясная для васъ свѣтла; сердце благороднаго намѣренія для васъ открыто; помощь обѣщана, слѣдовательно частица надежды воздвигнута!...“ Изъ этого мы смѣло заключаемъ, что Анна Ивановна не прочь была, съ своей стороны, отдать свое сердце Авениру Михайловичу и даже обнадежила его какою-то надеждою.

Многіе утверждаютъ, будто Авениръ Михайловичъ имѣлъ виды не столько собственно на Анну Ивановну, сколько на ея капиталъ; весьма быть можетъ, но удивительнаго ничего нѣтъ: во-первыхъ, Анна Ивановна сама по себѣ не представляла ничего особеннаго, кромѣ того, развѣ, что папенька ея содержалъ когда-то цырюльню на Владимірской; тридцати-пяти лѣтъ, крошечная какъ опенокъ и такая же почти сморщенная—вотъ вамъ и вся Анна Ивановна; во-вторыхъ, Авениру Михайловичу предстояла крайняя надобность привести въ порядокъ свой гардеробъ; къ тому же и человѣкъ онъ еще былъ молодой, красивъ собою, любезенъ: требовалось немножко пожуировать жизнью, повеселить себя. Все это въ порядкѣ вещей, и я не нахожу тутъ достойнаго порицанія, тѣмъ болѣе, что пришлось бы послѣ этого осуждать многихъ моихъ друзей, знакомыхъ, пріятелей, что я никакъ не намѣренъ дѣлать.

Пріятель Авенира Михайловича былъ человѣкъ коротенькій, но толстенькій, черезъ-чуръ даже толстый, потому что сюртукъ его, и безъ того ужь ветхій, грозилъ разъѣхаться на спинѣ своего владѣльца; вы могли бы подумать, что Андрей Андреевичъ косилъ однимъ глазомъ; но это былъ только оптическій обманъ: Андрей Андреевичъ сидѣлъ наискось отъ маленькаго столика съ закусками

и съѣстными припасами, взятыми въ лавочкѣ, и такъ какъ онъ не отрывалъ глазъ отъ студня, до котораго былъ большой охотникъ, то, понятно, долженъ былъ косить глазами. Лицо Андрея Андреевича чрезвычайно глупо; самъ онъ, признаться сказать, сильно глупъ; но это ничего: онъ доволенъ собою—и дѣлу конецъ. Оба пріятеля сидѣли подлѣ круглаго стола, уснащеннаго всѣми возможными чайными принадлежностями, посреди которыхъ величественно возносился самоваръ, шипѣвшій и свистѣвшій на всѣ лады. Василій Аѳанасьевичъ и его тихвинскій родственникъ еще не являлись, но угощеніе ужь началось. Анна Ивановна совсѣмъ захлопоталась; она металась, какъ гумиластиковый мячикъ, перебѣгая отъ гостей къ столу, отъ стола къ гостямъ; маленькія щеки ея горѣли, частью отъ близкаго сосѣдства съ самоваромъ, но больше, повѣрьте, отъ присутствія Авенира Михайловича, который не переставалъ глядѣть на нее сѣрыми своими глазами съ поволокой.

— Авениръ Михайловичъ, еще чашечку... ну хоть одну разъединую! говорила Анна Ивановна голосомъ, замирающимъ отъ радостнаго чувства, наполнявшаго ея маленькую грудь.

— Нѣтъ-съ, этого будетъ, зачѣмъ же... Это, позвольте вамъ сказать... а впрочемъ, развѣ для вашего блезиру... извольте, готовъ!

— Ну хоть для меня... Ахъ, какъ вы говорите, просто заслушаешься—опасный человѣкъ! Выкушайте! восторженно возразила Анна Ивановна, покручивая головкой:—я ужь не знаю, что это такое съ вами нонече; вы обыкновенно такіе бываете охотники до чаю, а сегодня трехъ не выкушали... должно быть поздно обѣдали?

— Нѣтъ-съ, признаться сказать, вовсе не обѣдалъ, то-есть, не то, чтобъ... время не дозволяло, притомъ и фриштикалъ оченно поздно.

— Эхъ ты, команъ ву франсе, фимфъ ундъ цванцихъ — андеръ маниръ! неожиданно произнесъ Андрей Андреевичъ, отрывая глаза отъ студня.

Онъ хлопнулъ по плечу пріятеля и залился во все горло.

— Ну, теперь ужь пошелъ, пошелъ! расходился! сказалъ Авениръ Михайловичъ Аннѣ Ивановнѣ, которая ухватилась за бока и упала на стулъ.

— Ахъ, что это, что это... просто уморитъ совсѣмъ.

— Да-съ, я, знаете, вѣдь ужасно какой веселый человѣкъ, ей-Богу! и этакъ разъ, знаете, въ компаніи... началъ было Андрей Андреевичъ, но тутъ же остановился, потому что въ дверяхъ раздался шумъ, и вслѣдъ затѣмъ вошли Василій Аѳанасьевичъ и тихвинскій его родственникъ.

Василій Аѳанасьевичъ былъ въ длиннополомъ сюртукѣ и бѣломъ бумажномъ галстукѣ; одежда тихвинца состояла изъ купеческаго кафтана въ распашку, ситцеваго жилета, сапогъ, издававшихъ дегтярный запахъ, и полосущатыхъ шароваръ, запрятаныхъ въ сапоги. То былъ человѣкъ пожилой, въ пріемахъ его виднѣлись остатки гостинодворской галантерейности; въ голосѣ сохранились еще многія изъ тѣхъ живыхъ нотъ, когда, стоя, бывало, у Щукина, говорилъ онъ, протягивая руку къ лавкѣ:

— Ситцы, нанки, демикатоны, канифасы самые лучшіе, пожалуйте, у насъ покупали!

Однимъ словомъ это былъ еще препріятный человѣкъ, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ.

— Господа, покорно прошу садиться, сказала Анна Ивановна, послѣ того, какъ гости ея обмѣнялись поклонами и пожатіями рукъ. Иванъ Тихонычъ, прошу покорно, безъ церемоніи, добавила она, обращаясь къ тихвинцу.

— Не извольте безпокоиться, мы сядемъ, не безъ любезности произнесъ тихвинецъ, усаживаясь на край стула, подгибая ноги и покрякивая.

Анна Ивановна бросилась къ чашкамъ и окончательно ужь превратилась въ гумиластикъ.

Минуту спустя, въ рукахъ гостей появились чашки чаю и куски сахару; за первой чашкой послѣдовала тотчасъ же вторая, тамъ третья; присутствовавшіе не успѣли еще сказать двухъ словъ другъ другу, какъ ужь самоваръ опустѣлъ совершенно.

— Гм! гм! началъ Василій Аѳанасьевичъ, опрокидывая чашку на блюдечко и придвигаясь вмѣстѣ со стуломъ къ Авениру Михайловичу:—давно не видались мы съ вами.

— Да-съ, давно не имѣлъ авантажу; дѣла, знаете... возразилъ тотъ, перекидывая правую ногу на лѣвую.

— Ну, что, сударь мой, какъ, осмѣлюсь спросить, дѣла ваши? въ послѣдній разъ, помнится, говорили...

— Да какъ вамъ сказать, все на той же точкѣ, перебилъ Авениръ Михайловичъ.

— Не сыскали еще мѣста?

— Нѣтъ, мѣстовъ много; какъ въ такой обширности Петербурга не быть мѣстъ! съ достоинствомъ возразилъ Авениръ Михайловичъ:—да только мѣста, знаете, не такія, потому какъ я служилъ собственно въ княжескихъ домахъ, выросъ, такъ сказать, на паркетѣ, не приходится, понимаете, ко всякому...

— Это какъ есть, сказалъ тихвинецъ глубокомысленно.

— Вы, помнится, сказали, хотѣли къ доктору опредѣлиться? спросилъ Василій Афанасьевичъ.

— Это я такъ, знаете, больше для одного препровожденія времени, можно сказать; мѣсто совсѣмъ не такъ выглядитъ, не стоитъ заниматься.

Тутъ хозяйка дома перебила Авенира Михайловича, явившись съ тарелкой, наполненной финиками.

— Авениръ Михайловичъ, вы это можете? сказала она, покручивая головкой.

— Почему-жъ не такъ-съ, для васъ можно-съ! съ обворожительною любезностью отвѣчалъ гость, протягивая руку и какъ бы желая обратить особенное вниманіе присутствующихъ на свой указательный палецъ:—привычка, оставшаяся у Авенира Михайловича съ тѣхъ поръ, какъ на этомъ пальцѣ сверкалъ стразовый перстень, но увы! перстень давно ужъ находился въ ученьи, то-есть въ закладѣ.

— Андрей Андреичъ, вы этого можете? сказала Анна Ивановна, поднося финики сосѣду.

— Самое милое кушанье-съ, позвольте... заговорилъ Андрей Андреевичъ, запустилъ всю пятерню въ тарелку, поднялся съ

мѣста, всталъ на третью позицію и раскланялся съ комическою важностью.

Всѣ засмѣялись, не выключая золотильщика, въ хохотѣ котораго было что-то похожее на лошадиное ржаніе.

— Ахъ, это просто ужасти!... просто всѣхъ уморилъ... Ахъ!... воскликнула Анна Ивановна:—Иванъ Тихонычъ, вы этого можете? присовокупила она, измѣняя неожиданно интонацію и подходя къ тихвинцу.

— Съ нашимъ удовольствіемъ-съ.

— Анна Ивановна, гдѣ вы брали финики, въ лавочкѣ? спросилъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Да-съ; а что, хороши?

— Отмѣнно, настоящій сахаръ.

— То-есть сдѣлайте ваше одолженіе, объяденіе! промолвилъ Андрей Андреевичъ, снова выкидывая ногами какую-то штуку.

Всѣ засмѣялись.

Въ отвѣтъ на это изъ переулка и, какъ казалось, подлѣ самаго окна Анны Ивановны послышался басистый надорванный голосъ, и кто-то даже застучалъ въ раму.

— Кто-то стучитъ, Анна Ивановна: не къ вамъ ли? сказалъ Авениръ Михайловичъ, оборачиваясь къ окну.

— Должно быть, дядя Николай, сродственникъ Анны Ивановны, сказалъ недовольнымъ голосомъ золотильщикъ.

— Вѣрно онъ, подхватила съ явнымъ огорченіемъ Анна Ивановна:—онъ хоть мнѣ и съ родни по маменькѣ, а я, знаете, не могу его принять, и рада бы, но никакъ, знаете, невозможно; ужасти какой безпокойный человѣкъ!

— Вѣрно сюда-съ заливаетъ, кранкенъ, значитъ? промолвилъ Андрей Андреевичъ, щелкнувъ себя по галстуку и подмигивая всей компаніи.

— Просто, знаете, мѣры нѣтъ, никакой возможности! дошелъ, можно сказать, до самаго безобразія! отвѣчала Анна Ивановна: — главное, очень жаль семейство, знаете, съ самаго дѣтства. Помню,

когда еще папенька содержалъ цырюльню на Владимірской,—потому папенька свой капиталъ имѣлъ,—такъ и тогда ужъ очень пилъ; и пустить къ себѣ, принять — разстроить всю компанію. Нѣтъ возможности, я ему и отказала; онъ, должно быть, и ходитъ теперь по нашему переулку, сердится, знаете...

— Выходитъ, примѣрно, человѣкъ разсудка своего не знаетъ, потому больше, сказалъ тихвинецъ, значительно двигая бровями.

— Алаберный самый человѣкъ, и больше ничего, ворчливо проговорилъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Мы точно, какъ шли, это, къ вамъ, повстрѣчали какого-то человѣка супротивъ вашихъ оконъ, можно сказать: ужъ и тогда былъ на точкѣ степени подъ шефе; должно быть, онъ и есть, произнесъ Авениръ Михайловичъ:—но вы, Анна Ивановна, напрасно себя безпокоите: предметъ такой, знаете, совсѣмъ нестоющій... Ну что, Василій Аѳанасьевичъ, какъ ваши собственныя дѣла? примолвилъ онъ, обнаруживая этимъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи удивительный тактъ и необыкновенную привычку свѣтскаго обращенія: — какъ, сударь мой, ваши собственныя дѣла?

— Да что, все жениться хочетъ! возразила повеселѣвшая Анна Ивановна.

— Что-жъ, доброе дѣло; холостой человѣкъ — сирота, все единственно, сказалъ тихвинецъ.

— И я хочу жениться! такую сыскать себѣ милушку-красоточку — разлюли, маширъ на хаузъ! воскликнулъ Андрей Андреевичъ, чмокнувъ толстыми своими губами.

Каждое движеніе Андрея Андреевича, сопровождавшееся почему-то хохотомъ, произвело точно также и теперь свое необыкновенное дѣйствіе на присутствующихъ.

При этомъ, стукъ въ оконную раму раздавался съ удвоенною силой.

— Ахъ, Боже мой! что же это? просто какое-то наказаніе, разстройство всей компаніи! воскликнула Анна Ивановна, отчаянно всплескивая руками.

— Нѣтъ, Анна Ивановна, что-жъ это въ самомъ дѣлѣ такое? Вѣдь онъ этакъ раму выбьетъ; такъ буйствовать не позволено! Я этакъ и въ полицію схожу, мнѣ не долго, сказалъ раздосадованный золотильщикъ.

— А что-жъ мнѣ дѣлать то? Василій Аѳанасьевичъ! прогорила Анна Ивановна, смущенная до-нельзя поведеніемъ своего родственника.

— Полноте, Анна Ивановна, я вамъ говорю — предметъ совсѣмъ не стоющій.

— Конечно не стоитъ сумлѣнія, подхватилъ тихвинецъ.

Шумъ за окномъ умолкъ, и снова водворилась веселость въ комнатѣ радушной Анны Ивановны.

— Такъ что-жъ, Василій Аѳанасьевичъ, смѣю спросить: зачѣмъ же дѣло стало? Невѣстъ въ обширности Петербурга довольно, произнесъ Авениръ Михайловичъ, между тѣмъ какъ пріятель его, Андрей Андреевичъ, снова скосилъ глаза на студень.

— Какъ не быть невѣстамъ, невѣстъ много, да все, этакъ, раздумье беретъ, дѣло не пустящее, разсудка требуетъ. А невѣстъ много; каждый день смотришь, да все не то, не приходится, началъ золотильщикъ, пожимая губами: — вотъ хотя бы смотрѣлъ теперича въ Семеновскомъ полку; триста рублевъ чистыми деньгами, а все не приходится, не то.

— Что-жъ такъ?

— Да такъ: побочна дочь! съ особеннымъ удареніемъ проговорилъ золотильщикъ: — не приходится! Ну, такъ же глядѣлъ вотъ и въ Гороховой, признаться, и ничего нѣтъ; только дѣвочка, знаете, такая молоденькая, хорошенькая, и можно бы... да одна есть такая статья... Провѣдалъ я кое-что... ну и нельзя никакъ, не приходится... къ тому и денегъ-то нѣтъ, какъ я вамъ сказывалъ; одно къ одному. Глядѣлъ вотъ также третьяго дня на Васильевскомъ острову; всѣмъ бы взяла: дѣвочка молоденькая, хорошенькая такая, и приданое также порядочно, все бы хорошо: въ одной вотъ только статьѣ сумлѣнье беретъ...

— Что жъ такое?

— А знаете, бѣльмо на лѣвомъ глазу. Оно бы и ничего,

можно; да наше дѣло хозяйственное, не равно этакъ повздоримъ, не угодимъ въ чемъ, всяко бываетъ; размахнешься какъ нибудь, зацѣпилъ ее по правому глазу—совсѣмъ окривѣетъ; ну что я съ ней тогда стану дѣлать, съ слѣпой-то? Надо обсудить; женитьба не пустяшное дѣло; нѣтъ, никакъ невозможно; не приходится.

— Зачѣмъ же такъ? можно лаской. Пріятное обхожденье лучше всего, сказалъ Авениръ Михайловичъ, умильно поглядывая на хозяйку.

— Нѣтъ, не приходится, прямо возразилъ Василій Аѳанасьевичъ.—Анна Ивановна, промолвилъ онъ, неожиданно обращаясь къ хозяйкѣ и кивая ей головою на водку и закуску:—какъ вы думаете, пора бы сдѣлать движеніе!

Анна Ивановна торопливо привстала съ мѣста, подошла къ комоду и вооружилась подносомъ.

— Господа, прошу дерзнуть, сказала она, обращаясь съ веселымъ видомъ къ своей компаніи.—Авениръ Михайловичъ, вы этого можете? прибавила она нѣжнымъ голосомъ и подошла къ избранному своего сердца.

Авениръ Михайловичъ былъ очень радъ приглашенію.

— Василій Аѳанасьевичъ, можете? сказала Анна Ивановна, подходя къ золотильщику.

Василій Афанасьевичъ не отказался.

— Иванъ Тихонычъ, вы этого можете?

Тихвинецъ былъ также не прочь. Что-жъ касается до Андрея Андреевича, онъ выпилъ съ величайшею готовностью три рюмки сряду. Обойдя всѣхъ гостей, хозяйка дома поставила водку на столъ и выразительно указала гостямъ на рюмки.

— Вотъ такъ-то будетъ лучше, сказала она съ невыразимою привѣтливостью.

Гости отвѣчали поклономъ и протянули поочередно руки къ рюмкамъ,—обстоятельство, которое не замедлило придать бесѣдѣ характеръ болѣе оживленный.

— Нѣтъ, Василій Аѳанасьевичъ, если этакъ судить, поз-

вольте вамъ сказать, никогда не найдемъ себѣ предмета, началъ Авениръ Михайловичъ: —пожалуй, что и вовсе не женишься. Вотъ я вамъ скажу, видѣлъ я разъ въ театрѣ одну такую ролю, какъ вы изволили разсказывать, точь въ точь. Вотъ тоже одинъ, знаете, человѣкъ сватался, сватался... та не приходится; эта, знаете, негодится, тѣмъ и рѣшилъ свою карьеру: холостякомъ на одной точкѣ остался; отлично было представлено!

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть на эту ролю! восторженно воскликнула Анна Ивановна: —въ какомъ это тіатрѣ ее показываютъ, Авениръ Михайловичъ?

— Въ Александрынскомъ-съ, а впрочемъ, и на другихъ также. При живности покойнаго князя я каждый день бывалъ въ театрѣ, проговорилъ Авениръ Михайловичъ, украдкою толкая локтемъ Андрея Андреевича, который протягивалъ руку безъ зазрѣнія совѣсти уже къ седьмой рюмкѣ.

— Ахъ, какъ это должно быть пріятно! я такъ вотъ давно ужь не была въ тіатрѣ! сказала Анна Ивановна: —съ тѣхъ поръ не была, знаете, какъ папенька содержалъ цырюльню на Владимірской, потому, имѣя свой капиталъ, знаете...

— Полноте, Анна Ивановна, ничего нѣтъ хорошаго въ эвтихъ тіатрахъ; все это самое пустяшное дѣло; только какъ бы деньги сманить; какъ есть одинъ обманъ, одно надувательство! промолвилъ Василій Аѳанасьевичъ.—Вотъ я вамъ скажу, чего лучше, была здѣсь одна такая штукарка, Тальеновой звали, такъ вѣдь все потомъ оказалось, всѣхъ надула.

— Что вы?

— Право надула! какъ есть, всѣхъ обмишулила! Всѣ ѣздили смотрѣть на нее, и дворянство, и генералы, и подлинно, говорятъ: подпрыгнетъ это она на воздухъ да такъ съ полчаса и виситъ. Что-жъ бы вы думали? оказалось все внаружу, только денежки даромъ обирала. Стала это она отъѣзжать въ свою нѣмецкую сторону; пріѣзжаетъ на пароходъ, провожаютъ ее господа, смотрятъ, что вы думаете? а это у ней все крылья были подвязаны.

— Нѣтъ, Василій Аѳанасьевичъ, это быть не можетъ! воля ваша, а это не такъ, вмѣшался Авениръ Михайловичъ: —я самъ

сколько разъ видѣлъ Тальони при живности покойнаго князя. Точно, были у ней крылья, только собственно такъ, для одного виду... это не то, совсѣмъ не то: легкость она имѣла такую воздушную, повѣрьте, а ужь на счетъ, то-есть, лучше быть нельзя, настоящей графиней выглядитъ!

— Это такъ точно, справедливо изволили сказать, подтвердилъ тихвинецъ: — отмѣнно отличалась, это ужь на что лучше-съ!

— Ну, братъ, Иванъ Тихонычъ, тебѣ бы лучше не говорить про эвту Тальону; солоно, братъ, она тебѣ пришлась, помнишь?

— Да точно, случилась въ тѣ поры оказія-съ.

— Что же такое, Иванъ Тихонычъ? спросила Анна Ивановна.

— Да вотъ даромъ что зажиточный, возразилъ золотильщикъ, посмѣиваясь: — а по милости ея три дня улицы мелъ!

— Точно, былъ грѣхъ. Главная причина, выходитъ, на счетъ то-есть полиціи. Точно посидѣлъ три дня-съ.

— Ахъ, Боже мой! какъ же это?

— Да такъ-съ, городъ Питеръ, изволите видѣть, оченно то-есть отмѣнно хорошъ-съ, да на счетъ то-есть большую осторожность требуетъ соблюдать-съ. Въ тѣе пору, какъ Тальенова здѣсь была, и говоритъ мнѣ разъ жена, вотъ Василій Аѳанасьевичъ знаетъ-съ...

— Какъ же; Марфа Савишна!

— Такъ-вотъ-съ и говоритъ этто она мнѣ: „Иванъ Тихонычъ, говоритъ, покажьте, говоритъ, къ примѣру этакъ, покажьте, говоритъ, Тальену-то, что ни есть, говорятъ, первѣйшая статья!“ Почему-жъ, думаю, не уважить! Пять цѣлковыхъ, не конецъ разоренія, можно; взялъ, примѣрно, ложу въ пятомъ бель-этажѣ-съ, супруга-то моя поѣхала, знаете, самъ-одиннадцать; какъ водится, родственниковъ себѣ пригласила, дѣтокъ забрала, знаете-съ. Такъ я-съ, больше по тѣснотѣ, отъ народности, взялъ себѣ билетъ внизу въ мѣстахъ-съ; а ей по той же причинѣ, ради гостей, велѣлъ взять съ собой прохладительнаго: жарко, знаете, въ тіятрѣ; она, знаете, на ту бѣду и возьми кисленькихъ щецъ двѣ бутылочки. Хорошо-съ; вотъ сидимъ, каждый на своемъ мѣстѣ: публика съѣз-

жается и все этакое, знаете-съ, дворянство одно-съ; сидитъ каждый въ своей ложѣ и каждый-съ, понимаете, своимъ дѣломъ занимается. Хорошо; начинается представленіе: Тальена танцуетъ, музыка играетъ, публика хлопаетъ, все какъ слѣдуетъ-съ. Вдругъ, знаете, сынокъ мой Миколинька, самый младшій-съ, это въ ложѣ-то и говоритъ: „маменька, говоритъ, пить хочу, дайте кисленькихъ!“ Марфа Савишна моя и ну, знаете, съ пробкой-то, да и не совладала: пробка-то въ потолокъ-съ, а кислые-то щи и давай хлестать въ низъ-то, на нижайшую публику-съ! Дѣло, знаете, женское, оробѣла оченно... сидитъ съ бутылкой-то, оробѣла, а публика ужь поднялась съ своихъ мѣстовъ... Смѣхъ такой пошелъ. Вижу, знаете, дѣло плохо-съ, надо хозяйку выручить. Вотъ я эвтакъ изъ-за мѣстовъ-то привсталъ-съ, пріосамился, самъ, понимаете, оробѣлъ ужь очень-съ, пріосамился, эвтимъ вотъ самымъ пальцемъ показываю ей, супругѣ-то... не видитъ-съ, я и крикнулъ: „Марфа Савишна! Марфа Савишна! перстомъ-то-съ, перстомъ!“ показываю ей на счетъ, то-есть, бутылку зажми! Откедова ни возьмись квартальный! Хвать меня эвтакъ за шиворотъ, да вонъ изъ тіятру; то-то вонъ оно и есть-съ, что робость-то бабья, значитъ-съ; оттого вся и оказія вышла.

— А еще хвалишь! вотъ оно и по театрамъ-то шляться! сказалъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Нѣтъ, не говорите этого, Василій Аѳанасьевичъ! возразила Анна Ивановна:—конечно, съ Иваномъ Тихонычемъ случилась, можно сказать, непріятность, но, какъ они говорятъ, все больше по неосторожности ихной супруги. Нѣтъ, какъ можно, тіятръ самое пріятное удовольствіе... Я безпремѣнно пойду погляжу на ту ролю... вотъ что разсказывалъ Авениръ Михайловичъ.

— Позвольте мнѣ вамъ билетъ предоставить! сказалъ тотъ, расшаркиваясь.

— Зачѣмъ же вамъ безпокоиться?

— Какое же это можетъ составить безпокойство! самое пріятное будетъ препровожденіе времени!... да вотъ-съ и ходить по настоящему не для чего-съ, смѣясь, подхватилъ Авениръ Михайловичъ: — у насъ здѣсь есть, примѣромъ сказать, свой театръ на лучшій манеръ! присовокупилъ онъ, указывая на Андрея Андреевича, который тотчасъ же оторвалъ глаза

отъ студня и показалъ присутствовавшимъ пухлое, глупое лицо свое, порядкомъ ужъ раскраснѣвшееся: — онъ, пожалуй, покажетъ вамъ какую угодно штуку: мастеръ распотѣшить!... Ну-ка, Андрюша, тряхни!...

— Я?... я вѣдь, знаете, ужасти какой веселый человѣкъ! для компаніи готовъ на все... То-есть какъ угодно! шпрехензидейчъ Иванъ Андреичъ? вскричалъ весельчакъ, скорчивая рожу: — нѣтъ, андеръ-маниръ! прибавилъ Андрей Андреевичъ, стремительно подымаясь со стула и не совсѣмъ твердыми шагами выходя на средину комнаты. — Ахъ-ма, гаркнулъ онъ, чуть не шлепаясь на полъ: — что жъ вы?... Иванъ Тихонычъ, пойдемъ!

— Отъ чего-жъ, это можно-съ, сказалъ Иванъ Тихоновичъ, пріосамливаясь и выступая впередъ.

— Ай-да Иванъ Тихонычъ! вотъ люблю, ходи! воскликнулъ Андрей Андреевичъ, закидывая руки за спину и принимаясь вывертывать ногами, къ величайшему восторгу общества, которое разразилось громкимъ хохотомъ, затопало ногами и забило въ ладоши.

Такое поощреніе придало энергіи даже самому Ивану Тихоновичу; онъ тряхнулъ головою, присоединился къ Андрею Андреевичу, и оба засѣменили ногами, стукаясь другъ о дружку, какъ-будто ихъ встряхивали въ одномъ мѣшкѣ.

Публика, между тѣмъ, заливалась все звончѣе и звончѣе; Анна Ивановна просто захлебнулась; Авениръ Михайловичъ едва переводилъ духъ; Василій Аѳанасьевичъ топалъ ногами, билъ въ ладоши и хохоталъ своимъ лошадинымъ смѣхомъ; словомъ: всѣ были въ восторгѣ, какъ вдругъ... Но тутъ произошло такое событіе, о которомъ даже вспомянуть такъ страшно...

Представьте себѣ, что въ ту самую минуту, какъ восторгъ дошелъ до своихъ предѣловъ, раздался подлѣ окна ужаснѣйшій трескъ, тысячи осколковъ посыпались вдругъ на полъ, рама цѣликомъ влетѣла въ комнату, и въ отверстіи окна предстала грозная, вся преисполненная яростнаго гнѣва фигура дяди Николая!... Ужасная картина!

Секунду всѣ стояли какъ громомъ пораженные и вдругъ всѣ разомъ закричали: „держи! караулъ! держи! держи!“

*

Василій Аѳанасьевичъ и тихвинскій его родственникъ бросились въ окно и побѣжали по переулку въ погоню за злодѣемъ. Анна Ивановна всплеснула руками, вскрикнула и упала на стулъ; она, безъ сомнѣнія, упала бы на полъ, еслибъ не подоспѣлъ Авениръ Михайловичъ и ловко не подхватилъ ее за талью.

— Это ничего-съ... успокойте себя, Анна Ивановна... я съ вами... сказалъ онъ, оглядываясь вокругъ.

Но въ комнатѣ оставался одинъ лишь веселый Андрей Андреевичъ, и такъ какъ виднѣлись только ноги его изъ-за комода, Авениръ Михайловичъ чмокнулъ Анну Ивановну въ щеку и сильнѣе прижалъ ее къ своему сердцу.

Василій Аѳанасьевичъ и тихвинецъ стремились между тѣмъ по переулку; слова: „караулъ“ и „полиція“ производили магическое дѣйствіе на золотильщика; подобравъ фалды, онъ летѣлъ со всѣхъ ногъ, преслѣдуя бѣжавшаго во всѣ лопатки дядю Николая, встрепанная фигура котораго выставлялась каждый разъ, какъ на пути попадался фонарь.

Крики: „караулъ, держи!“ оглашали весь переулокъ. Изъ дверей и воротъ вылетали какъ ядра, дворники, кухарки, горничныя и мальчишки; всѣ бѣжали за Васильемъ Аѳанасьевичемъ и тихвинцемъ. Толпа бѣгущихъ и кричащихъ прибывала съ каждой секундой, и вдругъ все это разомъ остановилось и откачнулось, какъ-будто въ концѣ переулка неожиданно воздвигалась высокая плотина; вмѣстѣ съ этимъ послышался страшный, раздирающій крикъ дяди Николая, крикъ, возвѣстившій, что его схватили.

— Держи его, мазурика! держи! закричалъ, воодушевляясь, Василій Аѳанасьевичъ, протискиваясь помощью рукъ и ногъ въ самую чащу толпы.

— Держи! держи! подхватилъ подоспѣвшій тихвинецъ.

Неожиданную поимку дяди Николая и остановку бѣгущей толпы произвелъ, однакожъ, одинъ человѣкъ. Впрочемъ, человѣкъ этотъ могъ дѣйствительно замѣнить въ нѣкоторомъ родѣ плотину, еслибъ его положили поперегъ переулка: росту три аршина, косая сажень въ плечахъ. Въ ту секунду, какъ дядя Николай, отрезвившійся отъ страха, готовился повернуть за

уголъ, человѣкъ этотъ схватилъ его за шиворотъ и остановилъ сразу, какъ останавливалъ когда-то Милонъ Кротонскій скачущія колесницы. Однимъ словомъ: это былъ ни кто другой, какъ городовой квартала. Подлѣ него стоялъ будочникъ, человѣкъ малорослый и жидкій, но за то съ алебардой; оба держали дядю Николая, который ревѣлъ какъ бѣлуга, пронзенная острогою.

— Батюшки отпустите!... отцы мои!... виноватъ... батюшки, виноватъ, нелегкая попутала... никогда не буду!

— А?! что?! попался, мошенникъ! мазурикъ ты эвтакой! рамы бить, буйствовать! закричалъ Василій Аѳанасьевичъ, появляясь вдругъ изъ толпы и подымая оба кулака надъ дядей Николаемъ.

— Прочь! сказалъ городовой, отодвигая могучей рукою золотильщика:—назадъ! Чего сталъ? примолвилъ онъ голосомъ, обозначавшимъ непоколебимое спокойствіе духа, и обратился къ толпѣ, которая тотчасъ же попятилась: — чего стали? расходись... расходись!

— Но позвольте, Никандръ Степанычъ, какъ же это... позвольте! заговорилъ оскорбленнымъ голосомъ Василій Аѳанасьевичъ, снова выдвигаясь впередъ: — онъ раму у меня выбилъ! буйство, значитъ!... Вотъ и свидѣтели есть...

Кромѣ Ивана Тихоновича, въ толпѣ оказалось въ самомъ дѣлѣ множество свидѣтелей; всѣ разомъ заговорили; послышались даже женскіе голоса, которые утверждали положительно, что рама точно была выбита.

Дядя Николай клялся въ свою очередь, что никогда этого не бывало, что ничего такого за нимъ не важивалось.

— Ну, это не мое дѣло разбирать... я не сердцевѣдецъ! произнесъ наконецъ городовой: — тамъ разберутъ, я не сердцевѣдецъ, ступай! А вы расходись, что̀ стали, расходись!... Сказавъ это, городовой приподнялъ виновнаго съ такою легкостью, какъ-будто въ рукахъ его находился одинъ картузъ дяди Николая, и повелъ его, сопровождаемый всей толпою.

Минуту спустя, въ переулкѣ было такъ же почти тихо, какъ въ пустынѣ. Изъ всей толпы оставались только Василій Аѳанасьевичъ и тихвинецъ.

— Ну хорошо же, сказалъ золотильщикъ, грозя кулакомъ вслѣдъ за дядей Николаемъ: — такъ, братъ, со мною не раздѣлаешься... завтра же пойду къ частному: выучатъ тебя, какъ бить хозяйскія рамы!.. Пойдемъ покедова, Иванъ Тихоновичъ...

— Пойдемъ, Василій Аѳанасьевичъ, время.

Они не замедлили возвратиться къ Аннѣ Ивановнѣ. Тамъ все ужъ было приведено въ порядокъ, кромѣ, можетъ быть, чувствъ самой хозяйки; но никто этого не замѣтилъ. Окно общими усиліями заложено было тюфякомъ, рюмки наполнились живительной влагой, всѣ снова усѣлись вокругъ стола, не выключая, разумѣется, и Андрея Андреевича, глупое лицо котораго мгновенно повеселѣло, какъ только встрѣтилось со студнемъ. Вечеринка продолжалась — и дѣло: дядя Николай разбилъ вѣдь только окно, а не бутылки.

VI.

НЕОЖИДАННАЯ ПРИБЫЛЬ.

Но гдѣ же дѣдушка Герасимъ и его маленькій внучекъ?.. А вотъ позвольте, всему прійдетъ свой чередъ, будетъ время, доберемся и до дѣдушки Герасима. Я здѣсь вовсе не сочиняю, а разсказываю только, какъ все произошло въ дѣйствительности, и придерживаюсь строжайшей исторической послѣдовательности. Эта самая причина заставляетъ меня перенестись на минуту въ одну улицу, находящуюся не въ далекомъ разстояніи отъ квартиры Яши Жилетникова, всего въ какихъ-нибудь трехъ-четырехъ поворотахъ, такъ что самый недобросовѣстный извощикъ (а такихъ очень много) никакъ не запроситъ больше гривенника, чтобъ проѣхать пространство отъ одной улицы до другой.

Улица темная. Мудренаго нѣтъ: она состоитъ большею частью изъ заборовъ, и только посрединѣ ея возвышался одинъ домъ, достойный нѣкотораго вниманія: небольшое каменное двухъэтажное зданіе, пять оконъ въ нижнемъ... виноватъ! въ нижнемъ этажѣ находилось всего три окна; крытый подъѣздъ, устроенный въ видѣ фонаря, занималъ мѣсто двухъ оконъ.

Въ то самое время, какъ вечеринка Анны Ивановны снова начала принимать свой оживленный, веселый характеръ, на подъѣздѣ этого дома происходило слѣдующее: одна половинка дверей отворилась и пропустила сначала лицо, потомъ туловище и наконецъ всю фигуру человѣка. Человѣкъ этотъ былъ, повидимому, просто человѣкъ, то-есть, лакей. Онъ оглянулся налѣво: глаза его встрѣтили одинокій фонарь, тускло горѣвшій въ отдаленіи; оглянулся направо: глаза его встрѣтили ту же заборную перспективу, оканчивающуюся фонаремъ. Онъ началъ прислушиваться... немного погодя, человѣкъ явственно различилъ торопливый, хотя тяжеловѣсный шумъ шаговъ.

— Севастьянъ, ты? спросилъ онъ.

— Я! отозвался чей-то грубоватый голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ, посреди темноты обозначилась другая фигура, тоже, повидимому, лакейскаго происхожденія.

— Ну, что тамъ такое?

— Да ничего, мазурика ловили... окно вышибъ противъ расшивочной... влѣзть хотѣлъ...

— Словили?

— Взяли; самъ Никандръ Степанычъ поймалъ: какъ фатитъ его за шиворотъ, да какъ гаркнетъ: „стой, какой есть такой человѣкъ?“ такъ инда и повалился!

— Много было народу?

— Отовсюду навалилось.

— Ну, а что, Сашу и Варю не встрѣчалъ?

— Не видалъ; должно быть, не придутъ...

— Нѣтъ, придутъ, ужъ это безпремѣнно придутъ, сами назвались вмѣстѣ новый годъ встрѣтить... какъ же не прійдти? я и угощенье приготовилъ; и мадерцы, и все такое... А каково я мадерцу-то поддѣдюлилъ, а? принялъ это со стола непочатую бутылку, понесъ въ буфетъ, да рядомъ пустую бутылку и кокнулъ... онъ и кричитъ: „что, говоритъ, тамъ такое?“ — „Виноватъ, говорю, сударь, непочатую мадеру разбилъ!..“ Проворчалъ только... а мадера-то теперь у меня подъ подушкой. Нѣтъ, какъ не прійдти, безпремѣнно придутъ!..

— Коли придутъ, такъ придутъ въ квартиру: дорога

извѣстная... чего здѣсь ждать на холоду... смотри еще, медвѣдь хватится...

— Нѣтъ, сидитъ-себѣ въ своей берлогѣ; чай отпилъ; приказалъ никого не пускать... гуляй, значитъ, весь вечеръ!

— Погоди... никакъ идутъ... сказалъ мрачный Севастьянъ.

— Должно быть, онѣ... Севастьянъ, спрячемся за дверь.

— Это зачѣмъ?

— Какъ пойдутъ этта къ подъѣзду, мы вдругъ и выскочимъ, какъ, дескать, сударыни, васъ зовутъ по имени, величаютъ по отчеству?.. то-то смѣхъ-то будетъ! Пойдемъ, спрячемся... ну-же; ужъ близко...

Игривая мысль товарища нашла, вѣрно, сочувствіе въ сердцѣ мрачнаго Севастьяна; онъ поднялся на ступеньки подъѣзда и, секунду спустя, оба притаились за дверью.

Шаги между тѣмъ приближались. То были, однако жъ, какіе-то робкіе, нерѣшительные шаги. Минуты три спустя, шагахъ въ двадцати отъ дома, показался маленькій старичекъ, въ ветхой фризовой шинели и въ картузѣ, весьма близкомъ къ разрушенію. Онъ медленно, какъ словно нехотя, подвигался впередъ; боязливо, мало того, съ какимъ-то страхомъ озирался во всѣ стороны, и такъ бережно ставилъ ноги на снѣгъ, какъ-будто боялся нарушить тишину улицы. Щеки старика отдувались немилосерднѣйшимъ образомъ; это могло происходить отъ холода, хотя, признаться сказать, я никакъ не понимаю, почему отдуванье щекъ можетъ предохранить человѣка отъ стужи; но, вѣрнѣе, щеки старика отдувались отъ усталости; въ рукахъ его находился довольно полновѣсный узелъ; старикъ то и дѣло придерживалъ его колѣномъ.

Поровнявшись съ домомъ, старикъ остановился и снова оглянулся на всѣ стороны; но тишина мертвая царствовала вокругъ... изрѣдка лишь, гдѣ-то далеко, раздавался шумъ ѣдущихъ экипажей... Старикъ высвободилъ одну руку изъ-подъ шинели, набожно перекрестился, потомъ перекрестилъ свою ношу, снялъ съ себя шинель, окуталъ ею свой узелъ и бережно опустилъ его на подъѣздъ.

— Господи!.. до чего дожили... прошепталъ онъ дрожа-

щимъ голосомъ:—ну да что тутъ!.. Будь воля Божья!.. Христосъ сохрани тебя... и помилуй насъ грѣшныхъ!..

Тутъ онъ снова перекрестилъ узелъ, провелъ ладонью по глазамъ, тряхнулъ мокрыми пальцами по воздуху и, отдувая болѣе чѣмъ когда-нибудь свои щеки, пошелъ въ обратный путь...

Но не успѣлъ онъ сдѣлать и пяти шаговъ, какъ почувствовалъ себя въ крѣпкихъ рукахъ.

— Стой, мошенникъ! стой! такъ вотъ ты зачѣмъ пожаловалъ? закричалъ мрачный Севастьянъ съ неожиданнымъ воодушевленіемъ.—Стой! Петрушка, тащи его!..

— Небось, не вывернется, держу!

— Батюшки! отцы родные! воскликнулъ дѣдушка Герасимъ:—помилуйте!.. я такъ только...

— Знаемъ мы; только!.. Ахъ ты, мошенникъ ты этакой! дѣтей подкидывать, а? Тащи его, Петрушка! тащи! тащи! подхватилъ Севастьянъ, увлекая старика къ подъѣзду:—тащи! Вишь какой нашли здѣсь Воспитательный домъ!.. вишь, что выдумали!

— Батюшки, не зналъ я... охъ! дайте хошь ребенка-то взять!..

— Бери, бери! его-то намъ и надо! Веди, Петрушка, присовокупилъ Севастьянъ, когда ребенокъ очутился въ рукахъ дяди Герасима, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ и кидалъ растерянные взгляды вокругъ.

Севастьянъ и Петръ повели его по темной лѣстницѣ, не переставая держать его за руку. На второмъ поворотѣ Севастьянъ отворилъ дверь, обитую сукномъ, и всѣ трое вошли въ небольшую, но чрезвычайно теплую прихожую, освѣщенную топившеюся печкой.

Мысли и чувства дѣдушки Герасима находились, какъ вы можете себѣ представить, въ ужаснѣйшемъ потрясеніи; но, не смотря на то, онъ невольно принялся раздувать свои щеки съ явнымъ удовольствіемъ, — такъ благотворно подѣйствовала на него теплота, его охватившая; удивительнаго ничего нѣтъ: онъ разстался съ тепломъ съ самаго почти іюля, этого благодѣтельнаго іюля, согрѣвающаго даромъ, безплатно! Казалось,

даже самый младенецъ на рукахъ дѣдушки Герасима обрадовался теплой комнатѣ: смирный до сихъ поръ, онъ вдругъ закричалъ благимъ матомъ! Въ отвѣтъ на это изъ сосѣдней комнаты послышался другой младенческій крикъ. Дѣдушкѣ Герасиму почудилось въ первую секунду, что то было эхо, и опять-таки тутъ не было бы ничего удивительнаго, потому что во всей квартирѣ царствовала такая же мертвая тишина, какъ и на улицѣ; но каково же было удивленіе старика, когда изъ ближайшей двери показалась вдругъ сытая, румяная кормилица съ ребенкомъ на рукахъ.

— Ну, пропалъ! совсѣмъ пропалъ! подумалъ старикъ:— какъ же это сказывали—у него дѣтей не было?.. сказывали— холостой человѣкъ... Пропала моя головушка... фу, фу, конченное, значитъ, дѣло!..

Въ то время какъ онъ размышлялъ такимъ образомъ, лакей Петръ запиралъ на ключъ выходную дверь, а лакей Севастьянъ шелъ съ докладомъ въ кабинетъ своего господина.

Кабинетъ выходилъ окнами на дворъ и занималъ всю заднюю часть дома. Изъ этого можете заключить, что кабинетъ обширенъ. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ такъ великъ, что лампа, поставленная у оконъ и прикрытая абажуромъ, могла освѣщать только одну половину комнаты; другая половина затеривалась въ потемкахъ; вздрагивающее пламя полупогасшихъ угольевъ въ высокомъ каминѣ изрѣдка лишь бросало багровый, трепещущій свѣтъ на безчисленные ряды полокъ съ книгами и позволяло различать старинные низенькіе турецкіе диваны, обтертое зеленое сукно на полу, мѣдныя катушки креселъ, обтянутыхъ сафьяномъ. Въ освѣщенной половинѣ кабинета виднѣлись тѣ же полки съ книгами, подымавшіяся съ полу до потолка; кое-гдѣ сверкали химическіе снаряды: стеклянные тонкогорлые сосуды, тонкія стеклянныя трубочки, изломанныя на всѣ возможные лады, пузырьки съ цвѣтными жидкостями, ящики съ минералами; неподалеку отъ лампы висѣлъ на гвоздѣ скелетъ, отбрасывавшій на сосѣднюю стѣну зубчатыя, фантастическія тѣни; противъ оконъ вытягивался длинный-длинный столъ, заваленный бумагами, свертками, фоліантами, хирургическими инструментами, восковыми раскрашенными моделями, изображавшими многосложные, запутанные органы человѣческаго тѣла. Подлѣ старин-

ной чугунной чернильницы, въ видѣ готическаго храма, лоснился распиленный пополамъ черепъ, служившій песочницей. Все въ этой комнатѣ пахло или докторомъ, или ученымъ, но, ужъ во всякомъ случаѣ, пахло старымъ холостякомъ. Какой-то сгущенный, неподвижный воздухъ, какъ-будто пропитанный запахомъ мыши, воздухъ, свойственный вообще всѣмъ жилищамъ старыхъ холостяковъ, воздухъ, ужъ располагающій почему-то къ ипохондріи, сдавливалъ ваше дыханіе; пыль на книгахъ и на полкахъ, безпорядокъ въ бумагахъ, лежавшихъ кое-гдѣ, даже на полу, ясно показывали, что въ комнатѣ никогда и ни къ чему не прикасалась женская рука. Кабинетъ этотъ и предметы, его наполнявшіе, повѣствовали вамъ цѣлую исторію: видно было, что здѣсь въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ сосредоточивалась жизнь одинокаго труженика. Владѣтель кабинета былъ дѣйствительно и холостякъ, и ученый медикъ, давно, впрочемъ, болѣе десяти лѣтъ оставившій практику.

Благодаря царствующей вокругъ тишинѣ, въ первую минуту легко было не замѣтить его присутствія.

Онъ сидѣлъ противъ камина въ широкихъ вольтеровскихъ креслахъ; ноги его, закутанныя шелковымъ стеганнымъ халатомъ, покоились на рѣшеткѣ камина.

То былъ человѣкъ полный, но полноты болѣзненной, свойственной только темпераментамъ лимфатическимъ, ипохондрикамъ, сидняиъ, или, наконецъ, людямъ, вся дѣятельность кототорыхъ сосредоточивается въ одномъ мозгу. Выпуклый лобъ доктора значительно преобладалъ надъ другими частями лица; маленькіе черные глаза, не лишенные еще блеска, но постоянно задумчивые и какъ-бы прикованные къ одной точкѣ, уходили далеко въ свои впадины; мягкіе, плоскіе волосы, когда-то черные, какъ смоль, начинали серебриться—вѣрный знакъ излишняго труда и усиленнаго мышленія, потому что, сколько извѣстно, докторъ не былъ подверженъ ни сильнымъ головнымъ болямъ, ни сильнымъ огорченіямъ, имѣющимъ также свойство преждевременно серебрить человѣческія головы; густыя, но мягкія и гладкія брови показывали, впрочемъ, что жизнь этого человѣка прошла ровно, тихо, и не была подвержена особеннымъ бурямъ, страстямъ, испытаніямъ. Волосы, закинутые назадъ, открывали маленькія женскія уши необыкновенно тонкаго, нѣжнаго рисунка, вѣрный, несомнѣн-

ный знакъ необычайной деликатности чувствъ, соединенныхъ съ природною скрытностью. Наружность доктора не имѣла, однакожъ, ничего привлекательнаго: все въ ней было какъ-то кругло и мясисто; желтизна кожи на вискахъ, на лбу и вокругъ глазъ выказывала нравъ желчный, раздражительный; онъ глядѣлъ какъ-то ворчливо, несообщительно; вся фигура его сохраняла характеръ какой-то грубоватости, разумѣется, только наружной грубоватости, что̀ дѣлало доктора весьма похожимъ на тѣ неуклюжіе, узловатые пни, въ глубинѣ которыхъ скрывается кубышка съ золотомъ; всякій пройдетъ мимо и не обратитъ вниманія, и тѣ только, которымъ открылся кладъ, прощаютъ такимъ пнямъ ихъ грубую, неуклюжую оболочку; но дѣло въ томъ, что такого рода клады даются весьма рѣдко.

Положивъ локоть на ручку креселъ, опустивъ голову въ ладонь, докторъ задумчиво глядѣлъ на догоравшіе уголья камина.

Никогда еще, можетъ быть во всю свою жизнь, не чувствовалъ онъ такъ сильно своего одиночества. Каждый годъ проводилъ онъ этотъ самый вечеръ новаго года въ своемъ кабинетѣ и встрѣчалъ его при тѣхъ же условіяхъ; одиночество было ему, слѣдовательно, въ привычку. Но есть минуты въ жизни человѣка, мыслящаго и чувствующаго, минуты, когда нежданно заговорятъ въ сердцѣ всѣ подавленныя, давно молчавшія чувства; когда въ потемнѣвшей душѣ нашей отразятся вдругъ, подобно тому, какъ отражаются на темной стѣнѣ радужные образы волшебнаго фонаря, отразятся свѣтлыя картины давно минувшаго счастливаго дѣтства, когда въ ушахъ нашихъ нежданно, точно изъ другого міра, зазвучатъ вдругъ родственные, близкіе намъ голоса. Въ такія минуты, повѣрьте, сердце и чувства, въ немъ воскреснувшія, берутъ верхъ надъ всѣми возможными привычками одиночества, и дѣлается намъ поневолѣ и горько, и грустно! Да, никогда еще, во всю свою жизнь, не сознавалъ докторъ такъ глубоко своего одиночества, никогда не тяготился имъ такъ сильно. Мы можемъ сказать въ свою очередь, что новый приближающійся годъ особенно сильно способствовалъ къ такому расположенію. Мысли доктора невольно переносили его во всѣ безчисленные знакомые ему дома огромной столицы; всюду встрѣчалъ онъ радостныя лица, всюду встрѣчалъ собравшихся родныхъ и друзей, радостно устремившихъ глаза на часовую стрѣлку, близившуюся къ полуночи. Мысли его стре-

мительно уносились тогда въ глубокую даль давно-прошедшаго времени; передъ нимъ возникали картины его дѣтства, и тамъ встрѣчалъ онъ тѣ же радостныя лица, встрѣчалъ тѣ же живые, нетерпѣливые взгляды, обращенные къ часовой стрѣлкѣ. Но прошедшее давно завѣсилось непроницаемою пеленою, давно не существовало; будущее терялось въ непроницаемомъ мракѣ; онъ былъ одинъ, одинъ въ цѣломъ свѣтѣ въ настоящую минуту; и часовая стрѣлка, приближавшаяся къ полуночи, и радости этого вечера не имѣли для него никакого смысла и значенія. Онъ мысленно сталъ перебирать всю свою жизнь, стараясь дознаться, не заключалось ли въ его природѣ какихъ-нибудь нравственныхъ или органическихъ причинъ, которыя сдѣлали изъ него такое грустное противонормальное исключеніе: онъ перешелъ прямо къ эпохѣ своей юности. Онъ увидѣлъ себя круглымъ сиротою, въ нуждѣ, которая заставляла его просиживать напролетъ цѣлыя ночи, заставляла работать и учиться не въ примѣръ противъ товарищей; онъ былъ одинокъ, и только трудомъ однимъ могъ держаться на ихъ уровнѣ; вся юность его прошла въ трудахъ; онъ не имѣлъ времени отдаваться увлеченіямъ, свойственнымъ его возрасту. Молодость его промелькнула почти незамѣтно. Онъ перенесся тогда къ эпохѣ своего возмужалаго возраста, когда наука стала открывать передъ нимъ свои тайны, когда она превратилась въ страсть и увлекла его, когда онъ весь, всѣмъ существомъ, всѣми своими помыслами и чувствами, отдался наукѣ. Онъ посвящалъ ей все свое время и ни о чемъ больше не думалъ. Онъ жилъ не такъ, какъ жили другіе люди: жилъ вдали отъ всѣхъ, жилъ въ исключительной сферѣ мистическихъ таинствъ природы, въ мірѣ открытій, обращавшихся на пользу и благо человѣчества. Такъ дожилъ онъ до сорокалѣтняго возраста. Онъ увидѣлъ себя окруженнымъ славой, богатствомъ. Мысленно перелистывая такимъ образомъ день за день, годъ за годъ всю свою жизнь, какъ листки фоліанта, дошелъ онъ до настоящей минуты и спросилъ себя наконецъ о результатѣ пройденнаго поприща жизни; спросилъ себя: къ чему привели его и слава, и деньги, и наука, и познанія? спросилъ себя, почему, несмотря на славу, деньги и познанія, онъ чувствовалъ себя, однако жъ, такъ глубоко несчастливымъ и одинокимъ?... О! какими ничтожными, шаткими и мелкими показались ему въ эту минуту человѣческія стремленія и убѣжденія. Вечеръ новаго года, не болѣе какъ этотъ вечеръ, опрокидывалъ навзничь и разбивалъ

въ дребезги всѣ его убѣжденія—плодъ долгихъ размышленій, всѣ убѣжденія, жившія столько лѣтъ въ душѣ его и двигавшія всею его жизнью. Въ эту минуту онъ охотно отдалъ бы всю свою славу, всѣ свои деньги и познанія, чтобъ въ этотъ вечеръ огонь камина освѣщалъ дружеское и женское лицо и радостныя лица маленькихъ дѣтей! Нѣтъ, никогда еще подобная мысль не вторгалась такъ назойливо въ сердце доктора, никогда не тяготило его такъ сильно одиночество.

Мысль о дѣтяхъ невольно перенесла его къ ребенку, котораго подкинули ему на прошлой недѣлѣ. Онъ ухватился за эту мысль, какъ утопающій хватается за соломенку. Секунду спустя, сердце его стѣснилось еще пуще прежняго: онъ прожилъ ужь время сердечныхъ увлеченій и привязанностей. Прошлаго не воротишь, да и въ будущемъ не предстояло радостей: ему ужь не дождаться времени, когда подкинутый ребенокъ займетъ мѣсто въ его осиротѣломъ сердцѣ и будетъ имѣть значеніе въ его жизни. Онъ снова оглянулся на пройденное поприще жизни, но на этотъ разъ уже съ какимъ-то страхомъ и отчаяніемъ. Ему хотѣлось узнать, не найдется ли хоть одного человѣка въ цѣломъ мірѣ, которому былъ бы онъ особенно близокъ или дорогъ, котораго привязалъ бы онъ къ себѣ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, хотя словомъ однимъ; онъ мысленно кинулся въ мелочи жизни, сталъ припоминать мельчайшіе случаи; нѣтъ, никого не могли привязать холодные совѣты, внушенные долгомъ, никого не трогало холодное воззрѣніе на человѣка съ ученой точки зрѣнія. Онъ сталъ припоминать тогда, не былъ ли онъ причиной, хотя невольной, чьихъ-нибудь страданій, огорченій; не заплатилъ ли кому-нибудь неблагодарностью, не оскорбилъ ли кого-нибудь грубымъ, жесткимъ, незаслуженнымъ словомъ, и нашелъ множество такихъ случаевъ. Такъ, переходя отъ одной мелочи къ другой, вспомнилъ онъ, что не далѣе, какъ годъ тому назадъ, потерялъ онъ бумажникъ съ деньгами, что бумажникъ былъ возвращенъ ему на другой же день полиціею, что въ этотъ день находился онъ въ какомъ-то особенно желчномъ раздражительномъ расположеніи духа; онъ не позаботился даже освѣдомиться о человѣкѣ, возвратившемъ ему деньги, не позаботился поблагодарить его, хотя зналъ, что человѣкъ, возвратившій ему деньги, находился въ крайней бѣдности. Поступокъ этотъ и многіе другіе въ томъ же родѣ заставляли его бросить мысленно

взглядъ на остающіеся дни его поприща, и сердце его наполнилось желаніемъ загладить какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ такъ безплодно, такъ холодно проведенные годы; ему хотѣлось во что-бъ ни стало найти человѣка, въ которомъ могъ бы онъ возбудить къ себѣ чувство привязанности, хотя самой слабой сердечной привязанности, которая въ этотъ печальный вечеръ новаго года казалась ему во сто разъ дороже и славы, и денегъ, и обширныхъ познаній.

Такого рода мысли занимали доктора, когда ручка кабинетной двери застучала и на порогѣ показался мрачный Севастьянъ.

Увидя его, докторъ сдѣлалъ движеніе человѣка, котораго неожиданная трескотня, разрушающаяся кровать, оторвавшаяся полка пробуждаютъ отъ сна.

Не дождавшись вопроса, Севастьянъ передалъ съ необычайнымъ жаромъ и торопливостью происшествіе, случившееся за минуту передъ тѣмъ на подъѣздѣ.

Докторъ быстро поднялся съ своего мѣста, причемъ на лицѣ его отразились всѣ признаки нетерпѣнья и досады; но онъ мгновенно, однако жъ, овладѣлъ собою, приказалъ Севастьяну ввести старика, и, пройдясь раза два по кабинету, вошелъ въ столовую.

Дѣдушка Герасимъ стоялъ ужъ въ дверяхъ, держа на рукахъ внучка, который, какъ на зло, кричалъ немилосерднѣйшимъ образомъ.

— Что̀ ты за человѣкъ? отрывисто спросилъ докторъ, оглядывая старика строгимъ, проницательнымъ взглядомъ.

— Сударь!... ваше высокоблагородіе... простите! проговорилъ дѣдушка Герасимъ, дѣлая движеніе, чтобъ стать на колѣни.

— Я тебя спрашиваю: что̀ ты за человѣкъ? повторилъ докторъ, удерживая его.

— Шарманщикъ, сударь! отвѣчали въ одинъ голосъ Севастьянъ и Петрушка, высовываясь изъ прихожей.

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, подхватилъ дѣдушка Герасимъ:— то-есть дочь моя съ шарманкой ходила... а я, сударь, ваше благородіе... больше, то-есть, играю... то-есть, на счетъ кларнета по эвтой части...

— Пьянчужка какой-нибудь! нетерпѣливо перебилъ докторъ.

Раскраснѣвшееся лицо дѣдушки Герасима и особенно носъ его, пылавшій какъ раздутый уголь, произвели, повидимому, непріятное впечатлѣніе на доктора; онъ не зналъ, да и гдѣ жъ было знать ему, что дѣдушка Герасимъ провелъ весь день на морозѣ, и потому приписалъ необыкновенную красноту носа такимъ причинамъ, которыя ставили старика въ самое невыгодное мнѣніе.

— Пьянчуга! повторилъ онъ.

— Помилуйте, сударь!... я... то-есть...

— Негодяй! присовокупилъ докторъ.

— За что же, сударь?... оно, то-есть, конечно, виноватъ передъ вами... а только за нами, то-есть, никакого, сударь, не водится художества... мы, сударь, честные люди!...

— Это по всему видно!... хороша честность: прійдти, самъ не зная куда и къ кому, и подкинуть ребенка. Можетъ даже быть свое собственное дѣтище... Чей это ребенокъ?

— Мой... то-есть, нашъ, сударь... внучекъ, сударь... родной внучекъ!...

— Еще лучше!

— Ахъ, сударь, сударь! съ отчаяньемъ воскликнулъ дѣдушка Герасимъ:—вѣдь сердце-то, сударь, и у насъ есть! чувствіе есть, сударь!... Развѣ намъ не жаль растаться съ нимъ?... Мы, сударь, я да зять мой, можетъ, пятеро сутокъ не пимши, не ѣмши сидѣли, все объ немъ сомнѣвались!... Нужда, сударь, заставила!... Пятеро дѣтей, малъ-мала меньше, ѣсть, сударь, просятъ, а дать нечего!... Думали, авось хоть этотъ посчастливѣе будетъ... объ васъ, сударь, слыхали... благодѣтель, говорятъ... холостой!... ну мы и того... то-то вотъ, сударь, не знамши-то!... Простите, сударь, помилуйте! А на счетъ, то-есть, художествомъ никакимъ мы, сударь, не занимаемся, жили, сударь, честность соблюдали... вотъ хоть бы теперича зять мой, сударь, прошлаго года, вотъ объ эвту почитай пору, бумажникъ нашелъ...

— Какой бумажникъ? спросилъ докторъ съ необыкновенною живостью.

— Да извѣстно, сударь, какіе такіе бываютъ; только на-

шелъ съ деньгами; сказывали тысяча была!... а вѣдь не польстился же: все въ полицію предоставилъ!... Сказывали намъ, дохтуръ вишь какой-то обронилъ, можетъ, вы его и знаете, ваше благородіе... объ этомъ, сударь, и въ газетахъ распечатали... Нѣтъ, сударь, жили мы завсегда по честности, какъ слѣдуетъ, а не то, чтобъ другимъ, то-есть, какимъ манеромъ...

Но докторъ не слушалъ ужъ дѣдушку Герасима; закинувъ руки за спину, онъ торопливо ходилъ взадъ и впередъ по столовой: онъ казался взволнованнымъ. Досадливое выраженіе исчезло съ лица его. Внезапно веселая какая-то мысль освѣтила какъ-будто черты его; но это продолжалось всего секунду; онъ снова вдругъ нахмурился; видно было, однако жъ, ясно ужъ было видно, что многихъ усилій стоило ему сохранить такую маску.

— Все равно, сказалъ онъ голосомъ, очевидно слишкомъ ужъ басистымъ, чтобъ быть естественнымъ: — все равно! бѣдность не оправдываетъ такой поступокъ! Подкидывать дѣтей!... Съ чего вы взяли въ самомъ дѣлѣ превращать мой домъ въ Воспитательный? Твоему зятю угодно было народить множество дѣтей, а я долженъ отвѣчать — вотъ новость! Съ чего вы это взяли? а? Съ чего вы это взяли? я тебя спрашиваю. Мало того, что на прошлой недѣлѣ вы подкинули мнѣ одного ребенка, теперь пришли подкидывать еще другого, а?!...

— Помилуйте, сударь!... Христосъ съ вами, сударь!... проговорилъ дѣдушка Герасимъ, столбенѣя отъ удивленья и ужаса.

— Вы подкинули, вы! больше не кому! Я вижу теперь ясно, вы подкинули!

— Христосъ съ вами, сударь! помилуйте!... помилуйте, ваше высокоблагородіе!... Да у насъ всего-на-всего одинъ только грудной и есть... помилуйте, сударь, я... мы...

— Разсказывай, любезный! Развѣ не могла у васъ родиться двойня? развѣ этого не бываетъ? а?

— Батюшка!...

— Полно, любезный, разговаривать, перебилъ докторъ, едва-едва удерживаясь: — очень радъ, что судьба натолкнула тебя сюда; очень радъ! Возьми своихъ внучатъ и ступай... да благодари еще, что такъ сошло... Эй! позвать сюда кормилицу!

— Помилуйте, сударь... что же это будетъ такое?... отчаянно воскликнулъ старикъ, которому представилась вдругъ страшная картина того, какъ является онъ домой съ двумя ребенками, да еще съ однимъ чужимъ въ придачу. — Батюшка! подхватилъ онъ, и безъ сомнѣнія упалъ бы на колѣни, еслибъ не помѣшалъ ему внучекъ: — сударь, да разрази меня Богъ на эвтомъ самомъ мѣстѣ, нашли на меня всѣ несчастія, коли я другого подкинулъ...

— Знать ничего не хочу! позвать сюда кормилицу! позвать кормилицу! кричалъ между тѣмъ докторъ, отворачиваясь къ двери, чтобъ скрыть смѣющееся лицо свое. Марья, прибавилъ онъ, обращаясь къ кормилицѣ, которая входила съ младенцемъ на рукахъ: — ты, Марья, кормила ребенка?

— Сейчасъ, сударь, только отъ груди отняла.

— Хорошо; ну, такъ отдай же его этому человѣку.

— Батюшка! ваше высокоблагородіе!... да это вѣдь погибель наша! что-жъ мы дѣлать-то станемъ?

— Возьми его, говорю, сейчасъ же бери, и чтобъ васъ не было здѣсь чрезъ минуту.

— Батюшки! отцы мои! завопилъ дѣдушка Герасимъ, когда положили ему на руки второго ребенка, закутаннаго съ головы до ногъ въ шубейку кормилицы. Да нѣтъ же, сударь... нѣтъ, власть милости вашей... нельзя этого... сударь... никакъ нельзя!

— А, когда такъ, я сейчасъ же пошлю за полиціей!... Ступай! Петръ, выведи его на улицу!

— Позвольте слово только одно... я...

— Ни слова... выведите его на улицу! сказалъ докторъ, указывая рукою на дверь. Севастьянъ, заключилъ онъ, когда старикъ, два ребенка, Петръ и кормилица исчезли въ дверяхъ прихожей.

Явился Севастьянъ.

— Ступай слѣдомъ за этимъ старикомъ, сказалъ докторъ, понижая голосъ, но смотри, такъ, однако жъ, чтобъ онъ никакъ этого не замѣтилъ... въ противномъ случаѣ, завтра разсчетъ и паспортъ, слышишь?

— Слушаю-съ, будьте благонадежны.

— Ну, такъ ступай же скорѣй; высмотри хорошенько, куда онъ пойдетъ, узнай его квартиру и тотчасъ же пріѣзжай сказать мнѣ обо всемъ. Смотри же, не зѣвай! Да вели сказать кучеру, чтобъ скорѣе закладывалъ сани. Ступай!

VII.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

Можете сами судить, въ какомъ положеніи находился дѣдушка Герасимъ, когда Петръ захлопнулъ за нимъ дверь докторскаго дома, и онъ снова очутился на улицѣ, но только ужь не съ однимъ ребенкомъ, а съ двумя.

„Вотъ-те и новый годъ! вотъ-те и новый годъ!“ могъ только проговорить онъ, раскачивая головою и придерживая колѣномъ то одного ребенка, то другого.

Положеніе его было въ самомъ дѣлѣ ужасно. Хуже всего то, что мысли старика, не смотря на взволнованныя его чувства, сохранили всю свою ясность. Онъ сознавалъ какъ нельзя лучше обстоятельства своего семейства; сознавалъ какъ нельзя отчетливѣе, что лишній этотъ младенецъ произведетъ дѣйствіе лишней тяжести, брошенной на вѣсы, и безъ того ужь до края переполненные тяжестями всякаго рода! Что говорить: отдавать себѣ такимъ образомъ отчетъ въ своемъ положеніи очень похвально и даже полезно; но въ извѣстныхъ случаяхъ жизни это рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Дѣдушка Герасимъ чувствовалъ это очень хорошо. Онъ видѣлъ, что безъ особеннаго какого-нибудь благопріятнаго случая, безъ вмѣшательства посторонняго благодѣтельнаго лица, семейство его неминуемо погибнетъ. А между тѣмъ, положительно не предстояло никакой надежды, и въ этотъ вечеръ, именно въ этотъ вечеръ, менѣе чѣмъ когда-нибудь можно было разсчитывать на постороннее участіе.

Хотя вечеръ этотъ и слыветъ благодѣтельнымъ какимъ-то вечеромъ, хотя съ незапамятныхъ временъ ведется обыкновеніе собираться въ кружки и толковать о пользѣ благотворительно-

сти, но въ сущности вечеръ новаго года проходитъ въ однихъ разговорахъ; всѣ заняты собою собственно; думаютъ о томъ, какъ бы веселѣе, пріятнѣе провести достопамятный вечеръ, и особенно заняты новымъ приближающимся годомъ. Никому въ голову не приходило, слѣдовательно, отыскать Яшу Жилетникова, узнать, что онъ? какъ онъ? все ли живетъ по-старому? не нуждается ли въ чьемъ-либо пособіи? и проч. и проч.,—всѣ думали только о новомъ годѣ. Всѣ помыслы, всѣ чувства смертныхъ принадлежали новому году; на маковую росинку не оставалось чувствъ и мыслей для семьи Яши Жилетникова. Въ каждомъ окнѣ, въ каждомъ домѣ, въ каждой квартирѣ, даже на улицахъ и подъ воротами, только и было разговора, что о новомъ годѣ; хоть бы слово, одно слово о другѣ моемъ, Яшѣ Жилетниковѣ! „Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!“ слышалось отовсюду.

И въ самомъ дѣлѣ, на всѣхъ лицахъ, встрѣчавшихся на улицахъ, отпечатывалось выраженье внутренняго довольства и счастья. О старомъ годѣ помышляли, казалось, такъ же мало, какъ о Яшѣ Жилетниковѣ; повидимому, избѣгали даже вспоминать о старомъ годѣ, который въ свое время выбивался между тѣмъ изъ силъ, чтобъ подарить смертныхъ Петербурга раннею весною, надѣлить ихъ маленькими воздушными дачами, убрать цвѣтами и зеленью ихъ садики; старался поддерживать цвѣты и сады, поливая ихъ частыми дождями; старался перевезти какъ можно скорѣе продрогшихъ обывателей дачъ на теплыя квартиры, и проч. и проч. Но все это было забыто, и старый годъ, какъ дряхлый старикъ, отдавшій при жизни свое имущество неблагодарнымъ дѣтямъ, какъ девяностолѣтній король Лиръ, выгнанный неблагодарными дочерьми, спѣшилъ оставить городъ и прямо, повидимому, направлялся къ Смоленскому кладбищу.

Дѣдушка Герасимъ готовъ былъ послѣдовать его примѣру. Между нимъ и старымъ годомъ было большое сходство; оба отжили свой вѣкъ; оба никому не были нужны. Одно только обстоятельство удерживало старика: удерживали два младенца на рукахъ его, которые кричали благимъ матомъ и какъ бы просили нести ихъ какъ можно скорѣе на квартиру. Дѣлать было нечего. Онъ ускорилъ шагъ, и во все продолженіе пути остановился одинъ только разъ, а именно, когда раздался первый ударъ колокола съ какой-то отдаленной колокольни. „Разъ... два...

три...“ Онъ сосчиталъ одиннадцать ударовъ; до новаго года оставался одинъ только часъ!

— Вотъ тебѣ и новый годъ! фу, фу! вотъ тебѣ и новый годъ! произнесъ старикъ машинально.

Приподнявъ колѣномъ сначала внучка, потомъ другого младенца, дѣдушка Герасимъ продолжалъ подвигаться впередъ. Такъ добрелъ онъ до воротъ своего дома; но тутъ онъ почти противъ воли остановился: смущеніе и нерѣшительность, окончательно овладѣвшія старикомъ, когда поровнялся онъ съ окнами Анны Ивановны, перешли, казалось, теперь въ его ноги, ноги его напрямикъ отказывались двигаться.

Не знаю, какъ долго простоялъ бы онъ на одномъ мѣстѣ, еслибъ шаги, раздавшіеся за его спиною, не заставили его противъ силы войдти въ ворота.

Не стану разсказывать, какъ дѣдушка Герасимъ проходилъ дворъ, какъ вступилъ въ сѣни и какъ отчаянно отдувалъ щеки; достаточно сказать, что во все это время оба младенца кричали немилосердно, и не переставали кричать даже тогда, когда старикъ вошелъ съ ними въ комнату.

Обстоятельство это было причиною, что больная Маша тотчасъ пробудилась; вслѣдъ затѣмъ послѣдовало мгновенное пробужденіе четырехъ дѣтей ея. Увидя двѣ полновѣсныя ноши на рукахъ дѣдушки, ребятишки побросали во всѣ стороны прикрывавшую ихъ одежду, кинулись къ старику и закричали въ одинъ голосъ:

— Дѣдушка принесъ гостинцы! гостинцы, гостинцы принесъ!

Убѣдившись, однако жъ, въ чемъ дѣло, на что потребовалась одна секунда, они вдругъ отшатнулись и раскрыли удивленные глаза.

Маша, между тѣмъ, не найдя подлѣ себя младенца, быстро подняла голову и съ безпокойствомъ смотрѣла на отца. Но всѣхъ изумленнѣе казался самъ Яша Жилетниковъ, который до того времени сидѣлъ въ углу, закутанный платкомъ крестъ-на-крестъ (пальто его прикрывало женины ноги).

— Батюшка, сказала Маша, силясь приподняться на локоть: —зачѣмъ ты взялъ ребенка?

Но тутъ глаза ея встрѣтили другого младенца на рукахъ дѣдушки Герасима, и она остановилась.

— Батюшка, что это? приговорила она съ испугомъ.

— Что это? что такое? спросилъ въ свою очередь Яша, не вѣря глазамъ своимъ.

— Стойте! погодите, погодите маленько, ужь, ужь, сейчасъ, возразилъ, смущаясь и мѣшаясь, старикъ:—вотъ я, промолвилъ онъ, оправляясь и стараясь даже улыбнуться:—я, то-есть, взялъ, Маша, ребенка-то... да, онъ, видишь ли, кричалъ, спать тебѣ не давалъ; такъ я, того, и взялъ его; думалъ прогуляюсь пойду по улицѣ... а тутъ, стойте! Сейчасъ все разскажу, фу, фу... Вотъ, иду я, такъ-то, назадъ, смотрю, а въ дверяхъ нашихъ вотъ этотъ и лежитъ, да, фу, фу, выходитъ, то-есть, намъ его подкинули!

Яша стоялъ какъ громомъ пораженный.

— Неси его назадъ, батюшка! сказалъ онъ наконецъ, судорожно схвативъ старика за шинель:—неси на старое мѣсто; грѣхъ не на нашей душѣ, самимъ ѣсть нечего!

— Нѣтъ, погодите, не ходи, батюшка! дай мнѣ его сюда! проговорила неожиданно Маша, протягивая руки:—дай сюда обоихъ! Яша, Христосъ съ тобою, опомнись, о чемъ это ты говоришь, что ты хочешь дѣлать? Богъ милостивъ: можетъ, услышалъ наши молитвы, счастіе намъ посылаетъ... Вспомни, ноньче день какой! заключила она, укладывая обоихъ младенцевъ подлѣ себя.

— Оно все такъ... точно: новый годъ!.. Но и своихъ много... куда мы съ нимъ дѣнемся?.. нерѣшительно вымолвилъ Яша...

Дѣдушка Герасимъ разводилъ только руками и отдувалъ щеки.

— Какъ куда дѣнемся? не бросить же его на улицу, стало, такъ Господу Богу угодно... будетъ жить съ нами, если Господь дастъ ему здоровья, сказала Маша:—Богъ дастъ и я встану, не будетъ той тѣсноты въ домѣ, какъ-нибудь прокормимся. А ныньче, самъ же ты говорилъ, баньщикъ обѣщалъ прислать... что-то долго онъ нейдетъ!.. ты бы опять сходилъ, Яша. А батюшка сходитъ пока въ лавочку, молочка

возьметъ... вѣдь ты, батюшка, лавочнику-то заплатилъ, сказывалъ?..

— Какъ же, какъ же! гм! гм!.. Сейчасъ, сію минуту... суетливо заговорилъ дѣдушка Герасимъ, какъ бы отыскивая что-то въ углахъ комнаты:—сейчасъ схожу, промолвилъ онъ, бросивъ выразительный взглядъ Яшѣ и выходя торопливо изъ комнаты.

— Батюшка, что ты съ нами надѣлалъ? Вѣдь это наша гибель! воскликнулъ гаеръ, когда оба они очутились въ сѣняхъ.

— Ну, какъ быть! ничего, молчи только, возразилъ тесть, стараясь принять лукавый видъ и подмигивая обоими глазами, что было совершенно лишнее, потому что въ сѣняхъ зги не было видно:—надо какъ-нибудь извернуться... надуть, но безпремѣнно надо, потому, примѣрно, лавочникъ и баньщикъ и все такое... выходитъ, пустяшное только дѣло!.. А вотъ что: сбѣгаю-ка я къ Аннѣ Ивановнѣ, скажу: такъ и такъ молъ, оказія какая случилась, попрошу ее, баба того... добрая душа, авось что и добуду... всего бы одинъ двугривенный, больше не надо... ты ступай пока къ Машѣ... а я, какъ получу деньги-то, въ лавочку сбѣгаю за молокомъ... не въ нашу лавочку; тамъ не раздобудешься, сбѣгаю въ другую, слышь?

Сказавъ это, старикъ выпустилъ разомъ весь воздухъ изъ щекъ своихъ и пустился безъ оглядки въ квартиру Анны Ивановны.

Яша засталъ дѣтей своихъ подлѣ постели матери; всѣ— и мать, и дѣти—съ любопытствомъ разсматривали подкидыша.

— Погляди, Яша, погляди-ка, во что его закутали... шубейка-то какая! а одѣяльце-то... одѣяльцо! стеганое шелковое! пеленки-то! а рубашечка... должно быть, богатыхъ какихъ!.. Господи! и такіе люди подкидываютъ дѣтей своихъ!.. Яша, и башмачки-то, погляди, башмачки-то какіе... точно игрушечные!.. да пойди же сюда, Яша.

Но Яша сидѣлъ ужь въ углу своемъ и, положивъ голову въ ладони, ни на что, казалось, не хотѣлъ смотрѣть.

Минутъ пять спустя, онъ по неволѣ долженъ былъ, однако жъ, поднять голову. Въ комнату вошелъ дѣдушка Герасимъ, сопровождаемый всѣмъ обществомъ Анны Ивановны, за исклю-

ченіемъ, впрочемъ, веселаго Андрея Андреевича, который такъ весело провелъ остатокъ вечера, что не въ силахъ уже былъ двигать ногами. Вся компанія находилась также, повидимому, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, и это самое обстоятельство выдавало еще рѣзче взбудораженное, встревоженное лицо дѣдушки Герасима.

Впереди всѣхъ выступилъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Кого еще тутъ принесло? Какого ребенка? Мало тѣсноты было!.. сказалъ золотильщикъ, зеленоватое лицо котораго, благодаря крѣпкой настойкѣ Анны Ивановны и ея радушію, превратилось въ пунцовое:—самимъ ѣсть нечего, а еще чужихъ дѣтей принимать вздумали! Нѣтъ, прежде за квартиру заплатите—вотъ что, а тамъ и распоряжайтесь, да! слышите, за квартиру отдайте, а тамъ и пускайте, кого хотите...

— Это какъ есть настоящее дѣло... проговорилъ охмѣлѣвшій тихвинецъ.

— Ахъ, Авениръ Михайлычъ, посмотрите, какой хорошенькій ребенокъ! просто прелести... воскликнула Анна Ивановна:— ахъ, какія прелести! посмотрите, Авениръ Михайловичъ, какое на немъ одѣяльцо, какая рубашечка!..

— Да-съ, можно сказать, княжеское дитя, только не приходится... знаете... не на семъ мѣстѣ, такъ сказать... проговорилъ Авениръ Михайловичъ съ видомъ знатока.

— Да, прежде за квартиру заплатите, вотъ что! кричалъ между тѣмъ Василій Аѳанасьевичъ:—а то наровятъ жить какъ-нибудь на шаромыжку, да еще жильцовъ къ себѣ пускаютъ...

— Какой же это жилецъ? вымолвилъ дѣдушка Герасимъ:— много ли ему надо? да никто и не пущалъ его... Выслушай только, Василій Аѳанасьевичъ, что я скажу тебѣ... выслушай: нешто мы причиной, вѣдь его подкинули, самъ посуди!

— А зачѣмъ брали? брали зачѣмъ?.. вишь богачи какіе... самимъ ѣсть нечего, а еще подкидышей берутъ...

— Какъ же быть-то? на морозѣ, что ли, его по-твоему оставить?

— Какъ же ты можешь отвѣчать такъ своему хозяину? закричалъ еще громче золотильщикъ:—какъ же ты можешь

отвѣчать такъ грубо?.. Вонъ, когда такъ! вонъ, чтобъ духу вашего здѣсь не было!.. подхватилъ онъ, не обращая вниманія на усовѣщеваніе Анны Ивановны.

Но въ ту самую минуту, какъ Василій Афанасьевичъ произносилъ эти послѣднія слова, торжественно приподнявъ руку, дверь отворилась и въ комнату вошелъ докторъ.

— Что здѣсь за шумъ!.. спросилъ онъ, окидывая быстрымъ взглядомъ присутствующихъ.

— Отъ того и шумъ, что за квартиру не платятъ, вотъ что! отвѣчалъ довольно дерзко Василій Аѳанасьевичъ.

— Вы кто такой? нетерпѣливо спросилъ докторъ, обращаясь къ золотильщику.

— Я хозяинъ здѣшней квартиры, возразилъ тотъ съ горячностью.

— А, вы хозяинъ здѣшней квартиры... перебилъ докторъ, торопливо вынимая изъ кармана бумажникъ: — сколько же они вамъ должны?..

— Должны три цѣлковыхъ... да вамъ до этого нѣтъ нужды, это мое дѣло съ жильцами, потому я хозяинъ...

— Вотъ вамъ деньги, прервалъ его докторъ: — вы, слѣдовательно, теперь ужь не хозяинъ, по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, и потому можете убираться отсюда...

— Какъ вы можете мнѣ это говорить? я хозяинъ...

— Нѣтъ, повторяю вамъ, вы ужь не хозяинъ, коль скоро деньги вамъ заплачены. Ступайте вонъ!

— Какъ?

— Да также, вотъ какъ!.. и докторъ, повернувъ Василія Аѳанасьевича за плечи, вытолкалъ его за дверь безъ дальнѣйшихъ церемоній.

— Вамъ здѣсь что угодно? спросилъ онъ, обращаясь къ тихвинцу.

— Это, то-есть, на счетъ чего-съ... проговорилъ тихвинецъ, начинавшій ужь подбираться къ двери.

— Не угодно ли вамъ уйдти отсюда?

— Это мы съ нашимъ удовольствіемъ-съ... это можно... пробормоталъ Иванъ Тихоновичъ, исчезая въ сѣни.

— А ты, братецъ, зачѣмъ здѣсь? сказалъ докторъ, поворачиваясь къ Авениру Михайловичу, который, не переставая охорашиваться, чистилъ обшлага фрака и старался, повидимому, обратить на себя вниманіе доктора: — ты здѣсь зачѣмъ?.. Я, кажется, явственно, русскимъ языкомъ сказалъ, что ты напрасно безпокоишься и ходишь ко мнѣ каждый день; что я не возьму тебя въ камердинеры, потому что не люблю такихъ франтовъ... Чего же тебѣ еще? Ступай, братецъ, ступай... тебѣ здѣсь нечего дѣлать...

— Помилуйте, сударь... такимъ манеромъ... я у князей, у графовъ служилъ...

— Ну, очень радъ, а у меня служить не будешь, вотъ и все! Ступай отсюда! перебилъ докторъ, выпроваживая Авенира Михайловича.

Маленькая Анна Ивановна, не столько удивленная, сколько огорченная обращеніемъ доктора съ избраннымъ ея сердца, не дождалась приглашенія оставить квартиру гостя; потряхивая съ чувствомъ достоинства крошечной своей головкой, она горделиво прошла мимо доктора, какъ бы желая дать ему почувствовать, что она не какая нибудь сволочь, что папенька ея содержалъ цырюльню на Владимірской, имѣлъ свой капиталъ, и проч. и проч.; она тотчасъ же исчезла.

Всѣ члены семейства Яши Жилетникова глядѣли на доктора во всѣ глаза; въ этихъ взглядахъ выражался страхъ, радость, надежда. Маша сидѣла на постели и, положивъ руку на обоихъ младенцевъ, придерживая другою рукою грудь, дрожала всѣмъ тѣломъ; Яша, обвязанный крестъ-на-крестъ женинымъ платкомъ, стоялъ какъ окаменѣлый; дѣдушка Герасимъ, изъ-подъ шинели котораго выглядывали испуганныя лица четырехъ дѣтей, разводилъ только руками и отдувалъ щеки.

Прежде всѣхъ опомнился все-таки дѣдушка Герасимъ.

— Батюшка... сударь! ваше высокоблагородіе! заговорилъ онъ неожиданно, трогаясь впередъ, причемъ дѣти быстро выпрыгнули изъ-подъ шинели и спрятались за спинку кровати: — ваше высокоблагородіе... благо... благодѣтель вы нашъ! мы ужъ

не чаяли съ квартирой-то справиться... самъ Господь послалъ васъ, благодѣтель! заключилъ онъ, опускаясь на колѣни.

— Полно, старикъ, полно! проговорилъ докторъ, приподнимая его: — перестань, это лишнее... Вы хозяинъ здѣшней квартиры? примолвилъ онъ, обращаясь къ Яшѣ.

— Я... я... сударь... пробормоталъ Яша, запинаясь на каждомъ словѣ.

— А это жена ваша?

— Жена... сударь...

— Перестаньте тревожиться, успокойтесь, вымолвилъ докторъ, подходя къ Машѣ: — я ничего не желаю вамъ, кромѣ добра; я докторъ и пришелъ къ вамъ единственно затѣмъ только, чтобъ оказать вамъ пособіе... дайте вашу руку... Э! ничего! присовокупилъ онъ, внимательно прислушиваясь къ пульсу и глядя ей въ лицо: — вы только слабы... болѣзни никакой нѣтъ... надѣюсь, вы скоро, очень даже скоро поправитесь...

Тутъ докторъ суетливо оглянулся во всѣ стороны; но такъ-какъ нигдѣ не оказалось ни пера, ни чернильницы, ни клочка бумаги, онъ вырвалъ изъ бумажника бѣлый листокъ, положилъ на ладонь и поспѣшно принялся писать что-то карандашомъ.

— Вотъ такъ хорошо; чрезъ недѣлю, надѣюсь, вы будете на ногахъ и совершенно здоровы, сказалъ онъ, складывая бумажку:—вашъ мужъ тотчасъ же отнесетъ это въ аптеку... у меня тутъ, на дворѣ, стоятъ сани; а вотъ и деньги на лекарство... добавилъ онъ, протягивая руку Яшѣ Жилетникову.

— Благодѣтель!... ваше благородіе!... за что̀, сударь жалуете... закричалъ дѣдушка Герасимъ, всплескивая руками.

— Подлинно, сударь, самъ Господь посылаетъ васъ!... Какъ намъ благодарить васъ за ваши добродѣтели!... Сударь! ваше благородіе!... Ужъ коли Господь послалъ намъ такого ангела-хранителя... такъ не оставьте насъ... будьте нашимъ благодѣтелемъ до конца!... пожалѣйте насъ, бѣдныхъ!... Сами видите, сударь, какая наша жизнь... ѣсть нечего!... пятеро дѣтей... Будьте отцомъ роднымъ, не отягощайте насъ лишнимъ ребенкомъ! не знаемъ, что и съ своими-то дѣлать!... проговорилъ Яша Жилетниковъ, которому, во время объясненія доктора съ

Машей, дѣдушка Герасимъ передалъ на-ухо всю исторію съ подкидышемъ.

— Нѣтъ, я этого никакъ не сдѣлаю, ребенокъ останется у васъ, съ веселостью отвѣчалъ докторъ:—вы знаете, долгъ красенъ платежемъ; часъ тому назадъ, вашъ тесть и, вѣроятно съ вашего же согласія, принесъ на мой подъѣздъ вашего ребенка и хотѣлъ мнѣ его подкинуть...

На этомъ мѣстѣ докторъ былъ прерванъ страшнымъ рыданіемъ Маши.

— Яша!... Яша!... батюшка... что̀ вы хотѣли сдѣлать! воскликнула она, страстно прижимая къ груди ребенка и обливаясь слезами.

— Такъ, стало быть, она ничего этого не знала?...

— Ничего, сударь, какъ есть... произнесли въ одно время тесть и зять.

— Полноте, перестаньте же... теперь плакать не о чемъ, вымолвилъ докторъ, торопливо подходя къ постели и взявъ больную за руку: — вѣдь вашъ ребенокъ теперь съ вами и никогда ужь не разлучатъ васъ; плакать, слѣдовательно, безразсудно... о чемъ? Вамъ, напротивъ, слѣдовало бы теперь радоваться! прибавилъ докторъ съ веселой улыбкой: — вы, какъ я вижу, любите дѣтей, и вмѣсто одного ребенка у васъ стало вдругъ двое!... Утрите же ваши слезы; плакать тѣмъ болѣе безразсудно, что мой ребенокъ, повѣрьте, нимало не стѣснитъ васъ... я думаю совсѣмъ напротивъ... вотъ, напримѣръ, у васъ здѣсь очень холодно...

— Двѣ недѣли, сударь, не топили, перебилъ дѣдушка Герасимъ.

— Ну вотъ видите ли! А мой ребенокъ привыкъ къ теплу, и потому необходимо сію же минуту достать дровъ и затопить печку, вотъ и деньги; во-вторыхъ, мой ребенокъ привыкъ очень хорошо ужинать; онъ безъ этого не засыпаетъ... и потому надо достать еще, во что бы то ни стало, хорошій ужинъ... Кромѣ этого, я знаю, мой ребенокъ приготовилъ вамъ маленькій подарокъ къ новому году... но объ этомъ послѣ; главное дѣло, надо теперь позаботиться объ ужинѣ... Нельзя же встрѣтить

новый годъ съ пустымъ желудкомъ, не такъ ли? Мы сейчасъ же этимъ распорядимся...

Сказавъ это, докторъ вынулъ изъ бумажника нѣсколько мелкихъ ассигнацій, подошелъ къ оторопѣвшему Яшѣ и началъ съ нимъ о чемъ-то разговаривать; разговоръ происходилъ вполголоса и Маша ничего не могла разобрать; до слуха ея доходили только восклицанія отца и мужа, которые, одинъ за другимъ, повторяли: — „Благодѣтель! отецъ нашъ! Господь заплатитъ вамъ за ваши добродѣтели!“ и проч. и проч.

Совѣщаніе кончилось тѣмъ, однакожъ, что Яша и старикъ нахлобучили на голову картузы свои и опрометью выбѣжали изъ комнаты.

Докторъ придвинулъ скамью къ постели больной и ласково сталъ разспрашивать ее о прежнемъ житьѣ-бытьѣ ея.

Никогда еще полное лицо доктора не дышало такою добротою и не внушало столько довѣрія; въ чертахъ его не оставалось и тѣни строгаго, глубокомысленно-задумчиваго выраженья; ученый исчезъ совершенно; оставался только человѣкъ—и лучше было!

Дѣти, которымъ инстинктивно дано понимать лучше всякаго взрослаго движенія человѣческой души, давно ужь перестали бояться своего гостя; они вышли изъ-за своей засады и окружали теперь доктора, который, продолжая добродушно бесѣдовать съ Машей, не пропускалъ случая трепать пухленькія щеки то одному изъ наслѣдниковъ Яши Жилетникова, то другому.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ дверяхъ не показался дѣдушка Герасимъ съ охапкою дровъ на спинѣ, съ кулькомъ на плечѣ и бутылкою за пазухой; слѣдомъ за нимъ выступалъ Яша съ полновѣсными узлами въ каждой рукѣ.

Поставивъ свои ноши на столъ, оба остановились въ какой-то нерѣшительности.

— Что-жъ вы стали, братцы? смѣясь, сказалъ докторъ:—надо поторопиться, а то, чего добраго, новый годъ застанетъ насъ въ холодной квартирѣ...

— Помилуйте, сударь, какъ же?... за что, то есть... вы такія милости... отецъ нашъ!... начали было оба смущеннымъ голосомъ.

Но докторъ не дослушалъ, приказалъ старику немедленно затопить печь, Яшѣ велѣлъ развязать узлы и самъ принялся подсоблять ему.

Немного погодя, на шарманкѣ, приставленной къ постели, появилась бутылка молока, двѣ жареныя курицы, вино, бѣлые хлѣбы, пироги; часть постели заставилась, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, новыми фаянсовыми тарелками, ножами, вилками, стаканами, рюмками и салфетками. Но радость и удивленіе дѣтей превратились въ совершеннѣйшій восторгъ, когда докторъ развязалъ узелъ, изъ котораго неожиданно выглянули деревянные коньки, пряники и румяныя головки куколъ.

— Это послѣ, дѣти, послѣ; теперь садитесь всѣ ужинать! Кто первый сядетъ, тому лучшая игрушка! сказалъ докторъ, между тѣмъ какъ Маша осыпала его благословеніями, смѣялась и плакала въ одно и то же время.

Когда дѣти усѣлись и ярко-вспыхнувшая вдругъ печка освѣтила ихъ радостныя лица, Яша Жилетниковъ, дѣдушка Герасимъ и его дочь снова принялись разсыпаться въ благодарностяхъ и благословеніяхъ; но докторъ остановилъ ихъ, сказавъ, что если они не сядутъ ужинать, онъ минуты не останется въ ихъ квартирѣ и предоставитъ ихъ на произволъ судьбы...

— Ну, теперь, сказалъ докторъ, когда обѣ курицы и пироги исчезли: — пора, кажется, подумать и о новомъ годѣ. Вы знаете, что изстари ведется обычай дѣлать въ этотъ вечеръ другъ другу подарки. Вы подарили мнѣ или хотѣли подарить, что̀ все-равно, вашего ребенка—я отплатилъ вамъ тѣмъ же. Но мой ребенокъ находитъ, что этого недостаточно; онъ считаетъ себя въ долгу передъ вами, и хочетъ вамъ сдѣлать вотъ какой подарокъ, слушайте...

При этомъ, докторъ вынулъ изъ бокового кармана какое-то письмо, весело оглянулъ изумленныхъ членовъ семейства, развернулъ письмо и началъ читать во всеуслышаніе.

Въ письмѣ значилось, что ребенокъ, подкинутый такого-то числа декабря, доктору такому-то, принадлежитъ богатымъ родителямъ, которыхъ обстоятельства заставляютъ на время скрываться; далѣе объяснялось, что на имя ребенка положенъ капиталъ въ опекунскій совѣтъ, и что проценты съ этого капитала,

тысячу рублей въ годъ, предоставляется получать тѣмъ, кто будетъ заботиться о сохраненіи ребенка въ добромъ здравіи.

— Безъ васъ, я покороче познакомился съ вашею женою, сказалъ докторъ, обращаясь къ Яшѣ Жилетникову: — васъ, собственно, я уже давно знаю за честнаго, добраго человѣка... я разсудилъ отдать на ваше попеченіе ребенка и предоставляю вамъ пользоваться его доходами. Что̀ вы объ этомъ скажете?

Предоставляю вамъ самимъ судить о впечатлѣніи, какое произвели слова доктора на семейство Яши Жилетникова.

Дѣдушка Герасимъ и Яша бросились обнимать ноги доктора; Маша рыдала навзрыдъ, но ужь на этотъ разъ отъ радости.

— Дѣти! воскликнулъ вдругъ дѣдушка Герасимъ, подымаясь на ноги и восторженно оглядывая внучатъ, которыхъ докторъ надѣлилъ игрушками: — дѣти, что-жъ вы?

Тутъ дѣдушка Герасимъ стремительно бросился въ уголъ, приподнялся на цыпочки и снялъ съ гвоздей кларнетъ.

— Дѣти! на колѣни, въ ноги! благодарите вашего благодѣтеля! на колѣни! стой! стой! онъ, отецъ нашъ, этого не любитъ, стой! подхватилъ старикъ, восторженно махая кларнетомъ: — благодарите его, повеселите его, отца нашего, благодѣтеля! Ваня, Поля! становитесь! заключилъ дѣдушка Герасимъ, приставляя кларнетъ къ губамъ и страшно надувая щеки.

— Полно, старикъ, къ чему это? смѣясь, проговорилъ докторъ, махая рукою, которою снова завладѣли Яша и жена его.

— Какъ же, сударь! какъ же, ваше благородіе! развѣ мы скоты какіе безчувственные? и въ насъ есть, сударь, искра Божія; мы должны все это то-есть чувствовать, сударь... Становись, Ваня! Поля! ну, живо, ходи!

Напрасно докторъ отнѣкивался...

Дѣдушка Герасимъ приставилъ кларнетъ къ губамъ, топнулъ ногою, и въ комнатѣ, освѣщенной яркимъ пламенемъ топившейся печи, раздались вдругъ звуки какой-то отчаянной плясовой пѣсни, послышался топотъ маленькихъ ножекъ, восторженныя восклицанія, хохотъ. Кромѣ доктора, все плясало и прыгало, не выключая даже двухъ младенцевъ, скакавшихъ на рукахъ Яши Жилетникова, не выключая скамьи, на которой помѣщался докторъ, не

выключая шарманки, которая не хотѣла, видно, отстать отъ своихъ хозяевъ въ изъявленіи своей благодарности и, повинуясь движенію ручки въ рукѣ Маши, залилась какимъ-то дребезжащимъ, неистовымъ вальсомъ.

Не знаю, до какихъ поръ могла бы продолжаться вся эта трескотня, еслибъ докторъ не вынулъ изъ жилетнаго кармана часовъ и не провозгласилъ, что до новаго года осталась всего одна минута!...

Все разомъ остановилось и замолкло. Докторъ налилъ тогда рюмку вина и привсталъ съ мѣста.

— Дѣти! сказалъ онъ:—поздравляю васъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! отозвалось дружнымъ хоромъ семейство Яши Жилетникова: — съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! повторили всѣ еще громче, повинуясь знаку дѣдушки Герасима, который управлялъ хоромъ въ качествѣ стараго, опытнаго музыканта...

Добрый дѣдушка Герасимъ! добрый Жилетниковъ! добрая Маша! добрый докторъ! добрыя дѣти! добрый вечеръ новаго года!...

Нѣтъ, я рѣшительно не могу больше владѣть своими чувствами! Выхожу изъ темнаго угла, въ которомъ стоялъ я пять часовъ сряду, бросаю свое инкогнито, громогласно объявляю себя лучшимъ другомъ Яши Жилетникова, подбѣгаю къ шарманкѣ, наливаю полный стаканъ вина и, не обращая вниманія на изумленіе всѣхъ присутствующихъ, становлюсь на средину комнаты, потрясаю въ воздухѣ опорожненнымъ стаканомъ, топаю ногами и кричу во всеуслышанье:

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

РЫБАКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Два пѣшехода.

Сѣверная часть Тульской губерніи, которая, какъ извѣстно, отдѣляется отъ уѣздовъ Московской губерніи широкою лентою Оки, можетъ назваться одною изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей средней Россіи. Она подымается крутымъ хребтомъ у самой рѣки и представляетъ нескончаемую перспективу зеленѣющихъ, выпуклыхъ холмовъ, долинъ и обрывовъ, которые съ одной стороны смотрятся въ Оку, съ другой—убѣгаютъ, постепенно смягчаясь, во внутренность земель. Тутъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, не встрѣчаешь иногда гладкой, ровной десятины: холмы идутъ за холмами, образуя безчисленное множество изгибовъ и лощинъ, на днѣ которыхъ журчатъ ручьи, иногда даже маленькія рѣчки, въ родѣ Смедвы. На каждомъ шагу открываются новые ландшафты; глаза не утомляются скучнымъ однообразіемъ степи. Но за то дороги (какъ и слѣдуетъ, впрочемъ, ожидать) рѣшительно здѣсь непроходимы. Этому столько же способствуетъ почва и расположеніе самой мѣстности, сколько частое сообщеніе между деревнями и рѣкою, близость которой всегда оживляетъ окрестность. Каждый путникъ, каждая кляча, соображаясь съ естественными препятствіями и руководимые своимъ собственнымъ соображеніемъ и опытомъ, проводятъ здѣсь свою тропинку. Кромѣ того, каждое время года обозначаетъ еще свой путь: гдѣ по веснѣ проходила дорога, тамъ къ лѣту образовался оврагъ,—и наоборотъ: гдѣ былъ оврагъ, тамъ,

благодаря осеннему наносу ила, открывалась ровная поверхность. Мѣстами сосновый лѣсъ замыкаетъ дорогу и такъ тѣсно сжимаетъ ее, что нѣтъ ствола, на которомъ бы оси колесъ не провели царапины или не положили дегтярнаго знака; мѣстами предстоитъ въѣзжать по самую ступицу въ сыпучій песокъ, или, что еще хуже, приходится объѣзжать на авось топкія мѣста на днѣ лощинъ. Все это, въ совокупности, составляетъ изрядный хаосъ, часто, впрочемъ, служащій преддверіемъ нашихъ большихъ рѣкъ съ нагорной стороны.

Въ послѣднихъ числахъ марта, въ день самаго Благовѣщенія, на одной изъ такихъ дорогъ, ведшей изъ села Сосновки къ Окѣ, можно было встрѣтить оборваннаго старика, сопровождаемаго такимъ же почти оборваннымъ мальчикомъ. Время было раннее. Снѣжные, холмистые скаты, обступившіе дорогу, и темные сосновые лѣса, выглядывающіе изъ-за холмовъ, только-что озарились солнцемъ.

Со всѣмъ тѣмъ въ воздухѣ начинала уже чувствоваться какая-то легкость, предвѣщавшая къ полудню оттепель. Время полной распутицы еще не наступило; но не было уже никакой возможности ѣхать на саняхъ: снѣгъ, подогрѣваемый сверху мартовскимъ солнцемъ, снизу—отходившей землею, замѣтно осаживался; дорога не держала копыта лошадей; темнобурый цвѣтъ рѣзко уже отдѣлилъ ее отъ полей, покрытыхъ тонкою ледяною коркой, сквозь которую проламывались черные, засохшіе стебли прошлогоднихъ растеній. По мѣрѣ того, какъ солнце подымалось выше, небосклонъ со стороны Оки синѣлъ и покрывался туманомъ, вѣрнѣйшимъ знакомъ скорой оттепели, по мнѣнію мѣстныхъ пахарей и рыболововъ. Скаты холмовъ, обращенные къ югу, начинали желтѣть и мокнуть; лощины наполнялись водою; кое-гдѣ даже показывалась земля, усѣянная камнями. Этимъ, впрочемъ, и ограничивались признаки наступавшей весны: на проталинкахъ не видно было покуда ни жаворонка, ни грача—перваго возвѣстника тепла, первой хлѣбной птицы; землей еще не пахло...

Безнадежное состояніе Сосновской дороги дѣйствовало различно на двухъ путешественниковъ. Мальчикъ, бѣжавшій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ старика, кричалъ, свистѣлъ, производилъ отчаянные скачки, умышленно заползалъ въ лужи и радостно билъ ногами въ водѣ. Старикъ былъ не въ духѣ. Онъ также приплясывалъ въ лужахъ; но это приплясыванье выражало скорѣе явную досаду, нежели радость: каждый разъ, какъ лаптишки старика

уходили въ воду (а это случалось безпрерывно), изъ груди его вырывались жалобныя сѣтованія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ мальчику, баловливость котораго была единственной причиной, заставлявшей старика ускорять шагъ и часто не смотрѣть подъ ноги. Но мальчикъ не обращалъ, повидимому, вниманія на жалобные возгласы преклоннаго своего товарища; казалось, напротивъ, онъ еще усерднѣе принимался тогда шмыгать по лужамъ.

— Ахъ ты, окаянный! кричалъ старикъ, и всякій разъ съ какимъ-то безсильнымъ гнѣвомъ, который походилъ скорѣе на жалобу, чѣмъ на угрозу:—а ты, шавель ты этакая! ступай сюда, говорятъ!.. Постой, погоди-жъ ты у меня! ишь те!.. Постой! постой, дай срокъ!.. Вишь, куда его носитъ!.. эхва!.. эхва, куда нелегкая носитъ!.. чтобъ те быки забодали... у-у... Ахъ ты, Господи! Царица небесная! заключалъ онъ, ударяя руками объ полы прорванной сермяги.

Мальчикъ останавливался, устремлялъ на спутника пару черныхъ, лукавыхъ глазъ и, выкинувъ совершенно неожиданно новую какую-нибудь штуку, продолжалъ бѣжать впередъ по дорогѣ.

Видно было по всему, что онъ подтрунивалъ надъ старикомъ и ни во что не ставилъ его угрозы.

И въ самомъ дѣлѣ, жалкій, плаксивый видъ старика ни въ комъ не могъ пробуждать страха. Все существо его, казалось, насквозь проникнуто было вялостію и безсиліемъ. Свойства эти не были, однакожъ, слѣдствіемъ усталости или преклонности лѣтъ: три-четыре версты отъ Сосновки до того мѣста, гдѣ мы застали его, никого не могли утомить; что жъ касается до лѣтъ, ему было сорокъ-пять, и ужъ никакъ не болѣе пятидесяти—возрастъ, въ которомъ наши простолюдины, благодаря постоянной дѣятельности и простой, неприхотливой жизни, сохраняютъ крѣпость и силу. Отсутствіе энергіи было еще замѣтнѣе на суетливомъ, худощавомъ лицѣ старика: оно вѣчно какъ будто искало чего-то, вѣчно къ чему-то приглядывалось; всѣ линіи шли какъ-то книзу и рѣшительно не было никакой возможности отыскать хотя одну рѣзкую, положительно выразительную черту. Худенькій носъ, совершенно неопредѣленнаго очертанія, печально свѣшивался надъ провалившимся полу-открытымъ ртомъ, который, по привычкѣ, вѣроятно, сохранялъ такое выраженіе, какъ будто старикъ униженно что-нибудь выпрашивалъ; сѣренькіе глазки постоянно щурились, какъ будто собирались плакать.

Явное намѣреніе усилить по возможности свой, и безъ того уже

жалкій, плаксивый видъ, придавало всей наружности старика что-то полазчивое и униженное.

Дядя Акимъ (такъ звали его) принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые весь свой вѣкъ плачутъ и жалуются, хотя сами не могутъ дать себѣ яснаго отчета, на кого сѣтуютъ и о чемъ плачутъ. Если было существо, на которое слѣдовало бы, по настоящему, жаловаться дядѣ Акиму, такъ это ужъ, конечно, на самого себя. Исторія его заключается вся въ нѣсколькихъ строкахъ: у Акима была когда-то своя собственная изба, лошади, коровы,—словомъ, полное и хорошее хозяйство, доставшееся ему послѣ отца, зажиточнаго мужика, торговавшаго скотомъ. Но не въ прокъ пошло такое добро. Не привыкши съизмала ни къ какой работѣ, избалованный матерью, вздорной, взбалмошной бабой, онъ такъ хорошо повелъ дѣла свои, что въ два года сталъ бѣднѣйшимъ мужикомъ своей деревни. Крестьянину раззориться не трудно: прогульни недѣли двѣ во время пахоты, да недѣлю въ страдную, рабочую пору—и дѣлу конецъ! Дѣтей не было у Акима; послѣ смерти матери, онъ остался одинъ съ женою. Жена его, существо страдальческое, безгласное, бывши при жизни родителей единственной батрачкой и отвѣтчицей за мужа, не смѣла ему перечить; въ тому же, какъ сама она говорила, и жизнь ей прискучила. Молча жила она, молча сошла и въ могилу. Дѣла Акима пошли тогда еще плоше. Остался онъ наконецъ безъ крова и пристанища, или, какъ выразительно сказалъ его сосѣдъ, остался онъ крытъ свѣтомъ да обнесенъ вѣтромъ. Акимъ заплакалъ, застоналъ и заохалъ. До того времени онъ въ усъ не дулъ; обжигался день-деньской на печкѣ, какъ словно и не чаялъ своего горя. Но убивайся, не убивайся, а жить какъ-нибудь надо. Пошелъ Акимъ наниматься къ сосѣдямъ въ работники. Но уживался онъ недолго на одномъ и томъ же мѣстѣ. Этому не столько содѣйствовала лѣнь, сколько безалаберщина и какая-то странная мелочность его права. Требовалось ли починить телѣгу, онъ съ готовностью принимался за работу, и стукъ его топора немолчно раздавался по двору битыхъ два часа; въ результатѣ оказывалось, однакожъ, что Акимъ искромсалъ на цѣлыя три подводы дерева, а дѣла все-таки никакого не сдѣлалъ,—запрегъ прямо, какъ говорится, да поѣхалъ криво! Хозяинъ поручаетъ ему плетень заплести: ладно! Акимъ отправляется въ болото, нарубаетъ цѣлый возъ хворосту, возвращается домой, съ пѣснями садится за работу, но вмѣсто плетня выплетаетъ на-

стилку для подводы, или верши для лова рыбы. Въ самонужную, рабочую пору онъ забавляется издѣліемъ скворечницъ или дудочекъ для ребятишекъ. Требуется ли исправить хомуты, онъ идетъ покрывать крышу; требуется ли покрывать крышу, онъ прочищаетъ колодезь. Но за то въ разговорѣ,—разговорѣ дѣльномъ, толковомъ, никто не могъ сравниться съ Акимомъ; послушать его: стоя ѣдетъ, семерыхъ везетъ! Жаль только, что слова его никогда не соотвѣтствовали дѣлу: наговорилъ много, да толку мало — ни дать ни взять, какъ пузырь дождевой: вскочилъ—загремѣлъ, а лопнулъ — и стало ничего!

Разъ нанялся онъ работникомъ у одного смедовскаго мельника. Мельнику встрѣтилась надобность отлучиться недѣли на двѣ изъ дому. Наканунѣ отъѣзда приводитъ онъ Акима къ плотинѣ и говоритъ ему:

— Смотри, говоритъ:—вотъ въ этомъ мѣстѣ вода начинаетъ подсачиваться; завтра же чѣмъ-свѣтъ вали сюда землю и навозъ. Долго ли до грѣха: нѣтъ, нѣтъ, да и плотину промоетъ...

— Какъ не промыть! говоритъ Акимъ разсудительнымъ, дѣловымъ тономъ:—тутъ не только промоетъ—все снесетъ, пожалуй. Землей одной никакъ не удержишь—сила! Я, говоритъ,—весь берегъ плитнячкомъ выложу: оно будетъ надежнѣе... Какая земля! здѣсь камень только впору!

Но этимъ еще не довольствуется Акимъ: онъ ведетъ хозяина по всѣмъ закоулкамъ мельницы, указываетъ ему, гдѣ что плохо, не пропускаетъ ни одной щели и все это обѣщаетъ исправить въ наилучшемъ видѣ. Обнадеженный и вполнѣ довольный, мельникъ отправляется. Проходятъ двѣ недѣли; возвращается хозяинъ. Подъѣзжая къ дому, онъ не узнаетъ его и глазамъ не вѣритъ: на макушкѣ кровли красуется рѣзной деревянный конь; надъ воротами торчитъ шестъ, а на шестѣ придѣлана скворечница; подъ окнами пестрѣетъ вычурная рѣзьба...

— Ай-да Акимъ! Вотъ нажилъ себѣ работника: мастакъ, нечего сказать! на всѣ руки парень!

Но въ это время глаза мельника устремляются на плотину — и онъ цѣпенѣетъ отъ ужаса; плотины какъ не бывало; вода гуляетъ черезъ всѣ снасти... Вотъ тебѣ и мастакъ работникъ, вотъ тебѣ и парень на всѣ руки! Совсѣмъ тѣмъ, Боже сохрани, если недовольный хозяинъ начнетъ упрекать Акима: Акимъ ничего, правда не скажетъ въ отвѣтъ, но ужъ за то съ этой минуты бросаетъ работу, ходитъ какъ словно обиженный, живетъ какъ вонъ глядитъ; тамъ

кочергу швырнетъ, здѣсь ногой пихнетъ, съ хозяиномъ и хозяйкой слова не молвитъ, да вдругъ и перешелъ въ другой домъ.

Въ продолженіе семи лѣтъ онъ столько перемѣнилъ хозяевъ, что даже прозвища ихъ не помнилъ.

Живалъ онъ въ пастухахъ, нанимался сады караулить, нанимался на мельницахъ, на паромахъ, на фабрикахъ, исходилъ почти всѣ дома во всѣхъ прирѣчныхъ селахъ—и все-таки нигдѣ не пристраивался.

Разъ, однакожъ, счастіе какъ словно улыбнулось ему. Это произошло ровно за восемь лѣтъ до начала нашего разсказа. Акимъ случайно какъ-то встрѣтился съ одинокой, вдовствующей солдаткой, проживавшей въ собственномъ домку на собственной землицѣ; онъ нанялся у нея батракомъ и прожилъ безъ малаго лѣтъ пять въ ея домѣ. Не слѣдуетъ заключать изъ этого, что Акимъ взялся наконецъ за умъ и рѣшился сдѣлаться дѣловымъ мужикомъ; ничуть не бывало! онъ остался все тѣмъ же пустопорожнимъ работникомъ и ни на волосъ не измѣнилъ своего права. Еще менѣе слѣдуетъ отнести такой фактъ къ необыкновенной терпимости или сговорчивости солдатки. Новая хозяйка Акима была самая задорная, назойливая и безпокойная баба; по увѣренію сосѣдокъ, она ѣла и „полоскала“ своего работника съ ранней утренней зари вплоть до позднихъ пѣтуховъ. Несмотря на такое частое полосканье, Акимъ не думалъ, однакожъ, разставаться съ домомъ солдатки. Словоохотливыя сосѣдки утверждали, впрочемъ, — положительно утверждали, что такое упорство со стороны Акима единственно происходило изъ привязанности его къ сыну хозяйки, родившемуся будто бы годъ спустя послѣ вступленія батрака въ домъ солдатки. Не знаю, на сколько вѣрны такіе доводы; положительно извѣстно только, что привязанность Акима къ ребенку была дѣйствительно замѣчательна. Онъ не выпускалъ его изъ рукъ, няньчился съ нимъ какъ мамка; не было еще недѣли ребенку, какъ уже Акимъ, на собственныя свои деньги, купилъ ему кучерскую шапку. Онъ, правда, немножко ошибся въ разсчетѣ: шапка не только свободно входила на голову младенца, но даже покрывала его всего съ головы до ногъ; но это обстоятельство нимало не мѣшало Акиму радоваться своей покупкѣ и выхвалять ее встрѣчному и поперечному. Бывало, день-деньской сидитъ онъ надъ мальчикомъ и дуетъ ему надъ ухомъ въ самодѣльную берестовую дудку, или же возитъ его въ телѣжкѣ собственнаго издѣлія, которая имѣла свойство про-

изводить такой писк, что как только Акимъ тронется съ нею, бывало, по улицѣ, всѣ деревенскія собаки словно взбѣсятся: вытянутъ шеи и начнутъ выть.

— Экъ ихъ подняло!... Знать, Акимъ возитъ своего солдатенка! говорятъ бабы.

Такъ прожилъ Акимъ пять лѣтъ, вплоть до той самой минуты, когда солдатка его отдала Богу душу.

Послѣдующая жизнь его была преисполнена горестей и неудачъ всякаго рода. Еслибъ кто нибудь изъ окрестныхъ мужиковъ нуждался въ нянькѣ, Акимъ могъ бы еще какъ нибудь пристроиться, но дѣло въ томъ, что окрестнымъ мужикамъ нуженъ былъ только дюжій дѣловой батракъ. Къ тому же въ эти пять лѣтъ Акимъ окончательно уже облѣнился и сталъ негоденъ ни къ какой работѣ. Поднялъ онъ себѣ на плечи сиротинку-мальчика и снова пошелъ стучаться подъ воротами, пошелъ толкаться изъ угла въ уголъ; гдѣ недѣльку проживетъ, гдѣ двѣ—а больше его и не держали; въ деревнѣ то же, что въ городахъ—никто себѣ не врагъ. „На тебѣ хлѣбца, да и Богъ съ тобой!“ Съ этого-то времени, понукаемый большею частью нуждою, и началъ онъ набрасывать на себя жалкенькій, плаксивый видъ, имѣвшій цѣлью возбуждать состраданіе ближнихъ. Цѣль эта съ каждымъ днемъ достигалась плоше и плоше. Жаловался онъ всѣмъ, да никто уже его не слушалъ!

Не далѣе какъ наканунѣ того самаго утра Благовѣщенія, когда мы застали Акима на дорогѣ, его почти выпроводили изъ Сосновки. Онъ домогался пасти сосновское стадо; но сколько ни охалъ, сколько ни плакалъ, сколько ни старался разжалобить своею бѣдностью и сиротствомъ мальчика, пастухомъ его не приняли, а сказали, чтобъ шелъ себѣ по-добру, по-здорову.

— Знаемъ мы, братъ, каковъ ты есть, говорили сосновцы:— не даютъ—просишь, дадутъ—бросишь. Такой ужъ ты человѣкъ уродился... Ступай съ Богомъ!

Поставленный этимъ отказомъ въ самое крайнее, почти безвыходное положеніе, Акимъ рѣшился прибѣгнуть къ одной дальней родственницѣ по матери. Родственница была замужемъ за рыбакомъ, который жилъ на горной сторонѣ Оки, верстахъ въ семи или восьми отъ Сосновки. Не будь мальчика на рукахъ у Акима, онъ ни за что не предпринялъ бы такого намѣренія: мужъ родственницы съ молоду еще внушалъ ему непобѣдимый страхъ. Рыбакъ былъ чело-

вѣкъ дѣятельный, расторопный, —крѣпкій былъ мужикъ, —пустыми дѣлами не занимался, любилъ работать, любилъ также, чтобъ и люди не тормозили рукъ. Акимъ зналъ, что мужъ родственницы не больно его жалуетъ; сколько разъ даже рыбакъ гонялъ его отъ себя. Но съ другой стороны, дядя Акимъ зналъ также, что парнишка сталъ въ-сукъ рости, сильно балуется, и что надо бы пристроить его къ какому ни на есть рукомеслу. Вотъ это-то обстоятельство невольно подавляло въ немъ страхъ и заставило его направиться къ Окѣ. Забота его заключалась теперь въ томъ только, чтобы рыбакъ не отказалъ взять къ себѣ парнишку. Сокрушаясь мыслями, которыя, всѣ безъ исключенія, зарождались по поводу парнишки, дядя Акимъ не переставалъ, однакожъ, кричать на мальчика и осыпалъ его угрозами.

— Ахъ ты, безмятежный, пострѣлъ ты этакой! тянулъ онъ жалобнымъ своимъ голосомъ: —совѣсти въ тебѣ нѣтъ, разбойникъ!.. вишь, какъ избаловался, и страху нѣтъ никакого!.. Экъ его носитъ куда! продолжалъ онъ пріостанавливаясь и слѣдя даже съ какимъ-то любопытствомъ за ребенкомъ, который бойко перескакивалъ съ одного бугра на другой: — вона! вона! вона!.. о-хъ, шустёръ! куда шустёръ! того и смотри, провалится еще, окаянный, въ яму—и не вытащишь... Я тебя! о-о, погоди, погоди, постой, придемъ на мѣсто, я тебя! все тогда припомню!

Въ отвѣтъ на это, мальчикъ приподнялъ обѣими руками высокую баранью шапку (ту самую, что Акимъ купилъ, когда ему минула недѣля, и которая даже теперь падала на носъ), подбросилъ ее на воздухъ и, не давъ ей упасть на землю, швырнулъ ее носкомъ сапога на дорогу.

— Ну, вотъ, поди-жъ ты! а? вымолвилъ дядя Акимъ съ такимъ выраженіемъ, которое ясно показывало, что онъ скорѣе удивлялся выходкѣ баловня, чѣмъ сердился на него.—Эй, Гришутка, стой! стой! не по той дорогѣ пошелъ! Вернись назадъ, вернись, говорятъ! подхватилъ, немного погодя, Акимъ, отчаянно размахивая оборванными рукавами: —вернись назадъ: не ходи, говорятъ; ступай сюда! Ну, такъ и есть, пошелъ теперь по снѣгу шмыгать!.. Да ты обогни лучше дорогу-то, баловень ты этакой!.. Нѣтъ, дуетъ себѣ по снѣгу, да и полно! Что ты станешь съ нимъ дѣлать? Ну, на то ли я тебѣ сапоги-то купилъ, а? продолжалъ старикъ жалобнымъ, плаксивымъ голосомъ: —на толи сапожишки то купилъ, чтобы ты шмыгалъ ими по лужамъ! Самъ лаптишки обулъ—дырявые лаптишки,

ему сапоги далъ; а онъ... ахъ ты, безмятежный, разбойникъ ты этакой, ира, разбойникъ! заключилъ онъ, сворачивая на едва замѣтную тропинку и суетливо преслѣдуя мальчика, который продолжалъ бѣжать впередъ, очевидно увлекаемый противъ воли непомѣрною тяжестью новыхъ сапоговъ своихъ.

II.

Утро Благовѣщенія.

Дорога, на которую свернулъ теперь дядя Акимъ вмѣстѣ съ мальчикомъ, служила въ зимнее время единственнымъ сообщеніемъ между домомъ рыбака, куда они направлялись, и Сосновкой. Такъ какъ сообщенія съ этой послѣдней было вообще очень мало—рыбакъ сбывалъ по большей части свою добычу въ Коломну или села, лежащія на луговой сторонѣ Оки—то наши путники принуждены были идти почти наобумъ. Единственною путеводною точкой служилъ старый дубъ, чернѣвшійся въ отдаленіи, на обнаженномъ холмѣ. Держась этого направленія, Акимъ и непокорный вожакъ его достигли наконецъ подошвы горы, за которой располагалась Ока.

Солнце не успѣло еще обогнуть гору, и часть ея, обращенная къ путешественникамъ, окутывалась тѣнью. Это обстоятельство значительно улучшало снѣжную дорогу: дядя Акимъ не замедлилъ приблизиться къ вершинѣ. Съ каждымъ шагомъ впередъ выступала часть сіяющаго, неуловимо-далекаго горизонта... Еще шагъ-другой, и дядя Акимъ очутился на хребтѣ противоположнаго ската, круто спускавшагося къ рѣкѣ.

Съ этого мѣста открывалось пространство, которому, казалось, конца не было: деревни, находившіяся верстахъ въ двадцати за Окою, виднѣлись какъ на ладони; за ними синѣли сосновые лѣса, кой-гдѣ перерѣзанные снѣжными, блистающими линіями. Ближе тянулись озера: покрытыя снѣгомъ наравнѣ съ лугами, но обозначавшіяся сѣрою каймою лѣсистыхъ береговъ своихъ, они принимали видъ небольшихъ продолговатыхъ круговъ; многія изъ нихъ имѣли, однакожъ, версты три въ окружности. Столѣтніе дубы, одиноко возвышавшіеся между озерами, мелькали какъ точки.

Милліоны галокъ кружились отдѣльными стаями надъ лугами и озерами; крики ихъ, пропадавшіе въ воздухѣ, еще сильнѣе давали чувствовать всю необъятность этого простора, облитаго солнцемъ и пропадавшаго въ невидимомъ, слегка отуманенномъ горизонтѣ.

Дѣйствіе оттепели дѣлалось особенно замѣтнымъ по всему скату крутого берега, цѣликомъ обращеннаго къ солнцу. Ручьи гремѣли со всѣхъ сторонъ; каждая колея и разсѣлина обращалась въ потокъ, катившій мутную, желтую воду къ Окѣ, которая начинала уже синѣть и отдѣлялась земляною бахромою отъ снѣжныхъ береговъ своихъ. Кое-гдѣ чернѣли корни кустовъ, освобожденные отъ сугробовъ; теплые лучи солнца, пронизывая насквозь темную чащу сучьевъ, озаряли въ ихъ глубинѣ свѣжіе, глянцовитые прутики, какъ бы покрытые краснымъ лакомъ; затвердѣлый снѣгъ подтачивался водою, хрустѣлъ, изламывался и скатывался въ пропасть: однимъ словомъ, все ясно уже говорило, что дуло съ весны и зима миновала.

— Эге, овражки-то, овражки какъ разыгрались! словно къ Святой время пришло! вымолвилъ Акимъ, прикладывая ладонь къ глазамъ и озираясь на стороны, чтобы отъискать мальчика, который, присѣвъ на корточки подлѣ потока, швырялъ въ воду камни. — Опять задурилъ! вона!.. вона!.. эхва! ахъ ты, Господи! да угомонись ты хоть на время-то. Ну, куда те несетъ? а? куда? а... а?.. Ступай сюда, безстыжій ты этакой!.. Куда опять побѣжалъ? ступай сюда!.. Вонъ намъ куда идти-то, вонъ куда! промолвилъ старикъ, указывая лѣвою рукой на подошву ската.

Съ той точки, гдѣ стоялъ Акимъ, домъ рыбака заслонялся крутыми выступами берега. Онъ показался тогда лишь, когда старикъ подошелъ къ краю широкой пропасти, расходившейся амфитеатромъ. Жилище рыбака располагалось въ глубинѣ этого амфитеатра, на возвышенной площадкѣ, которую не затопляла вода даже и въ самые сильные разливы. Оно состояло изъ избы и нѣсколькихъ навѣсовъ, соединенныхъ плетнями; окна избы были обращены на рѣку. Часть площадки, находившаяся за избою, была занята огородомъ: ряды тоненькихъ полосокъ, которыя чернѣли сквозь снѣгъ, явственно обозначали гряды. За огородомъ, у подошвы кремнистаго обрыва, высилась группа ветелъ; изъ-подъ корней, приподнятыхъ огромными камнями, вырывался ручей; темно-холодною лентой сочился онъ между сугробами, покрывавшими подошву ската, огибалъ владѣнія рыбака и, раздѣлившись потомъ на множество рукавовъ, быстро

спускался къ Окѣ, усыпая берегъ мелкимъ булыжникомъ; плетень огорода, обвѣшанный пестрымъ тряпьемъ и бѣлыми рубахами, не примыкалъ къ избѣ: между ними находился маленькій проулокъ, куда выходили заднія ворота. Тропинка, протоптанная отъ воротъ, вела къ задней части огорода, перескакивала черезъ ручей, вползала на кручу и, извиваясь между кустарникомъ, выбѣгала на окраину пропасти.

Ступивъ на тропинку, Акимъ снова повернулся къ мальчику; убѣдившись, что тотъ слѣдовалъ за нимъ не въ далекомъ разстояніи, онъ одобрительно кивнулъ головою и началъ спускаться.

По мѣрѣ приближенія къ жилищу рыбака, мальчикъ замѣтно обнаруживалъ менѣе прыткости; устремивъ, нѣсколько исподлобья, черные, любопытные глаза на кровлю избы и недовѣрчиво перенося ихъ время отъ времени на Акима, онъ слѣдовалъ, однакожъ, за послѣднимъ и даже старался подойти къ нему ближе. Наконецъ, они перешли ручей и выровнялись за огородомъ. Заслышавъ голоса, раздавшіеся на лицевой сторонѣ избы, мальчикъ подбѣжалъ неожиданно къ старику и крѣпко ухватилъ его за полу сермяги.

— Э, э! теперь такъ вотъ ко мнѣ зачалъ жаться!.. что, баловень? э! то-то! произнесъ Акимъ, скорчивая при этомъ лицо и какъ бы поддразнивая ребенка:—небось запужался, а? Какъ услышалъ чужой голосъ, такъ ластиться сталъ: чужіе-то не свои, знать... оробѣлъ, жмешься... Ну, смотри же, Гришутка, не балуйся тутъ,—охъ, не балуйся, подхватилъ онъ увѣщевательнымъ голосомъ;—станешь баловать, худо будетъ: Глѣбъ Савинычъ потачки давать не любитъ... и-и-и, пропадешь—совсѣмъ пропадешь... такъ-таки и пропадешь... какъ есть пропадешь!..

Акимъ говорилъ все это вполголоса, и говорилъ, не мѣшаетъ замѣтить, такимъ тономъ, какъ будто относилъ всѣ эти совѣты къ себѣ собственно; пугливые взгляды его и лицо показывали, что онъ боялся встрѣчи съ рыбакомъ не менѣе, можетъ статься, самого мальчика.

— Ну, пойдемъ... чего ждать?.. пойдемъ, Гришутка... произнесъ нерѣшительно дядя Акимъ.

— Не пойду! воскликнулъ вдругъ мальчикъ, порываясь назадъ.

Но Акимъ успѣлъ ухватить его за руку.

— Чего же ты нейдешь?.. чего взаправду боишься?.. пойдемъ, говорятъ...

— Не хочу, не пойду! повторялъ мальчикъ, упираясь ногами.

— А, такъ ты опять за свое, опять баловать!.. постой, постой,

вотъ я только крикну „дядя Глѣбъ!“ крикну—онъ-те дастъ! такъ вотъ возьметъ хворостину да тебя тутъ же на мѣстѣ такъ вотъ и отхлещетъ!.. Пойдемъ, говорю, до грѣха...

Побѣжденный такимъ доводомъ, мальчикъ тотчасъ же замолкъ и еще плотнѣе прижался къ своему спутнику.

Акимъ перекрестился, взялъ мальчика за руку и, придавъ наружности своей самый жалкенькій видъ, пошелъ впередъ, приковыливая съ ноги на ногу.

Опасенія Акима ничѣмъ, однакожъ, неоправдались: въ настоящую минуту онъ не засталъ рыбака передъ крылечкомъ избы. Тутъ находилась только жена Глѣба Савинова—женщина уже пожилая, сгорбленная—и подлѣ нея младшій сынъ, хорошенькій бѣлокурый мальчикъ лѣтъ восьми, державшій въ рукахъ какое-то подобіе птицы, сдѣланной изъ тѣста. Для полноты сходства, въ глаза и носъ этой птицы воткнуты были зерна овса. Такія же точно изображенія наполняли подолъ матери; и тогда какъ одна рука ея поддерживала складки подола, другая брала поочередно одну птицу за другою и высоко подбрасывала ихъ на воздухъ.

— Жаворонки прилетѣли! жаворонки прилетѣли, радостно кричала она, забрасывая простодушныя изображенія первой весенней птички на сосѣднюю кровлю и навѣсы:—жаворонки прилетѣли! вонъ, вонъ, еще одинъ! поглядь-касъ, Ванюша, поглядь, соколикъ! вонъ еще одинъ! продолжала она, суетясь вокругъ мальчика, который, успѣвъ уже отвѣдать жаворонка, билъ, смѣясь въ ладоши и жадно слѣдилъ за всѣми движеніями матери *).

Ободренный такою мирною сценою, дядя Акимъ выступилъ впередъ и очутился противъ старухи въ ту самую минуту, какъ она подбрасывала свой послѣдній жаворонокъ.

Акимъ низко поклонился.

— Матушка... Анна Савельевна... касатушка... сказалъ онъ жалобнымъ, нищенскимъ голосомъ:—дай ему, парнечку-то моему, жавороночка!.. дай, касатушка! оробѣлъ добре... вишь... дай, родная, жавороночка-то...

— Батюшки! Царица небесная! Акимушка! ты ли это?

---

*) Обрядъ этотъ совершается простолюдинами Тульской губерніи ежегодно въ утро Благовѣщенія; въ это утро (такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ народъ) прилетаютъ жаворонки—первые возвѣстители тепла. Въ ознаменованіе такой радости домохозяйки пекутъ изъ тѣста ихъ изображенія и разбрасываютъ ихъ на кровли домовъ.

— Я, матушка, произнесъ Акимъ, жалостливо свѣшивая на бокъ голову.—Какъ васъ Богъ милуетъ? присовокупилъ онъ со вздохомъ и перевѣсилъ голову на одинъ бокъ.

— Живемъ по милости царицы небесной... Ну, а ты какъ, родимый? откуда тебя Богъ несетъ?

— А изъ Сосновки, матушка, изъ Сосновки... О-охъ, васъ пришелъ провѣдать. Пойду-ка, молъ, погляжу, говорю...

Акимъ поднялъ глаза и тутъ же остановился, увидѣвъ въ воротахъ грозную фигуру Глѣба Савинова.

Солнце освѣщало рыбака съ головы до ногъ и позволяло различать тончайшія морщинки на высокомъ лбу его. То былъ рослый, плечистый мужикъ, съ открытымъ, румянымъ лицомъ, сохранившимъ энергическое, упрямое, но далеко не грозное выраженіе. Черты его были строги и правильны; но онѣ какъ нельзя болѣе смягчались большими, свѣтло-сѣрыми, быстрыми глазами, насмѣшливыми губами и гладкимъ, необыкновенно умнымъ лбомъ, окруженнымъ пышными кудрями черныхъ волосъ съ просѣдью. Наружность его принадлежала скорѣе весельчаку, чѣмъ человѣку суроваго, несообщительнаго нрава. Со всѣмъ тѣмъ стоило только взглянуть на него въ минуты душевной тревоги, когда губы переставали улыбаться, глаза пылали гнѣвомъ и лобъ нахмуривался, чтобы тотчасъ же понять, что Глѣбъ Савиновъ не былъ шутливаго десятка. Въ настоящую минуту онъ находился, повидимому, въ отличнѣйшемъ настроеніи духа. Поддерживая обѣими руками новенькія вершы, которыя торчали у него подъ мышками, онъ весело пошелъ навстрѣчу гостю.

Жена дала ему дорогу и поспѣшила закрыть фартукомъ сына, который принялся было закусывать вторымъ жаворонкомъ.

— А, а, а! здорово сватьюшка! добро пожаловать! воскликнулъ рыбакъ, насмѣшливо тряхнувъ головою.

— Здравствуй, Глѣбъ Савинычъ! сказалъ Акимъ такимъ голосомъ, какъ будто онъ только что лишился отца, матери и всего имущества.

— Здравствуй, сватьюшка!.. Ну-ну, разсказывай, отколѣ? зачѣмъ?.. Э, э, да ты и парнишку привелъ! Не тотъ ли это, сказывали, что послѣ солдатки остался... ась?... Что-то на тебя, сватъ Акимъ, смахиваетъ... маленько покоренастѣе да поплотнѣе тебя будетъ, а въ остальномъ—весь, какъ есть, ты! вишь, ротъ-то... Эй, молодецъ, что ротъ-то разинулъ? присовокупилъ рыбакъ, пригибаясь къ Гришѣ, который смотрѣлъ на него во всѣ глаза.— Сватъ Акимъ, или онъ у тебя такъ ужъ съ большимъ такимъ ртомъ и родился?

— Накричалъ, Глѣбъ Савинычъ! простодушно отвѣчалъ Акимъ.

— Что жъ такъ? сѣкалъ ты его много, что ли?.. Охъ, сватъ, не худо, кабы и ты тутъ же себя маненько, того... право слово! сказалъ, посмѣиваясь, рыбакъ:—ну, да Богъ съ тобой! Разсказывай, зачѣмъ спозаранку. ни-свѣтъ-ни-заря, пожаловалъ, а? чай, все худо можется, нездоровится... въ людяхъ тошно жить... такъ стало тому и быть! довершилъ онъ, заливаясь громкимъ смѣхомъ, причемъ верши его и все туловище заходили изъ стороны въ сторону.

— Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, что-жъ мнѣ отъ людей бѣгать... кабы не...

— Скажешь, небось: люди виноваты?

— Свѣтъ нонѣ не тотъ сталъ, Глѣбъ Савинычъ—вотъ что! произнесъ со вздохомъ Акимъ.—Я ли отлынивалъ когда отъ дѣла? я ли не былъ работникомъ? Никто отъ меня и синя пороха не видалъ, не токмо другого худого дѣла какого,—а все я во всемъ повиненъ... Нѣтъ, свѣтъ нонѣ не тотъ сталъ, Глѣбъ Савинычъ: молодыхъ много оченно развелось—вотъ что! Вотъ хошь бы вечоръ: пришелъ я въ Сосновку, прожилъ тамъ восемь денъ; бился, бился—норовилъ ихнее стадо стеречь. „Я ли, говорю, не пастухъ? я ли эвтого дѣла не вѣдаю?...“ а они все свое... взяли да молодого и найми! О-охъ, такая ужъ, знать, моя сиротская доля!.. Ну, какъ вышло у меня это дѣло, я и мерекаю такъ-то себѣ: пойду-ка, говорю, понавѣдаюсь къ... Глѣбу Савинычу... съ родни онъ мнѣ... авось, говорю, взмилуется онъ надо мною... Глѣбъ Савинычъ! будь отцомъ роднымъ! промолвилъ Акимъ, низко кланяясь и нагибая лѣвою рукою голову Гришки:—Глѣбъ Савинычъ, пособи, кормилецъ!

Но рыбакъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не слыхалъ послѣднихъ словъ Акима: онъ тотчасъ же отвернулся въ сторону, опустилъ на землю верши и, потирая ладонью голову, принялся осматривать Оку и дальній берегъ.

— Экъ, какую теплынь Господь создалъ! сказалъ онъ, озираясь на всѣ стороны:—такъ и льетъ... Знатный день! А все „мокрякъ“ *) подулъ—оттого... Весна на дворѣ—гуляй, матушка Ока, кормилица наша!.. Слава-те, Господи! Старики сказываютъ: коли въ Благовѣщеніе красенъ день, такъ и рыбка станетъ знатно ловиться...

Во время этого монолога, жена Глѣба и дядя Акимъ не пере-

---

*) Юго-западный вѣтеръ на нарѣчіи рыбаковъ и судопромышлениковъ.

ставали моргать и подавать другъ другу знаки; наконецъ послѣдній сдѣлалъ шагъ впередъ и капнулъ.

— Чего тебѣ? нехотя спросилъ рыбакъ.

— Батюшка, Глѣбъ Савинычъ, пособи, кормилецъ!

— Экой ты, братецъ ты мой, какой человѣкъ несообразный! заладилъ: пособи да пособи! Застала, знать, зима въ лѣтней одеждѣ, пришла нужда поперегъ живота, да по чужимъ дворамъ: пособи да пособи! Ну, чѣмъ же я тебѣ пособлю, самъ возьми въ толкъ!

— Ты-только выслушай, что я скажу тебѣ...

— А что слушать-то?

— Да выслушай только... Матушка, Анна Савельевна, хоть ты взмилуйся; скажи ты ему...

Старуха взглянула на мужа, но тотчасъ же понурила голову и стала перебирать складки передника.

— Ну, ступай въ избу! сказазалъ рыбакъ послѣ молчка, сопровождавшагося долгимъ и нетерпѣливымъ почесываніемъ затылка: — теперь мнѣ недосугъ... Эхъ ты! во тоскѣ живу, на печи лежу! добавилъ онъ, бросивъ полу-презрительный, полу-насмѣшливый взглядъ на Акима, который поспѣшно направился къ избѣ, вмѣстѣ съ своимъ мальчикомъ, преслѣдуемый старухой и ея сыномъ.

Глѣбъ Савинычъ проводилъ его глазами; наконецъ, когда дядя Акимъ исчезъ за воротами, рыбакъ сдѣлалъ безнадежный жестъ рукой и сказалъ, выразительно тряхнувъ головой:

— Пустой человѣкъ!

Затѣмъ онъ приподнялъ свои верши, сунулъ ихъ подъ мышку и рѣшительнымъ шагомъ направился къ берегу, гдѣ виднѣлись двѣ-три опрокинутыя лодки и развѣшанный, сушившійся на солнцѣ бредень.

III.

Семейство рыбака.

Семейство рыбака было многочисленно. Кромѣ жены и восьмилѣтняго мальчика, оно состояло еще изъ двухъ сыновей. Старшій изъ нихъ, лѣтъ двадцати шести, былъ женатъ и имѣлъ уже двухъ

дѣтей. Дядя Акимъ засталъ всѣхъ членовъ семейства въ избѣ. Каждый занятъ былъ дѣломъ.

У входа располагался второй сынъ, юноша лѣтъ девятнадцати. Онъ представлялъ совершеннѣйшій типъ тѣхъ приземистыхъ, но дюжесплоченныхъ парней, съ румянцомъ во всю щеку, вьющимися бѣлокурыми волосами, бѣлой, короткой шеей и широкими, могучими руками, одинъ видъ которыхъ мысленно переноситъ всегда къ нашимъ столичнымъ щеголямъ и возбуждаетъ по поводу ихъ невольный вопросъ: „чѣмъ только живы эти господа?“ Парень этотъ, которому, мимоходомъ сказать, не стоило бы малѣйшаго труда заткнуть за поясъ десятокъ такихъ щеголей, былъ, однакожъ, вида смирнаго, хотя и веселаго; подлѣ него лежало нѣсколько кусковъ толстой березовой коры, изъ которой вырубалъ онъ топоромъ круглые, полновѣсные поплавки для невода. Наружность старшаго сына, Петра, была совсѣмъ другого рода; исполинскій ростъ, длинные члены и узкая грудь не обѣщали большой физической силы; но зато черты его отражали энергію и упрямство, которыми отличался отецъ. Сходства между ними было, однакожъ, мало. Лицо Петра сохраняло мрачное, грубое выраженіе, чему особенно способствовали черные какъ смоль волосы, разсыпавшіеся въ безпорядкѣ, вдавленные черные глаза, выгнутыя густыя брови и необыкновенная смуглость кожи, дѣлавшіе его похожимъ на цыгана, котораго только-что провели и надули. Петръ и жена его, повернувшись спиной къ окнамъ, пропускавшимъ лучи солнца, сидѣли на полу; на колѣняхъ того и другого лежалъ бредень, который, обогнувъ нѣсколько разъ избу, поднимался вдругъ горою въ заднемъ углу и чуть не доставалъ въ этомъ мѣстѣ до люльки, привѣшенной къ гибкому шесту, воткнутому въ перекладину потолка. Тонкая бичевка, привязанная однимъ концомъ къ шесту, другимъ концомъ къ правой рукѣ жены Петра, позволяла ей укачивать ребенка, не прерывая работы (простой этотъ механизмъ придумалъ Глѣбъ Савиновъ, строго наблюдавшій, чтобъ въ домѣ его никто не билъ попусту баклуши). Второй ребенокъ рыбака Петра, вооруженный ломтемъ хлѣба, котораго стало бы на завтракъ тридцатилѣтнему батраку, валялся на неводѣ, въ двухъ шагахъ отъ матери.

Петръ, его братъ и жена изрѣдка перекидывались словами; всѣ трое, особенно Петръ, были какъ словно чѣмъ-то недовольны. Починка невода подвигалась впередъ, поплавки умножались подъ топоромъ Василья (такъ звали второго сына); но видно было, что

работа шла принужденно. Василій часто опускалъ топоръ, садился на корточки и, толкнувъ дверь, устремлялъ глаза въ сѣни, изъ которыхъ можно было обозрѣвать часть двора и ворота, выходившія на Оку. Петръ рѣже отрывался отъ дѣла, онъ вязалъ петлю за петлей и, не смотря на неудовольствіе, написанное на каждой чертѣ смуглаго лица его, быстро подвигалъ работу. Время отъ времени подталкивалъ онъ локтемъ жену, которая, условившись, вѣроятно, заранѣе въ значеніи этихъ толчковъ, поспѣшно вставала и принималась глядѣть въ окно. Послѣ этого она завертывала обыкновенно, какъ бы по дорогѣ, къ люлькѣ и снова усаживалась къ неводу.

Появленіе посторонняго лица, естественнымъ образомъ должно было оживить присутствующихъ. Этому сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовала старушка Анна. Она не на шутку обрадовалась своему гостю: кромѣ родственныхъ связей, существовавшихъ между нею и дядей Акимомъ—связей весьма отдаленныхъ, но тѣмъ не менѣе дорогихъ для старухи, онъ напоминалъ ей ея дѣтство, кровлю, подъ которой жила она и родилась, семью — словомъ, всѣ тѣ предметы, которые ввѣкъ не забываются, и память которыхъ сохраняется даже въ самомъ зачерствѣломъ сердцѣ. Оживленная воспоминаніями, она осадила дядю Акима вопросами, обласкала его и, не зная уже чѣмъ бы выразить свою радость, принялась снаряжать для него завтракъ. Между тѣмъ Петръ и Василій, встрѣчавшіеся уже не въ первый разъ съ Акимомъ, вступили, слово за словомъ, въ разговоръ. Сначала послышались разспросы о томъ, какъ поживаютъ тамъ-то и тамъ-то, что подѣлываетъ тотъ-то, каковы дороги, что̀ говорятъ на сторонѣ, и проч. и проч.; наконецъ рѣчь завязалась и сдѣлалась общею. Младшій сынишка Глѣба, смотрѣвшій до того времени съ какимъ-то нѣмымъ притупленнымъ любопытствомъ на спутника Акима, продолжавшаго дико коситься на все окружающее, подсѣлъ къ нему ближе, началъ улыбаться и даже вынулъ изъ-за пазухи дудку изъ муравленой глины. Но всѣ эти попытки первоначальнаго ознакомленія были вскорѣ прерваны старушкой, неожиданно явившійся изъ-за печки, съ горшкомъ въ одной рукѣ, съ чашкой и ложками въ другой. Суетливо перекидывая то одну ногу, то другую черезъ неводъ, который шелъ изгибами по всему полу, она добралась наконецъ до стола.

— Прикушай, батюшка, прикушай, Акимушка, примолвила она, ставя свою ношу на столъ:—я чай, умаялся съ дороги-то?

куды-те, я чай, плохи стали нонѣ дороги-то! Парнишечкѣ-то положи кашки... потѣшь его... Сядь поди, болѣзный... а какъ бишь звать-то его?

— Гришутка, матушка Анна Савельевна, Гришутка!

— Сядь поди, Гриша, сядь, соколикъ!

— Ахъ ты, матушка ты наша! ахъ, ахъ! Анна Савельевна, какъ намъ за тебя Бога молить! ахъ ты, родная ты наша! воскликнулъ Акимъ, разводя руками и умиленно взглядывая на старуху.

Языкъ Акима, смазанный жирною ячменной кашей, ободренный ласковымъ, привѣтливымъ пріемомъ, вскорѣ развязался и замололъ безъ устали: дядя Акимъ, какъ уже извѣстно, не прочь былъ покалякать. Не прерываясь на этотъ разъ охами и вздохами, которые, за отсутствіемъ грознаго Глѣба Савинова, были совершенно лишними, онъ передалъ, съ поразительною яркостью, всѣ свои несчастія, постигшія его чуть ли не со дня рожденія. Изъ словъ его оказалось, что свѣтъ переродился и люди стали плохи съ того самаго времени, какъ онъ лишился имущества и вынужденъ былъ наниматься батракомъ. Онъ ли не былъ работникомъ? онъ ли не старался? Нѣтъ! не только никто не далъ цѣны ему, но даже никто не сказалъ: спасибо! Затѣмъ дядя Акимъ перешелъ къ воспоминаніямъ болѣе современнымъ и, пропустивъ почему-то житье свое у покойной солдатки, принялся пояснять настоящее свое положеніе. Онъ повторилъ вчерашнюю исторію свою съ сосновскими мужиками и объявилъ, что вотъ такъ и такъ, коли не вступится теперь Глѣбъ Савинычъ, коли не взмилуется его сиротствомъ, придется и не вѣсть за что приниматься

— Да мнѣ что! куда бы еще ни шло! пропадай, старая собака: туда и дорога! примолвилъ онъ, махнувъ рукою.—Не о себѣ толкую... вотъ кого жаль! подхватилъ онъ, указывая на Гришку:— его хотѣлось бы пристроить, къ какому-нибудь дѣлу произвести... И то сказать: много ли съѣли бы мы хлѣба у Глѣба Савиныча! много ли намъ надыть? Вѣдь не то, чтобы даромъ, братцы, не даромъ же, матушка Анна Савельевна! Знамо, не сталъ бы лежать на печи: послать куда, сдѣлать ли что — во всемъ подсобилъ бы ему... Я ли не работникъ! Ну, вотъ и паренечекъ также. Вѣстимо онъ теперь махочка: взять нечего; ну, а какъ подростетъ, произойдетъ ваше рыбацкое рукомесло, такъ и онъ также подмогать станетъ... Я вѣдь не даромъ прошусь. Вотъ объ этомъ-то болѣе и хотѣлъ поговорить съ Глѣбомъ Савинычемъ... да вишь ты онъ ка-

кой крѣпкій!.. А чего бы, кажись, ему отнѣкиваться? Я вѣдь не изъ за денегъ, не изъ платы бьюсь: только изъ хлѣба и хлопочу...

При этомъ Петръ сомнительно покачалъ головою.

— Да поди, столкуй съ нимъ, съ отцомъ-то! ты ему свое, а онъ те свое, произнесъ онъ, поворачивая къ гостю свое смуглое, недовольное лицо: — какъ заберетъ что̀ въ голову, и не сговоришь никакъ! Хошь бы теперь въ моемъ дѣлѣ: уперся—нѣтъ, да нѣтъ! а что нѣтъ?.. Вотъ теперь верстахъ во ста отселева звалъ меня хозяинъ—также рыбною ловлей промышляетъ: только куды! богачъ: верстъ на сорокъ снялъ берега, да еще три озера нанимаетъ; мѣста привольныя, заведеніе большое, и рыбы много... тысячъ на пять, сказываютъ, въ одну Коломну рыбы-то продаетъ!.. Ну, такъ вотъ звалъ онъ меня къ себѣ, и деньги даетъ хорошія. Говорю намедни отцу: нѣтъ, да нѣтъ, только и слышалъ! Ну, а что нѣтъ-то? Вѣдь ему же сталъ бы носить деньги. Положимъ, хозяинъ далъ бы мнѣ полтораста въ годъ (самъ сулилъ столько): ну все же въ домъ принесъ бы покрайности сколько-нибудь... А теперь что? Что живу я здѣсь, что нѣтъ меня, никакого толку: смерть прискучило! Къ тому же, своя семья на рукахъ, дѣти: мало ли нужда какая бываетъ!.. скажешь отцу, бранится... „пропьешь“, говоритъ, либо другое что вымолвитъ. Живешь какъ словно въ ту пору, когда на карачкахъ ползалъ... Смерть прискучило! Вотъ хоть бы сама матушка: на что, кажись, тошно ей съ нами разставаться, и та скажетъ: здѣсь дѣлать мнѣ нечего! Заведеніе малое—такъ только кормиться можно... работа пустая, ловъ плохой... Останься одинъ братъ Вася, и тотъ управится; а найми онъ работника подешевле, который... ну, хоть бы вотъ возьми онъ тебя, такъ и за глаза. Нѣтъ же вотъ, поди! сталъ на одномъ: нѣтъ, да нѣтъ! что хошь тутъ дѣлай!

Въ эту самую минуту заскрипѣли ворота.

— Батюшка идетъ! шепнула жена Петра, подсобляя старушкѣ убрать со стола завтракъ и бросаясь къ неводу.

Всѣ смолкли и усердно принялись за работу. Хозяйка, стоявшая уже у печки, гремѣла горшками, какъ ни въ чемъ не бывало.

На порогѣ избы показался старый рыбакъ.

Мы уже сказали, что Глѣбъ Савинычъ находился въ отличномъ расположеніи духа; веселость его, несмотря на утро, проведенное въ трудѣ, нимало, повидимому, не измѣнила ему.

— Хозяйка, сказалъ онъ, бросая на полъ связку хвороста,

старыхъ вѣтвей и засохнувшаго камыша:—на вотъ тебѣ топлива: берегомъ идучи подобралъ. Нутка-сь, вы, много ли дѣла надѣлали? Я чай, все болѣе языкомъ выплетали... Покажь: ну нѣтъ, ладно, поплавки знатные и неводокъ, тово, годенъ теперь сталъ... Маловато только что-то сработали... утро, кажись, не одинъ часъ: можно бы и весь неводъ рѣшить... То-то, по вашему: день разсвѣлъ—всталъ да поѣлъ, день прошелъ—спать пошелъ... Эхъ, вы!

— По сторонамъ не зѣвали, пробормоталъ Петръ, не подымая головы:—сколько велѣлъ, столько и сдѣлали, коли еще не больше, добавилъ онъ, почти шопотомъ.

— Сдѣлали, сдѣлали! то-то сдѣлали!... Вотъ у меня такъ работникъ будетъ—почище всѣхъ васъ! продолжалъ Глѣбъ, кивая младшему сыну:—а вотъ и другой! (Тутъ онъ указалъ на внучка, валявшагося на бреднѣ). Ну ужъ теплынь сотворилъ Господь, нечего сказать! такъ тебя солнышко и донимаетъ; рубаху-то, словно весною, хошь выжми... Упыхался словно середь лѣта, подхватилъ онъ, опускаясь на лавку подлѣ стола, но все еще дѣлая видъ, какъ будто не примѣчаетъ Акима.

— Я чай, умаялся, Глѣбъ Савинычъ, усталъ? произнесъ дядя Акимъ заигрывающимъ голосомъ.

— Усталъ! а съ чего устать-то? полу-небрежно, полу-презрительно возразилъ рыбакъ:—нѣтъ, сватъ, нашему брату уставать не показано: наша кость не пареная; всякій трудъ на себя принимаетъ... А и усталъ, не Богъ вѣсть какая бѣда: поѣлъ, отряхнулся—и опять пошелъ!.. Хозяйка, нутка-сь, чѣмъ пустыя-то рѣчи говорить, пошевеливайся: давай обѣдать... пора... Сноха, подсоби ей... Постой, дай-ка мнѣ напередъ вонъ энтого парня-то, что изъ люльки-то кулаки показываетъ,—давай его сюда! Экой молодчина! Эки кулачищи-то, подумаешь! заговорилъ рыбакъ, взявъ внучка на руки и поставивъ его голыми ножками къ себѣ на колѣни.

Во все время, какъ сноха и хозяйка собирали на столъ, Глѣбъ ни разу не обратился къ Акиму, хотя часто бросалъ на него косвенные взгляды. Видно было, что онъ всячески старался замять рѣчь и не дать гостю своему повода вступить въ объясненіе. Совсѣмъ тѣмъ, какъ только хозяйка поставила на столъ горячіе щи со снѣтками, онъ первый заговорилъ съ нимъ.

IV.

За щами и кашей.

— Чего жъ ты, сватьюшка? садись, придвигайся! весело сказалъ Глѣбъ, постукивая ложкою о край чашки:—можетъ статься, наши хозяйки — прыткія бабы, что говорить! — тебя ужъ угостили? а?

Старуха, находившаяся въ эту минуту за спиною мужа, принялась моргать изо всей мочи дядѣ Акиму. Акимъ взялъ тотчасъ же ложку, придвинулся ко щамъ и сказалъ:

— Маковой росинки во рту не было, Глѣбъ Савинычъ!

— Ну, такъ что жъ ты ломаешься, когда такъ? Ѣшь! али прикажешь въ упросъ просить? Ну, а парнишку-то! Не дворянскій сынъ: глядѣньемъ сытъ не будетъ; сажай и его! Что, смотрю, онъ у тебя такимъ бычкомъ глядитъ, слова не скажетъ?

— Знамо, батюшка, глупенекъ еще, отвѣчалъ Акимъ, суетливо подталкивая Гришку, который не трогался съ мѣста и продолжалъ смотрѣть въ землю.—Вотъ, Глѣбъ Савинычъ, подхватилъ онъ, переминаясь и робко взглядывая на рыбака:—все думается, какъ бы... о немъ, примѣрно, сокрушаюсь... Лѣта его, конечно, малыя,— какія его лѣта! а все... какъ бы... хотѣлось къ ремеслу какому приставить... мальчишечка смысленный, вострый... куды тебѣ! на всяко дѣло: такъ и...

— Что говорить! всякому свое не мыто бѣло! Съ чего-жъ тебѣ больно много-то крушиться? Онъ какъ тебѣ: сынъ, либо сродственникъ приводится? перебилъ рыбакъ, лукаво прищуриваясь.

— Нѣтъ... кормилецъ, пріемышъ... пробормоталъ дядя Акимъ, жалобно скорчивая лицо.

— Вотъ какъ, пріемышъ... Слыхалъ я, сватьюшка, старая пѣсня поется (тутъ рыбакъ насмѣшливо тряхнулъ головою и произнесъ скороговоркою): отца, матери нѣту; сказываютъ, въ ненастье ворона въ пузырѣ принесла... такъ, что ли?...

Тутъ онъ залился смѣхомъ, но вскорѣ снова обратился къ гостю:

— Ну, сказывай, о чемъ же ты хлопочешь?

— Дядюшка Акимъ говоритъ, ему, говоритъ, хочется произвести, говоритъ, паренечка къ нашему, говоритъ, рыбацкому дѣлу,

неожиданно сказалъ Василій, высовывая впередъ свѣжее, румяное лицо свое.

— Охъ, ты: говоритъ, говоритъ! съ усмѣшкою возразилъ рыбакъ.—Что-жъ, дѣло, дядя Акимъ, подхватилъ онъ, снова обращаясь къ гостю:—наше ремесло не ледащее. Конечно, рыбаку накладнѣе пахаря: тамъ, примѣрно, всего одна десятина,—ходишь да зернышко бросаешь: гдѣ бросилъ, тутъ тебѣ и хлѣбъ готовъ... Ну, нашему брату не то... Рыбаку ли, охотнику ли, требуется больше простору; къ тому же, и зернышко-то наше живое: гдѣ захочетъ, тамъ и водится; само въ руки не дается: поди, поищи да погоняйся за нимъ! Съ начатія, знамо, трудненько покажется; ну да какъ быть! не безъ этого—привыкнетъ! Такъ-то и во всякомъ дѣлѣ: тяжко сдвинуть только переднія колеса, а сдвинулъ—сами покатятся!..

— Кабы твоя бы милость была, Глѣбъ Савинычъ, жалобно началъ Акимъ:—вѣкъ бы сталъ за тебя Бога молить!.. Взмилуйся надъ сиротинкой, будь отцомъ роднымъ, возьми ты его—приставь къ себѣ!..

— Куда мнѣ его! у меня и своихъ не оберешься!

— Кормилецъ! воскликнулъ Акимъ, подымая на рыбака слезливые глаза свои:—вѣстимо, теперь онъ махочка! способу не имѣетъ,—а подростетъ, вѣдь тебѣ же, тебѣ работникъ будетъ!

— Коли въ тебя уродился, такъ хоть сто лѣтъ проживетъ, толку не будетъ, проговорилъ рыбакъ, пристально взглянувъ на мальчика.

— Батюшка, Глѣбъ Савинычъ, да что-жъ я такое сдѣлалъ?

— А не больно много—объ томъ-то и говорятъ!

Глѣбъ окинулъ глазами присутствующихъ, посмотрѣлъ на младшаго сына своего и снова устремилъ пристальный взглядъ на Гришку.

— А который ему годъ? спросилъ онъ послѣ молчка.

— Съ зимняго Миколы восьмой годокъ пошелъ, батюшка, поспѣшилъ отвѣтить Акимъ.

— Стало, сверстникъ моему Ванюшкѣ?

— Однолѣточки, Глѣбъ Савинычъ, отозвался Акимъ такимъ жалкимъ голосомъ, какъ будто дѣло шло о выпрашиваніи насущнаго хлѣба обоимъ мальчикамъ.

— Что-же? сказалъ, немного погодя, рыбакъ:—пожалуй, малаго можно взять.

— Какъ намъ за тебя Бога молить! радостно воскликнулъ Акимъ, поспѣшно нагибая голову Гришки и самъ кланяясь въ то же время:—благодѣтели вы, отцы наши!.. А ужъ про себя скажу, Глѣбъ Савинычъ, въ гробъ уложу себя старика. Къ какому дѣлу ни приставишь, куда ни пошлешь, что сдѣлать велишь...

Неожиданный, могучій смѣхъ Глѣба прервалъ дядю Акима.

— Э... э... охъ, батюшки!.. Такъ ты, сватъ, ко мнѣ въ работники пришелъ наниматься!.. О-о, дай духъ перевести... Ну, нѣтъ, братъ, спасибо!

— Зарокъ далъ...

— Ой-ли?

— Какъ передъ Господомъ! провалиться мнѣ!

Рыбакъ залился пуще прежняго.

— Ну, нѣтъ, сватьюшка ты мой любезный, спасибо! Знаемъ мы, какіе твои зароки: слава те Господи, не впервые встрѣчаемся... Ахъ ты, дядюшка Акимъ, Акимъ-простота, по нашему! Вотъ, не чаялъ, не гадалъ, зачѣмъ пожаловалъ... въ батраки наниматься! Ахъ, ты, шутникъ-балясникъ, ей-Богу, право!

При этомъ, дядя Акимъ, сидѣвшій все время смирно, принялся вдругъ такъ сильно колотить себя въ голову, что Василій принужденъ былъ схватить его за руку.

— Ахъ, я, глупый! ахъ, я, окаянный! заговорилъ онъ, отчаянно болтая головою:—что я надѣлалъ! что я надѣлалъ!.. Бить бы меня, собаку! палочьемъ бы меня хорошенько, негоднаго!.. Батюшка, Глѣбъ Савинычъ, подхватилъ Акимъ, простирая неожиданно руки къ мальчику, мѣшаясь и прерываясь на каждомъ словѣ:— что-жъ я... какъ же?.. какъ... какъ же я безъ него-то останусь?.. батюшка!

— Твое дѣло: какъ знаешь, такъ и дѣлай, сухо отвѣчалъ рыбакъ.— Мы эти виды-то видали съ молоду напрялъ нитокъ съ узлами, да потомъ: на-те, молъ, вамъ, кормильцы, распутывайте!.. Я тебѣ сказалъ: парнишку возьму, пожалуй, а тебя мнѣ не надыть!

Акимъ опустилъ руки и повѣсилъ голову, какъ человѣкъ, которому прочли смертный приговоръ. Минуты двѣ сидѣлъ онъ неподвижно, наконецъ взглянулъ на Гришку, закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

Рыбакъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на свата, потомъ на мальчика, потомъ перенесъ глаза на сыновей, но, увидѣвъ, что всѣ

сидѣли понуря голову, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и пригнулся къ щамъ. Хозяйка его стояла между тѣмъ у печки и утирала глаза рукавомъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, прерываемое стукомъ одной только ложки.

— Вотъ что, Петрушка, началъ вдругъ Глѣбъ, очевидно съ тою цѣлью, чтобъ замять предшествовавшій разговоръ: — весна приходитъ: пора о лодкахъ побезпокоиться... Ходилъ нынче смотрѣть — работы много: челнокъ вновь просмолить придется, а большую нашу лодку надо всю проконопатить. Сдается мнѣ, весна будетъ ранняя; еще недѣля, либо двѣ такія простоятъ, какъ нонѣшняя, глазомъ не смигнешь—задуритъ рѣка; и то смотрю: отставать кой-гдѣ зачала отъ береговъ. Тогда не до „посудины“ *), присовокупилъ онъ, приходя постепенно въ свое обычное шутливое расположеніе духа: — знай только неводокъ забрасывай, да рыбку затаскивай! А въ рыбѣ (коли только Господь создастъ ей рожденье), въ рыбѣ недостачи, кажись, быть не должно! по примѣтамъ, ловъ нынче будетъ удачливъ!

Петръ, упорно молчавшій во все время обѣда, провелъ ладонью по волосамъ и поднялъ голову.

— Ты, батюшка, и позапрошлый годъ то же говорилъ, сказалъ онъ отрывисто: — и тогда весна была ранняя; сдавалось по твоему, ловъ будетъ хорошъ... а наловили, помнится, немного...

— Чего-жъ тебѣ еще?.. возами возить, что-ли? возразилъ отецъ довольно спокойно, чего никакъ не ожидали присутствовавшіе, знавшіе очень хорошо, что Глѣбъ не любилъ противорѣчій, особенно со стороны дѣтей: — слава те Господи, должны и за то благодарить... (Глѣбъ жаловался между тѣмъ весь протекшій годъ, что рыба плохо ловилась) покуда недостатка не вижу; сводимъ концы съ концами: а что далѣе будетъ — темный человѣкъ: не узнаешь... Главное — требуется во всякомъ дѣлѣ порядокъ наблюдать — вотъ что; домъ — яма, стой прямо! Этимъ нашъ братъ только и крѣпокъ!... Вишь чего, возами возить захотѣлъ! Эхъ, ты, умница!.. Кабы съ нашего участка, что нанимаемъ, рыбу-то возами возили, такъ съ насъ заломили бы тысячу, не то и другую... Сосновское общество знаетъ

---

*) Такъ рыбаки называютъ небольшія обиходныя лодки.

счетъ: своего не упуститъ; а мы всего сто цѣлковыхъ за участокъ-то платимъ; каковъ ловъ, такая и плата... а ты какъ думалъ?.. *)

— Противъ этого я не спорю.

— Ну, то-то же и есть! А туда же толкуетъ! погоди: мелко еще плаваешь; дай бородѣ подрости, тогда и толкуй! присовокупилъ Глѣбъ, самодовольно посматривая на членовъ своего семейства и въ томъ числѣ на Акима, который сидѣлъ, печально свѣсивъ голову, и только моргалъ глазами.

— Я не о томъ совсѣмъ рѣчь повелъ, снова заговорилъ Петръ:—я говорю, примѣрно, по нашей по большой семьѣ надо бы больше прибыли... Рукъ много: я, ты, братъ Василій... не по работѣ рукъ много—вотъ что я говорю.

— Э, Петрушка! вижу, отселева вижу, куда наровишь багромъ достать! Ловокъ, нечего сказать; подумаешь: щуку нырять выучитъ... Жаль только, мелки твои рѣчи, пальцемъ дно достанешь...

— Доставай пожалуй; я тебѣ правду говорю.

— Ой-ли? А хочешь, я тебѣ скажу, какая твоя правда,—хочешь? ноги зудятъ—бѣжать хотятъ, да жаль, не велятъ... все, чай, туда тянетъ? а?

— Куда?

— Чтой-то за хитрецъ, право! Куда? куда?.. знамо, куда: въ „рыбацкія слободки“.

При этомъ веселость снова возвратилась къ Глѣбу; лицо его просіяло; онъ зорко взглянулъ на сына и засмѣялся.

— А хоть бы такъ, хоть бы и въ „рыбацкія слободы“: я, чай, вѣдь не даромъ пойду, произнесъ Петръ отрывистымъ тономъ.

— Что-жъ, много сулили? спросилъ, подсмѣиваясь, отецъ.

— Я ужъ тебѣ сказывалъ, нетерпѣливо отвѣчалъ сынъ и отвернулся.

— Точно, сказывалъ... Слышь, сватъ Акимъ, какого я сынка возрастилъ?.. Да полно тебѣ хлюпать-то! послушай лучше нашихъ рѣчей... слышь: полтораста рублевъ сулятъ, а? А ты все плачешься да жалишься: добрыми людьми, говоришь, свѣтъ обѣднѣлъ. Какъ нѣтъ добрыхъ людей? Я вотъ, скажу тебѣ, одного знаю, примолвилъ Глѣбъ съ усмѣшкою, косясь на Петра:—чарку поднесешь ему, ни за что не откажется! такой-то, право, добрый, сговорчи-

*) Берега Оки, равно какъ и другихъ рѣкъ, составляютъ собственность частныхъ и казенныхъ имѣній, къ которымъ примыкаютъ. Правленіе имѣній, соображаясь съ мѣстами, болѣе или менѣе удачными для лова рыбы, назначаетъ имъ соотвѣтственную цѣнность и отдаетъ ихъ въ наймы рыбакамъ.

вый... Хозяйка, давай перемѣну; ставь кашу: что-то она скажетъ... Такъ какъ же, Петрушка, въ рыбацкія слободки, ась? продолжалъ, подтрунивая, отецъ.

— Оставь, батюшка: я съ тобой не къ смѣху говорю, сказалъ Петръ, встряхивая волосами и смѣло встрѣчая отцовскій взглядъ:— я говорю тебѣ толкомъ: отпустишь на заработки, тебѣ лучше; и самъ смекаешь, только что вотъ на своемъ стоишь.

Старый рыбакъ нахмурилъ брови; но это продолжалось одну секунду: лицо его снова засмѣялось.

— Будь по твоему, сказалъ онъ, потѣшаясь, повидимому, недовольными выходками сына:—ладно; ну, ты уйдешь; а въ дому-то кто останется?

— Останутся ты, да братъ Василій; а когда мало, работника наймешь—все сходнѣе...

— Ну, а работнику ты, что ли, изъ своей мошны станешь платить?

— Я на сторонѣ добуду полтораста; работника наймешь ты за половину... другой и меньше возьметъ...

Глѣбъ провелъ ладонью по высокому лбу и сдѣлался внимательнѣе: ему не разъ уже приходила мысль отпустить сына на заработки и взять дешоваго батрака. Выгоды были слишкомъ очевидны; но грубый, буйный нравъ Петра служилъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе такой мысли. Отецъ боялся, что изъ заработковъ, добытыхъ сыномъ, не увидитъ онъ и гроша. Въ послѣдніе три дня Глѣбъ уже совсѣмъ было рѣшился отпустить сына, но не дѣлалъ этого потому только, что сынъ предупредилъ его — однимъ словомъ, не дѣлалъ этого изъ упрямства.

— Ладно, сказалъ онъ:—работникъ точно сходнѣе, коли станешь приносить въ домъ заработки... Ну, а гдѣ-жъ бы ты взялъ такого работника, который денегъ-то мало возьметъ?

— А вотъ хошь бы дядюшка Акимъ; самъ говоритъ: изъ-за хлѣба иду. Чѣмъ онъ тебѣ не по нраву пришелъ? года его не старые...

Дядя Акимъ встрепенулся.

— Какіе еще мои года! произнесъ онъ, охорашиваясь.

— Полно, сватъ, что пустое говорить! Года твои точно не старые, да толку въ томъ мало! Съ чего-жъ тебя никто не держитъ-то, а?

— Охъ, Глѣбъ Савинычъ, батюшка, и радъ бы жилъ, загово-

рилъ Акимъ съ оживленіемъ, какого вовсе нельзя было ожидать отъ него: — и радъ бы... я-жъ говорилъ тебѣ: нынче старыми-то людьми гнушаются...

— Полно врать, перебилъ Глѣбъ: — человѣку рабочему вездѣ пробойная дорога...

— То-то, что нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, подхватилъ Акимъ. — Придешь: „Нѣтъ, говорятъ, случись неравно что, старому человѣку какъ словно грѣшно поперекъ сдѣлать; а молодому-то и подзатыльничка дашь — ничего!“ Молодыхъ-то много-добре развелось нынче, Глѣбъ Савинычъ, — вотъ что! Я ли радъ на печи лежать: косить ли, жать ли, пахать ли, никогда позади не стану!

— Тебя послушать: какъ родился, такъ ужъ въ дѣло годился! Полно молодцовать! я вѣдь-те знаю: много сулишь, да мало даешь! А все оттого, самъ сказалъ: мало съ молоду били!.. Эхъ, кабы учить тебя, учить въ свое время, такъ былъ бы ты человѣкъ. Полно куражиться! гдѣ тебѣ о чужихъ дѣлахъ хлопотать, когда самъ съ собою не управился!.. Отцомъ обиженъ, кажись, не былъ; а куда пошло? осталось ни кола, ни двора, ни малаго живота, ни образа помолиться, ни хлѣба перекусить!... Слоняешься, какъ шатунъ-бродяга, по бѣлому свѣту да стучишь подъ воротами — вотъ до чего дошелъ! куда жъ ты годенъ послѣ этого?

— Батюшка, Глѣбъ Савинычъ! воскликнулъ дядя Акимъ, приподнимаясь съ мѣста: — выслушай только, что я скажу тебѣ... Вѣришь ты въ Бога... вотъ передъ образомъ зарокъ дамъ, примолвилъ онъ, быстро поворачиваясь къ красному углу и принимаясь креститься: — вотъ накажи меня Господь всякими болѣстями, разрази меня на мѣстѣ, отсохни мои руки и ноги, коли въ чемъ тебя ослушаюсь! Что велишь — сработаю, куда пошлешь — схожу; слова супротивнаго не услышишь! Будь отцомъ роднымъ, заставь за себя вѣчно Бога молить!..

Въ отвѣтъ на это, старый рыбакъ махнулъ только рукой и всталъ съ мѣста.

— Ну, ребята, произнесъ онъ неожиданно, обращаясь къ сыновьямъ, которые послѣдовали его примѣру и крестились передъ образами: — пора за дѣло; бери топоры да наклю — ступай на берегъ!

Петръ и братъ его безпрекословно повиновались, взяли топоры и направились къ двери. Старый рыбакъ проводилъ ихъ глазами.

— Ну, а ты-то что-жъ, сватъ? пойдешь и ты съ нами? принужденно сказалъ Глѣбъ, поворачиваясь къ Акиму, который стоялъ

съ поднятою рукой и открытымъ ртомъ: — все одно: къ ночи не поспѣешь въ Сосновку, придется здѣсь заночевать... а до вечера время много; бери топоръ... вонъ онъ тамъ, кажись, на лавкѣ.

Акимъ бросился безъ оглядки на указанное ему мѣсто, но, не найдя топора, засуетился какъ угорѣлый по всей избѣ. Хозяйка рыбака приняла дѣятельное участіе въ розысканіи затеряннаго предмета и также засуетилась не менѣе своего родственника.

Во все продолженіе этой сцены Глѣбъ Савиновъ стоялъ у двери и не спускалъ съ глазъ жену и дядю Акима.

Наконецъ онъ выразительно тряхнулъ головою, усмѣхнулся и вышелъ изъ избы.

V.

Глѣбъ Савиновъ.

Старый рыбакъ, какъ всѣ простолюдины, вставалъ очень рано. Лѣтомъ и весною просыпался онъ вмѣстѣ съ жаворонками, зимою и осенью—вмѣстѣ съ солнцемъ. На другое утро послѣ разговора, описаннаго въ предъидущей главѣ, пробужденіе его совершилось еще раньше. Это была первая ночь, проведенная имъ на открытомъ воздухѣ.

Наши мужички начинаютъ спать на дворѣ съ самаго Благовѣщенія. Несмотря на то, что въ эту пору утренники холоднѣе зимнихъ, семейства покидаютъ избу и перебираются въ сѣни или клѣти; даже грудные младенцы, и тѣ (поневолѣ, впрочемъ) слѣдуютъ за своими родителями. На печкѣ остаются одни хворые старики и старухи. Переселеніе на дачу происходитъ, какъ видите, раненько: всѣ, и малые, и большіе, корчатся отъ стужи подъ прорванными тулупишками, жмутся другъ къ дружкѣ и щелкаютъ зубами; но что прикажете дѣлать! таковъ ужъ искконный обычай!

Трудно предположить, однакожъ, чтобъ холодъ именно могъ пробудить Глѣба Савинова. Вотъ жаръ развѣ, ну то совсѣмъ другое дѣло! жаръ, какъ самъ онъ говаривалъ, частенько донималъ его, холодъ же не производилъ на Глѣба ни малѣйшаго дѣйствія.

„Съ начатія-то тебя какъ словно маненько и пощипываетъ; а

тамъ ничего, нуждишки мало! Съ холоду-то, знамо, человѣкъ крѣпнетъ", утверждалъ всегда старый рыбакъ. И что могла, въ самомъ дѣлѣ, значить стужа для человѣка, который въ глубокую осень, въ то время, какъ Ока начинала уже покрываться саломъ и стынуть, проводилъ нѣсколько часовъ въ водѣ по поясъ!

Въ настоящее утро лицо и одежда рыбака достаточно подтверждали всегдашнія слова его: несмотря на довольно сильный морозъ, онъ былъ въ одной рубашкѣ; въ наружности его трудно было сыскать малѣйшій признакъ принужденія, или того недовольнаго, ворчливаго выраженія, какое является обыкновенно, когда не доспишь противъ воли. Видно было, что пробужденіе его совершилось подъ вліяніемъ самыхъ пріятныхъ, счастливыхъ мыслей. Какъ только приподнялся онъ съ саней, стоявшихъ подъ навѣсомъ и служившихъ ему ложемъ, первымъ дѣломъ его было взглянуть на небо.

Заря только-что занималась, слегка зарумянивая край неба; темные навѣсы, обступавшіе со всѣхъ сторонъ Глѣба, позволяли ему различить блѣдный серпъ мѣсяца, клонившійся къ западу, и послѣднія звѣзды, которыя пропадали одна за другою, какъ бы задуваемыя едва замѣтнымъ вѣтеркомъ—предшественникомъ разсвѣта. Торжественно тихо начиналось утро; все обѣщало такой же красный, солнечный день, какъ былъ наканунѣ.

Простоявъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ и оставшись, повидимому, очень доволенъ своими наблюденіями, рыбакъ подошелъ къ крылечку, глядѣвшему на дворъ. Тутъ, подъ небольшимъ соломеннымъ навѣсомъ, державшимся помощію двухъ кривыхъ столбиковъ, висѣлъ старый глиняный горшокъ съ четырьмя горлышками; тутъ же, на косякѣ, висѣло полотенце, обращенное морозомъ въ какую-то корку, сдѣлавшуюся неспособною ни для какого употребленія.

Глѣбъ разбилъ пальцемъ ледяныя иглы, покрывавшія дно горшка, пригнулъ горшокъ къ ладони, плеснулъ водицей на лицо, помялъ въ рукахъ кончикъ полотенца, принялъ наклоненное впередъ положеніе и принялся тереть безъ того уже покраснѣвшіе носъ и щеки. Послѣ этой церемоніи, не имѣвшей, повидимому, никакой опредѣленной цѣли, но совершенной, вѣроятно, по привычкѣ или изъ угожденія давно принятому обыкновенію, рыбакъ повернулся къ востоку и началъ молиться.

Лицо его, за минуту веселое, мгновенно приняло выраженіе строгой, задумчивой сосредоточенности.

Заря между тѣмъ разгоралась. Блѣдная полоса свѣта, показав-

шаяся на востокѣ, окрасилась пурпуромъ и обняла весь горизонтъ: зарево росло и разливалось по небу. Въ дали, покуда еще сумрачной, но постепенно проясняющейся, стали открываться лѣса и деревни, кой-гдѣ задернутые волнистыми туманными полосами. Наконецъ и самый дворъ рыбака освободился изъ мрака. Румяный свѣтъ, проникавшій сквозь щели плетня, позволялъ уже различать багры, кадки, старыя верши и другія хозяйственныя и рыбацкія принадлежности, наполнявшія темные углы. Со всѣмъ тѣмъ было все-таки очень еще рано. Тишина не прерывалась ни однимъ изъ тѣхъ звуковъ, какими привѣтствуется обыкновенно восходъ солнца: куры и голуби не думали подавать голоса; пріютившись на окраинѣ старой, дырявой лодки, помѣщенной на верхнихъ перекладинахъ навѣса, подвернувъ голову подъ тепленькое, пушистое крыло, они спали крѣпчайшимъ сномъ. Все спало на дворѣ стараго рыбака; самъ хозяинъ только бодрствовалъ. Онъ принялся за дѣло тотчасъ же послѣ молитвы. Дѣлъ, правда, большихъ не было: на всемъ, куда только обращались глаза, отражался строжайшій порядокъ, каждая вещь была прибрана и стояла на мѣстѣ. Но хорошій хозяинъ никогда не доволенъ.

Посмотрите въ деревняхъ на хлопотливыхъ домохозяевъ, которыхъ называютъ „затяглыми стариками". Дни цѣлые, съ утра и до вечера, проводятъ они у себя на дворѣ. Невелики, кажется, владѣнія, имущество также не Богъ-вѣсть какое! всего одинъ навѣсъ, клѣть, соха, телѣга, пара клячъ, коровенка да три овцы — и хлопотать, кажется, не надъ чѣмъ! А между тѣмъ день-деньской бродитъ старичокъ по своему двору, стучитъ, суетится, и руки его ни на минуту не остаются праздными. Такъ же точно было и съ нашимъ рыбакомъ: вся разница заключалась въ томъ, можетъ-статься, что лицо его выражало довольство и радость, не всегда свойственные другимъ хозяевамъ. И то, впрочемъ, сказать надо: Глѣбъ Савиновъ никогда еще не имѣлъ столько причинъ радоваться.

Весь вечеръ и даже часть ночи раздумывалъ онъ о вчерашней бесѣдѣ. О сынѣ Петрѣ Глѣбъ, по правдѣ молвить, помышлялъ немного: онъ давно уже рѣшилъ отправить его въ „рыбацкія слободы"; какъ уже выше сказано, до сихъ поръ одно только упрямство мѣшало ему осуществить такое намѣреніе. Всѣ помыслы рыбака исключительно обращались на дядю Акима и его мальчика, и чѣмъ болѣе соображалъ онъ объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе приходилъ къ счастливымъ выводамъ. По обыкновенію своему, онъ не

показалъ вчера только виду, но тотчасъ же смекнулъ, какъ выгодно оставить ихъ у себя въ домѣ. Недаромъ же весь прошлый вечеръ испытывалъ онъ дядю Акима, заставляя его приниматься за разныя дѣла; недаромъ также оставилъ ночевать его. Какъ ни плохъ былъ дядя Акимъ, но все-таки легко могъ таскать неводъ, плести сѣти, грести весломъ. Какъ умомъ ни раскидывай, а платить за такую работу однимъ хлѣбомъ—дѣло сходное. Что Акимъ не станетъ сидѣть сложа руки и даромъ пропускать трохи, за то ручался хозяинъ.

Глѣбъ Савинычъ, какъ и всѣ люди, достигнувшіе неусыпными трудами цѣлой жизни нѣкотораго благосостоянія, крѣпко стоялъ за добро свое. Онъ, напримѣръ, съ трудомъ рѣшился бы отрѣзать даромъ, такъ себѣ, здорово-живешь, отъ хлѣба, испеченнаго для собственнаго семейства. Долгій опытъ, научившій его, какъ тяжко достается хлѣбъ, постоянный, добросовѣстный трудъ, горячая привязанность къ семейству, къ своимъ,—все это невольнымъ образомъ развило въ немъ тотъ грубый эгоизмъ, который часто встрѣчаемъ мы въ семьянистыхъ мужикахъ. Впрочемъ, разсчеты рыбака въ особенности основывались на мальчикѣ, котораго привелъ женинъ родственникъ. Какъ бы ни велико было семейство простолюдина, лишній мальчикъ не бремя.

„Дочь—отрѣзанный ломоть, лишніе зубы при хлѣбѣ; возрастетъ, прощайся съ нею, выдавай ее замужъ, да еще снаряжай и приданое!“

Мальчикъ — иное дѣло: лишній столбъ, подпора и надежда дома,—вездѣ пригодится. Въ самыхъ многолюдныхъ, зажиточныхъ крестьянскихъ семьяхъ встрѣчаешь пріемыша. Многіе смѣтливые мужики даютъ даже денегъ бѣдному, обремененному семействомъ сосѣду, съ тѣмъ, чтобы тотъ отдалъ имъ на „воспитаніе“ сынишку; они обязуются платить за пріемыша подати, справляютъ за него всѣ повинности. Бываютъ примѣры, что хозяинъ усыновляетъ своего пріемыша, женитъ его на родной дочери, передаетъ ему весь домъ и все хозяйство. Но такіе примѣры—исключеніе изъ общаго правила. По большей части, участь пріемыша не представляетъ много утѣшительнаго. „Чужой человѣкъ!“ И ростетъ онъ, ничьему сердцу не близкій, никѣмъ не обласканный; ни одно привѣтливое слово, ни одинъ ласковый взглядъ не освѣтятъ дѣтскихъ лѣтъ его... Съ-измала привыкаетъ онъ къ грубой рѣчи, неправому слову и всякой неправдѣ. Проходятъ годы, но время не улучшаетъ судьбы бѣднаго горько-одинокаго си-

роты. Продолжаетъ онъ нести свой трудный, часто непосильный крестъ съ тѣмъ, чтобы пойти за хозяйскаго сына въ солдаты, или умереть подъ старость бобылемъ, безъ крова и хлѣба.

Такая участь, конечно, не предстояла Гришкѣ въ домѣ рыбака. Жена Глѣба была баба добрая, богобоязливая; къ тому же, парнишка приходился ей съ родни — обстоятельство, имѣющее всегда въ нашемъ крестьянствѣ сильное дѣйствіе на отношенія людей, живущихъ въ одной и той же избѣ. Самъ Глѣбъ также не былъ злой человѣкъ. Онъ былъ только крѣпковатъ, не любилъ потачки давать, любилъ толкъ во всемъ и дѣло. Что̀ говорить, много разныхъ соображеній бродило въ головѣ его по поводу пріемыша—не безъ этого, но все же судьба Гришки не обѣщала большихъ горестей.

Глѣбъ не замѣтилъ, какъ наступило утро, какъ пробудились куры и голуби, и какъ затѣмъ, мало-по-малу, все ожило вокругъ.

Но зато при первомъ звукѣ, раздавшемся въ сѣняхъ, онъ быстро поднялъ голову и тотчасъ же обратился въ ту сторону. Увидѣвъ жену, которая показалась на крылечкѣ, съ коромысломъ и ведрами, онъ пошелъ къ ней на встрѣчу, самодовольно ухмыляясь въ бороду.

— Что рано поднялась? куда те несетъ? сказалъ онъ съ обычною своею шутливостью.

— Видишь, съ ведрами, за водой иду, неохотно отвѣчала Анна, спускаясь по шаткимъ ступенямъ крыльца.

Тетка Анна, не мѣшаетъ замѣтить, находилась въ это утро въ самомъ неблагопріятномъ настроеніи духа. Пріемъ, сдѣланный Глѣбомъ ея родственнику, и особенно объясненіе его съ Акимомъ, — объясненіе, отнимавшее у нея послѣднюю надежду пристроить какъ-нибудь родственника, — все это сильнѣйшимъ образомъ вооружало старушку противъ мужа. Насмѣшливый видъ Глѣба окончательно раздражилъ ее, и въ эту минуту она готова была ведрами и коромысломъ проучить сожителя. Ничего этого не случилось, однакожъ: она ограничилась тѣмъ только, что потупила глаза и придала лицу своему ворчливое, досадливое выраженіе — слабые, но въ то же время единственные признаки внутренняго неудовольствія, какіе могла только дозволить себѣ Анна въ присутствіи Глѣба. Дѣло въ томъ, что тетка Анна, въ продолженіе двадцати-восьми лѣтняго замужества своего, не осиливала побѣдить въ себѣ чувства робости и страха, невольно овладѣвавшія ею при мужѣ. Чувства эти раздѣляли, впрочемъ, всѣ остальные члены семейства. Мудренаго нѣтъ: Глѣбъ былъ человѣкъ права непреклоннаго, твердаго какъ кремень

и въ добавокъ еще горячаго и вспыльчиваго. Жена ли, дѣти ли,— все это въ глазахъ его не представляло большой разницы: онъ всѣхъ ихъ держалъ въ одинаковомъ повиновеніи. Въ эти двадцать-восемь лѣтъ онъ или подтрунивалъ надъ дѣтьми и женою (когда былъ въ духѣ), или же всѣмъ доставалось въ равной степени, когда былъ въ сердцахъ. Всѣ бѣжали тогда куда могли, лишь бы на глаза не попадаться. Въ дѣлахъ семейныхъ и хозяйственныхъ никто не смѣлъ подавать голоса: жена не смѣла купить горшка безъ его вѣдома; двадцати-лѣтніе сыновья не смѣли отойти за версту отъ дому безъ спросу. Замѣчательнѣе всего, что при всемъ томъ старый рыбакъ рѣдко поднималъ шумъ въ домѣ и еще рѣже подымалъ руку; по большей части онъ находился въ веселомъ, шутливомъ расположеніи духа.

Отвѣтивъ мужу, что шла за водою, тетка Анна хотѣла пройти мимо, но Глѣбъ загородилъ ей дорогу.

— Вижу, за водой, сказалъ онъ, подсмѣиваясь:—вижу. Ну, а сноха-то что-жъ? а? лежитъ тѣмъ временемъ да проклажается, нѣтъ, нѣтъ, да пахаетъ!.. Оно что̀ говорить: вѣстимо, жаль сердечную!.. Ну, жаль, не жаль, а придется ей нынче самой зачерпнуть водицы... Поставь ведра, пойдемъ: надо съ тобой слова два перемолвить.

Сказавъ это, рыбакъ направился къ заднимъ воротамъ, выходившимъ за огородъ. Старуха поставила ведра и, не безъ нѣкотораго смущенія, послѣдовала за мужемъ.

— Вотъ что, началъ онъ, когда оба они очутились въ проулкѣ и ворота были заперты:—что ты на это скажешь: отпустить намъ Петрушку, али нѣтъ, не отпущать?

— Какъ знаешь, твоя воля, олвѣчала жена, обнаруживая удивленіе въ каждой чертѣ добродушнаго лица своего.

Первый разъ въ жизни Глѣбъ обращался къ ней за совѣтомъ; но это обстоятельство еще сильнѣе возбудило внутреннюю досаду старушки: она предвидѣла, что все это дѣлается не спроста, что тутъ, вѣрно, таится какой-нибудь лукавый замыселъ.

— Сдается мнѣ, отпускать его не зачѣмъ, сказалъ Глѣбъ, устремляя пытливый взглядъ на жену, которая стояла понуря голову и глядѣла въ землю:—проку никакого изъ этого не будетъ,— только что вотъ набалуется... Ну, что жъ ты стоишь? говори!

— Что мнѣ говорить, возразила Анна, знавшая напередъ: что бы она ни сказала, мужъ все-таки поставитъ на своемъ.

— Онъ, можетъ статься, говорилъ тебѣ объ этомъ! — „Поди, молъ, отца попроси!“ либо другое что сказалъ?

— Словечка не промолвилъ.

Глѣбъ недовѣрчиво покосился на старуху.

— По моему, вымолвилъ онъ, произнося каждое слово съ какою-то особенною выдержкою: — пускай лучше дома живетъ... ась?

Глѣбъ зналъ, что мать и дѣти ничего не таятъ другъ отъ дружки: выпытывая мнѣніе жены — мнѣніе, до котораго ему не было никакой нужды, онъ думалъ найти въ немъ прямой отголосокъ мыслей Петра; но, не успѣвъ въ этомъ, онъ тотчасъ же перешелъ къ другому предмету.

— Не видала ли ты нынче Акима? спросилъ онъ неожиданно.

— Нѣтъ, не видала.

— Должно быть, спитъ еще. Ну, пущай его, пущай понѣжится; встанетъ, смотри, покорми его.

Старушка подняла голову; но лицо ея на минуту оживившееся, снова приняло недовольное выраженіе, когда мужъ прибавилъ:

— А тамъ пущай идетъ, куда путь лежитъ... Вишь, что̀ забралъ въ голову: возьми его въ работники!

— Не знаю, съ чего такъ не полюбился, пробормотала Анна, обращая, повидимому, все свое вниманіе на щепки, валявшіяся подлѣ плетня.

— Песъ ли въ немъ! продолжалъ Глѣбъ, не отрывая отъ жены зоркаго взгляда.

— Да что ты, въ самомъ-то дѣлѣ, глупую, что ли, нашелъ какую? нетерпѣливо сказала она. — Вечоръ самъ говорилъ: не чаялъ я въ немъ такого проку! вчера всѣмъ былъ хорошъ, а нонѣ никуда не годится!.. Что ты, въ самомъ-то дѣлѣ, вертишь меня... что̀ я тебѣ! заключила она, окончательно выходя изъ терпѣнія.

Глѣбъ не спускалъ съ нея глазъ и только посмѣивался въ бороду.

— Такъ какъ же, стало, по твоему, надо взять его? сказалъ онъ.

Тетушка Анна замялась.

— Что-жъ, не худой онъ человѣкъ какой, проговорила она смягченнымъ голосомъ: — ни табашникъ какой, ни пьяница.

— Главное дѣло, потому отказать ему какъ словно не приходится: съ родни онъ намъ — вотъ что! замѣтилъ мужъ, лукаво прищуриваясь.

— Вѣстимо, не чужакъ! поспѣшила присовокупить старушка.

— Такъ-то, такъ! Я и самъ объ этомъ думаю: родня немалая когда у моей бабки кокошникъ горѣлъ, его дѣдушка пришелъ да руки погрѣлъ... Эхъ, ты, сердечная! прибавилъ, смѣясь, рыбакъ:— сватьевъ не оберешься, свояковъ не огребешься,—мало ли на свѣтѣ всякой шушеры! всѣхъ ихъ въ домъ пущать—жирно будетъ!

Въ отвѣтъ на это тетушка Анна только плюнула.

— Ну, такъ какъ же, по твоему, стало и мальчишку надо взять, а? продолжалъ допытывать Глѣбъ.

— Да что я, въ самомъ дѣлѣ, за дура тебѣ досталась? воскликнула Анна:—что ты умомъ-то раскидываешь, словно передъ махонькой!

— Куды ты? полно, погоди, постой, сказалъ рыбакъ, удерживая за руку жену, которая бросилась къ воротамъ:—постой! Ну старуха, промолвилъ онъ:—вижу: хочется тебѣ, добре хочется пристроить къ мѣсту своего сродственника!

— Ничего мнѣ не надыть! ничего не хочу! тьфу! возразила она, порываясь къ воротамъ.

— Полно же, ну! вымолвилъ мужъ, перемѣнивъ вдругъ голосъ:—посмѣялся, и шабашъ! Такъ ужь и быть: будь по твоему! пущай оба остаются! Мотри, только, не говори объ этомъ до поры, до времени... слышь?

Старуха взглянула на мужа и тотчасъ же перестала волноваться: видно было, что съ послѣдними словами Глѣба у ней разошлось сердце.

— Смотри же, ни полсловечка; смѣкай да послушивай, а лишняго не болтай... узнаю, худо будетъ!.. Эге-ге! промолвилъ онъ, дѣлая нѣсколько шаговъ къ ближнему углу избы, изъ-за котораго сверкнули вдругъ первые лучи солнца:—вотъ ужь и солнышко! Что жъ они, въ самомъ дѣлѣ, долго проклажаются? ступай, буди ихъ. А я пойду покуда до берега: на лодки погляжу... Что жъ ты стала? спросилъ Глѣбъ, видя, что жена не трогалась съ мѣста и переминалась съ ноги на ногу.

— Ну, что ты въ самомъ дѣлѣ умомъ-то раскидываешь? промолвила она полуворчливо, полуласково:—ты говори толкомъ... ну, что, въ самомъ дѣлѣ...

Глѣбъ раскрылъ удивленные глаза.

— Вѣстимо, толкомъ говори, продолжала жена:—слушаешь, слушаешь, въ толкъ не возьмешь... вертитъ тебя только знаетъ!.. Ты толкомъ скажи: возьмешь, что ли, ихъ въ домъ-отъ?

*

— Экъ ее!.. фу, ты, дура баба!.. чего жъ тебѣ еще? сказалъ возьму, стало тому и быть... А я думалъ и нивѣсть что̀ ей втемяшилось... ступай...

На этотъ разъ тетушка Анна не заставила себѣ повторить и, отворивъ ворота, поспѣшно заковыляла въ избу.

Въ сѣняхъ она наткнулась на дядю Акима и его мальчика. Заслышавъ шаги, дядя Акимъ поспѣшилъ скорчить лицо и принять жалкую, униженную позу; при видѣ родственницы, онъ, однакожъ, ободрился, кивнулъ головою по направленію къ выходной двери и вопросительно приподнялъ общипанныя свои брови.

Въ отвѣтъ на это, старушка заморгала глазами, погрозила пальцемъ и выглянула на дворъ; послѣ чего она подошла къ родственнику и сказала шопотомъ:

— Остаешься, Акимушка!

— Что ты, матушка?

— Ей-Богу, право! самъ сказалъ; сначала-то ужь онъ и такъ, и сякъ, путалъ, путалъ... самъ знаешь онъ какой: и въ толкъ не возьмешь, такъ тебя и дуритъ; а апосля самъ сказалъ: оставлю его, говоритъ, пускай живетъ!

Во время этого объясненія лукавые глаза Гришки быстро перебѣгали отъ отца къ теткѣ Аннѣ; съ послѣдними словами старушки испугъ изобразился въ каждой чертѣ плутовского лица его; онъ ухватилъ дядю Акима за рукавъ и принялся дергать его изо всей мочи.

— Смотри только, Акимушка, продолжала между тѣмъ старушка: —смотри, въ работѣ-то не плошай, касатикъ.

— Буду, матушка, буду! я ли когда на печи лежалъ, я ли...

— Ну, то-то, родимый, то-то; съ тѣмъ, говоритъ, и беру, коли работать станетъ!.. Самъ знаешь, человѣкъ онъ крѣпкій: что̀ сказалъ, отъ того не отступится.

— Знаю, матушка, все знаю... Ахъ, ты, касатушка ты наша!.. родная ты наша! какъ намъ за тебя Бога молить?.. ахъ!.. Что ты, Гришутка? что на рукавѣ-то виснешь... вишь его, озорникъ! Оставь, говорятъ! заключилъ Акимъ, поворачиваясь неожиданно къ парнишкѣ.

— Пойдемъ! пойдемъ! не хочу я здѣсь оставаться! заговорилъ мальчикъ, принимаясь теребить еще пуще рукавъ Акима и обнаруживая при этомъ столько же азарта, сколько страха.

— Куды ты?.. Ахъ, ты, безмятежный ты этакой!.. пусти!

— Не хочу! не хочу! пойдемъ! кричалъ мальчикъ.

— Полно, батюшка, полно тебѣ, сказала Анна, стараясь обласкать Гришку:—а я лепешечки дамъ... подь-ка-сь въ избу: лепешечки дамъ, соколикъ...

— Не хочу! я хочу домой!.. пойдемъ!.. да пойдемъ! кричалъ Гришка, цѣпляясь за воротъ Акима, пригибая его къ себѣ и топая ногами.

Въ самую эту минуту неподалеку почти у самаго крыльца, послышались шаги Глѣба Савиныча.

Старуха опрометью кинулась въ избу.

— А! сватъ Акимъ, здорово! сказалъ рыбакъ, появляясь въ сѣняхъ.—Что вы тутъ дѣлаете?.. чего это онъ у тебя, слышу я, не хочетъ, а? промолвилъ онъ, взглядывая на мальчика, который остолбенѣлъ и поблѣднѣлъ какъ известь.

— Такъ, батюшка... Глѣбъ Савиныч... глупенекъ... вѣстимо... пробормоталъ Акимъ, разводя руками.

— Да чего жъ онъ не хочетъ-то? а?.. Иду, слышу: не хочу, да не хочу!.. чего не хочу? а?

— Вотъ, кормилецъ, мѣшаясь подхватилъ Акимъ:—умыться не хочетъ... воды боится; добре студена, знать!.. умойся, говорю... а онъ и того...

— Нутка-сь, сватъ, возьми-ка зачерпни поди водицы... вонъ въ углу стоитъ; давай сюда: мы его умоемъ, когда такъ! проговорилъ рыбакъ, ставя передъ собою Гришку и наклоняя ему впередъ голову.—Лей! заключилъ онъ, протягивая ладонь.

— Бррр... пробормоталъ Гришка, мотая головою.

— Лей еще! повторилъ Глѣбъ.

Дядя Акимъ, лицо котораго корчилось и ежилось самымъ жалобнымъ образомъ, повиновался.

— Бр...рр...брр... батюшки! кричалъ Гришка.

— Ничего, врешь, не пуще холодна, лей еще!

— Брр...

— Ну, на здоровье; утрись поди! произнесъ Глѣбъ, выпуская Гришку, который бросился въ уголъ какъ кошка и жалобно завопилъ.—А то не хочу, да не хочу!.. до колѣнъ не доросъ, а туда же: не хочу!... Ну, сватъ, пора, я чай, и закусить: не ѣвши легко, а поѣвши-то все какъ-то лучше. Пойдемъ, довершилъ рыбакъ, отворяя дверь избы.

Во время завтрака веселье рыбака не прерывалось ни на минуту. Совсѣмъ тѣмъ, онъ не коснулся ни одного пункта, имѣвшаго

какое-нибудь отношеніе къ разговору съ хозяйкой; ни взглядомъ, ни словомъ не выдалъ онъ своихъ намѣреній. Съ окончаніемъ трапезы, какъ только Петръ и Василій покинули избу, а жена Петра и тетка Анна взявъ вальки и коромысла, отправились на рѣку, Глѣбъ обратился къ Акиму:

— Вотъ, батюшка, что я скажу тебѣ, произнесъ онъ съ видомъ простодушія:—останься, пожалуй, у насъ еще день, коли спѣшить некуда. Тѣмъ временемъ намъ въ чемъ нибудь подсобишь... Такъ, что ли? ну, когда такъ, — ладно! бери топоръ, пойдемъ со мною.

Акимъ взялъ топоръ, подошелъ къ двери и молодцовато нахлобучилъ шапку. Глѣбъ насѣшливо покосился на него, повернулся къ Гришкѣ и Ванѣ, которые сидѣли по разнымъ угламъ, и погрозилъ пальцемъ.

— Смотри, ребятишки, не баловать безъ насъ! Кто забалуетъ, быть тому безъ вихра на макушкѣ!

VI.

Гришутка.

Никогда еще, во всю свою долгую, но безполезную жизнь дядя Акимъ не трудился такъ много, какъ въ это утро, когда, обнадеженный словами Анны, остался гостить въ домѣ рыбака. Наставленія старушки были постоянно передъ его глазами. Опасаясь, съ одной стороны, не угодить въ чемъ нибудь Глѣбу, исполненный, съ другой стороны, сильнѣйшаго желанія показать всѣмъ и каждому, что онъ отличнѣйшій, примѣрный работникъ — „мастакъ-работникъ“, Акимъ не щадилъ рукъ и рѣшительно лѣзъ изъ кожи. Подобно ручью, который въ продолженіи многихъ верстъ лѣниво, едва замѣтно пресмыкался въ густой и болотистой травѣ, и который, выбѣжавъ на крутизну, дѣлится вдругъ на безчисленное множество быстрыхъ, журчащихъ потоковъ, дядя Акимъ заходилъ во всѣ стороны и сдѣлался необыкновенно дѣятеленъ: онъ таскалъ верши, собиралъ камышъ для топлива, тесалъ колья, расчищалъ снѣгъ вокругъ лодокъ, — словомъ, поспѣвалъ всюду и ни на минуту

не оставался безъ дѣла. Иногда, уже не вмочь одолѣваемый одышкой и поперхотой, онъ останавливался, чтобы перевести духъ, но встрѣчалъ всякій разъ пристальный взглядъ Глѣба и принимался суетиться пуще прежняго. Ужъ за то и уходился же дядя Акимъ! Потъ катилъ съ него крупными горошинами, ноги подгибались какъ мочалы, плечи ломило, какъ словно ихъ вывихнули. Такое усердіе, конечно, не ускользало отъ вниманія Глѣба; но онъ оставался, повидимому, совершенно къ нему равнодушнымъ. Хозяева вообще не щедры на похвалы: „Похвала та же потачка—разсуждаетъ хозяинъ, извлекая, вѣроятно, это правило изъ наблюденій собственной природы—зазнается еще, чего добраго! возьметъ „форсъ“ на себя!..“ Такія мысли свойственны хозяевамъ, когда дѣло идетъ о работникѣ и труженикѣ. Русскій мужичокъ въ дѣлѣ практической хозяйственной смѣтливости никому не уступитъ. Небрежный, безпечный и равнодушный ко всему, что не имѣетъ къ нему прямого, личнаго отношенія, онъ превращается у себя дома въ ломовую, неутомимую лошадь и становится столько же дѣятеленъ, сколько взыскателенъ. Нѣтъ народа, который бы такъ крѣпко отстаивалъ свою собственность и такъ сильно соблюдалъ свои матеріальныя выгоды, какъ русскій народъ. „Ничего, авось, небось и какъ-нибудь“, такъ часто произносимыя русскимъ мужичкомъ, повторяются имъ точно также, если хотите, когда онъ у себя дома; въ послѣднемъ случкѣ, однакожъ, слова эти выражаютъ, повѣрьте, скорѣе торопливость, желаніе сработать больше, сбыть выгоднѣе, чѣмъ безпечность или нерадѣніе. Мужичокъ производитъ „кое-какъ“ только для міра, для общества; онъ знаетъ, что базаръ все ѣстъ: ѣстъ и говядину, коли есть говядина, ѣстъ и что ни попало, коли нѣтъ мяса. Но за то войдите-ка во дворъ семьянистаго, дѣлового, настоящаго хозяина, взгляните-ка на работу, которую предназначаетъ онъ для себя собственно: тутъ уже на всемъ лежитъ печать прочности и долговѣчности, соединенныя съ разсчетомъ строжайшей, мудрой экономіи; здѣсь каждымъ ударомъ топора управляло уже, повидимому, сознаніе, что требуется сдѣлать дѣло хорошо, а не кое-какъ! У семьянистаго хозяина даромъ корка не пропадаетъ. Бросилъ зерно въ землю—давай самъ-сёмъ; счетомъ взялъ—отдавай съ лихвою; взялъ лычко—отдай ремешокъ; на сколько съѣлъ, на столько сработай. Труды батрака соображаются съ количествомъ поглощаемой имъ каши и числомъ копѣекъ, слѣдующихъ ему въ жалованье, и потому рѣдкій на свѣтѣ хозяинъ остается вполнѣ доволенъ батракомъ своимъ, и рѣдкій ба-

тракъ остается доволенъ своимъ хозяиномъ. Впрочемъ, такія свойства русскаго мужичка издали только бросаются въ глаза и кажутся достойными порицанія; на самомъ дѣлѣ они отличаются отъ свойствъ другихъ людей только формою, которая у простолюдина немного погрубѣе—погрубѣе потому, можетъ-статься, что простодушнѣе...

Но перейдемъ къ Акиму, который сидитъ теперь между Глѣбомъ и старшими его сыновьями и конопатитъ лодку.

Солнце до половины уже обогнуло небо, и работа приближалась къ концу, когда къ работающимъ подошелъ младшій сынишка Глѣба.

Заплаканное лицо его, встрепанные волосы, а рубашонка, прорванная въ двухъ-трехъ мѣстахъ и запачканная грязью, обратили на него тотчасъ же вниманіе присутствующихъ.

— Что ты, Ванюшка? спросили въ одинъ голосъ отецъ и Василій.

— Должно-быть, съ моимъ Гришуткой... вѣстимо, ребятеночки еще: что съ нихъ взять! обязательно предупредилъ Акимъ, догадавшійся съ невваго взгляда, что тутъ, конечно, не обошлось безъ Гришутки.

— Хорошее баловство, нечего сказать! возразилъ Глѣбъ, оглядывая сынишку, далеко, однакожъ, не строгими глазами:—вишь, рубаху-то какъ отдѣлалъ! мать не нашьется, не настирается, а вамъ, пострѣламъ, и нуждушки нѣтъ. И весь-то ты покуда одной заплаты не стоишь... Ну, на этотъ разъ сошло, а побалуй такъ-то еще у меня, и ты, и Гришка, обоимъ не миновать дубовой каши, да и пироговъ съ березовымъ масломъ отвѣдаете... Смотри, помни... Вишь, вечоръ впервые только встрѣтились, а сегодня за потасовку!

— Да я его не трогалъ, сказалъ мальчикъ, утирая рукавомъ слезы, которыя текли по его полнымъ, румянымъ щекамъ.

— Стало, онъ тебя поколотилъ?.. Ну, полно, не плачь: дай намъ придти домой, мы ему шею-то сами намнемъ.

— Онъ меня не колотилъ, поспѣшно сказалъ мальчикъ.

— Какъ же такъ?

Мальчикъ замялся и пробормоталъ несвязно:

— Онъ меня... все... вотъ такъ-то вотъ... все... вотъ... все бьетъ!

— Должно-быть, какъ-нибудь невзначай, поспѣшилъ присовокупить дядя Акимъ.

— Ну, хорошо, возразилъ Глѣбъ:—онъ тебя поколотилъ; ну, а ты что?

— Я ничего, отвѣчалъ простодушно Ваня.

— И сдачи не далъ?

— Нѣтъ.

Глѣбъ и за нимъ всѣ присутствующіе засмѣялись.

— За что же онъ прибилъ тебя? спросилъ отецъ, очевидно съ тою цѣлью, чтобы позабавиться разсказомъ своего любимаго дѣтища.

— А я и самъ не знаю, за что, отвѣчалъ, со вздохомъ, Ваня.—Я на дворѣ игралъ, а онъ стоялъ на крыльцѣ; ну, я ему говорю: „давай—говорю—играть"; а онъ какъ пхнетъ меня: „я-те лукну!" говоритъ: такой серчалый!.. Потомъ онъ опять говоритъ: „ступай—говоритъ—тебя тятька кличетъ". Я поглядѣлъ въ ворота: вижу, ты меня не кличешь, и опять сталъ играть: а онъ опять: „тебя—говоритъ—тятька кличетъ; ступай!" Я не пошелъ... что мнѣ!.. Ну, а онъ тутъ и зачалъ меня бить... Я и пошелъ...

— Такъ, стало, сдачи-то ты и не далъ?

— Нѣтъ.

— Ну, плохой же ты парнюха послѣ эвтаго! смѣясь, сказалъ отецъ:—авось развѣ опосля какъ-нибудь посчитаетесь, а теперь пока онъ надъ тобой потѣшился... Эхъ, ты, мозглякъ, мозглякъ, право мозглякъ!.. ну, что я стану съ тобой дѣлать? Слышь, сдачи не далъ!.. Ну, гдѣ тебѣ быть съ рыбаками! Ступай-ка лучше къ бабамъ... вотъ онѣ... ступай-ка-съ туда... онѣ же кстати тебя и умоютъ! заключилъ старый рыбакъ, подтрунивая надъ сыномъ и указывая ему рукою на отдаленную груду камней, изъ-за которой раздавался дружный стукъ вальковъ и время отъ времени показывались головы Анны и снохи ея.

Мальчикъ стыдливо потупилъ голову и молча поплелся къ матери.

— А должно быть шустеръ твой мальчишка-то, сватъ Акимъ, не тебѣ чета! началъ Глѣбъ, снова принимаясь за работу:—вишь, какъ отдѣлалъ моего парня-то... Да и лукавъ же, видно, даромъ отъ земли не видокъ: „поди—говоритъ—тятька зоветъ!" Смотри, не напроказилъ бы тамъ чего.

— И-и-и, батюшка, куды! я чай, онъ теперь со страху-то забился въ уголокъ, либо въ лукошко, и смигнуть боится. Вѣдь онъ это такъ только... знамо, ребятеночки!.. повздорили за какое слово, да давай таскать... А то и мой смиренъ, куда-те смиренъ! отвѣчалъ

дядя Акимъ, стараясь, особенно въ эту минуту, заслужить одобреніе рыбака за свое усердіе, но со всѣмъ тѣмъ не переставая бросать безпокойные взгляды въ ту сторону, гдѣ находился Гришутка.

Ванюша между тѣмъ, обмытый и обласканный матерью, успѣлъ уже забыть свое горе, и вскорѣ звонкій, веселый голосокъ его смѣшался со стукомъ вальковъ, которому, въ свою очередь, съ другого конца площадки, отвѣчало постукиванье четырехъ молотковъ, приводившихъ къ концу законопачиванье лодки.

Солнце приближалось уже къ полудню.

— Шабашъ, ребята! весело сказалъ Глѣбъ, проводя ладонью по краю лодки!—теперь не грѣхъ намъ отдохнуть и пообѣдать. Нутка-сь, пока я закричу бабамъ, чтобъ обѣдъ собирали, пройдите-ка еще разокъ вонъ тотъ бортъ... ну, живо! дружнѣй! Богъ труды любитъ! заключилъ онъ, поворачиваясь къ женѣ и посылая ее въ избу.—Ну, ребята, что тутъ считаться! подхватилъ рыбакъ, когда его хозяйка, сноха и Ваня пошли къ воротамъ:—давайте-ка, и я вамъ подсоблю... Молодца, сватушка Акимъ! такъ! сажай ее, наклю-то, сажай! Что ее жалѣть!.. еще, еще!

И четыре молотка, какъ бы подстрекаемые веселымъ смѣхомъ стараго рыбака, застучали еще пуще прежняго.

Внезапно съ середины двора раздался пронзительный, отчаянный крикъ. Въ ту же секунду изъ растворенныхъ воротъ выбѣжали Анна, жена Петра и Ваня.

— Пожаръ! пожаръ! горимъ! кричали они, отчаянно размахивая руками.

Молотки выпали изъ рукъ четырехъ работниковъ, пораженныхъ ужасомъ. Глѣбъ быстрѣе юноши поднялся на ноги; онъ былъ блѣденъ какъ полотно.

— Съ нами крестная сила! пробормоталъ онъ, крестясь дрожащею рукой, между тѣмъ какъ сыновья его и Акимъ бѣжали къ избѣ.

Секунду спустя онъ бросился за ними.

На дворѣ происходила страшная суматоха. Жена Петра бѣгала, какъ полоумная, изъ угла въ уголъ, безъ всякой видимой цѣли; старуха Анна лежала распростертая посередь двора и заломивъ руки на голову, рыдала, приговаривая:

— О-охъ, вы, мои батюшки!.. остались-то мы, горькіе... безъ крова, безъ пристанища... и куда-то мы, сиротинушки, куда приклонимъ головы!...

Нигдѣ, однакожъ, не было замѣтно признака пожара.

— Гдѣ горитъ? закричалъ Петръ, вбѣжавшій прежде всѣхъ на дворъ.

Петръ, казалось, выросъ на цѣлый аршинъ; куда дѣвался сонливый, недовольный видъ его! черные глаза сверкали; каждая черта дышала суровою энергіею.

— Гдѣ горитъ? повторилъ онъ грознымъ жестомъ.

— Въ избѣ!

— Въ избѣ, въ избѣ! подхватилъ Ваня.

— Батюшка! крикнулъ Петръ, обращаясь къ отцу, который вбѣгалъ въ эту минуту на дворъ, блѣдный и смущенный:—ступай къ завалинкѣ и вышибай окна; я съ братомъ въ избу!

Сказавъ это онъ бросился на крылечко и исчезъ въ дымѣ, который повалилъ клубами изъ сѣничекъ, какъ только отворилась дверь.

Благодаря поспѣшно выбитымъ окнамъ и отворенной двери, дымъ очистился и позволилъ Петру осмотрѣться вокругъ. Пламени нигдѣ не было видно. Посреди сѣраго, ѣдкаго смрада, наполнявшаго избу, Петръ явственно различилъ густую, бѣловатую струю дыма, выходившую изъ-подъ лавки, прислоненной къ окнамъ. Онъ бросился къ тому мѣсту, нащупалъ руками лукошко съ тлѣющими щепками и паклею, вытащилъ его на полъ и затопталъ ногами. Въ избѣ сдѣлалось тотчасъ же свѣтлѣе. Осмотрѣвъ затѣмъ мѣсто и убѣдившись, что не предстояло уже никакой опасности, Петръ спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся на дворъ.

— Полно, матушка, сказалъ онъ, обратившись къ старухѣ:— никакого нѣтъ пожара; полно тебѣ выть! сама посмотри.

— Батюшки! Царица небесная! воскликнула старушка, падая на колѣни, и боязливо, все еще какъ бы глазамъ не вѣря, принялась озираться во всѣ стороны.

— Ступай, сама посмотри, повторилъ Петръ.

Затѣмъ онъ указалъ ей на крыльцо, мигнулъ женѣ и вышелъ къ отцу, который стоялъ какъ вкопанный подлѣ дяди Акима.

— Ничего, батюшка, вымолвилъ Петръ:—сошло; а только... только насъ подожгли, заключилъ онъ мрачно, насупивъ брови.

Онъ разсказалъ ему обстоятельно причину чуть было не случившагося несчастія.

— Гдѣ Гришка? вскричалъ Глѣбъ, какъ бы озаренный вне-

занною мыслью.—Гдѣ Гришка? повторилъ онъ, неожиданно обратившись къ дядѣ Акиму и грозно подымая кулаки.

Акимъ раскрылъ ротъ, хотѣлъ что-то сказать, затрясся всѣмъ тѣломъ и безсмысленно развелъ руками.

Петръ и Василій бросились отыскивать мальчика.

Минутъ десять спустя, оба вернулись къ отцу.

Гришки нигдѣ не было.

— Такъ и есть: онъ! сказалъ рыбакъ.

— Батюшка! отчаянно вскрикнулъ дядя Акимъ и повалился въ ноги.

— Ну, вотъ еще будешь намъ разсказывать! Онъ, вѣстимо, онъ! ахъ, онъ... Ребята, давай мнѣ его сюда, давай сюда!.. ступай, догоняй; всего одна дорога; да живо... испуганъ звѣрь, далеко бѣжитъ... Ну!

Дядя Акимъ быстро вскочилъ на ноги и кинулся уже впередъ; но рыбакъ удержалъ его, сказавъ:

— Куда тебѣ! стой здѣсь: вѣдь Васька попрытчѣе твоего сбѣгаетъ.

Какъ ни ошеломленъ былъ Глѣбъ, хотя страхъ его прошелъ вмѣстѣ съ опасностью, онъ тотчасъ же смекнулъ, что Акимъ, запуганный случившимся, легко могъ улизнуть вмѣстѣ съ мальчикомъ; а это, какъ извѣстно, не входило въ составъ его соображеній: мальчику можно задать таску и разъ на всегда отучить его баловать,—выпускать его изъ рукъ все-таки не слѣдъ. Простой народъ, не только русскій, но вообще всѣ возможные народы, вѣроятно по недостаточному развитію нравственнаго чувства и совершенному отсутствію нравственнаго мнѣнія, снисходительно смотрятъ на проступки ближняго, къ какому бы роду ни принадлежали эти проступки. Послѣ перваго взрыва, отношенія Глѣба къ Акиму и его мальчику ни на волосъ не измѣнились; мужики что дѣти: страхъ, ненависть, примиреніе дружба,—все это переходитъ необыкновенно быстро и непосредственно слѣдуетъ одно за другимъ. „Парнишка балуется,—чуть было не набѣдовалъ! надо прожустерить парнишку“—вотъ все, о чемъ помышлялъ рыбакъ.

Василій побуждаемый частію любопытствомъ, частію перспективой зрѣлища, которое, по всей вѣроятности, доставитъ наказаніе Гришки,—перспективой, доставляющей всегда большое удовольствіе всякому простолюдину, даже самому мягкосердечному, полетѣлъ безъ оглядки за бѣглецомъ.

Дядя Акимъ опустился на заваленку, закрылъ лицо руками и безнадежно качалъ головою. Онъ и самъ уже не радъ былъ (куды какая радость!), что прилелся въ домъ рыбака. Въ эту минуту онъ ни мало не сокрушался о поступкѣ сына: горе все въ томъ, что вотъ сейчасъ, того и смотри, поймаютъ парнишку, приведутъ и накажутъ. Дядя Акимъ, выбившійся изъ силъ, готовый, какъ самъ онъ говорилъ, уходить себя въ гробъ, чтобъ только Глѣбъ Савинычъ далъ ему хлѣбъ и пристанище, а мальчику ремесло, — радъ былъ теперь отказаться отъ всего, съ тѣмъ только, чтобъ не трогали Гришутку; еслибъ у Акима достало смѣлости, онъ вѣрно утекъ бы за мальчикомъ. При малѣйшемъ звукѣ, онъ подымалъ голову, и слезливые глазки его съ безпокойствомъ устремлялись на тропинку, изгибавшуюся къ вершинѣ ската. Впрочемъ, не онъ одинъ убивался. Тетка Анна и сынъ ея Ванюша принимали также немалое участіе въ судьбѣ, ожидавшей Гришку. Старушка, у которой уже совсѣмъ прошелъ страхъ и отлегло сердце, поминутно отрывалась отъ дѣла и выбѣгала за ворота. Ваня, прижавшись за плетнемъ, дрожа отъ страха и едва сдерживая слезы, не отрывалъ глазъ отъ тропинки.

Наконецъ, на вершинѣ ската, показались двѣ точки; немного погодя, можно уже было явственно различить Василія, который съ усиліемъ тащилъ Гришку. Въ то же время на дворѣ раздался грубый голосъ Петра:

— Поймали, батюшка; ведутъ!

Глѣбъ, сопровождаемый всѣмъ своимъ семействомъ, кромѣ Ванюши, вышелъ къ заваленкѣ.

Въ чертахъ рыбака не отражалось ни смущенія, ни суровости. Чувство радости быстро смѣняетъ отчаяніе, когда минуетъ горе, и тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ оно душою и сердцемъ, чѣмъ сильнѣе была опасность. Глѣбъ Савиновъ былъ даже веселѣе обыкновеннаго.

Онъ съ усмѣшкою посмотрѣлъ на Акима, повернулся къ горѣ и, приложивъ ладони къ губамъ, въ видѣ трубы, закричалъ:

— Тащи его сюда, Васютка, тащи скорѣй! такъ, такъ! держи крѣпче!.. Ну, ужъ погоди, братъ, я-жъ те дамъ баню! заключилъ онъ, выразительно изгибая густыя свои брови.

— Батюшка, Глѣбъ Савинычъ, помилуй! сказалъ Акимъ растерянным голосомъ.

— Помиловать? Ну, нѣтъ, сватъ; жди, пока ракъ свистнетъ!.. Миловать не приходится. Я потачки не дамъ... Отжустерить-таки

надо на порядкахъ. Зналъ бы покрайности, что баловать не дѣло дѣлать!

— Отецъ родной... не бей его... не бей, кормилецъ!.. ты только постращай только... онъ и съ эвтаго перестанетъ...

— Полно, батюшка. Ну, что ты, въ самомъ-то дѣлѣ! Онъ и такъ бояться станетъ, сказала, въ свою очередь, Анна.

— И ты туда же! Ну, видно, и въ твоей головѣ толкъ есть! отозвался Глѣбъ.

— Нѣтъ, матушка, не дѣло говоришь, перебилъ Петръ, лицо котораго, какъ только миновала опасность, сдѣлалось по прежнему мрачнымъ и недовольнымъ:—этакъ, пожалуй, нивѣсть что въ башку заберетъ! Пущай его страха отвѣдаетъ. Небось, не убьютъ.

Въ эту минуту изъ-за угла избы показался Василій, тащившій Гришку.

На мальчикѣ лица не было. Открытая грудь его тяжело дышала; ноги подламывались; его черные, дико блуждавшіе глаза, всклоченные волосы, плотно стиснутые зубы, придавали ему что-то злобное, неукротимо-свирѣпое. Онъ былъ похожъ на дикую кошку, которую только-что поймали и посадили въ клѣтку.

— Ага, мошенникъ, попался! Давай-ка его сюда! закричалъ Глѣбъ, у котораго, при видѣ мальчика, невольно почему-то затряслись губы:—пойдемъ-ка, я тебя проучу, какъ щепы подкладывать, да дома поджигать... Врешь, не увернешься... Ребята, подсобите стащить его къ заднимъ воротамъ, заключилъ онъ, хватая мальчика за шиворотъ и приподымая его на воздухъ.

— Батюшка, помилуй! отчаянно закричалъ дядя Акимъ, удерживая рыбака.

— Взмилуйся, Глѣбъ Савинычъ! завопила Анна.

— Тятька! закричалъ неожиданно Ваня, вырываясь изъ своей засады, бросаясь къ отцу и повиснувъ на рукѣ его:—тятька, оставь его!.. Пусти! пусти!.. продолжалъ онъ, обливаясь слезами и стараясь оторвать Гришку.

— Прочь! сурово сказалъ отецъ:—прочь!

И, оттолкнувъ отъ себя жену и сына, вышелъ къ огороду.

Анна, дядя Акимъ и Ванюша бросились къ воротамъ; но ихъ снаружи придерживали Петръ и Василій.

— Батюшка, Глѣбъ Савинычъ, побойся Бога! кричала старушка.

— Батюшка, взмилуйся! кричалъ Акимъ, упавъ на колѣни.

— Тятька! тятька! голосилъ Ваня.

Но всѣ эти крики покрылись скоро голосомъ Глѣба и жалобными визгами Гришки.

Наконецъ ворота отворились, и Глѣбъ показался съ сыновьями.

— Полно вамъ, глупые! о чемъ орете? добру учатъ! сказалъ онъ, проводя ладонью по высокому лбу, который снова началъ проясниваться: — небось, не умретъ, будетъ только поумнѣе. Кабы на горохъ не морозъ, онъ бы черезъ тынъ переросъ!.. Ну, будетъ вамъ; пойдемте обѣдать.

Дядя Акимъ хотѣлъ было юркнуть за ворота, но, встрѣтивъ взглядъ рыбака, не посмѣлъ и поплелся за всѣми въ избу.

Во все время обѣда Акимъ не промолвилъ слова, хотя сидѣлъ такъ же неспокойно, какъ будто его самого высѣкли. Какъ только окончилась трапеза, онъ улучилъ свободную минуту и побѣжалъ къ огороду. Увидѣвъ Гришку, который стоялъ прислонившись къ углу, старикъ боязливо оглянулся на стороны и подбѣжалъ къ нему, отчаянно замотавъ головою.

— Безмятежный ты этакой! что ты надѣлалъ! ахъ ты, разбойникъ такой!.. мало тебѣ, окаянному! мало! жалобно заговорилъ Акимъ, грозно подымая лѣвую руку, между тѣмъ какъ правая рука его спѣшила вытащить изъ-за пазухи кусокъ лепешки, захваченный украдкою во время обѣда.

Но тетка Анна успѣла уже предупредить Акима: въ рукахъ мальчика находилась цѣлая лепешка и въ добавокъ еще горбушка пирога.

Это обстоятельство мгновенно какъ ножомъ отрѣзало безпокойство старика. Всю остальную часть дня работалъ онъ такъ же усердно, какъ утромъ и наканунѣ. О случившемся не было и помину. Выходка Гришки, какъ уже сказано, нимало не измѣнила намѣреній стараго рыбака; и хотя онъ ни словомъ, ни взглядомъ не обнадеживалъ Акима, тѣмъ не менѣе, однакожъ, продолжалъ оставлять его каждое утро у себя въ домѣ.

Недѣли полторы спустя послѣ Благовѣщенія, Петръ отправился въ „рыбацкія слободы“. Всѣ сомнѣнія исчезли при этомъ въ душѣ Акима, который, съ той же минуты, поздравилъ себя батракомъ рыбака Глѣба Савинова.

Къ сожалѣнію, недолго попользовался дядя Акимъ новымъ своимъ положеніемъ.

VII.

Мастакъ-работникъ.

Одного мѣсяца не прошло съ тѣхъ поръ, какъ дядя Акимъ поселился у Глѣба, и уже надъ кровлей рыбака воздвиглась скворечница. Мы будемъ говорить безпристрастно и тутъ же скажемъ, что скворечница дяди Акима должна была, по настоящему, служить образцомъ всѣмъ возможнымъ постройкамъ такого рода. Шутки въ сторону: скворечница была дѣйствительно замѣчательна; ея островерхая крышечка, круглое окошечко, крылечко и даже пучокъ прутьевъ, живописно прикрѣпленный съ боку, невольно привлекали взгляды, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ въ строителѣ величайшаго знатока и мастера своего дѣла. Конечно, обошлось не безъ хлопотъ; потребовались даже два воскресенья. Первый день проведенъ былъ на дворѣ и весь ушелъ на распилку и сколачиванье дощечекъ; второй день исключительно проведенъ былъ Акимомъ на крышѣ. Принявъ въ соображеніе усердіе Акима, можно было подумать, что онъ сохранялъ въ душѣ своей непремѣнную увѣренность превратиться на дняхъ въ скворца и снаряжалъ скворечницу для себя собственно. Трудъ Акима, какъ и слѣдовало ожидать, не возбуждалъ большого сочувствія; появленіе скворечницы встрѣчено было грубыми насмѣшками. Глѣбъ и сынъ его Василій не переставали трунить надъ Акимомъ. Но таковъ уже удѣлъ всѣхъ великихъ произведеній при ихъ зародышѣ! Судите сами, если Глѣбъ и его сынъ были правы.

Наступило именно то время весны, когда съ теплыхъ странъ возвращались птицы; жаворонки неподвижно уже стояли въ небѣ и звонко заливались надъ проталинками; ласточки и бѣлые рыболовы, или „мартышки“, какъ ихъ преимущественно называютъ на Окѣ, сновали взадъ и впередъ надъ рѣкою, которая только-что вступила въ берега свои послѣ недѣльнаго розлива; скворцы летали цѣлыми тучами; грачи также показались. Можно ли было послѣ этого обойтись безъ скворечницы? Къ тому же, дядя Акимъ ясно, кажется, объяснилъ Глѣбу и Василью, что трудился надъ скворечницей единственно съ тѣмъ, чтобы потѣшить ребятишекъ; но ему какъ словно не давали вѣры и все-таки продолжали потѣшаться. Къ счастію еще дядя Акимъ не обращалъ (такъ казалось, по крайней мѣрѣ) большого вниманія на такія насмѣшки: гордый сознаніемъ

своихъ силъ, онъ продолжалъ трудиться на поприщѣ пользы и съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе обозначалъ свое присутствіе въ домѣ рыбака. Вскорѣ весь домъ и вся окрестность наполнились звукомъ тѣхъ дудочекъ, которыя такъ искусно умѣлъ онъ дѣлать. Пискъ и трескотня немолчно зазвучали въ ушахъ Глѣба Савинова. Куда бы еще ни шло, еслибъ потѣшались только Гришка и Ванюшка: легко было отбить у нихъ охоту къ музыкѣ; къ тому же и сами они умолкали, завидя еще издали стараго рыбака. Но горе въ томъ, что дѣти Петра были точно такъ же снабжены дудками, и Глѣбъ, не имѣя духу отнять у малолѣтнихъ потѣху, поневолѣ долженъ былъ выслушивать несносный визгъ, наполнявшій избу. Глѣбъ не обнаружилъ, однакожъ, своего неудовольствія Акиму: все ограничилось, по обыкновенію, двумя-тремя прибаутками и смѣхомъ; то же самое было въ отношеніи къ другимъ, болѣе или менѣе полезнымъ выдумкамъ работника. Съ нѣкоторыхъ поръ, въ одеждѣ дяди Акима стали показываться замѣтныя улучшенія: на шапкѣ его, незаслуживавшей, впрочемъ, такого имени, потому что ее составляли двѣ-три заплаты, живьемъ прихваченныя бѣлыми нитками, появился вдругъ верхъ изъ синяго сукна; у Гришки оказалась новая рубашка и, что всего страннѣе, у рубашки были ластовицы, очевидно выкроенныя изъ набивного ситца, купленнаго годъ тому назадъ Глѣбомъ на фартукъ женѣ; кромѣ того, онъ не разъ заставалъ мальчика съ кускомъ лепешки въ рукахъ, тогда какъ въ этотъ день въ домѣ о лепешкахъ и помину не было. Встрѣчаясь съ женою, старый рыбакъ посмѣивался только въ бороду; въ остальномъ онъ и виду не показывалъ. Тайна такого снисхожденія заключалась въ томъ, что рыбакъ убѣждался съ каждымъ днемъ, какъ хорошо сдѣлалъ, взявъ къ себѣ пріемыша. Мальчикъ былъ, правда, озорливъ, но обнаруживалъ необыкновенную смѣтливость, силу и проворство, обѣщавшія современемъ дюжаго, ловкаго къ работѣ парня. Чтожъ касается до Акима, Глѣбъ Савинычъ и прежде еще не видѣлъ въ немъ проку; время показало, что дядя Акимъ былъ годенъ только дѣлать однѣ скворечницы. Странно какъ-то выходило всегда, что труды его ровно ни къ чему не служили. Иной разъ цѣлый день хлопочетъ подлѣ какого-нибудь дѣла, суетится до того, что потъ валитъ съ него градомъ, а какъ придетъ домой, такъ и скосится и грохнетъ на лавку, ногъ подъ собой не слышитъ; но сколько Глѣбъ или сынъ его Василій ни умудрялись, сколько ни старались

высмотрѣть, надъ чѣмъ бы могъ такъ упорно трудиться работникъ, дѣла все-таки никакого не находили.

— Эхъ ты, сватьюшка Акимъ, сватьюшка Акимъ, высоко поднялъ, братъ, да опустилъ низко; возжи-то въ рукахъ у тебя, — въ рукахъ возжи, да жаль, возъ-то подъ горою!.. Эхъ, пустой выходишь ты человѣкъ, братецъ ты мой! скажетъ Глѣбъ Савиновъ, махнетъ рукой да и отойдетъ прочь.

Со всѣмъ тѣмъ Акимъ продолжалъ такъ же усердно трудиться, какъ въ первые дни пребыванія своего въ домѣ рыбака: прозвище „пустого человѣка", очевидно, было ему не понутру.

Не знаю, прискучило ли наконецъ дядѣ Акиму слушать каждый день одно и то же; или ужъ такъ, духомъ упалъ онъ, что ли, но только, мало-по-малу, стали замѣчать въ немъ меньше усердія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и нравъ его какъ-то измѣнялся. Бывало, шутливый такой, грохочетъ съ утра до вечера, съ ребятишками возится, или выйдетъ за ворота скворцомъ позабавиться: „Эхъ, самецъ-то у меня хорошъ — скажетъ — вотъ развѣ самка бы не опростоволосилась: не сидитъ, шутъ ее знаетъ, на яйцахъ! нѣтъ, не дождаться, знать, птенцовъ! такъ, знать, ни во что пошли труды наши!" и частенько выкинетъ при этомъ такое колѣнцо, что всѣ держатся только за бока и чуть не мрутъ со смѣху. Ну, а теперь совсѣмъ не то: ходитъ — на бокъ голову клонитъ, какъ словно кто обидѣлъ его, или замыселъ какой на душѣ имѣетъ; слова не вызовешь: все опостыло ему, — опостыла даже и самая скворечница. Не смотря на то, что сбылись задушевныя мечты его — самка не только не опростоволосилась, но вывела даже множество птенцовъ, которые поминутно высовывали изъ окошечка желтые носочки — дядя Акимъ не думалъ радоваться.

— Что ты, мой батюшка? спрашивала иногда тетка Анна, единственное существо изъ всего семейства рыбака, съ которымъ дядя Акимъ сохранялъ прежнія отношенія: — что не веселъ ходишь? ужъ не хвороба ли какая, помилуй Богъ? Недужится може статься... скажи, родимый!

— Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ обыкновенно Акимъ глубоко огорченнымъ тономъ: — Господь терпитъ пока грѣхамъ — силы не отымаетъ. Однимъ развѣ наказалъ меня, грѣшнаго...

— Да чѣмъ же, батюшка?

— А вотъ чѣмъ, матушка, отвѣчалъ Акимъ съ горькою усмѣшкой и всегда вздыхалъ при этомъ: — вотъ чѣмъ: старость наслалъ, матушка. Оно не то, чтобъ добре старъ сталъ: какіе еще мои года!

да такъ ужъ, видно, для людей состарѣлся. И дѣлаешь, кажись, не хуже другого, а все не угодишь, все по ихнему какъ бы не такъ выходитъ! То не такъ, это не такъ: не въ угоду, стало, пришелъ. И добро бы, матушка, старые люди такъ-то охуждали: ну, все бы какъ слевно не такъ обидно! а вѣдь иной вотъ живетъ безъ году недѣлю, молоко на губахъ не обсохло, а туда же лѣзетъ тебѣ въ бороду... Вотъ, примѣрно, теперь хошь бы твой Васька .. Ну что я ему дался за скоморохъ за такой? чего онъ привязался?... Нѣтъ, матушка, такъ видно, завелось нонѣ на свѣтѣ: дожилъ до старости, нѣтъ тебѣ ни въ чемъ уваженья, никуда ты негоденъ!.. Я и тогда говорилъ: намъ, старикамъ, житья нонѣ отъ молодыхъ не стало... Добре много развелось ихъ, матушка,—вотъ что!

Въ послѣднее время дядя Акимъ особенно какъ-то не благоволилъ къ Василью. Нерасположеніе это, начавшееся съ того самаго утра, когда парень догналъ и притащилъ Гришку, дѣлалось съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе. Василій подстрекаемый примѣромъ отца, подтрунилъ разочка два надъ Акимомъ. Тѣмъ бы, можетъ статься, дѣло и покончилось, еслибъ Акимъ не показалъ виду; но Акимъ, таившій всегда недоброжелательство къ молодому парню, не выдержалъ: онъ обнаружилъ вдругъ такой азартъ, что всѣ, кто только ни находились при этомъ, даже Ванюша и его собственный Гришутка,—всѣ покатились со смѣху. Это, какъ водится всегда въ подобныхъ случаяхъ, пуще еще раззадорило молодого парня. Сначала дядя Акимъ огрызался; наконецъ стало не подъ силу: онъ замолкъ и уже съ этой минуты сталъ отворачиваться всякій разъ, какъ встрѣчался съ Васильемъ.

Все шло, однакожъ, хорошо до тѣхъ поръ, пока Акимъ продолжалъ мало-мальски трудиться. Глѣбъ молчалъ. Увѣрившись разъ навсегда, что отъ свата нельзя было многаго требовать, онъ наблюдалъ только, чтобы сватъ не ѣлъ даромъ хлѣба. Такъ прошло два мѣсяца... Не знаю, можетъ-статься, Акиму показалось наконецъ обиднымъ невниманіе Глѣба, или попросту, прискучило долго жить на одномъ мѣстѣ, или же, наконецъ, такъ ужъ совсѣмъ упалъ духомъ, но только къ концу этого срока сталъ онъ обнаруживать еще меньше усердія. Наступилъ ли праздникъ, онъ уходитъ ни-свѣтъ-ни-заря изъ дому и цѣлый день на глаза не показывается. Нѣсколько разъ случалось даже пропадать ему дёнъ на пятокъ и подолѣе. Никто не зналъ, куда онъ ходитъ и за какою надобностью. Если спрашивали его объ этомъ, онъ отвѣчалъ обыкновенно, съ

явнымъ неудовольствіемъ, что есть у него свои дѣла, что идетъ получать какіе-то должишки, или провѣдать идетъ такого-то, или же, наконецъ, что тотъ-то строго наказывалъ ему безпремѣнно навѣстить жену и дѣтей, и проч. и проч. Зная Акима, никто не сомнѣвался, что всѣ эти объясненія сущія выдумки. Возвращался онъ обыкновенно въ домъ рыбака измученный, усталый, съ загрязненными лаптишками и разбитой поясницей, — ложился тотчасъ же на печку, стоналъ, охалъ и такъ крѣпко жаловался на ломоту въ спинѣ, какъ будто въ томъ мѣстѣ, куда ходилъ получать должишки, ему должны были нѣсколько палокъ и поквитались съ нимъ, высчитавъ даже проценты. Такія продѣлки повторялись чаще и чаще; вмѣстѣ съ ними усиливался ломъ въ поясницѣ, сопровождавшійся всегда долгимъ возлежаніемъ на печкѣ.

— Послушай-ка, сватъ, сказалъ Глѣбъ, потерявшій наконецъ терпѣніе:—что жъ ты это, въ самомъ дѣлѣ, а? Помнится, ты не то сулилъ, когда въ домъ ко мнѣ просился. Гдѣ жъ твои зароки?.. Лежебоковъ и безъ тебя много; кабы всѣхъ ихъ да къ себѣ въ домъ пущать, скоро и самому придется идти по міру... Ты думаешь, далъ Господь человѣку ротъ да брюхо, дастъ и хлѣбъ. Нѣтъ, братецъ ты мой любезный, жирно будетъ! На это я тебѣ скажу вотъ еще какое слово: когда хочешь жить у меня, работай — дома живу какъ хочу, а въ людяхъ какъ велятъ — а коли нелюбо, убирайся отселева подобру-поздорову... вотъ что!

Акимъ ничего не отвѣчалъ; онъ тотчасъ же сѣлъ за дѣло, но весь этотъ день былъ сумраченъ и ни съ кѣмъ слова не промолвилъ.

Вечеромъ, послѣ ужина, онъ встрѣтился съ Анной, въ томъ самомъ проулкѣ, гдѣ нѣкогда высѣкли Гришку.

Выждавъ минуту, когда хозяйка подойдетъ къ нему (видно было по всему, что дядя Акимъ никакъ не хотѣлъ сдѣлать перваго приступа), онъ тоскливо качнулъ головой и сказалъ голосомъ, въ которомъ проглядывало явное намѣреніе разжалобить старуху:

— Прощай, матушка, Анна Савельевна!

— Что ты, мой батюшка? куда ты? Христосъ съ тобою! воскликнула удивленная старуха.

— Да что, матушка, пришло, знать, время, пора убираться отселева, уныло отвѣчалъ Акимъ:—самъ нонѣ сказалъ: убирайся, говоритъ, прочь отселева! Ненадыть, говоритъ, тебя, стараго дурака: даромъ, говоритъ, хлѣбъ ѣшь!.. Ну, матушка, Богъ съ нимъ! Свѣтъ

не безъ добрыхъ людей... Пойду: авось-либо въ другомъ мѣстѣ гнушаться не станутъ, авось пригожусь, спасибо скажутъ.

— Полно, Акимушка, полно, кататикъ! брось это! заговорила старуха, которая хотя и знала, что родственникъ ея напрасно жаловался на мужа и дѣйствительно въ послѣднее время ѣлъ даромъ хлѣбъ, но совсѣмъ тѣмъ искренно жалѣла о немъ и всячески старалась удержать его: —брось это, говорю; тебѣ это, родной, такъ только въ голову вкинулось; полно! Въ чужихъ людяхъ хуже еще горя наприниматься: тамъ тебѣ даромъ и рубашонки-то никто не вымоетъ. По крайности хошь я здѣсь: малость, малость, а все пригляжу... вѣстимо, свой человѣкъ, не чужакъ какой.

— Спасибо тебѣ, матушка, на ласковомъ твоемъ словѣ, перебилъ Акимъ.—Я о тебѣ не говорю: вѣкъ буду помнить добро твое. А только, воля твоя, мнѣ здѣсь жить не приходится; такъ ужъ, видно, такая судьба моя!.. Самъ сказалъ: ступай, говоритъ... И самъ вижу, лишній я у васъ... то не такъ, это не такъ—ну, и не надыть! Что жъ, матушка, взаправду, въ худого коня кормъ тратить!.. На всѣхъ не угодишь, матушка Анна Савельевна! Брань, да попрекъ, да глумленіе всяческое,—только я здѣсь у васъ и слышалъ; спасиба не сказали! А за что? худыхъ какихъ дѣловъ за мной не было; супротивнаго слова никто не слышалъ; не воръ я, не пьяница я, не ахаверникъ какой: за что жъ такая напраслина? Трудился я не хуже ихняго: что велятъ, сдѣлаю; куды пошлютъ, иду; иной разъ ночь не спишь, все думается, какъ бы вотъ въ томъ, либо въ другомъ угодить... Богъ видитъ мою работу. Я ли не старался, я ли отнѣкивался отъ работы? ну, да не угодилъ, матушка, нѣтъ... такая ужъ, видно, судьба моя!... Пойду, погляжу, авось-либо въ другомъ мѣстѣ пригожусь. А здѣсь, матушка, самъ вижу, я здѣсь лишній у васъ. Вѣдь самъ понѣ сказалъ: ступай, говоритъ, тебя мнѣ не надыть!

Тетка Анна принялась снова увѣщевать его; но дядя Акимъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи: онъ напрямикъ объявилъ, что ни за что не останется больше въ домѣ рыбака, и если поживетъ еще, можетъ-статься, нѣсколько дней, такъ для того лишь, чтобъ пріискать себѣ новое мѣсто.

Случай не замедлилъ представиться.

Около этого времени, одно изъ самыхъ небольшихъ озеръ на луговой сторонѣ Оки было снято какимъ-то вольнымъ рыбакомъ, переселившимся изъ другого уѣзда. Благодаря близкому со-

сѣдству, Глѣбъ и новый рыбакъ свели знакомство. Озеро находилось всего въ двухъ верстахъ отъ площадки, занимаемой Глѣбомъ: стоило только переѣхать Оку, пройти четверть версты песками, усѣянными кустами ивняка, и еще три четверти версты лугами. Новый сосѣдъ имѣлъ мало общаго съ Глѣбомъ Савинычемъ. Кондратій (такъ звали озерскаго рыбака) былъ уже человѣкъ преклонный, самаго тихаго, кроткаго нрава; въ одномъ развѣ могли они сойтись: оба были одинаково трудолюбивы и опытны въ своемъ ремеслѣ. Кондратій съ перваго же разу полюбился Глѣбу, его женѣ и всему семейству. Особенно полюбилъ его дядя Акимъ. Онъ тутъ же рѣшилъ, что лучшаго хозяина не сыскать ему, и ни мало не сомнѣвался, что самъ Господь нарочно послалъ Кондратія ему на выручку. Къ сожалѣнію, дядя Акимъ не могъ осуществить своихъ намѣреній такъ скоро, какъ бы ему хотѣлось. Изъ разговоровъ Кондратія оказалось, что онъ занимается покуда еще стройкой, рыбную ловлю начнетъ съ осени и до того времени не будетъ, слѣдовательно, нуждаться въ работникѣ. Дѣлать нечего, надо было потерпѣть. Хорошо еще, что терпѣть приводилось недолго: осень была уже на носу, чему яснымъ доказательствомъ служили длинныя, бѣлыя волокнистыя нитки тенетника, носившіяся въ воздухѣ, а также и дикіе гуси, вереницами перелетавшіе каждый день Оку. Близость цѣли подкрѣпляла Акима. Ни мало не сомнѣваясь, что при малѣйшей оплошности съ его стороны, Глѣбъ Савинычъ вытуритъ его въ-шеи изъ дому и тѣмъ самымъ, можетъ-статься, легко даже повредитъ ему во мнѣніи новаго хозяина, онъ снова принялся за работу. Надо сознаться, однакожъ, что усердіе Акима возбуждалось не столько послѣднимъ этимъ соображеніемъ, сколько страхомъ, который наводилъ на него, особенно въ послѣднее время, Глѣбъ Савинычъ. Дядя Акимъ харахорился только въ присутствіи Гришутки, Ванюши да еще тетушки Анны,—ей одной передавалъ свои замыслы; въ присутствіи же стараго рыбака онъ сохранялъ постоянно свой жалкенькій, сиротскій видъ; одинъ взглядъ Глѣба обдавалъ его пòтомъ. По поводу этого страха, положеніе дяди Акима дѣлалось день ото дня затруднительнѣе. Наступила наконецъ осень; уже полились дожди, уже первый снѣгъ выпалъ, а между тѣмъ дядя Акимъ все еще не могъ придумать средства, какъ бы половчѣе высвободиться изъ когтей Глѣба Савиныча. Такъ, попросту, сказать, ему: „не хочу, молъ, у тебя оставаться!“ духу не хватаетъ: осерчаетъ добре, даромъ самъ гналъ отъ себя. Убѣжать? Глѣбъ Сави-

нычъ не токмо за двѣ версты, и на днѣ окіана-моря сыщетъ. Завалиться безъ просыпу на печку и дожидаться, пока не вытурятъ тебя въ-шеи изъ дому, какъ словно и того страшнѣе... Какъ тутъ быть? Небольно, кажись, мудрое дѣло, анъ—лихъ его!—не дается.

Но недолго помучился такъ-то дядюшка Акимъ: судьба сжалилась, видно, надъ нимъ и сама взялась распутать за него всѣ затрудненія.

Вотъ какъ это случилось.

Былъ одинъ изъ тѣхъ ненастныхъ, студеныхъ дней, какіе часто встрѣчаются къ концу осени,—одинъ изъ тѣхъ дней, когда самый опытный пахарь не скажетъ, зима ли наступила наконецъ, или все еще продолжается осень. Снѣгъ валилъ густыми, липкими хлопьями; гонимые порывистымъ влажнымъ вѣтромъ, они падали на землю, превращаясь мѣстами въ лужи, мѣстами подымаясь мокрыми сугробами; клочки сѣрыхъ, тяжелыхъ тучъ быстро бѣжали по небу, обливая окрестность сумрачнымъ свѣтомъ; печально смотрѣли обнаженные кусты; гдѣ-гдѣ дрожалъ одинокій листокъ, свернувшійся въ трубочку; еще печальнѣе вилась снѣжная дорога, пересѣченная кое-гдѣ широкими пятнами почернѣвшей вязкой почвы; тамъ синѣла холодною полосою Ока, дальше все застилалось снѣжными хлопьями, которые волновались какъ складки савана, готоваго упасть и окутать землю... Въ такой-то именно день Глѣбу встрѣтилась крайняя надобность повидаться съ дѣдушкой Кондратіемъ: требовалось получить съ сосѣда деньжонки за солому, взятую имъ на покрышку кровли. Срокъ платежа вышелъ уже недѣлю тому назадъ, и хотя Глѣбъ ни мало не сомнѣвался въ честности озерскаго рыбака, но считалъ, что все же надежнѣе, когда деньга̀ въ карманѣ; недолго гадая и думая, послалъ онъ туда дядю Акима. Онъ и самъ бы сходилъ—погода ни въ какомъ случаѣ не могла быть ему помѣхой — но пожалѣлъ времени; безъ всякаго сомнѣнія, плохой его работникъ не могъ провести день съ тою пользою для дома, какъ самъ хозяинъ. Впрочемъ, дядя Акимъ самъ охотно вызвался сходить къ Кондратію.

Акимъ поспѣшно нахлобучилъ шапку, прикутался въ сермягу и вскорѣ исчезъ за снѣгомъ.

Никто не ждалъ отъ него скораго возвращенія: всѣ знали очень хорошо, что дядя Акимъ воспользуется случаемъ полежать на печи у сосѣда, и пролежитъ тѣмъ долѣе и охотнѣе, что дорога больно

худа и вѣтеръ пуще студенъ. Никто не помышлялъ о немъ вплоть до сумерекъ; но вотъ уже и ночь давно наступила, а дядя Акимъ все еще не возвращался. Погода между тѣмъ становилась хуже и хуже; снѣгъ, превратившійся въ дождь, ручьями лилъ съ кровель и яростно хлесталъ въ окна избы; вѣтеръ дико завывалъ вокругъ дома, потрясая навѣсы и раскачивая ворота.

— Что же онъ нейдетъ въ самомъ-то дѣлѣ? ужь, помилуй Богъ, не прилучилось ли чего? проговорила Анна, заботливо поправляя лучину.

— Эхъ ты, матушка ты моя, подсмѣиваясь, прибавилъ Глѣбъ, строгавшій у порога новое весло:—вѣстимо прилучилось: я чай, корчится сердечный,—зазябъ совсѣмъ, зубъ съ зубомъ не сведетъ... лежа на печи у сосѣда.

Василій, дѣтки и жена Петра громко захохотали.

Въ отвѣтъ на это, за дверью сѣней послышалось неожиданно глухое стенаніе.

Глѣбъ стукнулъ кулакомъ въ дверь и отворилъ ее настежъ.

— Кто тамъ?

— Я... я... о-о! отозвался дрожащій, едва внятный голосъ, по которому всѣ присутствующіе тотчасъ же узнали дядю Акима.

Хозяйка схватила лучину, выбѣжала въ сѣни и, минуту спустя, ввела своего родственника.

Акимъ, дѣйствительно, корчился отъ стужи, но только не на печи Кондратія, а въ собственной сермягѣ, насквозь пропитанной дождемъ; вода лила съ него, какъ изъ жолоба. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и едва стоялъ на ногахъ.

— Ну, у-у, совсѣмъ, знать, разломило, сказалъ Глѣбъ, подпираясь весломъ и приподымаясь на ноги:—принесъ ли по крайности хоть деньги-то?

— У-у-у, отвѣчалъ Акимъ, прикладывая дрожащую руку къ пазухѣ и принимаясь трястись пуще прежняго.

— Ладно, вижу, промолвилъ рыбакъ (взялъ деньги, вынулъ ихъ изъ тряпицы и сосчиталъ). Ладно, заключилъ онъ:—ступай скорѣй на печку... много трудовъ принялъ нонѣ, сватьюшка!... Я чай, и завтра не переможешься: отдыхать да грѣться станешь.

Въ этотъ вечеръ много было смѣху, къ совершенному неудовольствію тетки Анны, которая не переставала вздыхать и ухаживать за своимъ родственникомъ. Но веселое расположеніе Глѣба

превратилось, однакожъ, въ безпокойство, когда увидѣлъ онъ на другой день, что работникъ его не въ шутку разнемогся.

„Вотъ скучали, хлопотъ не было“, — думалъ рыбакъ, — „вотъ теперь и возись поди! что станешь съ нимъ дѣлать, коли онъ такъ-то у меня проваляется зиму? И диковинное это дѣло, право. какой человѣкъ такой: маленько дождемъ помочило — нивѣсть что сдѣлалось, весь распался, весь разнедужился... Эхъ! я и прежде говорилъ: пустой человѣкъ, — право, пустой человѣкъ!“

Предчувствія не обманули Глѣба. Дядюшка Акимъ подавалъ надежду пролежать если не всю зиму, такъ по крайней мѣрѣ долгое время. Онъ лежалъ пластомъ на печи, не принималъ пищи, и лишь когда только мучила жажда, подавалъ голосъ. Такъ прошло нѣсколько дней.

Разъ вечеромъ, когда все семейство рыбака, поужинавъ, собиралось спать, съ печки нежданно послышались раздирающіе стоны.

— Чего тебѣ? нетерпѣливо спросилъ Глѣбъ.

— Батюшка, проговорилъ Акимъ прерывающимся голосомъ: — чую... охъ... чую, смерть моя близко!... не дайте... отцы... помереть безъ покаянія!...

Глѣбъ кивнулъ головою Василію, вышелъ съ нимъ въ сѣни и велѣлъ сходить какъ можно скорѣе въ Сосновку за священникомъ.

Минуту спустя, посреди свиста вѣтра и шума дождя, раздались шаги удаляющагося парня.

Василій возвратился съ священникомъ поздно въ ночь, на телѣгѣ. Исповѣдавшись и причастившись, больной какъ будто успокоился, и нѣсколько часовъ не слышно было его голоса. Но въ полдень стоны его раздались съ новой силой. Больной сталъ призывать по имени то того, то другого. Семейство рыбака, не выключая Василія, который только-что вернулся изъ Сосновки, окружило Акима, уже перенесеннаго на лавку подъ образа. Никто не плакалъ, но ни одно лицо не выражало равнодушія. Всѣ молча, задумчиво, смотрѣли на блѣдное, изрытое лицо больного, слегка освѣщенное сѣрымъ осеннимъ днемъ.

— Чего тебѣ, кормилецъ мой? спросила Анна, наклоняясь къ нему и едва сдерживая слезы.

— Гри... Гришутку!.. могъ только произнести умирающій.

Глѣбъ взялъ мальчика и поставилъ напротивъ лавки.

Дядя Акимъ устремилъ на него мутный, угасающій взоръ. Долго-долго смотрѣлъ онъ на него, приподнялъ голову, хотѣлъ что-то

сказать, но зарыдалъ какъ дитя, и безсильно опустилъ голову, между тѣмъ какъ рука его, очевидно, искала чего-то поблизости.

— Полно, касатикъ! что убиваешься! авось, Богъ милостивъ... Полно! проговорила Анна, закрывая лицо фартукомъ.

Дядя Акимъ покачалъ головою, повернулся лицомъ къ мальчику и снова устремилъ на него потухающій, безжизненный взоръ.

— Смотри, Гриша, проговорилъ онъ наконецъ, дѣлая усилія, чтобы слова его внятно дошли до слуха присутствующихъ:—вотъ я скоро... Ты теперь одинъ останешься! смотри... слушайся во всемъ... Глѣба Савиныча... почитай его пуще отца... прощай... Гриша!.. Гриша!..

Дядя Акимъ взялъ руку мальчика, положилъ ее къ себѣ на грудь и, закрывъ глаза, помолчалъ немного. Слезы между тѣмъ ручьями текли по блѣднымъ, изрытымъ щекамъ его.

Въ той сторонѣ, гдѣ стояла Анна, послышались затаенныя рыданія.

— Глѣбъ, началъ снова дядя Акимъ, но уже совсѣмъ ослабѣвшимъ, едва внятнымъ голосомъ:—Глѣбъ, продолжалъ онъ, отыскивая глазами рыбака, который стоялъ между тѣмъ передъ самымъ лицомъ его:—тетушка Анна... будьте отцами... сирота!.. Тамъ рубашонка... новая осталась... отдайте... сирота!.. и сапожишки... въ коморѣ... все... ему!.. Гриша... о-охъ, Господи.

Дядя Акимъ хотѣлъ еще что-то сказать; но голосъ его сталъ мѣшаться, и рѣчь его вышла безъ складу. Одни мутные, потухающіе глаза все еще устремлялись на мальчика; но наконецъ и тѣ стали смежаться...

Глѣбъ перекрестился, сложилъ руки покойника, снялъ образъ и положилъ ему на грудь.

Дѣти, блѣдныя и дрожащія отъ страха, побѣжали, съ плачемъ и воемъ, въ сѣни.

Въ избѣ остались сноха, Глѣбъ, Василій и Анна, которая стояла уже на колѣняхъ и, обнявъ ноги покойника, жалобно причитывала.

Глѣбъ приказалъ Василью сходить на озеро за дѣдушкой Кондратіемъ и попросить его почитать псалтырь, а самъ тотчасъ же отправился заняться приготовленіями къ похоронамъ.

На крыльцѣ встрѣтилъ онъ Гришу и Ваню. Оба терли кулаками глаза и заливались навзрыдъ.

— Полно, Гриша, сказалъ рыбакъ, гладя его по головѣ:—не

плачь; слезами тутъ не пособишь... перестань... О чемъ плакать! Воля Божья...

— Какъ же не плакать-то, возразилъ Гришка, горько всхлипывая: — какъ же? вѣдь вотъ онъ одинъ сапогъ-то сшилъ, а другого не сшилъ... не успѣлъ... такъ одинъ сапогъ теперь и остался!

— Ну, есть о чемъ крушиться! Эхъ ты... глупый, глупый! Ну, а ты о чемъ? спросилъ онъ, поворачиваясь къ сыну.

— Какъ же, дядюшка-то? вѣдь, я чай, жаль его! отвѣчалъ Ваня, рыдая на весь дворъ.

Глѣбъ Савиновъ подавилъ вздохъ, провелъ ладонью по высокому лбу и медленно пошелъ сколачивать гробъ для дядюшки Акима.

VIII.

Дѣтство.

...Уныло воетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень. Прислушайтесь: слышите, съ какимъ суетливымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное. Онъ заглядываетъ въ каждое дупло, въ каждую скважину, подымаетъ каждый поблекшій листокъ, каждую травку и, какъ путникъ, вернувшійся на родину, который, вмѣсто уютнаго крова, находитъ всюду одну глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды сизыхъ тучъ—нажитое богатство! Но помертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ саваномъ, не встрѣчаетъ уже его ласковой рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо кудрявой головой. Отчаянный ревъ вѣтра смѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезою. И вотъ снова, какъ бы негодуя на свою слабость, вѣтеръ однимъ махомъ подобралъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и, взметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые, желтые листья. Этотъ унылый вой, неотвязчиво надрывающій сердце, ненастье и слякоть, его сопровождающія, прискучили даже поселянину, привыкшему ко всякимъ непогодамъ. Но вотъ пришла наконецъ и „зимняя Матрена“, поднялась зима на ноги; прилетѣли мо-

розы съ „желѣзныхъ горъ“. Рѣка стала. Рѣзко зазвучали колеса на колкой, мерзлой дорогѣ, захрустѣли въ колесахъ ледяныя иглы, весело блеснули на солнцѣ длинныя ледяныя сосульки, облѣпившія бахрамою окна и кровли избушекъ. Выпалъ первый снѣгъ. Шумною толпой выбѣгаютъ ребятишки на побѣлѣвшую улицу; въ волоковыя окна выглядываютъ сморщенныя лица бабушекъ; крестясь или радостно похлопывая рукавицами показываются изъ-за скрипучихъ воротъ отцы и старые дѣды, такіе же почти бѣлые, какъ самый снѣгъ, который продолжаетъ валить пушистыми хлопьями. Наступила пора всеобщаго отдыха. Работы рѣшены: ужъ обмолотились. Съ трудомъ вызовешь теперь мужичка изъ теплой избы, окутанной соломой, припертой жердями и полузанесенной снѣгомъ. Развѣ приведется съѣздить въ сосѣдній лѣсъ за валежникомъ или нужда велитъ идти съ обозомъ. И снова спѣшитъ онъ въ теплую избу свою. Кòтко летятъ его пустыя санишки по буграмъ и раскатамъ, нетерпѣливо взглядываетъ онъ изъ-подъ рогожи въ снѣжную даль... „Прочь съ дороги!“ Тамъ, сквозь сумерки, уже мелькаетъ огонекъ, привѣтливо подымается витая струя дыма надъ трубнымъ горшечкомъ. Чаще и чаще покрикиваетъ онъ на клячу; но кляча сама уже почуяла стойло и во всю скачь помчалась съ косогора. Сладко вѣдь отдохнуть и порасправить кости послѣ тяжкаго страднаго лѣта и многозаботной осени.

Но въ рыбацкомъ ремеслѣ совсѣмъ иное дѣло. Рыбакъ вольнѣе пахаря, но зато ремесло его позаботливѣе. Онъ не знаетъ зимы. На озерахъ рубитъ онъ „окна“ (проруби), чтобъ рыба не мерла отъ „придухи“; на рѣкахъ разчищаетъ снѣгъ, высматриваетъ спящую, прижавшуюся ко льду щуку, „глушитъ“ ее обухомъ, взламываетъ ледъ и тащитъ свою добычу. Хлѣбецъ лежитъ себѣ да лежитъ въ закромѣ до красной цѣны, до сходнаго времени,—лежитъ и нечего кромѣ добра отъ него чаять. Рыба живая тварь: штука поймать ее, а сбыть еще мудренѣе. Поди-ка таскайся съ нею по базарамъ, прикидывайся къ цѣнамъ: сегодня беремъ живьемъ, завтра давай мерзлую, а тронуло мало-мальски тепломъ, пошелъ ни съ чѣмъ. Хлѣбецъ вездѣ и всегда надобенъ; рыба не то: товаръ временной.

И ужъ зато какъ же радовался Глѣбъ, когда, покончивъ дѣла свои, померзнувъ день-деньской на стужѣ, возвращался къ вечеру въ избу и садился плесть свои сѣти. Въ эти долгіе зимніе вечера заходила иногда рѣчь о покойномъ дядѣ Акимѣ. Мало-по-малу, одна-

кожъ, воспоминанія эти, сопровождавшіяся вначалѣ печальными возгласами тетки Анны, дѣлались рѣже и рѣже. Изрѣдка лишь, и то при случаѣ, Глѣбъ и Василій разскажутъ какую-нибудь выходку „мастака-работника“ (такъ, смѣясь, называли всегда покойника); но, слушая ихъ, уже рѣдко кто нахмуривалъ брови;—всѣ охотно посмѣивались, не выключая даже добродушной тетки Анны и пріемыша, который начиналъ уже привыкать къ новымъ своимъ хозяевамъ.

Сближеніе Гришки съ семействомъ рыбака происходило медленно. Онъ оставался на видъ все тѣмъ же полу-дикимъ, загрубѣлымъ мальчикомъ, продолжалъ по прежнему глядѣть изъ подлобья и ни слова не произносилъ, особенно въ присутствіи Глѣба. Трудно предположить, однакожъ, чтобъ мальчикъ его лѣтъ, проживъ пять зимнихъ мѣсяцевъ постоянно, почти съ глазу на глазъ съ одними и тѣми же людьми, не сдѣлался сообщительнѣе или, по крайней мѣрѣ, не освободился частію отъ своей одичалости; это дѣло тѣмъ невѣроятнѣе, что каждое движеніе его, даже самые глаза, смотрѣвшіе изъ подлобья, но тѣмъ не менѣе прыткіе, исполненные зоркости и лукавства, обозначали въ немъ необычайную живость. Оно въ самомъ дѣлѣ такъ и было. Наступившее лѣто показало, что только постоянное присутствіе Глѣба, котораго боялся Гришка пуще огня, заставляло его прикидываться такимъ смирнячкомъ. Живой и буйный нравъ Гришки развернулся вполнѣ, какъ только ему и Ванѣ предоставлена была полная волюшка рыскать по окрестности. Свобода и нѣсколько глотковъ свѣжаго, вольнаго воздуха превратили, казалось, кровь его въ огонь: онъ жилъ какъ волченокъ, выпущенный въ поле. Новая жизнь, раздолье и просторъ самой мѣстности, пришлись ему, очевидно, болѣе по сердцу, чѣмъ скучныя деревушки и дымныя избы, въ которыхъ провелъ онъ съ Акимомъ первые годы своего дѣтства. Тутъ уже самый страхъ, наводимый на него Глѣбомъ, не въ силахъ былъ обуздать его рѣзвости. Жену Петра и Василія онъ въ грошъ не ставилъ. Надъ тетушкой Анной, которая иной разъ бралась увѣщевать его, онъ просто смѣялся. Гришка помыкалъ Ваней, какъ будто самъ былъ любимый хозяйскій сынъ, а тотъ—чужой сирота, Христа ради проживавшій въ домѣ. Онъ билъ и колотилъ его часто даже безъ всякой причины и удержа. Разъ дѣло зашло такъ далеко, что Ваня пожаловался матери; впрочемъ, и безъ этого, синяки Вани не преминули бы уличить Гришку. Тетка Анна погрозила разсказать все отцу. Къ

вечеру Глѣбъ натеръ Гришкѣ вихры. На другое же утро у Анны пропали нитки и ножницы. Искали, искали — все напрасно. Наконецъ, послѣ трехъ дней безполезнаго шарканья по всѣмъ возможнымъ закоулкамъ, затерянные предметы были найдены между грядами огорода, куда, очевидно, забросила ихъ чья-нибудь озорная рука, потому что ни тетка Анна, ни домашніе ея не думали даже заходить въ огородъ. Гришка былъ шибко, больно наказанъ. Но на другой же день голосъ его снова загремѣлъ на дворѣ, и снова начались шалости. Въ играхъ и затѣяхъ всякаго рода онъ постоянно первенствовалъ: онъ иначе не принимался за игру, какъ съ тѣмъ, чтобы возложили на него роль хозяина и коновода, и въ этихъ случаяхъ жутко приходилось всегда его товарищу; но стоило только Глѣбу напасть на слѣдъ какой-нибудь новой шалости и потребовать зачинщика на расправу, Гришка тотчасъ же складывалъ съ себя почетное званіе коновода и распорядителя, сваливалъ всю вину на сотрудника и выдавалъ его обыкновенно съ руками и ногами.

Совсѣмъ тѣмъ Ваня все-таки не отставалъ ни на шагъ отъ пріемыша; онъ даже терпѣливо сносилъ его толчки и подзатыльники. Такое необычайное снисхожденіе могло происходять частію отъ того, что Гришка наводилъ страхъ на него, — частію, и это всего вѣроятнѣе, Ваня успѣлъ уже привязаться къ Гришкѣ всею силою своего дѣтскаго, любящаго сердца.

Теперь перейдемъ къ одному обстоятельству въ жизни двухъ мальчиковъ, которое, можно сказать, рѣшило впослѣдствіи судьбу ихъ.

Разъ какъ-то, въ прекрасный іюльскій день, Гришка и Ваня покачивались въ челнокѣ, который крѣпился къ берегу помощью веревочной петли, заброшенной за старое весло, водруженное въ песокъ. Но, можетъ быть, читатель не знаетъ, что такое рыбацкій челнокъ. Челнокъ рыбака совсѣмъ не то, что челнокъ обыкновенный: это — узенькая, колыхливая лодочка съ палубой, посреди которой вырѣзано круглое отверстіе, закрывающееся люкомъ; подъ этой палубой можетъ помѣститься одинъ только человѣкъ, да и то въ растяжку; въ лѣтнее время у рыбака нѣтъ другого жилища: ночи свои проводитъ онъ въ челнокѣ. Съ вечера забираетъ онъ „верши“ *),

*) Родъ продолговатыхъ корзинъ, сплетенныхъ изъ хвороста; одинъ конецъ верши сведенъ конусомъ другой открытъ для входа рыбы, которая не можетъ уже вернуться назадъ, задерживаемая другимъ плетенымъ изъ хвороста конусомъ, остріе котораго обращено во внутрь. Сбоку придѣлано окошечко для вынимания рыбы. Къ острому концу верши привязывается камень для погруженія ея въ воду. Верша вынимается изъ воды помощью веревки, привязанной къ кольцу изъ хвороста.

уѣзжаетъ въ рѣку, забрасываетъ ихъ, завязываетъ концы веревокъ къ челноку и бросаетъ маленькій якорь; послѣ этого рыбакъ крестится, растягивается на днѣ палубы, подославъ напередъ овчину, закрываетъ люкъ: тутъ, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону въ легкой своей „посудинѣ", которая уступаетъ самому легкому вѣтерку и мельчайшей зыби, засыпаетъ онъ крѣпчайшимъ сномъ.

Гришка сидѣлъ на кормѣ челнока и, свѣсивъ смуглыя, худыя ноги свои черезъ бортъ, болталъ ими въ водѣ. Ваня сидѣлъ между тѣмъ въ трюмѣ, и внаружу выглядывало только свѣжее, румяное личико его. Бѣлокурая голова мальчика, освѣщенная палящими лучами полуденнаго солнца, казалась еще миловиднѣе и нѣжнѣе среди черныхъ, грубо высмоленныхъ досокъ палубы.

— Знаешь что, Ванюшка? сказалъ Гришка, неожиданно перебрасывая лѣвую ногу черезъ бортъ и садясь верхомъ на корму.

— Ну?

— Переѣдемъ на ту сторону.

— А тятька? произнесъ Ваня, поворачивая испуганные глаза на собесѣдника.

— Да вѣдь его теперь дома нѣтъ: въ Сосновку ушелъ.

— Ну, а какъ вернется?

— Глупый! да мы къ тому времени давно здѣсь будемъ.

И, не дожидаясь возраженій, онъ быстро скакнулъ на берегъ; но руки его никакъ не могли перекинуть петлю черезъ конецъ весла, и онъ принялся раскачивать его изо-всей мочи.

— Тронься только съ мѣста, сойди только, такъ вотъ тебя тутъ и пришибу! сказалъ онъ, показывая кулакъ Ванюшѣ, который, испугавшись не на шутку дерзости предпріятія, карабкался изъ отверстія.

— Вишь какой! вѣдь, я чай, страшно.

— Чего?

— Ну, а какъ насъ вонъ туда—въ омутъ понесетъ! Батя и то сказывалъ: такъ, говоритъ, тебя завертитъ и завертитъ! какъ разъ на дно пойдешь! произнесъ Ваня, боязливо указывая на противоположный берегъ, гдѣ, между кустами ивняка, чернѣла старый пень ветлы.

— А зачѣмъ насъ туда понесетъ? я чай, мы будемъ грести наискось... Рази ты не видалъ, какъ братъ твой Василій управляется? Вишь: рѣка вонъ туда бѣжитъ, а мы вонъ туда станемъ

гресть, — все наискось, вонъ-вонъ, къ тому мѣсту — къ дубкамъ, гдѣ озеро.

— Да, ты думаешь рѣка-то узка? не управишься: потонемъ!

— А небось широка по твоему? эхъ, ты! нетерпѣливо возразилъ Гришка.

Ширина большихъ рѣкъ, дѣйствительно, обманываетъ глазъ. Такъ бы вотъ, кажется, и переплылъ; а между тѣмъ, стоитъ только показаться баркѣ на поверхности воды или человѣку на противоположномъ берегу, чтобы понять всю огромность водянаго пространства: барка кажется щепкой, голосъ человѣка чуть слышнымъ звукомъ достигаетъ слуха.

Весло, глубоко вбитое въ песокъ, плохо уступало, однакожъ, усиліямъ Гришки. Нетерпѣніе и досада отражались на смугломъ, остромъ лицѣ мальчика; обнявъ обѣими руками весло и скрежеща зубами, онъ принялся раскачивать его во всѣ стороны, между тѣмъ какъ Ваня стоялъ съ нерѣшительнымъ видомъ въ люкѣ и боязливо посматривалъ то на товарища, то на избу.

Наконецъ весло повалилось.

— Полно, Гришка! оставь лучше.

— А вотъ погоди... вотъ! отвѣчалъ пріемышъ, схватилъ весло, приперъ грудью челнокъ, пустилъ его на воду и однимъ прыжкомъ очутился на палубѣ.

На все это потребовалась одна секунда, и Ваня не успѣлъ опомниться, какъ онъ и его товарищъ были уже далеко отъ берега. Но сколько Гришка ни размахивалъ весломъ, заставляя своего товарища накренивать челнокъ то на одинъ бокъ, то на другой, ихъ понесло теченіемъ рѣки въ совершенно противоположную сторону отъ дубковъ. Сердце сильно застучало въ груди обоихъ мальчиковъ, когда увидѣли они себя такъ далеко отъ дома. Страхъ овладѣлъ ими еще пуще, когда челнокъ, вертясь и повинуясь быстрому теченію, сталъ приближаться къ черному пню старой ветлы. Гришка вскрикнулъ, выпустилъ весло и прицѣпился къ краямъ борта. Ваня исчезъ подъ палубой и забился въ уголъ. Оба заплакали. Отчаяніе ихъ не было, однакожъ, продолжительно.

— Проѣхали! омутъ проѣхали! воскликнулъ неожиданно Гришка.

Ваня высунулъ голову изъ люка и, какъ бы внезапно пробуждаясь отъ сна, съ испугомъ оглянулся.

Старый пень находился уже позади ихъ. Челнокъ быстро несся къ берегу. Сдѣлавъ два-три круга, онъ въѣхалъ наконецъ въ одинъ

изъ тѣхъ маленькихъ, мелкихъ заливовъ, или „заводьевъ“, которыми, какъ узоромъ, убираются песчаные берега рѣкъ, и засѣлъ въ густыхъ кустахъ лозняка. Мальчики ухватились за вѣтви, притащили челнокъ въ глубину залива и проворно соскочили наземь. Страхъ ихъ прошелъ мгновенно; они взглянули другъ на друга и засмѣялись.

— Ну, а какъ же мы назадъ-то поѣдемъ, безъ весла-то? сказалъ вдругъ Ваня, и личико его снова отуманилось.

— А вотъ что, возразилъ съ живостію Гришка: — мы пойдемъ на озеро къ дѣдушкѣ Кондратію: онъ насъ перевезетъ.

— И то, и то! да куда-жъ идти-то? радостно подхватилъ Ваня.

— Выйдемъ на лугъ: тамъ оглянемся. Отселева, изъ-за кустовъ-то, озера не видно... Пойдемъ.

— А заблудимся?

— Эвось-на! развѣ эти кусты-то не видалъ ты съ нашего берега?.. идутъ недалече! Сейчасъ луга пойдутъ, а тамъ и озеро... Ну, валяй!

И оба побѣжали, перепрыгивая поминутно черезъ сыпучіе песчаные овражки, заросшіе широкими сѣрозелеными листьями лопуха. Темная зелень ежевичника и осоки, смѣшиваясь съ глянцовитою, серебристою листвою ветлы и ивы, обступала стѣною нашихъ мальчиковъ. На песокъ выбѣгали, переплетаясь тежду собою, черные узловатые корни, кругомъ обмытые весеннею водою. Попавъ разъ въ этотъ тѣсный лабиринтъ, шалуны сами не знали уже, какъ выбраться. Надъ головами ихъ подымались со всѣхъ сторонъ и высоко убѣгали въ синее небо обнаженныя вѣтви, покрытыя кое-гдѣ косматыми пучками сухихъ травъ, принесенныхъ на такую высоту весеннею водою, которая затопляетъ луговой берегъ верстъ за семь и болѣе. Вершины ветелъ усѣяны были обезображенными корягами, засѣявшими также во время водополья. Безчисленное множество дорожекъ изгибалось по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Изрѣдка, впрочемъ, открывались ровныя, гладкія площадки тонкаго песку, усѣянныя мелкими бѣлыми раковинами и испещренныя лапками рѣчныхъ куликовъ. Близость рѣки всюду сказывалась. Въ тѣни чувствовалась свѣжесть. Запахъ сырого песку, смѣшиваясь съ запахомъ лопуха, разливался въ воздухѣ.

Набѣгавшись вдоволь, запыхавшись такъ, что едва переводили духъ, наши мальчики наконецъ остановились.

— Ну, гдѣ-жъ луга-то? вишь, нѣту! сказалъ Ваня, отирая рукою потъ, струившійся по раскраснѣвшемуся лицу его.

Гришка оглядывался во всѣ стороны. Въ смуглыхъ чертахъ его не было ни малѣйшаго признака смущенія.

— Постой! шт! молчи! я слышу чей-то голосъ! произнесъ онъ, неожиданно приподнявъ руку.

Оба стали прислушиваться.

Въ самомъ дѣлѣ, посреди слабаго шелеста насѣкомыхъ, раздался вдругъ тоненькій-тоненькій голосокъ. Голосъ, приближавшійся постепенно, напѣвалъ пѣсню. Вскорѣ мальчики различили даже слова:

„Ахъ ты, гнутое деревцо, черемушка!
Куда клонишься, тамъ и сломишься...“

— Слышь, Ваня?

— Слышу.

Немного погодя, голосъ запѣлъ еще далѣе:

„Ты взгляни, матушка, въ окошечко,
Взгляни ты, матушка, на свою сироточку...“

— Пойдемъ туда! Слышь, дѣвчонка поетъ! сказалъ Гришка.

— Ну, пойдемъ.

Но не успѣли они сдѣлать нѣсколько прыжковъ, какъ уже очутились прямо противъ пѣвуньи.

То была хорошенькая дѣвочка лѣтъ восьми, съ голубыми, какъ васильки, глазами, румяными щечками и красными, смѣющимися губками; длинныя пряди бѣлокурыхъ шелковистыхъ волосъ сбѣгали золотистыми изгибами по обѣимъ сторонамъ ея загорѣлаго, но чистенькаго, какъ словно обточеннаго личика. Она собирала валежникъ. Связка сухихъ вѣтвей лежала на рукѣ дѣвочки и, свѣсившись немного на бокъ, обнажала полное загорѣлое плечико, привлекательно круглившееся на складкахъ бѣлой рубашки, которая прикрывала только до колѣнъ ея тоненькія быстрыя ножки. Застигнутая врасплохъ, пѣвунья остановилась какъ вкопаная, пугливо взглянула на мальчиковъ и, раскрывъ губки, выпустила валежникъ, который, вѣтка за вѣткой, посыпался на песокъ.

— И то дѣвчонка! Ишь ее какъ распѣваетъ! сказалъ Гришка, осматривая ее съ любопытствомъ.

— Ты чья? спросилъ Ваня.

Дѣвочка молчала. Валежникъ продолжалъ сыпаться къ ногамъ ея.

— Что-жъ ты не говоришь ничего?

— Запужалась добре: знаетъ, съ разбойниками повстрѣчалась!

Вѣдь мы разбойники! воскликнулъ Гришка, подпираясь въ бока кулаками и страшно хмуря брови.

— Вишь... какъ же... разбойники! проговорила дѣвочка, ободренная смѣхомъ Ванюши.

— Вѣстимо, разбойники!

— Да ты отколѣ? продолжалъ разспрашивать Ваня.

— А съ озера, чай! отвѣчала дѣвочка.

— Съ какого озера?

— А вамъ зачѣмъ? съ озера...

— Постой, Ванюша: я вотъ ее... Она у меня скажетъ! произнесъ Гришка, дѣлая шагъ къ дѣвочкѣ.

— Тронь только! вскрикнула она, схватывая вѣтку и становясь въ оборонительное положеніе:—у меня тутъ вотъ тятька за кустами: онъ те дастъ!

— А кто твой тятька? спросилъ Гришка, озираясь на стороны.

— А дядя Кондратій, чай,—вотъ кто!

— Эвона! вѣдь мы его знаемъ!

— Да вы отколь? бойко спросила дѣвочка.

— А мы съ рѣчки: мы рыбаки!

— Ужъ и рыбаки! возразила дѣвочка, сомнительно посматривая на мальчиковъ.

— Не вѣришь?

— Нѣтъ, вы мальчишки: рыбаки-то, я чай, съ бородами.

— А рази у всѣхъ бороды-то?

— У всѣхъ, лаконически отвѣчала дѣвочка, нагибаясь и принимаясь подбирать валежникъ.

— Ты говоришь, тятька твой близко, произнесъ Ванюша: — что-жъ его не слыхать?

— А онъ вотъ тамъ, за кустами.

Дѣйствительно, неподалеку послышался стукъ топора.

— Дуня! проговорилъ вслѣдъ затѣмъ протяжный, спокойный голосъ:—съ кѣмъ это ты тамъ калякаешь?

Дѣвочка подняла вѣтви, положила ихъ на плечо и, не взглянувъ даже на мальчиковъ, побѣжала въ ту сторону, откуда раздался голосъ.

Гришка и Ваня послѣдовали за нею, и вскорѣ всѣ трое очутились у опушки кустовъ, гдѣ начинался уже лугъ, сначала желтый, рѣдкій, перемѣшанный съ пескомъ, но постепенно зеленѣющій

и убѣгающій въ необозримую даль, задернутую переливающимися струями раскаленнаго воздуха.

Тутъ, подъ синеватою тѣнью раскидистыхъ ивъ, сидѣлъ старикъ лѣтъ шестидесяти. Его бѣлые какъ снѣгъ волосы, волною ниспадавшіе до плечъ, придавали ему видъ самый почтенный, патріархальный, чему не мало также способствовало выраженіе неизъяснимаго спокойствія, кротости и добродушія, разлитое во всѣхъ чертахъ его. Его обнаженный лобъ, виски и щеки усѣяны были тѣми мелкими, тоненькими морщинками, которыя даются только тихою, спокойною жизнію. Жизнь старика отражалась, впрочемъ, еще яснѣе въ свѣтло-голубыхъ глазахъ его, смотрѣвшихъ съ какою-то дѣтскою простотою. Это былъ дѣдушка Кондратій, озерскій рыбакъ и отецъ Дуни. Подлѣ него лежала, съ одной стороны, начатая верша, съ другой—ворохъ красноватыхъ прутьевъ лозняка.

— Э-э! такъ вотъ это ты съ кѣмъ калякала! то-то, слышу я: та, та, та... Отколь вы, молодцы? какъ сюда попали? сказалъ старикъ, потряхивая волосами и съ улыбкою поглядывая на мальчиковъ.

Мальчики, перебивая другъ дружку, разсказали повѣсть первыхъ своихъ неудачъ на мореходномъ поприщѣ;—оба просили дѣдушку перевезти ихъ на ту сторону.

— Перевезти-то я васъ перевезу, а только въ другой разъ, смотрите, ребятенки, одни такъ-то по рѣкѣ не пускайтесь. Скажи на милость, баловники какіе!... а? Одни безъ спроса по рѣкѣ ѣздятъ! Ну, долго ли до грѣха? Гдѣ вамъ еще управиться!.. Слава те Господи, въ омутъ не попали! что бы сказалъ тогда Глѣбъ-то Савинычъ? Ну, ступайте на озеро за весломъ... что съ вами станешь дѣлать!.. Дуня, подь-ка, матушка, съ ними, укажи дорогу,—а сама назадъ не приходи. Я только вотъ перевезу ихъ, да и домой... Ну, ребятушки, въ-бѣжки! Кто попрытчѣе изъ васъ! Нутка-сь, нутка-сь, я погляжу...

Проводивъ ихъ глазами, старикъ снова усѣлся за свои верши.

Спустя немалое время, Гришка и Ваня возвратились, таща на плечахъ весло и багоръ. Солнце высоко еще стояло въ небѣ, когда оба очутились на берегу. Все сошло благополучно. Глѣбъ Савинычъ ничего не примѣтилъ. Но переправы черезъ Оку и встрѣчи съ дочкой Кондратія не замедлили вскорѣ возобновиться. Это произошло вотъ по какому случаю: разъ какъ-то, въ разговорѣ съ Глѣбомъ, дѣдушка Кондратій вызвался выучить грамотѣ Гришку и

Ваню. Глѣбъ долго смѣялся надъ такимъ предложеніемъ: онъ вообще терпѣть не могъ всего того, что мало-мальски отклоняетъ работника отъ прямого пути и назначенія. О грамотѣ онъ и слышать не хотѣлъ, называлъ ее самымъ пустяшнымъ и негоднымъ дѣломъ.

— Наша доля неводъ таскать, а не въ книжки читать! говорилъ онъ.—Видалъ я много этихъ книжниковъ-то, что разумны больно... Вотъ, примѣромъ сказать, зналъ я одного: такъ же, какъ мы съ тобою, рыбакъ былъ, - Ковычкой звали. Всѣ книжки, какія только исписаны, вытвердилъ,—а толку никакого: пустой былъ самый человѣкъ! Сначатія-то, до книгъ, все еще, куда ни шло, работалъ; ну, а какъ далась ему эта грамота, добре сталъ хмѣльнымъ дѣломъ зашибаться... Это первое; а хуже всего то, что зачитался: умъ за разумъ зашелъ—вотъ что!.. Нашему брату это не годится. Бывало, заговоришь съ нимъ—и пошелъ писать языкомъ. Иной разъ такое тебѣ сбрендитъ, и въ толкъ не возьмешь. Самый пустой былъ человѣкъ! А все отчего? все отъ эвтихъ книгъ, право такъ!

Дѣдушка Кондратій не возражалъ: онъ мерекалъ иначе объ этомъ дѣлѣ. Сверхъ того онъ зналъ, что настаивать въ этомъ дѣлѣ значитъ только заставить Глѣба еще пуще крѣпиться и упираться. Основываясь на этомъ, онъ не пропускалъ случая исподоволь заманивать къ себѣ ребятишекъ. Гришка и Ваня очень охотно слѣдовали за старикомъ. Дни, проводимые ими на озерѣ, удаляли ихъ отъ дома - обстоятельство, имѣющее всегда много привлекательнаго для дѣтскаго возраста. Глѣбъ тотчасъ же смекнулъ, зачѣмъ Кондратій уводилъ мальчиковъ; но такъ какъ сосѣдъ не перечилъ ему въ его мнѣніяхъ касательно грамоты, онъ смотрѣлъ на эти продѣлки сквозь пальцы. Онъ ограничивался тѣмъ только, что подтрунивалъ надъ ребятишками, называя ихъ „дьячками“ и „грамотниками“ —прозвище, котораго они далеко, впрочемъ, не заслуживали. Грамота шла изъ рукъ вонъ плохо. Дѣдушка Кондратій, въ простотѣ своего сердца, разсчитывалъ на усердіе учениковъ: самъ онъ не могъ удѣлить имъ много времени. Жена его умерла вскорѣ послѣ родовъ дочки. Онъ да наемный работникъ должны были управляться и по ремеслу и по хозяйству. Доброта его также немало располагала ребятъ къ лѣни и ничего-недѣланью. Знали хорошо, что дѣдушка только вотъ побранитъ развѣ, и въ усъ себѣ не дули. Большую часть дня играли они съ Дуней или

рыскали по берегамъ озера. Въ три года оба едва-едва разбирали склады.

Къ концу этого срока, Ваня началъ, однакожъ, чаще сидѣть въ домѣ дѣдушки Кондратія; внимательнѣе слѣдилъ онъ за дрожащимъ, сморщеннымъ пальцемъ старика, когда тотъ водилъ по ветхимъ страничкамъ букваря. Гришка между тѣмъ продолжалъ повѣсничать. Онъ готовъ былъ десятки разъ взлѣсть на макушку самаго высокаго дуба, чѣмъ посидѣть минутку за букваремъ дѣдушки Кондратія. Сидячая жизнь не отвѣчала его живому, буйно-неукротимому нраву. Въ то время, какъ Ваня и Дуня проводили вечера неразлучно съ дѣдушкой, Гришка пропадалъ на лѣсистыхъ берегахъ озера, снималъ галочьи гнѣзда, карабкался на крутыхъ обрывахъ сосѣднихъ озеръ и часы цѣлые проводилъ, повиснувъ надъ водою, чтобы только наловить стрижей (маленькія птички въ родѣ ласточекъ, живущія въ норкахъ, которыми усѣяны глинистые, крутые берега рѣкъ и озеръ). Вѣдь, кажется, легче было бы ему сидѣть со старикомъ, чѣмъ висѣть надъ обрывомъ, и цѣлые часы, не переводя духу, караулить какого-нибудь стрижа; однакожъ онъ, предпочиталъ послѣднее. По тринадцатому году онъ управлялъ весломъ не хуже Василія, переплывалъ Оку взадъ и впередъ безъ одышки, нырялъ какъ рыба. Любимымъ занятіемъ его было— преслѣдовать караваны барокъ, которыя показывались на рѣкѣ, и перебраниваться съ лоцманами и бурлаками. Стоя на палубѣ вертляваго челночка и управляясь однимъ весломъ, онъ какъ вьюнъ вилялъ между узенькими промежутками быстро несущихся расшивъ, всѣхъ удивляя своею смѣлостью и удалью. Мало-по-малу Глѣбъ началъ пріучать Гришку и Ваню къ ремеслу. Тутъ удаль пріемыша нѣсколько поугомонилась; онъ былъ, однакожъ, ловокъ и смѣтливъ, и скоро понялъ дѣло. Впрочемъ, и Ваня не отставалъ отъ него. Вся разница заключалась въ томъ лишь, что сынъ рыбака дѣлалъ дѣло безъ крику и погрому, не обнаруживая ни удали, ни залихвачества; но, тѣмъ не менѣе, дѣло все-таки кипѣло въ его рукахъ и выходило прочно. Въ воскресные и праздничные дни они отправлялись обыкновенно на озеро. Чуть только забрезжетъ заря, они ужъ тамъ. Дочка Кондратія была единственнымъ товарищемъ, по лѣтамъ, обоихъ парнишекъ. Дѣдушку Кондратія небольно радовали такія посѣщенія: все, бывало, верхъ-тормашкой поставятъ въ его лачугѣ, не оставятъ даже въ покоѣ самаго озера, гладкую поверхность котораго съ утра до вечера рѣжутъ челнокомъ по всѣмъ

направленіямъ. Хуже всего то, что въ этихъ играхъ, посреди которыхъ слышался всегда громче другихъ голосъ Гришки, не обходилось безъ побоищъ. Нерѣдко даже старикъ заставалъ свою Дуньку со слезами на глазахъ и всклоченными волосами; но Дуня никогда не жаловалась на Гришку; напротивъ того, несмотря на всегдашнее заступничество Вани, она присоединялась къ пріемышу, и оба подтрунивали надъ сыномъ Глѣба; нерѣдко даже соединенными силами нападали они на него. Такое предпочтеніе пріемышу продолжалось, однакожъ, до извѣстнаго времени: съ возрастомъ, чувства дѣвочки раздѣлялись, казалось, поровну между товарищами дѣтства; привязанность ея къ обоимъ была, повидимому, одинакова. Быстро мелькаютъ золотые дни безпечнаго, веселаго дѣтства! Ваня и пріемышъ незамѣтно почти превратились въ юношей. Оба они смѣнили уже Василія. Глѣбъ Савинычъ женилъ его и отпустилъ за братомъ Петромъ въ рыбацкія слободы—благо сходно было ему имѣть теперь подъ рукою двухъ молодцовъ-работниковъ. Не нарадуется, бывало, Глѣбъ Савинычъ, глядя на Гришку.

„Чтой-то за парень! рослый, плечистый, на всѣ руки и во всякое дѣло парень! Маленечко вотъ только бычкомъ смотритъ, маленечко воровать, озорливъ,—ну да не безъ этого! и въ хорошемъ хлѣбѣ мякина есть. И то сказать, я вѣдь потачки не дамъ: онъ воровать, да и я узловатъ! какъ разъ попотчую изъ двухъ полѣнцевъ яичницей; а парень ловкій, нечего сказать, на всѣ руки парень!“—Немало также, если еще не болѣе, радовался старый рыбакъ, глядя на Ваню, не взирая даже на то, что часто трунилъ надъ нимъ, называя его „дьячкомъ“ и „грамотникомъ“.

Ваня не былъ такъ плечистъ, можетъ-статься, даже не былъ такъ расторопенъ и боекъ, какъ Гришка, но ужь во всякомъ случаѣ не уступалъ ему ни по лицу, ни въ работѣ. Славный былъ также рыбакъ! Его свѣтлые, умные, хотя нѣсколько задумчивые глаза, смотрѣли прямо и откровенно; румянецъ игралъ во всѣ его полныя щеки, слегка подернутыя первымъ пушкомъ юности; его бѣлое, чистое и круглое лицо, окруженное свѣтлорусыми кудрями, отражало простоту души, прямизну нрава и какое-то достоинство. Словомъ, онъ представлялъ тотъ благородный, откровенный, чистый типъ славянскаго племени, который такъ часто встрѣчается въ нашемъ простонародьѣ, но который, къ сожалѣнію, рѣдко достигаетъ полнаго своего развитія.

Да, было чѣмъ порадоваться на старости лѣтъ Глѣбу Савинову!

Одного вотъ только не могъ онъ взять въ толкъ: зачѣмъ бы обоимъ ребятамъ такъ часто таскаться къ сосѣду Кондратію на озеро? Да мало ли что! не все раскусятъ старые зубы, не все смекаетъ старая стариковская опытность. Впрочемъ, Глѣбъ, по обыкновенію своему, такъ только прикидывался. Съ чего же всякій разъ, какъ только Гришка и Ваня возвращаются съ озера, щуритъ онъ глаза свои, подсмѣивается втихомолку и потряхиваетъ головою?..

IX.

Озеро.

Семейство рыбака Глѣба, отъ мала до велика, находилось въ ужаснѣйшихъ хлопотахъ. Дворъ заваленъ былъ ворохами соломы; навѣсъ, примыкавшій къ правой сторонѣ переднихъ воротъ, лежалъ раскинутый по всей площадкѣ. На его мѣстѣ воздвигался новенькій, только-что поставленный сосновый срубъ; золотистыя бревна его, покрытыя каплями смолы и освѣщенныя солнцемъ, весело глядѣли на всѣ стороны и какъ бы подсмѣивались надъ черными, закоптѣлыми стѣнами стараго жилища, печально лѣпившагося по лѣвой сторонѣ воротъ. Глѣбъ давно замышлялъ поставить новую избу; цѣлыя пять лѣтъ лелѣялъ онъ эту мысль, но все крѣпился почему-то и не рѣшался привести ее въ исполненіе.

— Батюшка, часто говорила ему жена:—полно тебѣ умомъ-то раскидывать! самъ погляди: крыша на бокъ скосилась совсѣмъ, потолокъ плохъ сталъ—долго ли до грѣха! того и смотри, загремитъ, всѣхъ подавитъ. Полно тебѣ, поставь ты новую избу.

— Ничего: долго еще простоитъ, отвѣчалъ обыкновенно мужъ, съ видомъ величайшаго равнодушія.

Со всѣмъ тѣмъ Глѣбъ не пропускалъ ни одного изъ тѣхъ плотовъ, которые прогоняютъ по Окѣ костромскіе мужики, чтобы не разспросить о цѣнѣ лѣса; то же самое было въ отношеніи къ егорьевскимъ плотникамъ, которые толпами проходили иногда по берегу, направляясь изъ Коломны въ Тулу. Онъ заботливо разспрашивалъ ихъ, сколько возьмутъ они срубить новую избу, прикидывался къ цѣнѣ моха, уговаривался, повидимому, окончательно.—

шелъ уже за задаткомъ, но вдругъ останавливался, снова начиналъ торговаться и снова откладывалъ свое намѣреніе. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, Богъ знаетъ что сталось съ Глѣбомъ Савиновымъ: стихъ такой нашелъ на него или другое что, но въ одно утро, не сказавъ никому слова, купилъ вдругъ плотъ, нанялъ плотниковъ и въ три дня поставилъ новую избу. Плотники были уже отпущены; оставалось покрыть только кровлю и вставить рамы. Семейство рыбака дѣятельно хлопотало вокругъ новаго зданія.

Гришка-пріемышъ сидѣлъ верхомъ на „князькѣ", или макушкѣ кровли, съ граблями въ рукахъ. Связки соломы доставлялись ему помощью длиннаго рычага, прикрѣпленнаго, на подобіе колодезныхъ журавлей, къ вилообразной верхушкѣ высокаго столба, возвышавшагося посреди двора. Къ одному концу рычага привязана была тяжесть, для облегченія подъема; на другомъ концѣ, куда привязывалась солома, болталась длинная веревка, которою управлялъ Глѣбъ. Неподалеку, обѣ снохи (жена Петра и жена Василія) стояли, съ засученными по локоть рукавами, подлѣ бочки съ водою, и смачивали солому, назначенную для покрышки. На одномъ изъ подоконниковъ новаго зданія, сидѣлъ Ваня: свѣсивъ ноги во внутренность избы, перегнувшись всѣмъ корпусомъ на дворъ, онъ тесалъ притолки и пригонялъ рамы. Противъ него, на взбудораженномъ ометѣ соломы, возились дѣти Петра: старшему было уже девять лѣтъ, младшему—тому самому, который показывалъ когда-то кулачонки изъ люльки—только-что минуло семь. Они поминутно обращались къ дядѣ Ивану и, каждый разъ, какъ топоръ, приподнявшись, сверкалъ на солнцѣ, оба скорчивали испуганныя лица, бросались со всего маху въ солому, кувыркались и наполняли дворъ визгомъ и хохотомъ, которому вторили веселые возгласы Глѣба, понукавшаго къ дѣятельности то того, то другого, пѣсни Гришки на верхушкѣ кровли, плесканье двухъ снохъ и стукъ Иванова топора, изъ-подъ котораго летѣли щепы. Между всѣми этими шутливыми, веселыми группами ходила взадъ и впередъ тетушка Анна; она не принимала, повидимому, никакого участія въ стройкѣ. Совсѣмъ тѣмъ лицо ея выражало болѣе суеты и озабоченности, чѣмъ когда-нибудь; она перебѣгала отъ крылечка въ клѣтушку, отъ клѣтушки къ заднимъ воротамъ, отъ заднихъ воротъ снова къ крылечку, и во все время этихъ путешествій присутствовавшіе могли только видѣть однѣ ноги тетушки Анны: верхняя-же часть ея ту-

ловища исчезала совершенно за горшками, лагунчиками, скрывалась за рѣшетомъ, корчагою или корытомъ, которые каждый разъ подымались горою на груди ея, придерживаемые въ обхватъ руками. Захвативъ иной разъ второпяхъ черезчуръ обременительную ношу, пыхтя и перегибаясь назадъ подъ тяжестію огромной корчаги, которая заслоняла ей глаза, она вдругъ останавливалась, почувствовавъ подъ ногами какое-нибудь препятствіе.

— Батюшки, уроню, подсобите! вскрикивала старушка, поворачивая испуганное лицо къ присутствующимъ.

Тутъ всѣ бросали свою работу и бѣжали спасать старушку, которая, не чувствуя уже никакихъ преградъ подъ ногами, торжественно продолжала свое шествіе. Взглянувъ на усердіе и бережливость, съ какими таскала она и ставила горшки свои, можно было подуматъ, что судьба новаго жилища единственно зависѣла отъ сохранности этихъ предметовъ.

Время подходило къ вечеру. Тѣнь, бросаемая старой избою и сосѣднимъ навѣсомъ, затопила уже дворъ и досягала до новой кровли, оставляя только яркую полосу свѣта на князькѣ, гдѣ помѣщался пріемышъ, когда Глѣбъ приказалъ снохамъ прекратить работу.

— Ну, бабы, шабашъ! произнесъ онъ, съ самодовольствіемъ осматривая избу. — Соломы нонѣ больше не потребуется. Завтра начнемъ покрывать другую половину кровли. До того времени Гришка выложитъ ее хворостомъ... эй, Гришка!

— Ге... е!.. отозвался пріемышъ на макушкѣ.

— Перелѣзай на ту сторону. Время немного осталось; день на исходѣ... Завтра чѣмъ-свѣтъ станешь крыть соломой... Смотри, не замѣшкай съ хворостомъ-то! крѣпче его привязывай къ переводинамъ... не жалѣй мочалы; завтра къ вечеру, авось, дастъ Богъ, порѣшимъ... Ну, полѣзай... да не тормози руки!.. А я тѣмъ временемъ схожу въ Сосновку, къ печнику понавѣдаюсь... Кто его знаетъ: времени, говоритъ, мало!.. Пойду: авось теперь ослобонился, заключилъ онъ, направляясь въ сѣни.

Минуту спустя, онъ снова появился на дворѣ, но уже въ шапкѣ и съ палкою въ рукѣ.

— Эй, Ванюшка!

— Я, батюшка, отозвался Ваня, соскакивая съ подоконника и подходя къ отцу.

— Вотъ что... я было совсѣмъ запамятовалъ... я чай, на

ставни-то потребуется однотесу: въ городѣ тогда не купили, такъ ты сходи безъ меня на озеро къ Кондратію и одолжись у него. Онъ сказывалъ, есть у него-гвозди-то.

— Сейчасъ, батюшка, торопливо отвѣчалъ сынъ: — сейчасъ иду.

— Куды затормошился? Эвона! рази я говорю: теперь ступай! успѣешь еще десять разъ сбѣгать: время терпитъ. Напередъ всего покончи дѣло съ рамами и притолоками; тогда и ступай... немного далече, къ ночи домой поспѣешь...

— Гей, батюшка! крикнулъ Гришка, показывая надъ князькомъ свою черную голову, освѣщенную яркими лучами солнца.

— Чего тамъ?

— Давай я схожу.

— Куда?

— Да на озеро. Моя работа не задержитъ, — и то почитай ужъ готово...

— Знай свое дѣло дѣлай, объ моемъ не сумлѣвайся. Знаютъ про то большіе, у кого бороды пошире, что кому дѣлать: кому сказано, тотъ и пойдетъ! ступай-ка, ступай...

Голова Гришки скрылась за князькомъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, не мѣшаетъ замѣтить, Глѣбъ наблюдалъ, чтобы Гришка какъ можно рѣже бывалъ на озерѣ; взамѣнъ этого, онъ наровилъ посылать туда какъ можно чаще своего собственнаго сына. Все это, конечно, дѣлалось не безъ особенной цѣли. Онъ задумалъ женить Ваню на дочери сосѣда. Зная озорливость пріемыша и опасаясь не безъ основанія какого-нибудь грѣха съ его стороны въ томъ случаѣ, если дать ему волю, старый рыбакъ всячески старался отбить у него охоту таскаться на озеро; это было тѣмъ основательнѣе, что времени оставалось много еще до предположенной свадьбы. Глѣбъ, израсходовавшись на новую избу, отложилъ свадьбу Вани до предбудущаго лѣта.

— Смотри же, Ванюша, не запамятуй, спроси однотесу... слышь?.. Какъ кончишь притолки, такъ и ступай! повторилъ Глѣбъ, обращаясь къ сыну, который, послѣ перваго наказа отца такъ дѣятельно принялся за работу, что только щепки летѣли вокругъ. — Ну, а вы-то что-жъ, касатушки? разнѣжились, бѣлоручки! продолжалъ рыбакъ, поворачиваясь къ снохамъ, стоявшимъ безъ дѣла: — раненько отдыхать вздумали. Съ соломой покончили, принимайся за другое дѣло. Вамъ сказывай все! самимъ не въ догадку... э-хе! да вотъ хоть бы старухѣ-то подсобили; вишь, съ ногъ смота-

лась совсѣмъ... вишь, вишь... эхъ ты, сердечная! заключилъ онъ, подсмѣиваясь и направляясь къ воротамъ.

— Дѣдушка, и мы съ тобой! закричали, въ одинъ голосъ, дѣти Петра, кубаремъ скатываясь съ омёта.

— Куда, шуть васъ возьми совсѣмъ! куда! измаетесь: вѣдь я въ Сосновку... ступай домой!

— Нѣтъ, дѣдушка, пусти насъ; мы вотъ толечко до ручья тебя проводимъ.

— Ну, до ручья можно; пойдемъ!.. Вишь, пострѣлы какіе, а? скажи на милость, провожать просятся... Ну, ну, ступай, ступай.

И, сопровождаемый ребятишками, старый рыбакъ исчезъ за воротами.

— Слава тебѣ, Господи! замучилъ совсѣмъ! пробормотала жена Петра, бросаясь со всѣхъ ногъ на солому.

— И то... ухъ, батюшки!.. ногъ подъ собой не слышу, сказала жена Василія, слѣдуя ея примѣру.

— Ну, что вы развалились въ самомъ-то дѣлѣ-то?.. экія безстыжія, право!.. право, безстыжія!.. чего разлеглись? проговорила тетушка Анна, неожиданно появляясь передъ снохами съ лукошкомъ на головѣ, съ горшками подъ мышкой:—совѣсти въ васъ нѣтъ... хоть бы людей посрамились... Одна я за все и про все... Ухъ, моченьки нѣтъ!.. Ухъ, Господи!

Снохи лѣниво приподнялись и начали лѣниво подсоблять ей. Но такъ какъ старушка не давала имъ никакого дѣла и сверхъ того подымала ужаснѣйшій крикъ каждый разъ, какъ снохи прикасались только къ какому нибудь черепку, то онѣ заблагоразсудили снова отправиться на солому.

Ваня между тѣмъ продолжалъ такъ же усердно трудиться. Онъ, казалось, весь отдался своей работѣ и, не подымая головы, рубилъ справа и слѣва; изрѣдка лишь останавливался онъ и какъ бы прислушивался къ тому, что дѣлалось на другой сторонѣ кровли. Но Гришка работалъ такъ тихо, что его вовсе не было слышно.

— Гриша! произнесъ наконецъ Ваня, заколачивая послѣднюю раму.

— Отвѣта не было.

Ваня посадилъ остріе топора въ бревно и проворно обошелъ избу.

Гришка нигдѣ не отыскивался.

Румянецъ живо заигралъ тогда на щекахъ парня, и лицо его,

за минуту веселое, отразило душевную тревогу. Онъ торопливо вернулся въ избу, одѣлся и, не сказавъ слова домашнимъ, поспѣшно направился къ рѣкѣ, за которой немолчно раздавались пѣсни и крики косарей, покрывавшихъ луга. Время подходило къ Петровкамъ, и покосъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Достигнувъ того мѣста на концѣ площадки, куда обыкновенно причаливались лодки, Ваня увидѣлъ, что челнока не было. Никто не могъ завладѣть имъ, кромѣ Гришки. Глѣбъ пошелъ въ Сосновку, лежавшую, какъ извѣстно, на этой сторонѣ рѣки. На берегу находилась одна только большая четырехвесельная лодка, которою не могъ управлять одинъ человѣкъ. Ваня недолго раздумывалъ. Снять съ себя одежду, привязать ее на голову поясомъ—было дѣломъ секунды; онъ перекрестился и бросился въ воду.

Вечеръ былъ уже на исходѣ. Уже нагорный берегъ дѣлился темно-синею стѣною на чистомъ, ясномъ небѣ; темный, постепенно понижающійся хребетъ берега перерѣзывался еще кой-гдѣ въ отдаленіи свѣтло-лиловыми, золотистыми промежутками; то виднѣлись бока долинъ, затопленныхъ косыми лучами солнца, скрывавшагося за горою. Далѣе все завѣшивалось сквознымъ, розово-перламутровымъ паромъ. Холодная зубчатая тѣнь, бросаемая берегомъ, быстро бѣжала впередъ, захватывая луга и озера, и только рѣка одна, отражавшая круглыя румяныя облака, величественно еще сверкала въ темно-зеленыхъ берегахъ своихъ. Ваня не былъ лихимъ пловцомъ; но на этотъ разъ особенною какою-то силой дышали его мышцы: онъ не замедлилъ очутиться на другомъ берегу Оки. Тутъ только убѣдился онъ окончательно, что предчувствія не обманули его; первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ челнокъ, который, очевидно, старались припрятать въ кустахъ, но который, вытягивая мало по малу веревку, высвободился изъ засады и свободно покачивался на поверхности воды. Ваня миновалъ кусты, поспѣшно выбрался на опушку и пошелъ отхватывать лугами. Сумерки между тѣмъ успѣли уже окутать весь луговой берегъ. Совсѣмъ тѣмъ, здѣсь все еще кипѣло жизнью. Крику и шуму было даже болѣе, чѣмъ въ продолженіи дня. Всѣ спѣшили на отдыхъ: трудовой день кончился. Восклицанія, пѣсни неслись со всѣхъ концовъ необъятнаго лугового простора. Влажный вечерній воздухъ, проникнутый запахомъ сѣна, былъ недвиженъ; слабѣйшій звукъ не пропалъ для слуха. Несвязный говоръ, пѣсни, иногда какой-нибудь отрывчатый отдѣльный возгласъ, скрипъ телѣгъ, ржаніе жеребенка, раз-

дававшееся Богъ вѣсть гдѣ,—все это сливалось въ одинъ общій гулъ, разливавшійся мягкими волнами по окрестности. Всюду, между рядами остроконечныхъ стоговъ сѣна, верхушки которыхъ становились уже мало по малу темнѣе неба, мелькали бѣлыя рубахи косарей: бабы и ребятишки тянулись длинными кривливыми вереницами по всѣмъ направленіямъ; возы и лошади попадались на каждомъ шагу; кое-гдѣ артель работниковъ, развалившись на росистой травѣ вокругъ дымящагося котелка, собиралась ужинать; кое гдѣ только-что зажигались еще костры.

Ваня ходко шелъ впередъ, ни на что не обращая вниманія. Нерѣдко приводилось ему встрѣчаться съ толпами бабъ и мужиковъ; но онъ наровилъ всякій разъ обходить ихъ. „Куда идешь, молодецъ?“ раздавалось иногда изъ толпы бабъ. „За дѣломъ!“ коротко отвѣчалъ парень и, не замѣчая даже плутовскихъ взглядовъ, бросаемыхъ на него какою-нибудь краснощекой, игривой бабенкой, продолжалъ путь. Сквозь густѣющія сумерки онъ ясно различалъ верхушки ветелъ, орѣшника и ольхи, которыя выступали изъ-за крутого, но покуда еще скрытаго берега озера. По мѣрѣ приближенія къ цѣли, шагъ его ускорялся, грудь волновалась сильнѣе. Вскорѣ очутился онъ на краю берега, кругомъ какъ бахрамою покрытаго листвой. Невозмутимая тишина, прерываемая отдаленными пѣснями и говоромъ народа, который уходилъ все дальше и дальше къ Окѣ и располагался ужинать, царствовала на озерѣ. Неподвижно стояла его гладкая какъ зеркало поверхность, отражавшая звѣздное небо и темныя купы деревъ, обступавшихъ его окраину. Изрѣдка развѣ проносился какъ словно неясный, какой-то замирающій звукъ... Ваня прислушивался: то плескалась рыба или протрещалъ чибезъ, спѣшившій въ гнѣздо свое... Наконецъ сквозь вѣтки открылась лачужка дѣдушки Кондратія; но въ ней, какъ и на озерѣ, не было замѣтно признака жизни. Что бы это значило? Дѣдушка Кондратій не ложился такъ рано... Ваня направился къ жилищу рыбака. Дверь была отворена. Бережно ступая по мокрой травѣ, онъ вошелъ въ лачужку: тамъ никого не было. „Что-жъ бы это значило, въ самомъ дѣлѣ? куда-жъ дѣвались хозяева?... Ужъ не пошелъ ли дѣдушка Кондратій къ косарямъ вмѣстѣ съ дочкой?.. Нѣтъ, ему не зачѣмъ было идти къ косарямъ!.. Куда-жъ дѣвался наконецъ Гришка?..“ Задавая себѣ такіе вопросы, Ваня обошелъ нѣсколько разъ лачужку. Нигдѣ ни души. Онъ остановился и приложилъ уже ладони къ губамъ, чтобы крикнуть: авось не отзовется ли кто на

его голосъ; но въ эту минуту послышался ему неподалеку чей-то затаенный говоръ... Бережно ступая по травѣ, отъ тотчасъ же прокрался въ ту сторону. Дыханіе сперлось въ груди молодого парня, когда узналъ онъ голоса Гришки и Дуни. Но сердце его забилось еще сильнѣе, когда, достигнувъ знакомой ему прогалины между кустами, увидѣлъ онъ ихъ сидящихъ рядышкомъ на краю берега; темныя головы молодыхъ людей четко обозначались на свѣтлой поверхности озера, которое стлалось подъ ихъ ногами.

Осадивъ шагъ назадъ и стиснувъ зубы, которые щелкали какъ въ лихорадкѣ, Ваня притаился за кустъ и сталъ вслушиваться.

— Шт! молчи, Гриша: словно кто-то идетъ, произнесла Дуня, пугливо озираясь на стороны.

— Вотъ! кому теперь идти! Батька твой, чай, еще и до Комарева не доплелся; косари сѣли ужинать... Вотъ развѣ Ванька; да нѣтъ! небось: не придетъ! Челнокъ со мною на этой сторонѣ; плавать онъ не гораздъ; походитъ-походитъ по берегу, да съ тѣмъ и уйдетъ!..

— Охъ, боюсь я, Гриша, смерть боюсь...

— Чего?

— Ну, а какъ онъ догадается, что ты здѣсь... такъ инда сердце все задрожитъ...

— А лѣшій его возьми, пускай его догадывается! намъ не впервые мѣряться кулаками...

— А какъ онъ да отцу скажетъ?

— А пускай его сказываетъ! я нешто боюсь. Ѣздилъ на косарей поглядѣть, да и вся недолга.

— А все какъ словно страшно... Да нѣтъ, нѣтъ, Ваня не такой парень! Онъ хоть и провѣдаетъ, а все не скажетъ... Ахъ какъ стыдно! я и сама не знаю: какъ только повстрѣчаюсь съ нимъ, такъ даже вся душа заноетъ... такъ бы, кажется, и убѣжала!.. Должно быть, взаправду я обозналась: никого нѣту, проговорила Дуня, быстро оглядываясь.—Ну, Гриша, такъ что-жъ ты началъ разсказывать? заключила она, снова усаживаясь подлѣ парня.

— А вотъ что: примѣчаю я, старый за мной приглядываетъ.

— Съ чего же?

— А кто его знаетъ съ чего! должно быть...

— Перестань, Гриша... за что ты его не любишь? грѣшно тебѣ...

— Эвона! что онъ сродни мнѣ, что ли?

— А все грѣшно такъ-то говорить тебѣ! за что? они тебѣ были отцами, возростили, ходили, словно за роднымъ...

— Ну да, видно, за роднымъ... Я не о томъ рѣчь повелъ: недаромъ, говорю, онъ такъ то приглядываетъ за мной, — какъ только пошелъ куда, такъ во всѣ глаза на меня и смотритъ, не иду ли къ вамъ на озеро. Когда надобность до дѣдушки Кондратія, посылаетъ кажиной разъ Ванюшку... Сдается мнѣ, дѣлаетъ онъ это не спроста. Думается мнѣ: не на тебя ли старый позарился... знамо, не за себя хлопочетъ...

— Нѣтъ, Гриша, не пойду я...

— Вашего брата не спрашиваютъ: велятъ—пойдешь...

— Нѣтъ, не пойду, не пойду за Ваню! какъ передъ Господомъ Богомъ, не будетъ этого.

— Силой выдадутъ! Ужъ коли старый забралъ что въ голову, вой-не-вой, а будетъ, какъ ему захочется... Я давно говорю тебѣ: полно спѣсивиться, этимъ ничего не возьмешь... Ты мнѣ одно только скажи, нетерпѣливо произнесъ Гришка:—одно скажи: любъ я тебѣ, или нѣтъ?.. Коли нѣтъ...

— Любъ, Гриша, любъ! о! пуще отца родного! съ жаромъ воскликнула Дуня.

Тутъ колѣни Вани такъ сильно задрожали, что онъ едва удержался на ногахъ. Бѣдный парнюха хотѣлъ оправиться, сдѣлалъ какое-то крайне-неловкое движеніе, ухватился второпяхъ за сукъ, сукъ треснулъ, и Ваня всею своею тяжестію навалился на кустъ. Въ ту же секунду, поблизости, послышалось паденіе чего-то тяжелаго въ воду, и вслѣдъ за тѣмъ кто-то вскрикнулъ.

Ваня быстро вскочилъ на ноги, бросился впередъ и лицомъ къ лицу столкнулся съ Дуней.

— Не бойся: это я, сказалъ онъ совершенно взбудораженнымъ голосомъ, которому тщетно старался придать твердость.

— Ты, Ваня?.. Ахъ, какъ я испужалась! проговорила Дуня съ замѣшательствомъ.—Я вотъ сидѣла тутъ на берегу... думала нивѣсть что... вскочила, такъ инда земля подъ ногами посыпалась... Ты, я чай, слышалъ, такъ и загремѣло? подхватила она скороговоркою, между тѣмъ какъ глаза ея съ безпокойствомъ перебѣгали отъ собесѣдника къ озеру.

— Такъ, стало... ты здѣсь одна была? нерѣшительно проговорилъ Ваня, украдкою взглядывая на озеро.

На гладкой поверхности его, слегка зазубренной серебристыми

очертаніями разбѣгающагося круга, виднѣлось черное пятно, которое быстро приближалось къ противоположному берегу.

— Да ты, видно, къ батюшкѣ, Ваня? Батюшка ушелъ въ Комарево, торопливо поспѣшила сообщить дѣвушка.

Въ эту самую минуту слабый трескъ дальнихъ кустовъ возвѣстилъ, что темное пятно, виднѣвшееся на поверхности воды, благополучно достигло берега.

— Что жъ ты здѣсь стоишь, Ваня? сказала вдругъ дѣвушка измѣнившимся и, повидимому, уже совсѣмъ спокойнымъ голосомъ: — пойдемъ въ избу: можетъ статься, надобность есть какая? можетъ статься, тебя отецъ прислалъ? Обожди: батюшка скоро вернется.

— Нѣтъ... я такъ... батюшкѣ... однотесу вишь понадобилось, пробормоталъ Ваня, мѣшаясь и прерываясь на каждомъ словѣ.

— Такъ ты обожди: батюшка скоро вернется... Пойдемъ; что стоять-то! вымолвила Дуня, направляясь къ лужайкѣ.

Ваня послѣдовалъ за нею, но, сдѣлавъ три шага, остановился.

— Что-жъ ты? спросила дѣвушка, поворачивая къ нему голову.

— Нѣтъ, я ужъ лучше завтра зайду, произнесъ парень, съ самымъ неловкимъ видомъ.

— Что-жъ такъ?

— Да такъ... завтра ужъ оно лучше... теперь пора домой... Прощай, Дуня!..

— Экой чудной какой! да куда ты? обожди!

— Нѣтъ, ужъ не приходится!.. Прощай!

— Прощай, Ваня... Заходи же завтра; я батюшкѣ скажу... Прощай!

Но Ваня ничего не слышалъ: онъ былъ уже далеко.

„Такъ вотъ они какъ! Вотъ что. А мнѣ и не въ домекъ было! Знамо, теперь все пропало, кануло въ воду... Что-жъ! я имъ не помѣха коли такъ... Господь съ ними!“ бормоталъ Ваня, дѣлая безотрадные жесты и на каждомъ шагу обтирая ладонью потъ, который катился съ него ручьями. Ночь между тѣмъ была росистая и сырая. Но онъ чувствовалъ какую-то нестерпимую духоту на сердцѣ и въ воздухѣ. Ему стало такъ жарко, что онъ принужденъ даже былъ распахнуть одежду.

Вскорѣ очутился онъ посреди луговъ.

Но на этотъ разъ никто уже не привѣтствовалъ молодого парня. Здѣсь все уже безмолвствовало. Темнымъ, неоглядно-далекимъ пологомъ разстилались луга. Торжественно-тихо раскидывалось

надъ нимъ синее ровное небо, усѣянное мерцающими звѣздами. Чуть-чуть видными пятнами мелькалъ развалившійся по травѣ народъ. Костры уже погасли. Гдѣ-гдѣ, подлѣ груды тлѣющихъ, покрытыхъ сѣдымъ пепломъ угольевъ, сидѣла баба и, покачивая люльку, задумчиво склонивъ голову надъ уснувшимъ младенцемъ, тихо напѣвала заунывную колыбельную пѣсню... Все безмолвствовало. Даже самые шаги молодого парня стали раздаваться слабѣе-слабѣе, и тѣ наконецъ смолкли. Ваня ступалъ уже по песку и приближался къ Окѣ. Онъ прямо пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находился челнокъ. Но челнока уже не было. При этомъ движеніе какого-то невольнаго отчаянія пробудилось вдругъ въ душѣ молодого парня; кровь хлынула къ его сердцу; какъ словно туманомъ какимъ окинулось все передъ глазами. Но это продолжалось недолго. Онъ поднялъ глаза и взглянулъ на ту сторону: черной, мрачной стѣною подымался нагорный берегъ; тамъ, далеко-далеко, въ одномъ только мѣстѣ привѣтливо мигалъ огонекъ... то, быть можетъ, старуха-мать поправляетъ лучину, выжидая запоздавшаго сына... Ваня провелъ рукою по лбу, какъ бы стараясь опомниться, торопливо прошепталъ молитву, перекрестился и бросился въ воду, не выпуская изъ глазъ огонька, который продолжалъ мигать ему, отражаясь дрожащею, золотистою ниткой на гладкой поверхности Оки, величаво сверкавшей посреди ночи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

X.

Обманутое ожиданіе.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ происшествія на озерѣ,— происшествія, которое такъ сильно взволновало сердце младшаго сына рыбака, Глѣба Савинова.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, послѣ обѣда, Глѣбъ, Ваня и пріемышъ работали неподалеку отъ новой избы, на верхнемъ концѣ площадки. Приближалось водополье. Старый рыбакъ и молодые помощники его приготовляли все нужное для начала рыбной ловли, которая считаетъ разливъ рѣки лучшимъ своимъ временемъ. Они спѣшили управиться съ саками, баграми, вершами и сѣтями: кое-гдѣ требовалось вилести новый вѣнецъ изъ ивняку, тамъ недоставало нѣсколькихъ петель, здѣсь слѣдовало подвязать новый поплавокъ, и проч., и проч. Зима хотя и длинна, а всего не усмотришь.

Принимая въ соображеніе шумъ и возгласы, раздававшіеся на дворѣ, можно было утвердительно сказать, что тетушка Анна и снохи ея также не оставались праздными. Тамъ шла своего рода работа. И гдѣ-жъ видано, въ самомъ дѣлѣ чтобы добрыя хозяйки сидѣли сложа руки, когда до свѣтлаго праздника остается всего-на-все одна недѣля!

Нечего, разумѣется, говорить о тѣхъ заботахъ, которыя связываются съ крашеньемъ яицъ, печеніемъ куличей и приготовленіемъ пасхи: все это было покуда еще впереди. Но всякій согласится, я думаю, что мытье половъ, чистка избы, стирка и заготовленіе кой-какихъ обновъ (послѣднее производится обыкновенно втайнѣ, но возбуждаетъ тѣмъ не менѣе болѣе толковъ, чѣмъ первыя

хозяйственныя хлопоты) представляютъ также немаловажную статью. Несмотря, однакожъ, на всѣ эти многосложныя занятія, наши хозяйки, очевидно, больше кричали и шумѣли, чѣмъ дѣлали дѣло. Работа ихъ подвигалась изъ рукъ вонъ плохо. И тетушка Анна, и снохи ея поминутно выбѣгали за ворота. Примѣру ихъ даже слѣдовали дѣти Петра. Всѣ съ нетерпѣніемъ устремляли тогда глаза на посинѣвшую Оку и дальній луговой берегъ, уже совсѣмъ почти освободившійся отъ снѣгу.

Дѣло въ томъ, что съ минуты на минуту ждали возвращенія Петра и Василія, которые обѣщали придти на побывку за двѣ недѣли до Святой: оставалась между тѣмъ одна недѣля, а они все еще не являлись. Такое промедленіе было тѣмъ болѣе неумѣстно съ ихъ стороны, что путь черезъ Оку становился день ото дня опаснѣе. Уже поверхность ея, затоплялась водою, частію выступавшею изъ-подъ льда, частію приносимою потоками, которые, съ ревомъ и грохотомъ, низвергались съ нагорнаго берега.

Былъ именно одинъ изъ тѣхъ сырыхъ, сумрачныхъ дней, которые ускоряютъ оттепель лучше самаго яркаго солнца. Густой туманъ покрывалъ землю. Теплый, влажный южный вѣтеръ — „мокрякъ“, какъ называютъ его рыбаки,—видимо, казалось, съѣдалъ остатки рыхлаго почернѣвшаго снѣга. Темно-синяя полоса, висѣвшая неподвижно уже нѣсколько сутокъ сряду, надъ горизонтомъ, предвѣщала, въ совокупности съ такими же вѣрными признаками, надолго установившееся тепло. Глѣбъ, въ совершенствѣ постигавшій значеніе самыхъ неуловимыхъ перемѣнъ воздуха, давно еще предсказалъ такую погоду. Старый рыбакъ никогда не ошибался: закатъ солнца, большая или меньшая яркость утренней зари, направленіе вѣтра, отблескъ воды, роса, поздній или ранній отлетъ журавлей,—все это осуществляло для него книгу, въ которой онъ читалъ такъ же бойко и съ разумнымъ толкомъ, какъ разумный грамотѣй читаетъ святцы. Рѣку, со всѣми ея годичными измѣненіями и причудами, зналъ онъ, какъ свои пять пальцевъ. Многія примѣты, основанныя на долгомъ опытѣ, говорили ему, что не сегодня, такъ завтра Ока взломаетъ ледъ и разольется дружною водою. Соображаясь съ этимъ, онъ за нѣсколько дней перетащилъ лодки на верхнюю часть площадки. Позднее вскрытіе рѣки не предвѣщало ничего худого для промысла. Глѣбъ былъ, слѣдовательно, доволенъ и спокоенъ: одного развѣ не доставало для полнаго довольства

Глѣба — не доставало сыновей, которыхъ такъ долго и такъ напрасно всѣ ждали.

— Шутъ ихъ знаетъ, чего они тамъ замѣшкали! говорилъ онъ обыкновенно въ отвѣтъ на скорбные возгласы бабъ, которыя, выбѣжавъ за ворота и не видя Петра и Василія, обнаруживали всякій разъ сильное безпокойство.—Вѣдь вотъ же, продолжалъ онъ, посматривая вдаль: — дня нѣтъ, чтобы съ той стороны не было народу... валомъ валитъ! Всякому лестно, какъ бы скорѣе домой поспѣть къ празднику. Нашихъ нѣтъ только... Шутъ ихъ знаетъ, чего они тамъ застряли!

— Богъ вѣдаетъ, что такое! Я ужъ не знаю, что и подумать-то... о-охъ! говорила тетушка Анна съ глубокимъ вздохомъ.

Тутъ старуха дѣлала обыкновенно какой-то таинственный знакъ снохамъ, и всѣ три, робко, шагъ за шагомъ, подходили къ работающимъ. Тетушка Анна рада была, что мужъ ея по крайней мѣрѣ хоть разговариваетъ объ отсутствующихъ: авось услышитъ она отъ него какую разумную, толковую рѣчь, которая успокоитъ ея материнское, наболѣвшее сердце.

Подойдя къ мужу, она прикладывала ладонь къ правой щекѣ и, тоскливо покачивая головою, продолжала:

— Нѣтъ, не дождаться, знать, намъ нашихъ дѣтушекъ... Гдѣ-то они теперь? О-охъ, чуетъ мое сердце...

Дрожащій голосъ ея ясно показывалъ, что она готова была удариться о-земь и закричать голосомъ.

— Полно тебѣ, дура-голова! ну, чего ты, чего? Погодимъ еще: авось какой-нибудь разсудокъ да будетъ... Не махонькіе они: свой толкъ въ головѣ есть. Знамо, кто себѣ врагъ! на бѣду не полѣзутъ.

— Такъ-то такъ, батюшка, а все словно думается, не прилучилось бы чего, возражала жена Петра.

— Ничаво! должно быть, рѣки задержали, неожиданно сказалъ Гришка.

— Вотъ Гришка недолго думалъ — рѣшилъ! произнесъ Глѣбъ, посмѣиваясь. — Слышь, за рѣками дѣло стало, а намъ и не вдомекъ! Эхъ ты, разумная голова! У Бога недолго, а у насъ тотчасъ!... Рѣки помѣшали! Ну, а народъ-то какъ же приходитъ? лодки, что ли, подъ мышкой несетъ? а? Эхъ ты! Кабы рѣки-то разошлись, они бы, я чай, давно себя показали: давно бы здѣсь были! подхватилъ онъ, указывая на Оку:—всѣмъ рѣкамъ одинъ путь—наша Ока. Давно бы тогда и мы по ней погуливали... Догадливый парень,

нечего сказать! Ну-ка-сь, ты, Василиса, что скажешь? добавилъ онъ, насмѣшливо взглядывая на жену Василія.

Но Василиса, обыкновенно говорливая, ничего на этотъ разъ не отвѣчала. Она была всего только одинъ годъ замужемъ. Въ качествѣ „молодой", ей зазорно, совѣстно было, притомъ и не слѣдовало даже выставлять своего мнѣнія, по которому присутствующіе могли бы заключить о чувствахъ ея къ мужу. Весьма вѣроятно, она ничего не думала и не чувствовала, потому что, мѣсяцъ спустя послѣ замужества, разсталась съ сожителемъ и съ той поры въ глаза его не видѣла.

— Такъ какъ же, Гришка? а? рѣки помѣшали? продолжалъ разспрашивать развеселившійся Глѣбъ.

— Спроси у Ванюшки: онъ лучше моего скажетъ, отвѣчалъ пріемышъ, украдкою взглядывая на хозяйскаго сына, который, съ видомъ раздумья, чинилъ вершу и мало обращалъ, повидимому, вниманія на все происходившее вокругъ.

— Что-жъ ты молчишь, Ванюшка? говори: съ чего братья, шутъ ихъ возьми, застряли? произнесъ Глѣбъ, находившій всегда большое удовольствіе раззадоривать другъ противъ дружки молодыхъ парней, чтобы потомъ вдосталь надъ ними потѣшиться.

— Почемъ мнѣ знать, батюшка! спокойно и какъ-то неохотно отвѣчалъ сынъ:—кабы я съ ними шелъ, такъ, можетъ-статься, сказалъ бы тебѣ; Господь ихъ вѣдаетъ, чего они нейдутъ...

Онъ взглянулъ на мать, которая слегка уже начинала всхлипывать, и поспѣшилъ прибавить:

— Должно быть, съ дѣлами не справились. Богъ дастъ, придутъ.

— Ну, этотъ, по крайности, хошь толкомъ сказалъ, — долго думалъ, да хорошо молвилъ! произнесъ отецъ, самодовольно поглаживая свою раскидистую бороду.—Ну, бабы, что-жъ вы стоите? заключилъ онъ, неожиданно поворачиваясь къ снохамъ и хозяйкѣ: — думаете, станете такъ-то ждать на берегу съ утра да до вечера, такъ они скорѣе отъ эвтаго придутъ... Дѣловъ нѣтъ у васъ, что ли?

При этомъ тетка Анна и снохи ея бросали новый взглядъ на дальній берегъ и, подавивъ вздохъ, снова возвращались къ своимъ занятіямъ.

Веселость стараго рыбака, не подстрекаемая присутствіемъ бабъ и возгласами молодыхъ ребятъ, которые большею частію работали молча, мало-по-малу проходила и уступала мѣсто сосредоточенному раздумью. Его не много безпокоили отсутствующіе: Петръ и Василій

не малые ребята, къ тому же и люди толковые. Слава тебѣ, Господи! настолько пожили они на свѣтѣ, настолько опытны, чтобы знать, гдѣ слѣдъ и гдѣ неслѣдъ. Ненадежное состояніе дорогъ и рѣкъ имъ слишкомъ извѣстно, чтобы можно было ожидать отъ нихъ какой-нибудь опрометчивости. Вѣроятно, дѣла поважнѣе задерживали ихъ такъ долго. Можетъ-статься, съ хозяиномъ не покончили разсчетовъ, а можетъ-статься, и попросту—загуляли. За Петрушкой такое важивалось! Такъ разсуждалъ Глѣбъ, предоставлявшій бабамъ своимъ сокрушаться и строить, по поводу отсутствующихъ, отчаянныя, безнадежныя предположенія. Онъ рѣдко даже посматривалъ въ ту сторону, откуда должны были показаться Петръ и Василій. Съ нѣкоторыхъ поръ взгляды Глѣба несравненно чаще обращались къ младшему сыну. Старый рыбакъ давно еще, почти съ самаго начала зимы, сталъ замѣчать перемѣну въ молодомъ парнѣ. Не разъ даже пыталъ онъ дослѣдиться причины, не разъ привязывался къ Ванѣ, осаждая его вопросами о томъ, съ чего это напала на него худоба, съ чего онъ невеселъ, что бычкомъ смотритъ, и проч. и проч. Не разъ даже старикъ выходилъ изъ себя и грозилъ порядкомъ проучить сына въ томъ случаѣ, если со временемъ окажется какая-нибудь причина такой перемѣны,—но остался все-таки ни причемъ. Ваня отбояривался обыкновенно какими-то пустыми, незначащими отвѣтами; говорилъ, что онъ ничего за собою не замѣчаетъ, что никакой особенной худобы за собою не видитъ, — словомъ, не давалъ никакого удовлетворительнаго объясненія. Хуже всего было то, по мнѣнію Глѣба, что Ванюшка началъ съ нѣкоторыхъ поръ какъ словно задумываться. Это обстоятельство особенно сильно бродило почему-то въ головѣ стараго рыбака въ тотъ день, о которомъ идетъ теперь рѣчь.

„Вѣдь вотъ же, ничего такого не бывало съ его братьями, думалъ онъ, поглядывая на Ваню изъ-подъ густыхъ нахмуренныхъ бровей,—да вотъ теперь, хошь бы Гришка: ничего такого не примѣтно: парень, какъ парень... озорливъ, негодный! Ну, а въ другомъ чемъ виду не показываетъ, — пѣсни это играетъ, съ бабами балуетъ; иной разъ даже сократишь его, пріудержишь... А мой и ѣсть сталъ что-то не въ охоту, хлѣба лишился,—словно хворобой какой скучаетъ. И не допытаешь никакъ: затаился!.. Надо женить его—вотъ что!.. Онъ хоша, сдается мнѣ, недобре ластится къ дочкѣ Кондратія, во всю зиму почитай къ нимъ и не навѣдывался: знать, не по идраву; да смотрѣть на это нечего! женится — слю-

бится!“ продолжалъ Глѣбъ, хранившій покуда еще втайнѣ такое намѣреніе.

Выборъ Глѣба, не мѣшаетъ замѣтить, могъ только объясниться непомѣрнымъ его упорствомъ. Озерской рыбакъ, по словамъ самого Глѣба, былъ не что иное, какъ сосѣдъ, у котораго нечѣмъ было голодную собаку изъ-подъ стола выманить. Дочка его была, слѣдственно, „безприданница“. Разсчетливый Глѣбъ подавно не долженъ былъ бы обращать на нее вниманія. Но такъ ужъ задумалъ Глѣбъ,—задумалъ потому, можетъ статься, что такой выборъ долженъ былъ встрѣтить препятствія со стороны жены и родныхъ. Когда Глѣбъ заберетъ что въ голову, можно почесть дѣло рѣшеннымъ; въ этихъ случаяхъ ничѣмъ уже не возьмешь. Упрямство сильнѣе самаго разсчета.

„Женится—слюбится (продолжалъ раздумывать старый рыбакъ). Давно бы и дѣло сладили, кабы не стройка, не новая изба... Надо, видно, дѣло теперь порѣшить. На Святой же возьму его да схожу къ Кондратію: просватаемъ, а тамъ и дѣлу конецъ! Авось будетъ тогда повеселѣе. Черезъ эвто, думаю я, болѣе и скучаетъ онъ, что одинъ безъ жены живетъ: такихъ парней видалъ я не разъ! сохнутъ да сохнутъ, а женилъ, такъ и бѣда прошла. А все вотъ такъ-то задумываться не съ чего... Шутъ его знаетъ! худѣетъ, да и полно!.. ума не приложу...“

На самомъ этомъ мѣстѣ размышленія Глѣба были прерваны пронзительными криками Анны, обѣихъ снохъ и даже ребятишекъ Петра: всѣ они, какъ сумасшедшіе, стремглавъ летѣли изъ воротъ, тискаясь другъ на дружку и размахивая руками.

— Батюшки! они! касатики! они! они идутъ! они, они! кричала тетушка Анна, бѣжавшая впереди всѣхъ и придерживавшая правою рукою платокъ на головѣ: —они! они идутъ! Пресвятая Богородица! они! подхватывала она, перескакивая черезъ багоръ, наконечникъ котораго лежалъ на колѣняхъ мужа.

— Они идутъ, они! какъ передъ Богомъ, они! вопили снохи и дѣти, вихремъ проносясь мимо работающихъ и задѣвая на пути верши, которыя покатились во всѣ стороны.

— Экъ ихъ подняло! полоумныя! инда совсѣмъ огорошили! проговорилъ Глѣбъ, вставая на ноги и оглядывая бѣжавшихъ бабъ съ видомъ крайняго недоумѣнія. —Ребята! примолвилъ онъ, поспѣшно обращаясь къ Гришкѣ и Ванѣ: —ступайте за ними, живо! Вишь ихъ! сдуру-то, чего добраго, въ воду еще побросаются!.. Эй, бабы!

глупыя!.. Эй! куда вы? подхватилъ онъ, догоняя Ваню и Гришку, которые бѣжали внизъ по площадкѣ: — стойте! эй!.. нѣтъ, дуютъ себѣ, шальныя! Ну, чего вы? чего всполохнулись?... Эки безшабашныя! заключилъ онъ, настигая бабъ, которыхъ едва сдерживали на берегу Гришка и Ваня.

— Батюшки! они! касатики! они! голосили бабы, и пуще всѣхъ тетушка Анна.

Въ самомъ дѣлѣ, на той сторонѣ Оки виднѣлись люди. Хотя они казались ничуть не больше мизинца, однакожъ, по движенію ихъ, ясно можно было заключить, что они высматривали удобопроходимыя мѣста и готовились спуститься на рѣку.

— Должно быть, мѣста-то тамъ добре опасливы! вишь какъ выглядываютъ! говорила жена Петра, нетерпѣливо переминаясь на мѣстѣ.

— Батюшка, Петрушенька ты мой! Вася! касатикъ! рожоной ты нашъ! родимые вы мои! охъ, вы, батюшки вы наши! вопила тетушка Анна такимъ голосомъ, который могъ показаться издали отчаяннымъ рыданьемъ.

— Тятька! тятька идетъ! кричали, въ свою очередь, мальчишки.

— Вы что, мелюзга?.. И она туда же!.. цыцъ! сказалъ не совсѣмъ ласково Глѣбъ. — Полно вамъ кричать, бабы!.. Охъ, ты, старая, куда голосиста!.. Погодите, дайте время высмотрѣть. Спозаранку хватились! можетъ статься, и не они совсѣмъ.

— И то не они! воскликнулъ неожиданно Гришка, пристально слѣдя глазами за путешественниками, которые подвигались впередъ, описывая круги по льду.

— Нѣтъ, не они! подтвердилъ Ваня.

— Ну, вотъ, то-то же и есть! Эхъ вы, сороки! вымолвилъ Глѣбъ сурово, обращаясь къ бабамъ.

Бабы стояли какъ ошеломленныя. Несмотря на то, что онѣ уже двадцать разъ обманывались такимъ образомъ, имъ какъ будто все еще въ голову не приходило, что на Окѣ, кромѣ Василія и Петра, могутъ показаться другіе люди: опытъ въ этомъ случаѣ ни къ чему не служилъ. Бабы стояли какъ ошеломленныя. Вскорѣ, однакожъ, руки и ноги ихъ снова обрѣли движенія; а вмѣстѣ съ ними развязался и самый языкъ. Досадливое чувство не замедлило уступить мѣсто любопытству. Всѣ три поспѣшили къ Глѣбу, Ванюшкѣ и Гришкѣ, которые стояли на самой окраинѣ берега и кричали прохожимъ, заставляя ихъ принимать то или другое направленіе и предостерегая ихъ отъ опасныхъ мѣстъ; бабы тотчасъ же

присоединились къ старому рыбаку и двумъ молодымъ парнямъ и такъ усердно принялись вторить имъ, какъ будто крикомъ своимъ хотѣли выместить свою неудачу.

На этотъ разъ, впрочемъ, было изъ чего суетиться. Вчужѣ забиралъ страхъ при видѣ живыхъ людей, которые, можно сказать, на ниточкѣ висѣли отъ смерти: мѣстами вода, успѣвшая уже затопить, во время дня, половину рѣки, доходила имъ до колѣнъ; мѣстами приводилось имъ обходить проруби или перескакивать черезъ широкія трещины, поминутно преграждавшія путь. Дороги нечего было искать: ея вовсе не было видно; слѣдовало идти на авось: гдѣ ледъ держитъ пока ногу, туда и ступай.

— Гей, братцы, забирайте лѣвѣй,— лѣвѣй забирайте! прямо не ходите! кричалъ Глѣбъ.

— Прямо не ходитё!... не ходитё!... Ахъ ты, Господи, того и смотри, обломятся! дружно вторили бабы.

Но путешественники, которыхъ числомъ было шесть, хотя и внимательно, казалось, прислушивались къ голосамъ людей, стоявшихъ на берегу, тѣмъ не менѣе, однакожъ, все-таки продолжали идти своей дорогой. Они какъ словно дали крѣпкій зарокъ ставить ноги въ тѣ самыя углубленія, которыя производили лаптишки ихъ предводителя—коренастаго, пожилого человѣка, съ огромною пилою на правомъ плечѣ; а тотъ, въ свою очередь, какъ словно далъ зарокъ не слушать никакихъ совѣтовъ и дѣйствовать по внушенію какихъ-то тайныхъ убѣжденій.

— Вишь, смѣлые какіе! того и смотри, обломятся! говорилъ Глѣбъ.

— Обломятся! знамо, обломятся... Ахъ ты, Господи! подхватили, съ увѣренностью, бабы.

— Эй, ребята! снова крикнулъ Глѣбъ, когда путники приблизились къ мѣсту, гдѣ рѣка представляла длинное озеро:— стойте, говорятъ вамъ,— стойте, не ходите!

При этомъ предводитель съ пилою на плечѣ остановился; за нимъ тотчасъ же остановились и другіе.

— Гей? отозвался предводитель, вопросительно обращаясь къ стоявшимъ на берегу.

— Не ходи прямо! развѣ не видишь? закричалъ Глѣбъ.

— А что? отозвался предводитель.

— А то же, что воды отвѣдаешь: потонешь—вотъ что! Обойди

кругомъ, говорятъ!... Намедни и то сосновскій мельникъ тутъ возъ увязилъ...

— Насилу вытащили! подхватили бабы, въ одинъ голосъ.

Предводитель отступилъ шагъ назадъ и поправилъ шапку. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ направо: вода съ этой стороны затопляла рѣку на далекое разстояніе; посмотрѣлъ на лѣво: съ этой стороны вода простиралась еще дальше. Предводитель снова поправилъ шапку, тряхнулъ пилою и пошелъ отхватывать прямо, останавливаясь, однакожъ, кое-гдѣ и пощупывая ногами ледъ, скрытый подъ водою. Остальные путники, какъ бараны, послѣдовали тотчасъ же за своимъ товарищемъ.

На берегу между тѣмъ воцарилось глубокое молчаніе; говорили одни только глаза, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдившіе за каждымъ движеніемъ смѣльчаковъ, которые съ минуты на минуту должны были обломиться, юркнуть на дно рѣки и „отвѣдать водицы“, какъ говорилъ Глѣбъ.

XI.

Прохожіе.

Смѣльчаки, однакожъ, не обламывались. Слѣдуя гуськомъ за своимъ предводителемъ, шмыгавшимъ въ водѣ по колѣни, они продолжали подвигаться впередъ. Немного погодя, благополучно выбрались они на свѣжую полосу, отдѣлявшую ихъ отъ берега шаговъ на сто.

То были пильщики и шерстобиты, или „волнотёпы“, какъ называютъ ихъ преимущественно по деревнямъ. Послѣднихъ можно было узнать по длиннымъ чернымъ шестамъ, сдѣланнымъ на подобіе контрбасныхъ смычковъ, съ тою разницею, однакожъ, что волосъ замѣнялся здѣсь толстою струною изъ бычачьей жилы; смычки эти болтались за спиною и торчали изъ-за плечъ, какъ ружья у черкесовъ. Широкія лоснящіяся пилы плавно покачивались на плечахъ другихъ молодцовъ. Кромѣ этихъ ремесленныхъ орудій, за спиною почти каждаго виднѣлся холстяной мѣшокъ, который, судя по объему, могъ только вмѣщать рубаху да еще, можетъ-статься,

заработанныя деньжишки, завязанныя въ тряпицу; тутъ же, подлѣ мѣшковъ, или на верхнихъ концахъ пилъ и смычковъ качались сапоги, весьма похожіе на сморчки, но которыми владѣльцы дорожили очевидно болѣе, чѣмъ собственными ногами, обутыми въ никуда негодные лаптишки, свободно пропускавшіе воду.

Вскорѣ всѣ шестеро достигли берега. Лица ихъ выражали такую же беззаботливость и спокойствіе, какъ будто они только-что прошлись по улицѣ. Все ограничилось тѣмъ только, что предводитель тряхнулъ пилою и сказалъ:

— Ну ужь дорожка!

— Да таки—ништо! смѣясь, возразилъ Глѣбъ.—Ну, братцы, посмотрѣли мы на васъ: хваты,—нечего сказать!

— Какъ это вы, батюшки, такъ-то... а-и! а-и! проговорили бабы, съ любопытствомъ осматривая пришлецовъ.

Предводитель снялъ низенькую шапку, отороченную лохмотьями бѣлаго барана, опустилъ конецъ пилы наземь и засѣменилъ ногами мелкую дробь, причемъ брызги воды полетѣли на присутствующихъ.

Выходка эта особенно пріятно подѣйствовала на одного изъ товарищей предводителя—молодого дѣтину съ глуповатой физіономіей, острымъ, любопытнымъ носомъ и бѣлыми какъ сахаръ зубами.

— Эхъ, Нефедка!... о-о! шутъ его возьми!... о-о!... могъ только проговорить онъ и залился дребезжащимъ смѣхомъ, отъ котораго задрожали его полныя щеки.

Нефеду, то-есть предводителю, было безъ малаго лѣтъ пятьдесятъ. На головѣ его начали уже вытираться волосы, сквозь которые сильно просвѣчивало красное, приплюснутое, глянцовитое темя; носъ Нефеда, комически вздернутый кверху, краснѣлъ такъ ярко, что, казалось, отражалъ цвѣтъ свой на остальныя части лица; носъ этотъ, въ товариществѣ съ мутными, стеклянистыми глазами, не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Нефедъ частенько рвалъ косушку и даже недавно захватилъ куражу. За спиною Нефеда не было ни сапоговъ, ни мѣшка; все имущество его ограничивалось пилою и трубкой величиною съ наперстокъ; объѣденный чубучокъ этой трубки высовывался изъ бокового кармана далеко неказистаго полушубка,—совсѣмъ даже никуда негоднаго полушубка. Гуляка и пьянчужка выглядывали изъ каждой прорѣхи его одежды. Однимъ словомъ, Нефедъ съ перваго взгляда давалъ

знать, что принадлежитъ къ тѣмъ общинанцамъ, которыхъ въ простонародьи величаютъ обыкновенно „голудвою кабацкой“.

— Ну, ужъ, братцы, милостивъ къ вамъ Господь! продолжалъ Глѣбъ, значительно подымая густыя свои брови:—не чаялъ я увидѣть васъ на нашемъ берегу; на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ вы черезъ воду-то проходили, вечоръ сосновскій мельникъ возъ увязилъ...

— Насилу вытащили! замѣтили бабы съ такою живостью, какъ будто несчастіе было передъ ихъ глазами.

— Дивлюсь я, право, какъ этакъ Богъ помиловалъ, продолжалъ старый рыбакъ:—ледъ-то добре подточило,—почти весь измодѣлъ; плохая опора: какъ разъ солжетъ!...

— Ничаво, вишь: проѣхали! маленько вотъ только посочки подмочили! сиплымъ, надорваннымъ голосомъ произнесъ Нефедъ, разставляя вымокшія до колѣнъ ноги и осматривая лаптишки.

Всѣ засмѣялись, а молодой парень съ бѣлыми зубами пуще всѣхъ; даже шапка его скосилась и колѣни подогнулись.

Во все продолженіе предыдущаго разговора онъ подобострастно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Нефеда,—казалось, съ какою-то даже ненасытною жадностію впивался въ него глазами; какъ только Нефедъ обнаруживалъ желаніе сказать слово или даже поднять руку или повернуть голову, у молодого парня были уже уши на макушкѣ; онъ заранѣе раскрывалъ ротъ, оскаливалъ зубы, быстро окидывалъ глазами присутствующихъ, какъ-будто хотѣлъ сказать: „слушайте, слушайте, что скажетъ Нефедъ!“ и тотчасъ же разражался неистовымъ хохотомъ. Всего замѣчательнѣе было то, что хотя въ поступкахъ и словахъ Нефеда не было ничего особенно забавнаго или остраго, почти всѣ слѣдовали примѣру молодого дѣтины.

— Откуда, братцы? началъ Глѣбъ.

— Изъ Серпухова, отвѣчалъ одинъ изъ шерстобитовъ.

— Гм! понимаю...

— А мы изъ Шушелова! знаешь Шушелово? сказалъ Нефедъ.

Молодой парень замигалъ глазами и заранѣе раскрылъ ротъ.

— Слыхать слыхалъ, а бывать не бывалъ, произнесъ Глѣбъ:—далече отселева?

— Да, ишшто—рукой не достанешь.

Всѣ засмѣялись.

— Онъ оттедова,—всѣ шерстобиты оттедова, подхватилъ прежній шерстобитъ.

— Куда Богъ несетъ?

— Въ Рязань... не то, чтобы въ самый городъ, а подлѣ, въ деревню. Всѣ идемъ въ одно мѣсто, отвѣчалъ шерстобитъ.

— Та-а-къ, пробормоталъ Глѣбъ.

— Батюшки, заговорила неожиданно тетка Анна: — не встрѣчали ли, касатики, нашихъ ребятъ?

— А то какъ же! вѣстимо, встрѣтили: „кланяйся, говорили, маменькѣ, цѣлуй у ней ручки!“ началъ было Нефедъ, къ неописанному восторгу молодого парня; но Глѣбъ перебилъ его.

— Глупая! развѣ не видишь: смѣются! Хошь бы и встрѣтили, они нешто нашихъ ребятъ знаютъ? чай, на лбу не написано!..

— Да я такъ только... батюшка... авось, молъ, они...

— Ступай-ка, ступай лучше! полно вздоръ-то молоть! перебилъ мужъ, слегка поворачивая жену за плечи.—Ступайте и вы, бабы! что тутъ пустое болтать! пора за работу приниматься.

— А что, примѣрно, любезный, не Глѣбомъ ли васъ звать? спросилъ вдругъ одинъ изъ шерстобитовъ, человѣкъ сухощавый и длинный какъ шестъ, съ плоскими желтыми волосами и блѣдноголубыми глазами, вялыми и безжизненными.

Онъ выглядывалъ до того времени изъ толпы товарищей, какъ страусъ между индѣйками; говорилъ онъ глухимъ, гробовымъ голосомъ, при каждомъ словѣ глубокомысленно закрывалъ глаза, украшенные бѣлыми рѣсницами, и вообще старался сохранить видъ человѣка разсудительнаго, необычайно умнаго и даже, если можно, ученаго.

Глѣбъ далъ утвердительный отвѣтъ.

— Вамъ, любезный человѣкъ, примѣрно, то есть, поклонъ посылаютъ, съ достоинствомъ проговорилъ разсудительный шерстобитъ.

— Кто-жъ бы такой?

— Станете проходить, говоритъ черезъ Оку, по дорогѣ къ Сосновкѣ, увидите, говоритъ, рыбака Глѣба Савинова, кланяйтесь, говоритъ, и нижайше...

— Ну, пошелъ, пучеглазый, размазывать! тянетъ словно клещами хомутъ надѣваетъ! грубо перебилъ Нефедъ: — кланяться наказывалъ тебѣ старичокъ изъ Комарева... Кондратьемъ звать... вотъ-те и все!

Долговязый шерстобитъ презрительно отвернулся; несмотря на всю свою разсудительность, онъ, какъ видно, былъ изъ числа самыхъ щепетильныхъ, обидчивыхъ. Чувство тончайшей деликатности,

заставлявшее его говорить всѣмъ вы, было сильно оскорблено грубостію Нефеда.

— А, да! озерской рыбакъ! сказалъ Глѣбъ:—ну, что, какъ тамъ его Богъ милуетъ?.. Съ недѣлю, почитай, не видались; онъ за половодьемъ перебрался съ озера въ Комарево... Скучаетъ, я чай, работой? Старикъ куды-те завистливый къ дѣлу—хлопотунъ!

Шерстобитъ закрылъ уже глаза и хотѣлъ что-то промолвить, но Нефедъ снова перебилъ его.

— Объ дѣлахъ не раздобаривалъ: наказывалъ только кланяться! сказалъ Нефедъ.—Ну, что-жъ мы, братцы, стали? добавилъ онъ, приподнявъ пилу:—пойдемъ къ избамъ! Сватъ Глѣбъ не поскупится соломой: дастъ обложить лаптишки.

— Что-жъ? посидите. Можно и соломы дать, проговорилъ Глѣбъ, медленно поворачиваясь спиною къ рѣкѣ и направляясь къ тому мѣсту, гдѣ прежде работалъ.

Прохожіе подняли свои мѣшки и пошли за нимъ.

— Ну, а какъ, сватъ Глѣбъ, какъ у тебя насчетъ, примѣрно, вина есть? неожиданно сказалъ Нефедъ, покрякивая и прищуривая лѣвый глазъ.

— Нѣтъ, мы этимъ не занимаемся.

— Пустое самое дѣло! глубокомысленно замѣтилъ разсудительный шерстобитъ, но такъ, однакожъ, чтобы не могъ разслышать этого необразованный Нефедъ.

— Полно, сватъ! э! Ты думаешь, на мнѣ кафтанишко-то рваный, такъ ужъ я... Я вѣдь не даромъ прошу, приставалъ Нефедъ,

— Знамо, что не даромъ, насмѣшливо возразилъ Глѣбъ: — не осуди въ лаптяхъ: сапоги въ саняхъ!.. Да съ чего ты такъ разохотился: стало быть, денегъ добре много несешь?

— Давай только; за этимъ не постоимъ! крикнулъ Нефедъ, торопливо вынимая трубчонку и выворачивая при этомъ пустой карманъ.

Раздался хохотъ.

— Въ карманѣ-то у него, видно, сухотка.

— Всего одна прорѣха и есть!

— Хвать въ карманъ, анъ дыра въ горсти!

— Эхъ ты! вымолвилъ Глѣбъ, усмѣхнувшись.

— Чего зубы-то обмываете! сказалъ Нефедъ.—Съ собой, знамо нѣту: опасливо носить; по почтѣ домой отослалъ... А вотъ у меня

тутъ въ Сосновкѣ тетка есть; какъ пойдемъ, накажу ей отдать тебѣ, сватъ, за вино... Душа вонъ, коли такъ!

— Какъ ее звать-то? я въ Сосновкѣ всѣхъ знаю.

— Матреной... первая изба съ краю...

— Что жъ ты не сказывалъ намъ про эту тетку-то? замѣтилъ кто-то изъ пильщиковъ.

— А что говорить!.. Душа вонъ, коли тетки нѣту.

— Нѣтъ, братъ, долго ждать; можетъ статься, она у тебя еще въ бѣгахъ, сказалъ, смѣясь, Глѣбъ.

— Э! крикнулъ Нефедъ, махнувъ рукой, и поплелся впередъ сопровождаемый молодымъ парнемъ, который не переставалъ держаться за бока.

— Должно быть, человѣкъ бездѣтный? спросилъ Глѣбъ, указывая головою на Нефеда.

— Какое! восьмеро ребятъ, малъ-мала-меньше, отвѣчалъ одинъ изъ пильщиковъ:—да такой ужъ человѣкъ безшабашный. Какъ это попадутъ деньги—бѣда! вотъ хоть бы теперь: всю дорогу пьянствовалъ. Не знаю, какъ это, съ чѣмъ и домой придетъ.

— Разсудка своего человѣкъ, примѣрно, то есть, не имѣетъ, проговорилъ длинный шерстобитъ, закрывая глаза: — ему, видно, такъ-то вальготнѣе.

— Вотъ, братцы, посидите, отдохните, вымолвилъ Глѣбъ, когда всѣ подошли къ лодкамъ:—а вы полно глазѣть-то! за дѣло! прибавилъ онъ, обратившись къ Гришкѣ и Ванѣ, которые до того врекени прислушивались къ разговору.

Тутъ старый рыбакъ повернулся къ воротамъ и велѣлъ Василисѣ принести охапку соломы.

— Эй, Василисушка-любушка! заголосилъ Нефедъ, успѣвшій уже развалиться между вершами:—захвати-ка кваску—ротъ прополоснуть: смерть горло пересохло!

— Я полагаю, болѣе всего отъ эвтаго отъ табаку оно такъ-то у тебя пересыхаетъ, посмѣиваясь, сказалъ рыбакъ:—ты, вишь, и трубочку, видно, покуриваешь... на всѣ руки гораздъ.

Вмѣсто отвѣта, Нефедъ перевалился на бокъ и молодцовато сунулъ чубукъ въ ротъ.

— Что жъ ты ее не запалишь? али табаку нѣту?

— Вмѣстѣ съ сапогами въ Комаревѣ обронилъ... И не надыть его, табаку-то, я и то всю дорогу курилъ безпеpечь, инда весь ротъ выжегъ.

— Охъ-о-о... Нефедка... балясникъ... о! закатился снова молодой парень.

— У него табаку-то и въ заводѣ не было: всю дорогу такъ-то одинъ чубукъ глодалъ, промолвилъ одинъ изъ пильщиковъ.

Квасъ и солома не замедлили явиться.

Прохожіе сняли мокрые лапти и принялись перекладывать ихъ соломой; между тѣмъ Глѣбъ и молодые помощники его усѣлись за работу. Разговоръ снова завязался. Но въ немъ уже не принималъ участія Нефедъ: сначала онъ прислонился спиною къ лодкѣ и, не выпуская изо рта пустой трубки, сталъ какъ словно слушать; мало-по-малу, однакожъ, глаза его закрылись, губы отвисли, голова покачнулась на сторону и увлекла за собою туловище, которое, свѣшиваясь постепенно на бокъ, грохнулось наконецъ на землю. Но Нефедъ ничего уже не чувствовалъ; онъ не чувствовалъ даже, какъ трубка вывалилась у него изо рта. Черезъ минуту отъ храпа его заволновались даже лохмотья рукава, нечаянно попавшаго, вмѣстѣ съ рукою, подъ голову. Два-три пинка, удачно направленные въ бокъ молодого парня съ бѣлыми зубами, предостерегали его отъ новаго взрыва хохота, и съ этой минуты лицо его какъ словно одеревенѣло. Мало по малу, однакожъ, глаза его, все еще не покидавшіе спящаго Нефеда, начали соловѣть и смежаться; немного погодя, зубастый парень растянулся наземь и, подложивъ подъ голову шапку, предался отдыху; примѣру его послѣдовали двое другихъ товарищей.

Разговоръ, между тѣмъ шелъ своимъ чередомъ.

— Знамое дѣло, какія теперь вороги! И то еще удивленію подобно, какъ до сихъ поръ рѣка стоитъ; въ другіе годы въ это время она давно въ берегахъ... Я полагаю, дюжи были морозы — ледъ-то добре закрѣпили; оттого долѣе она и держитъ. А все, по настоящему, пора бы разступиться! Вишь, какое тепло: мокрая рука не стынетъ на вѣтрѣ! Вотъ вороны и жаворонки недѣли три какъ ужъ прилетѣли! говорилъ Глѣбъ, околачивая молоткомъ желѣзное остріе багра.

— И то вороны прилетѣли! Я самъ встрѣлъ двухъ на дорогѣ, сказалъ одинъ изъ бодрствующихъ пильщиковъ, маленькій человѣкъ съ остроконечной бородкой, которая, безъ сомнѣнія, должна была имѣть какое-нибудь тайное сообщеніе съ языкомъ своего владѣльца, потому что, какъ только двигался языкъ, двигалась и бородка. — А что, братецъ ты мой — Глѣбомъ, что ли, звать? да подхватилъ

онъ: — правда ли, сказываютъ, будто вороны эти, вотъ въ эвту самую пору, купаютъ дѣтей своихъ въ прорубяхъ? Сказываютъ, вишь: они отпущаютъ ихъ въ отдѣлъ, на „особное“ семейное жительство... Да ты, я чай, слыхалъ объ этомъ?

— Какъ не слыхать! слыхалъ. Самому, правда, не приходилось видѣть, а отъ стариковъ слыхалъ неоднова, отвѣчалъ Глѣбъ, шутливое расположеніе котораго, вызванное на минуту выходками Нефеда, замѣтно проходило.

— Я полагаю, все это то есть такъ... пустое, примѣрно... болтаютъ, разумнымъ тономъ замѣтилъ длинный шерстобитъ.

— Съ чего жъ пустое? Можетъ статься, оно и такъ, какъ онъ говоритъ; на свѣтѣ и не такія диковинки бываютъ. Вотъ хошь бы теперь: по времени давно бы пора пахарю радоваться на озими, намъ — неводъ забрасывать; а на полѣ все еще снѣгъ пластомъ лежитъ, рѣка льдомъ покрыта, возразилъ Глѣбъ, обращаясь къ шерстобиту, который сидѣлъ съ зажмуренными глазами и, казалось, погруженъ былъ въ глубокую думу. — Мудренаго нѣтъ, продолжалъ рыбакъ: — того и жди, „внучка за дѣдомъ придетъ“ *): новый еще снѣгъ выпадетъ. Разъ такъ-то помнится, ужь совсѣмъ весна наступила, ужь листъ въ заячье ухо развернулся и цвѣты были на лугахъ, вдругъ, отколѣ ни возьмись, снѣгъ: въ одну ночь по колѣно навалилъ; буря такая, сиверка, и Боже упаси! Сдается по всему, и ноньче тому же быть!

— Все можетъ быть... все!.. все во власти Божіей, вымолвилъ шерстобитъ, задумчиво наклоняя голову.

— Съ чего жъ ты думаешь — быть опять снѣгу! заговорилъ пильщикъ, двигая бородой.

— Конечно, все въ рукѣ Божіей, во всемъ Его святая воля, подхватилъ Глѣбъ: — но я говорю такъ-то — по примѣрамъ сужу! Вотъ теперь у тестя моего старшаго сына — вотъ что ждемъ-то, — у тестя въ Сосновкѣ коровы стоятъ (держитъ болѣ для робятъ; безъ этого нельзя: не все хлѣбъ да капуста, ину пору и молочка захоцца похлебать, особливо ребятишкамъ)... ну, такъ вотъ, говорю, коровы у него стоятъ теперь смирно, не шелохнутся; смекай, значитъ, коли такъ: быть опять снѣгу. Ужь это такъ вѣрно, какъ вотъ пять пальцевъ на рукѣ. Скотина весну чуетъ лучше чело-

---

*) Такъ говорится о позднемъ весеннемъ снѣгѣ, который падая на старый снѣгъ и тотчасъ же превращаясь въ воду, просачиваетъ его насквозь и уноситъ съ земли.

вѣка: ужъ коли весна устанавливается, идетъ на коренную, скотину ни за что не удержишь съ хлѣвѣ: овца ли, корова ли, такъ и реветъ; а выпустилъ изъ хлѣва, пошла по кустамъ рыскать,— не соберешь никакъ!.. Эта примѣта ни за что не обманетъ!

— Вишь ты, вѣдь вотъ и разума не имѣетъ, а вѣдь вотъ чуетъ же, поди ты! произнесъ пильщикъ, потряхивая бородкой. —Да, промолвилъ онъ, пожимая губами:—а только нонѣ придетъ ли весна ранняя, придетъ ли поздняя, все одно: скотинѣ нашей плохо,— куды плохо будетъ!

— Съ чего-жъ такъ?

— Хвостъ стала что-то откидывать! такъ вотъ и дохнутъ всѣ... И Богъ знаетъ что такое!

— Ой-ли?

— Истинно такъ, дохнутъ... оченно много дохнутъ, подтвердилъ шерстобитъ:—самому трафилось видѣть.

— Что за притча такая? съ чего бы значитъ это? напущено, что ли?.. Сказываютъ, хвороба эта—моромъ, кажись, звать—не сама приходитъ: завозитъ ее, говорятъ, лихой человѣкъ, сказалъ пильщикъ.

При этомъ разсудительный шерстобитъ сомнительно улыбнулся, медленно закрылъ глаза и покрутилъ головою.

— Я полагаю, то есть, примѣрно, такъ только, пустое болтаютъ, произнесъ онъ, съ чувствомъ достоинства:—простой народъ, онъ разсудка своего не имѣетъ... и болтаетъ—выходитъ, пустое, заключилъ онъ, поглядывая на стараго рыбака, съ видомъ взаимнаго соучастія и стараясь улыбнуться.

Но лицо Глѣба, къ великому удивленію глубокомысленнаго скептика, осталось совершенно спокойнымъ. Не поднимая высокаго, наморщеннаго лба, склоненнаго надъ работой, рыбакъ сказалъ серьезнымъ, увѣреннымъ голосомъ.

— Нѣтъ, любезный, не говори этого. Пустой рѣчи не дологъ вѣкъ. Объ томъ, что вотъ онъ говорилъ, и дѣды и прадѣды наши знали; ужъ коли да весь народъ вѣру далъ, стало есть въ томъ какая ни на есть правда. Одинъ человѣкъ солжетъ, пожалуй: всякъ человѣкъ—ложь, говорится,—да только въ одиночку; міръ правду любитъ...

— Вѣстимо такъ, ужъ коли всѣ заодно говорятъ, стало, съ чего-нибудь да берутъ, стало, есть правда, подхватилъ пильщикъ.— Я объ этой коровьей смерти сколько разъ отъ старыхъ стариковъ слышалъ: точно, завозятъ, говорятъ ее, а не сама приходитъ. При-

лучилось это, вишь, впервые съ какимъ-то мужичкомъ, началъ онъ съ такою живостью, какъ-будто вступался за мать родную:—ѣхалъ этотъ мужичокъ съ мельницы, ко двору подбирался. Дѣло было къ вечеру, маленечко примеркать стало. И выѣхалъ онъ на поляну. Отколь ни возьмись, подходитъ къ нему старуха: „Подвези меня, говоритъ, дѣдушка!“—„Куда тебя? говоритъ... то есть онъ-то говоритъ ей: куда тебя?“ говоритъ. А она опять: „Подвези—говоритъ—хошь до своей до деревни: моченьки моей нѣтъ!“ А онъ ей: „Ты какая такая?“ говоритъ.—Вотъ, родимый—говоритъ этто она ему—вотъ—говоритъ—я лечейка, коровъ лѣчу!“—„Гдѣ-жъ ты—говоритъ—лѣчила?“—„А лѣчила я—говоритъ—у добрыхъ у людей, да не впору за мной послали; захватить не успѣла—весь скотъ передохъ!“ Ну, посадилъ онъ это ее къ себѣ въ сани, поѣхалъ. Ѣхали, ѣхали. Давно пора бы дома быть, анъ лихъ—не дается; куда ни глянетъ, все поляна идетъ; и не знать, что такое! Человѣкъ былъ преклонный; снялъ онъ это шапку и перекрестился: „Господи Боже—говоритъ—помилуй насъ, грѣшныхъ!“ Смотритъ, а ужъ старухи-то и нѣтъ съ нимъ; глядь, подлѣ самыхъ саней бѣжитъ какая-то черная собака... Онъ ничего. Ну, попалъ это онъ на слѣдъ, старикъ-атъ, пріѣхалъ домой, на дворъ въѣзжаетъ, и собака за нимъ. Вотъ это и выходитъ, привезъ онъ съ собою коровью смерть. На другое утро по всей его деревнѣ ни одной коровенки не осталось! заключилъ пильщикъ, разглаживая бородку, которая во все время разговора работала заодно съ языкомъ.

— Много, можетъ-статься, тутъ и пустого, а правда все-таки должна быть,—не безъ этого! сказалъ рыбакъ.—Полагаю такъ: завезъ эту коровью смерть какой лихой человѣкъ въ нашу русскую землю. Вѣдь вотъ завозятъ же чуму изъ Туречины... не сама же приходитъ! А тутъ, извѣстно, ужъ и старуху приплели, и собаку... На пустыя рѣчи податливъ человѣкъ! сколько на свѣтѣ головъ, столько и умовъ—всякій по своему мерекаетъ. На то Господь и разумъ далъ: слушать слушай, а правду распутывай. Не все то перенимай, что по рѣкѣ плыветъ; то-то же оно и есть! Правда-то, иной разъ, что пискарь въ неводѣ; забьется промежъ петель и не видать совсѣмъ; ну, а какъ поразберешь складки-то, все окажется... Да полно, ребята, точно ли задалась такая причина? Кажись бы, не съ чего быть скотскому падежу. Осень въ прошломъ году была ранняя, сухая; листъ отпалъ до перваго снѣгу... Не слѣдъ бы быть этому.

— Ну, вотъ поди-жъ ты! а все дохнетъ, братецъ ты мой! подхватилъ пильщикъ.—Не знаемъ, какъ дальше будетъ, а отъ самаго Серпухова до Комарева, сами видѣли, такъ скотина и валится. А въ одной деревнѣ такъ до послѣдней шерстинки все передохло, ни одного копыта не осталось. Какъ бишь звать-то эту деревню? какъ бишь ее заключилъ онъ, обращаясь къ длинному шерстобиту:—ну, вотъ еще гдѣ наборъ-то собирали... какъ...

— Какой наборъ? спросилъ Глѣбъ, неожиданно подымая голову.

— Некрутовъ брали... какъ бишь ее, эту деревню?.. еще двѣ церкви... эхъ, запамятовалъ... Лы... Лысыя Мухи, что ли... нѣтъ, не то! бормоталъ пильщикъ.

Но Глѣбъ уже не слушалъ пильщика; безпечное выраженіе на лицѣ его словно сдуло порывомъ вѣтра; онъ разсѣянно водилъ широкою своею ладонью по багру, какъ бы стараясь собрать мысли; забота изображалась въ каждой чертѣ его строгаго, энергическаго лица. Дѣло вотъ въ чемъ: Глѣбъ давно зналъ, что при первомъ наборѣ очередь станетъ за его семействомъ; приписанный къ сосновскому обществу, онъ уже нѣсколько лѣтъ слѣдилъ за наборами, хотя, по обыкновенію своему, виду не показывалъ домашнимъ. Старый рыбакъ не подозрѣвалъ только, чтобы очередь пришла такъ скоро; неожиданность извѣстія, какъ и слѣдуетъ ожидать, смутила нѣсколько старика, который, между прочимъ, давно уже обдумалъ всѣ обстоятельства и сдѣлалъ свои распоряженія. Онъ поспѣшилъ, однакожъ, подавить въ себѣ смущеніе, поспѣшно схватилъ багоръ и принялся еще усерднѣе работать. Минуту спустя Глѣбъ снова поднялъ голову.

— Неужто точно наборъ? проговорилъ онъ.

— Точно: сами видѣли; сказываютъ, вишь, война идетъ.

— Истинно такъ, поддакнулъ глубокомысленный шерстобитъ.

— Да чему же ты такъ удивляешься? развѣ до тебя очередь дошла? спросилъ пильщикъ, обращая къ рыбаку остріе своей бородки.

— Нѣтъ, очереди нѣтъ никакой; я такъ спрашиваю, проговорилъ Глѣбъ твердымъ, увѣреннымъ голосомъ, между тѣмъ какъ глаза его безпокойно окидывали Ваню и Гришу, которые работали въ десяти шагахъ.

Оба такъ усердно были заняты своимъ дѣломъ, что, казалось, не слушали разговора. Этотъ короткій, но проницательный взглядъ, украдкою брошенный старымъ рыбакомъ на молодыхъ парней, вы-

сказалъ его мысли несравненно краснорѣчивѣе и опредѣлительнѣе всякихъ объясненій; глаза Глѣба Савинова, обратившіеся сначала на сына, скользнули только по бѣлокурой головѣ Вани: они тотчасъ же перешли къ пріемышу и пристально на немъ остановились. Морщины Глѣба расправились.

Но это продолжалось всего одну секунду; онъ опустилъ голову, и лицо его приняло снова строгое, задумчивое выраженіе. Мало-помалу онъ снова вмѣшался въ разговоръ; но рѣчь его была отрывиста, принужденна. Бесѣда шла страшными извилинами, предметъ росказней измѣнялся безпрерывно между пильщикомъ и шерстобитомъ, но совсѣмъ тѣмъ строгое, задумчивое лицо Глѣба оставалось все то-же.

Оно ни на волосъ не измѣнилось, даже тогда, когда громкій хохотъ зубастаго парня, дружно подхваченный пильщикомъ, возвѣстилъ пробужденіе Нефедки.

— Ну, ребята, пора! вставай! время идти! заговорилъ пильщикъ, толкая другихъ товарищей, которые также спали:—ну, поворачивайся, что ли, ребята!

— Господи! Господи! бормотали ребята, зѣвая и потягиваясь.

— Полно вамъ, вставай! вишь, замораживать начинаетъ; дѣло идетъ къ вечеру. Надо къ ночи поспѣть въ Сосновку... Ну, ну!

— А что, любезный человѣкъ, сколько, примѣрно, то-есть, считаете вы до Сосновки? спросилъ разсудительный шерстобитъ, обращаясь къ рыбаку.

— Семь верстъ, отвѣчалъ тотъ сухо.

— И все, примѣрно, то-есть, по этой дорогѣ идтить, что за вашими избами по горѣ вьется?

— Да, отвѣчалъ Глѣбъ, кивнулъ головою и отвернулся.

Деликатныя чувства галантерейнаго шерстобита, казалось, вовсе не ожидали такого обхожденія; онъ выпрямился съ чувствомъ достоинства, закрылъ глаза, какъ будто готовился сдѣлать какое-нибудь глубокомысленное замѣчаніе, но измѣнилъ видно свое намѣреніе, поднялъ мѣшокъ, взвалилъ на спину смычокъ и, сухо поклонившись, пошелъ своею дорогой.

— Ну, ребята, идемъ! говорилъ между тѣмъ пильщикъ, подсобляя товарищамъ снаряжаться:—пойдемъ въ Сосновку, поглядимъ на Нефедкину тетку! у ней и ночуемъ!

— О-о! Нефедка!.. вишь... шутъ, балясникъ... о-о! заливался

парень съ бѣлыми зубами, глядя на Нефеда, который покрякивалъ и хмурился, разглаживая встрепавшіеся волосы.

— Чего ты зубы-то скалишь? Вотъ я тебѣ ребры-то посчитаю! закричалъ Нефедъ грубымъ, суровымъ голосомъ, который ясно уже показывалъ, что хмѣль, благодаря крѣпкому сну, не отуманивалъ его головы—обстоятельство, всегда повергавшее Нефеда въ мрачное, несообщительное расположеніе духа.

Онъ сунулъ трубку въ карманъ, поднялъ пилу, нахлобучилъ шапку и, не заботясь о товарищахъ, которые прощались съ рыбакомъ, покинулъ площадку; минуту спустя, толпа прохожихъ послѣдовала за своимъ предводителемъ, который, успѣвъ уже нагнать шерстобита, показался на тропинкѣ крутого берега, высоко подымавшагося надъ избами рыбака.

Проводивъ ихъ разсѣяннымъ взглядомъ, Глѣбъ нетерпѣливо повернулся къ женѣ и снохамъ, которыя снова выбѣжали на площадку и, не видя Петра и Василія, снова разразились жалобами и вздохами.

— Чего вы опять? чего, въ самомъ дѣлѣ, разбѣгались? закричалъ неожиданно Глѣбъ, такимъ страшнымъ голосомъ, что не только бабы, но даже Ваня и Гришка оторопѣли.

Всю остальную часть дня Глѣбъ не былъ ласковѣе со своими домашними. Каждый изъ нихъ судилъ и рядилъ объ этомъ по своему, хотя никто не могъ дознаться настоящей причины, измѣнившей его расположеніе. Послѣ ужина, когда всѣ полегли спать, старый рыбакъ вышелъ за ворота—поглядѣть, какая будетъ на завтра погода.

Небо было облачно. Тьма кромѣшная окутывала мѣстность: вѣтеръ глухо завывалъ посреди ночи.

Старый рыбакъ сѣлъ на заваленку, положилъ голову между ладонями и нетерпѣливо уткнулъ локти въ колѣни.

„Жаль, что говорить!“ бормоталъ онъ, продолжая, вѣроятно, нить размышленій, непокидавшихъ его во весь вечеръ; „жаль, попривыкли! да и работникъ, того, дюжій... жаль, ну, да вѣдь не какъ своего! Я еще тогда, признаться, какъ дядя Акимъ привелъ его, смекнулъ эвто дѣло... Жаль Гришку! ну, да какъ быть! Требуется—стало, такъ и слѣдуетъ быть. Разсуждать не наше дѣло; да и разсуждать не о чемъ: дѣло настоящее: царство безъ воинства, человѣкъ безъ руки, конь безъ ногъ—одна стать. И то сказать надо: не въ ссылку идетъ, не за худымъ какимъ дѣломъ.

Идетъ парень на службу на царскую; царю-батюшкѣ служить идетъ... Вѣстимо, на первыхъ-то порахъ только разстаться жаль словно; ну, да авось Господь приведетъ увидаться: не въ ссылку идетъ... Эхъ, попривыкли мы къ нему!“ заключилъ Глѣбъ.

Тутъ онъ снова поднялся на ноги, взглянулъ на небо, вернулся на дворъ и пошелъ медленнымъ шагомъ къ старымъ санямъ, служившимъ ему съ Благовѣщенія вмѣсто ложа.

XII.

Возвращеніе.

— Ну, вотъ теперь иное дѣло: теперь они! Дивлюся я только, какъ это прошли! Вишь рѣку-то, почитай, всю ужъ затопило! говорилъ Глѣбъ, спускаясь, на другой день утромъ, по площадкѣ, вмѣстѣ съ Ваней и пріемышемъ.

Жена его, обѣ снохи и внучата бѣжали между тѣмъ впереди, поспѣшая на встрѣчу Петру и Василію, которые подымались уже на берегъ.

Появленіе двухъ рыбаковъ произошло совершенно неожиданно. Еслибъ не мать, они подошли бы, вѣроятно, къ самымъ избамъ никѣмъ незамѣченные: семейство сидѣло за обѣдомъ; тетка Анна, несмотря на весь страхъ, чувствуемый ею въ присутствіи мужа, который со вчерашняго дня ни съ кѣмъ не перемолвилъ слова, упорно молчалъ и сохранялъ на лицѣ своемъ суровое выраженіе, не пропускала все-таки случая заглядывать украдкою въ окна, выходившія, какъ извѣстно, на Оку; увидѣвъ сыновей, она забыла и самого Глѣба—выпустила изъ рукъ кочергу, закричала пронзительнымъ голосомъ: „Батюшки, идутъ!“ и сломя-голову кинулась на дворъ. Не успѣлъ Глѣбъ поднять головы, какъ обѣ снохи и внучки повскакали съ мѣстъ и пустились за старушкой. Старый рыбакъ, которому давно прискучила суматоха, попусту подымаемая бабами двадцать разъ на дню, сжалъ уже кулаки и посулилъ задать имъ таску, но тотчасъ же умилостивился, когда Ваня и Гриша, пригнувшись къ окну, подтвердили, что Петръ и Василій точно приближаются къ берегу. Онъ не обнаружилъ, однакожъ,

никакой торопливости: медленно привсталъ съ лавки и пошелъ за ворота съ тѣмъ видомъ, съ какимъ шелъ обыкновенно на работу; и только когда собственными глазами увѣрился Глѣбъ, что то были точно сыновья его, шагъ его ускорился и брови расправились.

Петръ и Василій много измѣнились съ того времени, какъ мы застали ихъ бесѣдующими съ дядею Акимомъ. Съ той поры прошло безъ малаго десять лѣтъ! Оба преобразились въ взрослыхъ, зрѣлыхъ мужей; лица ихъ возмужали и загрубѣли; время и труды провели глубокія борозды тамъ, гдѣ прежде виднѣлись едва замѣтныя складки. Коротенькая, но тучная кудрявая бородка смѣнила легкій пушокъ на щекахъ Василія. Перемѣна замѣтна была, впрочемъ, только въ наружности двухъ рыбаковъ: взглянувъ на румяное, улыбающееся лицо Василія, можно было тотчасъ же догадаться, что веселый, безпечный нравъ его остался все тотъ же; смуглое, нахмуренное лицо старшаго брата, уподоблявшее его цыгану, котораго только-что обманули, его черные глаза, смотрѣвшіе исподлобья, ясно обличали тотъ же мрачно настроенный, несообщительный нравъ; суровая энергія, отличавшая его еще въ юности, но которая съ лѣтами угомонилась и приняла характеръ болѣе сосредоточенный, сообщала наружности Петра выраженіе какого-то грубаго могущества, смѣшаннаго съ упрямой, непоколебимой волей; съ перваго взгляда становилось понятнымъ то вліяніе, которое производилъ Петръ на всѣхъ товарищей по ремеслу и особенно на младшаго брата, которымъ управлялъ онъ по произволу.

Увидѣвъ жену, мать и дѣтей, бѣгущихъ на встрѣчу, Петръ не показалъ особенной радости или нетерпѣнія; очутившись между ними, онъ началъ съ того, что сбросилъ наземь мѣшокъ, висѣвшій за плечами, положилъ на него шапку, и потомъ уже началъ здороваться съ женою и матерью; черты его и при этомъ остались такъ же спокойны, какъ будто онъ разстался съ домашними всего наканунѣ. Въ отвѣтъ на радостныя восклицанія жены и матери, которыя бросились обнимать его, онъ ограничился двумя-тремя: „здорово!“ послѣ чего повернулся къ дѣтямъ и, спокойно оглянувъ ихъ съ головы до ногъ, снова надѣлъ шапку и взвалилъ на плечи мѣшокъ. Возиться съ бабьемъ и ребятами не было дѣломъ Петра. Онъ предоставилъ брату „хлебать губы“ съ бабами—такъ выражался Петръ, когда дѣло шло о поцѣлуяхъ. Василій не терялъ времени: онъ не переставалъ обниматься и чмокаться со всѣми, не

выключая дѣтей Петра и собственной жены, съ которой, годъ тому назадъ, едва успѣлъ познакомиться.

Глѣбъ, Ваня и пріемышъ приближались между тѣмъ къ группѣ, стоявшей на берегу. Увидя отца, Петръ и Василій тотчасъ же сняли шапки, покинули бабъ и пошли къ нему на встрѣчу.

— Здравствуй, батюшка! сказали они, останавливаясь въ трехъ шагахъ отъ отца и отвѣшивая ему низкій поклонъ.

— Здравствуйте, ребята! отвѣчалъ Глѣбъ, останавливаясь въ свою очередь и пристально оглядывая двухъ рыбаковъ, которые торопливо здоровались съ Ваней и Гришкой.

Тутъ Анна, ея сноха и дѣти снова обступили было двухъ рыбаковъ; но на этотъ разъ не только Петръ, но даже и Василій не обратили уже на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Оба покручивали шапки и не отрывали глазъ отъ отца.

— Пришли, батюшка, тебя провѣдать, весело началъ Василій, потряхивая головою и откидывая назадъ волосы.

— Здорово, ребята, здорово! говорилъ Глѣбъ, продолжая оглядывать сыновей и разглаживая ладонью морщины, которыя противъ воли набѣгали и тѣснились на высокомъ лбу его.—Гдѣ жъ это вы пропадали? Сказывали: за двѣ недѣли до Святой придете, а теперь ужъ Страстная... ась?..

Василій замялся и покосился на брата.

— Не управились, батюшка, равнодушно отвѣчалъ Петръ.

— Что жъ такъ? дѣловъ, что ли, добре много у васъ тамъ?

— Да, таки есть...

— Болѣе отъ хозяина, батюшка, подхватилъ Василій:—кабы не онъ, мы бы давно дома были; посылалъ насъ въ Коломну съ рыбой.

— О-го, о! вотъ какъ! стало, вы у хозяина не токмо рыбаки, да еще и приказчики! признесъ Глѣбъ, слегка посмѣиваясь.

Но улыбка только скользнула по лицу его. Секунду спустя, оно по прежнему сдѣлалось серьезно и задумчиво.

— Какія же цѣны? почемъ рыба? спросилъ онъ, разглаживая бороду.

— Ну, вотъ, нашелъ о чемъ спрашивать? нетерпѣливо перебила Анна, забывшая уже, на радостяхъ, сумрачное расположеніе своего мужа.—Дай имъ духъ-то перевести; ну, что, въ самомъ-то дѣлѣ, присталъ съ рыбой!.. Не изъ Сосновки пришли—изъ дальней дороги... Я чай, проголодались, родненькіе, золотые вы мои! Какъ не быть голодну! вѣстимо! Пойдемте, родные, пойдемте въ избу

скорѣй: тамъ погрѣетесь; а нонѣча какъ словно ждали васъ: печку топили... Дай мнѣ, Петруша, мѣшочекъ-то свой: дай понесу, касатикъ. Аграфена, возьми у мужа мѣшокъ-то... что стоишь! Подь Васенька, подь, ненаглядный...

Но Петръ и Василій не слушали матери, двигали только плечами и продолжали стоять противъ отца.

— Ну, пойдемте въ избу. Я чай, взаправду маленько того... проголодались; тамъ переговоримъ! сказалъ Глѣбъ.

Сыновья тотчасъ же повиновались, нахлобучили шапки и послѣдовали за нимъ. Достигнувъ мѣста, гдѣ находились лодки, они отстали отъ него на нѣсколько шаговъ и присоединились къ бабамъ.

— Что вы, родные? аль забыли что на берегу? воскликнула мать.

— Полно тебѣ кричать, матушка! говори тихо! отрывисто шепнулъ Петръ, кивая головой на отца.

— Никакъ онъ у васъ добре сердитъ нонѣ? тихо спросилъ Василій.

— И-и, приступу нѣтъ!..

— Съ чего-жъ такъ? перебилъ Петръ.

— А Господь его вѣдаетъ! Со вчерашняго дня такой-то сталъ... И сами не знаемъ, что такое. Такъ вотъ съ дубу и рветъ! Вы, родные, коли есть что на умѣ, лучше и не говорите ему. Обождите маленько. Авось отойдетъ у него сердце-то... такой-то бѣдовый, Боже упаси!

Это обстоятельство подѣйствовало, повидимому, самымъ непріятнымъ образомъ на двухъ рыбаковъ. Петръ бросилъ значительный взглядъ брату и нахмурилъ брови. Тотъ утвердительно кивнулъ головою, какъ будто хотѣлъ сказать: „Ладно, не сумнѣвайся: знаемъ, что дѣлать!“ Дѣло въ томъ, что имъ предстояло вести съ отцомъ весьма щекотливую бесѣду. Предметъ разговора былъ такого свойства, что страшно было приступить съ нимъ даже въ томъ случаѣ, еслибъ Глѣбъ находился въ самомъ отличномъ, сговорчивомъ расположеніи духа. Петру столько же прискучило жить въ зависимости у хозяина, сколько находиться подъ строгимъ надзоромъ отца. Онъ принялъ твердое намѣреніе освободиться отъ того и другого и попытать счастья—сдѣлаться самому хозяиномъ. Для этой цѣли онъ обогнулъ, на обратномъ пути изъ „рыбацкой слободы“, весь берегъ Оки отъ Серпухова до Коломны, побывалъ у всѣхъ береговыхъ

владѣльцевъ и наконецъ нашелъ свободное мѣсто для промысла. Петръ вѣрилъ въ свои силы. Къ тому же онъ зналъ, что стоило ему только свиснуть да выставить ведра два вина, въ батракахъ недостачи не будетъ. Денегъ у Петра не было,—едва-едва оставалось на столько, чтобы купить предположенныя ведра вина для задобренія работниковъ; но это не могло служить препятствіемъ. Мѣсто отдаютъ безъ задатка. Сѣтей по берегамъ вволю: поставилъ четверть сосѣду рыбаку-гулякѣ—вотъ тебѣ и сѣть. На первыхъ порахъ привередничать нечего: можно жить въ соломенномъ шалашѣ и ловить рыбу рваными сѣтками; у иного и новыя сѣти, да ничего не возьметъ; за лодками также не ходить стать: На Окѣ лодокъ не оберешься. Извѣстно, не дадутъ тебѣ здоровую: дадутъ похуже—ничего! на первыхъ порахъ поѣздимъ и въ худой. Мало ли плыветъ по Окѣ всякой дряни: обломковъ, досокъ, жердей, плывутъ даже цѣлыя бревна—будетъ чѣмъ заколачивать щели! Не будь сѣтей и лодокъ, Петръ и тогда не отказался бы отъ своего намѣренія. Такой ужъ былъ человѣкъ. Въ этомъ случаѣ весь въ отца уродился: ужъ когда что забралъ въ голову, живота лишится, а на своемъ поставитъ! Такъ, напримѣръ, рѣшился онъ взять жену и дѣтей, хотя не видѣлъ въ нихъ ровно никакой надобности. Оставить ихъ у отца, значило, по его мнѣнію, сдѣлать дѣло на половину. Домъ родительскій прискучилъ Петру такъ же, какъ житье у хозяина; ему хотѣлось разъ навсегда освободиться отъ власти отцовской, съ которой никакъ не могла ужиться его своевольная, буйно-грубая природа. Нечего, разумѣется, и говорить, что ему ничего не стоило склонить на свою сторону брата; онъ не принялъ даже на себя труда уговаривать и уламывать его. Петру стоило только обнаружить свою мысль, и Василій тотчасъ же согласился столько же по слабости духа и тому вліянію, какое производилъ на него буйно-несговорчивый нравъ брата, сколько и потому, можетъ статься, что онъ также не прочь былъ высвободиться изъ-подъ грознаго отцовскаго начала и подышать на волюшкѣ. Со всѣмъ тѣмъ, при видѣ выгнутыхъ, слегка вздрагивающихъ бровей отца, Петръ, несмотря на всю свою смѣлость, рѣшился выждать болѣе благопріятной минуты, чтобъ передать свои намѣренія. Времени впереди оставалось, однакожъ, немного. Основываясь на этомъ, Петръ, при входѣ въ избу, шепнулъ Василію, чтобы тотъ развязалъ языкъ и постарался разговорить, развеселить какъ-нибудь отца.

Всѣ сѣли за столъ, на который Анна и снохи ея поспѣшили поставить все, что было только въ печи. Василій переглянулся съ братомъ и, немедля ни минуты, принялся сообщать всѣ новости, какія приходили ему на умъ. Онъ передалъ всѣ слухи, носившіеся въ ихъ сторонѣ, сообщилъ разныя подробности о житьѣ-бытьѣ своемъ съ братомъ, причемъ Петръ заблагоразсудилъ отозваться весьма дурно о хозяинѣ; но, чтобы предостеречь себя отъ упрековъ отца, который прежде еще отсовѣтывалъ сыновьямъ жить въ наймахъ, прибавилъ, что хозяинъ ненадеженъ потому только, что пожаръ лишилъ его большей части имущества. Затѣмъ Василій, продолжая подмѣшивать въ свою рѣчь прибаутки, разсказалъ отцу о коровьей смерти и рекрутскомъ наборѣ.

Всѣ эти разсказы, особенно о послѣднихъ двухъ предметахъ, далеко не произвели на Глѣба ожидаемаго дѣйствія.

Онъ обрадовался возвращенію сыновей, хотя трудно было сыскать на лицѣ его признакъ такого чувства. Глѣбъ, подобно Петру, не былъ охотникъ „хлебать губы“ и радовался по своему: но радость, на минуту оживившая его отцовское сердце, прошла, казалось, вмѣстѣ съ безпокойствомъ, которое скрывалъ онъ отъ домашнихъ, но которое, тѣмъ не менѣе, начинало прокрадываться въ его душу при мысли, что сыновья неспроста запоздали цѣлой недѣлей. За исключеніемъ двухъ-трехъ вопросовъ, касавшихся собственно рыбнаго промысла, старый рыбакъ не принялъ даже участія въ бесѣдѣ. Онъ разсѣянно слушалъ разсказы Василія, гладилъ бороду и проводилъ ладонью по лбу—въ отвѣтъ на замѣчанія Петра. Улыбка ни разу не показалась на губахъ его. Трудно предположить, чтобы крѣпкая душа Глѣба такъ легко могла поддаться какому-нибудь горестному чувству. Во все продолженіе шестидесятипятилѣтней жизни своей, онъ не зналъ что̀ такое отчаяваться, убиваться, тосковать и падать духомъ. Лицо стараго рыбака выражало, впрочемъ, какъ нельзя лучше теперешнее состояніе души его. Черты его не вытягивались, какъ у человѣка огорченнаго; напротивъ того, онѣ были судорожно сжаты. Онъ попросту казался не въ духѣ, глядѣлъ сердито, досадливо. Но и этого было уже достаточно. Каждый изъ домашнихъ слишкомъ хорошо понималъ значеніе выгнутыхъ бровей Глѣба Савиныча, слишкомъ хорошо зналъ, какъ держать себя, когда Глѣбъ Савинычъ въ-сердцахъ. Тутъ уже не до шутокъ: на волоскѣ висишь — того и смотри, оборвешься! Упорное молчаніе Глѣба невольнымъ образомъ пріудер-

живало краснобая. Сердитый видъ главы семейства связывалъ присутствующихъ; бабы молчали. Тетка Анна, которая, въ минуту перваго порыва радости, забыла и суровое расположеніе мужа, и самого мужа, теперь притихла, и Богъ вѣсть, что̀ сталось такое: казалось бы, ей нечего было бояться: мужъ никогда не билъ ея,— а между тѣмъ робость овладѣла ею, какъ только она очутилась въ одной избѣ глазъ на глазъ съ мужемъ; языкъ не ворочался! Такъ бы вотъ, кажется, бросилась да и повисла на шею Васи: „Васенька! касатикъ, ненаглядный ты мой, годъ съ тобой не видалась, батюшка! Петя! дружокъ! подь ко мнѣ... Сыны вы мои родные!...“ а между тѣмъ руки не подымаются, голосъ замираетъ въ груди, ноги не двигаются. Дѣлать видно нечего: придется помучиться до той поры, пока наступитъ ночь и „старый“ уляжется въ свои сани подъ навѣсомъ. Старушка вознаградитъ тогда съ лихвою потерянное время: всласть насмотрится на дѣтей своихъ, всласть наговорится съ ними и, обнимая ихъ, прольетъ не одну радостную слезу. Въ ожиданіи этого, старушка и жена Петра слѣдовали примѣру Василисы, которая, прислонившись къ печкѣ, слѣдила съ какимъ-то безпокойно-живымъ любопытствомъ за движеніями своего мужа.

Послѣ обѣда Глѣбъ всталъ и, не сказавъ никому ни слова, принялся за работу. Часъ спустя, все шло въ домѣ самымъ обыденнымъ порядкомъ, какъ-будто въ немъ не произошло никакого радостнаго событія; еслибъ не веселыя лица бабъ, оживленныя быстрыми нетерпѣливыми взглядами, еслибъ не баранки, которыми снабдилъ Василій дѣтей брата, можно было подумать, что сыновья стараго Глѣба не покидали крова родительскаго.

Прошло два дня послѣ возвращенія рыбаковъ. Въ промежутокъ этого времени Петръ неоднократно готовился приступить къ отцу съ объясненіемъ, но, встрѣчая всякій разъ неблагосклонный взглядъ родителя, откладывалъ почему-то свое намѣреніе до слѣдующаго дня. Наконецъ онъ рѣшился выждать водополья, разсчитывая, не безъ основанія, что начало рыбной ловли авось-либо расшевелитъ отца и сдѣлаетъ его доступнѣе. То, чего ждалъ Петръ, не замедлило осуществиться.

На третьи сутки послѣ ихъ прихода, въ самую полночь, послышался неожиданно страшный трескъ, сопровождаемый ударами, какъ-будто тысячи исполинскихъ молотовъ заколотили разомъ въ берега и ледяную поверхность рѣки; трескъ этотъ, весьма похожій

на то, какъ-будто разрушилось вдругъ нѣсколько сотенъ избъ, мгновенно смѣнился глухимъ, постепенно возвышающимся гуломъ, который заходилъ посреди ночи, подобно освирѣпѣлому вѣтру, ломающему на пути своемъ столѣтніе дубы, срывающему кровли. Казалось, буря ударила на окрестность... Старый Глѣбъ встрепенулся. Слухъ его былъ давно насторожѣ; онъ выскочилъ изъ саней, сотворилъ крестное знаменіе и торопливо вышелъ за ворота.

Сквозь густую темноту ночи, которую усиливали черныя, быстро бѣгущія тучи, зоркій взглядъ рыбака различилъ въ отдаленіи мутно-бѣловатую полосу. То сверкала рѣка, которая пѣнилась и ревѣла какъ дикій звѣрь, вырвавшійся на волю. Дулъ сильный западный вѣтеръ; могучіе порывы его усиливали быстрину теченія. Плескъ воды смѣшивался съ трескомъ льдинъ, которыя поминутно отрывались отъ береговъ: грохотъ, стукотня, звонкіе удары ледяныхъ глыбъ, налетавшихъ другъ на дружку, раздавались въ ночномъ воздухѣ, который холодѣлъ съ каждою минутой. Наступило наконецъ такъ давно, такъ нетерпѣливо ожидаемое половодье; наступила наконецъ минута, столько же радостная для рыбака, какъ первый теплый весенній день для пахаря; спѣшитъ онъ на поле и, приложивъ грубую, но честную руку свою къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ золотыхъ лучей восходящаго солнца, осматриваетъ, съ веселымъ выраженіемъ на добродушномъ лицѣ своемъ, тучные, изумрудно-зеленые стебельки озимаго хлѣба, покрывающіе его потомъ облитую землю... Глѣбъ не отрывалъ глазъ отъ бѣлѣющейся полосы, прислушивался къ звяканью льдинъ, какъ-будто отыскивалъ въ этихъ звукахъ признаки удачнаго или неудачнаго промысла, и задумчиво гладилъ бороду; на этотъ разъ его какъ словно не радовало даже что-то и самое половодье. Въ бывалое время онъ не простоялъ бы такъ спокойно на одномъ мѣстѣ; звучный голосъ его давно бы поставилъ на ноги жену и дѣтей; все, что есть только въ избѣ — все пошевеливайся; всѣ, и малый и большой, ступай на берегъ поглядѣть, какъ рѣку ломаетъ, и поблагодарить Господа за его милости. „Эхъ-эхъ, гуляй-знай, погуливай, наша матушка Ока! гуляй, кормилица наша — апрѣль на дворѣ!...“ крикнетъ, бывало, Глѣбъ зычнымъ голосомъ, расхаживая по берегу, между тѣмъ какъ глаза его нетерпѣливо перебѣгаютъ отъ воды къ лодкамъ, а руки такъ и зудятъ схватить неводъ и пуститься съ нимъ попытать счастья! Теперь не то: стоитъ онъ молча и задумчиво гладитъ посѣдѣвшую бороду, какъ словно нѣтъ и рѣки передъ нимъ. Глѣбъ по-

стоялъ-постоялъ на одномъ мѣстѣ и вернулся на дворъ; онъ не разбудилъ даже домашнихъ. Прикутавшись въ полушубокъ, Глѣбъ снова улегся въ свои сани. Онъ лежалъ, однакожъ, не смыкая глазъ: сонъ бѣжалъ отъ него; его какъ словно тормошило что-то; независящая отъ него сила ворочала его съ боку на бокъ; время отъ времени онъ приподымалъ голову и внимательно прислушивался къ шуму рѣки, которая, вздуваясь и расширяясь каждую минуту, ревѣла и грохотала съ возрастающей силой. Рыбакъ вскакивалъ изъ саней, набрасывалъ въ накидку полушубокъ и выходилъ за ворота; такъ провелъ онъ цѣлую ночь вплоть до разсвѣта. Наконецъ онъ не выдержалъ. Бойко пошелъ онъ на дворъ и, постукивая кулакомъ въ плетеныя дверцы клѣтей и коморокъ, гдѣ спали жена и дѣти, закричалъ встрепенувшимся, повеселѣвшимъ голосомъ:

— Эй, вы, лежебоки, полно спать! вставай! вставай! эй, слышишь: рѣка взыгралась. Подымайся! пора!

Минуту спустя, семейство рыбака было на ногахъ; всѣ спѣшили за ворота.

XIII.

Водополье.

Къ утру рѣка успѣла уже затопить дальній берегъ. Она видимо почти разливалась все дальше и дальше, по лугамъ, которые, казалось, убѣгали къ горизонту. Вода и льдины ходили уже поверхъ кустовъ ивняка, покрывающихъ дальній плоскій берегъ; тамъ коегдѣ показывались еще ветлы: верхняя часть дуплистыхъ стволовъ и приподнятые кверху голые сучья принимали издали видъ черныхъ безобразныхъ головъ, у которыхъ отъ страха стали дыбомъ волосы; огромныя глыбы льда, уносившія иногда на поверхности своей цѣлый участокъ зимней дороги, стремились съ быстротою щепки, брошенной въ потокъ: доски, стоги сѣна, зимовавшіе на рѣкѣ и которыхъ не успѣли перевезти на берегъ, бревна, столѣтнія деревья, оторванныя отъ почвы и приподнятыя льдинами такъ, что наружу выглядывали только косматые корни, появлялись безпрестанно ме-

жду икрами *). Все давало знать, что рѣка достигла уже возвышенныхъ точекъ обоихъ береговъ. Иногда льдины замыкали рѣку, спирались, громоздились другъ на дружку, трескъ, грохотъ наполняли окрестность; и вдругъ все снова приходило въ движеніе: рѣка вдругъ очищалась на цѣлую версту; въ этихъ свѣтлыхъ промежуткахъ показывались шалашъ или расшива, подхваченные съ боковъ икрами: страшно перекосившись на сторону, они грозили сдвинуть въ воду увлеченную вмѣстѣ съ ними собаку, которая то металась какъ угорѣлая, то садилась на окраину льдины и, поджавъ хвостъ, опрокинувъ назадъ голову, заливалась отчаянно-протяжнымъ воемъ. Часто слѣдомъ за ними стремился одинокій шестъ, торчавшій перпендикулярно изъ воды; на верхнемъ концѣ его сидѣла ворона и, покачиваясь изъ стороны въ сторону вмѣстѣ съ шестомъ, поглядывая съ любопытствомъ на всѣ стороны, преспокойно совершала свою водяную прогулку. Внезапно картина перемѣнялась: огромное пространство рѣки покрывалось милліонами бѣлыхъ, сверкающихъ обломковъ; какъ несмѣтныя стада испуганныхъ барановъ, они летѣли въ разсыпную, забиваясь иной разъ, словно въ замѣшательствѣ, въ кусты высокаго ивняка, верхушки которыхъ, отягченныя иломъ, трепетно пригибались къ мутнымъ, шумно-говорливымъ струямъ. Окрестность превращалась въ море...

Семейство рыбака провело почти цѣлое утро надъ рѣкою. Послѣ завтрака, три сына Глѣба и пріемышъ, предводительствуемые самимъ старикомъ, появились съ баграми на плечахъ; всѣ пятеро разсыпались по берегу — перехватывать плывучій лѣсъ, которымъ такъ щедро награждало ихъ каждый годъ водополье. Къ обѣду всѣ замѣтили перемѣну на лицѣ Глѣба: онъ какъ словно повеселѣлъ. Петръ хотѣлъ было въ тотъ же вечеръ воспользоваться этимъ случаемъ, но Василій совѣтовалъ ему обождать. „Незамай его, братъ!“ сказалъ онъ: „что его, старика, раззадоривать; дай ему напередъ разгуляться; время терпитъ, идти намъ послѣ Святой — успѣешь еще сказать; бей съ однова; въ тотъ день, какъ идти намъ, тутъ и скажемъ!“ Петръ ничего не отвѣчалъ, однакожъ послушался.

Два дня спустя, на разсвѣтѣ, все семейство, отъ мала до велика, находилось въ новой избѣ. Столъ противъ краснаго угла былъ покрытъ чистымъ рядномъ; посреди стола возвышался пыш-

*) Льдинами.

ный ржаной коровай, а на немъ стояла икона, прислоненная къ липовой рѣзной солоницѣ, — икона, доставшаяся Глѣбу отъ покойнаго отца, такого же рыбака, какъ онъ самъ. Глѣбъ, величаво-выразительное лицо котораго было въ эту минуту проникнуто торжественнымъ спокойствіемъ, произнесъ молитву. Жена его, сыновья, снохи и даже дѣти преклонили колѣни. Послѣ молитвы икона была поставлена на свое мѣсто, и передъ нею затеплилась желтая восковая свѣча, которой предназначалось горѣть во все время, какъ будутъ продолжаться первыя попытки промысла. Послѣ этого присутствующіе набожно перекрестились. Глѣбъ вышелъ на берегъ, въ сопровожденіи всего своего семейства.

Лодки были уже спущены наканунѣ; неводъ, приподнятый кольями, изгибался чуть не во всю ширину площадки. Величественно восходило солнце надъ безкрайнымъ водянымъ просторомъ, озолоченнымъ косыми, играющими лучами; чистое, безоблачное небо раскидывалось розовымъ шатромъ надъ головами нашихъ рыбаковъ. Все улыбалось вокругъ и предвѣщало удачу. Не медля ни минуты, рыбаки подобрали неводъ, бросились въ челноки и принялись за промыселъ. Любо было имъ погулять на раздольѣ послѣ пятимѣсячнаго заточенія въ душныхъ закоптѣлыхъ избахъ!

Ока не представляла уже теперь дикаго смѣшенія изъ льдинъ, оторванныхъ пней и деревъ, ныряющихъ въ безпорядкѣ между мутными, бурными волнами; она была въ полномъ своемъ разливѣ. воды ея успокоились и стали прозрачнѣе. Ровною, серебряною скатертью, кой-гдѣ тронутою лазурью, протянулась рѣка на семь верстъ отъ берега до берега, и поверхность ея, какъ поверхность озера въ тихую погоду, казалась недвижною. Тамъ и сямъ, вдалекѣ, чернѣли лачужки озерскихъ рыбарей, затопленныя до кровли; мѣстами выглядывали изъ воды безлиственныя верхушки дубовъ; перекидываясь цѣликомъ въ гладкомъ зеркалѣ рѣки, онѣ принимали видъ маленькихъ островковъ, и только тоненькія, серебристыя полоски, оттѣнявшія эти островки, давали чувствовать быстрину теченія. Едва видными пятнышками мелькали челноки нашихъ рыбаковъ; голоса ихъ терялись въ пространствѣ. Птицы однѣ оживляли окрестность. Тучи дроздовъ, скворцовъ, дикихъ утокъ, стрижей и галокъ торопливо перелетали рѣку; дикій крикъ бѣлогрудыхъ чаекъ и рыболововъ, Богъ вѣсть откуда вдругъ взявшихся, немолчно носился надъ водою; сизокрылый грачъ также подавалъ свой голосъ; миріады ласточекъ сновали въ свѣжемъ, прозрачномъ воздухѣ и

часто, надрѣзавъ крыломъ воду, обозначали кругъ, который тотчасъ-же расплывался, уносимый быстротою теченія. Солнце между тѣмъ восходило все выше и выше, раскидывая снопъ золотыхъ лучей по всему небу; точно рука Божія протягивалась изъ-за безкрайнаго горизонта и благословляла утро!

Нѣсколько сутокъ простояла рѣка въ полномъ своемъ разливѣ. Наконецъ, мало-по-малу, какъ-бы утомясь своимъ величіемъ, какъ-бы одолѣваемая сладкой дремотой, стала она укладываться въ свои берега. Вскорѣ на лугахъ, покрытыхъ вязкимъ плодотворнымъ иломъ, показались толпы народа; народъ валилъ изъ Комарева, Заполья, Баскача и всѣхъ окрестныхъ деревень, съ саками, ведрами, рѣшетами. Всѣ спѣшили, бабы и дѣти, запастись рыбкой, которую оставляетъ въ углубленіяхъ луговъ быстро убѣжавшая рѣка. Вскорѣ надъ маленькимъ озеромъ показалась сизая струйка дыма возвѣстившая нашимъ рыбакамъ, что дѣдушка Кондратій переселился уже съ своей дочкой изъ Комарева и также принялся за промыселъ.

Сумрачное расположеніе Глѣба прошло, повидимому, вмѣстѣ съ половодьемъ; первый „уловъ“ былъ такого рода, что нужно было только благодарить Господа за Его милость. Знатно „отрыбились!“

— Богъ сотворилъ рожденье, благословилъ насъ; намъ благодарить Его,—а какъ благодарить? знамо, молитвой да трудами. Богъ труды любитъ! Ну, ребята, что-жъ вы стали! живо! Ночи теперь не зимнія, отъ зари до зари невеликъ часъ... пошевеливайся!..

Все это говорилъ Глѣбъ вечеромъ, на другой день послѣ того, какъ рѣка улеглась окончательно въ берега свои. Солнце ужъ давно сѣло. Звѣзды блистали на небѣ. Рыбаки стояли на берегу и окружали отца, который приготовлялся уѣхать съ ними на рѣку „лучить“ рыбу.

— Ладно, такъ!.. Ну, Ванюшка, бѣги теперь въ избу, неси огонь! крикнулъ Глѣбъ, укрѣпивъ на носу большой лодки „козу“ — родъ грубой желѣзной жаровни, и положивъ въ козу нѣсколько кусковъ смолы.—Неводъ свое дѣло сдѣлалъ: сослужилъ службу! продолжалъ онъ, осматривая конецъ „остроги“, желѣзной заостренной стрѣлы, которою накалываютъ рыбу, подплывающую на огонь:— надо теперь „съ лучомъ“ поѣздить... что-то онъ пошлетъ! Сдается по всему, плошать не съ чего: ночь тиха—лучше и требовать нельзя!

Ванюша не замедлилъ явиться, держа подъ полою фонарь съ зажженнымъ огаркомъ; немного погодя, смола затрещала, и коза вспыхнула яркимъ пламенемъ. Нижняя часть площадки, лица рыбаковъ и лодки окрасились вдругъ багровымъ трепетнымъ заревомъ.

— Ну, батька, говори, какъ размѣщаться? произнесъ Петръ.

— Вотъ какъ, проворно подхватилъ Глѣбъ, который окончательно уже повеселѣлъ и расходился:—ты, Петрушка, становись со мною на носу съ острогою... ладно! смотри только, не зѣвай... Гришка и Ванюшка садись въ греблю... живо за весла; да грести у меня тогда только, когда скажу; рыбка спитъ; тревожить ее незачѣмъ до времени... Крѣпко ли привязанъ къ кормѣ челнокъ?

Гришка отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, поворачивайся... такъ!.. Ты, Васька, продолжалъ старикъ, обращаясь ко второму сыну, который держалъ лодку крючкомъ багра:—ты на корму. Ну, всѣ мы на мѣстахъ?

— Всѣ, отозвались рыбаки въ одинъ голосъ.

— Тссс!.. мотри, не горланить: говори тайкомъ,—одними глазами говори... Отдай!

Василій бросилъ багоръ и проворно прыгнулъ на корму.

— Ну, пущена лодочка на воду, отдана Богу на руки! весело воскликнулъ Глѣбъ, когда лодка, отчаленная веслами отъ берега, пошла по теченію.

Тетка Анна и снохи ея сидѣли въ это время на заваленкѣ. Онѣ не отрывали глазъ отъ „луча“, который ярко горѣлъ посреди ночи и такъ отчетливо повторялся въ водѣ, окутанной темнотою наравнѣ съ лугами и ближнимъ берегомъ, что издали казалось, будто два огненные глаза смотрѣли изъ глубины рѣки. Иногда свѣтъ исчезалъ, и вмѣстѣ съ нимъ мгновенно пропадали лодка, привязанный къ ней челнокъ и люди, на ней находившіеся; но это продолжалось всего одну секунду. Новые куски смолы попадали въ козу, и красное пламя, раздвоившись мгновенно, снова загоралось на рѣкѣ. Тогда передъ глазами бабъ, сидѣвшихъ на заваленкѣ, снова обозначались дрожащія очертанія рыбаковъ и лодки, снова выступали изъ мрака высокія фигуры Петра и Глѣба Савинова, которые стояли на носу и, приподнявъ надъ головою правую руку, вооруженную острогою, перегнувшись корпусомъ черезъ бортъ, казались висѣвшими надъ водою, отражавшею багровый кругъ свѣта.

Глѣбъ не ошибся: лучъ отличился ничѣмъ не хуже невода. Къ полуночи въ лодкѣ оказалось не мало щукъ, шерешперовъ и другихъ рыбъ. Ловля приходила уже къ концу, когда Гришка обратился неожиданно къ Глѣбу.

— Батюшка, сказалъ онъ торопливо:—дай-ка я съѣзжу въ челнокѣ на ту сторону—на верши погляжу: должно быть, и тамъ много рыбы. Я запримѣтилъ, въ обѣдъ еще, веревки такъ вотъ, подъ кустами-то, и дергаетъ. Не унесло бы наши верши. Ванюшка одинъ справится съ веслами.

Не мѣшаетъ замѣтить, что Гришка, во все время, какъ продолжалось лученье, поминутно поглядывалъ на луговой берегъ. Присутствующіе, благодаря густой тѣни, которую набрасывала на пріемыша спина Глѣба, не замѣчали этихъ взглядовъ, точно такъ же, какъ не замѣчали плутовского, лукаваго веселья, разлившагося въ чертахъ его. Гришку точно что-то подмывало на мѣстѣ, и Ваня, сидѣвшій подлѣ, не разъ говорилъ ему, чтобъ онъ сидѣлъ тише. Время отъ времени Гришка затаивалъ дыханіе и прислушивался: мертвое молчаніе царствовало на луговомъ берегу. Изрѣдка лишь раздавался слабый звукъ, похожій на отдаленный крикъ совы; но этотъ крикъ пробуждалъ всегда почему-то такую прыткость въ движеніяхъ пріемыша, что Глѣбъ поворачивался къ кормѣ и пригибалъ забранку гребцамъ, которые раскачивали лодку и пугали рыбу.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе Гришки о вершахъ, Глѣбъ утвердительно кивнулъ головою. Гришка однимъ прыжкомъ очутился въ челнокѣ и нетерпѣливо принялся отвязывать веревку, крѣпившую его къ большой лодкѣ; тогда Глѣбъ остановилъ его. Съ нѣкоторыхъ поръ старый рыбакъ все строже и строже наблюдалъ, чтобы посѣщенія пріемыша на луговой берегъ совершались какъ можно рѣже. Онъ слѣдилъ за нимъ во всѣ зоркіе глаза свои, когда дѣло касалось переправы въ ту сторону, гдѣ лежало озеро дѣдушки Кондратія.

— Погоди, произнесъ старый рыбакъ, обратившись неожиданно къ кормѣ:—одному тебѣ не справиться съ вершами. Ванюшка! ступай съ нимъ. Коли много рыбы, посади ее въ челнокъ, да живѣй домой, а верши опять подъ кусты, на прежнее мѣсто.

— А кто-жъ грести-то вамъ станетъ? отозвался Гришка, спѣша отвязать веревку.

— Дѣлай, что велятъ! объ этомъ не сумлѣвайся... Петръ! садись въ греблю.

— Ну, вотъ, батюшка! я и одинъ справлюсь, возразилъ Гришка, пуская челнокъ.

— Не смѣть, ни съ мѣста! крикнулъ Глѣбъ, топнувъ ногой.

Гришка сердито ударилъ багромъ въ бортъ лодки и снова притянулъ челнокъ. Ваня, не промолвивъ слова, поднялъ весло и помѣстился подлѣ пріемыша.

— Да смотри, не запаздывать у меня, живо домой!.. Ну, Петрушка, весла на воду. И намъ пора: давно ужь, я чай, полночь, произнесъ Глѣбъ, когда челнокъ, сурово отпихнутый Гришкой, исчезъ въ темнотѣ.

Ваня и товарищъ его плыли молча. Съ нѣкоторыхъ поръ они рѣдко сталкивались вмѣстѣ: они какъ словно избѣгали даже другъ друга; въ этомъ, впрочемъ, скорѣе можно было упрекнуть пріемыша. Со стороны сына рыбака не было замѣтно, чтобы онъ таилъ въ душѣ какія-нибудь непріязненныя чувства къ товарищу своего дѣтства. Въ отношеніяхъ его съ пріемышемъ замѣтна была только воздержность. Задумчивое, прекрасное лицо молодого рыбака сохраняло такое же спокойствіе, когда онъ говорилъ съ Гришкой, какъ когда оставался наединѣ. Черные, быстрые взгляды пріемыша говорили совсѣмъ другое, когда обращались на сына рыбака: они горѣли ненавистью, и чѣмъ спокойнѣе было лицо Вани, тѣмъ сильнѣе съуживались губы Гришки, тѣмъ сильнѣе вздрагивали его тонкія, подвижныя ноздри. Онъ самъ не могъ бы растолковать, за что такъ сильно ненавидѣлъ того, который, пользуясь всѣми преимуществами любимаго сына въ семействѣ, былъ тѣмъ не менѣе всегда роднымъ братомъ для пріемыша и ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже помысломъ, не далъ повода къ злобному чувству. Впрочемъ, Гришка и не думалъ отдавать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, точно такъ же, какъ не утруждался скрывать ихъ отъ товарища.

Итакъ, они плыли молча. Челнокъ приближался уже къ кустамъ ивняка и находился недалеко отъ высокой ветлы, висѣвшей надъ омутомъ, когда внезапно, посреди тишины, снова раздался крикъ совы, но на этотъ разъ такъ близко, что оба рыбака подняли голову.

— Никакъ „сычъ“? произнесъ Гришка, быстро окинувъ глазами Ваню; но мракъ покрывалъ лицо Вани, и Гришка не могъ различить черты его.—Вотъ что, примолвилъ вдругъ пріемышъ:— высади-ка меня на берегъ: тутъ подъ кустами, недалечѐ отъ омута,

привязаны три верши. Ты ступай дальше: погляди тамъ за омутомъ, объ утро туда кинули пятокъ. Я тебя здѣсь подожду.

Ваня ничего не отвѣчалъ и только приподнялъ весло. Пріемышъ быстро повернулъ челнокъ и прыгнулъ въ кусты.

— Вотъ какъ-разъ угодили въ самое то мѣсто, сказалъ онъ, потрясая веревками, которыя прикрѣпляли верши къ берегу. — Смотри же, я здѣсь жду, примолвилъ онъ и громко засвисталъ.

Но Ваня огибалъ уже водоворотъ и находился шагахъ во ста отъ пріемыша. Достигнувъ мѣста, гдѣ закинуты были другія верши, онъ остановился, бережно вынулъ весло изъ воды и, ухватившись руками за сучья кустарника, притаилъ дыханіе. Такъ провелъ онъ нѣсколько минутъ, какъ прикованный, вмѣстѣ съ челнокомъ своимъ. Кругомъ все было тихо: онъ слышалъ только, какъ колотилось его собственное сердце и какъ, въ отдаленіи, шуршукалъ омутъ, вертѣвшій свою воронку подъ старой ветлою. Наконецъ онъ выпустилъ сучья изъ правой руки, судорожно отеръ ладонью потъ, который, несмотря на холодъ ночи, выступалъ крупными горошинами на лицѣ, и, укрѣпивъ челнокъ, принялся осматривать верши: осмотрѣлъ одну, взялся за другую—и вдругъ кинулся въ челнокъ и полетѣлъ стрѣлою назадъ. Нѣсколько ударовъ весла, прыжокъ— и Ваня очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ пріемыша. Послышался слабый, затаенный возгласъ; но это не былъ крикъ совы. Слишкомъ знакомый голосъ прозвучалъ въ ушахъ Вани, и вслѣдъ затѣмъ что-то бѣлое быстро промелькнуло передъ его глазами. Въ то же время Гришка остановился противъ него и загородилъ ему дорогу. Ваня отодвинулся въ сторону и продолжалъ слѣдить за бѣлымъ пятномъ, которое исчезало въ темнотѣ.

— Чего тебѣ надыть? удушливымъ голосомъ произнесъ Гришка, становясь снова передъ товарищемъ и такъ близко наклоняясь къ его лицу, что тотъ почувствовалъ теплоту его прерывающагося дыханія.

Ваня слегка отклонилъ его рукою и, не повернувъ даже головы, продолжалъ смотрѣть въ ту сторону, гдѣ скрылось бѣлое пятно.

— Чего тебѣ надыть! яростно повторилъ Гришка, приподымая, въ замѣшательствѣ, кулаки и скрежеща зубами.

Ваня повернулъ тогда къ нему лицо свое, отступилъ шагъ назадъ и сказалъ спокойнымъ голосомъ, въ которомъ замѣтно было, однакожъ, легкое колебанье:

— Полно, братъ, чего ты бѣснуешься? я вѣдь давно все знаю; таиться вамъ отъ меня нечего. Богъ съ вами, я вамъ не помѣха.

— Какая? въ чемъ помѣха? проговорилъ Гришка, сраженный, повидимому, спокойствіемъ своего противника.

— Перестань, братецъ! кого ты здѣсь морочишь? продолжалъ Ваня, скрестивъ на груди руки и покачивая головою.—Самъ знаешь, про что говорю. Я для эвтаго болѣе и пришелъ, хотѣлъ сказать вамъ: Господь, молъ, съ вами; я вамъ не помѣха! А насчетъ то-есть злобы, либо зависти какой, я ни на нее, ни на тебя никакой злобы не имѣю; живите только по закону, какъ Богомъ показано...

— Ой-ли? насмѣшливо перебилъ Гришка.

Ваня отступилъ нѣсколько шаговъ и потупилъ голову.

— Господь тебѣ судья, когда такъ! сказалъ онъ твердымъ, хотя грустнымъ голосомъ.

Затѣмъ онъ медленно повернулся къ рѣкѣ и пошелъ къ челноку.

Немного погодя, берегъ опустѣлъ. Вскорѣ опустѣла и самая рѣка, встревоженная на минуту веслами двухъ удаляющихся рыбаковъ.

XIV.

Лачуга дѣдушки Кондратія.

Въ четвергъ на Святой, часа за два до полудня, Глѣбъ остановилъ Ванюшу въ ту минуту, какъ тотъ проходилъ мимо и готовился выйти за ворота.

— Куда ты бредешь? спросилъ отецъ.

— На рѣку, батюшка.

— А что, примѣрно, можно спросить, какая надобность идти тебѣ на рѣку? продолжалъ шутливо отецъ.

— Можно, батюшка; грѣха нѣтъ въ этомъ. Хотѣлось такъ, просто на воду поглядѣть...

— Ой, врешь! подсмѣиваясь перебилъ отецъ.

Въ эту самую минуту, за спиною Глѣба, кто-то засмѣялся. Старый рыбакъ оглянулся и увидѣлъ Гришку, который стоялъ подлѣ навѣсовъ, скалилъ зубы и глядѣлъ на Ваню такими глазами, какъ

будто подтрунивалъ надъ нимъ. Глѣбъ не сказалъ, однакожъ, ни слова пріемышу,—ограничился тѣмъ только, что оглянулъ его съ насмѣшливымъ видомъ, послѣ чего снова обратился къ сыну.

— Ну, вотъ что, грамотникъ, примолвилъ онъ, толкнувъ его слегка по плечу:—на рѣку тебѣ идти незачѣмъ: завтра успѣешь на нее насмотрѣться, коли ужъ такая охота припала. Ступай-ка лучше въ избу да шапку возьми: сходимъ-ка на озеро, къ дѣдушкѣ Кондратію. Онъ къ намъ на праздникахъ два раза навѣдывался, а мы у него ни однова не бывали,—не годится. Къ тому же и звалъ онъ поньче.

При этомъ Глѣбъ лукаво покосился въ ту сторону, гдѣ находился пріемышъ. Гришка стоялъ на томъ же мѣстѣ, но уже не скалилъ зубы. Смуглое лицо его измѣнилось и выражало на этотъ разъ столько досады, что Глѣбъ невольно усмѣхнулся; но старикъ по прежнему не сказалъ ему ни слова и снова обратился къ сыну.

— Ну, что-жъ ты стоишь, Ванюшка? али уши запорошило? Ступай, бери, шапку, проговорилъ онъ, поглядывая на сына, который краснѣлъ, какъ жаровня, выставленная на сквозной вѣтеръ, и переминался на одномъ мѣстѣ, съ самымъ неловкимъ видомъ.

— Батюшка, сказалъ наконецъ Ваня:—ты бы одинъ сходилъ, либо вотъ другого кого изъ нашихъ взялъ...

— Это по какимъ причинамъ?

— Да такъ, батюшка, подхватилъ Ваня, стараясь придать своему лицу веселое выраженіе:—такъ, мнѣ что-то не хочется... я бы лучше дома побылъ.

— Сказалъ: „ты“ пойдешь, стало, оно такъ и будетъ! стало, и разговаривать нечего. Долго думать—тому же быть. Ступай, бери шапку.

— Право, батюшка...

— Ну, ну, ну! я вѣдь эвтаго не люблю! ступай! отрывисто сказалъ отецъ.

Глѣбъ не терпѣлъ возраженій. Ужъ когда что сказалъ, слово его какъ свая, крѣпко засѣвшая въ землю—ни за что не спихнешь! Отъ молодого, девятнадцатилѣтняго парня, да еще отъ сына, который въ глазахъ его былъ ни больше, ни меньше, какъ молокососъ, онъ и подавно не вынесъ бы супротивности. Впрочемъ, и сынъ былъ послушенъ—не захотѣлъ бы сердить отца. Ваня тотчасъ же повиновался и поспѣшилъ въ избу.

— Гришка! сказалъ Глѣбъ.

Пріемышъ подошелъ молча.

— Ты у меня нынче ни съ мѣста! Петръ, Василій и снохи, можетъ статься, не вернутся: заночуютъ въ Сосновкѣ, у жениной родни; останется одна наша старуха: надо кому-нибудь и дома быть; ты останешься! Слышишь, ни съ мѣста! За вершами съѣздишь, когда я и Ванюшка вернемся съ озера.

Сказавъ, это, Глѣбъ повернулся къ нему спиною и пошелъ къ воротамъ. Проводивъ его злобнымъ взглядомъ, Гришка топнулъ ногою о-земь и, сдѣлавъ угрожающій жестъ, нетерпѣливыми шагами вышелъ въ заднія ворота, бормоча что-то сквозь крѣпко стиснутые зубы.

Въ ожиданіи сына, Глѣбъ сѣлъ на заваленку.

„Такъ, стало, оно и есть! То-то давненько еще запримѣтилъ я, какъ словно промежъ ними неладно что-то“, думалъ старый рыбакъ. „Парней—двое, дѣвка—одна: вѣстимо, что̀ мудренаго! чего мало, то и въ диковинку; оно завсегда такъ-то бываетъ! Ну, да какъ быть! на всѣхъ не угодишь. Не ломоть дѣвка: пополамъ не разломишь! И то сказать: коли настоящимъ дѣломъ взять, незачѣмъ Гришкѣ и жена теперь; куда она ему! На службѣ не до нея: только-что вотъ лишняя тягота на плечахъ... Эхъ, жаль, парня-то! оченно жаль! знамо, не какъ родного дѣтища, а все песокъ на сердцѣ: много добре привыкли мы къ нему; жилъ, почитай, что съ самаго малолѣтства... И парень-то ловокъ,—что говорить! озороватъ, а ловокъ. Рыбакъ былъ бы знатный: далось ему ремесло... ну, да что дѣлать! Требуется—стало, такъ тому и слѣдуетъ быть!“ продолжалъ Глѣбъ, потряхивая головою. „Вотъ одного только въ толкъ не возьму никакъ: съ чего мой-то артачится?.. Тотъ скучаетъ: знамо, досадно, завидки берутъ,—положимъ такъ; ну, а этому что? Дѣвка, что ли, не по сердцу, не по нраву пришла? Какую же ему еще?.. Ужъ эта ли еще не дѣвка: лицомъ пригожа, хоть бы и не про насъ. Ну, также вотъ и на счетъ нрава: дѣвка ласковая, скромница... да и родня хорошая: всего одинъ отецъ старикъ, да и тотъ изъ лучшихъ хорошій... Такъ нѣтъ, поди-жъ ты, ломается! И диковинное это дѣло, право, не допытаешься никакъ: затаился, какъ огонь въ кремнѣ!.. А видно, видно по всему: есть что-то на разумѣ; скучаетъ чѣмъ-то!.. То-то, давно пора бы, по настоящему, женить его. Кабы да не прошлогодняя стройка, не изба новая, давно бы дѣло-то слажено было... А на это, что онъ не охотится до невѣсты, смотрѣть нечего: я вѣдь узловатъ; маленько что,

и таску дамъ... Ноньче же переговорю съ дядей Кондратіемъ и по рукамъ; въ воскресенье спросимъ дѣвку, а въ предбудущее и повѣнчаемъ!.. Глупый, и самъ своего счастья не вѣдаетъ! поживетъ, поживетъ мѣсяцъ другой съ женою, да и въ ноги отцу: спасибо, молъ, что приневоливалъ! Да и намъ повеселѣе тогда будетъ: къ тому времени, того и гляди, повѣстятъ о некрутствѣ, Гришка уйдетъ; все не такъ скучать станемъ; погляжу тогда на своихъ молодыхъ: осталась по крайности хоть утѣха въ дому!...“

Размышленія Глѣба были прерваны на этомъ мѣстѣ приходомъ сына.

Въ походкѣ и движеніяхъ молодого парня не было замѣтно ни малѣйшей торопливости. Все существо его было, казалось, проникнуто чувствомъ покорности и безпрекословнаго повиновенія волѣ родительской. Глаза, опущенные въ землю, тоска, изображавшаяся на поблѣднѣвшемъ лицѣ, ясно показывали, однакожъ, что повиновеніе это стоило нѣкоторыхъ усилій молодому парню. Все это не ускользнуло отъ проницательнаго взгляда стараго рыбака; онъ оставался, повидимому, очень недоволенъ наблюденіями своими надъ сыномъ. Въ другое время онъ, конечно, не замедлилъ бы выйти изъ себя; запылилъ бы, закричалъ, затопалъ и далъ бы крѣпкій напрягай сыну, который невѣсть чего, въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ глядѣть „комомъ“ (собственное выраженіе Глѣба, требовавшаго всегда, чтобъ молодые люди глядѣли „розсыпью“), продолжаетъ ломаться, таиться и даже осмѣливается худѣть и задумываться; но на этотъ разъ онъ не обнаружилъ своего неудовольствія. Причина такого необыкновеннаго снисхожденія заключалась единственно въ хорошемъ расположеніи: ужъ коли нашла сердитая полоса, на недѣлю, либо на двѣ, къ нему лучше и не подступайся: словно закалился въ своемъ чувствѣ, какъ въ бронѣ желѣзной; нашла веселая полоса, и въ весельи былъ точно такъ же постояненъ: смѣло ходи тогда; ину пору хотя и выйдетъ что-нибудь неладно, не по его,—только посмѣется да посрамитъ тебя неотвязчивымъ, скоморошнымъ прозвищемъ.

Такъ было и теперь.

— Ну, что, дьячокъ, что голову-то повѣсилъ? отряхнись! сказалъ Глѣбъ, какъ только прошло первое движеніе досады: — али ужъ такъ кручина больно велика?.. Эхъ, ты! Ранешько, братъ, кручиной забираешься... Погоди, будетъ время, придетъ и незваная, непрошеная!.. Пей, веселись—вотъ пока твоя вся забота... а то

нахохлился; подумаешь, взаправду, несчастный какой... Эхъ, ты, слабый! пра, слабый! Ну, что ты за парень? что за рыбакъ? Мякина, право слово, мякина! заключилъ Глѣбъ, постепенно смягчаясь, и снова началъ ухмыляться въ бороду.

Во все время, какъ они переѣзжали рѣку, старикъ не переставалъ подтрунивать надъ молодымъ парнемъ. Тотъ хоть бы слово. Не знаю, стало ли жаль Глѣбу своего сына, или такъ, попросту, прискучило ему метать насмѣшки на безотвѣтнаго собесѣдника, но подъ конецъ и онъ замолкъ.

А между тѣмъ все вокругъ должно было бы располагать путниковъ къ веселой бесѣдѣ.

День былъ чудный. На небѣ ни облачка; солнце, обливая мягкою теплотою оттаявшую землю, горѣло какъ-то празднично. Птицы весело щебетали въ тихомъ, едва движущемся воздухѣ. Хотя на деревьяхъ не было еще листвы, только-что начинали завязываться почки, покрытыя клейкимъ, пахучимъ лакомъ; хотя луга, устланные иломъ, представляли еще темноватую, однообразную площадь, со всѣмъ тѣмъ и луга, и деревья, затопленные желтымъ лучезарнымъ свѣтомъ весенняго утра, глядѣли необыкновенно радостно. Уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ солнце сильнѣй припекало въ полдень, пласты ила совсѣмъ пересохли. Сквозь рыхлую ихъ поверхность, изрѣзанную безчисленнымъ множествомъ мелкихъ трещинъ и приподнятую какъ скорлупа, начинали пробиваться кое-гдѣ желтые, розовые и красные, какъ кровь, стебельки цикорія. Легкій вѣтерокъ, срывавшійся иногда съ озеръ, окруженныхъ купами ольхи, орѣшника и ветлы, разливалъ въ воздухѣ запахъ сырой лѣсистой почвы. Тамъ, подъ влажною тѣнью кустовъ, листъ ландыша уже развертывалъ свою трубочку въ сосѣдствѣ съ фіялкой, которая скромно показывала свою блѣдно-голубую головку надъ темными, мшистыми ворохами прошлогодняго валежника. Все возвѣщало весну: и темно-лазоревый цвѣтъ неба, и пѣсни птицъ, и запахъ почекъ, и мягкая, проникающая теплота воздуха, и даже огромныя глыбы льда, которыя попадались на пути Глѣба и которыхъ занесло въ луга половодье. Льдины эти, пронизанныя насквозь лучами, лежали уже рыхлыми, изнемогающими массами; поминутно слышалось, какъ верхніе края ихъ обрывались на-земь и разсыпались тотчасъ же въ милліоны звонкихъ, сверкающихъ иголъ; еще два-три такихъ дня, и страшныя икры, повергавшія такъ недавно на пути своемъ столѣтніе дубы, превратятся въ лужицы, по которымъ смѣло и бойко побѣжитъ

мелкій куличокъ-свистунчикъ. Глѣбъ и сынъ его не замедлили, однакожъ, различить сквозь сучья деревьевъ, окаймлявшихъ озеро, лачужку дѣдушки Кондратія

Жилище старичка представляло оригинальную, совершенно типическую физіономію. Это было что-то среднее между ветхою, закоптѣлою избушкой на курьихъ ножкахъ, о которой говорится въ сказкахъ, и живописною, веселою степной хаткой, или „мазанкой", какъ ихъ называютъ обыкновенно на югѣ Россіи. Когда дѣдушка Кондратій переселился на озеро (тринадцать лѣтъ тому назадъ), средства не позволяли ему купить цѣлую избу. Силъ хватало только, чтобы пріобрѣсти дюжину стропилъ, да и то обгорѣлыхъ, и еще другую дюжину кривыхъ, сѣдыхъ бревенъ. Недостающій матеріалъ пополнялся плетнями, густо оштукатуреными снутри и снаружи смѣсью изъ глины, рѣчного песку и рубленой соломы. Дѣдушка началъ съ того, что срылъ отвѣсно часть небольшого естественнаго бугорка; въ этой выемкѣ помѣщалась избушка; задній „фасъ" ея плотно примкнулъ къ земляному откосу до самой кровли; бока ея закрылись частію постепенно понижающимся склономъ бугорка, частію плетнями. Лицевая сторона, гдѣ находилась дверь (окна прорѣзаны были съ боковъ), состояла изъ вышеупомянутыхъ бревенъ. Неровности и щели прикрывались заплатами изъ досокъ и глины: издали казалось, передъ вами сидитъ дряхлый старичокъ, въ рубищѣ, съ больными, подвязанными глазами. Надобно было также подумать защитить себя отъ дождя. Лѣтомъ куда бы еще ни шло; прольетъ ливень, солнышко скоро высушитъ; но осенью, когда солнышко повернетъ на зиму, а дождь зарядитъ на два-три мѣсяца, тутъ какъ быть? Для этой цѣли дѣдушка выпустилъ края крыши и какъ можно больше, такъ что самый косой дождь съ трудомъ досягалъ до порога двери; такъ много соломы положено было на крышу, что она утратила свою острокрайнюю форму и представлялась копною или вздутымъ караваемъ. Но дѣдушка немного заботился о красотѣ: главное было бы тепленько, и потому, недѣлю назадъ, какъ только перебрался изъ Комарева, прикинулъ еще свѣженькой соломки. Лачужка походила теперь, ни дать ни взять, на старый грибъ съ почернѣлымъ стержнемъ, но сохранившеюся желтой верхушкой, которая лоснилась на солнцѣ. Но какъ бы то ни было, грибъ ли, слѣпой ли старикъ съ обвязанными глазами,—лачужка не боялась грознаго водопольня; ольха, ветлы, кусты, обступавшіе ее со всѣхъ сторонъ, защищали ее, какъ молодые нѣжные сыны, отъ льдинъ и охотно

принимали на себя весь грузъ ила, которымъ обвѣшивались всякій разъ, какъ трофеемъ. Лѣтомъ жилище рыбака превращалось въ теплое гнѣздо, запрятанное въ густую зелень. Тамъ, сквозь темную листву ольхи, просвѣчивала соломенная, солнцемъ облитая кровля, здѣсь, между блѣдными, серебристыми вѣтвями ивы, чернѣла раскрытая дверь. Пестрые лохмотья, развѣшанныя по кустамъ, бѣлыя рубашки, сушившіяся на веревочкѣ, верши, разбросанныя въ безпорядкѣ, саки, прислоненные къ углу, и между ними новенькій сосновый, лоснящійся какъ золото багоръ, двѣ-три ступеньки, вырытыя въ землѣ для удобнаго схода на озеро, темный, засмоленный челнокъ, качавшійся въ синей тѣни раскидистыхъ ветелъ, висѣвшихъ надъ водою,—все это представляло въ общемъ обыкновенно живописную, миловидную картину, которыхъ такъ много на Руси, но которыми наши пейзажисты, вѣроятно отъ избытка пылкой фантазіи и черезчуръ сильнаго поэтическаго чувства, стремящагося изображать румяныя горы, кипарисы, похожіе на ворохи салата, и восточныя гробницы, похожія на куски мыла,—никакъ не хотятъ пользоваться.

Глѣбъ и сынъ его подошли къ избушкѣ; осмотрѣвшись на стороны, они увидѣли, шагахъ въ пятнадцати, дѣдушку Кондратія, сидѣвшаго на берегу озера. Свѣсивъ худощавыя ноги надъ водою, вытянувъ впередъ бѣлую какъ лунь голову, освѣщенную солнцемъ, старикъ удилъ рыбу. Онъ такъ занятъ былъ своимъ дѣломъ, что не замѣтилъ приближенія гостей; нѣсколько пискарей и колюшекъ, два-три окуня, плескавшіеся въ сѣромъ глиняномъ кувшинѣ, сильно, повидимому, заохотили старика.

— Здорово, дядя! „клёвъ на уду!“ *) весело воскликнулъ Глѣбъ.

— А-а, сосѣдушка! добро пожаловать! не менѣе весело сказалъ старикъ, поворачивая къ гостямъ дѣтски-простодушное лицо свое, окруженное бѣлыми какъ снѣгъ волосами, падавшими до плечъ.— Ну, здравствуйте, здравствуйте! продолжалъ онъ, медленно приподнимаясь на ноги и прислоняя удочку къ кустамъ.—И Ванюшу взялъ съ собою; ну, ладно. Спасибо тебѣ, сосѣдушка! радъ ему! Здравствуй, молодецъ. Давненько не былъ ты у меня... ну, да все равно, теперь пришелъ провѣдать; и то хорошо... Спасибо, не запамятовалъ, Глѣбъ Савинычъ! То-то; вѣдь я ждалъ тебя... Дуня! Дуняша! заключилъ дѣдушка Кондратій, обращаясь къ лачужкѣ.

---

*) Обычное привѣтствіе рыбаковъ, застающихъ собрата за уженьемъ.

При этомъ дверь отворилась, и на порогѣ показалась дочка старика. Восьмилѣтняя дѣвочка, которую мы встрѣтили когда-то собирающею валежникъ въ прибрежныхъ кустахъ, успѣла уже съ того времени превратиться въ красивую, стройную дѣвушку. Въ ней легко было узнать, однакожъ, прежняго ребенка: глаза голубые, какъ васильки, остались все тѣ же; такъ же привлекательно круглилось ея лицо, хотя на немъ не оставалось уже слѣда бойкаго, живого, ребяческаго выраженія. Пестрый платокъ, накинутый на скорую руку на ея бѣлокурые волосы, бросалъ прозрачную тѣнь на чистый, гладкій лобъ дѣвушки, и слегка оттѣнялъ ея глаза, которые казались поэтому нѣсколько глубже и задумчивѣе; бѣлая сорочка, слегка приподнятая между плечами молодою грудью, обхватывала станъ Дуни, перехваченный клѣтчатой юбкой, или „понявой“, исполосованной красными клѣтками по темному полю. Обыкновенно, понявы эти не бываютъ длинны; благодаря такому обстоятельству, можно было вдосталь любоваться тонкими, босыми ногами молодой дѣвушки, которыя немного повыше пятки закруглялись, обозначая начало свѣжей, розовой икры.

Первое движеніе Дуняши при видѣ гостей было откинуться поспѣшно назадъ; но, разсудивъ въ ту же секунду, что сколько ни прятаться, съ гостями все-таки приведется провести большую часть дня, она снова показалась на дорогѣ. Щеки ея горѣли яркимъ румянцемъ; мудренаго нѣтъ: она готовила обѣдъ и цѣлое утро провела противъ пылающей печки; могло статься—весьма даже могло статься, что краска бросилась въ лицо Дуни при видѣ Ванюши.

— Дуняша? сказалъ дѣдушка Кондратій мягкимъ, колеблющимся голосомъ:—гости дорогіе пришли! собирай-ка обѣдъ. А что, сосѣдъ, я чай, взаправду, не пора ли поспѣдать? вишь, солнышко-то какъ высоко!..

— Что жъ, давай; доброе дѣло... Э, да постой... Дуня, Дуня! живо подхватилъ Глѣбъ, обращаясь къ дочери сосѣда, которая готовилась скрыться за дверь:—погоди, касатушка. Развѣ такъ дѣлаютъ добрые люди, ась? вѣдь мы съ тобой на Святой-то не видались: я чай, и похристосоваться надыть!.. А нутка, подь-ка, давай-ка христосоваться!.. Ну, Христосъ воскресе!—такъ! вотъ это такъ, какъ быть слѣдуетъ... Ну, а что-жъ съ моимъ-то парнемъ? Развѣ вы нехристи?.. Ванюшка, что-жъ ты стоишь?.. ахъ, ты... ну! заключилъ Глѣбъ, посмѣиваясь, между тѣмъ какъ молодые люди стояли другъ противъ друга съ потупленными головами.

Одно и то же чувство—чувство неловкости, тягостнаго принужденія,—быть-можетъ, даже стыда со стороны дѣвушки, проглядывало на лицѣ того и другого. Но нечего было долго думать. Глѣбъ, чего добраго, начнетъ еще подтрунивать. Ваня подошелъ къ дѣвушкѣ и, переминая въ рукахъ шапку, поцѣловалъ ее трижды (Глѣбъ настоялъ на томъ), причемъ, казалось, вся душа кинулась въ лицо Вани и колѣни его задрожали.

— Ну, а насчетъ красныхъ яичекъ не взыщи, красавица: совсѣмъ запамятовали!.. А все онъ, ей-Богу! должно быть, ужь такъ оторопѣлъ, къ вамъ добре идти заохотился, смѣясь проговорилъ Глѣбъ и подмигнулъ дѣдушкѣ Кондратію, который во все время, съ веселымъ, добродушнымъ видомъ, смотрѣлъ то на сосѣда, то на молодую чету.

Немного погодя, старикъ ввелъ гостей своихъ въ избушку.

XV.

Бесѣда.

Дѣдушка Кондратій, придерживаясь, вѣроятно, старой, пословицы, которая гласитъ: „отъ хозяина должно пахнуть вѣтромъ, отъ хозяйки—дымомъ“, исключительно занимался наружными стѣнами и кровлей своей лачуги, внутреннее же устройство отдавалъ въ полное распоряженіе своей дочери. Между наружностію лачуги и внутреннимъ ея видомъ, находилась такая-же почти разница, какъ между самимъ старикомъ и молодой дѣвушкой: тутъ все было прибрано, свѣтло, весело и чисто. Красный уголъ былъ выбѣленъ; тутъ помѣщались образа; остальныя части стѣнъ, составлявшія продолженіе угла, оставались только вымазанными глиной; мѣдныя ризы иконъ, вычищенныя мѣломъ къ свѣтлому празднику, сверкали какъ золото; подлѣ нихъ виднѣлся возобновленный пучокъ вербы, засохнувшая просфора, святая вода въ муравленномъ кувшинчикѣ, красныя яйца и нѣсколько священныхъ книгъ въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ, съ мѣдными застежками,—тѣ самыя, по которымъ Ваня учился когда-то грамотѣ. Въ противоположномъ углу воздвигалась печка, съ перерубочками, для удобнаго влѣзанья: она

занимала ровно четвертую часть жилища; надъ ухватомъ, кочергою и „голикомъ“ (вѣникомъ), прислоненнымъ къ печуркѣ, лѣпилась сосновая полка, привѣшенная къ гвоздямъ веревками; на ней—пузатые горшки, прикрытые деревянными кружками; такъ какъ мѣста на полкѣ оставалось еще много, молодая хозяйка помѣстила въ сосѣдствѣ съ горшками, самопрялку, съ тучнымъ пучкомъ кудели на макушкѣ гребня. Уголъ налѣво, ближайшій къ двери (любимый уголокъ старичка: тутъ онъ плелъ обыкновенно свои лапти и чинилъ сѣти), не представлялъ ничего особенно примѣчательнаго, если не считать островерхой клѣтки съ перепеломъ, да еще шапки Кондратія, прицѣпленной къ деревянному гвоздю; верхушка шапки представлялась чѣмъ-то въ родѣ туго набитаго синяго мѣшка; величиною и вѣсомъ своимъ она могла только равняться съ знаменитою шапкой, купленной двадцать лѣтъ тому назадъ покойнымъ Акимомъ Гришкѣ, когда ребенку исполнился годъ. На бичевкѣ, протянутой отъ выступа печи до верхняго косяка двери, висѣла грубая посконная занавѣска, скрывавшая правое окно и постель рыбаковой дочки: узковатость занавѣски позволяла, однакожъ, различить полотенце, висѣвшее въ изголовьяхъ, и крошечное оловянное зеркальце, испещренное зелеными и красными пятнышками, одно изъ тѣхъ зеркальцевъ, которыя продаются ходебщиками—„афенями“—и въ которыхъ можно только разсматривать одинъ глазъ или носъ, или подбородокъ, но ужъ никакъ не все лицо; тутъ-же выглядывалъ синій кованный сундучокъ, хранившій, вѣроятно, запонку, шелкъ-сырецъ, наперстокъ, сережки, коты, полотно, двѣ новыя понявы и другія части немногосложнаго приданаго крестьянской дѣвушки.

Кондратій усадилъ Глѣба на почетное мѣсто, къ образамъ; онъ хотѣлъ посадить туда-же и сына, но Ванюша отказался, подъ предлогомъ, что заслонитъ спиною окно, и расположился немного поодаль, въ тѣнь, бросаемую спиною; самъ хозяинъ помѣстился рядомъ съ сосѣдомъ Глѣбомъ.

Свѣтъ окна сполна ударилъ тогда въ лицо двухъ стариковъ. Трудно было сыскать двѣ болѣе характеристическія, но вмѣстѣ съ тѣмъ двѣ менѣе сходныя головы. Умный, широкій лобъ Глѣба, окруженный черными, пышными, съ просѣдью, кудрями, его орлиный носъ, подвижныя, рѣзко обозначенныя ноздри, смѣлый, бойкій взглядъ, могли-бы удачно служить моделью для изображенія древняго римлянина; каждая черта его, каждая морщина дышали крѣ-

постію, обозначали въ немъ присутствіе живыхъ, далеко еще не угаснувшихъ страстей. Бѣлая, патріархальная голова сосѣда, тихое выраженіе лица его, насквозь проникнутаго добротою и дѣтскимъ простодушіемъ, приводили на память тѣхъ набожныхъ старичковъ, которые уже давнымъ-давно отказались отъ всѣхъ земныхъ, плотскихъ побужденій и обратили всѣ помыслы свои къ Богу. Невозможно было найти два лица, которыя бы такъ вѣрно, такъ отчетливо передавали всю жизнь, всю душу своихъ владѣльцевъ.

— Не посѣтуйте, дорогіе гости; чѣмъ угощать васъ, и самъ не вѣдаю! сказалъ Кондратій, когда Дуня поставила на столъ уху, приправленную лукомъ и постнымъ масломъ (дѣвушка старалась не смотрѣть на Ваню):—вы привыкли къ другой пищѣ, вамъ не въ охоту моя постная ѣда...

— Вотъ, нешто у насъ причудливое брюхо! мы сами, почитай, весь годъ постнымъ пробавляемся, возразилъ Глѣбъ:—постная ѣда, знамо, въ пользу идетъ, не во вредъ человѣку; ну, что говорить! и мясцо не убавитъ вѣку: послѣ мясца-то человѣкъ какъ словно даже посытнѣе будетъ.

— Такъ-то такъ, посытнѣе, можетъ статься—посытнѣе; да на все есть время: придутъ такіе года, вотъ хоть бы мои теперь, не слѣдъ потреблять такой пищи; вотъ я пятнадцать лѣтъ мяса въ ротъ не беру, а слава тебѣ, всевышнему Создателю, на силы не жалуюсь. Только и вся моя ѣда: хлѣбъ, лукъ, да квасу ину пору подольешь...

— Ну, нѣтъ, дядя, напрасно поклепалъ ты свою похлебку: похлебка знатная! началъ Глѣбъ, приставляя ложку къ губамъ, дѣлая изъ нихъ подобіе трубы и звонко втягивая въ себя уху;—знатная ѣда! вѣдь эти вотъ коклюшки да пискари, даромъ что малы, а сладки! И то сказать надо: мастерица у те хозяйка и уху-то варить!.. повариха славная! прибавилъ онъ, посматривая на Дуню, неловкость которой мало-по-малу проходила, хотя она все еще старалась отводить глаза свои отъ сына рыбака.—Всякій разъ, какъ вотъ я такъ-то приду къ вамъ, погляжу на васъ, на ваше на житье-бытье, инда завидки берутъ,—ей-Богу, право! сказалъ Глѣбъ.

— Да, благословилъ меня Господь—послалъ на старости лѣтъ утѣху, отвѣчалъ Кондратій, подымая, въ свою очередь, глаза на дочку.

Черты старика оживились: какъ будто лучъ солнца, пробравшись неожиданно въ окно, скользнулъ по лицу его.

— Вотъ одного развѣ только недостаетъ вамъ, продолжалъ между тѣмъ Глѣбъ: — въ одномъ недостача: кабы какимъ ни есть случаемъ... вотъ хошь бы какъ та баба, помнишь разсказывали въ Каширѣ? — пошла это на рѣку рубахи полоскать, положила ихъ въ дупло, — вынимаетъ ихъ на другой день, анъ глядь, въ дуплѣ-то кубышка съ деньгами... вотъ кабы такъ-то... эхъ, знатно, я чай, зажили бы вы тогда!

— Зачѣмъ намъ? мы и такъ довольны.

— Ну, полно, дядя, полно! смѣясь перебилъ Глѣбъ: — что толковать! я чай, куда и ты бы возрадовался!

— Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, не надыть намъ: много денегъ, много и грѣха съ ними! Мы довольствуемся своимъ добромъ; зачѣмъ намъ! Съ деньгами-то заботъ много; мы и безъ нихъ проживемъ. Вотъ я скажу тебѣ на это какое слово, Глѣбъ Савинычъ: счастливъ тотъ человѣкъ, кому и воскресный пирожокъ въ радость!

— Коли за себя говоришь, ладно! о тебѣ и рѣчь нейдетъ. А вотъ у тебя, примѣрно, дочка молодая, объ ней, примѣрно и говорится: было бы у ней денегъ много, нашила бы себѣ наряду всякаго, прикрасъ всякихъ... вѣстимо, дѣло дѣвичье, молодое; вѣдь вотъ также и о приданомъ думать надо... не то, чтобы, примѣрно, приданое надыть: возьмутъ ее и безъ этого, — а такъ, себя потѣшить; дѣвка-то ужъ на возрастѣ: нѣтъ, нѣтъ, да и замужъ пора выдавать!...

При этомъ дѣдушка Кондратій подавилъ вздохъ, и лицо его стало задумчиво.

— Что, аль не любо? спросилъ Глѣбъ, устремляя на сосѣда пытливый взглядъ: — ну, да какъ быть: сколько веревку ни вить, концу быть: на это онѣ, дѣвки-то, и на свѣтъ рождаются. Знамо, невесело разставаться съ роднымъ дѣтищемъ: своя плоть — къ костямъ пришита: а не миновать этого; такъ ужъ Богомъ самимъ установлено. И то сказать: за мужниной головой не сидѣть ей сиротой. Съ чего-жъ такъ!.. всегда такъ-то водится: родители берегутъ дочь до вѣнца, мужъ — до конца! Не уродъ она у тебя, не кривая какая, слава те Господи! Красовита — хошь куда!.. ну, какъ же ей послѣ этого... такъ и сидѣть въ дѣвкахъ-то? нѣтъ, дядя, замужъ отдавай — вотъ что!.. Я пожалуй и женишка пріищу; у тебя товаръ, у меня купецъ...

Ваня давно смекнулъ, къ чему клонилась отцовская рѣчь; но какъ ни тяжко было ему находиться при этомъ разговорѣ, особенно

въ присутствіи Дуни, онъ не показалъ своего нетерпѣнія. Прислонившись спиною къ стѣнѣ, онъ изрѣдка лишь потряхивалъ волосами; вмѣшаться въ разговоръ и замять какъ-нибудь отцовскую рѣчь онъ не могъ: во первыхъ, отецъ не далъ бы ему вымолвить слова, и, наконецъ, хоть до завтра говори ему, все-таки никакого толку не выйдетъ, все-таки не послушаетъ; хуже еще упрется; во вторыхъ приличіе своего рода запрещало Ванѣ вмѣшаться въ бесѣду: онъ зналъ, что сидитъ тутъ въ качествѣ жениха и, слѣдовательно, волей-неволей долженъ былъ молчать.

Но Глѣбъ не прерывалъ бесѣды и продолжалъ закидывать сосѣда тѣми замысловатыми, двусмысленными рѣчами, которыя употребляются обыкновенно въ случаяхъ сватовства; видно было, однакожъ, что ему не понутру приходилось добираться до цѣли окольными путями. Глѣбъ былъ человѣкъ прямой, неутайчивый и въ добавокъ еще горячій: ему хотѣлось бы разомъ порѣшить дѣло; отзвонилъ, да и съ колокольни долой! Вышла даже такая задача, что старый рыбакъ какъ словно подъ конецъ и замялся: но это продолжалось всего секунду. Онъ окинулъ бойкимъ взглядомъ присутствующихъ, засмѣялся и, тряпнувъ по плечу дѣдушку Кондратія, сказалъ:

— Эхъ, дядя, погубили вы, ты да твоя дѣвка, моего парнюху,—ей-Богу, такъ!

— Поди ты, что еще выдумалъ! Оборони Господи, чтобы мы его когда губить думали, проговорилъ старикъ, съ добродушной улыбкой поглядывая на Ваню.

Ваня нетерпѣливо тряхнулъ волосами.

— Такъ, право, такъ, продолжалъ Глѣбъ:—можетъ статься, оно и само собою какъ-нибудь тамъ вышло, а только погубили!.. Я полагаю, подхватилъ онъ, лукаво прищуриваясь:—все это больше отъ вашихъ грамотъ вышло; ходилъ это онъ, ходилъ къ тебѣ въ книжки читать, да и зачитался!.. Совсѣмъ заразили вы его! Какъ знаешь, дядя, ты и твоя дочка... черезъ васъ, примѣрно, занедужился парень,—вы, примѣрно, и лечите его! заключилъ, смѣясь Глѣбъ.

Ваня снова тряхнулъ волосами.

Дуня торопливо поставила на столъ послѣднюю перемѣну, подошла къ печкѣ и принялась убирать горшки и плошки; но руки ея разсѣянно перебѣгали отъ одного предмета къ другому: разго-

воръ Глѣба, его намеки обращали теперь на себя все вниманіе дѣвушки.

— Ахъ ты, шутникъ! шутникъ! сказалъ Кондратій въ отвѣтъ сосѣду:—поди ты, чего не выдумаешь!.. Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, подхватилъ онъ, и лицо его снова изобразило тихую задумчивость:—нѣтъ, черезъ то, что Ванюша грамоткой занимается, худого не будетъ; знамо, что говорить! бываютъ такія книжки, что грѣшно и въ руки взять... да такихъ Ванюша твой не читаетъ; учился онъ доброму,—худое на умъ не пойдетъ!.. Наши книжки, что я ему даю, человѣка не испортятъ, не научатъ баловству: книжки наши разумныя, душевныя; ихъ отцы святые писали!

— Вѣстимо... то есть... ну, что говорить! вѣстимо, отъ такихъ книгъ худого не бываетъ! я, примѣрно, не то... воскликнулъ немного озадаченный Глѣбъ:—ну, не книжки, такъ другое что! подхватилъ онъ, оправляясь.—Вѣдь не спроста же сталъ онъ у меня такъ-то задумываться... Что-жъ бы за причта за такая?..Какъ ты скажешь, дѣдъ, а?.. Я полагаю, знаешь что... Ужъ не зазноба ли,—э! э!—э! примолвилъ неожиданно Глѣбъ, моргая на присутствующихъ блиставшими отъ удовольствія глазами:—ну, да все одно: вѣдь и это не годится, неладно! продолжалъ онъ, заботливо нахмуривая лобъ, между тѣмъ какъ лицо его смѣялось:—причина немалая; вишь, дядя, парень-то почитай что высохъ... весь почитай износился; полечить надо... нѣтъ ли у тебя, примѣрно, средствія какого, ась?.. Я, признаться, затѣмъ болѣе и пришелъ къ тебѣ... Ну, что ты на это скажешь? полно тебѣ раздумывать-то! сколько птицѣ ни летать по воздуху, а наземь надо когда-нибудь сѣсть... ну, съ твоего слова, что съ золотого блюда, говори!..

Тяжело было старику произнести слово,—слово, которое должно было разлучить его съ дочерью; но, съ другой стороны, онъ зналъ, что этого не избѣгнешь, что, рано или поздно, все-таки придется разставаться. Онъ давно помышлялъ о Ванѣ: лучшаго жениха не найдешь, да и не требуется; это ли еще не парень! Совсѣмъ тѣмъ старику тяжко было произнести послѣднее слово; но сколько птицѣ ни летать по воздуху, какъ выразился Глѣбъ, а наземь надо когда нибудь сѣсть.

— Чтожъ, сказалъ наконецъ дѣдушка Кондратій ласковымъ, привѣтливымъ голосомъ (лицо его оставалось, однакожъ, задумчивымъ):—что-жъ! мы отъ добраго дѣла непрочь...

Ваня, начинавшій уже съ трудомъ подавлять волненіе, невольно взглянулъ на Дуню.

Слова отца заставили ее повернуть голову къ разговаривающимъ; она стояла, опустивъ раскраснѣвшееся лицо къ полу; въ чертахъ ея не было видно, однакожъ, ни замѣшательства, ни отчаянія; она знала, что стоитъ только ей слово сказать отцу, онъ принуждать ее не станетъ. Если чувства молодой дѣвушки были встревожены и на лицѣ ея проглядывало смущеніе, виною всему этому было присутствіе Вани.

— Когда такъ, стало, и разговаривать нечего! продолжалъ между тѣмъ Глѣбъ съ возраставшею веселостію:—спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ, дядя! Я, признательно, другого отъ тебя и не чаялъ, съ тѣмъ шелъ, и старухѣ своей сказалъ нонѣ... Стала это она приставать, какъ провѣдала, зачѣмъ иду сюда; не приходится, говоритъ, идти тебѣ самому за такимъ дѣломъ, то да се, говоритъ... Вотъ! говорю, нужда мнѣ большая до вашихъ до бабьихъ разговоровъ! жили мы съ дядей Кондратіемъ почитай тринадцать лѣтъ, жили: два сапога—одна пара! какъ слѣдуетъ, по сосѣдски жили; знаю я его, и онъ меня знаетъ: оба, примѣрно, обо всемъ уже извѣщены... а тутъ поди еще ломайся да бабъ засылай, и нивѣсть что такое! Нѣтъ, говорю: самъ схожу, самъ обо всемъ переговорю; оно и лучше! А то поди еще, возись съ ними! зачнутъ требесить да суетиться: наговорятъ съ три короба, а толку мало; конецъ тотъ же, да только что вотъ растянутъ его пустыми рѣчами своими,—и не дождешься!.. Мнѣ, признательно, коли ужъ на правду пошло, вотъ этого-то и не хочется; по моему, чѣмъ скорѣе вылечимъ мы нашего парня, тѣмъ лучше... И то сказать, дядя: задалось намъ, вишь ты, дѣльцо одно; со дня на день жду, приведется намъ погоревать маненько; вотъ по этому-то самому болѣе и хлопочу, какъ бы скорѣе сладить, парня нашего вылечить; все, по крайности, хоть утѣха въ дому останется... Я тебѣ объ этомъ нашемъ дѣлѣ слова не промолвилъ... Да, можетъ статься, самъ ты какъ-нибудь на сторонѣ провѣдалъ... а? заключилъ Глѣбъ, веселость котораго, при послѣднихъ словахъ, замѣтно пропадала.

— Оборони, помилуй Богъ! я ничего не слыхалъ! произнесъ дядя Кондратій, подымая бѣлую свою голову.

— Не говорилъ я тебѣ объ этомъ нашемъ дѣлѣ по той причинѣ: время, вишь ты, къ тому не приспѣло, продолжалъ Глѣбъ:— нечего было заводить до поры, до времени разговоровъ и дома у

меня ничего объ этомъ о-сю-нору не вѣдаютъ; теперь таиться нечего: не сегодня, такъ завтра сами узнаете... Вотъ, дядя, примолвилъ рыбакъ, приподымая густыя свои брови:—рекрутскій наборъ начался! Это, положимъ, куда бы ни шло: дѣло, вѣстимо, нужное, царство безъ воинства не бываетъ; вотъ что неладно маленько, дядя: очередь за мною.

Дѣдушка Кондратій потупилъ глаза къ землѣ и задумчиво покачалъ головою.

— Точно, сказалъ онъ:—точно: слыхалъ я, рекрутовъ собираютъ; и не зналъ, что чередъ за тобою, Глѣбъ Савинычъ. Ну, такъ какъ же ты это... а?.. что жъ ты? примолвилъ онъ, заботливо взглядывая на сосѣда.

— Что дѣлать! произнесъ Глѣбъ, проводя ладонью по сѣдымъ кудрямъ своимъ: дѣло какъ есть законное, настоящее дѣло; жалѣй, не жалѣй, рѣшить какъ-нибудь надыть. Сердце болитъ,—разумъ слушаться не велитъ... На томъ и положилъ: Гришка пойдетъ!

При самомъ началѣ этого разговора, какъ только Глѣбъ сказалъ, что ожидаетъ со дня на день какого-то гореванья, и особенно послѣ того, какъ объяснилъ онъ свое намѣреніе относительно Гришки, въ чертахъ Вани произошла разительная перемѣна; онъ поднялъ голову и устремилъ тревожно-безпокойный взглядъ на отца, который во все время бесѣды сидѣлъ къ нему бокомъ. Съ именемъ Гришки, молодой парень вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, до послѣдняго суставчика, судорожнымъ движеніемъ руки отеръ капли холоднаго пота, мгновенно выступившія на лбу, и взглянулъ на дочь рыбака.

Дуня стояла у двери. Лицо ея, покрытое зеленоватою блѣдностію, было недвижно; раскрывъ побѣлѣвшія губы, вытянувъ шею, она смотрѣла сухими глазами, полными безумнаго замѣшательства, въ уголъ, гдѣ сидѣли старики. Секунду спустя, глаза ея помутились, какъ словно огонь, наполнявшій ихъ, затушенъ былъ слезами, мгновенно хлынувшими отъ сердца; грудь ея поднялась, губы и ноздри задрожали; все существо ея превратилось, казалось, въ одинъ отчаянный вопль. Дуня заглушила, однакожъ, рыданія, раздиравшія ея сердце; она приложила одну руку къ губамъ, другою ухватилась за грудь и быстро скользнула въ дверь.

Все это произошло такъ неожиданно, такъ тихо, что Глѣбъ и дѣдушка Кондратій не замѣтили даже отсутствія дѣвушки. Старикамъ и въ голову не приходило, чтобы участь Гришки могла найти такое горячее сочувствіе въ сердцѣ дѣвушки; къ тому же, оба были

слишкомъ заняты разговоромъ, чтобы удѣлить частицу вниманія молодымъ людямъ. Не будь этого обстоятельства, оба, конечно, обратились бы къ Ванѣ,—такъ блѣдно, такъ встревожено было въ эту минуту лицо его. Но старики ровно ничего не замѣчали и продолжали вести свою бесѣду, которая, мало-по малу, снова перешла къ главному предмету совѣщанія и не замедлила принять прежній, веселый характеръ.

На этотъ разъ Ваня мало уже заботился о томъ, что говорилъ отецъ. Онъ думалъ свою думу,—повидимому, крѣпкую, горькую думу. Сношенія Дуни съ пріемышемъ давно были ему извѣстны; отчаяніе, обнаруженное ею, ничего, слѣдовательно, не раскрывало ему новаго: какъ ни горько было ему отказаться отъ рыбаковой дочки, онъ успѣлъ, однакожъ, давно свыкнуться съ своей долей. Воля отца, рѣшавшая отправить Гришку, вѣсть объ удаленіи его, со всѣми послѣдствіями для рыбаковой дочки—можетъ статься, даже для пріемыша—вотъ что возмущало душу молодого парня. Нѣтъ никакой возможности вѣрно передать внутреннія движенія человѣка въ минуты сильной тревоги: въ эти минуты человѣкъ, говоря относительно, перестрадаетъ и передумаетъ болѣе, чѣмъ въ цѣлые годы тихаго, невозмутимаго существованія. Скорбь парня постепенно казалось, сосредоточивалась и уходила въ его душу. Молодое лицо его, встревоженное горемъ, мало-по-малу дѣлалось покойнѣе; но, подобно озеру, утихающему послѣ осенней бури, лицо Вани освѣщалось печальнымъ, холоднымъ свѣтомъ; молодыя черты его точно закалялись подъ вліяніемъ какой-то непреклонной рѣшимости, которая съ каждой секундой все болѣе и болѣе созрѣвала въ глубинѣ души его. Такъ сильно отдался онъ подъ конецъ своимъ мыслямъ, что, казалось, не замѣтилъ даже дочки рыбака, которая успѣла уже вернуться въ избу, стояла у двери и смотрѣла на него распухнувшими отъ слезъ глазами.

Онъ очнулся не прежде, какъ когда отецъ и дѣдушка Кондратій встали съ своихъ мѣстъ.

— Ванька, чего голову-то скосилъ? отряхнись, глупый! сказалъ Глѣбъ полу-шутливымъ, полу-нетерпѣливымъ голосомъ.—Ну, посмотри, дядя, не глупый ли онъ, а? подхватилъ рыбакъ, обращаясь къ Кондратію и указывая ему головою на сына;—а ты еще хвалишь его. Ну, что въ немъ! ей-Богу, право! Мякина, какъ есть, мякина! Такіе ли молодцы то бываютъ!.. Ну, да ладно: вотъ вылечимъ мы его съ тобою: авось тогда повеселѣе будетъ... Пойдемъ,

дядя... что на него смотрѣть! мякина!.. пойдемъ на озеро, переговоримъ еще... а то и домой пора! заключилъ Глѣбъ, проходя съ сосѣдомъ въ дверь и не замѣчая Дуни, которая стояла притаившись за занавѣской.

Какъ только шаги стариковъ замолкли на берегу озера, Ваня приподнялъ голову, тряхнулъ кудрями, всталъ со скамьи, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ виднѣлось зеркальце, и отдернулъ занавѣску.

Дуня сидѣла на краю постели; она уже не скрывала теперь своего горя передъ молодымъ парнемъ. Закрывъ лицо руками, она рыдала навзрыдъ, и слезы ея ручьями текли между судорожно сжатыми пальцами.

Лицо Вани казалось, напротивъ, совершенно спокойнымъ, и только рука его, все еще державшая, вѣроятно въ забытьи, занавѣску,—только рука измѣняла ему.

— Дуня, сказалъ онъ почти твердымъ голосомъ:—не сокрушайся... полно!.. не будетъ этого!... я... я говорилъ вамъ (тутъ голосъ его какъ-будто слегка задрожалъ)... я говорилъ вамъ: я вамъ не помѣха!.. Полно, не плачь... я ослобоню его!

Сказавъ это, онъ провелъ пальцами по глазамъ и отвернулъ голову.

Минуту спустя, Ваня выходилъ изъ лачуги.

Когда онъ приблизился къ берегу озера и взглянулъ на стариковъ, Глѣбъ держалъ въ лѣкой рукѣ правую руку дѣдушки Кондратія и весело похлопывая ему въ ладонь, приговаривалъ:

— Стало, тому и быть! Ладно, заживемъ, когда такъ: два сапога—одна пара!

Немного погодя, Глѣбъ и сынъ его распрощались съ дѣдушкой Кондратіемъ и покинули озеро. Возвращеніе ихъ совершилось такимъ же почти порядкомъ, какъ самый приходъ; отецъ не переставалъ подтрунивать надъ сыномъ, или же, когда упорное молчаніе послѣдняго черезчуръ забирало досаду старика, онъ принимался бранить его, называлъ его мякиной, совѣтовалъ ему отряхнуться, прибавляя къ этому, что хуже будетъ, коли онъ самъ примется отряхать его. Но сынъ все-таки не произносилъ слова. Такъ миновали они луга и переѣхали рѣку.

Было еще довольно свѣтло, когда они достигли противоположнаго берега. Солнце давно уже сѣло. Но весенній, прозрачный воздухъ долго сохраняетъ отблескъ заката; сквозь сумерки, потопляв-

шіе углубленіе высокаго хребта, гдѣ располагались избы стараго рыбака, можно было явственно различать предметы.

— Погляди. Ванюшка, вишь: никакъ лошадь у воротъ! неожиданно произнесъ Глѣбъ, выходя изъ челнока.

Ваня поднялъ голову.

У воротъ, дѣйствительно, стояла осѣдланная лошадь.

— Ну, не чаялъ я, что такъ скоро! проговорилъ Глѣбъ, проводя ладонью по головѣ:—я думалъ Гришка на свадьбѣ на твоей попируетъ... нѣтъ, не судьба видно ему!..

Первый предметъ, поразившій стараго рыбака, когда онъ вошелъ на дворъ, была жена его, сидѣвшая на ступенькахъ крыльца и рыдавшая во всю душу; подлѣ нея сидѣли обѣ снохи, опустившія платки на лицо и качавшія головами. Въ дверяхъ, прислонившись къ косяку, стоялъ пріемышъ; блѣдность лица его проглядывала даже сквозь густыя сумерки; въ избѣ слышались голоса Петра и Василія и еще чей-то посторонній, вовсе незнакомый голосъ.

Глѣбъ не ошибся. Лошадь точно принадлежала сотскому изъ становой квартиры, который пріѣхалъ повѣстить о выдачѣ рекрута.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XVI.

Сынъ рыбака.

— Полно, говорю! тутъ хлюпаньемъ ничего не возьмешь! Плакалась баба на торгъ, а торгъ про то и не вѣдаетъ; да и вѣдать нѣтъ нужды! Словно и взаправду горе какое приключилось. Не на вѣкъ разстаемся, Господь милостивъ: доживемъ, назадъ вернется — какъ есть, настоящимъ человѣкомъ вернется; сами потомъ не нарадуемся... Ну, о чемъ плакать-то? Попривыкли! знаютъ и безъ тебя: попривыкли: не ты одна... Слава те, Господи! наслалъ еще его къ намъ въ домъ... Жаль, жаль, а все не какъ своего!

Такъ говорилъ Глѣбъ Савиновъ женѣ, вскорѣ послѣ отъѣзда сотскаго.

Разговоръ происходилъ между задними воротами и плетнемъ огорода, въ извѣстномъ проулкѣ; тутъ, кромѣ стараго рыбака и жены его, никого не было. Глѣбъ, послѣ ужина, на которомъ присутствовалъ, между прочимъ, и сотскій, приказалъ тотчасъ же всѣмъ ложиться спать, а самъ, подмигнувъ украдкою женѣ, отправился съ нею на совѣщаніе. На дворѣ царствовалъ совершеннѣйшій мракъ. Мѣсяцъ, подымавшійся багровымъ шаромъ въ отдаленномъ горизонтѣ, не разливалъ почти никакого свѣта: Глѣбъ и Анна съ трудомъ различали черты другъ друга. Никто, можетъ-статься, не смыкалъ глазъ въ клѣтушкахъ и сѣняхъ, но совсѣмъ тѣмъ было такъ тихо, что мужъ и жена говорили шопотомъ; малѣйшая оплошность съ ихъ стороны, слово, произнесенное мало-мальски громко, легко могло возбудить подозрѣніе домашнихъ и направить ихъ къ заднимъ воротамъ, чего никакъ не хотѣлось Глѣбу.

— Какой бы онъ тамъ чужакъ ни былъ — все одно: намъ обдѣлять его не слѣдъ; я его не обижу! продолжалъ Глѣбъ: — одно то, что сирота: ни отца, ни матери нѣту. И чужіе люди, со стороны, такъ сиротъ уважаютъ, а намъ и подавно не приходится оставлять его. Снарядить надо, какъ слѣдуетъ; христіанскимъ дѣломъ разсуждать надо, по совѣсти, какъ слѣдуетъ! За что намъ обижать его? жилъ онъ у насъ какъ родной, какъ родного и отпустимъ; все одно, какъ своего бы отпустили, такъ, примѣрно, и его отпустимъ...

— И то, батюшка, я и сама такъ-то мерекаю... О-охъ!... лепешечекъ напеку ему, сердечному... о-о-охъ! заботливо прошептала тетка Анна, утирая рукавомъ слезы и вздыхая въ нѣсколько пріемовъ, какъ вздыхаютъ обыкновенно бабы, которыя долго и горько плакали.

— Вотъ нашла, что сказать: лепешки! велика нужда ему въ твоихъ лепешкахъ! закусилъ разъ-другой — все одно, что ихъ и не было! Надо подумать о рубахахъ, а не о лепешкахъ — вотъ что!

— Вѣстимо, безъ холста не отпущу его, касатика, простонала тетка Анна.

— Холстъ самъ по себѣ: пойдетъ на портянки *). Я говорю, примѣрно, о рубахахъ. Завтра день, да послѣ завтра день, — всего два дня остается: не успѣете вы обшить его какъ слѣдуетъ. Отдать ему Ванюшкины рубашки, которыя залишнія...

— Куды! коротки будутъ! замѣтила старуха съ такою живостію, что мужъ принужденъ былъ шикнуть и поднять руку.

— А коротки, такъ возьмемъ у Васьки.

— А какъ же Вася-то? вѣдь онъ также дома не остается: идетъ на заработки; самому нужны, шепнула жена.

— Нѣтъ, Васька дома останется въ замѣнъ Гришки. Отпущу я его на заработки! А самому, небось, батрака нанимать, нѣтъ, жирно будетъ! Они и безъ того денегъ почитай-что не несутъ... Довольно и того, коли одинъ Петрушка пойдетъ въ „рыбацкія слободы“... Ну, да не объ этомъ толкъ совсѣмъ! Пойдутъ, стало-быть, Васькины рубахи; а я отъ себя цѣлковика два приложу: дѣло ихнее — походное, понадобится — сапожнишки купить, либо другое что, въ чемъ нужда встрѣнется.

---

*) Куски холста, которыми обматываются ноги вмѣсто носковъ.

Какъ ни переполнено было сердце старушки, какъ ни заняты были мысли ея предстоящей разлукой съ пріемышемъ, къ которому привыкла она почти какъ къ родному дѣтищу, но въ эту минуту всѣ ея чувства и мысли невольно уступили мѣсто удивленію: такъ поразила ее необыкновенная щедрость Глѣба. Ободренная этимъ, она сказала:

— Вотъ, батюшка, надо также и образочекъ ему дать. Дамъ я ему, сердечному, вотъ тотъ, что въ ризочкѣ-то у насъ...

— Что дѣло, то дѣло. Я, признаться, и самъ о томъ думалъ, перебилъ Глѣбъ: — только-что вотъ тотъ, который въ ризѣ, давать не зачѣмъ; можно простѣе сыскать. Главное дѣло, было бы ему наше родительское благословенье...

Переговоривъ еще кой о чемъ касательно Гришки, рыбакъ замѣтилъ, что время спать идти.

— Ты обогни избу да пройди въ тѣ переднія ворота, примолвилъ онъ: — а я пока здѣсь обожду. Виду, смотри, не показывай, что здѣсь была, коли, по случаю, съ кѣмъ-нибудь изъ робятъ встрѣнешься... Того и смотри, прочуяли; на слуху, того и смотри, сидятъ собаки!.. Ступай!—Эхе-хе! промолвилъ старый рыбакъ, когда скрипъ калитки возвѣстилъ, что жена была уже на дворѣ: — эхъ! не все, видно, лещи да окуни: бываетъ такъ иную пору, что и песку съ рѣки отвѣдаешь!.. Жаль Гришку, добре жаль; озорливъ былъ, плутоватъ, да больно ловокъ зато!

Глѣбъ оглянулъ разсѣянно небо, по которому величественно всплывалъ серебрившійся теперь мѣсяцъ, перекрестился, вошелъ на дворъ и, закутавшись въ овчину, улегся въ свои сани подъ навѣсомъ. Хотя старикъ свыкся уже съ мыслію о необходимости разлучиться, рано или поздно, съ пріемышемъ, тѣмъ не менѣе, однакожъ, заснуть онъ долго не могъ: большую часть ночи проворочался онъ съ боку на бокъ и часто такъ сильно покрякивалъ, что куры и голуби, пріютившіяся на окраинѣ дырявой лодки, почти надъ самой его головою, вздрагивали и поспѣшно высовывали голову изъ-подъ теплаго крыла.

Но не подозрѣвалъ старый Глѣбъ, что черезъ какихъ-нибудь пять-шесть часовъ придется перенести испытаніе, передъ которымъ настоящее его горе ровно ничего не будетъ значить. Не предвидѣлъ онъ, что ночь эта, проведенная въ тревожномъ забытьи, будетъ, сравнительно, его послѣднею покойною ночью!

Заря между тѣмъ, чуть-чуть занимавшаяся на горизонтѣ, не

предвѣщала ничего особенно печальнаго: напротивъ того, небо, въ которомъ начинали тухнуть звѣзды, было чистоты и ясности необыкновенной; слегка зарумяненное восходомъ, оно привѣтливо улыбалось и спѣшило, казалось, освободиться отъ тучъ, которыя, какъ послѣднія морщинки на повеселѣвшемъ челѣ, убѣгали къ востоку длинными, постепенно блѣднѣющими полосками. Вся окрестность какъ словно раскрывала глаза и, приподымая освѣженныя росою рѣсницы, радостнымъ взглядомъ встрѣчала весеннее утро. Надъ лугами трещалъ уже жаворонокъ... Глѣбъ, по обыкновенію своему, проснулся вмѣстѣ съ жаворонками; нѣжиться да потягиваться не любилъ старикъ: онъ поспѣшно выскочилъ изъ саней; провелъ широкою ладонью по лицу и волосамъ, оглянулъ небо и перекрестился.

— Создалъ Господь ведро... знатное утро! сказалъ онъ, выходя за ворота и весело оглядывая Оку и дальній берегъ, только-что озаренные первымъ лучемъ солнца.

Ему въ голову не приходило, что это утро, такъ радостно улыбавшееся, западетъ тяжелымъ камнемъ на его сердце и вѣчно будетъ жить въ его памяти.

Въ самое это утро Петръ и Василій должны были сообщить отцу о своихъ намѣреніяхъ. Оба заранѣе приготовились встрѣтить грозу, которая неминуемо должна была разразиться надъ ихъ головами. Въ то время, какъ отецъ спускался по площадкѣ и осматривалъ свои лодки (первое, неизмѣнное дѣло, которымъ старый рыбакъ начиналъ свой трудовой день), сыновья его сидѣли, запершись въ клѣти и переговаривали о предстоявшемъ объясненіи съ родителемъ; передъ ними стоялъ штофъ. Петръ, не мѣшаетъ замѣтить, плохо что-то надѣялся на брата: онъ зналъ, что Василій какъ разъ „солжетъ"—оплошаетъ передъ отцомъ, если не придашь ему заблаговременно надлежащей смѣлости. Основываясь на этомъ, Петръ наканунѣ еще, когда возвращался изъ Сосновки, припасъ „закрѣпу": по мнѣнію старшаго брата—мнѣнію весьма основательному, Василій безъ вина былъ то же, что вино безъ хмѣля; тогда только и полагайся на него, когда куражу прихватитъ! Подливая брату, Петръ, конечно, не пропускалъ случая „тѣшить собственную душу", какъ онъ самъ выражался, и частенько-таки подносилъ штофъ къ губамъ. Онъ дѣлалъ это вовсе не изъ надобности: вино было ему въ охоту, какъ и всякому человѣку, который давно уже хмѣлью зашибался. Онъ и безъ куражу не побоялся бы отцов-

скаго гнѣва. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ отчаянно загрубѣлыхъ людей, которыхъ ничѣмъ не проймешь: ни лаской, ни угрозой,—которые, если заберутъ что въ башку, такъ хоть отсѣкай у нихъ руки и ноги, а на своемъ поставятъ. Смѣлость Петра соотвѣтствовала его упрямству. Казалось даже, онъ съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда станетъ передъ отцомъ лицомъ къ лицу; цыганское лицо его, дышащее грубой энергіей, выражало досаду тогда лишь, когда встрѣчалось съ лицомъ Василія, въ чертахъ котораго все еще проступала время отъ времени какая-то неловкость. Смущеніе Василія, благодаря предусмотрительности брата, не замедлило, однакожъ, исчезнуть. Оба пошли тогда въ избу. Глѣбъ не возвращался еще съ рѣки; но все семейство, за исключеніемъ Вани, однакожъ, котораго никто не видѣлъ со вчерашняго вечера, находилось уже въ избѣ. Никто, кромѣ жены Петра, не зналъ о намѣреніяхъ двухъ братьевъ; всеобщее вниманіе занято было, слѣдовательно, однимъ только Гришкой. Въ ожиданіи Глѣба и завтрака, всѣ обступали съ большимъ или меньшимъ участіемъ пріемыша, который сидѣлъ на скамьѣ у окна и, повернувшись бокомъ къ присутствующимъ, прислонивъ голову къ стѣнѣ, глядѣлъ въ землю. Наконецъ явился Глѣбъ, и всѣ сѣли завтракать.

Окинувъ зоркимъ взглядомъ семейство, старый рыбакъ тотчасъ-же замѣтилъ, что старшіе сыновья его были навеселѣ. Какъ сказано выше, Глѣбъ мало обращалъ вниманія на возрастъ дѣтей своихъ: онъ держалъ всѣхъ членовъ семейства безъ различія въ ежовыхъ рукавицахъ,—потачки никому не давалъ. Тѣмъ менѣе слѣдовало спустить Петру и Василію, что зоркій взглядъ Глѣба неразъ уже, въ послѣднюю побывку, встрѣчалъ ихъ въ хмѣльномъ видѣ; отецъ давно собирался отжучить ихъ порядкомъ и отучить отъ баловства. Онъ вспылилъ тотчасъ-же и осыпалъ ихъ градомъ ругательствъ. Тѣмъ-бы, можетъ-быть, и кончилось дѣло, еслибъ они смолчали; но, разгоряченные виномъ, они отвѣчали—отвѣчали грубо и дерзко. Это обстоятельство мгновенно взорвало старика: брови его выгнулись, голова гордо откинулась назадъ, губы задрожали. Но сыновья зашли уже слишкомъ далеко: отступать было поздно; они встрѣтили наглымъ, смѣлымъ взглядомъ грозный взглядъ отца и въ отвѣтъ на страшный ударъ, посланный въ столъ кулакомъ Глѣба, приступили тотчасъ-же, безъ обиняковъ, къ своему объясненію... Но не станемъ описывать этой дико-необузданной сцены, изъ которой

читатель ничего-бы не вынесъ, кромѣ тягостнаго, непріятнаго чувства. Достаточно сказать, что бабы и дѣти опрометью кинулись вонъ и попрятались, кто куда могъ; нѣсколько минутъ пролежали онѣ въ своихъ пряткахъ совершеннѣйшимъ пластомъ, ничего не видя, не слыша и не чувствуя, кромѣ того развѣ, что въ ушахъ звенѣло, а зубы щелкали немилосерднѣйшимъ образомъ. Мало-помалу, однакожъ, бабы наши стали приходить въ себя; блѣдныя лица ихъ, какъ словно по условленному заранѣе знаку, выглянули въ одно и то же время изъ разныхъ угловъ двора. Но страшные крики, раздававшіеся въ избѣ,—крики, посреди которыхъ какъ громъ раздавался голосъ Глѣба, заставляли бабъ поспѣшно прятать головы, на подобіе того, какъ это дѣлаютъ испуганныя черепахи. Шумъ и крики подымались все сильнѣе и сильнѣе; казалось со двора, какъ будто по полу избы каталось нѣсколько пустыхъ сороковыхъ бочекъ. Но бабы, движимыя любопытствомъ, которое не оставляетъ человѣка въ самыя критическія минуты, не переставали высовывать головы и прислушиваться. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока шумъ не умолкъ и Глѣбъ не показался на крылечкѣ. Тутъ уже бабы исчезли окончательно, залегли въ самые темные углы своихъ прятокъ и замерли.

Глѣбъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, страшенъ въ эту минуту: сѣрые сухіе кудри его ходили на макушкѣ, какъ будто ихъ раздувалъ вѣтеръ; зрачки его сверкали въ налитыхъ кровью бѣлкахъ: ноздри и побѣлѣвшія губы судорожно вздрагивали; высокій лобъ и щеки старика были покрыты блѣдно-зелеными полосами; грудь его колыхалась изъ-подъ рубашки, какъ взволнованная рѣка, разбивающая вешній ледъ. Ступеньки крылечка затряслись подъ его тяжелыми шагами. Очутившись на дворѣ, онъ остановился, какъ бы для того, чтобъ перевести дыханіе, и вдругъ быстро повернулся къ двери крыльца, торжественно приподнялъ обѣ руки и произнесъ задыхающимся голосомъ.

— Не будетъ вамъ, непослушники, отцовскаго моего благослов...

Но тутъ онъ остановился; голосъ его какъ словно оборвался на послѣднемъ словѣ, и только сверкающіе глаза, все еще устремленные на дверь, силились, казалось, досказать то, чего не рѣшался выговорить языкъ. Онъ опустилъ сжатые кулаки, отступилъ шагъ назадъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ дворъ, снова остановилъ глаза на двери крыльца, и вдругъ вышелъ за ворота, какъ будто воздухъ тѣснаго двора мѣшалъ ему дышать свободно.

Прелесть весенняго утра, невозмутимая тишина окрестности, пѣніе птицъ—все это, кончено, мало дѣйствовало на Глѣба; совсѣмъ тѣмъ, благодаря, вѣроятно, вѣтерку, который пахнулъ ему въ лицо и освѣжилъ разгоряченную его голову, грудь старика стала дышать свободнѣе; шагъ его сдѣлался тверже, когда онъ началъ спускаться по площадкѣ.

Подойдя къ лодкамъ, Глѣбъ увидѣлъ Ваню. Тутъ только вспомнилъ старикъ, что его не было за завтракомъ.

— Гдѣ ты шлялся? сурово спросилъ отецъ.

Онъ остановился и, повернувшись почти спиною къ сыну, мрачно оглянулъ рѣку.

— Я здѣсь былъ все время, батюшка, кротко отвѣчалъ сынъ.

— За какой надобностью? сухо и какъ бы не думая о чемъ говоритъ, перебилъ отецъ.

— Тебя ждалъ, батюшка...

Голосъ, которымъ произнесены были эти слова, прозвучалъ такою непривычною твердостію въ ушахъ Глѣба, что, несмотря на замѣшательство, въ которомъ находились его чувства и мысли, онъ невольно обернулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына.

Кроткій, спокойный видъ парня совершенно обезоружилъ отца.

— Чего тебѣ? спросилъ онъ отрывисто.

— Я хотѣлъ переговорить съ тобой, батюшка, началъ Ваня:—хотѣлъ сказать тебѣ... ты только выслушай меня...

— Ну! перебилъ Глѣбъ съ возраставшимъ удивленіемъ.

Годъ, безъ малаго, не могъ онъ слова добиться отъ парня, и вотъ теперь тотъ самъ къ нему приступаетъ.

— Выслушай меня, батюшка, продолжалъ сынъ, тѣмъ же увѣщевательнымъ, но твердымъ голосомъ:—слова мои, можетъ-статься, батюшка, горькими тебѣ покажутся... Я батюшка, во вѣки вѣковъ не посмѣлъ бы передъ тобою слова сказать такого; да нужда, батюшка, заставила!..

— Какъ! вскричалъ отецъ, сжимая кулаки и дѣлая шагъ впередъ:—стало, они и тебя подговорили! стало, и тебѣ ни во что мое родительское проклятіе!

— Нѣтъ, батюшка, никто меня не подговаривалъ, возразилъ сынъ, не трогаясь съ мѣста:—родительское твое благословеніе мнѣ пуще дорого; безъ него, батюшка, я и жить не хочу...

— Чего-жъ тебѣ? спросилъ изумленный отецъ.

— Я, батюшка, пришелъ переговорить съ тобою о Гришкѣ... Батюшка! что ты дѣлаешь? опомнись.

Глѣбъ отступилъ шагъ назадъ и опустилъ руки; старикъ не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ.

— Зачѣмъ же ты тогда воспиталъ его? Затѣмъ ли поилъ, кормилъ, ростилъ его, чтобъ потомъ за насъ, за сыновей твоихъ, отвѣтъ держалъ... Батюшка! что ты хочешь дѣлать? опомнись. Вѣдь это выходитъ, батюшка, дѣлами добрыми торговать! продолжалъ сынъ, и лицо его при этомъ какъ словно озарилось какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ, хотя осталось также кротко и спокойно.— Не бери, батюшка, тяжкаго грѣха на свою душу!.. Господь благословилъ насъ, берегъ твой домъ, далъ тебѣ достатокъ... самъ ты сколько разъ говорилъ объ этомъ!.. Господь отступится отъ насъ за такое дѣло! Достатокъ твой не будетъ тогда Божьимъ благословеніемъ: все пойдетъ прахомъ,—все назадъ возьметъ! За то и берегъ „Онъ“ насъ. Самъ же ты говоришь, что жили по правдѣ!

Глѣбъ стоялъ, какъ прикованный къ землѣ и задумчиво смотрѣлъ подъ ноги; губы его были крѣпко сжаты, какъ у человѣка, въ душѣ котораго происходитъ сильная борьба. Слова сына, какъ крупныя капли росы, потушили, казалось, огонь, за минуту еще разжигавшій его ретивое сердце. Разлука съ пріемышемъ показалась ему, почему-то, въ эту минуту тяжелѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Какъ же быть-то? откуда-жъ намъ взять за него!.. Я и самъ, того, думалъ... Развѣ жеребій... промежъ вами кинуть? проговорилъ онъ наконецъ, какъ бы раздумывая самъ съ собою.

Мысль эта родилась, можетъ быть, въ головѣ старика при воспоминаніи о старшихъ, непокорныхъ сыновьяхъ.

— Нѣтъ, батюшка! зачѣмъ бросать жеребій! спокойно вымолвилъ парень:—старшіе братья женаты; ужъ лучше... такъ, безъ жеребья...

Глѣбъ поднялъ голову.

— Очередь за нами, за твоими сыновьями, продолжалъ Ваня, все тѣмъ же невозмутимо-твердымъ голосомъ: — старшіе сыновья женаты... Что-жъ!.. я и пойду, батюшка...

Старику нешутя представилось, что младшій сынъ его рехнулся. Предшествовавшія слова молодого парня, его спокойный голосъ, а еще болѣе спокойный видъ убѣждали, однакожъ, старика въ противномъ. „Что-жъ бы такое значило? Ужъ не засорилъ ли парень дурью свою голову?.. Погоди-жъ, я вотъ изъ тебя дурь-то вышибу!“

При этой мысли, Глѣбъ, которому шутить было не въ охоту, вспыхнулъ.

— Видишь ты это? крикнулъ онъ, неожиданно выступая впередъ и показывая сыну коренастый, узловатый кулакъ.

Но Ваня на волосъ не пошатнулся, не мигнулъ даже глазомъ.

— Я тебя проучу, какъ дурью-то забираться! закричалъ отецъ, сурово изгибая свои брови:—я выколочу изъ тебя дурь-то: такъ отдую, что ты у меня на этомъ мѣстѣ трое сутокъ проваляешься! заключилъ онъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь.

— Власть твоя, батюшка, сказалъ, съ самымъ кроткимъ, покорнымъ видомъ, парень:—бей меня—ты властенъ въ этомъ! А только я отъ своего слова не отступлюсь.

При этомъ гнѣвъ окончательно завладѣлъ старикомъ: онъ ринулся со всѣхъ ногъ на сына,—но, пораженный необычайнымъ спокойствіемъ, изображавшимся на лицѣ Вани, остановился какъ вкопанный.

— Бей же меня, батюшка, бей! сказалъ тогда сынъ, поспѣшно разстегивая запонку рубашки и подставляя раскрытую, обнаженную грудь свою:—бей; въ этомъ ты властенъ! Легче мнѣ снести твои побои, чѣмъ видѣть тебя въ тяжкомъ грѣхѣ... Я, батюшка (тутъ голосъ его возвысился), не отступлюсь отъ своего слова, очередь за нами, за твоими сыновьями; я пойду за Гришку! охотой иду! Слово мое крѣпко; не отступлюсь я отъ него... Развѣ убьешь меня... а до этого Господь тебя не допуститъ.

Глѣбъ остолбенѣлъ. Лицо его побагровѣло. Крупныя капли пота выступили на лицѣ его. Не мысль о рекрутствѣ поражала старика: онъ, какъ мы видѣли, здраво, толково разсуждалъ объ этомъ предметѣ; мысль разстаться съ Ваней, любимымъ дѣтищемъ, наконецъ, неожиданность событія потрясли старика. Такъ несбыточна казалась подобная мысль старому рыбаку, что онъ подъ конецъ махнулъ только рукой и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ рѣкѣ; но Ваня тутъ же остановилъ его. Онъ высказалъ отцу, съ большею еще твердостью, свою рѣшимость.

Тогда между сыномъ и отцомъ началась одна изъ тѣхъ тягостно-раздирающихъ сценъ, похожихъ на вынужденную борьбу страстно любящихъ другъ друга противниковъ. Глѣбъ осыпалъ сына упреками, припоминалъ ему его дѣтство—онъ ли не любилъ его, онъ ли не лелѣялъ!—осыпалъ его затѣмъ угрозами, грозилъ ему побоями—ничто не помогало: какъ ни тяжко было сыну гнѣвить преклоннаго

отца, онъ стоялъ, однакожъ, на своемъ. Видя, что ничто не помогало, Глѣбъ рѣшился прибѣгнуть къ ласкѣ и принялся увѣщевать сына со всею нѣжностью, какая только была ему доступна. Но и это ни къ чему не послужило: сынъ остался твердъ, и рѣшимость его ни на волосъ не поколебалась. Тутъ только почувствовалъ Глѣбъ,—почувствовалъ первый разъ въ жизни, что крѣпкія, желѣзныя мышцы его какъ словно ослабли; первый разъ осмыслилъ онъ старческіе годы свои, первый разъ понялъ, что силы ужь не тѣ стали, воля и мощь не тѣ, что въ прежніе годы. Слишкомъ много потрясеній выдержали въ этотъ день его стариковскія нервы; на этотъ разъ, казалось, горе раздавило его сердце.

— Ваня! воскликнулъ старикъ, все еще не терявшій надежды убѣдить сына:—Ваня! вспомни! тебя ли я не любилъ? тебя ли не отличалъ я?.. Съ измалѣтства отличалъ я тебя отъ твоихъ братьевъ!.. Ты былъ моимъ любимцемъ, ненагляднымъ сыномъ моимъ! Ты моя надёжа... И ты хочешь покинуть меня своей охотой,— на старости лѣтъ покинуть хочешь! старуху свою, мать покинуть хочешь!.. Ваня, вспомни... али ты этого не знаешь?.. вѣдь и братья твои насъ покидаютъ... Что-жъ, какъ же, сиротами ты хочешь стариковъ оставить?.. Опомнись! Что ты дѣлаешь?.. Ваня!..

— Батюшка!.. батюшка! перестань! ты только мутишь меня! твердилъ въ то же время сынъ, напрягая всѣ силы своего духа, чтобы не разразиться воплемъ:—перестань!.. Богъ милостивъ!.. Приду вовремя... приду закрыть глаза твои... не навѣкъ прощаемся... Полно, батюшка! не гнѣви Господа Бога! О чемъ ты сокрушаешься? Развѣ я худое дѣло какое дѣлаю? Опомнись! развѣ я въ Сибирь за недоброе дѣло иду?.. Что ты? Опомнись! иду я на службу на ратную... иду вѣрой и правдой служить царю-государю нашему... вишь: охотой иду, самъ по себѣ... Полно, опомнись! Не сокрушайся, не мути меня, батюшка... Лучше ты безъ меня останься, чѣмъ увижу я тяжкій грѣхъ на душѣ твоей родительской!..

— Ну, послушай... вотъ... вотъ что я скажу тебѣ, подхватилъ отецъ:—кинемъ жеребій, Ваня!.. ну такъ, хошь для виду кинемъ!.. кому выпадетъ, пущай хоть тотъ знаетъ, по крайности, пущай знаетъ... что ты за него пошелъ!

— Нѣтъ, батюшка! зачѣмъ? возразилъ сынъ, качая головою:— зачѣмъ?.. Ну, а какъ кому-нибудь изъ братьевъ выпется жеребій, либо Гришкѣ, вѣдь они вѣкъ мучиться будутъ, что я за нихъ иду!..

Господь съ ними! пущай себѣ живутъ, ничего не вѣдая, дѣло пущай ужь лучше будетъ закрытое.

Послѣднія слова сына, голосъ, какимъ были они произнесены, вырвали изъ отцовскаго сердца послѣднюю надежду и окончательно его сломили. Онъ закрылъ руками лицо, сдѣлалъ безнадежный жестъ и безотраднымъ взглядомъ окинулъ Оку, лодки, наконецъ домъ и площадку. Взглядъ его остановился на женѣ... Первая мысль старушки, послѣ того, какъ прошелъ страхъ, была отыскать Ванюшу, который не пришелъ къ завтраку.

— Ступай сюда! ступай, старуха, закричалъ Глѣбъ, махая обѣими руками.

Старушка, ковыляя, подошла къ мужу и сыну.

— Вотъ, сказалъ Глѣбъ, уже разбитымъ голосомъ:—вотъ, продолжалъ онъ, указывая на сына:—послушай его... послушай, коли сердце твое крѣпко...

Испуганная мать бросилась къ сыну. Тотъ опустилъ голову и молчалъ. Глѣбъ, въ короткихъ, отрывистыхъ словахъ, передалъ женѣ намѣреніе Вани.

— Батюшка! закричала старуха:—батюшка! помилуй!

И какъ безумная повалилась она мужу въ ноги.

— Его проси! проговорилъ Глѣбъ, захлебываясь отъ слезъ, хоть глаза его были сухи:—его проси, старуха! заключилъ онъ, указывая на Ваню.

— Ваня!.. батюшка!.. помилуй! прокричала мать, бросаясь сыну въ ноги.

Но Ваня не отвѣчалъ; онъ поддерживалъ мать и рыдалъ навзрыдъ, обливая ея лицо слезами.

Тутъ уже и самого старика слеза прошибла; онъ медленно подошелъ къ женѣ, положилъ ей широкую ладонь свою на голову и произнесъ прерывающимся голосомъ:

— Терпи, старая голова, въ кости скована! При этомъ онъ провелъ ладонью по глазамъ своимъ, тряхнулъ мокрыми пальцами по воздуху и, сказавъ: „Будь воля Божія!“ пошелъ быстрыми шагами по берегу, все дальше и дальше.

Какъ только исчезъ онъ за выступомъ высокаго берегового хребта, обѣ снохи, и за ними мужья, Гришка и дѣти, спустились съ площадки и обступили старуху и Ваню.

Но сколько ни допрашивали они, сколько ни допытывались, ничего не могли узнать.

Старуха рыдала какъ безумная. Сынъ сидѣлъ подлѣ матери, обнявъ ее рукою, утиралъ слезы и молчалъ. Когда разспросы дѣлались уже черезчуръ настойчивыми, Ваня обращалъ къ присутствующимъ кроткое лицо свое и глядѣлъ на нихъ такъ же спокойно, какъ-будто ничего не произошло особеннаго.

Такъ простой русскій человѣкъ совершаетъ всегда великодушные поступки!

XVII

Проводы.

Тусклый, сѣренькій день. Сводъ неба какъ будто опустился, прилегъ въ раздумьи надъ молчаливой землею. Еслибъ не теплота воздуха, не запахъ молодой, только-что распустившейся зелени, можно было подумать, что весна неожиданно смѣнилась осенью. Въ началѣ весны часто встрѣчаются такіе дни. Они похожи на задумчивое, прекрасное лицо молодой дѣвушки. Вся природа вдругъ стихнетъ— стихнетъ, какъ рѣзвый ребенокъ, выпущенный на волю, который, не надѣясь на свои силы и не въ мѣру отдавшись шумному, крикливому веселью, падаетъ вдругъ, утомленный, на траву и сладко засыпаетъ... Въ такіе дни вы звука не услышите. Все живущее какъ будто сдерживаетъ дыханіе, приготовляется къ чему-то, снова собирается съ силами къ шумному празднеству лѣта. Стада безмолвствуютъ, какъ бы опьяненныя крѣпкимъ куреніемъ распускающихся растеній, которое, за недостаткомъ солнечныхъ лучей, стелется надъ землею; животныя припали къ злачной травѣ, опустили головы, или лѣниво бродятъ по окрестности. Птицы сонливо дремлютъ на вѣткахъ, проникнутыхъ свѣжимъ молодымъ сокомъ; насѣкомые притаились подъ древесною корою, или забились въ тѣсные пласты моху, похожіе, въ безконечно уменьшенномъ видѣ, на непроходимые сосновые лѣса; муха не прожужжитъ въ воздухѣ; самъ воздухъ боится, кажется, нарушить торжественную тишину и не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ, не подымаетъ даже легкаго пуха, оставленнаго на лугахъ молодыми, только-что вылупившимися гусенятами... Ничего не можетъ быть поэтичнѣе такихъ дней! Тонкій,

счастливо настроенный слухъ различаетъ, посреди этой мертвой тишины, стройное, гармоническое пѣніе... Неизъяснимо-сладкимъ чувствомъ наполняется душа ваша. Но не восторженный экстазъ, не грустное раздумье (въ которомъ также есть своя прелесть) овладѣваютъ вами: нѣтъ! кровь и мозгъ совершенно покойны: вы просто чувствуете себя почему-то счастливымъ; все существо ваше невольно сознаетъ тогда возможность тихихъ, мирныхъ наслажденій, скромной задушевной жизни съ самимъ собою; жизни, которую вы такъ давно, такъ напрасно, можетъ-быть, искали въ столицахъ, съ ихъ шумомъ, блескомъ, и обольщеніями для васъ тогда не существуютъ: онѣ кажутся такими маленькими, что вы даже ихъ не замѣчаете... Въ такія минуты на сердцѣ легко и свободно, какъ въ первыя лѣта счастливой юности; ни одно дурное помышленіе не придетъ въ голову. Вы довольны сами собою, довольны своими чувствами, довольны своимъ одиночествомъ и благословляете провидѣніе, которое дало вамъ возможность жить, дышать и чувствовать...

Въ такой именно день, рано утромъ, Ванюша прощался съ своимъ семействомъ. Окрестность нарочно, казалось, приняла самый тусклый, сѣренькій видъ, чтобы возбудить въ сердцѣ молодого парня какъ можно меньше сожалѣнія при разставаньи съ родимыми мѣстами. Семейство рыбака стояло на дворѣ; оно теперь немногочисленно (Петръ, Василій, ихъ жены и дѣти ушли наканунѣ). Тутъ находятся всего-на-всего: Глѣбъ, его старуха, сынъ, пріемышъ и дѣдушка Кондратій, который пришелъ провожать Ванюшу. Мы застаемъ ихъ въ самую роковую, трудную минуту. Уже ворота, выходящія на площадку, отворены: уже дѣдушка Кондратій отнесъ въ избу старую икону, которою родители благословили сына, Остается только сказать: „Пойдемте!..“ но старый Глѣбъ все еще медлитъ. Гришка, между тѣмъ, простился уже съ товарищемъ своей юности; онъ отошелъ немного поодаль; голова его опущена, брови нахмурены, но темные глаза, украдкой устремляющіеся то въ одну сторону двора, то въ другую, ясно показываютъ, что печальный видъ принятъ имъ по необходимости, для случая, что самъ онъ слабо раздѣляетъ семейную скорбь. Никто, впрочемъ, изъ присутствующихъ не думаетъ въ эту минуту о пріемышѣ. Тетка Анна крѣпко охватила обѣими руками шею возлюбленнаго дѣтища; лицо старушки прижимается еще крѣпче къ груди его; слабымъ, замирающимъ голосомъ произноситъ она безсвязное, прощальное причитаніе. Передъ ними стоитъ Глѣбъ; глаза его сухи, не произноситъ

онъ ни жалобъ, ни упрековъ, ни жестокихъ укорительныхъ словъ; но скрещенныя на груди руки, опущенная голова, морщины, которыхъ уже не перечтешь теперь на высокомъ лбу, достаточно показываютъ, что душа стараго рыбака переноситъ тяжкое испытаніе. Напрасно дѣдушка Кондратій, котораго Глѣбъ всегда уважалъ и слушалъ, напрасно старается онъ уговорить его, призывая на помощь душеспасительныя слова: слова старичка теперь безсильны: онѣ дѣйствуютъ на Глѣба какъ на полоумнаго человѣка: онъ слышитъ каждое слово дѣдушки, различаетъ каждый звукъ его голоса, но не удерживаетъ ихъ въ памяти. Глѣбъ до сихъ поръ не можетъ еще собраться съ мыслями: въ эти три дня старикъ перенесъ столько горя! Поступки дѣтей его изгладили изъ его памяти цѣлыя шестьдесятъ лѣтъ спокойной, безмятежной, можно даже сказать, счастливой жизни... Но сколько ни думай, сколько ни сокрушайся, ничего этимъ не возьмешь,—время только проходитъ.

— Пойдемте! говоритъ Глѣбъ.

Дѣдушка Кондратій бережно разнимаетъ тогда руки старушки, которая почти безъ памяти, безъ языка, виситъ на шеѣ сына: тетка Анна выплакала вмѣстѣ съ послѣдними слезами послѣднія свои силы. Ваня передаетъ ее изъ рукъ на руки Кондратію, торопливо перекидываетъ за спину узелокъ съ пожитками, крестится и, не подымая заплаканныхъ глазъ, спѣшитъ за отцомъ, который уже успѣлъ обогнуть избы.

Отчаянный, раздирающій крикъ, раздавшійся позади, приковываетъ на мѣстѣ молодого парня.

— Ваня!.. Ваня!..

— Полно... матушка... не убивайся... Богъ милостивъ! говоритъ онъ, обнимая старуху, которая какъ безумная охватила его руками.

Но увѣщеванія тутъ напрасны! Дѣдушка Кондратій и Ваня, поддерживая Анну, продолжаютъ путь.

Вотъ уже миновали огородъ, вотъ уже перешли ручей. Этотъ ручей, свидѣтель младенческихъ лѣтъ, служитъ послѣднимъ порогомъ родительскаго дома. Вотъ ступили уже на тропинку и стали подыматься въ гору. Воспоминанія тѣснятся въ душѣ молодого парня; съ каждымъ шагомъ впередъ предстоитъ новая разлука... Какъ ни подкрѣплялъ себя молодой рыбакъ мыслію, что поступкомъ своимъ освободилъ старика отца отъ неправаго дѣла, освобо-

дилъ его отъ грѣха тяжкаго, какъ ни тверда была въ немъ вѣра въ провидѣніе, совсѣмъ тѣмъ онъ не въ силахъ удержать слезъ, которыя сами собою текутъ по молодымъ щекамъ его... Тяжко, вѣдь, разставаться впервые съ домомъ родительскимъ; тутъ съ сердцемъ уже не совладаешь: не слушаетъ оно разсудка и не обольщается мечтами и надеждами...

Простолюдину еще труднѣе покинуть родимый кровъ, чѣмъ всякому другому человѣку. Какъ бы ни убога была хижина бѣдняка, онъ привязанъ къ ней всѣми своими чувствами, всею душою. Привязанность образованнаго человѣка къ матеріальнымъ предметамъ, съ которыми онъ свыкся, привязанность къ дому, къ почвѣ, совершенно ничтожна сравнительно съ привязанностію простолюдина къ тѣмъ же предметамъ его привычки. Объясняется это очень легко: умственная, духовная жизнь, которая отрѣшаетъ человѣка, болѣе или менѣе, отъ грубаго матеріализма, весьма ограничена у простолюдина. Живя почти исключительно матеріальной, плотской жизнію, простолюдинъ сростается, такъ сказать, съ каждымъ предметомъ, его окружающимъ, съ каждымъ бревномъ своей лачуги: онъ въ ней родился, въ ней прожилъ безвыходно свой вѣкъ; ни одна мысль не увлекала его за предѣлъ родной избы: напротивъ, всѣ мысли его стремились къ тому только, чтобы не покидать родного крова. Русскій мужикъ — семьянинъ и домосѣдъ, по преимуществу. Мнѣ довелось разъ видѣть, какъ семейство пахаря, добровольно отправляясь въ плодородныя южныя губерніи, прощалось съ своимъ полемъ — жалкими двумя десятинами глинистой, никуда почти негодной почвы. Я въ жизнь не видалъ такого страшнаго прощанья, такихъ горькихъ слезъ! Мать родная, прощаясь съ любимыми дѣтьми, не обнимаетъ ихъ такъ страстно, не цѣлуетъ ихъ такъ горячо, какъ цѣловали мужички землю, кормившую ихъ столько лѣтъ. Они оставляли, казалось, на этихъ двухъ нивахъ часть самихъ себя. Кусочки земли были зашиты даже въ ладонки грудныхъ младенцевъ... Простолюдинъ покоренъ привычкѣ: разставаясь съ домомъ, онъ разстается со всѣмъ, что привязывало его къ землѣ. Онъ жилъ въ исключительной, ограниченной своей сферѣ; внѣ дома для него не существуетъ интересовъ; онъ недовѣрчиво смотритъ на міръ, выходящій изъ предѣла его обыкновенныхъ, узкихъ понятій. Покидая домъ, онъ не подкрѣпляетъ себя, какъ мы, мечтами и надеждами: онъ положительно знаетъ только то, что разстается съ домомъ, разстается со всѣмъ, что привязываетъ его къ жизни, и потому-то

всѣми своими чувствами, всею душою отдается своей скорби... Достигнувъ вершины высокаго берегового хребта — вершины, съ которой покойной дядя Акимъ боязливо спускался когда-то вмѣстѣ съ Гришкой къ избамъ стараго рыбака, Глѣбъ остановился. Но не быстрая ходьба въ гору утомила его: ему, напротивъ, хотѣлось бы пройти еще скорѣе, подняться еще выше. Страшная тяжесть висѣла на сердцѣ старика; ему хотѣлось пройти теперь сто верстъ безъ одышки: авось-либо истома угомонитъ назойливую тоску, которая гложетъ сердце. Когда Ваня и дѣдушка Кондратій, все еще поддерживавшіе Анну, поднялись на гору, Глѣбъ подошелъ къ нимъ.

— Зачѣмъ вы привели ее сюда? нетерпѣливо сказалъ онъ: — легче отъ эвтаго не будетъ... Ну, старуха, полно тебѣ... простись, да ступай съ Богомъ. Лишніе проводы—лишнія слезы... Ну, прощайся!

— Прощай, матушка! произнесъ сынъ и въ первый разъ не могъ хорошенько совладать съ собою, въ первый разъ зарыдалъ горько—зарыдалъ какъ мальчикъ.

При этомъ старуха вдругъ встрепенулась: забытье исчезло, силы воскресли. Откинувъ исхудалыми руками платокъ, покрывавшій ей голову, она окинула безумнымъ взглядомъ присутствующихъ, какъ бы все еще не сознавая хорошенько, о чемъ идетъ рѣчь, и вдругъ бросилась, съ быстротою молніи, на сына и перекинула руки черезъ его голову. Крикъ, сопровождавшій это движеніе, надрѣзалъ какъ ножомъ сердца двухъ стариковъ. Въ лѣта дѣдушки Кондратія уже не плачутъ: слезы всѣ выплаканы: давно уже высохъ и самый источникъ. Но Глѣбъ мало еще вѣдалъ горя: онъ не осилилъ. Сколько Глѣбъ ни крѣпился, сколько ни отворачивалъ голову, сколько ни хмурилъ брови, крупныя капли слезъ своевольно брызгали изъ очей его и серебрили и безъ того уже посѣдѣвшую его бороду. Онъ махнулъ рукою и еще скорѣе пошелъ впередъ. Ваня вырвался изъ объятій матери и побѣжалъ за нимъ, не переставая креститься.

— Ваня! Ваня!

Старуха бросилась было за сыномъ; но ноги ея ослабли. Она упала на колѣни и простерла впередъ руки.

Ваня продолжалъ между тѣмъ слѣдить за отцомъ. Разъ только обернулся онъ: избушки, площадка, ручей, лодки, сѣти—все исчезло! Надъ краемъ горы, которая закрывала углубленіе берега, замѣнявшее ему цѣлую родину, онъ увидѣлъ только бѣлую голову

дѣдушки Кондратія, склоненную надъ чѣмъ-то распростертымъ посреди дороги. За ними, дальше, въ безпредѣльной глубинѣ, увидѣлъ онъ дальнюю луговую мѣстность. Съ этой высоты, маленькое озеро дѣдушки Кондратія виднѣлось какъ на ладони. Бѣлая подвижная точка какъ словно мелькала недалеко отъ зелени, окружавшей темною каймою озеро. Ваня какъ будто пріостановился, но тотчасъ же отвернулъ голову, перекрестился и пошелъ еще скорѣе. Очутившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отца, онъ не выдержалъ и опять-таки обернулся назадъ; но на этотъ разъ глаза молодого парня не встрѣтили уже знакомыхъ мѣстъ: все исчезло за горою, темный хребетъ которой упирался въ тусклое, сѣрое безъ просвѣта небо... Прощай, мать! прощай, родина, дѣтство, воспоминанія—все прощай!

Грустно!..

. . . . . .

На четвертый день, послѣ вышеописанной сцены, Глѣбъ возвратился домой. У воротъ онъ встрѣтился съ женою, которая, завидя его одного, ударилась въ слезы; но Глѣбъ прошелъ мимо, не обративъ на нее ни малѣйшаго вниманія. На дворѣ ему подвернулся Гришка; но онъ не взглянулъ даже на него. Послѣ тягостной сцены съ старшими сыновьями, послѣ разлуки съ Ваней, стараго Глѣба какъ словно ничто уже не занимало. Все это происходило утромъ. Во всю остальную часть дня, въ обѣдъ, въ ужинъ, старый рыбакъ ни разу не показался въ избѣ. Отсутствіе его замѣтила подъ конецъ и тетушка Анна. Старушка отправилась отыскивать мужа. Безпокойство еще хуже овладѣло ею, когда обойдя клѣтушки и навѣсы, она не нашла Глѣба. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ, увидѣла она его лежащаго навзничь на грудѣ старыхъ вершей, въ самомъ темномъ, отдаленномъ углу двора. Голова стараго рыбака и верхняя часть его туловища были плотно закутаны полушубкомъ. Онъ не спалъ, однакожъ. Старушка явственно разслышала тяжелые вздохи, сопровождаемые именами Петра, Василія и Вани. Анна вернулась къ избѣ, сѣла на крылечко и снова заплакала. Такъ провела она всю ночь. На зарѣ она снова подошла къ мужу. Глѣбъ лежалъ недвижно на своихъ вершахъ. Глухіе, затаенные вздохи, сопровождаемые именами сыновей, по прежнему раздавались подъ полушубкомъ. Весь этотъ день прошелъ точно такъ же, какъ вчерашній. Глѣбъ не показывался въ избѣ, не пилъ, не ѣлъ и продолжалъ лежать на своихъ вершахъ. Тоска смертель-

ная овладѣла тогда старушкой. Когда она увидѣла, что и на третій день точно также не было никакой перемѣны съ мужемъ, безпокойство ея превратилось въ испугъ: и безъ того уже такъ пусто было въ домѣ, такъ печально глядяли навѣсы! Старушка вышла за ворота, отыскала глазами Гришку, который приколачивалъ что-то подлѣ лодокъ, и пошла къ нему.

— Гриша, что это, касатикъ, съ нашимъ старикомъ прилучилось? сказала она, заботливо качая головою: — вотъ третій день нонѣ ни ѣстъ, ни пьетъ, сердечный.

— Стало-быть, не въ охоту, оттого и не ѣстъ! отрывисто отвѣчалъ пріемышъ, не подымая головы.

— О-охъ, нѣтъ, касатикъ, никогда съ нимъ такого не бывало! подхватила со вздохомъ старушка: — лежитъ, не двинется, не пьетъ, не ѣсть ничевохонько третьи сутки... не прилучился бы грѣхъ какой.

— Ничаво, небось! полежитъ, полежитъ, да встанетъ.

— Хорошо, кабы такъ-то!.. О-охъ, боюсь, не разнемогся бы... помилуй Богъ!

— Небось, его нескоро возьмешь! здоровъ онъ какъ вода! что ему сдѣлается!

— Шутка, трое сутокъ маковой росинки во рту не было! продолжала старушка, которую всего болѣе озадачивало это обстоятельство, служащее всегда въ простонародьи несомнѣннымъ признакомъ какого-нибудь страшнаго недуга: — съ той вотъ самой поры, какъ пришелъ... провожалъ нашего Ван...

Старушка не договорила: голосъ ея вдругъ ослабѣлъ. Она какъ-то усиленно закрыла глаза и замотала головою. Сквозь распущенныя вѣки ея, лишенныя рѣсницъ, показались слезы, которыя тотчасъ же наполнили глубокія морщины ея исхудалаго лица.

— Охъ, ненаглядный ты мой... сокровище ты мое! Ванюшка! гдѣ-то ты? простонала Анна, тоскливо мотая головою: — а все вѣдь, Гриша... о-охъ... все вѣдь какъ словно... все черезъ тебя вышло такое...

— Да что ты, матушка, въ самомъ-то дѣлѣ ко мнѣ пристаешь съ эвтимъ? съ дерзкимъ нетерпѣніемъ произнесъ пріемышъ: — разѣ моя въ чемъ вина? „Черезъ тебя да черезъ тебя!“ Кабы я у васъ не случился, такъ все одно было бы!

Старушка ничего не отвѣчала. Она положила голову на ладонь и, подавивъ вздохъ, медленно пошла къ избамъ.

Ступивъ на дворъ, она прямехонько натолкнулась на Глѣба.

Мужественное лицо стараго рыбака было красно-багроваго цвѣта, какъ-будто онъ только-что вышелъ изъ бани, гдѣ парился черезъ мѣру. Черты его исчезали посреди опухлости, которая особенно рѣзко проступала вокругъ глазъ, оттѣненныхъ мрачно нависнувшими бровями. Старушка замѣтила съ удивленіемъ, что въ эти три дня мужъ ея посѣдѣлъ совершенно.

Горе старушки уступило на минуту мѣсто безпокойству, которое пробудила въ ней наружность мужа.

— Батюшка, Христосъ съ тобою! на тебѣ вѣдь лица, касатикъ, нѣту! воскликнула она, опуская руки: —вотъ почитай третьи сутки не ѣлъ, не пилъ ничевохонько! Что̀ мудренаго! ужь не хвороба-ль какая заѣла тебя? помилуй Богъ! продолжала она, между тѣмъ какъ мужъ мрачно глядѣлъ въ совершенно противоположную сторону: —ты бы на себя-то поглядѣлъ: весь распухъ, лицо красное-красное... должно быть, кровь добре привалила... О-охъ, ты, батюшка, до грѣха, сходилъ бы въ Сосновку—кровь кинулъ... все бы маленько поотлегло... сходи-ка съ Богомъ... право-ну!

Глѣбъ провелъ ладонью по лицу, разгладилъ морщины и повернулъ голову къ женѣ.

— Вотъ что, старуха, произнесъ онъ твердымъ голосомъ и, повидимому, не обращая вниманія на предшествовавшія слова жены: — нонче въ Комаревѣ ярмарка. Схожу — не навернется-ли работникъ: безъ него нельзя. Погоревали, поплакали довольно, пора и за дѣло приниматься. Остаешься теперь одна въ дому: пособить некому... не до слезъ теперь... одна за все, про все... Поплакала, погоревала, ну и довольно! У меня, чтобъ я теперь эвтихъ слезъ не видѣлъ... слышишь?.. и безъ нихъ невесело, заключилъ рыбакъ, оглядывая дворъ, навѣсы и кой-какія рыбацкія принадлежности съ такимъ хлопотливымъ видомъ, который ясно показывалъ, что скорбь отца начинала мало-по-малу вытѣсняться заботами дѣлового, толковаго хозяина.

Глѣбъ вошелъ въ избу, посерчалъ на безпорядокъ, который невольно бросался въ глаза, велѣлъ все прибрать до возвращенія своего изъ Комарева и сѣлъ завтракать. Ѣлъ онъ, однакожъ, неохотно, какъ словно даже понуждалъ себя—обстоятельство, заставившее жену повторить ему совѣтъ касательно метанія крови; но Глѣбъ, по прежнему, не обратилъ вниманія на слова ея. Послѣ зав-

трака, онъ вынулъ изъ сундучка, скрытаго въ коморѣ, деньги, одѣлся, вышелъ на площадку, разсчиталъ по солнцу время, переѣхалъ Оку и бодро направился въ Комарево.

XVIII.

Комарево.

Село Комарево, по величинѣ своей, красотѣ нѣкоторыхъ зданій и капиталамъ, находящимся въ рукахъ пяти-шести обывателей, было значительнѣе многихъ уѣздныхъ городовъ. Оно принадлежало наслѣдникамъ одного вельможи временъ императрицы Екатерины II. Лѣтъ двадцать назадъ, крестьяне, внесши за себя полмилліона, откупились, какъ говорится. Полмилліона, конечно, не бездѣлица; но если взять въ соображеніе средства, какими располагала вотчина, ея угодья и внутреннее богатство, комаревцы поступили не только разсчетливо, но даже глубоко обдуманно. „Десятокъ мужиковъ равняется въ общей сложности тончайшему аферисту-спекулятору и хитрѣйшему дипломату“, замѣтилъ кто-то весьма справедливо. Распространяться долго не къ чему, потому что Комарево слегка прикасается къ нашему разсказу. Скажемъ только, что пять-шесть его обывателей, въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, нажили сотни тысячъ цѣлковыхъ. Нѣкоторые занимались сплавомъ лѣса въ широкихъ размѣрахъ; другіе снимали верстъ на десять луга, которые къ осени обставлялись нескончаемыми стогами сѣна, увозимыми потомъ въ Москву на баркахъ; третьи брали на свой пай озера и огромный участокъ берега, принадлежащій вотчинѣ. Рыбный промыселъ въ такомъ масштабѣ приносилъ большія выгоды. Четвертые, наконецъ, занимались ткачествомъ. Въ числѣ тысячи восьмисотъ душъ были, конечно, бѣдняки — не безъ этого; но цифра ихъ была весьма незначительна. Богачи занимали весь почти народъ. Тысяча миткалевыхъ становъ неумолкаемо работали въ Комаревѣ. Красильня, прядильня, сушильня, набивная фабрика требовали не мало рукъ. Лаптей въ Комаревѣ никто не носилъ. Зато тамъ счету не было самоварамъ, сапогамъ, краснымъ рубахамъ и гармоніямъ, которыя, какъ извѣстно, производятся по сосѣдству, въ Тулѣ. Мѣсто

было привольное, какъ вообще всѣ села, расположенныя по близости большихъ, судоходныхъ рѣкъ. Преимущество Комарева заключалось въ томъ еще, что оно лежало на перепутьи двухъ большихъ дорогъ: одна вела въ Коломну, другая—въ Москву. Каждый годъ, въ день приходскаго праздника (въ Комаревѣ были двѣ каменныя церкви), тутъ происходила ярмарка. Народъ сходился изъ двадцати окрестныхъ деревень. Но комаревцы рѣзко отличались ото всѣхъ яркостью своихъ рубашекъ, мѣдными гребешками, висѣвшими на поясахъ щеголей, синими кафтанами пожилыхъ людей, штофными и шелковыми коротайками на заячьемъ мѣху, отливавшими всѣми возможными золотистыми отливами на спинахъ бабъ. Гульливость и нѣкоторое залихватство составляли не послѣднее свойство „комарниковъ"; такъ величали въ околодкѣ жителей Комарева. Прозвище это взялось отъ комаровъ, которые, благодаря еловымъ лѣсамъ, обступавшимъ съ трехъ сторонъ Комарево, заѣдали обывателей чуть не до смерти. Этой гульливости и залихватству столько-же содѣйствовалъ достатокъ, сколько фабричная жизнь, располагающая, какъ извѣстно, къ шашнямъ всякаго рода, а также и баловству. Въ большихъ прирѣчныхъ селахъ, даже безъ фабрикъ и нѣкотораго достатка, разгулъ принимаетъ всегда широкіе размѣры; народъ уже не тотъ: замѣтно болѣе оживленія, болѣе удали, чѣмъ въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ большихъ водныхъ сообщеній. И то сказать надо: было, впрочемъ, гдѣ и разгуляться въ Комаревѣ. При самомъ въѣздѣ въ село, со стороны луговъ, возвышалось двухсрубное бревенчатое зданіе съ мезониномъ, которое всѣмъ было хорошо извѣстно подъ именемъ „Разставанья"; но о кабакѣ мы будемъ говорить послѣ. Скажемъ только, что село состояло изъ нѣсколькихъ улицъ, или порядковъ. Дома по большей части плотные, здоровые, крытые тесомъ. Мудренаго нѣтъ: село упиралось задами въ еловый лѣсъ, который синѣлъ на безпредѣльное пространство. Руби, сколько хочешь. Общество -- свой братъ: смотритъ на тебя сквозь пальцы; и дѣло! сколько ни руби, всего вѣдь не вырубишь. Вишь его куда раскинулся! и конца-краю не видно... Дома капиталистовъ бросались въ глаза: то были неуклюжіе двухъ-этажные каменные дома, съ желѣзною, зеленою или сѣрой кровлей, съ воротами, украшенными каменными шарами и палисадникомъ, засѣяннымъ вплотную отъ фундамента до рѣшетки королевскими свѣчами. Издали, казалось передъ домомъ лежитъ исполинскій мѣдный, ярко вычищенный тазъ. Комаревскія церкви (одна изъ нихъ превосходнѣйшей архи-

тектуры) стояли почти бокъ-о-бокъ и занимали середину села. Подлѣ нихъ возвышался когда-то великолѣпный барскій домъ, но теперь отъ него и слѣду не оставалось. На его мѣстѣ торчали безконечные ряды шестовъ, увѣшанныхъ сушившеюся синею пряжей. За шестами раскидывался садъ. Дорожки, разбитыя когда-то въ англійскомъ вкусѣ, по рисунку знаменитаго садоваго архитектора, давно уже заросли травою, которая послѣ того, какъ срубили роскошныя липовыя и кленовыя аллеи, пошла рости необыкновенно ходко, къ великой радости обывателей, которымъ мало, видно, было луговъ, чтобы кормить скотину. Спекулятивный духъ комаревцевъ нашелъ выгоднымъ засадить все пространство, занимаемое садомъ, яблонями и крыжовникомъ. Часть отдавали въ наемъ, часть шла для собственнаго употребленія. Плетень, окружавшій ту сторону сада, которая преимущественно отдавалась въ наемъ, былъ замѣтно хуже загороди, обносившей участокъ, предназначавшійся обывателямъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ дома располагались по сю сторону церквей. Въ настоящее время, какъ уже сказано, выше, церкви и садъ очутились по срединѣ села, которое расползлось, какъ разбогатѣвшій мѣщанинъ, упитавшійся чаемъ.

Представьте себѣ теперь посреди всего этого тысячи четыре разгулявшагося народа, который движется и кричитъ между рядами нѣсколькихъ сотенъ подводъ. Шумъ и пестрота нестерпимые! Глазъ не соберешь, уши заложить!—Комаревскія ярмарки не имѣютъ большого значенія въ торговомъ отношеніи. Народъ достаточный, купеческій, запасливый: поэтому самому, сюда привозится товаръ „ходовой“, то есть такой, котораго сбытъ вѣренъ... Но намъ нѣтъ никакой возможности продраться сквозь толпу и посмотрѣть, что именно заключается въ возахъ. Остается одно средство—взмоститься на ближайшую телѣгу или вскарабкаться на крышу: посреди темнаго моря головъ рѣзко бросаются въ глаза желтые и ярко-пунцовые платки, охваченные солнцемъ. Бабы и дѣвки сбиваются обыкновенно въ кучки, принимающія издали видъ островов, заросшихъ піонами, макомъ и куриною слѣпотою. Изъ средины этихъ кучекъ высовывается или холстяной навѣсъ, держащійся криво и косо на кольяхъ, или вертлявый, торопливый мужикъ, стоящій на возу. Товаръ сказывается самъ собою: тутъ ничего не можетъ быть, кромѣ орѣховъ, стручковъ—словомъ, всего того, чѣмъ молодыя бабы и дѣвки любятъ зубки позабавить. Въ этихъ кучкахъ щелкотня идетъ страшная—отсюда слышно—точно перекрестный огонь. Всего изу-

мительнѣе искусство, съ какимъ отплевываютъ онѣ скорлупу, съѣвши ядрышко. Тутъ уже оборони Богъ ходить босикомъ или въ тонкихъ башмакахъ: какъ разъ-ногу напорешь! Пестрые платки вдругъ перемежаются синими, зелеными и темными картузами фабричныхъ. Картузы, словно по условному знаку, то подымаются козырьками кверху, то книзу, и въ то же время надъ толпою подымается рука и взлетаетъ на воздухъ грошъ: тамъ идетъ орлянка; опять толпа, опять баба. Пестроты меньше, однакожъ, на платкахъ. Ясно, что подъ ногами бабъ съ темными, „вдовьими" платками, возвышаются на рогожѣ коломенскія чашки, ложки, всякая щепная посуда, или же шелкъ, тесемки, набивной ситецъ, предметы дѣловые, солидные, разумѣется, на видъ только. Русыя головки дѣвчонокъ и всклокоченныя головы ребятъ, мелькающія кой-гдѣ подлѣ возовъ, обозначаютъ присутствіе офеней, явившихся на подводахъ; но оловянныя сережки, запонки съ фольгою, тавлинки со слюдою, крючки, нитки и иголки плохо идутъ въ Комаревѣ. „Вотъ не видали какой дряни!" говорятъ, проходя мимо, фабричныя бабы и дѣвки, которыя, благодаря своей сговорчивости, обвѣшаны коломенскими бусами, серьгами и запонками—даровыми приношеніями волокитъ-мигачей. Промежутки между этими пестрыми, разнообразными кружками, запружены мужскими шапками всѣхъ возможныхъ видовъ, начиная съ мохнатаго треуха бѣднаго мужика, который не сколотился еще купить лѣтнюю покрышку, и кончая лоснящеюся шелковой шляпой съ заломомъ и павлиньимъ перомъ щеголя. Все тискается, повидимому, безъ цѣли и толку. Часто даже напираютъ для одной потѣхи; но говоръ, восклицанія, замашистая пѣсня, звуки гармоніи, отчаянные крики бабъ, которыхъ стискиваютъ, не умолкаютъ ни на минуту. Гулъ и движеніе страшные—ни дать, ни взять, торговая баня! Но тутъ все еще замѣтна нѣкоторая пестрота. Пестрота исчезаетъ только по мѣрѣ приближенія къ „Разставанью"; тамъ сплошь уже мелькаютъ однѣ черныя шапки. Замѣтно даже больше колебанья въ толпѣ. Шапки рѣдко высятся перпендикулярно—косятся по большей части на стороны; какъ какой-нибудь исполинскій контрбасъ, ревущій въ три смычка—контрбасъ, у котораго поминутно лопаются струны, гудитъ народъ, окружающій „Разставанье".

Такъ какъ кабакъ находился у входа въ село, и притомъ съ луговой стороны, Глѣбъ Савиновъ долженъ былъ неминуемо пройти мимо. Поровнявшись съ „Разставаньемъ", старый рыбакъ остановился. Онъ подумалъ основательно, что тутъ легче всего можно

напасть на какого-нибудь батрака; батраки вообще народъ гульливый. Продравшись сквозь толпу и отвѣсивъ нѣсколько дюжихъ пинковъ, Глѣбъ приблизился къ зданію. Онъ поправилъ шапку и, прищуривъ глаза, которые невольно съуживались и мигали, посреди нестерпимаго для слуха грома голосовъ, принялся оглядываться.

Подлѣ него, возлѣ ступенекъ крыльца, и на самыхъ ступенькахъ располагалось нѣсколько пьяныхъ мужиковъ, которые сидѣли вкривь и вкось, иной даже лежалъ, но всѣ держались за руки или обнимались; они не обращали вниманія на то, что черезъ нихъ шагали, наступали имъ на ноги или же попросту валились на нихъ: дружескія объятія встрѣчали того, кто спотыкался и падалъ; они горланили, чтó было моченьки, во сколько хватало духу, какую то раздирательную, нескладную пѣсню, и такъ страшно раскрывали рты, что видны были не только коренные зубы, но даже небо и маленькій язычекъ, болтавшійся въ горлѣ. Хмѣльная ватага окружала Глѣба съ другихъ трехъ сторонъ; всѣ махали руками, говорили, кричали и пѣли въ разладъ.

„Ну, тутъ видно толку не доберешься!“ подумалъ Глѣбъ.

Онъ уже хотѣлъ повернуться и пойти посмотрѣть на село, авось тамъ не навернется ли какой-нибудь работникъ, когда на крыльцѣ „Разставанья“ показался цѣловальникъ. Съ нимъ вышли еще какіе-то два молодые парня.

Необходимо здѣсь сказать два слова объ этомъ цѣловальникѣ: онъ прикасается къ разсказу. То былъ человѣкъ необыкновенно высокаго роста, но худощавый какъ остовъ: широкія складки красной какъ кровь рубахи и синіе широчайшіе шаровары, изъ крашенины, болтались на его членахъ, какъ на шестахъ; бабьи коты, надѣтыя на босыя, костлявыя ноги, замѣняли обувь. Чахлое существо это было насквозь проникнуто вялостью: его точно разварили въ котлѣ; блѣдное, отекшее лицо, мутные глаза, окруженные красными распухнувшими вѣками, желтые, прямые волосы, примазанные какъ у дѣвки; черты его были необыкновенно тонки и мягки; самое имя его отличалось необыкновенною мягкостью и вялостью; не то, чтобы Агапитъ, Вафулій, Ѳедулъ или Ероѳей,— нѣтъ! его звали Герасимомъ.

Со всѣмъ тѣмъ этотъ безжизненный, меланхолическій Герасимъ, который съ трудомъ, казалось, несъ бремя жизни, былъ негодяй первой руки, плутъ первостатейный,—„темный“ плутъ, какъ говорится въ простонародьи.

Подъ этой мертвенной личиной скрывался самый расторопный, пронырливый, дѣятельный человѣкъ изо всего дѣятельнаго, промышленнаго Комарева. Выходило всегда какъ-то, что онъ поспѣвалъ всюду, даромъ, что едва передвигалъ своими котами; ни одно дѣло не обходилось безъ Герасима; хотя самъ онъ никогда не участвовалъ на мірскихъ сходкахъ, но всѣ почему-то являлись къ нему за совѣтомъ, какъ словно никто не смѣлъ помимо него подать голоса. Бо̀льшую половину села, нѣсколько окрестныхъ деревушекъ держалъ онъ въ костлявыхъ рукахъ своихъ. Не было почти человѣка въ околодкѣ, который не нуждался бы въ Герасимѣ, не имѣлъ съ нимъ дѣла и не прибѣгнулъ къ нему хоть разъ въ качествѣ униженнаго просителя. Онъ давалъ денегъ кому угодно, лишь бы приносили задатокъ, цѣнность котораго должна была всегда втрое превышать ссуженную сумму; предметъ задатка не останавливалъ сельскаго ростовщика: рожь, мука, полушубки, шапки, холстъ, рубахи, клячи, коровы, ободья — все было хорошо; срокъ платежа назначался всегда при свидѣтеляхъ, въ которыхъ никогда не было недостатка подъ гостепріимною кровлею „Разставанья". Если въ назначенный часъ не возвращалась сумма, задатокъ не возвращался: такъ ужъ положено было заранѣе. Иногда Герасимъ поступалъ слѣдующимъ образомъ: мужичку понадобился цѣлковый; Герасимъ бралъ съ него полушубокъ и женинъ платокъ, давалъ ему на полтора цѣлковыхъ лыкъ; мужикъ продавалъ лыки (на его волю предоставлялось сыскать покупщика), — продавалъ мужикъ лыки, положимъ, хоть за цѣлковый и покупалъ хлѣба. Хлѣбъ съѣденъ — опять просьба къ Герасиму, опять задатокъ. Подъ конецъ мужикъ оставался безъ хлѣба и безъ кола на дворѣ. Никто, однакожъ, не роптал и не злобствовалъ на Герасима: русскій мужикъ рѣдко ненавидитъ врага своего, когда врагъ этотъ сильнѣе его самого; робость, непобѣдимый страхъ замѣняютъ ненависть. Цѣловальникъ всѣмъ внушалъ такое чувство: онъ никогда не возвышалъ голоса, говорилъ сонливо, нехотя, но его боялись и слушались самые отчаянные удальцы. Кабакъ служилъ только фирмой: спекулятивная дѣятельность Герасима не знала предѣловъ. Онъ торговалъ оптомъ, торговалъ по мелочамъ; у него можно было купить живую корову и четверть фунта коровьяго масла, возъ рыбы и горсть мерзлыхъ пискарей на уху; деготь, сало, одежда, гвозди, соль, набивные платки, свѣчи, колеса, — словомъ, все, что входитъ въ составъ крестьянскаго хозяйства, всѣмъ торговалъ Герасимъ. Изъ дрянного ка-

бака преобразовалось постепенно что-то въ родѣ трактира и харчевни; всѣ сдѣлки верстъ за пятнадцать въ окружности производились у Герасима, за парою „маюкончика“. Сонливый, безжизненный Герасимъ не пропускалъ, однакожъ, слова изъ того, что говорилось подъ кровлею „Разставанья“, все моталъ на усъ и, зная, слѣдовательно, въ совершенствѣ все, что предполагалось или дѣлалось въ околодкѣ, извлекалъ изъ этого свои выгоды. Прислугу „Разставанья“ составляли жена цѣловальника и малый, сиротка безъ роду и племени, плечистый, рослый парень, но заика и полу-идіотъ. Этотъ малый и эта жена трепетали до мозга въ костяхъ, когда тусклый взглядъ Герасима обращался въ ихъ сторону; въ ихъ покорности и повиновеніи было что-то непонятное. Никто не слыхалъ, однакожъ, чтобы Герасимъ когда-нибудь крикнулъ на жену и работника. Оба спали три часа въ сутки, остальное время работали безъ устали, какъ ломовыя, загнанныя клячи, и несли на спинѣ своей тяжкую обузу отвѣтственности.

Глѣбъ Савинычъ, человѣкъ дѣловой, хозяйственный, трудолюбивый, никогда не имѣлъ дѣла съ Герасимомъ; отношенія ихъ ограничивались шапочнымъ знакомствомъ. Рыбакъ нимало не сомнѣвался, что цѣловальникъ мошенникъ первой руки, но смотрѣлъ на него равнодушно.

„Не мое дѣло; меня только не тронь!“ разсуждалъ Глѣбъ, какъ разсудилъ бы на его мѣстѣ всякій положительный, установившійся, дѣловой семьянинъ, ненуждавшійся въ цѣловальникѣ.

Глѣбъ подошелъ къ крыльцу, думая разспросить, не застрѣлъ ли въ кабакѣ какой-нибудь праздный батракъ, или не видали ли по крайней мѣрѣ такого въ Комаревѣ на ярмаркѣ. Вопросъ рыбака столько обращался къ Герасиму, сколько и къ двумъ молодымъ ребятамъ, стоявшимъ на крыльцѣ; они были знакомы Глѣбу: одинъ былъ сынъ смедовскаго мельника, другой племянникъ сосновскаго старосты.

— Мало ли было народу! Мы не отмѣчали, неохотно промямлилъ Герасимъ, лѣниво приподымая свои красныя вѣки.

Онъ вообще мало разговаривалъ, еще рѣже удостоивалъ онъ словомъ тѣхъ, кто въ немъ не имѣлъ нужды.

— Да зачѣмъ тебѣ работникъ, Глѣбъ Савинычъ? у тебя своихъ много, отозвался сынъ мельника.

— Объ этомъ сокрушаться не твоя забота; коли спрашиваю, стало—надо! отвѣчалъ Глѣбъ.

— Нѣтъ, кромѣ Захара, я никого не встрѣчалъ, началъ мельникъ.

— Какой такой Захаръ? перебилъ Глѣбъ.

— Вотъ такъ ужъ былъ бы тебѣ работникъ, Глѣбъ Савинычъ! подхватилъ племянникъ старосты: —такого батрака во всемъ округѣ не достать! Онъ изъ Серпухова, —также нанимался въ батракахъ у рыбаковъ.

— Нѣтъ, перебилъ мельникъ: —Захаръ не годится ему; не тотъ человѣкъ.

— Что такъ? какого еще надо? этотъ ли еще не работникъ! сказалъ старостинъ племянникъ.—Знаемъ мы, братъ, за что ты не взлюбилъ его.

— А за что?

— Да за то же... Слышь, Захаръ отбилъ у него полюбовницу: вотъ онъ на него и серчаетъ, смѣясь, сказалъ племянникъ.

— Ѳедосьева-то Матрешка! эка невидаль! возразилъ молодцу мельникъ.—Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, не слушай его. Захаръ этотъ, какъ передъ Богомъ, не по нраву тебѣ: такой-то шальной; запивака... и-и, знаю напередъ, не потрафитъ... самый что ни-на-есть гулящій!..

— Это опять не твоя забота: хоша и пропилъ, да не твое, отрывисто произнесъ Глѣбъ, который смерть не любилъ наставленій, и того менѣе совѣтовъ и мнѣній молодого человѣка.—Укажи только, куда, примѣрно, пошелъ этотъ Захаръ, гдѣ его найти, а ужъ разсуждать, каковъ онъ есть, мое будетъ дѣло.

— Я его недавно видѣлъ подлѣ медвѣдя, на томъ концѣ села,— должно быть, и теперь тамъ!.. Медвѣдя, вишь ты, привели сюда на ярмарку: такъ вотъ онъ тамъ потѣшается... всѣхъ вишь поитъ-угощаетъ; третій разъ за виномъ сюда бѣгалъ... такой-то любопытный!.. Да нѣтъ же, говорю, исчезни моя душа, не годится онъ тебѣ!...

— Тьфу ты, провалиться бы тебѣ стамши! перебилъ старый рыбакъ съ досадою.—Герасимъ, не знаешь ли ты, куда пошелъ этотъ, что они толкуютъ... Захаромъ, что ли, звать?...

— Не знаю! сонливо отвѣчалъ цѣловальникъ,—поворачиваясь спиною къ рыбаку.

— Пожалуй, коли хошь, пойдемъ вмѣстѣ: я те проведу, неожиданно проговорилъ мельникъ: —я и то собирался въ ту сто-

рону... Самъ увидишь, коли не по моему будетъ; не наймешь его, напередъ говорю!

Сказавъ это, онъ уперся руками въ головы мужиковъ, сидѣвшихъ на крыльцѣ; тѣ продолжали себѣ распѣвать — какъ ни въ чемъ не бывало! — перескочилъ черезъ нихъ и, подойдя къ старому рыбаку, вторично съ нимъ поздоровался.

Нешуточное было дѣло пробраться до другого конца села: пинки, посылаемые Глѣбомъ и его товарищемъ, ни къ чему не служили: кромѣ того, что сами они часто получали сдачу, усилія ихъ дѣйствовали такъ же безуспѣшно, какъ будто приходилось пробираться не сквозь толпу, а сквозь стѣну туго набитыхъ шерстью тюковъ. Старый рыбакъ и молодой мельникъ рѣшились наконецъ достигнуть какъ нибудь домовъ и продолжать путь, придерживаясь къ стѣнкамъ. Попытка не увѣнчалась, однакожъ, ожидаемымъ успѣхомъ, тутъ было хуже еще, чѣмъ посреди толпы: солнце, клонившееся къ западу, било имъ прямехонько въ глаза; ноги между тѣмъ поминутно натыкались на пьяныхъ, которые лежали или сидѣли, подкатившись къ самымъ заваленкамъ. Передъ однимъ изъ этихъ пьяныхъ, который лежалъ уже совершенно безчувственнымъ пластомъ, молодой мельникъ остановился.

— Эвона? да это тотъ самый мужикъ, котораго я утромъ встрѣлъ! воскликнулъ онъ, указывая Глѣбу на пьянаго: — вѣдь вотъ, подумаешь, Глѣбъ Савинычъ, зачѣмъ его сюда притащило. Я его знаю: онъ къ намъ молоть ѣздилъ; самый бѣднѣющій мужикъ, сказываютъ, десятеро робятъ! Пришелъ за десять верстъ, да прямо въ кабакъ, выпилъ сразу два штофа, тутъ и легъ... Подсоби-ка поднять; хошь голову-то прислонимъ къ заваленкѣ, а то, пожалуй, въ тѣснотѣ-то не увидятъ—раздавятъ... подсоби...

— Не замай его, сурово возразилъ рыбакъ: — зачѣмъ пришелъ, то и найдетъ. Скотина — и та пригодна къ дѣлу, а этотъ кому нуженъ? ни людямъ, ни своимъ; можетъ-статься, еще въ тяготу семьѣ... оставь. Ступай! заключилъ Глѣбъ, перешагнувъ черезъ пьянаго мужика, какъ черезъ чужое бревно.

Кой-какъ добрались они, однакожъ, до небольшой площадки: тутъ уже опять пошла тѣснота и давка; дорога поминутно перемежалась шумными ватагами, которыя рвались впередъ, увлекаемыя какимъ-нибудь сорванцомъ, который, размахивая платкомъ, вскидывался на воздухъ или разстилался передъ толпою въ присядку.

— Погоди маленько, Глѣбъ Савинычъ: никакъ здѣсь на ку-

лачки бьются! воскликнулъ молодой мельникъ, подымаясь на носки и упираясь локтями въ стѣну спинъ, неожиданно преградившую дорогу.

Глѣбу было вовсе не до зрѣлища: онъ пришелъ въ Комарево за дѣломъ. Онъ непрочь былъ бы, можетъ-статься, поглядѣть на удалую потѣху, да только въ другое время. Несмотря на совѣты, данные женѣ о томъ, что пора перестать тосковать и плакать, всѣ помыслы стараго рыбака неотвязчиво стремились за Ваней, и сердце его ныло ничуть не меньше, чѣмъ въ день разлуки. Дѣло одно, необходимость возстановить хозяйственный порядокъ могли заглушить въ немъ на минуту скорбь и заставить его пойти въ Комарево. Но дѣлать было нечего: волей-неволей, надобно было остановиться. Народъ, привлекаемый кулачнымъ боемъ, прижималъ рыбака къ тѣсному кружку, обступавшему бойцовъ. Высокій ростъ стараго рыбака позволилъ ему различить на серединѣ круга рыжаго исполинскаго молодца, съ засученными по локоть рукавами, который стоялъ выставивъ правую ногу впередъ, и размахивалъ кулаками.

— Ѳедька, батракъ съ Клишинской мельницы! восторженно подсказалъ сынъ смедовскаго мельника, спутникъ Глѣба.

— Выходи! кричалъ Ѳедька, поворачивая во всѣ стороны лицо свое, такое же красное, какъ волосы, и обводя присутствующихъ мутными, пьяными глазами.

Никто, однакожъ, не рѣшался „выходить"; изъ говора толпы можно было узнать, что Ѳедька уложилъ уже лоскомъ цѣлый десятокъ противниковъ; кого угодилъ подъ „сусалы" либо подъ „микитки", кого подъ „хряшки въ бока", кому „изъ носу клюквенный квасъ пустилъ" *)—смѣлъ былъ добре на руку. Никто не рѣшался подступиться. Присутствующіе начинали уже переглядываться, какъ вдругъ, за толпою, окружавшей бойца, раздались неожиданно пронзительные женскіе крики:

— Батюшки, касатики! не пущайте его, батюшки! держите! одурѣлъ совсѣмъ, старый! Никандрычъ, Никандрычъ!.. держите, касатики! не пущайте его драться!..

Крики бабы усиливались: видно было, что ее не пропускали, а напротивъ, давали дорогу тому, кого она старалась удержать. Наконецъ изъ толпы показался маленькій, сухопарый, пьяненькій

*) Термины кулачныхъ бойцовъ

мужичокъ, съ широкою лысиною и вострымъ носомъ, свѣтившимся какъ фонарь. Онъ рѣшительно выходилъ изъ себя: болталъ безъ толку худенькими руками, мигалъ глазами и топалъ ногами, которыя, мимоходомъ сказать, и безъ того никакъ не держались на одномъ мѣстѣ.

— Батюшки, не пущайте его! родимые, не пущайте!.. Охъ, касатики! кричала баба, тщетно продираясь сквозь толпу, которая хохотала.

— Выходи!.. вы-хо-ди!.. хрипѣлъ между тѣмъ лысый Никандрычъ, снимая съ какимъ-то отчаяннымъ азартомъ кафтанишко.

— Вытряси изъ него, Ѳедька, изъ стараго дурака-то, вино. Что онъ хорохорится! сказалъ кто-то.

Ѳедька тряхнулъ рыжими волосами и въ полглаза посмотрѣлъ на противника.

— Что жъ ты, выходи! продолжалъ кричать Никандрычъ, яростно размахивая руками.

— Ой, не подходи близко, лысина! промычалъ Ѳедька.

— Ахъ ты, шитая рожа, вязаный носъ! ахъ ты! воскликнулъ Никандрычъ и вдругъ ринулся на бойца.

Тотъ далъ легкаго туза. Никандрычъ завертѣлся турманомъ; толпа захохотала, разступилась и дала дорогу бабѣ, которая влетѣла въ кружокъ и завыла надъ распростертымъ Никандрычемъ.

— Подѣломъ ему, дураку: не суйся!

— Молодые дерутся—тѣшутся, старые дерутся—бѣсятся.

— У празднества не живетъ безъ дуровства! замѣтилъ другой, разсудительнымъ тономъ.

— Хорошо чужую бороду драть, только и своей не жалѣть.

— Вишь одурѣлъ, старый хрычъ: куда лѣзетъ!

Но всѣ эти разговоры, смѣшанные съ хохотомъ и воплями бабы, не доходили уже до Глѣба: онъ и товарищъ его пробрались дальше.

Вскорѣ различили они, посреди гама, криковъ и пѣсней, плаксивые звуки скрипки, которая наигрывала камаринскую, съ какими-то особенными варіяціями; дребезжащіе звуки гармоніи и барабана вторили скрипкѣ.

— Слышь, Глѣбъ Савинычъ, это у медвѣдя! воскликнулъ мельникъ, подергивая плечами и притопывая сапогами, подъ тактъ удалой камаринской:—пойдемъ скорѣе: тамъ и Захарку увидишь; да

только, право же, напрасно, ей-Богу, напрасно: не по тебѣ... чтобъ мнѣ провалиться, коли не такъ!..

Но Глѣбъ его не слушалъ: немного погодя, онъ уже пробирался сквозь тѣсную стѣну народа, за которой раздавалась камаринская.

На одномъ концѣ довольно пространнаго круга, составленнаго изъ бабъ, ребятъ, дѣвокъ, мужиковъ и мѣщанъ всякаго рода, лежалъ въ растяжку бурый медвѣдь; подлѣ него стоялъ вожакъ — кривой татаринъ, съ грязною ермолкою на бритой головѣ. Перекинувъ черезъ голову цѣпь, конецъ которой прикрѣплялся къ кольцу, продѣтому въ губу звѣря, прислонивъ къ плечу дубину, вожакъ выбивалъ дробь на лубочномъ барабанѣ. Товарищъ его, „козылятникъ", то есть тотъ, который пляшетъ съ козою, также изъ татаръ, пиликалъ между тѣмъ на самодѣльной скрипкѣ самодѣльнымъ смычкомъ. Каждая черта его рябого лица была, казалось, привязана невидными нитками къ концу смычка; то брови его быстро приподымались, какъ бы испуганныя отчаяннымъ визгомъ инструмента, то опускались, и за ними опускалось все лицо. Когда смычокъ, нмыгнувъ по басамъ, начиналъ вдругъ выдѣлывать тонкія варіяціи, тогда рысьи глазки татарина щурились, лицо принимало такое выраженіе, какъ будто въ ухо ему залѣзъ комаръ, и вдругъ приподымались брови, снова раскрывались глаза, готовые, повидимому, на этотъ разъ совсѣмъ выскочить изъ головы. Оба товарища были сильно на-веселѣ; нѣсколько пустыхъ штофовъ лежало на травѣ, подлѣ мѣшка, скрывавшаго козу *).

Тутъ находились еще четыре человѣка, также сильно раскрасивѣвшіеся: то были фабричные ребята. Одинъ изъ нихъ наигрывалъ на гармоніи, другіе били въ ладоши, топали ногами и, подергивая въ тактъ плечами, пѣли, какъ дробью пересыпали:

Ахъ, ты, милый другъ, камаринскій мужикъ!
Ты зачѣмъ, зачѣмъ по улицѣ бѣжишь?
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, повертываетъ!
Да-а-и всего его подергиваетъ!
Ах-ти-ти-ти, калинка моя!
Да въ саду ягода малинка моя!

Замашистая, разгульная камаринская подергивала даже тѣхъ, кто не находился въ числѣ зрителей; она дѣйствовала даже на

*) Автору очень хорошо извѣстно, что мусульманамъ запрещено вино; къ сожалѣнію, ему также хорошо извѣстно, что мусульмане, по крайней мѣрѣ, живущіе въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ, напиваются ничуть не хуже другихъ народовъ.

сѣдыхъ стариковъ, которые, шествуя спокойно подлѣ женъ, начинали вдругъ притоптывать сапогами и переводить локтями. О толпѣ, окружавшей пѣвцовъ, и говорить нечего: она вся была въ движеніи; пронзительный свистъ, хлопанье въ ладоши, восторженныя восклицанія: „Ходи, Яша!“ — „Молодца!“ — „Катай!“ — „Охъ, люблю!“ — „Знай нашихъ!“ сопровождали каждый ударъ смычка.

Подъ ускоренный тактъ всей этой сумятицы, въ серединѣ круга, плясалъ какой-то чахлый человѣкъ, въ жилетѣ, надѣтомъ на рубашку. Изнеможеніе проглядывало въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ членѣ его чахоточнаго тѣла; ноги его ходили какъ мочала, потъ ручьями катилъ по зеленоватому, болѣзненному лицу. Но глаза его сверкали необыкновеннымъ блескомъ, какъ у камчадала, напившагося настоемъ изъ мухомора. Онъ, казалось, заплясывался до смерти; иной разъ онъ какъ будто останавливался, но восклицаніе: „Ходи. Яша! молодца! ай да Яша“! и звуки камаринской, подхваченные еще живѣе, снова приводили его въ какое-то изступленное состояніе, и онъ снова принимался сѣменить ногами, приговаривая: „Что ты? что ты? что ты?..“ Въ порывахъ восторга, онъ перекувыркивался и даже ударялъ себя въ голову.

— Ахъ ты, Господи! вотъ поди жъ ты, о-сю-пору все еще пляшетъ! воскликнулъ молодой мельникъ, указывая Глѣбу на Яшу: — гдѣ еще было солнце, когда я сюда приходилъ, онъ и тогда все плясалъ!.. Диковинное дѣло!

— Ну, а Захаръ-то гдѣ жъ? спросилъ Глѣбъ, оглядывая толпу.

— И то; должно быть, ушелъ, заговорилъ мельникъ, просовывая впередъ голову.

— За виномъ побѣжалъ! сказалъ, смѣясь, близъ стоявшій человѣкъ, похожій съ виду на приказчика: — думаетъ, Герасимъ въ долгъ повѣритъ... не на таковскаго напалъ! Видно, что вновѣ у насъ въ Комаревѣ...

— А то развѣ заплатить за вино нечѣмъ? спросилъ мельникъ.

— Весь, какъ есть, профуфырился! отвѣчалъ приказчикъ, оскаблякя желтые, какъ янтарь, зубы: — и Богъ вѣсть, что такое сталось: вдругъ закурилъ! Какъ только что попалъ въ кругъ къ бабамъ, такъ и заходилъ весь... татаръ этихъ поить зачалъ, денегъ даетъ, поитъ всѣхъ, бабъ это, дѣвокъ угощать зачалъ, пѣсельниковъ созвалъ... вѣдь ужъ никакъ шестой штофъ купилъ; за послѣдніе два полушубокъ въ кабакѣ оставилъ, и то не угомонился! опять за виномъ побѣжалъ!

— Захаръ! Захарка! Захаръ! раздалось неожиданно вокругъ.

— Сторонись! закричалъ кто-то въ толпѣ.

И, вмѣстѣ съ этимъ восклицаніемъ, подлѣ Яши, который все еще плясалъ подъ звуки неумолкавшей камаринской, показался Захаръ.

Глѣбъ увидѣлъ короткаго, но плечистаго, приземистаго парня,— то, что называютъ обыкновенно въ народѣ „усилкомъ". Мельники, хозяева пристаней, зажиточные ремесленные мѣщане и богатые домохозяева изъ мужиковъ, нуждающіеся въ батракахъ, даютъ всегда большую цѣну такимъ усилкамъ, для которыхъ поднять плечомъ подводу или взвалить на спину восьми пудовый мѣшокъ съ мукою— сущая шаль. Молодцы эти, съ красивымъ лицомъ, какъ у Захара, не знаютъ счета своимъ побѣдамъ; это—сельскіе Ловласы. Орлиный носъ Захара, бѣлокурые, намасленные волосы, пробранные съ замѣтнымъ тщаніемъ и зачесанные въ скобку, залихватскіе пріемы, обозначавшіе страшную самоувѣренность, ситцевая розовая рубашка съ пестрыми ластовицами и оторочкою (онъ никогда не носилъ другихъ рубахъ)—все это, вмѣстѣ взятое, покоряло съ перваго взгляда самое несговорчивое, ретивое сердце. Смѣлость, наглость и безстыдство составляютъ, какъ извѣстно, неминуемыя, отличительныя свойства Ловласовъ вообще; природа щедро снабдила ими Захара; въ его сѣрыхъ глазахъ, равно какъ и во всей наружности, было что-то ястребиное, невообразимо нахальное. Хмѣль, бродившій въ головѣ его, выказывалъ еще рѣзче эти качества. Весь этотъ кутежъ, затѣянный Захаромъ, пѣсенники, музыканты, угощеніе, стоившіе ему послѣднихъ денегъ и даже полушубка, вызваны были не столько внутреннею потребностью разгуляться, расходиться, свойственной весельчаку и гулякѣ, сколько изъ желанія хвастнуть передъ незнакомыми людьми, пофинтить передъ бабами и заставить говорить о себѣ,— цѣль, къ которой ревностно стремятся не только столичные франты, но и сельскіе, ибо въ деревняхъ существуютъ также своего рода львы-франты и денди. Но о Захарѣ мы будемъ еще имѣть случай распространяться.

Глѣбъ остался очень доволенъ своими наблюденіями, хотя молодой мельникъ, неотрывавшій глазъ отъ стараго рыбака, ничего не встрѣтилъ на лицѣ его кромѣ нахмуренныхъ бровей и суроваго раздумья. Въ мнѣніи простолюдина физическая сила считается не послѣднимъ достоинствомъ человѣка, и съ этой стороны Захаръ совершенно удовлетворялъ Глѣба, съ другой—хмѣль и располо-

женіе къ кутежу сильно не нравились Глѣбу: старикъ, какъ уже знаютъ, не любилъ баловства. Онъ разсудилъ, однакожъ, что у себя въ домѣ не дастъ Захару времени баловать; а наконецъ, если батракъ сильно задуритъ, можно согнать его, пріискавъ къ тому времени другого. Главное въ томъ, что въ настоящую минуту работникъ необходимъ; пора стоитъ самая рабочая, рыбная,—народу нѣтъ въ домѣ: надо выгадать пропущенное время.

Возвращеніе Захара съ пустыми руками произвело невыгодное впечатлѣніе. Передъ отправленіемъ своимъ, Захаръ хорохорился неимовѣрнымъ образомъ, клялся и божился, что „поддѣнетъ“ Герасима, сорветъ съ него два штофа „говоруна“ и „самопляса“, какъ называлъ онъ вино,—и возвратился ни съ чѣмъ. Слава его на минуту поколебалась: музыканты тотчасъ же замолкли; самъ Яша пересталъ сѣменить ногами и вдругъ исчезъ. Весельчаки и балагуры, которые давно еще подтрунивали втихомолку надъ Захаромъ, разразились теперь громкимъ хохотомъ. Остроты посыпались на его голову.

— Что, аль безъ денегъ-то не вѣритъ?

— Онъ вѣдь это такъ только прикидывается: у него денегъ-то куры не клюютъ!

— Эй, ребята, нѣтъ ли гривенъ шести—молодцу душу отвести?

— Нѣтъ, должно-быть, у молодца только и золотца, что пуговка оловца!

— Прогорѣлъ! кричитъ другой.

— Чему обрадовались? Чего зубы-то скалите! воскликнулъ Захаръ сиплымъ голосомъ, надорвавшимся отъ крика, вина и одышки.—Эхъ вы, дряни! шушера! продолжалъ онъ, молодцуя передъ бабами:—вамъ только подноси, а сами жидоморничаете! Никто косушки не выставилъ! а еще богачами слывутъ: фабричные! купцы! туда же! Эхъ, вы!

— Отчаянная башка!... Вишь, Глѣбъ Савинычъ, вѣдь я тебѣ говорилъ: не для тебя совсѣмъ человѣкъ,—самый, что ни-на-есть, гулящій, шепнулъ сынъ смедовскаго мельника, незнавшій, вѣроятно, что чѣмъ больше будетъ онъ отговаривать стараго рыбака, тѣмъ сильнѣе тотъ станетъ упрямиться, тѣмъ скорѣе пойдетъ наперекоръ.

Такъ и случилось. Вмѣсто отвѣта, Глѣбъ приперъ плечомъ впереди стоявшаго сосѣда и протискался въ первый рядъ круга.

— Что-жъ вы, ребята, аль взаправду штофа жаль? продолжалъ между тѣмъ Захаръ, упершись кулаки въ бока и расхаживая по кругу: — а еще комаревцы, въ славѣ, говорите, по всему округу! Эхъ вы, комарники! Да ну же, ребята, выходи; полно вамъ срамиться передъ дѣвками — надо распотѣшить красавицъ! Вишь, и музыка наша стала! Только-что начали-было разгуливаться... Что-жъ вы?... Эхъ, разбейся штофъ, пролейся вино, пропадай моя бѣда! Дряни вы всѣ, жидоморы! гдѣ вамъ! подхватилъ Захаръ, разгорячаясь: — эй, выходи, у кого есть деньги, бери съ меня, что хошь! Въ работники нанимаюсь!... въ кабалу иду!...

— Зачѣмъ въ кабалу! можно и такъ: почемъ наемка? отрывисто проговорилъ Глѣбъ.

Мужики, которые стояли подлѣ Глѣба, толкали его и ругались, тотчасъ же посторонились. Вниманіе присутствующихъ мгновенно обратилось на стараго рыбака.

— Что, аль денегъ хочешь дать? живо воскликнулъ Захаръ, подходя къ рыбаку.

— Почемъ наемка? повторилъ Глѣбъ, разсудительно-дѣловымъ тономъ.

— Что тутъ долго толковать! Давай только!... Сойдемся опосля!... За себя постоимъ!... Ну, борода, раскошеливайся! воскликнулъ Захаръ, хлопнувъ по плечу стараго рыбака.

Но Глѣбъ, не любившій панибратства, отдернулъ руку, отступилъ на шагъ и сказалъ, несовсѣмъ ласково:

— Добрѐ, оченно прытокъ—вотъ что! Молодцуй съ бабами, а со мной говори толкомъ...

— Да ты кто таковъ? нетерпѣливо спросилъ Захаръ, озадаченный нѣсколько строгимъ тономъ и, еще болѣе, строгою сѣдою наружностію собесѣдника.

— Мы изъ здѣшнихъ рыбаковъ.

— Сдалече?

— Нѣтъ, съ той стороны, верстъ шесть отселева.

— И того не будетъ! заговорило неожиданно нѣсколько голосовъ: — верстъ пятокъ... вотъ какъ есть противъ Комарева, какъ луга пройдешь... Мы его знаемъ... изъ рыбаковъ... Глѣбомъ Савиновымъ звать... изъ здѣшнихъ... мы его знаемъ!

Даже тѣ, которые впервые видѣли Глѣба, повторяли за толпою:

— Точно, недалече... мы его знаемъ... точно... человѣкъ здѣшній.

— Вотъ, примѣрно, наслышанъ я, что ты въ работники нанимаешься, продолжалъ Глѣбъ: — какая же твоя цѣна?... Мы поденно не нанимаемъ: беремъ по мѣсяцамъ.

— Ты сколько даешь? спросилъ Захаръ.

Глѣбъ, несмотря на грусть, тяготившую его сердце, разсудилъ весьма основательно, что въ настоящую разгульную минуту Захару не до счетовъ: были бы деньги. Онъ положилъ воспользоваться случаемъ и дать не восемь цѣлковыхъ — средняя плата батракамъ (двугривенный въ день) — но нѣсколько меньше; основываясь на этомъ, онъ сказалъ рѣшительно:

— Пять цѣлковыхъ.

— Эхъ, была не была!... Да нѣтъ! мало... слышь, пять цѣлковыхъ! спохватился Захаръ.

— Вѣстимо... какія это деньги!... Знамо, мало... тридцать денъ!... цѣна не по времени... заговорили въ толпѣ.

— Хошь, такъ хошь, а не хошь, такъ какъ хошь! проговорилъ Глѣбъ, сурово нахмуривая брови.

— Семь цѣлковыхъ!

Но Глѣбъ уперся, стоялъ на своемъ и повторялъ:

— Пять!

— Ну, давай! воскликнулъ Захаръ, подходя неожиданно къ рыбаку.

— Пять цѣлковыхъ?

— Ладно, давай только! подхватилъ Захаръ, обшаривая ястребиными своими глазами руки и карманы старика.

— Нѣтъ, погоди, братъ, спокойно возразилъ Глѣбъ: — ладно по-твоему, а по-моему не совсѣмъ такъ.

— Чего-жъ тебѣ еще?

— Пашпортъ давай; я тебѣ деньги, а ты мнѣ пашпортъ.

— Это зачѣмъ?

— А затѣмъ, что вѣрнѣе дѣло будетъ: у тебя мои деньги — у меня твой пашпортъ: я тебя не знаю, ты меня также... всякъ за себя... у меня не пропадетъ, небось! А то, этакъ, пожалуй, деньги-то дашь, а тамъ ищи на тебѣ... Надо настоящимъ дѣломъ разсуждать.

— Вѣстимо такъ! а то какъ же?... безъ этого никакъ нельзя!... всякъ себя оберегаетъ!... снова заговорили въ толпѣ, и что всего замѣчательнѣе, заговорили тѣ самые, которые за минуту передъ тѣмъ стояли на сторонѣ Захара.

— Эхъ, народъ чудной какой! Право слово! произнесъ Захаръ, посмѣиваясь, чтобы скрыть свою неловкость.—Что станешь дѣлать? будь по вашему, пошла ваша битка въ конъ! Вынимай деньги; сейчасъ сбѣгаю за пачпортомъ!... Ну, ребята, что-жъ вы стали? качай! подхватилъ онъ, поворачиваясь къ музыкантамъ: — будетъ чѣмъ опохмѣлиться... Знай нашихъ! Захарка гуляетъ! заключилъ онъ, выбираясь изъ круга, подмигивая и подталкивая бабъ, которыя смѣялись.

Рябой татаринъ запиликалъ на скрипкѣ, товарищъ его забарабанилъ; запищала гармонія. Хоръ подхватилъ камаринскую, и снова пошла щелкотня, присвистыванье и восклицанія. Глѣбъ между тѣмъ разсчитывалъ на ладони деньги; толпа тѣсно окружала его; всѣ смотрѣли на его пальцы, какъ-будто ожидали отъ него какого-нибудь необычайнаго фокуса. Захаръ не замедлилъ вернуться съ паспортомъ. Всеобщее вниманіе мгновенно перешло тогда отъ рукъ стараго рыбака къ развернутой бумагѣ; грамотные, съ необычайною готовностію, наперерывъ принялись читать бумагу. Когда не осталось сомнѣнія въ томъ, что видъ дѣйствительно принадлежалъ Захару, Глѣбъ вручилъ ему деньги, сложилъ паспортъ и, положивъ его за пазуху, сказалъ:

— Вотъ теперь ладно! Смотри, только не запаздывай: приходи завтра чѣмъ-свѣтъ; я пошлю парня съ челнокомъ... а не будешь, за прогулъ вычту.

Затѣмъ Глѣбъ повернулся спиною къ Захару, который, махая, въ воздухѣ рукою съ деньгами, кричалъ:

— Захарка гуляетъ! Наша взяла! Качай, ребята!.. Эхъ, вы, любушки-голубушки!

И выбрался изъ толпы. Сынъ смедовскаго мельника не отставалъ отъ него ни на шагъ; Но Глѣбъ слушалъ его еще менѣе, чѣмъ прежде.

Болтливость собесѣдника сильно, однакожъ, докучала Глѣбу; старикъ, безъ сомнѣнія, не замедлилъ бы отправить его къ нечистому,—онъ уже раскрылъ ротъ съ этою цѣлью, какъ вдругъ мельникъ воскликнулъ:

— Яша!

— Никакъ и то онъ! Экъ его, какъ накатился!.. Глѣбъ Савинычъ, посмотри-ка-сь... Яша, ей!..

Глѣбъ поднялъ голову.

Передъ нимъ колыхалась изъ стороны въ сторону, словно на палубѣ во время качки, тощая, взбудораженная фигура въ ситце-

вомъ жилетѣ,—та самая, что заплясывалась чуть не до смерти передъ медвѣдемъ. Фигура дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы подойти къ нимъ, но никакъ не могла достигнуть желаемой цѣли: центръ тяжести былъ, очевидно, утраченъ. Перегнувшись впередъ всѣмъ корпусомъ, Яша пробѣгалъ съ неимовѣрною быстротою нѣсколько шаговъ и вдругъ останавливался, гордо выпрямлялся, съ чувствомъ достоинства закидывалъ голову, бормоталъ что-то вздутыми губами, секунды три балансировалъ на одной ногѣ, снова клевался впередъ головою, которая увлекала его, какъ паровая машина на всемъ ходу, и снова пробѣгалъ нѣсколько шаговъ.

— Что такое?.. что такое?.. что такое?.. безсвязно лепеталъ Яша, случайно наталкиваясь на мельника.

— Экъ его!.. Смотри, кувырнешься... Вишь, какъ захмѣлѣлъ! смѣясь, проговорилъ мельникъ, прикладывая обѣ руки къ тощей груди Яши.

— Что такое?.. что такое?.. пролепеталъ Яша, неожиданно наклевываясь на Глѣба.

— А то же, что спать ложись! сурово сказалъ рыбакъ, отталкивая пьянчужку:—одинъ молвитъ—пьянъ, другой молвитъ—пьянъ, а третій молвитъ—спать ложись!—Вотъ что! заключилъ онъ, поспѣшно пробираясь въ толпу и оставляя мельника, который бросился подымать Яшу, окончательно уже потерявшаго центръ тяжести.

Какъ сказано выше, одна только необходимость, одна забота о батракѣ и возстановленіи хозяйственнаго порядка могли заглушить на минуту скорбь, таившуюся въ сердцѣ старика. Порѣшивъ дѣло и освободившись такимъ образомъ отъ стороннихъ заботъ, Глѣбъ снова отдался весь отцовскому чувству и снова обратилъ всѣ свои мысли къ возлюбленному сыну. Онъ не замѣтилъ, какъ выбрался изъ села и очутился въ лугахъ.

Солнце только-что сѣло за нагорнымъ береговымъ хребтомъ, который синѣлъ въ отдаленіи. Румяное небо было чистоты и ясности необыкновенной. Окрестная тишина возмущалась только нестройнымъ гамомъ гулявшаго народа. Но Глѣбъ, казалось, совсѣмъ уже забылъ о Комаревѣ. Шумъ и возгласы народа напоминали старику шумъ и возгласы другой толпы, которая, быть-можетъ, въ это самое время покидала уѣздный городъ, куда, три дня тому назадъ, отвелъ онъ Ванюшу. Онъ мысленно слѣдовалъ за этой толпою, мысленно обнималъ и благословлялъ сына, и каждый шагъ, отда-

лявшій Ваню отъ родимаго дома, вызывалъ горячую напутственную молитву изъ сокрушеннаго сердца стараго Глѣба.

XIX.

Захаръ.—Послѣдствія.

На другой день, до восхода солнца, Глѣбъ приказалъ пріемышу отвязать челнокъ и съѣздить на луговой берегъ за работникомъ.

Старикъ, казалось, мало уже заботился о томъ, что Гришка будетъ находиться въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ озеромъ дѣдушки Кондратія; такая мысль не могла даже придти ему въ голову: послѣ происшествія съ старшими, непокорными сыновьями, послѣ разлуки съ Ваней, мысли стараго Глѣба какъ словно окутались темнымъ, мрачнымъ облакомъ, которое заслоняло отъ него мелочи повседневной жизни. Вся забота его въ настоящемъ случаѣ состояла, повидимому, въ томъ только, чтобы малый не прозѣвалъ какъ-нибудь Захара и привезъ его какъ можно скорѣе домой.

Тихое весеннее утро давно уже наступило, и солнце, подобравъ росистую алмазную скатерть, покрывавшую луга, катило высоко въ ясномъ небѣ, когда пріемышъ вернулся къ площадкѣ.

Глѣбъ стоялъ въ это время на берегу; увидѣвъ Гришку одного, старикъ нахмурилъ брови и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Должно-быть, не будетъ, сказалъ парень, бросая весло на песокъ и причаливая челнокъ къ большой лодкѣ.

— Полно, такъ ли? вымолвилъ рыбакъ, устремляя недовѣрчивые глаза на пріемыша и потомъ машинально, какъ словно по привычкѣ, перенося ихъ въ ту сторону, гдѣ располагалось маленькое озеро:— коли не проходилъ, мое будетъ дѣло; ну, а коли былъ, да ты просмотрѣлъ, замѣсто того, чтобы ждать его, какъ я наказывалъ, рыскалъ гдѣ ни на-есть по берегу —тогда что?

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, когда я... началъ было Гришка, выказывая плохо-затаенную досаду.

— Ладно, ладно! завтра все окажется, перебилъ старикъ, медленно поворачиваясь къ нему спиною и направляясь къ разложеннымъ на пескѣ вершамъ:—отвязывай посудину и бери весла. До

обѣда надо десятка два вершей закинуть; съ неводомъ вдвоемъ не управимся. Чтой-то за народъ такой невѣрный, ей-Богу, право! ворчалъ старикъ: — посулилъ ноньче придти, — нѣтъ; какъ словно слова своего человѣкъ не имѣетъ... Ну, да ладно: за прогулъ возьму съ него — будетъ помнить!.. Завтра, слышь, Гришка, чѣмъ-свѣтъ, въ ту же пору, какъ ноньче ѣздилъ, опять съѣздишь за батракомъ!..

Во все продолженіе этого дня, Глѣбъ былъ сумраченъ, хотя работалъ за четверыхъ; ни разу не обратился онъ къ пріемышу. Онъ не то чтобы сердился на парня, — сердиться пока еще было не за что, — но смотрѣлъ на него съ видомъ тайнаго, невольнаго упрека, который доказывалъ присутствіе такого чувства въ душѣ стараго рыбака.

Согласно наставленію, полученному наканунѣ, Гришка проснулся на слѣдующее утро вмѣстѣ съ первыми пѣтухами. Заря чуть-чуть окрашивала край горизонта, когда онъ былъ уже на другомъ берегу и, покачиваясь въ челнокѣ, посматривалъ въ ту сторону дальнихъ луговъ, гдѣ находилось Комарево. Въ движеніяхъ и взглядахъ молодого парня замѣтно было какое-то нетерпѣніе, смѣшанное съ любопытствомъ: онъ то становился на ноги и прищуривалъ глаза, то повертывалъ челнокъ, который поминутно прибивало къ берегу теченіемъ рѣки, то ложился на палубу и приводилъ черные, лукавые глаза свои въ уровень съ луговою плоскостью.

Подвижная природа Гришки не уживалась съ тишиною и одиночествомъ. Страшная скука, испытанная имъ въ эти послѣдніе пять дней, пробуждала въ немъ лихорадочное желаніе погулять, размахнуться, забыть, хотя на время, сумрачнаго старика, ворчавшаго съ утра до вечера и не перестававшаго браниться. Въ эти пять дней онъ неоднократно урывался. однакожъ, на маленькое озеро; но свиданія съ дочкой рыбака — свиданія, которыя ограничивались одними разговорами, клятвами и увѣреніями, начинали съ нѣкоторыхъ поръ прискучивать молодому парню. Пылкія, но грубыя натуры любятъ нетерпѣливо: долгое сопротивленіе охлаждаетъ ихъ; страсть ихъ заключается большею частью въ воображеніи. она не бываетъ прямымъ, но безсознательнымъ слѣдствіемъ одной только молодости. Живая природа пріемыша находила съ недавняго времени почти такъ же мало удовлетворенія на площадкѣ рыбака Глѣба, какъ и на озерѣ дѣдушки Кондратія. Въ немъ пробуждались какія-то неопредѣленныя, но тѣмъ не менѣе безпокойныя желанія. Онъ не могъ дать себѣ отчета, къ чему стремились эти желанія; но

ясно было, что они не имѣли ничего общаго съ тихимъ, однообразнымъ существованіемъ, которое выпало ему на долю. Онъ тяготился домомъ и домашними: ему хотѣлось урваться куда-нибудь, хотя самъ не зналъ онъ, куда пойдетъ и зачѣмъ. Эти неясныя порывы, это лихорадочное раздраженіе кипучей юности, заставляли его желать какой-нибудь перемѣны, какого-нибудь переворота посреди домашней скуки; желаніе это было такъ сильно, такъ настойчиво, что даже появленіе новаго лица, котораго ждали въ семейство рыбака, возбуждало въ Гришкѣ тайную радость.

На этотъ разъ Захаръ не заставилъ себя такъ долго дожидаться.

Минутъ десять спустя послѣ восхода солнца, Гришка явственно различилъ движущуюся точку на комаревской дорогѣ. Онъ поспѣшно вскочилъ на ноги и принялся махать шапкой. Точка замѣтно между тѣмъ приближалась, и вмѣстѣ съ этимъ до слуха пріемыша стали долетать звуки пѣсни. Вскорѣ фигура Захара обрисовалась на дорогѣ. Гришка не могъ еще разсмотрѣть черты незнакомца, но ясно уже различалъ розовую рубашку, пестрый жилетъ, съ свѣтящимися на солнцѣ пуговками, и синіе, широчайшіе шаровары; ему невольно бросились въ глаза босыя ноги незнакомца и пышный, стеганый картузъ, какой носятъ обыкновенно фабричные. Выступая шагъ за шагомъ по травѣ и нимало не торопясь, будущій батракъ тянулъ тоненькимъ, дребезжащимъ дискантомъ пѣсню, подыгрывая на гармоніи. Такимъ образомъ Захаръ подошелъ къ берегу.

— Захаромъ тебя звать? спросилъ Гришка, устремляя на незнакомца тотъ жадно-любопытный взглядъ, какимъ встрѣчаютъ обыкновенно человѣка, осужденнаго жить съ вами подъ одною и тою же кровлей.

— Отъ рыбака, что ли? небрежно произнесъ Захаръ вмѣсто отвѣта.

— Отъ него: прислалъ за тобою.

— Причаливай лодку! вымолвилъ Захаръ, едва удостоивая взглядомъ собесѣдника.

Онъ расположился на палубѣ и, подпершись локтемъ, закричалъ: „Отчаливай!“ такимъ рѣзкимъ тономъ, который скорѣе могъ принадлежать купеческому сыну, совершающему водяную прогулку для потѣхи, и притомъ на собственныя свои деньги, чѣмъ бобылю-работнику, отправляющемуся по скудному найму, къ хозяину. Какъ только челнокъ покинулъ берегъ, Захаръ вынулъ изъ кармана шароваръ коротенькую трубку съ мѣдной оковкой и ситцевый кисетъ;

изъ кисета появились, въ свою очередь, сѣрый, скомканный табачный картузъ изъ бумаги, нѣсколько пуговицъ, мѣдный гребешокъ и фосфорныя спички, перемѣшанныя съ какимъ-то неопредѣленнымъ соромъ.

— Что глаза выпучилъ? трубки, что ли, не видалъ! полунасмѣшливо произнесъ Захаръ, обращая впервые соколиные глаза свои на собесѣдника, который съ какой-то особенною хвастливою лихостію работалъ веслами.

— Какъ не видать! хоша самъ не пробовалъ, что за трубка за такая, а видалъ не однова, возразилъ словоохотливо Гришка, продолжая грести. — У насъ, вѣстимо, въ диковинку: никто этимъ не занимается; знамо, занятно!.. У тебя и табакъ то, какъ видно, другой: не тѣмъ дымомъ пахнетъ; у насъ коли куритъ кто, такъ все больше вотъ эти корешки... Я чай, и это тѣ же корешки, только ты чего нибудь подмѣшиваешь?...

— Да, много видалъ ты такихъ корешковъ!

— А то что же?

— Мериканскій настоящій, Мусатова фабрики, отвѣчалъ, не безъ значенія, Захаръ и отплюнулъ при этомъ на сажень, производя губами шипѣніе, похожее на фырканье осердившейся кошки.

Послѣдовало молчаніе.

— Что-жъ ты вчера не приходилъ? началъ опять Гришка. — Я прождалъ тебя почитай цѣлое утро, да и старикъ тоже... Ужъ онъ ругалъ тебя, ругалъ.

Захаръ прищурилъ глаза, поглядѣлъ на собесѣдника, пустилъ струю дыма, плюнулъ и небрежно отвернулся.

— Я, говоритъ, съ него за прогулъ, говоритъ, возьму, подхватилъ пріемышъ.

— Эка важность! мы и сами счетъ знаемъ, сказалъ Захаръ тономъ глубочайшаго равнодушія: — великъ больно форсъ беретъ на себя — вотъ что! Да нѣтъ, со мной немного накуражится!

Гришка засмѣялся.

— Чего ты? спросилъ Захаръ.

— То-то, думаю, нехудо ему наскочить на зубастаго: такой-то бѣдовый, и Боже упаси! такъ тебя и крутитъ...

— Стало ты ему не родня? перебилъ Захаръ.

— Нѣтъ, я имъ чужой, сухо отвѣчалъ Гришка.

— Въ наймахъ живешь?

— Нѣтъ, изъ одежи... изъ хлѣба, съ явнымъ принужденіемъ проговорилъ Гришка.

— Ну, что, каковъ хозяинъ? спросилъ Захаръ, далеко уже не съ тѣмъ пренебреженіемъ, какое обнаруживалъ за минуту; голосъ его и самые взгляды сдѣлались какъ будто снисходительнѣе. Всякій работникъ, мало-мальски недовольный своимъ положеніемъ, съ радостію встрѣчаетъ въ семействѣ своего хозяина лицо постороннее и также недовольное. Свой брать, слѣдовательно! а свой своего разумѣетъ; къ тому же, двѣ головы нигдѣ не сироты.

— А вотъ, погоди, отвѣчалъ, посмѣиваясь, пріемышъ:—самъ увидишь; коли хорошихъ не видалъ, авось, можетъ-статься, и понравится.

— Что-жъ, собака?

— Собака! отвѣчалъ Гришка, молодцовато тряхнувъ волосами: но тутъ же проворно оглянулся назадъ.

Захаръ засмѣялся.

— Ну, должно быть, задалъ же онъ тебѣ страху, сказалъ онъ.

— А что?

— Слово скажешь да оглянешься! „такой, сякой“, а самъ все туда, на берегъ, посматриваешь...

— Вотъ! я нешто изъ страха? хвастливо вымолвилъ Гришка.— Того-и-гляди просмотришь пристань: отнесетъ быстриною... Что мнѣ его бояться? я ему чужой, — власти никакой не имѣетъ... Маленько что, я и самъ маху не дамъ!

Не зная Глѣба и отношеній его къ домашнимъ, можно было въ самомъ дѣлѣ подумать, взглянувъ въ эту минуту на Гришку, что онъ въ грошъ не ставилъ старика и на волосъ его не боялся; молодецкая выходка пріемыша показывала въ немъ желаніе занять выгодное мѣсто въ мнѣніи новаго товарища. Даже щеки его разгорѣлись: такъ усердно добивался онъ этой цѣли.

— Вонъ, никакъ старикъ-атъ идетъ намъ навстрѣчу; давно, знать, не видались! сказалъ Захаръ.

Съ именемъ Глѣба пріемышъ невольно выпрямился и принялся работать веслами не въ примѣръ дѣятельнѣе прежняго. Захаръ, съ своей стороны, также измѣнилъ почему-то свою величественную позу; онъ опустилъ ноги въ отверстіе челнока, поправилъ картузъ и сталъ укладывать въ кисетъ табакъ и трубку.

— Какое у тебя все приглядное, какъ посмотрю, сказалъ

Гришка, понижая голосъ: — вишь, мѣшочекъ-то, куда табакъ кладешь, словно у купца; а что, дорого далъ?

— Кисетъ-то! отвѣчалъ Захаръ, небрежно запрятывая его въ карманъ: — нѣтъ, дешево обошлось: подарили... мы мало что покупаемъ, у насъ есть пріятели...

Голосъ Глѣба, который кричалъ Гришкѣ грести однимъ правымъ весломъ, послышался въ ту минуту на площадкѣ. Захаръ и Гришка переглянулись и замолкли.

Пять минутъ спустя, челнокъ приставалъ къ берегу.

— Давно бы, кажись, время здѣсь быть; немного рукъ — посылать за тобой! отрывисто сказалъ Глѣбъ.

— Здорово, хозяинъ, началъ было, съ развязанностію, Захаръ, но старикъ перебилъ его.

— Знамо, здорово... не о томъ рѣчь, не тотъ, примѣрно, нашъ разговоръ былъ — вотъ что! сказывалъ, на другой день придешь; а гдѣ онъ, тотъ день-то?... Парня нарочно посылалъ; прождалъ все утро; время только напрасно прошло...

Глѣбъ покосился на Гришку; но тотчасъ же отвелъ глаза, когда Захаръ произнесъ:

— Какъ быть... маненько того... подгулялъ...

— То-то подгулялъ! завалился спать — забылъ встать! Я эвтаго не люблю, подхватилъ старикъ, между тѣмъ какъ работникъ запрятывалъ подъ мышку гармонію: — я до эвтихъ до гулянокъ не больно охочъ... Тамъ какъ знаешь — дѣло твое, а только, по уговору по нашему я за день за этотъ съ тебя вычту, — сколько, примѣрно, принадлежитъ получить за одинъ день, столько и вычту... У меня, коли жить хочешь, вести себя крѣпко, дѣло дѣлай — вотъ что! Чтобъ я, примѣрно, эвтаго баловства и не видѣлъ больше.

Съ самаго начала этого объясненія Гришка не отрывалъ глазъ отъ Захара: онъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то живымъ, отчасти даже подобострастнымъ, полнымъ ожиданія любопытствомъ. Такъ смотритъ мальчикъ на воина въ полномъ вооруженіи; такъ неопытный юноша, въ душѣ котораго таятся, однакожъ, гибельныя сѣмена мотовства, неудовлетворенныхъ страстей и разврата, смотритъ на современнаго Ловласа; такъ, наконецъ, другой юноша, пылкій но непорочный, смотритъ на великаго артиста или художника и вообще на всякаго человѣка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ людей. Не взирая на присутствіе Глѣба, не взирая на недовольное, сумрачное расположеніе старика, Гришка не могъ скрыть радости,

которую пробуждало въ немъ новое знакомство; онъ бился изо всей мочи, чтобы подвернуться какъ-нибудь на глаза Захару и снова помѣняться съ нимъ однимъ изъ тѣхъ лестныхъ взглядовъ взаимнаго соучастія, какимъ помѣнялись они, заслышавъ на берегу голосъ Глѣба. Мысль сойтись, сдружиться съ Захаромъ не давала покоя пріемышу.

Къ сожалѣнію, во все продолженіе утра не довелось ему перемолвить съ нимъ слова. Глѣбъ тотчасъ же усадилъ новаго батрака за дѣло. Нетерпѣливый, заботливый старикъ, желая убѣдиться скорѣе въ степени силы и способностей Захара, заставилъ его, по обыкновенію своему, передѣлать кучу самыхъ разнообразныхъ работъ и во все время не спускалъ съ него зоркихъ, проницательныхъ глазъ.

Здѣсь намъ необходимо остановиться: слѣдуетъ короче ознакомить читателя съ личностію Захара — личностію, которая, къ сожалѣнію, замѣтно начинаетъ распространяться въ простонародьи, вмѣстѣ съ размноженіемъ фабрикъ. Нелишнимъ будетъ сказать, прежде всего, нѣсколько словъ о томъ, что такое фабричная жизнь и какіе элементы вноситъ она въ крестьянское семейство: этимъ способомъ мы сдѣлаемъ половину дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что развитіе промышленности сильнѣйшимъ образомъ способствуетъ развитію матеріальнаго благосостоянія народа. При всемъ томъ, надо согласиться, однакожъ, что, достигая матеріальнаго благосостоянія посредствомъ „фабричной“ какой-нибудь промышленности, простолюдинъ неминуемо утрачиваетъ безукоризненную простоту нравовъ. Не слѣдуетъ заключать, чтобы избытокъ средствъ былъ тому виною; совсѣмъ напротивъ: первый шагъ къ усовершенствованію человѣка есть улучшеніе его физическаго состоянія; бѣдность—какъ всѣмъ, полагаю, извѣстно—самый худой руководитель. Лишнія средства позволяютъ крестьянину обзавестись, какъ слѣдуетъ, хозяйствомъ; онъ обстраивается, живетъ чище, ровнѣе, хозяйственнѣе, и, вслѣдствіе всего этого, невольнымъ образомъ привязывается къ дому, потому что есть тогда къ чему привязаться, есть что беречь и о чемъ думать. Нравственное чувство нимало отъ этого не страдаетъ. Я хотѣлъ сказать только, что къ упадку нравственности поселянина нерѣдко способствуетъ жизнь фабричная. Приокскіе уѣзды, посреди которыхъ происходитъ дѣйствіе нашего романа, превратились въ послѣднія десять лѣтъ въ миткалевыя фабрики; въ этихъ же самыхъ уѣздахъ существуютъ также—хотя изрѣдка—деревушки, жители которыхъ, благодаря

сносной почвѣ, занимаются хлѣбопашествомъ: мы можемъ, слѣдовательно, свободно наблюдать надъ мужикомъ-фабричнымъ, промѣнявшимъ соху на челнокъ, ниву—на станъ, и мужикомъ-пахаремъ, который остался вѣренъ землѣ-кормилицѣ.

Первое впечатлѣніе при въѣздѣ въ пахатную деревню будетъ, если хотите, несовсѣмъ выгодно: тутъ не увидите вы ситцевыхъ рубашекъ, самоваровъ, синихъ кафтановъ, не увидите гармоній и смазныхъ сапогъ; но все это, въ сущности, одна только пустая внѣшность, которая можетъ обмануть поверхностный, далеко ненаблюдательный глазъ. Взамѣнъ всего этого, пахатная деревушка, подобно плоской, однообразной нивѣ чернозема, засѣянной свѣжимъ, неиспорченнымъ зерномъ, сохраняетъ подъ скромною наружностію самыя добрыя сѣмена. Тутъ только найдете вы ту простую, безхитростную жизнь, тотъ истинно здравый житейскій смыслъ, который заключается въ безусловной покорности и полномъ примиреніи съ скромной долей, опредѣленной провидѣніемъ; тутъ видна домашняя, семейная жизнь, которая для всякаго человѣка—и тѣмъ болѣе для простолюдина—служитъ залогомъ истиннаго счастія. Въ фабричныхъ деревняхъ почти нѣтъ семейной жизни: здѣсь дѣти восьмилѣтняго возраста поступаютъ уже на фабрику къ какому-нибудь московскому или коломенскому купцу. Иногда фабрика находится въ пятидесяти верстахъ отъ деревни. Мальчики и дѣвчонки (на фабрику поступаютъ дѣти обоего пола) по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываютъ дома. Выростая такимъ образомъ безъ родительскаго надзора, который въ нравственномъ смыслѣ такъ много значитъ, дѣти эти живутъ какими-то пріемышами. Народъ, ихъ окружающій, состоитъ большею частію изъ людей избалованныхъ; въ дурныхъ примѣрахъ, конечно, нѣтъ недостатка. Къ шестнадцатилѣтнему возрасту—въ то время, какъ въ пахатной деревнѣ сверстники въ состояніи уже замѣнить отца въ полѣ и въ дѣлахъ хозяйственныхъ—фабричный парень умѣетъ только щелкать челнокомъ. Все это куда бы еще ни шло, еслибъ челнокъ приносилъ существенную пользу дому и поддерживалъ семейство; но дѣло въ томъ, что въ промежутокъ десяти, двѣнадцати лѣтъ, парень успѣлъ отвыкнуть отъ родной избы; онъ остается равнодушнымъ къ интересамъ своего семейства; увлекаемый дурнымъ сообществомъ, онъ скорѣе употребитъ заработанныя деньги на бражничество; другая часть денегъ уходитъ на волокитство, которое сильнѣйшимъ образомъ развито на фабрикахъ, благодаря ежеминутному столкновенію парней съ женщинами и дѣв-

ками, взросшими точно также подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ. Еслибъ фабричные составляли особое сословіе, совершенно отдѣльное отъ другихъ сословій простонародья,—дѣло иное; но ткачъ, въ сущности, все тотъ же хлѣбопашественный крестьянинъ. Рано ли, поздно ли, онъ возвращается къ дому; станъ служитъ только временнымъ, вспомогательнымъ средствомъ. Сами крестьяне очень хорошо знаютъ, что владѣть челнокомъ— не значитъ еще имѣть за плечами прочное ремесло. Возвратясь домой, фабричный парень оказывается ни на что негоднымъ: отсталъ онъ отъ сохи, отсталъ отъ земли; онъ ни мѣщанинъ, ни хлѣбопашецъ. У него нѣтъ даже охоты къ занятіямъ пахаря. Сидя съ утра до вечера за станомъ въ теплой избѣ, онъ, естественнымъ образомъ, долженъ былъ крѣпко облѣниться; мало-мальски тяжелая работа не понутру ему, да и не по силамъ. Пятидесятилѣтній старикъ, проведшій жизнь на полѣ, здоровѣе, крѣпче тридцатилѣтняго фабричнаго парня. Но какъ бы тамъ ни было, парень этотъ поступаетъ въ домъ; первымъ дѣломъ его слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, женитьба. Какъ сказано выше, въ фабричныхъ деревняхъ дѣти обоего пола проводятъ юность свою на фабрикахъ; хочешь, не хочешь, выбирай въ жены фабричную дѣвку; такая женщина поминутно должна сталкиваться съ прежними товарками и знакомцами; мужъ, съ своей стороны, встрѣчается съ товарищами по фабрикѣ и старыми знакомками. Начинаются, съ одной стороны, гулянки, съ другой—попойки, а въ общемъ выходитъ безпорядочная жизнь, которая неминуемо ведетъ къ разстройству дома.

Захара можно было назвать дитею, питомцемъ фабрики. Съ семи лѣтъ до восемнадцати просидѣлъ онъ безвыходно за миткалевымъ станомъ.

Вызванный около этого времени въ домъ къ родному дядѣ, онъ точно также оказался никуда негоднымъ. Онъ тогда еще успѣлъ прославиться кой-какими продѣлками. Продѣлки заключались большею частію въ болѣе или менѣе удачныхъ волокитствахъ, но требовали уже вмѣшательства станового. Дядя Захара былъ человѣкъ строгій, кредитный. Не имѣя дѣтей и разсчитывая въ будущемъ на племянника, онъ взялъ его въ руки; но, такъ какъ это ни къ чему не послужило, старикъ рѣшилъ женить его, основываясь на томъ, что авось-либо тогда образумится парень. Не подалеку находилась мельница. Мельникъ, имѣя, можетъ-статься, въ виду капиталъ сосѣда, охотно отдалъ дочь свою за племянника. Первые два-три мѣсяца все шло хорошо; но по прошествіи этого срока Захаръ при-

нялся за прежнее рукомесло: свелъ знакомство съ прежними товарищами, завелъ шашни.

Дядя принялся сначала усовѣщевать племянника, потомъ разсердился не на шутку; но Захаръ объявилъ наотрѣзъ, что всего бы этого не было, еслибъ онъ не считалъ себя обиженнымъ дядею. Причина обиды заключалась въ томъ, будто бы, что дядя держалъ его въ домѣ какъ простого работника—не давалъ ему ни въ чемъ распоряжаться. Старикъ, конечно, не поддался на такую штуку. Захаръ принялся тогда кутить сильнѣе прежняго. Обнадеживая себя, что рано или поздно завладѣетъ достояніемъ дяди, онъ не обращалъ вниманія на его угрозы. Племянникъ ошибся, однакожъ, въ разсчетѣ. Дядя умеръ, не оставивъ ему чѣмъ голодную собаку изъ-подъ стола выманить: все пошло, по обѣщанію, на построеніе Божьяго храма. Захаръ перешелъ тогда съ женою къ тестю. Мельникъ, давно уже раскусившій своего зятя, принялъ его несовсѣмъ ласково. Здѣсь повторилось то же самое, что было въ домѣ дяди. Захаръ кутилъ напропалую, обижался ролью простого работника, требовалъ распоряженія въ хозяйствѣ. Неудовольствіе тестя обнаружилось въ полной мѣрѣ, когда онъ сталъ замѣчать, что зять, для исполненія своихъ прихотей, его обкрадываетъ: разъ другой поймали Захара на базарѣ съ мукою, которую оттягивалъ онъ ночью изъ-подъ жернова во время помолу. Наконецъ, по смерти дочери, которая скончалась столько же съ горя, сколько отъ дурного обращенія мужа, мельникъ выгналъ Захара изъ дому.

Захаръ снова пошелъ по фабрикамъ. Уживался онъ, однакожъ, недолго на одномъ и томъ же мѣстѣ. Житье у дяди и потомъ у мельника значительно его облѣнило. Кромѣ того и нравъ его нѣсколько измѣнился: мысль, что дядя его былъ не простой какой-нибудь лапотникъ, а зажиточный мѣщанинъ, что самъ онъ могъ бы владѣть значительнымъ капиталомъ, еслибъ только захотѣлъ,— все это развило въ немъ какую-то забавную самонадѣянность. Онъ считалъ себя чѣмъ-то особеннымъ посреди своего круга, даже съ какою-то гордостію смотрѣлъ на товарищей. Хозяева фабрикъ и особенно хозяйскіе сынки охотно поддерживали въ немъ такое чувство. Захаръ отлично пѣлъ русскія пѣсни, и потому-то самому безъ него не обходилась ни одна попойка, но Захаръ не довольствовался угощеніемъ и ассигнаціями, которыми благодарили его за пѣсни: онъ тотчасъ же бралъ на себя какой-то „форсъ“, тотчасъ же зазнавался, начиналъ распоряжаться на фабрикѣ, заводилъ ссоры

и драки съ работниками—словомъ, тотчасъ же ставилъ себя на одну ногу съ хозяевами. Захаръ не мало также занятъ былъ своею наружностію. Такая самоувѣренность основывалась на безчисленныхъ побѣдахъ, одержанныхъ имъ надъ прекраснымъ поломъ; но эти-то самые успѣхи и были причиной его бродячей жизни. Его гоняли отвсюду, потому что, куда только ни попадалъ онъ, нигдѣ не обходилось безъ исторіи. Но высокое понятіе о своихъ физическихъ и даже умственныхъ достоинствахъ получилъ Захаръ особенно послѣ одного происшествія, случившагося за годъ до поступленія его въ домъ Глѣба. Вотъ какъ это было: у одного помѣщика происходило празднество, устроенное въ національномъ вкусѣ. Множество гостей съѣхалось въ рощу, куда напередъ приглашены были окрестные мужики и бабы. Праздникъ начался угощеніемъ. Затѣмъ мѣстные Милоны кротонскіе показывали свою силу, бабы водили хороводы, молодые ребята влѣзали на мачту. Господа между тѣмъ дарили платки, серьги, бросали ребятамъ орѣхи и пряники. По окончаніи всѣхъ этихъ увеселеній, кто-то изъ помѣщиковъ сказалъ, что для пополненія празднества недостаетъ какого-нибудь отличнаго простонароднаго пѣвца. По его мнѣнію, пѣвца слѣдовало непремѣнно запрятать въ глубину рощи и заставить его спѣть національную пѣсню. Эффектъ былъ бы тогда самый полный. Хозяинъ праздника жадно ухватился за такую мысль. Начались разспросы. Узнали о какомъ-то Захарѣ, который жилъ тогда въ четырехъ верстахъ на фабрикѣ. Послать за Захаромъ нарочнаго было дѣло одной секунды. Его привезли, обѣщали ему денегъ и спрятали въ рощу. Съ первой же пѣсней, Захара осыпали рукоплесканіями. Общество захотѣло его видѣть. Его заставили пѣть уже не въ лѣсу, а передъ палаткой. Раздались новыя „браво!“ Мужчины трепали пѣвца по плечу, кричали: „Молодецъ! превосходно!“ дамы говорили: „Charmant! Délicieux! Mais il est superbe! Mais comme il est beau!“ Всѣ эти поощренія и особенно похвалы дамъ, смыслъ которыхъ понятъ былъ Захаромъ какъ нельзя лучше, приняты были имъ съ чувствомъ необычайнаго самодовольствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достоинства, такъ что, когда одинъ небогатый помѣщикъ опустилъ мелкую монету въ картузъ пѣвца—картузъ, въ которомъ находились уже ассигнаціи, Захаръ подмигнулъ ему лѣвымъ глазомъ. Другому помѣщику, поступившему точно также, онъ сказалъ: „Только-то?“ Наконецъ, когда помѣщикъ, подавшій мысль о пѣвцѣ, подошелъ къ нему и посовѣтовалъ ему, чуть не

со слезами на глазахъ, не пренебрегать такимъ превосходнымъ голосомъ, упражняться въ пѣніи и учиться, Захаръ отвѣчалъ, съ наглою самоувѣренностію: „Мнѣ учиться? Да я, сударь, самъ еще покажу кому угодно!“ Съ этого самаго происшествія Захаръ окончательно уже „возмечталъ“ о своихъ достоинствахъ и своемъ значеніи. Сталъ онъ съ тѣхъ поръ еще рѣже уживаться, почему-то, у хозяевъ.

Такимъ образомъ перебывалъ онъ на всѣхъ почти фабрикахъ трехъ губерній — жилъ на сахарномъ заводѣ, жилъ у рыбаковъ. Слоняясь какъ киргизъ съ мѣста на мѣсто, попалъ онъ случайно въ Комарево и, какъ мы видѣли, нанялся къ Глѣбу.

Гришка и Захаръ очутились на свободѣ только послѣ обѣда, когда старый рыбакъ улегся, по обыкновенію своему, въ сани подъ навѣсомъ.

— Ну, ужъ денёкъ! Подлинно, въ кабалу пошелъ! Точно бѣсъ какой пихалъ тогда, говорилъ Захаръ, спускаясь по площадкѣ, куда послѣдовалъ за нимъ и пріемышъ. — А что, малый... какъ тебя по имени? Гриша, что ли?.. что, братецъ ты мой, завсегда у васъ такая работа?

— Это что! Такая ли у насъ работа!.. Ты бы поглядѣлъ, что бываетъ въ полную воду: дохнуть не дастъ, инда плечи наѣстъ! съ живостію подхватилъ пріемышъ, говорившій все это, частію чтобы поддѣлаться подъ образъ мыслей Захара, частію потому, что, сохраняя въ душѣ тайное неудовольствіе противъ настоящей своей жизни, радовался случаю высказать наконецъ открыто, свободно свое мнѣніе. — Ему теперь не до работы: добрé съ сыновьями не поладилъ, какъ словно все о нихъ скучаетъ, продолжалъ Гришка: — вотъ маленько пооправится, тогда-то ты на него погляди! Другого такого, кажись, нѣтъ на всемъ свѣтѣ! Мало-мальски что не такъ, не по его выйдетъ, лучше и на глаза не показывайся... И не уймешь никакъ: за пять верстъ тебя видитъ, — даромъ не въ ту сторону смотритъ... Особливо, какъ придетъ это рыбное время: бѣда! нѣтъ тебѣ покою ни днемъ, ни ночью. Да вотъ погоди, поживешь съ нами до осени, самъ увидишь...

— Врядъ дождаться! небрежно подхватилъ Захаръ! — маленечко въ головѣ шумѣло, „черезъ эсто“ больше пошелъ... Нешто въ Комаревѣ мало фабрикъ! намедни и то звали...

— Тебѣ бы остаться: фабричная-то жизнь, знамо, лучше нашей! съ живостію поддакнулъ Гришка.

— А ты какимъ манеромъ знаешь? развѣ былъ на фабрикахъ?

— Быть не бывалъ, а слыхать слыхалъ. Говорятъ, супротивъ фабричной-то жизни никакая не угодитъ...

— Надо полагать такъ, повольготнѣе вашей: семь верстъ до тедова не доѣхала! произнесъ Захаръ, разваливаясь подъ тѣнію большой лодки и вынимая кисетъ:—житье отмѣнное. Мѣщанинъ ли, купецъ ли, фабричный ли — это выходитъ все едино-единственно, продолжааъ онъ съ какою-то наглою, но вмѣстѣ спокойною увѣренностію.—Главное, разумѣется, состоитъ, какимъ манеромъ поведешь себя; не всякому и тамъ хорошо. Вотъ я жилъ: самъ живешь на манеръ работника, а что Захаръ, что хозяинъ— это все единственно. Всякій скажетъ тебѣ, какой такой Захаръ человѣкъ есть! У меня, какъ затяну пѣсню, покажу голосъ, никакая не устоитъ. Господа пріѣзжали слушать. Одну барыню такъ даже въ чувствіе привелъ! черезъ это больше и славу такую получилъ. Кабы не хорошо жить, лѣшій жить бы велѣлъ! Сидишь себѣ, челночкомъ пощелкиваешь: работа самая, выходитъ, любезная. Насчетъ компаніи также нигдѣ не потрафишь: совсѣмъ другое противъ крестьянскаго обхожденія. Ну, что, вотъ хоть бы твой хозяинъ — вахлакъ, какъ есть лапотникъ. У насъ поглядишь: настоящій купеческій народъ. Другихъ рубахъ окромя ситцевыхъ не имѣетъ. А насчетъ то есть веселья, лучше, кажется, нельзя найти: парни ловкіе, пѣсельники,—есть съ кѣмъ разгуляться. Теперича коли съ дѣвками покуражиться захотѣлъ, тутъ тебѣ только и жить! Сдѣлалъ ей уваженье: платокъ купилъ, серьги, что ли, и будетъ.— Другому, какой порасторопнѣе, и того не надо: сами льнутъ; есть и такія, что и сами дарятъ, умѣй только настоящимъ манеромъ вести! примолвилъ Захаръ, самодовольно пристегивая кисетъ къ жилетной пуговицѣ, вынимая трубку изо рту и отплевывая на сажень, съ извѣстнымъ шипѣньемъ.

Гришкѣ между тѣмъ не сидѣлось на мѣстѣ. Черные глаза его, жадно устремленные на разсказчика, разгорались какъ уголья. Румянецъ игралъ на щекахъ его. Время отъ времени онъ нахмуривалъ брови и притискивалъ ногою землю.

— Такъ у насъ каждый день идетъ; а посмотрѣлъ бы ты въ праздникъ! продолжалъ Захаръ, поощренный, видно, успѣхомъ своего краснорѣчія:—поглядѣлъ бы, какъ на улицу-то выйдутъ: пляски, пѣсни пойдутъ это по харчевнямъ. Веселись, значитъ: лей-перелей-гулянка по нашенски! Станешь съ гармоніей (насчетъ этого

мы также никого не уважимъ), такъ тебя и облѣпятъ. Есть на что и посмотрѣть, не то, что ваши, примѣрно, лапотницы: мѣщанками ходятъ! Лаптей ни у одного молодца единаго не увидишь: куда ни глянешь, все сапоги, все сапоги... Свои оставилъ въ Комаревѣ у знакомаго, скороговоркою подхватилъ Захаръ, замѣтивъ, что собесѣдникъ невольно обратилъ вниманіе на его босыя ноги:— здѣсь не зачѣмъ; тамъ же и кафтанъ оставилъ. Кафтанъ также отмѣнный, форсистый: я насчетъ одежды себя наблюдаю. У меня, какъ жилъ на фабрикѣ подъ Серпуховымъ, у Григорья Лукьянова— однихъ лѣтъ былъ тогда съ тобою—такъ ситцевыхъ рубахъ однѣхъ было три, шаровары плисовые, никакъ два жилета, а этихъ сапоговъ что переносилъ, такъ ужъ и не запомню. Нутка-сь, наживи-ка ты столько въ здѣшнемъ-то житьѣ! я чай, сапоговъ-то и не нашивалъ.

— Да, много здѣсь наживешь! произнесъ Гришка тономъ человѣка пристыженнаго, подавленнаго сознаніемъ своего ничтожества.

Онъ ничего не сказалъ, однакожъ, о сапогахъ. Сапоги въ крестьянскомъ быту играютъ весьма важную роль. Первые сапоги для деревенскаго парня то же значитъ, что первые золотые часы для юноши средняго сословія. Распространеніе фабричной жизни содѣйствовало распространенію сапоговъ. Въ фабричныхъ деревняхъ молодой парень пойдетъ скорѣе босикомъ по снѣгу и грязи, чѣмъ надѣнетъ лапти; точно позоръ какой! Амбиція Гришки, который никогда не нашивалъ сапоговъ (самъ Глѣбъ ходилъ въ лаптяхъ),— амбиція его была затронута, слѣдовательно, за самое живое мѣсто. Досада его, какъ и слѣдовало ожидать, обратилась цѣликомъ на стараго рыбака.

— Эхъ! какое наше житье! воскликнулъ онъ нетерпѣливо, уткнувъ локти въ песокъ:—какъ послушаешь, какъ люди живутъ, такъ бы вотъ, кажется, и убѣжалъ! пропадай они совсѣмъ!..

— Ничего, погоди, перебилъ Захаръ тономъ покровительства:— ты, я вижу, малый невялый. Дай поживемъ вмѣстѣ, я его, старика-то, переверну по своему!

Весь этотъ разговоръ произвелъ на пріемыша дѣйствіе масла, брошеннаго въ огонь. Дурные инстинкты молодого парня пробудились въ душѣ его съ быстротою зажженой соломы. Разгульная фабричная жизнь, лихіе ребята, бражничество, своя волюшка,—все это отвѣчало какъ нельзя лучше инстинктамъ Гришки. Такая именно

жизнь, хотя самъ не зналъ онъ, гдѣ искать ея, не зналъ даже, существуетъ ли она, занимала всегда мечты его. Прежде скучалъ онъ, самъ не зная, отчего. Теперь понялъ онъ причину своей скуки,— понялъ, чего ему хотѣлось, и потому возненавидѣлъ всѣмъ сердцемъ все, что мало-мальски относилось къ жизни, его окружавшей.

Этому, конечно, содѣйствовали дальнѣйшіе разсказы и вообще сообщество Захара, который замѣтно благоволилъ юному своему товарищу. Пріемышъ, съ своей стороны, выбивался изъ силъ, чтобы заслужить такое лестное расположеніе. Такимъ образомъ сошлись они необыкновенно скоро. Есть какое-то тайное, притягивающее сочувствіе между родственными натурами. Захаръ былъ, конечно, уже зрѣлый плодъ въ своемъ родѣ. Пріемышъ, сравнительно съ нимъ, осуществлялъ только почку; но почка эта принадлежала тому же самому дереву, которое дало плодъ. Съ перваго же дня ихъ знакомства, Гришка думалъ днемъ и ночью о томъ только, какъ онъ и Захаръ перевернутъ старика по своему. Оба они, однакожъ, какъ-то слабо успѣвали въ этомъ. Проходили дни и недѣли—нравъ старика ни на волосъ не измѣнился. Даже въ домѣ его все шло самымъ строгимъ, обыкновеннымъ порядкомъ. Мимо работы, старый рыбакъ, казалось, вовсе даже не замѣчалъ ихъ. Совсѣмъ тѣмъ, когда, на третье или четвертое воскресенье послѣ прибытія новаго работника, Гришка сталъ проситься пойти съ Захаромъ въ Комарево, Глѣбъ не отпустилъ его. Онъ сказалъ, что не зачѣмъ попустому валандаться, не зачѣмъ идти безъ надобности въ Комарево, что пойдетъ туда, когда самъ пошлетъ, и, безъ дальнихъ разговоровъ, велѣлъ ему остаться дома. Это обстоятельство вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, насмѣшки со стороны Захара. Досада пріемыша, усиленная насмѣшками товарища, овладѣла тогда всѣми его чувствами. Онъ не посмѣлъ, однакожъ, показать старику свое неудовольствіе; но зато взглядъ, украдкою брошенный въ этотъ день Гришкой на Глѣба, былъ первымъ его взглядомъ полнаго, сознательнаго недоброжелательства. Чувство это немало поддерживалъ и разжигалъ страхъ, который, вопреки всѣмъ усиліямъ и ободреніямъ, ощущалъ пріемышъ, и даже Захаръ, до нѣкоторой степени, въ присутствіи Глѣба. Оба храбрились и хорохорились только на словахъ. Неизвѣстно, какъ это выходило; но только въ присутствіи стараго рыбака храбрость и удаль молодцовъ тотчасъ же пропадали. Тѣмъ не менѣе, вліяніе Захара продолжало производить втайнѣ свое дѣйствіе на пріемыша; оно особливо отразилось въ отношеніяхъ моло-

дого парня къ озеру дѣдушки Кондратія. Съ первыхъ же дней Захаръ смекнулъ, въ чемъ дѣло. Впрочемъ, самъ Гришка охотно разсказалъ ему повѣсть неудачныхъ своихъ похожденій съ дочкою рыбака. Началось съ того, разумѣется, что Захаръ осмѣялъ въ пухъ и прахъ неопытность юнаго друга. Затѣмъ онъ передалъ ему свои собственныя похожденія, разсказалъ нѣсколько забавныхъ случаевъ, разсказалъ, какъ всегда и вездѣ выходилъ побѣдителемъ и, подъ конецъ, вызвался даже помогать ему. Не разъ послѣ этого, въ ночное время, когда Глѣбъ и тетушка Анна спали крѣпкимъ сномъ, оба они переправлялись на луговой берегъ. Захаръ принималъ такое живое участіе въ успѣхахъ своего товарища, что, даже вопреки полному сознанію собственнаго своего превосходства, проводилъ цѣлые часы, покачиваясь въ челнокѣ, между тѣмъ какъ Гришка рыскалъ въ окрестностяхъ озера.

Оба они такъ ловко обдѣлывали дѣла свои, что Глѣбъ въ простотѣ честной, хотя крѣпкой души своей, ничего не подозрѣвалъ.

Къ тому же, проницательность Глѣба съ нѣкоторыхъ поръ замѣтно притуплялась. Мрачная туча, нависнувшая надъ высокимъ морщинистымъ лбомъ старика, казалось, все болѣе и болѣе сгущалась. Онъ, по прежнему, не переставалъ думать о сыновьяхъ своихъ, не переставалъ тосковать, ходилъ съ утра до вечера сумраченъ, рѣдко съ кѣмъ молвилъ слово, исключая, впрочемъ, дѣдушки Кондратія, съ которымъ часто толковалъ объ отсутствующихъ дѣтяхъ. Одна только работа, одинъ промыселъ въ состояніи были оживлять его. Въ этихъ случаяхъ онъ не могъ быть недоволенъ работниками. Какъ сказано выше, Захаръ былъ удалецъ только на словахъ. Удаль его обусловливалась обстоятельствами. Храбрился онъ съ тѣми, которые уступали ему, кумились съ нимъ или добровольно становились подъ одинъ уровень. Въ присутствіи Глѣба, который связалъ его вскорѣ по рукамъ и по ногамъ, падававъ ему впередъ денегъ - способъ общеупотребительный между ловкими хозяевами — спѣсь и непобѣдимое молодечество Захара уходили на самое дно его ситцеваго кисета. Бывали, однакожъ, случаи, когда лѣнь работника, возмущенная взыскательностью хозяина, придавала ему настолько бодрости, чтобы поднять голосъ и бросить сѣти. Онъ начиналъ хорохориться и говорилъ, что отходитъ отъ дома. Но Глѣбъ тутъ же осаживалъ его. „Отдай деньги, что забралъ, отдамъ тебѣ и пачпортъ“, говорилъ старикъ: „а мало что—до станового недалече: въ Сосновкѣ живетъ!“ Разсчетъ Глѣба основывался на томъ, чтобы

продержать Захара вплоть до зимы, т. е. все время, какъ будетъ продолжаться рабочая пора. Онъ зналъ, что за такую скудную плату не наймешь и самаго худого работника. Тамъ, какъ зима придетъ, онъ и самъ держать его не станетъ: пригонитъ къ тому времени, чтобы работникъ гроша ему не былъ долженъ, и дастъ ему пачпортъ: проваливай, куда хочешь. Благодаря способу временныхъ займовъ у хозяевъ—займовъ, къ которымъ прибѣгалъ работникъ, волей-неволей Захаръ оставался въ домѣ.

— Погоди, Гришка, дай напередъ задобримъ хозяина. Я нарочно прикидываюсь смирнячкомъ, говорилъ Захаръ въ оправданіе того противорѣчія, которое усматривалъ пріемышъ между словами и поступками товарища:—сначатія задобримъ, а тамъ покажемъ себя! станетъ ходить по нашенски, перевернемъ по своему!

Изъ дальнѣйшихъ объясненій его оказывалось, что именно вотъ эта-то цѣль и задерживала его въ домѣ Глѣба. На самомъ дѣлѣ Захаръ зналъ очень хорошо, что куда бы онъ ни пошелъ—на фабрику ли, на сахарный ли заводъ, или къ другимъ рыбакамъ—это все едино-единственно, держать его нигдѣ не станутъ; прійдется шляться безъ мѣста и, слѣдовательно, безъ хлѣба.

Итакъ, Глѣбъ былъ, въ извѣстной степени, доволенъ работникомъ. Что же касается до Гришки, то, несмотря на затаенное неудовольствіе, онъ трудился такъ исправно, что не давалъ даже старику повода къ упреку.

Такъ прошло безъ малаго три мѣсяца.

Къ концу этого срока вышелъ, однакожъ, случай, который невольно оторвалъ Глѣба отъ задушевныхъ его мыслей и заставилъ его обратить все вниманіе на пріемыша.

Вотъ что произошло:

Разъ какъ-то, въ началѣ осени, Глѣбъ отправился на луговой берегъ: требовалось нарубить лозняка для починки старыхъ вершей. Онъ поѣхалъ одинъ.

Часъ, безъ малаго, сидѣлъ онъ за своимъ дѣломъ у опушки кустовъ, тамъ, гдѣ начинались луга, когда подошелъ къ нему дѣдушка Кондратій.

На кроткомъ, невозмутимо-тихомъ лицѣ старичка проглядывало смущеніе. Онъ, очевидно, былъ чѣмъ-то сильно взволнованъ. Бѣлая голова его и руки тряслись болѣе обыкновеннаго. Подойдя къ сосѣду, который рубилъ справа и слѣва, ничего не замѣчая, онъ не

сказалъ даже „Богъ помочь!“ Дѣдушка ограничился тѣмъ лишь, что назвалъ его по имени.

— А! здорово, дядя! произнесъ Глѣбъ, опуская топоръ и утирая лобъ, покрытый потомъ.

— Здравствуй, Глѣбъ Савинычъ, сказалъ Кондратій, переводя одышку на каждомъ словѣ: — къ тебѣ шелъ.

— Ладно, что встрѣтились, подхватилъ Глѣбъ: — я и самъ собирался нонѣ тебя провѣдать. Переѣхалъ сюда лознячкомъ запастись: верши надыть исправить; а тамъ, думалъ, какъ порѣшу дѣло, схожу къ сосѣду. А ты зачѣмъ пробирался? надобность, что ли, была какая? али такъ, провѣдать хотѣлъ?

— Нѣтъ... есть до тебя дѣло, съ трудомъ проговорилъ старикъ.

— Ну, говори, промолвилъ Глѣбъ, обращая впервые глаза на сосѣда: — да что ты, дядя? ась? Въ тебѣ какъ словно перемѣна какая... и голосъ твой не тотъ, и руки дрожатъ. Не прилучилось ли чего? Говори, чѣмъ, примѣрно, могу помочь? Ну, примѣрно и... того; говори только.

Дѣдушка Кондратій тоскливо покачалъ головою, закрылъ красныя, распухшія вѣки и безотрадно махнулъ рукою. Вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ, двѣ едва примѣтныя слезинки покатились изъ глазъ старика.

— Ну, стало, взаправду недоброе что привалило. Али „плевокъ“ *) на рыбу напалъ? подхватилъ Глѣбъ.

Хотя Глѣбъ коротко ознакомился теперь съ истиннымъ горемъ, — такимъ горемъ, которое не имѣло уже ничего общаго съ неудачами и невзгодами по части промысла или хозяйства, онъ никакъ не предполагалъ, чтобы другой человѣкъ, и тѣмъ менѣе сосѣдъ, могъ испытать что-нибудь подобное. Онъ находился въ полномъ убѣжденіи, что дѣдушка Кондратій претерпѣлъ какую-нибудь неудачу въ дѣлѣ домашнемъ: плевокъ на рыбу напалъ, сѣти порвались, а новыхъ купить не на что, челнокъ просквозилъ и ушелъ на дно озера. Этимъ ограничивались его догадки. Поэтому самому не мало удивился Глѣбъ, когда сосѣдъ сказалъ ему:

— Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, кабы только это, не сталъ бы тужить, не сталъ бы гнѣвить Господа Бога! на то Его святая воля. Въ эвтихъ нашихъ невзгодахъ человѣкъ не властенъ...

---

*) Червь, истребляющій рыбу.

— Да что жъ такое? говори! нетерпѣливо перебилъ Глѣбъ.

— А то, что случилось недоброе дѣло, подхватилъ, тяжко вздыхая, старикъ: — отъ человѣка недоброе дѣло, Глѣбъ Савинычъ! а все вышло... все вышло изъ твоего... изъ твоего сосѣдскаго дома.

— Какъ! что такое? воскликнулъ Глѣбъ, поспѣшно вставая на ноги и безпокойно изгибая сѣдыя брови.

— Да, изъ твоего дома, продолжалъ между тѣмъ старикъ. — Жилъ я о-сю пору счастливо, никакого лиха не чая, жилъ, ничего такого и въ мысляхъ у меня не было; наказалъ, видно, Господь за тяжкіе грѣхи мои! И ничего худого не примѣчалъ я за ними. Бывало, твой парень Ваня придетъ ко мнѣ, либо Гришка — ничего за ними не видѣлъ. Вѣрилъ имъ словно дѣтямъ своимъ. То-то вотъ наша-то стариковская слабость! Наказалъ меня Создатель, горько наказалъ. Обманула меня... моя дочка, Глѣбъ Савинычъ!

При этомъ у Глѣба отлегко отъ сердца. Ему представилось сначала, что Гришка или Захаръ обокрали сосѣда.

— И гдѣ мнѣ было усмотрѣть, старику, продолжалъ дѣдушка, останавливаясь время отъ времени и проводя дрожащею ладонью по глазамъ: — гдѣ было усмотрѣть за ними! Сама, бывало, обо всякой малости сказывала. Ину пору — вотъ въ послѣднее это время — спросишь: „что, молъ, невесела Дуня, что пѣсенъ не поешь?„ „Ничего, говоритъ, такъ, охоты нѣтъ“. Ну, я ей и вѣрилъ... вѣстимо, думаю какое ей со мною веселье... лѣта ея молодыя... Да, обманула меня моя дочка, Глѣбъ Савинычъ, — горько обманула! Нонѣ только обо всемъ провѣдалъ... Приходитъ это она утромъ ко мнѣ, — а я рыбку удилъ — приходитъ, да такъ вотъ вся и заливается слезами, такъ и заливается. „Что ты, говорю: Христосъ, молъ, съ тобою“. Самъ добре перепужался, всталъ, поднялся, а она ко мнѣ въ ноги... все и повѣдала... такъ инда головня къ сердцу моему подкатилась! „Ну, говорю, дочка, посрамила ты мою бѣдную голову! за что, говорю, за что ты меня старика обманула? На то ли ростилъ я тебя? того ли ждалъ?“ А руки не поднялъ — подумалъ: не поможетъ. Богъ, молъ, дочка, судья тебѣ!

— Что жъ... Гришка? перебилъ Глѣбъ, сжимая кулаки и грозно нахмуривая брови.

— Онъ, отвѣчалъ старикъ, опуская голову и проводя дрожащими пальцами по глазамъ.

— Ахъ онъ, проклятый! вскричалъ Глѣбъ, у котораго заки-

нѣло при этомъ сердце такъ же, какъ въ бывалое время.— То-то примѣтилъ я—давно еще примѣтилъ... въ то время еще, какъ Ваня здѣсь мой былъ! Не даромъ, стало, таскался онъ къ тебѣ на озеро. Пойдемъ, дядя, ко мнѣ... тутъ челнокъ у меня за кустами. Погоди-жъ ты! я-жъ те ребры-то переломаю. Я те!...

— Полно, Глѣбъ Савинычъ! этимъ теперь не поможешь, кротко возразилъ дѣдушка Кондратій, взявъ его за руку:— теперь не объ томъ думать надыть.

— Ты думаешь, примѣрно, женить надыть?

— Затѣмъ и шелъ къ тебѣ... лучше ужь; до грѣха, по закону по Божьему, какъ слѣдуетъ.

— Это само собою. Повѣнчать повѣнчаемъ; а не миновать ему моихъ кулаковъ! я его проучу... Ахъ онъ, окаянный!

— Нѣтъ, Глѣбъ Савинычъ, оставь лучше, не тронь его... пожалуй, хуже будетъ... Онъ тогда злобу возьметъ на нее... вѣдь мужъ въ женѣ своей властенъ. Человѣка не узнаешь: иной лютѣе звѣря. Полно, перестань, уйми свое сердце... Этимъ не пособишь. Повѣнчаемъ ихъ; а тамъ будь воля Божья!... Эхъ, Глѣбъ Савинычъ! не ему, нѣтъ, не ему прочилъ я свою дочку! неожиданно заключилъ дѣдушка Кондратій.

Вмѣстѣ съ этими словами кулаки Глѣба опустились, и гнѣвъ его прошелъ мгновенно. Нѣсколько минутъ водилъ онъ ладонью по сѣрымъ кудрямъ своимъ, потомъ задумчиво склонилъ голову и наконецъ сказалъ:

— Что говорить, дядя! признаться, и я не ему прочилъ твою дочку: прочилъ другому. Ну, да что тутъ! словесами прошлаго не воротишь!

Тутъ онъ остановился, махнулъ рукою и снова опустилъ на грудь голову.

Глѣбъ уже не принимался въ этотъ день за начатую работу. Проводивъ старика-сосѣда до половины дороги къ озеру (дальше Глѣбъ не пошелъ, да и дѣдушкѣ Кондратію этого не хотѣлось), Глѣбъ подобралъ на обратномъ пути топоръ и связки лозняка и вернулся домой еще сумрачнѣе, еще задумчивѣе обыкновеннаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XX.

Худое житье.

Возвратясь домой, послѣ объясненія съ дѣдушкой Кондратіемъ, Глѣбъ слова не промолвилъ пріемышу; а между тѣмъ куда какъ хотѣлось ему проучить негодяя! Грозно изгибавшіяся брови старика и невольно сжимавшіеся кулаки его, каждый разъ, какъ онъ встрѣчался съ Гришкой, достаточно уже показывали, какъ сильно было въ немъ такое желаніе. Онъ удержался, однакожъ: благоразумные совѣты старичка-сосѣда восторжествовали на этотъ разъ надъ личнымъ мнѣніемъ Глѣба, которое, если помнитъ читатель, заключалось въ томъ, чтобы намять Гришкѣ бока. Выбравъ минуту, когда Захаръ и пріемышъ занялись чѣмъ-то на дальнемъ концѣ площадки, старый рыбакъ подошелъ къ женѣ и передалъ ей жалобу старика-сосѣда. Съ первыхъ же словъ тетушка Анна пришла въ неописанное волненіе; она всплескивала руками, мотала головою, охала и стонала въ одно и то же время. „Ахъ онъ, окаянный!... ахъ онъ, безпутный такой, грѣховодникъ этакой!... Вѣдь погубилъ дѣвку-то! погубилъ совсѣмъ... Я, чай, старикъ-атъ, сердечный... Скажи, грѣхъ какой!... А намъ-то—намъ и не вдомекъ; хоть бы однимъ глазкомъ примѣтили... Ахти, Господи!...“ говорила она, не переводя духу, отчаянно ударяя обѣими ладонями объ полы понявы и тормоша немилосерднѣйшимъ образомъ платокъ на головѣ. Глѣбъ, какъ вѣдомо, не любилъ много разговаривать; еще съ меньшею охотою слушалъ онъ пустыя бабьи рѣчи. Онъ тотчасъ же осадилъ жену. „Ну, чего, чего?... экъ ее, дура-баба! право, пустая какая!“ проговорилъ онъ съ такимъ видомъ, который мгновенно превратилъ негодующую старуху въ кроткую, смиренную овцу. Онъ пришелъ вовсе не за охами, еще менѣе нуждался въ совѣтахъ, которыми, не медля ни минуты, принялась-было снабжать Анна, поощренная

снисходительнымъ его объясненіемъ. Вся цѣль разговора Глѣба съ женою заключалась въ томъ, чтобы старуха мыла скорѣй горшки, варила брагу и готовила все къ свадьбѣ.

Дѣло, дѣйствительно, было такого рода, что не терпѣло отлагательства.

Недѣли черезъ двѣ, въ воскресный день, у воротъ рыбакова дома и на самомъ дворѣ можно было видѣть нѣсколько подводъ; на холмистомъ скатѣ высокаго берегового хребта, которымъ замыкалась съ трехъ сторонъ площадка, бродили пущенныя на свободу лошади, щипавшія сочную листву орѣшника. Приглаженный видъ двора, освѣщеннаго желтыми лучами осенняго солнца, тетушка Анна и еще какая-то баба, бѣгавшія поминутно изъ избы подъ тѣнь навѣса и возвращавшіяся всякій разъ съ кувшинами или пирогами; подводы и наконецъ самыя лошади—все это свидѣтельствовало, что въ домѣ Глѣба, отличавшемся всегда тишиною и строгимъ порядкомъ, происходило что-то несовсѣмъ обыденное. Говоръ, раздававшійся въ самой избѣ, пѣсни, восклицанія и звяканье посуды подтверждали краснорѣчиво такое предположеніе. Изба была полна народу. Тутъ находились оба тестя и обѣ тещи двухъ старшихъ сыновей Глѣба, Петра и Василія; были крестовые и троюродные братья и сестры тетки Анны, находились кумовья, деверья, шурины, сваты и даже самые дальнѣйшіе родственники Глѣба — такіе родственники, которыхъ рыбакъ не видалъ по цѣлымъ годамъ. Все это съѣхалось по бо́льшей части изъ Сосновки и явилось попировать на свадьбу къ старому Глѣбу, который женилъ пріемыша своего на дочери сосѣда, такого же рыбака, по прозванію Кондратія.

Но, несмотря на большое стеченіе народа, несмотря на радушное угощеніе и разливное море браги, которая пробуждала въ присутствующихъ непобѣдимую потребность пѣть пѣсни, цѣловаться и нести околесную,—несмотря на прибаутки и смѣхотворныя выходки батрака Захара, который занималъ мѣсто дружки жениха—и занималъ это мѣсто, не мѣшаетъ замѣтить, превосходно — свадьбу никакъ нельзя было назвать веселою. Все шло, повидимому, самымъ обыкновеннымъ порядкомъ, и только главныя дѣйствующія лица—тѣ самыя, отъ кого бы слѣдовало ожидать всего болѣе радости—казались какъ-будто недовольными. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ тетушка Анна, движимая чувствами безпримѣрнаго добродушія и гостепріимства, не пересыпала въ брагу нѣсколькихъ лишнихъ при-

горшней хмѣля (все это, разумѣется, сдѣлано было тайкомъ отъ Глѣба), и еслибъ гости, въ свою очередь, умѣреннѣе прибѣгали къ ковшамъ, заключавшимъ эту брагу, многіе могли бы замѣтить, что на свадебной пирушкѣ не все было ладно.

Во-первыхъ, молодая совсѣмъ непохожа была на обыкновенныхъ молодыхъ. Она сидѣла какъ убитая: точно силой выдавали ее за немилаго, или, вѣрнѣе, точно присутствовала она не на свадебной пирушкѣ, а на поминкахъ по нѣжно любимымъ родителямъ. Мужчины, конечно, не обратили бы на нее вниманія: сидѣть съ понурою головою—для молодой дѣло обычное; но лукавые глаза бабъ, которыя на свадьбахъ занимаются не столько бражничествомъ, сколько сплетками, вѣрно замѣтили бы признаки особенной какой-то неловкости, смущенія и даже душевной тоски, обозначавшейся на лицѣ молодки. „Глянь-ка-сь, касатка, молодая-то невесела какъ: лица нѣтути!“ — „Должно-быть, испорченная, либо хворая...“ — „Парень, стало, не по ндраву...“ — „Хошь бы разочекъ глазкомъ взглянула; съ утра все такъ-то: сидитъ платочкомъ закрымшись— сидитъ не смигнетъ, словно на бѣлый на свѣтъ смотрѣть совѣстится...“ — „И то, можетъ-статься, совѣстится; жила не на міру, не въ деревнѣ съ людьми жила: кто ее вѣдаетъ, какая она!...“ Такого рода доводы подтверждались, впрочемъ, наблюденіями, сдѣланными двумя бабами, которымъ довелось присутствовать при разставаньи Дуни съ отцомъ. Это происходило утромъ, передъ отправленіемъ къ вѣнцу. Извѣстное дѣло, какой же дѣвкѣ не жаль покидать родителей — всякой жаль! Хотя иной разъ и въ своей деревнѣ остаешься — только улицу перейти, — а все не съ родными жить. Ну, какъ водится, помолишься святымъ образамъ, положишь отцу съ матушкой три поклона въ ноги, маленечько покричишь голосомъ, иную пору не шутя даже всплакнешь, — все это такъ по обычаю должно. Эта же молодая и прощалась-то совсѣмъ не такъ какъ другія дѣвки: какъ повалилась съ первака отцу въ ноги, такъ тутъ и осталась, и не то, чтобы причитала, какъ водится по обычаю, — слова не вымолвитъ, только убивается; взвыла на весь дворъ, на всю избу, ухватила старика своего за ноги, насилу отняли: водой отливали! И нивѣсть что такое: прощалась, словно въ Сибирь везли ее, въ дальнюю сторону; а всего-то Оку-рѣку переѣхать... Были еще другія примѣты при самомъ выѣздѣ къ вѣнцу. Каждое движеніе молодой, предметы и лица, ее окружающіе, даже лошади, которыя везутъ ее въ церковь, подвергаются на

свадебныхъ поѣздкахъ внимательному разсмотрѣнію; все это, по мнѣнію двухъ бабъ, не благопріятствовало молодой. Замѣчанія эти, передаваемыя въ свое время шопотомъ, изъ ушка въ ушко, не замедлили бы обойти теперь всѣхъ присутствующихъ, еслибъ, какъ мы уже сказали, брага тетки Анны не была такъ крѣпка и не отуманила глазъ всему собранію. По той же самой причинѣ, каждый изъ гостей хотя и цѣловался по нѣскольку десятковъ разъ съ молодымъ, но никто не замѣчалъ нахмуреннаго лица его. Каждый разъ, какъ который-нибудь изъ присутствующихъ обращалъ на него масляные, слипавшіеся глаза и, приподнявъ стаканъ, восклицалъ: „о-охъ, горько!“ давая знать этимъ, чтобы молодые поцѣловались и подсластили такимъ образомъ вино,—въ чертахъ Гришки проглядывало выраженіе досадливаго принужденія. Можно было думать, что женился онъ противъ воли, женился и каялся. Оно почти такъ и было. Въ послѣднее время онъ рѣдко даже бывалъ на озерѣ: Дуня успѣла уже опостынуть ему. Не знаю, подозрѣвалъ ли дядя Кондратій мысли своего зятя, но сидѣлъ онъ также пригорюнясь на почетномъ своемъ мѣстѣ; всего вѣрнѣе, онъ не успѣлъ еще опомниться послѣ прощанья съ Дуней,—слабое стариковское сердце не успѣло еще отдохнуть послѣ потрясенія утра; онъ думалъ о томъ, что пришло наконецъ времячко распрощаться съ дочкой! По крайней мѣрѣ, бѣлая голова дѣдушки Кондратія не переставала трястись и какъ бы все еще давала знать, что онъ несовсѣмъ рѣшился на тяжкую жертву. Что-жъ касается Глѣба, онъ точно также не имѣлъ особенныхъ побужденій къ радости; одно развѣ: въ домъ поступаетъ молоденькая сноха, новая работница на смѣну старухѣ, которая въ послѣднее время совсѣмъ почти съ ногъ смоталась, изъ силъ выбилась... конечно, это не дурно. Глѣбъ не разъ даже высказывалъ по этому поводу свое удовольствіе; въ разговорахъ съ женою онъ неоднократно даже принимался выхвалять дочку рыбака-сосѣда. Но, къ сожалѣнію, удовольствіе Глѣба Савинова не было продолжительно: оно исчезало по мѣрѣ того, какъ стали появляться расходы, сопряженные съ пріобрѣтеніемъ молодой снохи; Глѣбъ началъ тогда ворчать и покрикивать. Старикъ шибко крѣпковатъ былъ на деньги, завязывалъ ихъ, какъ говорится, въ семь узловъ; недаромъ, какъ видѣли мы въ свое время, откладывавъ онъ день отодня, девять лѣтъ кряду, постройку новой избы, несмотря на просьбы жены и собственное убѣжденіе, что старая изба, того и смотри, повалится всѣмъ на голову; недаромъ считалъ онъ каждый грошъ,

клалъ двойчатки въ кошель, соблюдалъ строжайшій порядокъ въ домѣ, не любилъ бражничества и на семидесятомъ году неутомимо работалъ отъ зари до зари, чтобы только не нанимать лишняго батрака. Съ лѣтами онъ сдѣлался еще разсчетливѣе.

А между тѣмъ не проходило теперь дня, когда бы не принуждали его отправляться въ коморку и отворять завѣтный сундучокъ завѣтнымъ витымъ ключикомъ... Просто напасть какая-то: сегодня требовался солодъ, завтра мука на лапшу, а тамъ раскошеливайся опять на масло, либо на свадебные подарки! Ворчливость окончательно овладѣла Глѣбомъ, когда, дня за два до свадьбы, пріѣхали изъ Сосновки двѣ кумы и вслѣдъ затѣмъ началась въ домѣ стряпня и возня. „Экъ ихъ обрадовались! чтобы васъ шуть взялъ!“ не переставалъ твердить Глѣбъ, косясь съ самымъ недоброжелательнымъ видомъ на румяные пироги и пышные короваи, которые то-и-дѣло выставлялись на доскахъ изъ оконъ: „настряпали теперь, напекли! Было бы изъ чего изъяниться-то—вотъ что! не богатую какую невѣсту беремъ; спасибо еще — взяли... Признаться, старика одного только и пожалѣли... Ну, да что тутъ толковать! рѣшеное дѣло: выходитъ, поминать нечего... Напекли, наварили: не бросать же теперь — ѣшьте во здравіе!..“ Такъ заключалъ всегда почти Глѣбъ, который, вообще говоря, былъ слишкомъ разсчетливый и дѣловой хозяинъ, слишкомъ строгій и несообщительный старикъ, чтобы жаловать гостей и пирушки. Ворчливость его продолжалась, однакожъ, до тѣхъ только поръ, пока не окончились возня и приготовленія, пока не съѣхались гости и не началось угощеніе; усѣвшись за столъ, онъ махнулъ какъ словно рукою и пересталъ заботиться о томъ, что стоили ему пироги и брага; казалось даже, онъ совсѣмъ запамятовалъ объ этомъ предметѣ. Не пилъ, однакожъ, Глѣбъ, не пилъ ни капельки; хмѣль не отуманивалъ головы его, точно такъ же, какъ не отуманивали ея шумъ, крики и пѣсни пирующихъ. Одна только мысль и была теперь въ головѣ рыбака — все та же острая, назойливая мысль, которая постоянно жила въ немъ, изрѣдка лишь заслоняясь житейскими заботами; достаточно было просвѣтлиться этой мысли, чтобы изгладить мгновенно изъ его памяти всѣ разсчеты, всѣ соображенія. Онъ думалъ о сынѣ — думалъ о младшемъ возлюбленномъ дѣтищѣ. Свадьба пріемыша невольнымъ образомъ пробудила въ душѣ старика такія воспоминанія: такъ, можетъ-статься, пировали бы теперь на свадьбѣ Вани!.. Немудрено послѣ этого, если Глѣбъ казался невеселъ.

Но какъ бы тамъ ни было, благодаря, вѣроятно, теткѣ Аннѣ, которая суетилась и хлопотала за шестерыхъ, благодаря также дружкѣ Захару и двумъ кумамъ, которыя подливали исправнѣйшимъ манеромъ сосновскимъ родственникамъ, гости были сытехоньки по горлышко, пьяны-пьянехоньки и вообще остались очень довольны. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить изъ того, что многіе, при всемъ стараніи своемъ, никакъ не могли встать съ лавокъ; хозяева принуждены были снести ихъ на дворъ и уложить въ подводы, на подобіе грузныхъ сноповъ. Наконецъ пирушка кончилась; Дуню и Гришку уложили въ приготовленную заранѣе коморку, и гости разъѣхались.

Самъ дѣдушка Кондратій поплелся къ себѣ на озеро.

Домъ Глѣба, площадка и берега Оки окутались темнотою ночи и стихли—стихли, какъ словно заснули за одно съ обывателями...

Женитьба пріемыша не произвела почти никакого измѣненія въ хозяйствѣ рыбака. Порядокъ, заведенный Глѣбомъ тридцать лѣтъ назадъ, безъ всякаго сомнѣнія, не могъ пошатнуться отъ такой маловажной причины. Вообще говоря, въ крестьянскомъ быту сноха занимаетъ довольно жалкую роль, особенно въ первое время. Нужны какія-нибудь особенныя благопріятныя обстоятельства или съ ея стороны, или со стороны мужниной родни, чтобы житье ея въ домѣ разнилось отъ житья простой работницы.

На другой же день можно было видѣть, какъ тетка Анна и молоденькая сноха ея перемывали горшки и корчаги, и какъ, послѣ этого, обѣ стучали вальками на берегу ручья. Глѣбъ, который не безъ причины жаловался на потерянное время—время подходило къ осени и пора стояла, слѣдовательно, рабочая—вышелъ къ лодкамъ, когда на блѣднѣющемъ востокѣ не успѣли еще погаснуть звѣзды. За часъ до восхода, онъ, Захаръ и Гришка были на Окѣ.

Въ многозаботной жизни простолюдина время дорого. Такъ некогда предаваться излишней радости или скорби. И радъ бы иной разъ, послушался, что душа поетъ, радъ бы повеселиться, завихриться, радъ бы выплакать вдосталь свое горькое горе, да мало ли что!.. Нужда, время идетъ, никого не ждетъ. Иного дня недѣлей цѣлой не нагонишь!.. Мнѣ приводилось встрѣчать старухъ, которыя рыдали отчаянно, страшно рыдали, и въ то же время несли на плечахъ ведра или занимались другимъ хозяйственнымъ дѣломъ. „Что съ тобою?..“ — „Сынъ вечоръ померъ... одинъ только и былъ!..“ Не разъ также я заставалъ за сохою стариковъ, которыхъ за часъ

посѣтила нечаянная радость или сразило страшное горе. Духъ можетъ скорбѣть или радоваться сколько угодно,—руки должны оставаться одинаково крѣпкими и работать.

Единственный предметъ, обращавшій на себя теперь вниманіе Глѣба, было „время“, которое, съ приближеніемъ осени, замѣтно сокращало трудовые дни. Немало хлопотъ приносила также погода, которая начинала хмуриться, суля ненастье и сиверку—неумолимыхъ враговъ рыбака. За всѣми этими заботами, разумѣется, некогда было думать о снохѣ. Да и думать-то было нечего!.. Живетъ себѣ бабенка наравнѣ съ другими, обиды ни какой и ни въ чемъ не терпитъ—живетъ, какъ и всѣ люди. Въ мѣру работаетъ, хлѣбъ ѣстъ вволю: чего-жъ ей еще?..

Къ концу осени мысли стараго рыбака перешли непосредственно отъ промысла къ другому предмету. Какъ только замѣтилъ онъ, что верши его стали „сиротѣть“, а съ сѣтями нечего почти дѣлать, онъ началъ помышлять о томъ, какъ бы раздѣлаться съ Захаромъ. Впрочемъ это обстоятельство заняло немного времени: разсчетъ былъ очень коротокъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что старикъ, нанимая Захара, имѣлъ въ виду продержать его не далѣе осени, т. е. до той поры, пока окажется въ немъ надобность. Съ этою цѣлью онъ давалъ ему денегъ впередъ и даже старался опутать долгами. За мѣсяцъ передъ разсчетомъ, старикъ разомъ прекратилъ выдачу денегъ. Онъ, конечно, слова не промолвилъ работнику о своемъ намѣреніи, но втихомолку сводилъ свои счеты. Въ тотъ самый день, когда Захаръ заработалъ послѣднюю копѣйку, данную ему впередъ, Глѣбъ объявилъ на отрѣзъ, что онъ ему больше не нуженъ. Озадаченный нѣсколько неожиданной выходкой, работникъ заикнулся было о деньгахъ; но хозяинъ показалъ ему бирку, на которой обозначены были всѣ дни, прожитые батракомъ, и всѣ деньги, грошъ-въ-грошъ, заработанныя имъ. Возражать было нечего.

Въ утро того-же дня, Захаръ уложилъ въ карманъ своихъ шароваръ всѣ свои пожитки, состоявшіе изъ ситцеваго кисета и трубки; взялъ въ руки гармонію и покинулъ, посвистывая площадку.

Гришка сопровождалъ его. (Глѣба не было въ эту минуту дома. Отпустивъ работника, онъ тотчасъ же ушелъ въ Сосновку). Во все продолженіе пути отъ воротъ до лодокъ Захаръ не переставалъ свистать и вообще казался въ самомъ пріятномъ, пѣвучемъ расположеніи духа.

— Куда-жъ ты теперь, Захаръ? спросилъ Гришка, послѣ того, какъ оба они усѣлись въ челнокѣ и отчалили отъ берега.

— Разѣ мало мѣстовъ-то?.. Думаешь, твой Глѣбъ одинъ только на свѣтѣ и есть!.. Тебѣ, можетъ-статься, въ диковинку! Намъ хоша бы его не было—это все единственно... Что разсчелъ-то меня: „не надо", говоритъ—великая важность!.. Почище видали—не плакали!.. Можетъ, онъ того не знаетъ, плевать я хотѣлъ на него! Намъ вездѣ будетъ мѣсто... Нашему брату не искать. Куда пришелъ, тутъ и нашелъ! Въ Комаревѣ и то звали намедни: „приходи, говорятъ, Захаръ, уважимъ!.." Да врядъ останусь; прискучили мнѣ ваши мѣста... Пока еще поотряхнусь, погуляю... У меня вотъ въ Серпуховѣ есть знакомый одинъ хозяинъ, фабрику содержитъ и капиталъ большой имѣетъ: туда и пойду... потому, какъ онъ есть мнѣ пріятель, и житье, примѣрно, вальяжное, первый сортъ. Это все, выходитъ, нашему брату того и надо!.. проговорилъ Захаръ, съ такою самоувѣренностію и оглядываясь съ такимъ безпечнымъ видомъ направо и налѣво, какъ будто всѣ лучшія мѣста отъ Коломны до Серпухова были дѣйствительно къ его услугамъ.

На самомъ дѣлѣ онъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи. Онъ не зналъ даже, приведется ли пообѣдать, потому что дальше Комарева нынче не уйдешь, а комаревскій цѣловальникъ Герасимъ (въ этомъ убѣдился Захаръ изъ собственнаго опыта) въ долгъ не вѣрилъ. Гармонія представляла слишкомъ ничтожный предметъ для заклада: и новая-то стоитъ всего одинъ двугривенный! Конечно, если приложить къ ней кисетъ, картузъ и трубку, можно, пожалуй, выйти изъ бѣды, но на самое короткое время. Никакъ не дотянешь до найма. Въ Комаревѣ (это обстоятельство было также извѣстно Захару) и безъ того уже много своихъ рукъ. Что-жъ касается до путешествія въ Серпуховъ, къ пріятелю фабриканту, надо было отложить попеченіе: серпуховскій пріятель былъ, къ сожалѣнію, тотъ самый, что засталъ жену свою въ роковую минуту, какъ она дарила Захару знаменитый кисетъ. Другіе же два фабриканта, изъ Серпухова, вытурили его также въ свое время и погрозили даже намять бока, если онъ только покажется на порогѣ ихъ фабрикъ. Между Захаромъ и остальными знакомыми ему хозяевами существовали такія же почти неблагопріятныя отношенія—словомъ, рѣшительно некуда было приткнуться!.. Совсѣмъ тѣмъ, надо отдать ему справедливость, онъ не унывалъ нисколько. Во все время переправы черезъ Оку не переставалъ онъ молодцовать, свистать,

пѣть пѣсни и играть на гармоніи. Мало того: ступивъ на противоположный берегъ, онъ выразилъ даже свое искреннее, задушевное сожалѣніе къ тяжкой долѣ молодого своего товарища.

— Эхъ, Гришка, Гришка!.. жаль мнѣ тебя, братецъ ты мой, ей Богу, жаль!.. такъ, ни за что, ни за грошъ погубилъ ты свою молодость!.. Пропадай теперича твоя волюшка!.. въ коренную, какъ есть, закрѣпилъ тебя старикъ къ дому свому. Говорилъ — стой на одномъ: „знать, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю!..“ А то: какъ да какъ?.. вотъ-те и какъ!.. возись поди теперича... Закабалилъ ты себя. Навязалъ жерновъ на шею — это все единственно, — выходитъ, одно и то же!.. И добро дѣвка-то была бы... а то... эхъ-ма! мимолетный ты парень, какъ погляжу, соломенная твоя душа!.. Только что вотъ куражишься... То ли бы было, кабы послушалъ: шли бы теперича вмѣстѣ важнѣющимъ манеромъ!.. Куда ни кинулъ глазами, это все единственно; вездѣ путь дорога — гуляй знай!.. А то что?.. загубилъ себя какъ есть теперича!.. Парень то ты ловкій: черезъ это и жалѣю больше, ей Богу, право!..

Говоря такимъ образомъ, Захаръ не имѣлъ дурного умысла. Онъ чуть ли даже не былъ чистосердеченъ, потому что судилъ о Гришкѣ по себѣ — судилъ безошибочно, и зналъ, слѣдовательно, какъ мало соотвѣтствовало молодому парню настоящее его житье.

Во все время этого дружескаго объясненія пріемышъ стоялъ понуря голову и крѣпко упирался грудью въ конецъ весла. Онъ слова не сказалъ: но конецъ весла яростно рылъ землю. Руки Гришки не переставали откидывать съ нетерпѣніемъ волосы, которые свѣшивались на лицо его, принужденно склоненное на грудь.

Ко всѣмъ дурнымъ чувствамъ, кипѣвшимъ теперь въ сердцѣ пріемыша, примѣшивалась еще досада, которую пробуждала не столько разлука съ товарищемъ, сколько сознаніе безсилія послѣдовать за нимъ. По крайней мѣрѣ глаза Гришки, пристально устремленные на удаляющагося Захара, были совершенно сухи. Не обозначалось въ нихъ ни сожалѣнія, ни грусти: что-то похожее на зависть, на бѣшенство молодого полудикаго коня, выхваченнаго изъ косяка арканомъ, спутаннаго по ногамъ крѣпкими ремнями и брошеннаго наземь, сверкало въ черныхъ, глядѣвшихъ изъ-подлобья глазахъ Гришки, обозначалось во всѣхъ чертахъ его смуглаго лица. Захаръ говорилъ сущую правду: и онъ точно такъ же могъ бы теперь быть вольнѣе бѣлыхъ чаекъ, которыя весело снуютъ надъ раздольною рѣкою! Все кончено! хочешь не хочешь, живи въ ненавистномъ домѣ. При-

паялъ суровый старикъ Гришкину волюшку — припаялъ ее мѣднымъ припоемъ! связалъ по рукамъ и ногамъ! Недаромъ же трунилъ надъ нимъ Захаръ, называя его мимолетнымъ парнемъ и соломенною душою; недаромъ сравнивалъ его съ мякиной, которая шумитъ и вьется, пока въ углу, въ затишьѣ, а какъ только вынесешь въ открытое поле, летитъ покорно въ ту сторону, откуда вѣтеръ покрѣпче! Но Гришка, какъ обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, не столько обвинялъ самого себя, сколько окружающихъ. Больше всѣхъ пришлось отвѣчать Дунѣ. Она, одна она, какъ онъ думалъ самъ съ собой, была всему главной виновницей: не живи она въ двухъ верстахъ отъ площадки, не полюби парня, не довѣрься его клятвамъ, ничего бы не случилось; онъ, въ самомъ дѣлѣ, шелъ бы теперь, можетъ-статься, съ Захаромъ! И кто толкалъ его на луговой берегъ? чего домогался онъ? чего искалъ? Съѣздилъ всего разъ двадцать украдкою на озеро — велика важность! эка невидаль! стоило изъ того на вѣки распрощаться съ вольною волюшкой! Негодованіе Гришки обращалось даже частію на тестя. Дѣдушка Кондратій также былъ, по разумѣнію Гришки, виновенъ во многомъ: зачѣмъ, вмѣсто того, чтобы гонять каждый разъ пріемыша изъ дому, зачѣмъ ласкалъ онъ его — ласкалъ и принималъ, какъ родного сына?..

Съ такими мыслями и чувствами покинулъ онъ луговой берегъ и переѣхалъ Оку. Когда Гришка обернулся, чтобы привязать челнокъ, глаза его встрѣтили жену. Она стояла, прислонившись къ большой лодкѣ и, повидимому, ждала его.

Дуня, точно, вышла съ этою цѣлью на площадку, но дѣйствовала въ этомъ случаѣ не по собственному побужденію. Глѣбъ, передъ уходомъ въ Сосновку, велѣлъ ей передать мужу, чтобы онъ тотчасъ же послѣ возвращенія своего съ лугового берега ѣхалъ забрать верши, брошенныя наканунѣ, подлѣ омута. Иначе, можетъ-быть, у нея не стало бы смѣлости дожидаться мужа. Въ послѣднее время, не мѣшаетъ замѣтить, она чувствовала страшную неловкость въ его присутствіи. Къ этому чувству начинала даже примѣшиваться робость. Гришка, конечно, не смѣлъ пробудить въ ней такого чувства жестокимъ обращеніемъ: онъ побоялся бы тронуть ее пальцемъ. Но Дунѣ во сто разъ легче было бы снести его побои, чѣмъ видѣть, какъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, перемѣнился онъ и, что всего хуже, не объяснялъ даже ей причины своего неудовольствія.

Гришка, подобно всѣмъ слабымъ, но злобно, дурно настроеннымъ людямъ, не смѣя явно выразить своей досады, вымещалъ ее тайкомъ, втихомолку и, конечно, вымещалъ ее на женѣ, единственномъ существѣ, которое находилось до нѣкоторой степени въ его зависимости. Онъ прибѣгалъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, къ мелкимъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ средствамъ. Такъ, съ самой почти свадьбы сохранялъ онъ передъ нею какой-то небрежно-насмѣшливый видъ. И хоть бы слово, одно слово сказалъ ей въ оправданіе такой внезапной перемѣны обращенія! такъ нѣтъ: почти съ самаго дня свадьбы хранилъ онъ упорное молчаніе, отворачивался и отходилъ отъ нея всякій разъ, когда она обращалась къ нему. При случаѣ не обходилось безъ грозныхъ жестовъ и еще болѣе грознаго выраженія лица. Все это мгновенно исчезало, однакожъ, какъ только появлялся Захаръ. Въ глазахъ жены Гришка умышленно заводилъ съ нимъ долгую, дружескую бесѣду, старался даже казаться веселымъ. Молоденькая сноха Глѣба сокрушалась въ догадкахъ. Молодое, неопытное сердце ея невыносимо ныло отъ боли, терзалось, можетъ даже быть, ревностью. Захаръ отнялъ у нея Гришку. Съ каждымъ днемъ худѣла она и падала духомъ, къ великому удивленію тетки Анны и скорбному чувству преклоннаго отца, который, глядя на дочку, не переставалъ щурить подслѣповатые глаза свои и тоскливо качалъ бѣлою старческою головою.

При всемъ томъ, какъ только челнокъ мужа коснулся берега, она подошла къ самому краю площадки. Взглядъ мужа и движенія, его сопровождавшія, невольно заставили ее отступить назадъ: она никогда еще не видала такого страшнаго выраженія на лицѣ его. Дуня подавила, однакожъ, робость и, хотя не безъ замѣтнаго смущенія, передала мужу приказаніе тестя.

Въ отвѣтъ на это Гришка соскочилъ наземь, оглянулъ кругомъ, толкнулъ ногою челнокъ и яростно бросилъ весло на камни.

При этомъ страхъ овладѣлъ ею пуще еще прежняго; она снова отступила нѣсколько шаговъ. Гришка подошелъ къ ней съ поднятыми кулаками.

— Это все черезъ тебя! все ты! ты всему причиной! промолвилъ онъ, снова оглядываясь кругомъ и злобно потомъ стискивая зубы:—ты... черезъ тебя все вышло! подхватилъ онъ, возвышая голосъ:—это ты разсказала своему отцу про нашу силетку!.. ты разсказала ему, какая ты есть такая: черезъ эсто женили насъ!.. я-жъ тебѣ! погоди!..

— Гриша... Гриша!

Она не договорила своей мысли... Впрочемъ Гришка видѣлъ очень хорошо и безъ ея объясненія, что „сплетка“ ихъ и въ то время еще не могла оставаться тайной; теперь и подавно нельзя было бы скрыть ея. Все равно, рано ли, поздно ли, должны были открыть истину. Еслибъ хоть разъ поговорилъ онъ съ женою, хоть разъ обошелся съ ней ласково, Дуня, подавивъ въ себѣ остатокъ дѣвичьяго чувства, привела бы ему еще другое доказательство ихъ связи: авось-либо пересталъ бы онъ тогда упрекать ее, пожалѣлъ бы ее; авось помягче стало бы тогда его сердце, которое не столько было злобно, сколько пусто и испорчено. Но Гришка не зналъ послѣдняго обстоятельства. Сверхъ того, врядъ ли обратилъ бы онъ въ эту минуту на что-нибудь вниманіе. Слова Захара, какъ крѣпкій хмѣль, мутили разсудокъ Гришки. Къ тому же, бояться теперь было нечего: Глѣба не было дома—смѣло можно расходиться! Онъ осыпалъ Дуню ругательствами и упреками, грозилъ утопить ее, поджечь лачугу тестя, грозилъ убѣжать изъ дому, и Богъ знаетъ только, чего не наговорилъ онъ! Конечно, все это были одни лишь пустыя слова, дѣйствія разгоряченнаго не въ мѣру мозга,—слова, надъ которыми всякій другой посмѣялся бы вдоволь, пожалуй, еще намялъ бы ему хорошенько бока; но тѣмъ не менѣе слова эти поразили молоденькую женщину страшнымъ, невѣдомымъ до того горемъ.

Наконецъ Гришка кинулся въ челнокъ и, бросивъ на вѣтеръ еще нѣсколько новыхъ, безсмысленныхъ угрозъ, отчаянно махнулъ весломъ и полетѣлъ стрѣлою внизъ по теченію.

Приложивъ руки къ груди, едва переводя духъ и вздрагивая всѣмъ тѣломъ, Дуня направилась къ огороду, чтобы тамъ, на свободѣ, выплакать свое горе; но совладать съ горемъ, безъ привычки — дѣло мудреное! Слезы и рыданія захватили ее еще на половинѣ дороги.

Въ такомъ положеніи застала ее тетушка Анна, выходившая въ это время изъ воротъ.

— Ахти, батюшки! мать ты моя родная! что ты, касатушка? Христосъ съ тобою! воскликнула старушка, суетливо ковыляя къ снохѣ.

Тетка Анна, несмотря на всегдашнюю хлопотливость свою и вѣчную возню съ горшками, уже не въ первый разъ замѣчала, что хозяйка пріемыша была невесела; разочка два приводилось даже

видѣть ей, какъ сноха втихомолку плакала. „Знамо, не привыкла еще, по своей по дѣвичьей волюшкѣ жалится! Помнится, какъ меня замужъ выдали, три недѣлюшки голосила... Вѣстимо, жутко; а все пора бы перестать. Не съ злодѣями какими свелъ Господь; сама, чай, видитъ... Что плакать-то?“ думала старушка.

Рыданія Дуни не шутя смутили ее. Но чѣмъ усерднѣе суетилась она подлѣ снохи, чѣмъ усерднѣе ласкалась къ ней и уговаривала ее, тѣмъ сильнѣе плакала и рыдала Дуня. Голосъ участія и всевозможныя утѣшительныя соболѣзнованія дѣйствуютъ всегда отрицательно въ тѣхъ случаяхъ, когда сердце слишкомъ переполнено скорбью: они большею частью только раздражаютъ и безъ того уже раздраженное сердце человѣка, убитаго горемъ. Лучше всего предоставить его самому себѣ, дать ему полную волю наплакаться; время, тишина и покой — лучшіе утѣшители; слова утѣшенія въ этихъ случаяхъ часто разъясняютъ намъ всю цѣну того, что мы потеряли и что оплакиваемъ.

— Да ты мнѣ только скажи, болѣзная, на ушко шепни—шепни на ушко, съ чего вышло такое? приставала старушка, поправляя то-и-дѣло головной платокъ, который, отъ суеты и быстрыхъ движеній, поминутно сваливался ей на глаза. — Ты, болѣзная, не убивайся такъ-то; скажи только... на ушко шепни... а-и! а-и! Христосъ съ тобой!... Съ мужемъ, что ли, вышло у васъ что неладно?... и то, вишь, онъ безпутный какой! Плюнь ты на него, касатка! Что крушить-то себя понапрасну? полно... Погоди, вотъ старикъ придетъ: онъ ему дастъ!...

— Нѣтъ, матушка... развѣ я черезъ него?... такъ, сама не вѣдаю... не говори батюшкѣ... Христомъ-Богомъ прошу, не говори ты ему...

— Что говорить-то? и-и-и, касатка, я вѣдь такъ только... что говорить-то!... А коли черезъ него, безпутнаго, не крушись, говорю, плюнь,—да и все тутъ!... Я давно примѣтила, невесела ты у насъ... Полно, горюшица! авось теперь перемѣна будетъ: ушелъ теперь пріятель-то его... ну его совсѣмъ!... Знамо, тотъ, молодякъ, во всемъ его слушался; подучалъ его, парня-то, всему недоброму... Я сама и рѣчи-то его не однова слушала... тьфу! Пропадай онъ совсѣмъ, безпутный... Рада до смерти: ушелъ онъ отъ насъ... ну его!...

Но какъ бы тамъ ни было, былъ ли всему виною Захаръ, или другой кто, только тетушкѣ Аннѣ много разъ еще послѣ того привелось утѣшать молоденькую сноху свою. Къ счастію еще, случа-

лось всегда такъ, что старикъ ничего не замѣчалъ. Въ противномъ случаѣ, конечно, не обошлось бы безъ шуму и крику; чего добраго, Гришкѣ довелось бы, можетъ-статься, испытать, все ли еще крѣпки были кулаки у Глѣба Савиныча; Дунѣ, въ свой чередъ, пришлось бы тогда пролить еще больше слезъ.

Но Глѣбъ, занятый съ ранняго утра до поздняго вечера своими вершами и лодками (время рабочее проходило, и надо было поторопиться зашибить лишнюю копѣйку), не обращалъ никакого вниманія на житье-бытье молодыхъ. Недосугъ было; къ тому же, хотя зоркій, проницательный взглядъ старика въ послѣднее время притуплялся, ему все-таки легче было уловить едва замѣтное колебаніе поплавка или верши надъ водою, чѣмъ различить самое рѣзкое движеніе скорби или радости на лицѣ человѣческомъ. Старикъ глядѣлъ меньше на лицо, чѣмъ на руки. Приходилъ онъ домой въ обѣдъ или ужинъ и всякій разъ заставалъ Дуню въ хлопотахъ по хозяйству: чего-жъ ему еще? Онъ оставался очень доволенъ снохою. „Нѣтъ, не обманулъ меня сосѣдъ, думалъ Глѣбъ: дочка его, точно, хлопотунья, работящая бабенка, къ тому же смирна добре... Сначатія-то, какъ словно не такъ, чтобы совсѣмъ ладно повела себя, а теперь, грѣхъ сказать, попрекнуть нечѣмъ!...

Дуня, съ своей стороны, движимая, можетъ-статься, чувствомъ совѣстливости, которую пробуждалъ въ ней ея проступокъ, ревностно работала, стараясь этимъ способомъ загладить передъ тестемъ и тещею прежнюю вину свою. Со дня поступленія ея въ домъ, никто не слыхалъ отъ нея противнаго слова; несмотря на теперешнее трудное положеніе свое, она не только не отказывалась отъ дѣла, но даже сама добровольно хлопотала отъ зари до зари. Нѣжная, истинно материнская заботливость, которую обнаруживала тетушка Анна къ горшкамъ своимъ, встрѣтила въ Дунѣ опасную соперницу. Къ этому, не мѣшаетъ замѣтить, способствовалъ теперь отчасти самъ Гришка: день-ото-дня онъ дѣлался сговорчивѣе, переставалъ хмуриться и буянить. Наступившая зима подѣйствовала еще благодѣтельнѣе на отношенія молодыхъ. И то сказать надо: сколько ни отмалчивайся, сколько ни серчай, а пять зимнихъ мѣсяцевъ кряду— не выдержишь: хоть словечко да вымолвишь. Видно надоѣло Гришкѣ кипятиться попусту; зима въ избѣ, что тихое, семейное житье, худому не научитъ,—совѣтница добрая.

Починка сѣтей, плетеніе вершей, строганіе багровъ и веселъ, приготовленіе саковъ и поплавковъ заняли теперь исключительно

Глѣба: всѣ эти предметы представили обильную пищу неугомонной дѣятельности старика. Но что ни говори, строганіе веселъ и починка сѣтей дѣло все-таки мертвое сравнительно съ ловлею живой рыбки,—живой промыселъ. Страшные морозы, сковавшіе Оку ледяною корою, пригвоздили къ лавкѣ стараго рыбака; ничто уже не мѣшало ему теперь обратить частичку вниманія на жену, на житье-бытье молодыхъ, на хозяйство. Просиживая день-деньской въ избѣ, Глѣбъ окончательно вывелъ самое выгодное мнѣніе о снохѣ своей. Говоря объ этомъ предметѣ съ дѣдушкой Кондратіемъ, который частенько заглядывалъ на площадку — благо ходъ черезъ рѣку былъ теперь свободенъ — Глѣбъ не нахваливался. Добрыя слова сосѣда замѣтно веселили преклоннаго старичка. Впрочемъ, въ послѣднее время всѣ были какъ-то довольны и веселы. Но веселье и довольство овладѣли всѣми еще въ большой мѣрѣ, когда, къ исходу зимы, въ домѣ рыбака неожиданно появилась у печки люлька и вслѣдъ затѣмъ послышались дѣтскіе крики. Тутъ уже сѣдыя брови Глѣба какъ словно совсѣмъ расправились, а бѣлая голова дѣдушки Кондратія заходила еще пуще прежняго изъ стороны въ сторону; но уже не отъ заботъ и печали заходила она такимъ образомъ, а съ радости. О тетушкѣ Аннѣ и самой Дунѣ говорить нечего!.. Самые любимые горшки, самыя избранныя корчаги остались на время въ забвеніи!.. Даже Гришка—и тотъ сталъ весело, самодовольно потряхивать волосами.

Вмѣстѣ съ этимъ слабымъ дѣтскимъ крикомъ какъ словно какой-то животворный лучъ солнца глянулъ неожиданно въ темную закоптѣлую избу стараго рыбака, освѣтилъ всѣ лица, всѣ углы, стѣны, и даже проникъ въ самую душу обывателей; казалось, ангелъ-хранитель новорожденнаго младенца осѣнилъ крыломъ своимъ домъ Глѣба, площадку, даже самыя лодки, полузанесенныя снѣгомъ, и дальнюю, подернутую туманомъ окрестность.

Давно уже прошла капель съ кровель, прошелъ ледъ по Окѣ, уже прилетѣли скворцы и жаворонки, когда Дуня вышла въ первый разъ за ворота.

Былъ чудесный, теплый день только-что начинающейся весны.

Не знаю, воздухъ ли подѣйствовалъ такъ благодатно на Дуню, или душа ея была совершенно довольна (мудренаго нѣтъ: Гришка обращался съ ней совсѣмъ почти ласково), или, наконецъ роды поправили ее, какъ это часто случается, но она казалась на видъ еще бодрѣе, веселѣе и красивѣе, чѣмъ когда была въ дѣвкахъ.

*

А между тѣмъ на каждомъ плечѣ ея было по коромыслу и на каждомъ коромыслѣ висѣла не малая тяжесть рубахъ и всякаго другого тряпья; немало также предстояло ей заботъ: требовалось привести все это въ порядокъ, вымыть, развѣсить, просушить, прикинуть кой-гдѣ заплату, кой-гдѣ попросту прихватить нитками,—работы больно довольно. Она весело спустилась, однакожъ, къ концу площадки—туда, гдѣ, за большими камнями, шумѣлъ ручей, впадающій въ Оку, и такъ же весело принялась за дѣло.

Уже часъ постукивала она валькомъ, когда услышала за спиною чьи-то приближающіеся шаги. Нимало не сомнѣваясь, что шаги эти принадлежали тетушкѣ Аннѣ, которая спѣшила, вѣроятно, сообщить о крайней необходимости дать какъ можно скорѣе груди ребенку (заботливость старушки въ дѣлѣ кормленія кого бы то ни было, составляла, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ главныхъ свойствъ ея нрава), Дуня поспѣшила положить на камень бѣлье и валекъ и подняла голову. Передъ ней стоялъ Захаръ.

XXI.

Продолженіе предыдущаго.

Захаръ далеко уже не казался теперь тѣмъ щеголемъ, какимъ видѣли мы его на комаревской ярмаркѣ и потомъ у Глѣба. Одежда на немъ была, однакожъ, все та же, но потому-то самому, можетъ-статься, и была она такъ неказиста, что цѣлыхъ пять, шесть мѣсяцевъ кряду находилась безсмѣнно на плечахъ его. Широкіе синіе шаровары изъ крашенины, засученные до половины икры, съ цѣлью предохранить ихъ отъ грязи, но вѣрнѣе, чтобы скрыть лохмотья, которыми украшались они внизу какъ бахрамою, значительно побѣлѣли, мѣстами даже расползались. Жилета съ свѣтлыми пуговицами, этого знака отличія, которымъ спѣшитъ обзавестись всякій фабричный, какъ только проникается сознаніемъ личнаго превосходства своего надъ пахаремъ и лапотникомъ,—жилета, которымъ такъ справедливо гордился и дорожилъ Захаръ,—жилета, не было!.. Оставались одна только ситцевая, розовая рубашка и картузъ; да и тѣ сохраняли такіе сокрушительные слѣды дождей,

ныли и времени, смотрѣли такъ жалко, что наносили рѣшительное пораженіе внѣшнему достоинству сельскаго франта. Даже лицо его какъ будто износилось заодно съ картузомъ и рубашкой; оно, конечно, могло бы точно также плѣнять серпуховскихъ мѣщанокъ и фабричныхъ дѣвокъ, но не отличалось уже прежней полнотой и румянцемъ. Видно было, что Захаръ съ того времени, какъ простился съ Глѣбомъ, питался не одними калачами да сайками. За плечами его болталась, на концѣ палки, баранья шубенка такого отчаяннаго вида, какъ словно часа два сряду стрѣляли въ нее пулями. Невредимою осталась одна гармонія, да и то потому, я думаю, что матеріалы, ее составлявшіе, состояли большею частію изъ мѣди и дерева.

Со всѣмъ тѣмъ, Захаръ все-таки глядѣлъ съ прежнею наглостью и самоувѣренностью, не думалъ унывать или падать духомъ. Въ ястребиныхъ глазахъ его было даже что-то презрительно-насмѣшливое, когда случайно обращались они на прорѣхи рубашки. Казалось, жалкіе остатки „форсистой“ одежды были не на плечахъ его, а лежали скомканные на землѣ, и онъ попиралъ ихъ ногами, какъ предметы, недостойные вниманія.

Съ такимъ видомъ приблизился онъ къ хозяйкѣ пріемыша. Онъ подошелъ, однакожъ, не вдругъ: шаговъ за десять, когда Дуня не подозрѣвала о его прибытіи, Захаръ остановился, чтобы оправиться. Глаза его, между тѣмъ, любопытно слѣдили за каждымъ движеніемъ молоденькой, хорошенькой бабенки; они поочередно перебѣгали отъ полу-обнаженной груди, которую позволяло различать съ боку наклоненное положеніе женщины, къ полнымъ, бѣлымъ рукамъ, открытымъ выше локтя, и обнаженнымъ ногамъ, стоявшимъ въ ручьѣ и подрумяненнымъ брызгами холодной воды. Нельзя сказать утвердительно, какое впечатлѣніе произвелъ на Захара этотъ осмотръ; онъ казался сначала какъ будто удивленнымъ. Въ бытность свою у Глѣба онъ не удостоивалъ почти вниманіемъ хозяйку Гришки: называлъ ее „сухопарой козой, жимолостью“ и другими именами. Надо полагать, однакожъ, что на этотъ разъ Захаръ отказывался отъ прежняго мнѣнія, и впечатлѣніе, произведенное на него молодою женщиною, относилось къ ея чести. Онъ даже подмигнулъ, съ какимъ-то особеннымъ лукавствомъ, лѣвымъ глазомъ и, сдѣлавъ выразительный знакъ бровями, пошелъ прямо къ Дунѣ, не переставая охорашиваться.

— Здравствуй, Дунюшка!.. Какъ вы, Авдотья Кондратьевна,

живете-можете! сказалъ Захаръ, самодовольно ухмыляясь, между тѣмъ какъ Дуня поспѣшно застегивала запонку сорочки и обдергивала приподнятую поняву.

— Здравствуй, отвѣчала она, не обнаруживая ни радости, ни досады.

Мало-по-малу, съ внутреннимъ довольствомъ, изъ памяти ея изгладились слова тещи, которая увѣряла всегда, что Захаръ былъ главнымъ виновникомъ первыхъ ея горестей; она совсѣмъ почти забыла бывшаго товарища мужа.

— Не узнаешь, что ли?.. промолвилъ Захаръ, потряхивая головою:—сдается, не такъ чтобы оченно давно не видались,— старый дружокъ!..

— Какъ забыть?.. помню! вымолвила она, на этотъ разъ не очень весело:—откуда?.. прибавила она, принимаясь укладывать готовое бѣлье.

— А я изъ Клишина: тамъ и переѣхалъ; все берегомъ шелъ... Да не объ этомъ рѣчь: я, примѣрно, все насчетъ... рази такъ со старымъ-то дружкомъ встрѣчаются?.. Какъ словно и не узнала меня!.. А я такъ вотъ взглянулъ только въ эвту сторону, нарочно съ дороги свернулъ... Ужь вотъ тебя такъ мудрено признать—ей-Богу, правда!.. Вишь, какъ потолстѣла... какъ есть коломенская купчиха; расприкрасныя стали!.. Только бы и смотрѣлъ на тебя... Эхъ! произнесъ Захаръ, сдѣлавъ какой-то звукъ губами.

Дуня ничего не отвѣчала; она бросила взглядъ къ воротамъ и торопливо стала укладывать бѣлье на коромысло.

— А что̀, ваши всѣ дома?.. спросилъ Захаръ.

— Дома, отвѣчала Дуня, подымая коромысла и уравнивая ихъ на плечахъ.

— Плечики наѣстъ: дай подсоблю, обязательно промолвилъ Захаръ.

— Не надо: сама управлюсь.

— Что-жъ такъ?

— Да такъ; сама принесла, сама и отнесу, сухо сказала Дуня, направляясь къ избамъ.

Захаръ пріостановился, поглядѣлъ ей вслѣдъ и знаменательно подмигнулъ глазомъ; во все время, какъ подымался онъ за нею по площадкѣ, губы его сохраняли насмѣшливую улыбку—улыбку самонадѣяннаго человѣка, претерпѣвшаго легкую неудачу. Ястребиные глаза его сильнѣйшимъ образомъ противорѣчили, однакожъ, выра-

женію губъ, они не отрывались отъ молодой женщины и съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за нею.

Вступивъ подъ ворота, Захаръ тотчасъ же оставилъ свое преслѣдованіе и прямо пошелъ къ Глѣбу и Гришкѣ, которые работали подъ навѣсомъ.

— Здорово, хозяинъ! молодцовато воскликнулъ Захаръ, приподымая картузъ и дружелюбно кивая головою Гришкѣ, который поспѣшилъ отвѣтить товарищу тѣмъ же знакомъ.

— Здорово, братъ! проговорилъ Глѣбъ съ разстановкою:— отколѣ Богъ несетъ?

— А я теперича изъ Клишина; тамъ и переѣхалъ...

— А, примѣрно, гдѣ жилъ, спрашиваю? Переѣхать вездѣ можно, сказалъ старикъ, пристально оглядывая гостя.

— Жилъ больше по фабрикамъ... больше въ Серпуховѣ... тамъ есть у меня пріятель-фабрикантъ... у него больше пробавлялся, отвѣчалъ, безъ запинки, Захаръ.

— Такъ что-жъ ты такой общипанный? Стало-быть, пріятель-то худо разсчелся?

— Нѣтъ, разсчелся какъ слѣдуетъ!.. Въ себѣ перемѣны не вижу, все какъ быть должонъ! рѣшительно возразилъ Захаръ.

— Я говорю, какъ у насъ жилъ, локти, примѣрно, цѣлы были. Вотъ что я говорю.

— Мы носимъ по времени. Нарочно не взялъ хорошей одежды: оставилъ въ „Горахъ", у пріятеля... Хорошо и въ эвтой теперича: вишь, грязь, слякоть какая, самому давай Богъ притащиться, не токмо съ пожитками.

— Что-жъ, наниматься пришелъ?

— Пожалуй... потому больше, время теперича слободное... такимъ манеромъ, коли надобность есть, можемъ опять послужить.

— Нужды чтобы оченно большой нѣту... а все одно, взять можно, проговорилъ старикъ, стараясь показать совершеннѣйшее равнодушіе и не замѣчая, какъ Гришка подавалъ знаки, пояснявшіе Захару, что онъ пришелъ въ самонужную пору.

Глѣбъ, дѣйствительно, нуждался въ работникѣ; еще за двѣ недѣли передъ этимъ навѣдывался онъ въ Комарево и просилъ прислать ему батрака, если такой найдется, просилъ прислать въ наискорѣйшемъ времени. Появленіе Захара избавляло Глѣба отъ лишнихъ хлопотъ.

— Онъ хоша проклажаться и любитъ, да, по крайности, че-

ловѣкъ знакомый; знаю я его обычай, знаю, какъ съ нимъ и поуправиться. Другого наймешь, каковъ еще будетъ!

Разсуждая такимъ образомъ, старикъ не терялъ изъ виду прорѣхъ, которыми покрыта была одежда Захара. Эти прорѣхи служили основою многимъ соображеніямъ въ головѣ хитраго старика. Сомнѣваясь въ существованіи горскихъ и серпуховскихъ пріятелей, а также и въ одеждѣ, ввѣренной будто бы ихъ попеченію, Глѣбъ смекнулъ въ одно мгновеніе ока, что въ дѣлахъ Захара стали, какъ говорится, „тѣсные постояльцы", и что, слѣдственно, ему будетъ теперь не до торговъ—что дашь, то и возьметъ. Догадки старика были вѣрны во всѣхъ отношеніяхъ. Захару приходилось хоть въ петлю лѣзть; несмотря на знаки Гришки, которые поясняли ему, что работникъ нуженъ, онъ рѣшился не запрашивать большой цѣны, опасаясь, чтобы старикъ, чего добраго, не отказалъ взять его.

— Ну, что жъ? коли наниматься пришелъ, можно... Пойдемъ въ избу: тамъ переговоримъ; къ тому, и обѣдать время, сказалъ Глѣбъ, покрякивая и приподымаясь на ноги.

Результатомъ переговора было то, что Захаръ нанялся до осени, помѣсячно, у прежняго своего хозяина, Глѣба Савинова.

— Вотъ нелегкая принесла, прости Господи! сказала тетушка Анна, оставшись съ глазу на глазъ съ Дуней послѣ обѣда:—тьфу! провались онъ совсѣмъ!.. Вотъ, Дунюшка, погляди, коли опять не завертитъ Гришку. И въ ту-то пору убивалась ты все черезъ него, безпутнаго; я сама не однова и рѣчи-то его непутныя слушала... Тотъ, вѣстимо, и радъ тому: парень, знамо, еще глупый; во всемъ его, касатушка, слушаетъ... Ужъ такъ супротивенъ мнѣ этотъ охаверникъ Захаръ, такъ супротивенъ... не глядѣли бы глаза мои!.. Помяни мое слово, коли опять не свертитъ, окаянный, парня-то... словно приворожилъ его къ себѣ... Чай, смотри ужъ теперь гдѣ ни-на-есть шушукаются: знамо, тотъ, глупый, и радъ эвтому!

— И то, матушка, радъ, печально вымолвила Дуня:—во весь обѣдъ только и дѣло, что переглядывались...

— О-охъ! то-то, вотъ, болѣзная, не надыть бы его въ домъ пущать! перебила старушка, нетерпѣливо качая головою: —да что ты съ нимъ, съ нашимъ старикомъ, дѣлать-то станешь!.. Поди-ка скажи ему, сунься-ка—съ чѣмъ пришла, съ тѣмъ и уйдешь; ничегохонько-то онъ въ толкъ не возьметъ... Такой ужъ, видно, человѣкъ на свѣтѣ уродился! Скажи ему, хуже еще упрется; иную пору

самъ видитъ: дѣло ты говоришь, а перемѣны все нѣтъ никакой; что сказалъ напередъ: худо ли, хорошо ли, на томъ и поставитъ,— но его чтобъ было!.. И съ чего это польстился такъ на Захара на этого? Самъ вѣдь, касатка, на него жалился: и такой молъ, и сякой, говорилъ... а теперь опять взялъ... То-то вотъ, родная, корысть-то добре обуяла его; къ старости не надыть бы этому; а онъ пуще еще сталъ любить деньгу. Вотъ хошь бы намедни, говорю это ему: горшки, молъ, говорю, перебиты; купить, говорю, надо... сама говорю такъ-то, а у самой такъ вотъ по сердцу-то и подкатилось, словно и нивѣсть о какой бѣдѣ толкую ему: до того довелъ, касатка! какъ закричитъ на меня, насилу ноги унесла,— гроша мѣднаго не далъ... Вотъ вѣдь скупость-то какая!.. Больше, думаю и польстился на Захара, нанялъ его—мало денегъ запросилъ... Того, можетъ-статься, не вѣдаетъ: этакого охаверника, безпутнаго и даромъ-то никто не возьметъ... чай, такъ, безъ мѣста гдѣ-нибудь шатался, провалиться бы ему стамши! Не видишь его, помянешь только,—и тутъ нагрѣшишь! заключила съ сердцемъ старушка.

Догадки тетушки Анны не замедлили оправдаться. Прошло всего нѣсколько дней послѣ прихода Захара, а Дуня успѣла уже замѣтить въ своемъ мужѣ значительную перемѣну. Спустя мѣсяцъ какой нибудь, Гришка окончательно не тѣмъ сталъ, чѣмъ былъ до появленія товарища. Онъ не то, чтобы возобновилъ прежнее упорное молчаніе или снова сдѣлался мраченъ въ обращеніи съ женою, — совсѣмъ напротивъ: на этотъ разъ Гришка представлялъ изъ себя какого-то отчаяннаго лихача, безшабашнаго гуляку. Онъ не переставалъ хвастать передъ женою; говорилъ, что плевать теперь хочетъ на старика, въ грошъ его не ставитъ и не боится настолько,— при этомъ онъ показывалъ кончикъ прута или соломки и отплевывалъ обыкновенно точь-въ-точь, какъ дѣлалъ Захаръ; говорилъ, что самъ сталъ теперь себѣ хозяинъ, самъ обзавелся семьею, самъ надъ собой властенъ, никого не уважитъ—и, покажи ему только видъ какой, только его и знали: возьметъ жену, ребенка, станетъ жить своей волей; о мѣстахъ заботиться нечего: мѣстовъ не оберешься,—и не здѣшнимъ чета! Захаръ и то говорилъ, что такую ловкую бабенку, какъ Дуня, съ радостью примутъ на любой фабрикѣ, что самъ Захаръ похлопочетъ объ этомъ; что-жъ касается до Гришки, и толковать нечего! только свисни они съ Захаромъ, всѣ фабрики настежь, выбирай изъ любка-любую! То-то будетъ житье! Эхъ-ма, загуляемъ! держись только!

Когда Дуня останавливала его, онъ начиналъ браниться, заставлялъ ее молчать или, что еще хуже, начиналъ трунить надъ нею въ присутствіи Захара, называлъ ее просто дурой, часто даже самъ вызывалъ Захара посмѣяться надъ нею.

Дружба пріемыша съ работникомъ упрочивалась каждый день. Захаръ повидимому, сложилъ передъ Гришкой величавое свое достоинство: онъ обращался съ нимъ какъ съ ровней. Они были неразлучны. Дуня поминутно заставала ихъ сидящихъ въ какомъ-нибудь украйномъ мѣстѣ двора или въ лодкѣ. Захаръ пѣлъ пѣсни, наигрывая на гармоніи, или разговаривалъ. Гришка слушалъ его и украдкою покуривалъ трубку. Посреди этихъ дружескихъ разговоровъ, не-разъ приводилось ей слышать собственное свое имя, произносимое съ похвалою. Дружескія чувства Захара были такъ сильны, что невольно обращались на жену пріятеля. Онъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ трудахъ ея. Требовалось ли нести бѣлье на ручей и отдать кому-нибудь на руки ребенка, Захаръ являлся тотчасъ же къ услугамъ; онъ не спускалъ съ нея ястребиныхъ глазъ, старался всячески угодить ей и слѣдовалъ за ней повсюду. Скромность Захара заставляла его устроивать всегда такимъ образомъ, чтобы всѣ эти ухаживанія и угожденія оставались тайною для домашнихъ и были извѣстны одной только молодицѣ. Казалось, онъ вовсе не замѣчалъ, какъ сухо, какъ досадливо принимаемы были всегда молодой женщиной его услуги; она рѣдко даже отвѣчала ему, чаще всего отворачивалась и отходила прочь. Любезность Захара только возрастала. Стоило Дунѣ показаться одной на дворѣ или у огорода, она непремѣнно встрѣчала работника. Онъ дѣлалъ всегда видъ, какъ будто встрѣча произошла случайно; а между тѣмъ, откуда ни возьмись, въ рукахъ его появлялась неожиданно гармонія. Онъ прислонялся плечомъ къ воротамъ или плетню и умильно поглядывая на Дуню, тотчасъ же запѣвалъ, въ полголоса, какую-нибудь пѣсню, слегка подыгрывая на гармоніи. При малѣйшемъ движеніи молодки, онъ обращалъ глаза въ другую сторону, замолкалъ и ограничивался тѣмъ лишь, что сохранялъ прежнюю молодецкую осанку.

Но мало-по-малу, вмѣстѣ съ любезностію, въ немъ стала появляться особенная какая-то смѣлость. Разъ даже началъ онъ заигрывать съ Дуней. Кромѣ молоденькой бабы и работника, на дворѣ никого не было. Окинувъ быстрымъ взглядомъ навѣсы и крылечко, Захаръ ловко подкрался къ Дунѣ и нѣжно прошепталъ:

— Эки вы сахарныя, Авдотья Кондратьевна!

— Отстань! сказала она, вся вспыхнувъ отъ негодованія, и такъ сильно ударила его кулакомъ, что онъ отскочилъ въ сторону.

— Что же это вы какъ спѣсивитесь?.. полно, Дунюшка!.. промолвилъ Захаръ, снова приближаясь.

— Подступись только, низкій ты этакой! вскричала она, сжимая кулаки и становясь въ оборонительное положеніе.

— Ш-т! что ты кричишь-то... словно рѣжутъ тебя... произнесъ онъ, оглядываясь вокругъ.

— Нѣтъ, буду кричать—нарочно буду кричать...

— Полно тебѣ... ш-т!.. Авдотья Кондратьевна... перестань...

— Чего ты грозишь-то? чего стращаешь? думаешь, испугалась, подхватила она, все болѣе и болѣе возвышая голосъ: — нарочно буду кричать: пускай всѣ придутъ,—пускай всѣ узнаютъ, какой ты есть человѣкъ... Все разскажу про тебя, всѣ дѣла твои... Ахъ ты, низкій! да я и смотрѣть-то на тебя не хочу! Низкій этакой! кричала Дуня вслѣдъ Захару, который улепетывалъ со всѣхъ ногъ въ заднія ворота.

„А! такъ-то ты, голубушка!“ подумалъ Захаръ, приставляя глаза къ щелямъ плетня и пугливо оглядывая дворъ. „Ахъ ты, шушера! погоди-жъ, коли такъ: я тебѣ дамъ знать; будешь помнить Захарку!“

Къ счастію Захара, на голосъ Дуни никто не явился: всѣ домашніе находились на дальнемъ концѣ площадки,—и похожденіе его прошло никѣмъ не замѣченнымъ.

Съ того же дня Захаръ перемѣнилъ свое обращеніе съ Дуней. Онъ понялъ, что тутъ не то, что съ фабричными дѣвками: смѣлостью и удалью ничего не возьмешь—надо вести дѣло исподволь. Основываясь на этомъ, онъ совершенно оставилъ на первое время свои преслѣдованія и принялъ видъ человѣка, котораго обругали или оскорбили самымъ незаслуженнымъ образомъ.

— За что тогда осерчала на меня? сказалъ онъ при случаѣ Дунѣ:—маленечко такъ... посмѣялся... пошутилъ... а тебѣ и невѣсть что, примѣрно, показалось! Эхъ, Авдотья Кондратьевна! ошиблась ты во мнѣ! не тотъ, примѣрно, Захаръ человѣкъ есть: добрая душа моя! Я не токмо тебя жалѣю: живучи въ одномъ домѣ, все узнаешь; — мужа твоего добру учу,—черезъ эвто больше учу, выходитъ, тебя жалѣю... Кабы не я, не слова мои, не тѣ бы были черезъ него твои слезы! заключилъ Захаръ съ неподражаемымъ прямодушіемъ.

Въ его голосѣ былъ даже слышенъ упрекъ оскорбленной добродѣтели, которая приняла твердую рѣшимость отплачивать добромъ за причиненное зло.

И въ самомъ дѣлѣ, движимый, вѣроятно, этой мыслію, сталъ онъ съ нѣкоторыхъ поръ еще усерднѣе наставлять своего товарища. Дѣйствія Захара оставались совершенно закрытыми для домашнихъ. Но распутные поступки все равно, что злыя сѣмена: какъ глубоко ни запрятывай ихъ въ землю, рано или поздно, окажутся они на поверхности. Первый плодъ Захарова посѣва былъ небольшой зеленый штофъ, именуемый въ простонародьи „косушкой", который случайно увидѣла Дуня въ рукахъ своего мужа. За этимъ штофомъ не замедлили послѣдовать многіе штофы. Наставленія Захара попали, видно, въ плодоносную почву. Нерѣдко, въ ночное время, когда всѣ спали крѣпкимъ сномъ въ домѣ стараго рыбака, Гришка украдкою выбирался изъ клѣти, исчезалъ въ заднихъ воротахъ. Опасаясь навлечь на себя гнѣвъ мужа, Дуня дѣлала видъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ. Этой мѣрой она думала сохранить къ себѣ доброе расположеніе мужа. Говорить ему или усовѣщивать его— не поможетъ; пускай же по крайней мѣрѣ думаетъ онъ, что жена или ничего не видитъ, или за одно съ нимъ. Совсѣмъ тѣмъ, какъ только исчезалъ Гришка, она поспѣшно приподымалась съ постели и отправлялась по слѣдамъ его; она ясно различала тогда, при трепетномъ мерцаніи звѣздъ, какъ Гришку встрѣчалъ кто-то на дальнемъ концѣ площадки, и какъ потомъ оба они садились въ челнокъ и переплывали Оку. Куда и зачѣмъ отправлялись Захаръ и Гришка—Дуня не знала. Часто, полная безпокойства и трепетныхъ ожиданій, просиживала она цѣлую ночь на заваленкѣ, отрываясь только, чтобы покормить ребенка. Результатъ тайныхъ переправъ черезъ Оку былъ всегда тотъ, что Гришка возращался шибко навеселѣ. Разъ даже пришелъ онъ до того хмѣленъ, что началъ шумѣть и разбудилъ тетушку Анну, спавшую, съ молодыми, въ смежной клѣтушкѣ.

— Что̀ ты, безпутный, дѣлаешь-то, а? что̀ ты дѣлаешь? съ негодованіемъ заговорила старушка, прикладывая попеременно то ухо, то губы къ плетню, отдѣлявшему ее отъ Гришки;—ахъ ты, потерянный ты этакой!.. такъ-то ты!., погоди, погоди, дай старику-то встать: онъ те дастъ пьянствовать, безпутный ты этакой!..

При этомъ Гришка, грозившій въ самую эту минуту выбросить старика изъ саней, притихъ, какъ будто мгновенно опустили его на

самое дно Оки. Уложивъ мужа, Дуня тотчасъ же пошла къ тещѣ и упросила ее ничего не говорить Глѣбу; тетушка Анна долго не соглашалась: ей всего больше хотѣлось вывести на свѣжую воду этого плута-мошенника Захара,—но подъ конецъ умилостивилась и дала обѣщаніе молчать до поры, до времени. Все это ни къ чему, однакожъ, не послужило. Хотя Глѣбъ дѣйствительно ничего не видалъ, не слыхалъ и даже не подозрѣвалъ, но онъ все узналъ на другое же утро. Случай помогъ ему въ этомъ.

Глѣбу встрѣтилась надобность побывать чѣмъ-свѣтъ въ Комаревѣ; онъ узналъ наканунѣ, что одному изъ комаревскихъ фабрикантовъ требовалась для крестьянъ свѣжая рыбка: рыбка такая была у него, и онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ по принадлежности. Почти у самаго входа въ Комарево, недалеко отъ кабака Герасима, столкнулся онъ съ братомъ фабриканта, къ которому шелъ.

— А я вотъ, Глѣбъ Савиныч, только-что искалъ паренечка къ тебѣ послать, сказалъ, здороваясь, фабрикантъ.

— Рыбка, что ли, нужна? спросилъ старикъ, какъ бы съ трудомъ догадываясь о предметѣ посылки.

— Есть, что ли?

— Найдется... можно...

— Ну, такъ принеси; мотри, скорѣй только; я и то было встрѣтилъ вечоръ твоихъ молодцовъ: хотѣлъ наказать имъ...

— Какихъ молодцовъ? перебилъ Глѣбъ.

— Какихъ! извѣстно какихъ: твоего работника да еще другаго... Григорья, что ли?

— Гдѣ-жъ ты ихъ встрѣлъ?

— Гдѣ! извѣстно гдѣ: у насъ, въ Комаревѣ.

— Я не зналъ, что они сюда ходятъ, проговорилъ удивленный старикъ.

— Гдѣ-жъ тебѣ знать: бываютъ не днемъ—ночью; у васъ, я чай, всѣ давно спятъ.

— За какою же они надобностью сюда приходили?

— Экой ты, братецъ ты мой, чудной какой! народъ молодой: погулять хочетъ... Потому больше вечоръ и не наказывалъ имъ объ рыбкѣ: оба больно хмѣльны были; ну, да теперь самъ знаешь. Неси же скорѣй, смотри, рыбу-то!..

— Ладно, сейчасъ будетъ! проговорилъ Глѣбъ, нахмуривая брови и почесывая затылокъ.

Старый рыбакъ показалъ видъ, что идетъ домой, но какъ только

фабрикантъ исчезъ въ воротахъ, онъ поспѣшно вернулся назадъ и вошелъ въ кабакъ.

— А что, примѣрно, Герасимъ, спросилъ Глѣбъ, обращая глаза на безжизненное, отекшее лицо цѣловальника:—были у тебя вечоръ... мои робята?..

— Нязнаю!.. никакихъ я твоихъ робятъ нязнаю... проговорилъ Герасимъ, едва поворачивая голову къ собесѣднику и медленно похлопывая красными вѣками.

— Какъ не знаешь? нетерпѣливо вымолвилъ старикъ: — ты долженъ знать... потому это, примѣрно, твое выходитъ дѣло знать, кто у тебя бываетъ... не тысяча человѣкъ сидитъ у тебя по ночамъ... долженъ знать!..

— Не мое дѣло! невозмутимо проговорилъ цѣловальникъ, шлепая котами и направляясь за сосѣднюю перегородку.

Глѣбъ, у котораго раскипѣлось уже сердце, хотѣлъ было послѣдовать за нимъ, но въ самую эту минуту глаза его встрѣтились съ глазами племянника смѣдовскаго мельника—того самого, что присталъ къ нему на комаревской ярмаркѣ.— Это обстоятельство нимало не остановило бы старика, еслибъ не замѣтилъ онъ, что племянникъ мельника мигалъ ему изо всей мочи, указывая на выходную дверь кабака. Глѣбъ кивнулъ головою и тотчасъ же вышелъ на улицу. Черезъ минуту явился за нимъ мельниковъ племянникъ.

— Чего тебѣ? спросилъ Глѣбъ.

— Нѣтъ, погоди: здѣсь не годится; завернемъ за уголъ, Глѣбъ Савинычъ, неравно Герасимъ увидитъ...

— А что тебѣ до него?

— Нѣтъ, не годится; осерчаетъ...

— Тьфу, чтобъ васъ всѣхъ! съ сердцемъ произнесъ Глѣбъ, поворачивая, однакожъ, за уголъ.

— Ты спрашивалъ, Глѣбъ Савинычъ, про работника да еще про своего... какъ бишь его!..

— Ну!

— Ну, точно, были это они вечоръ здѣсь, самъ видѣлъ, своими глазами; ужъ такъ-то гуляли... и-и! То-то, вотъ, говорилъ тебѣ тогда: самый что ни есть пропащій этотъ твой Захарка! право же, ну; отсохни мои руки, коли годится тебѣ такой человѣкъ; не по тебѣ совсѣмъ...

— Объ этомъ сумлѣваться мое дѣло; тебя не спрашиваютъ; а,

примѣрно, знать хочу, чѣмъ они расплачивались за вино... али, можетъ, въ долгъ брали?..

— Расплачивались чѣмъ?.. Захаръ поилъ; онъ расплачивался,— деньгами расплачивался... а то чѣмъ же?..

— А не видалъ—рыбы, примѣрно, съ ними не было? не расплачивались они рыбой?.. перебилъ старикъ, пристально взглядывая въ лицо собесѣдника.

— Нѣтъ, рыбы не видалъ: платили деньгами; да все вѣдь одно... Ну, право же слово, не годится онъ тебѣ, не тотъ человѣкъ... я говорилъ тогда... Право, не годится; онъ и парня-то твоего споитъ! усердствовалъ племянникъ мельника.

Но рыбаку только и надо было знать. Онъ повернулся спиною къ парню и безъ дальнихъ объясненій вышелъ изъ Комарева.

Принимая въ соображеніе неудовольствіе, съ какимъ выслушивалъ Глѣбъ разсказъ фабриканта, можно было думать, что чувство досады превратится въ ярость, когда онъ окончательно удостовѣрится въ истинѣ всего слышаннго. Вышло совсѣмъ другое: извѣстіе, что платилъ Захаръ, и притомъ платилъ деньгами, мгновенно угомонило гнѣвъ старика. Первою мыслію его, какъ только провѣдалъ онъ о ночной прогулкѣ парней, было то, что Захаръ и Гришка утаиваютъ отъ него пойманную рыбу, ловятъ ее втихомолку, по ночамъ, безъ его вѣдома, и даютъ ее въ обмѣнъ за вино. Надо отнести къ чести рыбака: его въ этомъ случаѣ не столько возмущала пропажа рыбы (хотя и это отчасти щемило его за сердце), сколько самый поступокъ. Родного сына, самого Ваню, не помиловалъ бы онъ,—ни за что не помиловалъ бы за воровство. Глѣбъ пришелъ всетаки къ тому заключенію, что надо дать напрягай Гришкѣ и Захару. Онъ, конечно, не ограничился бы этимъ, еслибъ зналъ, въ какой мѣрѣ повторялись ночныя гулянки и попойки; но старикъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, ничего не подозрѣвалъ. Онъ думалъ, что это была первая продѣлка пріемыша въ такомъ родѣ, первое его ослушаніе, и потому рѣшился только постращать его хорошенько, чтобъ напередъ страхъ имѣлъ. А то, пожалуй, не сократить парня—дойдетъ и до того дѣло, взаправду станутъ красть рыбу.

Такому снисходительному рѣшенію немало также способствовало хорошее расположеніе старика, который радовался втихомолку случаю выгодно сбыть пойманную вчера рыбку. Рыбка, въ послѣднее

время, дѣйствительно плохо что-то ловилась и приносила рѣдкіе барыши: нельзя же было не порадоваться!

Когда челнокъ Глѣба присталъ къ берегу, Захаръ и Гришка занимались на площадкѣ развѣшиваніемъ бредня.

Оставивъ весло и шапку въ челнокѣ, старикъ прямо пошелъ къ пріемышу.

— Гдѣ ты былъ ноньче ночью, а? спросилъ онъ, останавливаясь передъ парнемъ.

При этомъ неожиданномъ вопросѣ, Гришка остолбенѣлъ, какъ будто его стукнули по головѣ; онъ опѣшилъ совершенно.

Захаръ, между тѣмъ, поспѣшно отошелъ нѣсколько шаговъ, пригнулся къ бредню и такъ усердно принялся за работу, что можно было думать, что онъ ничего не слышитъ и не видитъ.

— Тебя спрашиваютъ, говори, гдѣ былъ? нетерпѣливо повторилъ старикъ.

— Я... батюшка... гдѣ?.. я не знаю, про что ты говоришь, пробормоталъ Гришка, пятясь назадъ и украдкою косясь на Захара.

Но Захару было не до Гришки: работа, казалось, поглощала его совершенно.

— Ты со мной толкомъ говори! сказалъ Глѣбъ, возвышая голосъ:—что ты мнѣ турусы путаешь... говори,—ну!..

— Гдѣ-жъ мнѣ быть, коли не дома?.. оправляясь произнесъ парень.

— Ой-ли!.. а кто-жъ въ кабакѣ-то былъ, а?..

— Провалиться мнѣ на этомъ... началъ было Гришка, но старикъ не далъ ему договорить.

— Ну, ладно, промолвилъ онъ, нахмуривая брови и поворачиваясь къ работнику:—Захаръ, поди сюда и ты...

Захаръ быстро выпрямился, весело тряхнулъ волосами и приблизился, сохраняя на лицѣ своемъ выраженіе школьника, котораго учитель вызываетъ на середину класса, съ тѣмъ, чтобы поставить въ примѣръ товарищамъ.

— Ну, слушай!.. слушай и ты!.. произнесъ старикъ, обращая суровые взгляды поочередно то на одного, то на другого:—у меня. чтобъ это было въ послѣдній,—слышь, въ послѣдній, говорю! Узнаю, раздѣлаюсь съ вами по-свойски: тебя проучу... ты у меня на эвтомъ мѣстѣ трое сутокъ проваляешься, я те найду укромное мѣсто... Тебя Захаръ, одного-единаго часу держать не стану, со двора сгоню!

Коли пьянствовать хочешь, ступай къ своимъ пріятелямъ въ Серпуховъ, либо въ другое мѣсто: тамъ и распутничай!.. А то пришелъ въ чужой домъ, къ чужимъ людямъ, да другихъ еще сманивать вздумалъ!.. Зависть беретъ, видно, на хорошее житье; самъ распутствуешь, довелъ себя до того—одни лохмотья на спинѣ только и есть... и другихъ къ тому же подвести хочешь!.. Губи себя самъ, коли пришла такая охота, жизнь тебѣ не дорога; дображничаешь до сумы; дойдешь, можетъ-статься, и до того,—кандалы набьютъ, дарового хлѣбца отвѣдаешь, узнаешь, примѣрно, въ какихъ мѣстахъ остроги стоятъ!.. За худымъ пошелъ—худое и найдешь... Другихъ только не тронь; самъ съ собою управляйся, какъ знаешь; пожалуй вовсе не наблюдай себя,—а къ чужимъ людямъ пришелъ, живи какъ велятъ—вотъ что! А ты, Гришка, въ послѣдній говорю: выкинь дурь изъ головы; увижу что, оборони тебя Богъ; тогда на себя одного пеняй: самъ, значитъ, захотѣлъ—говорено было!.. Ну, пошелъ въ избу, спроси у старухи ведро да сюда неси! неожиданно заключилъ Глѣбъ, поворачиваясь лицомъ къ Окѣ.

Онъ направился къ ручью. Почти противъ того мѣста, гдѣ ручей впадалъ въ рѣку, изъ воды выглядывала верхушка огромной плетеной корзины, куда Глѣбъ пряталъ живую рыбу. Пока выбиралъ онъ изъ этого самодѣльнаго садка рыбу, пріемышъ успѣлъ вернуться съ ведромъ.

Нѣсколько минутъ спустя, оба отчалили отъ берега.

Во все это время Захаръ не переставалъ возиться съ бреднемъ; усердіе его было безпримѣрно: онъ не поднялъ даже головы надъ работой!

Какимъ образомъ, стоя спиною къ Окѣ, могъ увидѣть Захаръ, что Глѣбъ переѣхалъ рѣку и какъ затѣмъ исчезъ въ кустахъ—неизвѣстно; но только онъ мгновенно тряхнулъ головою, плюнулъ сажени на три и развалился на пескѣ. Глаза его слѣдили съ какимъ-то нетерпѣливымъ лукавствомъ за Гришкой, который возвращался назадъ.

Увидѣвъ нахмуренное лицо пріемыша, Захаръ залился тоненькимъ, дребезжащимъ смѣхомъ.

Гришка отвернулся и съ досадою бросилъ весло. Послѣ того онъ сѣлъ на земь, уткнулъ локти въ колѣни и положилъ голову въ ладони.

Выходка эта окончательно, повидимому, расшотѣшила Захара: онъ залился еще звончѣе прежняго.

— Ну, что глотку-то дерешь? съ сердцемъ сказалъ пріемышъ: — тебѣ все смѣшки да смѣшки...

— А то какъ же! по бабьи зарюмить, стало быть? насмѣшливо перебилъ Захаръ.—Ай да Глѣбъ Савинычъ! уважилъ. нечего сказать!.. Ну, что жъ ты, братецъ ты мой, поплачь хоть однимъ глазкомъ... то-то поглядѣлъ бы на тебя!.. Э-хъ!.. дѣтина, дѣтина, не стоишь ты алтына! промолвилъ Захаръ.

И лицо его сдѣлалось вдругъ недовольнымъ.

— Гдѣ тебѣ жить въ людяхъ по своей волѣ, продолжалъ онъ, тономъ презрѣнія:—только что вотъ куражишься! „я, да я!“ а покажи кулакъ: „батюшка, взмилуйся!“ оторопѣлъ, тотчасъ и на попятный...

— Видали мы и тебя... самъ больно хороберъ... что-жъ ты молчалъ-то! проворчалъ Гришка.

— Не о себѣ говорю, дружище! произнесъ, поддразнивая, Захаръ:—мое дѣло сторона; ноньче здѣсь, завтра нѣтъ меня! не съ чего шуму заводить: взялъ пачпортъ, да и былъ таковъ; сами по себѣ живемъ; такимъ манеромъ, Глѣбъ ли, другой ли хозяинъ, командовать нами не можетъ никто; кричи онъ, надсажайся: для насъ это все единственно; черезъ это насъ не убудетъ! Тебѣ съ нимъ жить: оттого, примѣрно, и говорю; поддавайся ему, онъ те не такъ еще скрутитъ!..

Гришка ничего не отвѣчалъ и только отвернулся.

Захаръ также отвернулся, подперся локтемъ и принялся безпечно посвистывать. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ Захаръ снова обратился къ пріемышу; на лицѣ его не было уже замѣтно признака насмѣшки или презрѣнія.

— Гришка, сказалъ онъ тономъ дружбы и товарищества:— полно тебѣ... Ну, что ты, въ самомъ дѣлѣ? Слушай: вѣдь дѣло-то, братецъ ты мой, выходитъ неладно; надо полагать, кто-нибудь изъ домашнихъ сфискалилъ. Самъ старикъ, какъ есть, ничего не зналъ!

— Старуха сказала; она и то намедни грозилась, отвѣчалъ Гришка, откидывая назадъ волосы.

— Ну, нѣтъ, братъ, сдается не такъ. У нея коли надобность есть какая, подступить не смѣетъ, три дня округъ мужа-то ходитъ.

— Кто-жъ, по твоему?.. жена? та не посмѣетъ.

— Что говорить! тебя спросится!

— Небось не скажетъ: побоится.

— Какъ не бояться!

— Знамо, боится! хвастливо произнесъ Гришка.

— Много, братъ, форсу берешь — вотъ что! глядѣлъ бы лучше.

— А что?

— Да то же... Кабы глядѣлъ, не стала бы она фискалить.

— Ты рази видѣлъ? вымолвилъ пріемышъ, оживляясь до послѣдняго суставчика.

— Не видалъ бы, не сталъ бы говорить; стало-быть, видѣлъ.

— Ну! вымолвилъ Гришка, у котораго при этомъ опустились брови и задрожали ноздри.

— Выходитъ, была, что ли, надобность съ старикомъ шушукаться.

— Когда? спросилъ Гришка, бросая злобный взглядъ по направленію къ воротамъ.

— Нынче утромъ, передъ тѣмъ самымъ временемъ, какъ старику идти въ Комарево.

Гришка сжалъ кулаки и сдѣлалъ движеніе, чтобы приподняться на ноги; но Захаръ поспѣшилъ удержать его.

— Ну, что ты, полоумный! драться, что ли, захотѣлъ! Я рази къ тому говорю... Ничего не возьмешь, хуже будетъ... Полно тебѣ, сказалъ Захаръ: — я, примѣрно, говорю, надо не вдругъ, исподволь... Переговори, сначатія постращай, такимъ манеромъ, а не то, чтобы кулаками. Баба смирная: ей и того довольно — будетъ страхъ имѣть!.. она пошла на это не по злобѣ: такъ, можетъ-статься, тебя вечоръ запужалась...

— Все одно! я-жъ ее проучу! перебилъ Гришка, не отрывая отъ воротъ грозно сверкающихъ глазъ.

— А проучишь, такъ самого проучатъ: руки-то окоротятъ!.. Ты въ ней не властенъ; сунься только, старикъ-атъ самого оттреплетъ!.. Намъ въ этомъ заказу не было: я какъ женатъ былъ, начала это такъ же отцу фискалить; задалъ ей трезвону — и все тутъ... Тебѣ этого нельзя: поддался разъ, дѣлать нечего, сократись, такимъ манеромъ... Погоди! постой... куда? заключилъ Захаръ, видя, что Гришка подымался на ноги.

На этотъ разъ, однакожъ, Захаръ, движимый, вѣроятно какими-нибудь особенными соображеніями, не удержалъ Гришку. Онъ ограничился тѣмъ лишь, что слѣдилъ за товарищемъ глазами во все время, какъ тотъ подымался по площадкѣ. Какъ только Гришка

скрылся въ воротахъ, Захаръ проворно вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ къ избамъ, но не вошелъ на дворъ, а притаился за воротами.

Ступивъ на дворъ, Гришка натолкнулся прямехонько на жену.

— Ты это зачѣмъ отцу разсказывала, а? крикнулъ онъ, останавливаясь передъ ней.

— Что ты... Христосъ съ тобою... проговорила Дуня, блѣднѣя,

— Зачѣмъ разсказала отцу? говори! подхватилъ онъ, яростно замахиваясь кулакомъ.

— Матушка! невольно вырвалось изъ груди Дуни.

— А... такъ-то... кричать! прошепталъ онъ, стискивая зубы, и бросился на нее.

Но въ эту самую минуту на крылечкѣ показалась Анна, а изъ воротъ выскочилъ Захаръ. Послѣдній, казалось, только этого и ждалъ. Оба кинулись на Гришку, который окончательно уже освирѣпѣлъ и, не взирая на двухъ заступниковъ, продолжалъ тормошить жену.

— Батюшки свѣты! б-а-тюшки! держите его... окаяннаго! Ахъ, мои касатики! бабу-то отымите! завопила старушка, протискиваясь между мужемъ и женою.

— Оставь, пусти, хозяюшка! неравно еще зашибетъ. Вишь, полоумный какой! заботливо сказалъ Захаръ, отслоняя одною рукою старуху, другою—отталкивая Гришку.

— Ты что? крикнулъ пріемышъ:—не твое дѣло!

— Нѣтъ, врешь! погоди, братъ... драться не велятъ! подхватилъ, съ необычайною горячностію, Захаръ, который нарочно между тѣмъ раззадорилъ Гришку, нарочно затѣялъ все это дѣло, чтобы доставить себѣ случай явиться заступникомъ Дуни.—Погоди, милый дружокъ! продолжалъ онъ, обхватывая пріемыша, который снова было бросился къ женѣ:—ахъ ты, сумасбродный! развѣ я не говорилъ тебѣ?.. Авдотья Кондратьевна... отходи... Не бойся, Захаръ не пуститъ! Нѣтъ, врешь, братъ, не вывернешься... справимся! ступай-ка, ступай! заключилъ Захаръ, подхватывая Гришку и увлекая его, съ необыкновенною ловкостію, на площадку.

— Глупый! что ты дѣлаешь-то, а? я разве не говорилъ тебѣ? примирительно подхватилъ Захаръ, все еще не выпуская Гришку, хотя они были уже довольно далеко отъ дому:—полно ершиться-то, бѣшеный! хошь бы отозвалъ ее куда, а то при старухѣ!..

— Подвернется... одна будетъ... не уйдетъ отъ меня!.. я ей дамъ знать... задыхаясь проговорилъ пріемышъ.

— Ну, тогда-то и дѣло будетъ, а не теперь же! старуха все разскажетъ... Экой ты, право, какой, братецъ ты мой! Говоришь: не замай, оставь; нѣтъ, надо было... Эхъ, шутъ ты этакой, и тутъ не съумѣлъ сдѣлать!.. промолвилъ Захаръ, голосомъ, который легко могъ бы поддѣть и не такого „мимолетнаго", взбалмошнаго парня, какимъ былъ Гришка.

Но хитро-сплетенная штука Захара, несмотря даже на совершенно удачное выполненіе,—такое выполненіе, которое могло сдѣлать честь Ловласу и не въ ситцевой набивной рубашкѣ по сорока копѣекъ за аршинъ,—не принесла, однакожъ, ожидаемыхъ результатовъ. Во всемъ, впрочемъ, оказался виноватымъ самъ Захаръ. Онъ хотя и сообразилъ, что съ женою Гришки не годится дѣйствовать на манеръ серпуховскихъ мѣщанокъ—ничего не возьмешь, что тутъ надо вести дѣло исподволь,—но не выдержалъ такого плана. Самоувѣренность вывела дѣло на чистоту. Обнадеженный успѣхомъ своей продѣлки и ни мало не сомнѣваясь, что теперь дѣло пойдетъ навѣрняка—умѣй только взяться—онъ рѣшился сдѣлать приступъ на другой же день послѣ описанной нами сцены. Все благопріятствовало этому. Гришка, посланный Глѣбомъ въ Сосновку, за какимъ-то дѣломъ, долженъ былъ возвратиться не ранѣе вечера. Самому Глѣбу какъ-то нездоровилось послѣ вчерашней прогулки въ Комарево. Старикъ потягивался весь день въ избѣ, на лавкѣ.

Какъ только наступилъ послѣобѣденный отдыхъ, Захаръ отправился подъ навѣсъ, примазалъ волосы, подвелъ ихъ скобкою къ вискамъ, самодовольно покрутилъ головою, взялъ въ руки гармонію, пробрался въ узенькій проулокъ къ огороду и сталъ выжидать Дуню, которая должна была явиться развѣшивать бѣлье.

Въ то самое время, какъ Захаръ стоялъ насторожѣ, тетушка Анна сторожила, въ свою очередь, минуту, когда Дуня выйдетъ изъ избы развѣшивать бѣлье. Старушка сказала, правда, спохѣ своей, что вчерашнее происшествіе, равно какъ и другія продѣлки Гришки, останутся шиты и крыты, но въ душѣ своей рѣшилась разсказать обо всемъ мужу. Оставшись одна глазъ на глазъ съ Глѣбомъ, который все еще лежалъ на лавкѣ, она почувствовала вдругъ неизъяснимую робость: точно сердце оторвалось у нея. На томъ бы, можетъ статься, и остановилось дѣло, еслибъ Глѣбъ не заговорилъ съ нею. Онъ завелъ рѣчь о хозяйствѣ и говорилъ словоохотливо. Это

обстоятельство придало тотчасъ же духу женѣ. Она подошла къ лавкѣ и повѣдала ему безъ обиняковъ все, что лежало на душѣ. Разсказавъ о вчерашнемъ происшествіи, о ночныхъ похожденіяхъ Гришки, и сдѣлавъ свои замѣчанія насчетъ того, что Гришка сталъ хмѣлемъ зашибаться, старушка перешла къ Захару. По мнѣнію ея, Захаръ былъ во всемъ главнымъ зачинщикомъ и виновникомъ. Онъ втравилъ Гришку во всѣ недобрыя дѣла. Ей самой сколько разъ приводилось слышать его непутныя рѣчи. Недѣли за три передъ тѣмъ, Дуня сказала тещѣ, что Захаръ не даетъ ей проходу, всячески подольщается къ ней и разъ далъ волю рукамъ. Старушка передала точно также и это обстоятельство мужу. Изъ словъ ея значилось ясно, какъ дважды-два—четыре, что Захаръ погубилъ Гришку.

Зная нравъ Глѣба, каждый легко себѣ представитъ, какъ приняты были имъ всѣ эти извѣстія. Онъ приказалъ женѣ остаться въ избѣ, самъ поднялся съ лавки, провелъ ладонью по лицу своему, на которомъ не было уже замѣтно кровинки, и вышелъ на крылечко. Заслышавъ голосъ Дуни, раздавшійся въ проулкѣ, онъ остановился. Это обстоятельство дало, повидимому, другое направленіе его мыслямъ. Онъ не пошелъ къ заднимъ воротамъ, какъ прежде имѣлъ намѣреніе, но выбрался на площадку, обогнулъ навѣсы и притаился за уголъ.

— Провалиться на этомъ мѣстѣ, когда знаю, за что такъ не взлюбила! говорилъ Захаръ, заискивающимъ голосомъ:—эти слова твои, что говоришь, выходитъ, напрасно, потому единственно, мы такими дѣлами не занимались... Если и было что, знаетъ одна моя добрая душа, какъ, примѣрно, дѣло было... Я не то, чтобы худому училъ его... стараюсь изо всѣхъ силъ, а все для тебя, потрафить, былъ бы, примѣрно... произвести его какъ есть настоящимъ человѣкомъ... наровлю, примѣрно, каковъ Захаръ есть, то все едино единственно долженъ быть и Гришка... Кабы не добрая моя душа, онъ вчера волоска бы на тебѣ не оставилъ. Сама, я чай, видѣла, какъ я его уговаривалъ, безпутнаго! забралъ въ голову, ты, вишь, отцу сказала... я и такъ и сякъ... Кабы не я...

— Ахъ, ты безсовѣстный, безсовѣстный! воскликнула Дуня дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—какъ у тебя языкъ не отсохнетъ говорить такія рѣчи!.. Кого ты морочишь, низкій ты этакой? развѣ я не знаю! Мнѣ Гришка все разсказалъ: ты, ты, низкая твоя душа, завѣрилъ его, я, вишь, отцу сказала... Да накажи меня Го-

сподь послѣ того, накажи меня въ младенцѣ моемъ, коли сама теперь не повѣдаю отцу объ дѣлахъ твоихъ...

Глѣбъ не дослушалъ остального. Онъ выскочилъ изъ-за угла и ринулся съ поднятыми кулаками на Захара. Несмотря на неожиданное нападеніе, тотъ ловко, однакожъ, вывернулся, отскочилъ на нѣсколько шаговъ, тряхнулъ волосами и сталъ въ оборонительное положеніе.

— Эй, слышь, рукамъ воли не давай! сказалъ онъ, размахивая гармоніей.

Однимъ ударомъ кулака, Глѣбъ послалъ гармонію на самую середину огорода.

— Батюшка, брось его! оставь лучше! воскликнула блѣдная какъ смерть Дуня, бросаясь къ старику.

Но тотъ сурово оттолкнулъ ее и снова, грозный, дрожащій отъ гнѣва, подошелъ къ Захару.

— Такъ вотъ ты какими дѣлами промышляешь! вскричалъ старикъ задыхающимся голосомъ:—мало того, парня погубилъ, совратилъ его съ пути, научилъ пьянствовать, втравилъ въ распутство всякое,—теперь польстился на жену его! Хочешь посрамить всю семью мою! всѣхъ насъ, какъ злодѣй, опутать хочешь!.. Вонъ изъ моего дому, тварь ты этакая! вонъ! Чтобы духу твоего здѣсь не было! Вонъ! промолвилъ старикъ, замахиваясь кулакомъ.

— Погоди, братъ, драться не велятъ! произнесъ Захаръ, отступая, но все еще молодцуя: присутствіе Дуни придавало ему нѣкоторую храбрость:—уйду; что-жъ такое? Надо, я чай, разсчитаться...

— Какіе съ тобой разсчеты, нищій! ты мнѣ еще долженъ, не я тебѣ. За двѣ недѣли забралъ деньги впередъ, а еще разсчетовъ требуешь... Вонъ, говорю, вонъ ступай съ того мѣста, гдѣ стоишь!.. Ступай, говорю! не доводи до грѣха... Вонъ!..

— Уйду. Что куражишься! не больно испужались... не на таковскаго напалъ. Уйду, не заплачу... Дай пожитки взять! промолвилъ Захаръ съ чувствомъ достоинства.

Глѣбъ отворилъ ворота ударомъ кулака, вошелъ на дворъ, сорвалъ съ шеста тулупчикъ и картузъ работника, единственные его пожитки, вернулся въ проулокъ и бросилъ ихъ къ ногамъ Захара. Захаръ успѣлъ уже въ это время завладѣть гармоніей.

— Можно и потише, проговорилъ Захаръ, подбирая тулупчикъ.

— Ступай же теперь! закричалъ старикъ, у котораго, при видѣ работника, снова закипѣло сердце:—къ дому моему не подходи!

Увижу на порогѣ, плохо будетъ! Врагъ попуталъ, когда нанималъ-то тебя... Вонъ! вонъ! продолжалъ онъ, преслѣдуя Захара, который, нахлобучивъ молодцовато картузъ и перекинувъ черезъ плечо полушубокъ, покидалъ площадку.

Возвратясь на дворъ, Глѣбъ увидѣлъ на крыльцѣ Дуню, которая сидѣла, закрывъ лицо руками, и горько плакала. Подлѣ нея стояла, пригорюнясь, тетушка Анна. Глѣбъ прямо пошелъ къ нимъ.

— Ты о чемъ, Дуня? что этого-то мошенника со двора согналъ, радоваться надыть, а не убиваться! сказалъ онъ, разстроеннымъ голосомъ, которому старался придать ласковое выраженіе.—Полно, перестань: ты ни въ чемъ не виновата. Во всемъ моя вина, зачѣмъ не доглядывалъ. Много пожилъ на свѣтѣ, пора бы, кажется, выучиться распознавать, каковъ таковъ есть человѣкъ—дурной, либо хорошій. Авось, какъ мужа твоего негоднаго поучу, авось и тогда, Богъ дастъ, дѣло справимъ... Полно же... говорю... Уфъ! усталъ!.. Вотъ маленечко того, погорячился... не стоило того... ну его совсѣмъ! Усталъ. Словно какъ кровь во мнѣ разыгралась. Въ ушахъ шумитъ... Схожу, поразомнусь: отца твоего провѣдаю, авось полегче станетъ!..

Глѣбъ засталъ дѣдушку Кондратія, по обыкновенію, за добрымъ дѣломъ. Старикъ сидѣлъ на порогѣ своей лачужки и, грѣясь на солнышкѣ, строгалъ обломкомъ косы длинную хворостину, предназначавшуюся для новой удочки. Глѣбъ подсѣлъ къ нему.

— А я, дядя, примѣрно, вотъ зачѣмъ... худыя дѣла вершаются у насъ въ домѣ, сказалъ Глѣбъ.

— Христосъ оборони и помилуй! промолвилъ дѣдушка Кондратій, опуская на-земь обломокъ косы и хворостину и медленно творя крестное знаменіе.

— Да вотъ такъ и такъ, началъ Глѣбъ и передалъ ему во всѣхъ подробностяхъ о случившемся.

Онъ сообщилъ ему о томъ, что выгналъ Захара, разсказалъ, за что выгналъ его, разсказалъ всѣ его продѣлки, перешелъ потомъ къ Гришкѣ, повѣдалъ все слышанное о немъ отъ Анны и присовокупилъ къ тому свои собственныя замѣчанія.

— Обманулся я въ немъ, дядя,—шибко обманулся! примолвилъ Глѣбъ, потряхивая уже совсѣмъ посѣдѣвшими теперь кудрями:— что̀ говорить, съ молоду ненадеженъ былъ, озорливъ не въ примѣръ другому... Былъ тогда и другой парнишка у меня... Вмѣстѣ росли:

такъ оно, выходитъ, все тогда на виду было... А все не чаялъ, пойдетъ онъ у меня худымъ путемъ... Самъ видишь, какое дѣло... Больше затѣмъ пришелъ къ тебѣ, какъ ты, примѣрно, разсудишь... Оставить такъ не годится. Надо, пока время есть, сократить его, при самомъ началѣ. По моему, мало нагрѣть ему бока: образумится, пока болѣть станутъ, а тамъ опять, пожалуй, за свое примется. Надо, примѣрно, другое сыскать средствіе... какъ ты скажешь?..

— По моему, коли слова моего послушать пришелъ, Глѣбъ Савинычъ, не тронь ты его. Пуще того, не грози, не подымай рукъ, смиренно возразилъ старикъ, хотя на лицѣ его проступало выраженіе глубокаго огорченія:—побоями да страхомъ ничего ты не сдѣлаешь. Не тѣ ужъ лѣта его, и нравъ не тотъ. Неровѣнъ человѣкъ, Глѣбъ Савинычъ! Господь и лѣса не сравнялъ, не только человѣка. Судишь по себѣ, по своей душѣ судишь. Смотришь, и обознался: иной человѣкъ-то хищнѣе звѣря лютаго... Оставь ты его, не тронь. По моему, переговори лучше добрымъ словомъ, возьми кротостію да терпѣніемъ. А пуще того, помолимся о немъ, попросимъ Господа: авось уйметъ Онъ его сердце!.. А что бить-то? Хуже еще возмутится отъ того душа его. Возьметъ злобу на тебя, на домашнихъ, на житье свое: тошнѣй тогда будетъ ему, да и всѣмъ вамъ... Много, Глѣбъ Савинычъ, много, признаться, и я въ немъ обознался!.. Мало ли положилъ онъ песку въ мое сердце! Что то вотъ словно сердце мое чуяло, какъ женили мы его. Не чаялъ я въ немъ и тогда степенства: мало добра въ тѣхъ дѣлахъ, что худымъ начались!.. И то сказать надо, Глѣбъ Савинычъ, не ему... нѣтъ, не ему прочилъ я свою дочку... была она у меня одна радость въ глазу, одно утѣшеніе. Денно и ночно молилъ о ней всевышняго Создателя! Не дошли, видно, мои молитвы. Стало, прогнѣвалъ я Его грѣхами своими тяжкими! заключилъ старикъ, съ покорностію опуская свою бѣлую голову.

Трудно рѣшить, слова-ли дѣдушки Кондратія измѣнили образъ мыслей Глѣба, или подѣйствовали на него воспоминанія о возлюбленномъ сынѣ, — воспоминанія, которыя во всѣхъ случаяхъ его жизни, во всякое время и во всякій часъ способны были размягчить крѣпкую душу стараго рыбака, наполнить ее грустію и сорвать съ нея загрубѣлую оболочку; или же, наконецъ, способствовало самое время, преклонные года Глѣба, которые замѣтно ослабляли его крутой, ретивый нравъ, охлаждали кровь и энергію, — но только онъ послушался совѣтовъ дѣдушки Кондратія. Возвратясь домой,

Глѣбъ пальцемъ не тронулъ пріемыша. Онъ приказалъ ему слѣдовать за собою и пошелъ къ лодкамъ.

Тетушка Анна и Дуня поспѣшили броситься къ воротамъ. Дрожа и замирая отъ страха, онѣ приложили блѣдныя лица къ щелкамъ воротъ; но сколько ни слѣдили онѣ за движеніями грознаго старика, ожидая съ минуты на минуту, что онъ тутъ же, на мѣстѣ, пришибетъ Гришку, ожиданія ихъ не оправдались. Глѣбъ, однакожъ, говорилъ съ пріемышемъ. Рѣчь его, сначала суровая и отрывистая, замѣтно смягчалась, по мѣрѣ того, какъ онъ, истощивъ жестокія, укорительныя слова, коснулся воспоминаній дѣтства пріемыша. Очевиднымъ дѣлалось, что, неразлучно съ этими воспоминаніями, въ душѣ старика возникали другія, болѣе драгоцѣнныя воспоминанія.

— Я тебя возростилъ все одно какъ родного сына, а это все, выходитъ, напрасно только о тебѣ заботился! заключилъ Глѣбъ; —думалъ, отнялъ у меня Господь дѣтей, ты останешься намъ въ утѣху, станешь объ насъ сокрушаться да беречь подъ старость,—а замѣсто того наровишь, какъ бы злодѣемъ нашимъ стать! Вспомни, Гришка, вѣдь ты жилъ у меня, какъ односемьянинъ, пятнадцать лѣтъ, слышишь, пятнадцать лѣтъ дѣлилъ я съ тобою хлѣбъ-соль, кормилъ, обувалъ тебя... Рази, по вашему, за добро зломъ надо отплачивать?.. Не о себѣ говорю: мой вѣкъ не долгъ. Говорю, подумай ты о себѣ: вѣдь у тебя жена и дѣти. Звѣрь безчувственный, и тотъ о дѣтяхъ своихъ заботу имѣетъ... Опомнись, говорю: выкинь дурь-то изъ головы... Вспомнишь слова мои, да поздно будетъ!.. Худыя дѣла къ добру не поведутъ... Люди не взыщутъ— Господь тебя покараетъ! Брось, говорю!.. Врагъ тебя путаетъ... помолись Богу, за дѣло возьмись... А о прошломъ не поминай... пропадай оно совсѣмъ!..

Но разумные совѣты благодѣтеля не произвели рѣшительно никакого дѣйствія на пріемыша. Первые два дня дѣйствительно ходилъ онъ мрачный и задумчивый. Онъ какъ будто сознавалъ вину свою и каялся. Но чувство это мгновенно уступило мѣсто мелочной досадѣ и злобѣ, какъ только узналъ онъ отъ жены настоящую причину изгнанія Захара. Онъ ждалъ только случая посчитаться съ товарищемъ, который обманулъ его. За неимѣніемъ Захара, Гришка вымещалъ досаду, втихомолку, на женѣ. Но мимолетная, соломенная душа Гришки, какъ мѣтко назвалъ ее Захаръ, неспособна была долго сосредоточивать въ себѣ одно какое-нибудь чувство. Злоба, дружба, досада, примиреніе,—все смѣнялось одно другимъ, съ не-

обычайною быстротою. Легкая, пустая душа его вспыхивала такъ же быстро, какъ зажженная солома, но за то скоро и потухала. Прошли двѣ-три недѣли; въ сердцѣ Гришки возникло, вмѣстѣ со скукою, сожалѣніе о томъ, что не было Захара, съ которымъ такъ весело, бывало, коротаешь однообразные часы послѣобѣденнаго времени. Сожалѣніе живо смѣнилось радостію, когда случайно провѣдалъ онъ, что Захаръ поселился въ одной изъ комаревскихъ фабрикъ. Съ той минуты онъ только и помышлялъ о томъ, какъ бы встрѣтиться съ прежнимъ товарищемъ. Такъ вотъ и подмывало его юркнуть на луговой берегъ. Комарево стало для него тѣмъ же, чѣмъ было когда-то озеро дѣдушки Кондратія. Случай не замедлилъ представиться, не замедлили также осуществиться мечты пріемыша: онъ встрѣтился съ Захаромъ. Встрѣча была радостная съ обѣихъ сторонъ. О старомъ, конечно, не было и помину.

И снова очертя голову задурилъ Гришка. Снова, когда темная ночь окутывала площадку, Оку и луга, и когда старики, утомленные дневными трудами, крѣпко засыпали, началъ онъ украдкою исчезать изъ клѣтушки,— снова, полная безпокойства, затаенной грусти и трепетныхъ ожиданій, стала просиживать Дуня цѣлыя ночи на заваленкѣ, карауля возвращеніе безпутнаго мужа и отрываясь тогда лишь, когда призывалъ ее слабый крикъ младенца.

XXII.

Крѣпкій старикъ.

— Полно, дядя!.. Ну что, въ самомъ дѣлѣ, уперся, на одномъ сталъ: „нѣтъ, да нѣтъ, не приходится,—то да сё!“ Слушать, выходитъ, нечего. Полно, говорю, перебирайся-ка ты взаправду ко мнѣ,— лучше дѣло-то будетъ; по душѣ, примѣрно, говорю, не изъ чего другого; а „то: нѣтъ, да нѣтъ!“ Съ чего жъ нѣтъ-то? съ чего отнѣкиваться-то? говорилъ Глѣбъ, сидючи разъ какъ-то, подъ вечеръ, съ дѣдушкой Кондратіемъ на заваленкѣ, противъ площадки.—Жили мы съ тобой почитай двадцать лѣтъ по-сосѣдски, какъ слѣдуетъ— ладно и безобидно. Вотъ какъ жили: два сапога—одна пара!.. Ты обо мнѣ извѣщенъ; знаю, примѣрно, и я, каковъ ты есть такой

человѣкъ. Будь ты мнѣ чужой, неизвѣданный—ну не сталъ бы разговаривать... Чужіе-то люди, неизвѣданные, вотъ гдѣ у меня сидятъ—на самой на шеѣ... Ты намъ не чужой: дочка твоя живетъ въ моемъ домѣ—породнились, выходитъ... И добро бы самъ пришелъ ко мнѣ: „возьми, молъ, меня, Глѣбъ Савинычъ“,—сталъ бы такъ-то, примѣрно, напрашиваться; вѣдь я же заговорилъ сперва-на-перво; и говорю: „ступай, молъ, дядя, жить ко мнѣ!“ Дѣло выходитъ, полюбовное, незаказное... выходитъ, и сумлѣваться нечего!.. На чемъ же твоя совѣсть?.. Дѣло, какъ есть, на чистоту выходитъ...

— Спасибо, Глѣбъ Савинычъ, на добромъ словѣ твоемъ, ласково возразилъ дѣдушка Кондратій:—говоришь ты со мною по душѣ: точно, въ рѣчахъ твоихъ нѣтъ помышленія, окромя мнѣ добра желаешь; потому и я должонъ по душѣ говорить: худъ буду я человѣкъ, коли тебя послушаю;—право такъ: неправильно поступлю, согрѣшу противъ совѣсти!..

— Съ чего-жъ такъ!.. Эвна! послушай поди, что толкуетъ-то, а?.. не слушали бы уши мои! Все это, выходитъ, дядя, пустое говоришь только—вотъ что! воскликнулъ Глѣбъ.

— Полно, сосѣдъ, не грѣши; послушай прежде, осуждай потомъ, кротко возразилъ старикъ.—Вотъ ты говоришь: приходи жить ко мнѣ! Хорошо: польщусь я на такое твое доброе слово — приду. Значитъ, стану только даромъ хлѣбъ ѣсть, за спасибо стану объѣдать тебя!.. Положимъ, ты не взыщешь, не взыщешь по доброй по душѣ своей—люди осудятъ: „пристроилъ, скажутъ, дочку, нашелъ ей укромное, теплое гнѣздо у добрыхъ у людей, да и самъ туда же примостился, благо пустили; живетъ, скажутъ, хлѣбъ жуетъ сложа руки,—даромъ, скажутъ, не работамши!“ И скажутъ-то правильно—вотъ что! А пуще того попрекнетъ своя совѣсть... Послушаю я тебя, поступлю по твоему — неугодное сотворю передъ Господомъ! Пока Господь грѣхамъ терпитъ, не отымаетъ рукъ, пока глаза видятъ, должонъ всякъ человѣкъ трудиться, должонъ пробавляться самъ собою, какія бы ни были его лѣта... Труды наши—та же молитва передъ Господомъ! Всякая тварь на землѣ: муравей, мошка какая-нибудь,—и тѣ трудятся: а человѣкъ должонъ и подавно! Коли трудишься, значитъ—радуешься за жизнь, доволенъ, значитъ, ею... Труды—наша благодарность Господу за Его великія для насъ милости! Коли человѣкъ ропчетъ на земное бытье свое — опостыла его жизнь; бросаетъ онъ тогда всякое о себѣ попеченіе, не мила работа ему, перестанетъ трудиться... Святые отцы, Глѣбъ

Савинычъ, въ трудахъ жили! Апостолы Христовы также трудились... были изъ нихъ такіе же, какъ мы, рыбари,—стало, трудъ на себя принимали...

— Знамо, такъ. Да я, примѣрно, не о томъ говорю, рази я говорю: приходи, дядя, ко мнѣ даромъ хлѣбъ ѣсть, — рази я это говорю? перебилъ Глѣбъ:—зову тебя на подмогу: станешь, примѣрно, мнѣ подсоблять... рази это тебѣ не работа?.. Въ чемъ не осилишь — знамо, лѣта твои уже немолодыя, иной разъ и радъ бы сдѣлать то, другое, да не по моготѣ—ну, и Богъ съ тобою! Знамо, попрекать да понукать не станемъ: не тотъ, примѣрно, ты человѣкъ; довольно тебя знаю: не охотникъ сидѣть сложа руки, проклажаться не любишь, старикъ къ работѣ завистливый, хлопотунъ... Не то, примѣрно, жилъ вотъ у меня, лѣтъ двадцать тому, сватъ... Акимомъ звали... Ты его знаешь... али запамятовалъ?.. Мудренаго нѣтъ: человѣкъ былъ пустой, самый незамѣтный... да вотъ ты никакъ въ тотъ самый годъ, какъ ему помереть, озеро снялъ... ну, что толковать: ну, отецъ Гришки, тотъ самый! Такъ тотъ, бывало... у того вотъ эти только скворечницы на умѣ: скворечницы да дудки для ребятъ — тутъ вся его и работа была!.. А скажешь, бывало: „сватъ, Акимъ, скажешь: ступай сѣти таскать!“ — „Охъ, животъ подвело, моченьки моей нѣтъ!“ Скажи потомъ: „сватъ, молъ, Акимъ, ступай щи хлѣбать!“ Ну, на это гораздъ былъ; тутъ объ животѣ нѣтъ и помину; день-деньской, бывало, на печи обжигается, нѣтъ-нѣтъ да поохаетъ: однимъ понуканьемъ только и руки-то у него двигались... самый, что ни-на-есть, пустой человѣкъ былъ... Такъ вотъ, дядя, къ примѣру такому говорю, рази ты съ нимъ подъ одну стать?.. Слава-те, Господи, знаю я тебя не первый день! Въ двадцать-то лѣтъ было время насмотрѣться!.. Говорю — подсоблять станешь; въ большой на тебя надеждѣ: затѣмъ, примѣрно, и говорю. Самъ видишь, лѣто подходитъ къ концу, скоро листопадъ, осень; пойдетъ у насъ пора самая любезная, а рукъ мало,— недостача въ рукахъ! Нѣтъ батраковъ, да и полно! что ты станешь дѣлать!.. Три раза въ Комарево попавѣдывался, три раза сулили прислать,—все нѣтъ, да нѣтъ: затѣмъ-то и говорю теперь: ступай, говорю, жить ко мнѣ! Подъ стать, выходитъ, были бы мнѣ твои хлопотливыя руки! Самъ-то старъ добре становлюсь, хлопотать-то—силы мои ужъ не тѣ: года побороли! одинъ съ Гришкой не управлюсь; кабы ты присосѣдился — ну, и пошло бы у насъ на ладъ: я старикъ, ты другой старикъ, а вмѣстѣ — все одно вы-

ходитъ, одинъ молодой парень; другому-то молодяку супротивъ насъ, такихъ стариковъ, пожалуй что и не вытянуть!.. Народъ-то ныньче добре клёвъ сталъ, слабъ... износился, стало-быть, что ли?.. Оно и все такъ-то: вотъ хошь бы теперь одинъ палецъ — ну, что въ немъ! Хлёба ломоть, и тотъ не отрѣжешь! а подведи къ нему другой, да третій, да четвертый — тутъ и вся ладонь... сила, выходитъ... что захотѣлъ, то, примѣрно, и сдѣлалъ; такъ-то и мы съ тобою...

— Разумная твоя рѣчь, Глѣбъ Савинычъ: есть что послушать! произнесъ дѣдушка Кондратій съ добродушною улыбкою: — только вотъ добре на меня много понадѣялся... Самъ посуди, какая и въ чемъ можетъ быть тебѣ моя помощь? Въ чемъ могу я подсобить тебѣ?.. Взгляни-ка ты на себя, взгляни на меня потомъ: вѣдь ты передо мной, что дубъ стогодовалый; я же передъ тобой — былiе; всякій вѣтеръ качаетъ, всякій паренёкъ, хошь бы вотъ мой внучекъ, Дунинъ сынишка, и тотъ къ землѣ пригнетъ!.. Какая я тебѣ помога?.. Лишняя только тягота, лишнiе зубы при хлѣбѣ... и зубовъ-то, и тѣхъ ужъ ни одного нѣтъ...

— Опять за свое! Ты что ни говори ему, онъ все свое поетъ! воскликнулъ Глѣбъ, махнувъ рукою: — я-жъ те говорю — никто другой, слышь, я говорю: не твоя, выходитъ, объ этомъ забота; знаю я, каковъ ты есть такой,—мое это дѣло! Коли зову, стало, толкъ въ этомъ вижу!..

— Было время, точно былъ во мнѣ толкъ... ушли мои года, ушла и сила... Вотъ толкъ-то въ нашемъ братѣ — сила! Ушла она—куда ты годенъ?.. Ну, что говорить, поработалъ и я, потрудился-таки, немало потрудился на вѣку своемъ... ну, и перестать пора... Время пришло не о суетѣ мiрской помышлять, не о житейскихъ дѣлахъ помышлять надо, Глѣбъ Савинычъ, о другомъ помышлять надо!..

— Все такъ... вѣстимо... что говорить... А все, коли Господь не отыметъ у человѣка жизнь, продлитъ его дни, все надо какъ-нибудь пробавляться! Живемъ на мiру, промежъ людей; должны руками кормиться...

— Тружусь по мѣрѣ силъ своихъ, не гнѣвлю Господа Бога!.. О-сю-пору, Глѣбъ Савинычъ, благодаря милосердiю Всевышняго, никто не попрекнулъ чужимъ хлѣбомъ. Окромя своего заработаннаго, другого не ѣлъ... благодарю за то Господа!

— Да, братецъ ты мой, одно ты только въ толкъ возьми:

надо взять, примѣрно, въ разсужденье: стоитъ ли хлѣбъ-то, который ты ѣшь, трудовъ-то твоихъ? Самъ говорилъ не однова: другой разъ день-деньской сидишь на берегу съ удою, день-деньской печешься на солнцѣ, а все ничего! Хошь бы пискарь какой, либо колюшка подвернулась!.. Съ чѣмъ пришелъ — пустой былъ кувшинъ — съ тѣмъ и уйдешь!.. Выходитъ, напрасны только были труды твои... Вотъ о чемъ я толкую! У меня, по крайности, такъ хошь сидѣть-то напрасно не станешь; дѣло, выходитъ, веселѣе тогда будетъ, занятнѣе! Все сердце-то возрадуется, какъ потянешь уду-то... глядь, анъ окунекъ или лещъ... Какъ толкъ-то въ работѣ есть, видишь, труды ненапрасны... Благословилъ Господь, такъ и согрѣшишь меньше... ей-Богу, право! Ину пору вершу-то вынешь изъ воды, насилу на плечѣ унесешь, ну, и благодаришь Творца; инда душа-то въ тебѣ радуется, какъ словно даже человѣкъ другой—лучше прежняго сталъ... Право, дядя!.. А что въ томъ: трудишься, трудишься, все нѣтъ ничего... ну, и согрѣшишь! Самъ потомъ не радъ; ходишь, какъ словно сомнѣваешься въ чемъ... а согрѣшишь, не утерпишь; потому часъ не ровенъ, дядя, вотъ что:.. Да я бы, кажется, что хошь давай, трехъ бы денъ не выжилъ на твоемъ озерѣ — ей Богу, право!.. По мнѣ, пискари эти да колюшки, мелкота эта, хошь бы ее вовсе не было! Самое пустое, нестоющее дѣло!.. И добро бы вволю-то было ихъ; а то, самъ говоришь: день-ото-дня плоше да плоше, нѣтъ ловли никакой... изъ чего-жъ бьешься-то?.. Не говорю о барышахъ — какіе барыши!.. Давай Богъ оброкъ комарникамъ за наемъ озера выплатить!.. Десять цѣлковыхъ въ годъ деньги невелики, а все взять откуда-нибудь надо!.. Ну, положимъ, сведешь концы съ концами, надо также и о своихъ нуждахъ подумать...

— Мои нужды небольшія, Глѣбъ Савинычъ: хлѣбушка кусочекъ, да свѣчку къ образу было бы изъ чего поставить — вотъ и всѣ мои нужды!

— Мало-мало, а все же надо! А ну, какъ рыба-то, пискари эти да колюшки... ну ихъ совсѣмъ... какъ совсѣмъ перестанутъ ловиться?

— Что-жъ?.. Его на то святая воля!.. Богъ далъ, Богъ и взялъ; никто окромя Него въ этомъ не властенъ.

— А ну, какъ плевокъ на нее нападетъ, на рыбу-то, тогда что?

— Заслужилъ, значитъ, тяжкими грѣхами своими; не долженъ и тогда роптать!

— Да вѣдь кормиться-то надо же. Знамо, человѣкъ безъ хлѣба не живетъ!..

— Самую что ни на-есть мелкую пташку, и ту не оставляетъ Господь безъ призрѣнія, Глѣбъ Савинычъ, и объ той заботится Творецъ милосердый! Много разсыпалъ Онъ по землѣ всякаго жита, много зеренъ на поляхъ и дорогахъ! Немало также и добрыхъ людей посылаетъ Господь на помощь ближнему-неимущему!.. Тогда... тогда къ тебѣ приду, Глѣбъ Савинычъ!

— Чѣмъ тогда кланяться, ступай лучше теперь: самъ зову!

— Нѣтъ, кланяться и тогда не стану: земля землѣ не кланяется!.. А такъ, зная твою добрую душу, приду, скажу: „не подъ силу, молъ, не смогу достать хлѣбецъ своими трудами; дай уголокъ помереть покойно“... только и скажу.

— Нѣтъ, тебя видно не уломаешь! Эхъ, дядя! дядя! право, какой!.. норовишь только, какъ бы вотъ меня къ осени безъ рукъ оставить,—ей Богу, такъ! заключилъ Глѣбъ, не то шутливо, не то задумчиво, потряхивая сѣдыми кудрями.

Такого рода объясненія происходили довольно часто между двумя стариками; съ приближеніемъ осени Глѣбъ сталъ еще убѣдительнѣе упрашивать дѣдушку Кондратія. Нельзя сказать, чтобы цѣль, управлявшая въ этомъ случаѣ Глѣбомъ, основывалась исключительно на одномъ разсчетѣ; нельзя сказать опять-таки, что разсчетъ не входилъ въ составъ убѣжденій Глѣба. Трудолюбивая, дѣятельная природа стараго рыбака возмущалась при видѣ бездѣйствія: почти въ равной степени возмущали ее труды и старанія, направленные безъ цѣли, не приносившіе ровно никакой пользы. Въ немъ невольно пробуждалось тогда какое-то досадливое сожалѣніе, что-то похожее на чувство, съ какимъ смотритъ добросовѣстный труженикъ на золото, выброшенное за окно рукою богача. Въ самомъ честномъ сердцѣ является невольное желаніе завладѣть этимъ брошеннымъ золотомъ. Глѣбу хотѣлось точно также воспользоваться руками сосѣда. „Что это, прости Господи!—ни себѣ, ни людямъ!“ думалъ Глѣбъ, который никакъ не могъ взять въ толкъ причины отказовъ старика; онъ не понималъ ея точно такъ же, какъ не понималъ, чтобы смерть жены могла заставить дѣдушку Кондратія наложить на себя обѣщаніе вѣчнаго поста. „Живи онъ у меня, по крайности хошь намъ выйдетъ черезъ него польза: мнѣ подсоблять станетъ!.. Да и ему лучше: округъ все свои, не чужіе; при дочери будетъ, при внучкѣ... вѣдь ластится же къ нему, не наглядится;

тогда хоть весь день возись съ нимъ! Такъ вотъ нѣтъ же, поди: уперся на своемъ, не уломаешь никакъ!.. Мытанится такъ, попусту, воду толчетъ на своемъ озерѣ... провались оно, пересохни совсѣмъ!“ Такъ думалъ и говорилъ Глѣбъ; но убѣжденія его не подвигали впередъ дѣла: дѣдушка Кондратій оставался при своемъ. А между тѣмъ подошла осень. Батраки изъ Комарева не думали являться; впрочемъ, давно уже прошло время наймовъ. Въ году всего два срока: отъ вешняго Николы до Петровокъ; отъ Петровокъ до заговѣнья. Петровки были давно за горами, что-жъ касается до второго срока, надо было думать раньше: всѣ работники, какіе только были, находились уже по мѣстамъ. Глѣбъ самъ видѣлъ, какого далъ маху, самъ сознавался въ этомъ, и потому, чтобы какъ-нибудь извернуться, принялся за промыселъ съ какимъ-то пугливымъ усердіемъ. Старикъ не давалъ себѣ отдыха ни днемъ, ни ночью. Онъ трудился со всею горячностью, какую сохранила его кровь, его стариковскія жилы,—трудился съ тою неумѣренностью, какую прикладываетъ всякій простолюдинъ къ дѣйствіямъ, приносящимъ личную, существенную выгоду.

Не знаю, въ какой степени дѣйствуетъ на французскаго мужика или на англійскаго, перспектива барыша: надо полагать, одушевляетъ она и тѣхъ и другихъ въ равной степени, которая ничѣмъ не уступаетъ степени одушевленія русскаго мужика. Но разница есть, однакожъ, въ цѣли и послѣдствіяхъ пріобрѣтенія. Прибыль на волосъ не измѣнитъ матеріальнаго быта русскаго мужика: съ умноженіемъ средствъ охотно остается онъ въ той же курной избѣ, въ томъ же полушубкѣ; дѣти бѣгаютъ по прежнему босикомъ, жена по прежнему не моетъ горшковъ. Какъ бы ни были велики барыши русскаго простолюдина, единственное измѣненіе въ его домашнемъ быту будетъ заключаться въ двухъ-трехъ лубочныхъ картинкахъ, прибитыхъ вкривь и вкось, и на живую нитку, стѣнныхъ часахъ съ росписнымъ неизмѣримымъ циферблатомъ и кукушкой, и мѣдномъ, разъ въ вѣкъ лужеиомъ, никогда нечищенномъ самоварѣ. Былъ у меня одинъ знакомый старичокъ—увы! его уже нѣтъ на свѣтѣ!—который, имѣя тысячъ двѣсти капиталу въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ, ходилъ въ поддевкѣ, въ заплатанныхъ сапогахъ. Это, положимъ, куда бы еще ни шло: надо быть снисходительнымъ къ старости. Но горе въ томъ, что онъ постоянно отказывался учить грамотѣ дѣтей своихъ: „не на что“, говорилъ онъ, „нанять учителя!“ Дѣтей своихъ онъ любилъ, однакожъ: ла-

скалъ ихъ и няньчилъ съ утра до вечера. Его усовѣщевали почти каждый день; каждый день ему говорили: „полноте гнѣвить Бога, перестаньте жаловаться на недостатокъ: всякій знаетъ, что у васъ есть деньги въ ломбардѣ.“ При этомъ старикъ выходилъ изъ себя и возражалъ съ горячностью: „Такъ развѣ то, что лежитъ въ ломбардѣ, деньги? развѣ можно ихъ тратить?.. это не деньги, это „капиталъ!“ Онъ умеръ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что капиталъ— не деньги! Точка воззрѣнія нашего простолюдина на барыши, въ сущности, не измѣняется. Въ самомъ дѣлѣ такъ: посмотрите на житье-бытье нашихъ мѣщанъ, купцовъ средняго сословія, разбогатѣвшихъ мужиковъ, содержателей постоялыхъ дворовъ: въ ихъ домашнемъ быту не найдете вы ровно никакой перемѣны противъ того, какъ жили они безъ барышей, бѣдняками. А между тѣмъ хлопочутъ они съ утра до вечера, и рѣдко увидите вы ихъ руки праздными; въ дѣйствіяхъ видны даже какая-то суета и торопливость, какъ будто запоздали они съ какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ и спѣшатъ нагнать потерянное время; замѣтно желаніе сдѣлать скоро, живьемъ, на живую нитку; мѣра на глазъ, вѣсъ на угадъ! какъ словно гонитъ кто, какъ словно нужда крайняя постигла, какъ словно не получитъ сегодня барыша, такъ завтра пропадать навѣрное! Въ виду барыша, они не щадятъ себя, рады уничтожиться, забываютъ, что руки ихъ и кости не желѣзныя. Изъ чего же вся эта ненасытная жажда къ пріобрѣтенію? изъ чего хлопочутъ, торопятся, мытащатся? какъ говоритъ Глѣбъ. Изъ чего, наконецъ, самъ Глѣбъ бьется какъ рыба объ ледъ? И добро бы управляла имъ на этотъ разъ его неугомонная, дѣятельная природа; но на этотъ разъ и того даже не было. Глѣбъ трудился противъ силъ; всегда крѣпкій и здоровый какъ дубъ, онъ не переставалъ жаловаться на поясницу, на ломоту въ плечахъ и ребрахъ, не переставалъ даже жаловаться на усталость, чего за нимъ отъ роду не водилось. Но обстоятельство это, вмѣсто того, чтобы ослабить въ немъ духъ, казалось, усиливало только ту принужденную пугливую дѣятельность, о которой мы говорили выше; не мало также способствовало къ тому время, которое, какъ на зло, сильнѣйшимъ образомъ благопріятствовало промыслу: рыба ловилась отлично. Взглянувъ на него, можно было думать, что отъ успѣха промысла настоящей осени зависѣла судьба всей его жизни, всего его семейства. Онъ рѣшительно выбивался изъ силъ.

— Полно тебѣ, Глѣбъ Савинычъ, утруждать себя такъ-то; вздохни маленько! не тѣ уже лѣта твои! частенько говорилъ дѣ-

душка Кондратій, видя, какъ сосѣдъ надрывался:—самъ говоришь, одышка добре пуще одолѣла; жалуешься, поясница болитъ. Какъ не болѣть, какой трудъ на себя принимаешь! Лѣта, знать, твои сказываются; сколько ни обманывай ихъ, сколько ни крѣпись, они свое возьмутъ... Смотри, какой трудъ на себя принимаешь: молодой, и тотъ умается. Полно, послушай меня, Господь благословилъ тебя достаткомъ: изъ чего хлопочешь?.. Въ твои года пересилишь, надорвешься, ввѣкъ потомъ не поправишь: наша стариковская кость хрупкая... Полно тебѣ надсажаться, вздохни, говорю!..

— Эхъ толкуешь ты, дядя! восклицалъ обыкновенно Глѣбъ, посмѣиваясь (удачливый промыселъ невольно веселилъ душу стараго рыбака);—что-жъ, по твоему, развѣсить сѣти, разложить верши по берегу, самому сѣсть, поджамши ноги, да смотрѣть, какъ щука хвостомъ бьетъ?.. Какъ у тебя на твоемъ на озерѣ пискари одни да колюшки, мелкота эта настоящая, такъ ты толкуешь!.. Вишь какое у насъ раздолье! вишь она, наша кормилица, рыбка-то, какъ разыгралась... радуется, значитъ, веселится!.. Хорошо говорить такъ-то передъ озеромъ сидючи, передъ лужей! а нутка-сь, усиди-ка здѣсь поди! наскучитъ глазами-то хлопать; самого небось разберетъ охота!.. вишь, какъ играетъ... вишь эвна! любо дорого смотрѣть-то! примолвилъ Глѣбъ, указывая рукою на круги, которые мѣстами появлялись на гладкой поверхности Оки, расширялись, разбѣгались серебряными обручами и наконецъ исчезали, уступая мѣсто другимъ кругамъ, которые такъ же быстро уносило теченіемъ.—А это мнѣ, что жалуюсь вотъ, одышка одолѣла да поясница болитъ,—это намъ ни по чемъ; наша кость не пареная, не нѣженая; слушать ее—вовсе на печку лечь!.. Придетъ зима, лежать-то и то наскучитъ... Не то время, дядя, отдыхать да проклажаться: вишь, какое сотворилъ Господь рожденье! Супротивъ такого времени и не запамятую!.. нечего, стало, тормозить руки. Усталъ! упыхался!.. знамо, упыхался!.. Дастъ Богъ, окончимъ благополучно промыселъ, пройдетъ осень, вздохну за всѣ дни!.. Самъ же говоришь: нашъ вѣкъ не долгъ, лѣта наши сосчитаны; дней, такъ и тѣхъ, я чай, немного начтешь!.. Поэтому надо тормошиться, нечего упускать время!.. Можетъ-статься, не дожить ужъ намъ съ тобою до такого рожденья, до такой осени; можетъ-статься, и до первой-то, до той осени не дотащимся... такъ что ужъ тутъ жалѣть себя!.. По крайности хотя на послѣдяхъ-то натѣшусь, наловлю рыбки!.. А что, дядя Кондратій, безъ меня, какъ не буду—я чай, соскучится рыб-

ка-то? а? Почитай пятьдесятъ годковъ, безъ малаго, вмѣстѣ пожили... верши, и тѣ, я чай, востоскуютъ! какъ есть сиротами тогда останутся... ась? заключилъ Глѣбъ, посмѣиваясь, хотя въ сѣрыхъ глазахъ его, поочередно переходившихъ отъ лодокъ къ площадкѣ, отъ площадки къ Окѣ, не было замѣтно особенной веселости.

И, какъ бы испугавшись, что онъ долго заболтался съ сосѣдомъ, какъ бы опасаясь въ самомъ дѣлѣ не дожить до другого удачнаго лова, Глѣбъ принимался еще дѣятельнѣе за промыселъ.

Старикъ не могъ жаловаться на своего помощника. Гришка работалъ исправно. По крайней мѣрѣ онъ находился постоянно при Глѣбѣ, подсоблялъ ему во всѣхъ дѣлахъ и, что всего замѣчательнѣе, не обнаруживалъ уже прежняго своего неудовольствія. Онъ проводилъ, однакожъ, теперь всѣ свои ночи въ Комаревѣ. Зная Глѣба, трудно предположить, чтобы онъ добровольно закрылъ глаза на продѣлки своего питомца; кумовство Гришки съ Захаромъ и послѣдствія этого кумовства возбуждали, напротивъ того, сильнѣйшимъ образомъ подозрѣнія старика; онъ смотрѣлъ за нимъ во всѣ глаза. Но Гришка сдѣлался уже, въ свой чередъ, слишкомъ ловокъ и опытенъ, чтобы попасться въ просакъ, или въ „кошель",—слово, заимствованное имъ у Захара. Глаза старика находили его всегда за работой; въ продолженіе цѣлаго дня молодой парень не давалъ хозяину своему повода быть недовольнымъ. Этимъ способомъ—самымъ вѣрнымъ способомъ, какимъ только можно было подѣйствовать на Глѣба—пріемышъ не замедлилъ освободиться отъ лишняго присмотра; онъ безпрестанно находилъ случай обманывать прозорливость стараго рыбака—прозорливость, которая, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, и безъ того становилась съ каждымъ днемъ менѣе опасною. Впрочемъ, всѣ эти хитрости доказывали только, что молодой парень, несмотря на свою опытность, шибко все-таки боялся старика, хотя предосторожности были напрасны: онъ могъ теперь безбоязненно, безгрозно исчезать по ночамъ. Съ наступленіемъ ночи, Глѣбу было ужь не до пріемыша: онъ радовался, что привелъ Господь дотащиться до саней, служившихъ ему ложемъ, или до печки. Что жъ касается до жены и до тетки Анны, Гришка принялъ также свои мѣры: онъ объявилъ женѣ, что если ночныя продѣлки его сдѣлаются извѣстными, онъ дня не останется въ домѣ: возьметъ жену, ребенка, отправится въ Комарево и наймется на миткалевой фабрикѣ. Дуня передала обо всемъ старушкѣ. Сноха и теща, нимало не сомнѣваясь, что Гриша приведетъ въ дѣйствіе

свое обѣщаніе, не только рѣшилась молчать, не только не показывали виду, но всячески даже старались, чтобы продѣлки его оставались тайною для старика. Обѣ дѣйствовали въ этомъ случаѣ весьма основательно. Подъ руководствомъ Захара и еще другихъ такихъ же негодяевъ изъ комаревскихъ фабрикъ, которые одинъ за другимъ пристали къ Захару и вскорѣ составили одну компанію, Гришка такъ развертывался, что въ самомъ дѣлѣ могъ потерять остатокъ страха и совѣсти, въ самомъ дѣлѣ могъ оставить домъ и увести жену, въ случаѣ, еслибъ Глѣбу вздумалось поднять руку или голосъ. Не приводилъ онъ въ исполненіе своихъ угрозъ потому лишь, что не видѣлъ въ этомъ пока надобности — жилось такъ, какъ хотѣлось: въ кабакъ Герасима являлся онъ однимъ изъ первыхъ, уходилъ чуть ли не послѣднимъ; такъ не могли располагать собою многіе фабричные ребята, у которыхъ хозяева были построже. Однимъ словомъ, въ ночное время Гриша былъ чуть ли еще не свободнѣе своихъ товарищей. Съ другой стороны, не видѣлъ онъ также никакой надобности бросать до поры до времени работу; онъ привыкъ къ рыбацкому ремеслу, оно казалось ему легче фабричнаго, къ которому надо было пріучаться да приловчаться. Къ тому же надо было какъ нибудь пробавляться; Захаръ и другіе товарищи также вѣдь работали,—не сидѣли же сложа руки! Соображая все это, пріемышъ началъ понемногу примиряться съ настоящимъ своимъ положеніемъ. Опытъ показалъ ему, что фабричная жизнь имѣла также свои невыгоды, житье у Глѣба, при существующихъ обстоятельствахъ, было чуть ли не лучше. Мрачное, озлобленное настроеніе молодого парня исчезало съ каждымъ днемъ; расположеніе его духа замѣтно улучшалось. Гришка, какъ мы видѣли, охотно даже подсоблялъ старику.

Совсѣмъ тѣмъ работа подвигалась все-таки не такъ успѣшно, какъ бы хотѣлось Глѣбу. Мудренаго нѣтъ: количество рыбы, попавшейся въ неводъ и верши разжигало старика; тутъ нужны были не четыре руки, а десять по крайней мѣрѣ. Вмѣсто четырехъ тоней, съ которыми старый рыбакъ и Гришка едва-едва успѣвали справиться въ продолженіе дня, можно было бы тогда управиться съ цѣлою дюжиной. Глѣбъ не переставалъ сокрушаться, что пропустилъ Петровки и не запасся своевременно работниками. Въ досадѣ своей, нерѣдко обращался онъ съ укоромъ къ дѣдушкѣ Кондратію.

— Эхъ, дядя, дядя! все ты причиною,—ей Богу, такъ!.. оста-

вилъ меня какъ есть безъ рукъ! говорилъ онъ всякій разъ, когда старикъ являлся на площадкѣ: — что головой-то мотаешь?... вѣстимо, такъ; самъ видишь: бьемся, бьемся съ Гришуткой, а толку все мало: ничего не сдѣлаешь!.. аль подсобить пришелъ?

— Коли помощь моя нужна, изволь! отвѣчалъ обыкновенно старикъ.

— Ой-ли?

Дѣдушка Кондратій, безъ малѣйшихъ разговоровъ, снималъ лапти, полушубокъ и присоединялся къ работающимъ. Помощь была, конечно, слабая; но какъ бы тамъ ни было, въ капиталѣ рукъ и силъ, необходимыхъ для приведенія въ дѣйствіе лишней тони, оказывалась все-таки маленькая прибыль. Это обстоятельство видимо поощряло усердіе Глѣба; онъ радовался точно такъ же, какъ радуется скупой, которому удалось поднять мелкую монету — бездѣлица, а все лучше, чѣмъ ничего. Принимая въ соображеніе воодушевленіе, съ какимъ старый рыбакъ принимался за промыселъ, можно было думать, что пособіе дѣдушки Кондратія превосходило даже его ожиданія. — „Ай да дядя! спасибо!“ не переставалъ восклицать онъ: „нѣтъ, какъ погляжу, клевъ нонѣ сталъ молодой-то народъ! Стары мы съ тобою, а все толкъ есть; борозды не портимъ! другому молодяку противъ насъ того-гляди не вытянуть, — ей Богу, право! То-то вотъ: коли хорошій жерновъ, такъ и старъ, а все свое дѣло сдѣлаетъ!“ Стариковская похвала оправдывалась, впрочемъ, какъ нельзя лучше на самомъ дѣлѣ: подобно старому воину, который, въ пылу жаркаго рукопашнаго боя, не замѣчаетъ нанесенныхъ ему ранъ, Глѣбъ забывалъ тогда, казалось, и ломоту въ ребрахъ и боль въ поясницѣ, забывалъ усталость, поперхоту и преклонные годы свои.

XXIII.

Потеря.

Но какъ бы тамъ ни было, тяжкіе трудовые дни, въ продолженіи которыхъ старый Глѣбъ, подстрекамый присутствіемъ дѣдушки Кондратія, надрывался и работалъ безъ устали, или, какъ

самъ онъ говорилъ: „не берегъ себя, соблюдая промыселъ“,—такіе дни не проходили ему даромъ. Когда потухала вечерняя заря и старикъ возвращался домой, слабость и одышка овладѣвали имъ пуще прежняго; онъ съ трудомъ взбирался на крылечко, едва-едва могъ разогнуть спину. Нерѣдко тетушка Анна и сноха ея принуждены были соединиться силами, чтобы подсобить ему подняться на печку. При всемъ томъ, оборони, помилуй Богъ, сказать ему, что причина всѣхъ его немощей происходитъ отъ излишняго труда и усилій: смерть не любилъ этого Глѣбъ. Онъ съ упорствомъ, съ досадою опровергалъ такіе доводы; старикъ ни за что не хотѣлъ этому вѣрить; онъ какъ будто старался даже обмануть самого себя.

— Что за напасть такая! точно право, крыша солгала — на спину обвалилась,—не разогнешь никакъ; инда духъ захватило... Съ чего бы такъ-то? Кажись, не пуще, чтобы отощалъ; въ хлѣбѣ недостачи не вижу; ѣмъ, примѣрно, вволю... выходитъ, нечего... говорилъ Глѣбъ, покрякивая на своей печкѣ, между тѣмъ какъ тетушка Анна подкладывала ему подъ голову свернутый полушубокъ.

— Батюшка, отецъ ты нашъ, послушай-ка, что я скажу тебѣ, подхватывала старушка, отодвигаясь, однакожъ, въ сторону и опуская руку на закраину печи, чтобы, въ случаѣ надобности, успѣшнѣе скрыться съ глазъ мужа:—послушай насъ... добро затрудилъ себя!.. шуточно дѣло, съ утра до вечера маешься; что мудренаго... не я одна говорю...

— Вѣстимо, батюшка, ласково подтверждала Дуня, отрываясь отъ люльки и подходя къ печкѣ;—отдохни день-другой; мы и то— я да матушка — хотѣли намедни сѣть поднять сухую-то, и то съ мѣста не сдвинули; а ты, видѣла я поньче, одинъ съ нею управлялся...

— Врете вы обѣ! Послушай поди, что мелютъ-то! Сѣть вишь всему причиной!.. Эхъ ты, глупая, глупая! Мнѣ нешто съ ней, съ сѣтью-то, впервой возиться?.. Слава те Господи, пятьдесятъ лѣтъ таскаю — лиха не чаялъ; и тутъ бы вотъ потащилъ понѣ, да съ ногъ смотался!

— Ну, не отъ сѣти, отъ другого чего, смиренно возражала жена: — ты бы, батюшка — вотъ поньче печь истопили — ты бы попарился: все бы отлегло маленько...

— Ничаво; полежу, проваляюсь ночь-то: авось къ утру и такъ пройдетъ...

— Хорошо, кабы такъ-то...

— Надо полагать, все это пуще оттого, кровь добре привалила, продолжалъ Глѣбъ, морщась и охая: — кровища-то во мнѣ во всемъ ходитъ, добре въ жилахъ запечаталась... оттого, выходитъ, надо было мнѣ по веснѣ метнуть; а то три года почитай не пущалъ кровь-то...

— Вотъ то-то, отецъ родной, говорила я тебѣ объ этомъ... все: нѣтъ, да нѣтъ... Что ждать-то, право ну!.. сходи-ка-сь завтра въ Сосновку, отвори кровь-то; право слово, отпуститъ... А то ждешь, ждешь; ноньче нѣтъ, завтра нѣтъ... ну, что хорошаго? Вѣстимо, нѣтъ тебѣ отъ нея спокою... Полно кормилецъ... право ну, сходи!..

— Нѣтъ, теперь недосугъ, отвѣчалъ Глѣбъ, съ трудомъ приподнимаясь на локоть и переваливаясь на другой бокъ: — схожу опосля: работу порѣшить надо. И не то, чтобы ужъ очень прихватило... авось и такъ сойдетъ. Встану завтра, промнусь, легче будетъ...

Проминаніе Глѣба заключалась въ томъ, что онъ проводилъ часа три-четыре въ водѣ по поясъ, прогуливаясь съ неводомъ по мелководнымъ мѣстамъ Оки, дно которой было ему такъ же хорошо извѣстно, какъ его собственная ладонь. Разъ, однакожъ, послѣ такого „проминанья“, онъ вернулся домой задолго передъ закатомъ солнца: никогда прежде съ нимъ этого не случалось.

Несмотря на заманчивое плесканіе рыбы, которая съ приближеніемъ вечера начинала играть, покрывая зеркальную поверхность Оки разбѣгающимися кругами, старый рыбакъ ни разу не обернулся поглядѣть на рѣку. Молча прилелся онъ въ избу, молча легъ на печку. Въ отвѣтъ на замѣчаніе тетушки Анны, которая присовѣтовала было ему подкрѣпить себя лапшею, Глѣбъ произнесъ нетерпѣливо:

— Проваливай! и перевалился на другой бокъ.

Всю ночь сонъ старика былъ тревоженъ. Дуня и тетушка Анна нѣсколько разъ были пробуждены тихими охами и стонами. Совсѣмъ тѣмъ, на слѣдующее утро Глѣбъ всталъ еще раньше обыкновеннаго. День былъ сѣрый, ненастный, — настоящій осенній день: мелкій дождь, перемѣшанный съ крупою, косвенно ниспадалъ съ неба, затканнаго отъ края до края хребтами сизыхъ тучъ. Сѣверный вѣтеръ покрывалъ чешуйчатою рябью Оку, которая мрачно синѣла въ почернѣвшихъ, мокрыхъ берегахъ своихъ. Любо было бы пролежать такой день на печкѣ въ теплой избѣ. Особенно слѣ-

довало бы поступить такимъ образомъ старому Глѣбу, у котораго, благодаря, вѣроятно, наступившей сырости, всю ночь ломило кости; но Глѣбъ разсудилъ иначе. Онъ, не медля ни минуты, отправился къ лодкамъ. Онъ, очевидно, однакожъ, пересиливалъ свою немочь; шагъ его и движенія отличались въ это утро какою-то медленностію; онъ часто останавливался, потягивалъ руки, усиленно выгибалъ спину; каждое изъ этихъ движеній сопровождалось глухимъ стономъ и нетерпѣливымъ, досадливымъ потряхиваніемъ головы. Видно было, что онъ сильно негодовалъ на свою немощь. Онъ добрался, однакожъ, до конца площадки и началъ собирать неводъ. Косвенное направленіе дождя и крѣпкій восточный вѣтеръ плохо способствовали удачливой ловлѣ; но Глѣбъ забралъ въ голову ѣхать на промыселъ, и уже ничто въ мірѣ не въ силахъ было заставить его измѣнить такому намѣренію.—Отчаливай! сурово крикнулъ онъ Гришкѣ, который, сидя на носу съ веслами, не переставалъ слѣдить лукавыми глазами своими за движеніями старика. Лодка выѣхала въ рѣку. Забросили неводъ. Сверхъ всякаго ожиданія, въ неводѣ оказалось довольно много рыбы. При всемъ томъ, сѣдыя брови Глѣба оставались по прежнему нахмуренными. Мало этого: онъ прекратилъ ловлю и молча принялся убирать въ лодку неводъ. Кой-какъ справились, однакожъ, и Глѣбъ приказалъ грести къ берегу. Во все продолженіе переѣзда, онъ сидѣлъ склонивъ голову на грудь и задумчиво глядѣлъ на воду. „Что взялъ? небось, и тебя проняло?“ подумалъ пріемышъ, искоса посматривая на старика. Одежда Глѣба была мокра до послѣдней ниточки: дождь лилъ теперь какъ изъ ведра. Но Глѣбъ, какъ бы въ опроверженіе догадкамъ пріемыша, долго еще оставался на площадкѣ послѣ того, какъ сошелъ на берегъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ нестерпимый ознобъ во всѣхъ членахъ, — чувствовалъ, что холодъ прохватилъ его до самаго мозга. Руки его тряслись, ноги онѣмѣли; но онъ все еще крѣпился. Нахмуренное выраженіе его лица, досадливыя движенія ясно показывали, что онъ съ трудомъ рѣшался признать себя побѣжденнымъ старостію и погодою. Онъ упрямился и крѣпился до послѣдней минуты, наконецъ покинулъ берегъ: ему уже не въ мочь было стоять на ногахъ,—но и тутъ-таки, разъ или два, пересилилъ себя и вернулся къ лодкамъ; его точно притягивало къ рѣкѣ и лодкамъ какою-то непонятною силой. Онъ точно предчувствовалъ, что послѣдній разъ видится съ Окою и лодками. Мрачно, грустно, задумчиво было лицо старика, когда, взгля-

нувъ въ послѣдній разъ на рѣку, сталъ онъ подыматься по площадкѣ; онъ точно несъ на плечахъ своихъ гробъ ближайшаго родственника, котораго много любилъ при жизни. Войдя въ избу. Глѣбъ, противъ обыкновенія своего, не подошелъ даже къ люлькѣ, даромъ что ребенокъ кричалъ и протягивалъ къ нему свои розовыя голенькія ручонки. Ничто уже, повидимому, не радовало теперь старика,—не радовалъ даже запахъ горячихъ щей, которыя дымились на столѣ; онъ отказался отъ обѣда и молча улегся на печку. Тетушка Анна и Дуня заключили изъ всего этого, что лучше ужъ не приступать къ нему нынче.

Вечеромъ, въ тотъ же день, приплелся дѣдушка Кондратій.

— Вотъ, дядя, говорилъ ты мнѣ въ тѣ поры, какъ звалъ тебя въ домъ къ себѣ, говорилъ: „ты передо мной, что дубъ стогодовалый!“ молвилъ ты, стало-быть, не въ добрый часъ. Вотъ тебѣ и дубъ стогодовалый! всего разломило, руки не смогу поднять... Ты десятью годами меня старѣе... никакъ больше... а переживешь этотъ дубъ-атъ!.. проговорилъ Глѣбъ съ какою-то грустію и горечью, какъ будто упрекалъ въ чемъ-нибудь дѣдушку Кондратія.

— Полно, сосѣдъ... что̀ ты загадываешь! Одинъ Создатель вѣдаетъ, что будетъ впереди... Богъ милостивъ!.. Авось еще поживешь съ нами...

— Нѣтъ, ужъ я не встану! отрывисто сказалъ Глѣбъ.

— Чѣмъ такъ-то говорить, помолись-ка лучше Богу: попроси у Него облегченія, продлилъ бы дни твои! Теплыя наши молитвы, по милосердію Божію, дойдутъ до Господа...

— Болѣзнь во всемъ во мнѣ ходитъ: гдѣ ужъ тутъ встать! проговорилъ Глѣбъ тѣмъ же отрывистымъ тономъ:—надо просить Бога грѣхи отпустить!.. Нѣтъ, ужъ мнѣ не встать! Подрубленнаго дерева къ корню не приставишь. Коли разъ подрубили, свалилось, тутъ, стало, и лежать ему—сохнуть... Весь разнемогся. Какъ есть, всего меня разломило.

— Усталому-то послѣдняя верста тяжелѣе пяти первыхъ кажется... вздохнешь маленько, Богъ дастъ, поправишься...

— Пятьдесятъ лѣтъ уставалъ каждый день, лиха не чаялъ... не отъ того совсѣмъ! перебилъ Глѣбъ.

— Мало ли что, Глѣбъ Савинычъ! года твои не тѣ были. Много на нихъ понадѣялся... Я говорилъ тебѣ не однова: полно, говорилъ, утруждать себя, вздохни; ты не слушалъ тогда...

— Слушать-то нечего! нетерпѣливо перебилъ Глѣбъ:—по твоему, брось работу, самъ на печку ложись!

— Оборони, помилуй Богъ! не говорилъ я этого; говоришь: всякъ долженъ трудиться, какіе бы ни были года его. Только надо дѣлать дѣло съ разсудкомъ... потому время неровно... вотъ хоть бы теперь: время студеное, несносное... самая что ни-на-есть кислота теперь... а ты все въ водѣ мочишься... знамо, долго ли до грѣха,—долго ли застудиться...

— Наша вода мягкая: съ нея ничего не сдѣлается... не отъ того совсѣмъ! упрямо заключилъ Глѣбъ и повернулся спиною къ собесѣднику, какъ бы желая показать ему, что не стоитъ продолжать разговора.

Съ этого дня онъ не вставалъ уже съ печки. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно состояла болѣзнь Глѣба. Отвергая съ такимъ упрямствомъ догадки домашнихъ, которые единодушно утверждали, будто немощь его происходила отъ простуды, онъ былъ, можетъ-статься, болѣе правъ, чѣмъ казалось. И въ самомъ дѣлѣ, еслибъ пребываніе въ студеной водѣ могло сокрушить Глѣба,—еслибъ ненастье, лютый вѣтеръ, мокрая одежда, просыхавшая не иначе, какъ на тѣлѣ, въ состояніи были производить на него какое-нибудь дѣйствіе, Глѣбу давнымъ-давно слѣдовало умереть. Его не стало бы съ двадцати-лѣтняго возраста. Тогда еще началъ онъ заниматься промысломъ. Каждый годъ, послѣ этого, въ глухую осень, когда Ока начинала стынуть и покрывалась тонкою корою ледяныхъ иглъ, онъ проводилъ цѣлые дни въ водѣ по поясъ, и все таки ничего ему не дѣлалось. Оттого, и доживъ до семидесяти лѣтъ, онъ не хотѣлъ вѣрить простудѣ. Самый ледъ могъ уже казаться ему „мягкою водою“. Вообще говоря, въ простонародьи такъ же рѣдко умираютъ отъ простуды въ зрѣлыхъ годахъ, какъ часто умираютъ отъ той же причины въ молодости. Оно понятно: выдержавъ все то, что выдерживаютъ крестьянскіе работники, человѣкъ смѣло считаетъ себя невредимымъ, какъ бы застрахованнымъ отъ вліянія всевозможныхъ непогодъ и невзгодъ. Слова: „здоровякъ, крѣпышъ, усилокъ“, которыми величаютъ въ простонародьи крѣпкаго человѣка, по моему, еще слабо выразительны. Это просто богатыри со сталью вмѣсто кожи, каменными мышцами и желѣзными костями. Простолюдинъ зрѣлыхъ лѣтъ дѣлается по большей части жертвою удара, ушиба, порванныхъ жилъ, старости и, наконецъ, истощенія физическихъ силъ — необходимое слѣдствіе того неумѣреннаго, принуж-

денно-усиленнаго труда, о которомъ говорили мы въ предшествовавшей главѣ. По всей вѣроятности, это послѣднее обстоятельство свалило Глѣба. Онъ уже не чувствовалъ теперь никакой боли,— чувствовалъ только, какъ силы оставляли его и какъ постоянно слабли его члены. Послушался бы Глѣбъ дѣдушку Кондратія, поберегъ бы силы свои, ихъ стало бы, можетъ статься, на долго. Силы Глѣба были исчерпаны до послѣдней капельки. Едва-едва доставало на то, чтобы поднять руку для крестнаго знаменія. При всемъ томъ, Глѣбъ слышать не хотѣлъ о сосновскихъ ворожеяхъ и знахаряхъ, которыхъ предлагала ему жена. Такое же невниманіе встрѣчала тетушка Анна, когда, теряясь въ скорбныхъ догадкахъ, совѣтовала ему „порубить“ спину, попариться въ печкѣ и пустить кровь. Онъ съ упрямствомъ отказывался отъ всякаго пособія. „Такъ ужъ знать Господомъ Богомъ положено. Коли жить написано, такъ проживу и безъ этого; коли помереть суждено, такъ ужъ тутъ нечего хлопотать. Человѣкъ надъ смертью не властенъ!“ Это былъ единственный отвѣтъ Глѣба на всѣ совѣты и замѣчанія домашнихъ. Въ критическую минуту, слѣпо отдаваясь на волю провидѣнія, Глѣбъ не унывалъ духомъ. Вѣра подкрѣпляла его. Онъ не терялъ надежды и, повидимому, ждалъ выздоровленія. А между тѣмъ жизнь замѣтно оставляла стараго Глѣба. Тѣло его уже только поддерживалось душою, которая до послѣдней минуты сохраняла всю свою энергію. Казалось даже, дѣятельность, оживлявшая когда-то старика, перешла теперь вся въ его душу. Онъ не переставалъ говорить о промыслѣ, не переставалъ заботиться о хозяйственныхъ дѣлахъ своихъ, входилъ въ мельчайшія подробности касательно домашняго управленія, не переставалъ сокрушаться о томъ, какія произойдутъ упущенія. Тѣло Глѣба безжизненно почти лежало на печкѣ, но душа его присутствовала всюду. Двадцать разъ на дню призывалъ онъ жену или Дуню, посылалъ ихъ въ такое-то мѣсто двора и приказывалъ исправить такой-то предметъ. Иногда все дѣло состояло въ томъ, что надо было переложить вёрши изъ одного угла въ другой, или вынуть такой-то шестъ и поставить на его мѣсто другой. Гришка не выходилъ у него изъ головы. Онъ поминутно посылалъ за нимъ, заставлялъ его разсказывать о томъ, какъ идетъ промыселъ, входилъ во всѣ мелочи, давалъ ему наставленія. Первый вопросъ, съ какимъ онъ обращался къ дѣдушкѣ Кондратію, когда тотъ приходилъ навѣстить его, былъ всегда слѣдующій: „Ну, что, дядя, какъ ловится рыбка?“ Нерѣдко духъ Глѣба проникался

тревогою и сомнѣніемъ. Ему казалось, что домашніе исполняютъ наперекоръ всѣ его приказанія, что все идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, что домъ и все хозяйство гибнутъ отъ ихъ нерадѣнія. Слова старика показывали, что память не измѣнила ему. Онъ помнилъ мельчайшія подробности изъ жизни своихъ домашнихъ, но выбиралъ тѣ именно случаи, которые могли подтвердить его подозрѣнія. Онъ осыпалъ ихъ упреками, грозилъ лишить ихъ благословенія. Голосъ старика, прерывавшійся почти на каждомъ словѣ, звучалъ тогда негодованіемъ. Страшно было смотрѣть на Глѣба. Одно только появленіе дѣдушки Кондратія въ силахъ было унять его. Душеспасительныя слова кроткаго, набожнаго старца мгновенно возвращали спокойствіе встревоженной душѣ Глѣба. Дѣдушка началъ ходить каждый день и просиживалъ въ избѣ рыбака съ утра до вечера.

Разъ Глѣбъ не встрѣтилъ уже его обычнымъ вопросомъ своимъ о томъ, какъ ловится рыбка.

Глаза стараго рыбака были закрыты; онъ не спалъ, однакожъ; морщинки, которыя то набѣгали, то сглаживались на высокомъ лбу его, движеніе губъ и бровей, ускоренное дыханіе ясно свидѣтельствовали присутствіе мысли; въ душѣ его должна была происходить сильная борьба. Мало-по-малу лицо его успокоилось; дыханіе сдѣлалось ровнѣе; онъ точно заснулъ. По прошествіи нѣкотораго времени, съ печки снова послышался его голосъ. Глѣбъ подозвалъ жену и сказалъ, чтобы его перенесли на лавку къ окну.

Тетушка Анна, Дуня, дѣдушка Кондратій и пріемышъ поспѣшили исполнить его волю.

Пять минутъ спустя, Глѣбъ лежалъ на лавкѣ, устланной соломой.

Голова Глѣба, приподнятая свернутыми полушубками, была обращена, по его просьбѣ, къ окну.

Взглянувъ на исхудалое, изнеможенное лицо своего мужа, на его руки — когда-то мощныя и крѣпкія руки, похожія на вѣтвь стараго вяза, но высохшія какъ щепки и безжизненно сложенныя на груди, тетушка Анна вдругъ зарыдала.

Старушка не могла дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ: она не объяснила бы, почему рыданіе вырвалось у нея теперь, а не прежде; тутъ только поняла она почему-то, что уже не оставалось малѣйшей надежды; тутъ только, въ виду смерти, осмыслила она

всю силу пятидесятилѣтней привязанности своей, всю важность потери.

— Полно, старуха, сказалъ Глѣбъ, находившійся, вѣроятно, подъ вліяніемъ однихъ мыслей съ женою: — перестань убиваться; надо же когда-нибудь умереть... всѣ мы смертны! Пожили пятьдесять годковъ вмѣстѣ... ну, пора и разставаться. Всѣ мы здѣсь проходимцы!.. разстаемся не надолго... скоро всѣ свидимся... полно!..

Голосъ Глѣба былъ спокоенъ и вполнѣ отвѣчалъ спокойному выраженію лица его. Послѣдняя искра надежды на выздоровленіе погасла уже въ душѣ его: онъ сознавалъ теперь близкую свою кончину. Въ послѣдніе два дня старикъ помышлялъ только о спасеніи души своей; онъ приготовлялся къ смерти; въ эти два дня ни одно житейское помышленіе не входило въ составъ его мыслей; вмѣстѣ съ этимъ, какая-то отрадная, невѣдомая до того тишина воцарялась постепенно въ душѣ его; онъ говорилъ теперь о смерти такъ же спокойно, какъ о вѣрномъ и вѣчномъ выздоровленіи.

— Полно вамъ убиваться!.. что обо мнѣ плакать-то! Мое дѣло рѣшенное. Лучше о себѣ подумайте, продолжалъ Глѣбъ (жена его, Дуня, пріемышъ и дѣдушка Кондратій окружили лавку): — о себѣ, говорю, подумайте: оставляю вамъ немного... Ты, жена, не больно изъяпься на мои похороны: мертвому немного надо; похорони, какъ хоронили, примѣрно, свата Акима, — такъ и меня похорони... Положи только тѣло мое въ Сосновку: хочу лежать подлѣ покойныхъ малыхъ дѣтокъ своихъ и сродственниковъ... тамъ меня положи. Образъ отпусти со мной тотъ, въ серебряной ризочкѣ, что Ваню-то благословляли... это послѣдняя моя воля... окромя этого образа все вамъ оставляю. Живите, какъ при мнѣ жили; жилъ я, какъ жили отцы мои и дѣды, и вы тому слѣдуйте... Не оставлялъ меня Господь, и васъ тогда не оставитъ!.. Проживете съ мое, и васъ сподобитъ умереть спокойно. Въ одномъ только отказалъ мнѣ Творецъ милосердый, подхватилъ со вздохомъ старикъ: — не привелъ... не далъ въ послѣдній разъ наглядѣться... на... Ваню... Не забывай его, смотри, жена!.. не забывайте и всѣ его!.. милъ былъ онъ моему сердцу, любилъ я его... супротивъ всѣхъ другихъ любилъ... Приведетъ вамъ Господь увидѣть его... передайте ему мое родительское благословеніе, на вѣки нерушимое. Умиралъ старикъ, скажите, — умиралъ, его, милаго дѣтища, поминаючи... такъ и скажите ему!..

Тутъ голосъ Глѣба, до той минуты ровный и спокойный, какъ словно оборвался; онъ закрылъ глаза и замолкъ.

Тетка Анна и Дуня плакали навзрыдъ. Дѣдушка Кондратій давно уже не плакалъ: всѣ слезы давно уже были выплаканы; но тоска, изображавшаяся на кроткомъ лицѣ его, достаточно свидѣтельствовала о скорбныхъ его чувствахъ. Одинъ пріемышъ казался спокойнымъ. Онъ стоялъ склонивъ голову; ни одна черта его не дрогнула во все продолженіе предшествовавшей рѣчи.

— Гриша, сказалъ неожиданно Глѣбъ: —ты, Гриша, заступишь теперь мое мѣсто, будешь жить все одно какъ сынъ родной въ дому... Исполни послѣднюю мою родительскую волю: не оставляй старуху ,береги ее, все одно, что мать родную... Мы берегли тебя смолоду, ростили, поили, кормили, какъ родного дѣтища – должонъ это помнить. Коли оставишь ты ее, не будетъ тебѣ моего благословенія!.. Не будетъ также моего благословенія, коли не станешь соблюдать жену свою, не станешь почитать тестя... какъ меня слушалъ, такъ и его слушайся; почитай его, все одно, какъ отца родного... А это, что вотъ пріятели смущать будутъ, этого ты не слушай!.. это значитъ, врагъ путаетъ! Пріятели на одинъ часъ, родные—на всю жизнь... ихъ почитай и слушай!.. Ты ужъ не малолѣтній: самъ должонъ видѣть, что хорошо, что худо. Не послушаешь меня, отыму благословеніе!.. Востоскуетъ душа моя, что оставилъ злодѣя въ семьѣ своей. Господь отъ тебя откажется, и не будетъ тебѣ тогда никакой радости въ жизни!.. Смотри же, Гриша, веди себя крѣпко, живи по закону... Смотри же, не обмани меня! Ты вся моя надежда теперь... окромя тебя и Вани, нѣтъ у меня... окромя васъ, нѣтъ другихъ дѣтей! заключилъ Глѣбъ, причемъ на лицѣ его изобразилась вдругъ тоска.

Онъ, очевидно, хотѣлъ еще что-то прибавить, но дѣдушка Кондратій, догадавшись, вѣроятно, о чемъ пойдетъ рѣчь, поспѣшилъ предупредить его.

— Полно Глѣбъ Савинычъ, сказалъ онъ:—полно, слободи ты свою душу... Христосъ велѣлъ прощать лютымъ врагамъ своимъ... уйми свое сердце!.. вспомяни и другихъ дѣтей своихъ... вспомяни и благослови Петра и Василія.

Лицо Глѣба мгновенно приняло строгое выраженіе; лобъ покрылся морщинками, сѣдыя брови нахмурились.

— Помилуй ихъ, Глѣбъ Савинычъ, продолжалъ дѣдушка Кондратій.

— Батюшка, помилуй! рыдая, воскликнула Анна.

— Глѣбъ Савинычъ! подхватилъ отецъ Дуни:—единъ Богъ

властенъ въ нашей жизни! сегодня живы — завтра нѣтъ насъ... нашъ путь къ землѣ близокъ; скоро, можетъ, покинешь ты насъ... ослободи душу свою отъ тяжкаго помышленія! Наказалъ ты ихъ довольно при жизни... Спаситель прощалъ въ смертный часъ врагамъ своимъ... благослови ты ихъ!..

— Прощаю всѣмъ врагамъ моимъ, какіе у меня были... имъ прощаю... прощаю наровнѣ съ другими, сказалъ Глѣбъ.

— Этого мало, Глѣбъ Савинычъ! они дѣти твои: должонъ благословить ихъ!..

— Нѣтъ, они мнѣ не дѣти! никогда ими не были! надорваннымъ голосомъ возразилъ Глѣбъ. —На что имъ мое благословеніе? сами они отъ него отказались. Вѣкъ жили они ослушниками! отреклись — была на то добрая воля — отреклись отъ отца родного, отъ матери, убѣжали изъ дому моего... посрамили мою голову, посрамили всю семью мою, весь домъ мой... оторвались они отъ моего родительскаго сердца!...

— Все же они дѣти твои, убѣдительно произнесъ дѣдушка Кондратій: —какая ихъ жизнь будетъ безъ твоего благословенія? И теперь, можетъ-статься, изныла вся душа ихъ... не смѣютъ предстать на глаза твои... Не дай имъ умереть безъ родительскаго твоего благословенія... Ты видѣлъ ихъ согрѣшающихъ, — не видишь кающихся... Глѣбъ Савинычъ!..

Строгость, изображавшаяся въ чертахъ Глѣба, постепенно смягчалась; но онъ не произнесъ, однакожъ, слова.

Грустно было выраженіе лица его. Жена, Дуня, пріемышъ, Кондратій не были его родныя дѣти; родныя дѣти не окружали его изголовья. Онъ думалъ умереть на рукахъ дѣтей своихъ — умиралъ почти круглымъ, бездѣтнымъ сиротою. Онъ долго, почти все утро, оставался погруженнымъ въ молчаливое, тягостное раздумье; глаза его были закрыты; время отъ времени изъ широкой, но впалой груди вырывался тяжелый, продолжительный вздохъ.

Около полудня онъ снова раскрылъ глаза.

— Подымите меня... сказалъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ.

Дуня и тетушка Анна посадили старика на лавку; обѣ держали его подъ руки.

Глаза Глѣба медленно обратились тогда къ окну, изъ котораго виднѣлись: часть площадки, лодки, опрокинутыя на берегу и Ока.

Дальній берегъ и луга застилались мелкимъ, частымъ дождемъ. Былъ сѣрый, ненастный день; вѣтеръ уныло гудѣлъ вокругъ дома;

капли дождя обливали и безъ того уже тусклыя стекла маленькаго окошка. Мрачно синѣла Ока, мрачно глядѣлъ темный берегъ и почернѣвшія, вымоченныя лодки. Печальный видъ осенняго дня соотвѣтствовалъ, впрочемъ, какъ нельзя лучше тому, что происходило въ самой избѣ.

— Прощай, матушка Ока!.. сказалъ Глѣбъ, безсильно опуская на грудь голову, но не отнимая тусклыхъ глазъ своихъ отъ окна:— прощай, кормилица... Пятьдесятъ лѣтъ кормила ты меня и семью мою... Благословенна вода твоя! благословенны берега твои!.. намъ ужъ больше не видаться съ тобою!.. Прощай и вы!.. проговорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ:—прощай, жена!..

Старушка зарыдала такъ сильно, что дѣдушка Кондратій поспѣшилъ занять ея мѣсто и взялъ подъ руку Глѣба.

— Полно печалиться, продолжалъ Глѣбъ:—не молода ты: скоро свидимся!.. Смотри же, поминай меня... не красна была твоя жизнь... ну, что дѣлать!.. а ты все добромъ помяни меня!.. Смотри же, Гришка, береги ее: недолго ей пожить съ вами... не красна ея была жизнь! береги ее. И ты, сноха, не оставляй старуху, почитай ее, какъ мать родную... и тебя подъ старость не оставятъ дѣти твои... Дядя!..

Дѣдушка Кондратій наклонилъ бѣлую свою голову.

— Прощай, дядя!.. продли Господи дни твои! Утѣшалъ ты меня добрыми словами своими... утѣшай и ихъ... не оставляй совѣтомъ. Худому не научишь... Господь вразумилъ тебя.

Глѣбъ долго еще прощался съ домашними; онъ хотѣлъ видѣть каждаго передъ глазами своими, поочередно поцѣловалъ ихъ и перекрестилъ слабою, едва движущеюся рукою. Наконецъ онъ потребовалъ священника.

Гришка тотчасъ же отправился въ Сосновку.

Вплоть до самаго вечера Глѣбъ находился въ какомъ-то безпокойствѣ: онъ метался на лавкѣ и поминутно спрашивалъ: „скоро ли пріѣдетъ священникъ?“ душа его боролась уже со смертію; онъ чувствовалъ уже прикосновеніе ея и боялся умереть безъ покаянія. Жизнь дѣйствительно замѣтно оставляла его; онъ угасалъ, какъ угасаетъ лампада, когда масло, оживлявшее ее, убѣгаетъ въ невидимое отверстіе.

Поздно вечеромъ пріѣхалъ священникъ. Дѣдушка Кондратій и старуха встрѣтили его въ воротахъ и замолвили ему о старшихъ сыновьяхъ—Петрѣ и Васильѣ.

Дуня, ея отецъ, теща и мужъ оставались на крылечкѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени, духовникъ уѣхалъ, объявивъ напередъ, что старикъ исполнилъ ихъ желаніе и велѣлъ имъ передать Петру и Василію родительское свое благословеніе.

Когда они вернулись въ избу, Глѣбъ лежалъ безъ языка.

Трепетный блескъ свѣчи подъ образами освѣщалъ безжизненное лицо его съ черными впадинами вмѣсто глазъ, съ заостренною, холодною профилью, которая рѣзко отдѣлялась на совершенно почти темной стѣнѣ. Онъ казался мертвымъ, и только легкое, едва примѣтное движеніе рубашки на груди показывало, что духъ его не покинулъ еще земли. Тетка Анна и за ней поочередно всѣ присутствующіе прикладывали поминутно уши свои къ губамъ его, въ надеждѣ услышать послѣднее слово, послѣднюю волю умирающаго. Въ простонародьи послѣднее слово покойника свято сохраняется домашними: оно переживаетъ другія воспоминанія, часто упоминается въ семейныхъ бесѣдахъ, часто даже переходитъ къ внукамъ.

Но Глѣбъ ничего ужъ не сказалъ.

Дѣдушка Кондратій, который во всю ночь не покидалъ его изголовья, принялъ на зарѣ послѣдній вздохъ Глѣба и закрылъ ему глаза.

— Полно, сказалъ онъ, обратясь къ старухѣ, которая рыдала и причитала, обнимая ноги покойника:—не печалься о томъ, кто отъ грѣха свободенъ!.. не тревожь его своими слезами... Душа его еще между нами... дай ей отлетѣть съ миромъ, безъ печали... Была, знать, на то воля Господня... Богу хорошіе люди угодны...

Въ то время, какъ обмывали покойника, дѣдушка Кондратій съѣздилъ на озеро за псалтыремъ. И вскорѣ въ избѣ, посреди глухихъ, затаенныхъ стоновъ, послышалось мѣрное, колеблящееся чтеніе, при свѣтѣ желтой восковой свѣчки, которая освѣщала почтенную, убѣленную честными сѣдинами голову дѣдушки Кондратія.

Дня черезъ три, въ воскресенье, у воротъ рыбакова дома и на самомъ дворѣ снова стояли подводы; снова раздавались въ избѣ говоръ и восклицанія. Можно было подумать, что тутъ снова происходило какое-нибудь веселье.

Но желтая гробовая крышка, прислоненная къ воротамъ, краснорѣчиво опровергала неумѣстное предположеніе; длинные шесты, перевязанные веревками, ясно уже показывали, къ чему съѣхались на этотъ разъ сосновскіе родственники и родственницы.

Немного погодя, со двора послышалось протяжное пѣніе и, минуту спустя, сѣрый осенній день освѣтилъ погребальное шествіе.

Позади гроба, передъ толпою, шли дѣдушка Кондратій и Дуня, немного поодаль виднѣлся Гришка. За толпою ѣхала телѣжка, въ которой лежала рыдавшая, осиротѣвшая теперь старушка.

Шествіе обогнуло избу и медленно стало подниматься въ гору. Вскорѣ все исчезло; одинъ только гробъ долго еще виднѣлся подъ темною линіею высокаго берегового хребта и, мѣрно покачиваясь на плечахъ родственниковъ, какъ словно посылалъ прощальные поклоны Окѣ и площадкѣ...

XXIV.

Первою мыслію Гришки послѣ похоронъ Глѣба было отправиться какъ можно скорѣе въ Комарево. Болѣзнь стараго рыбака— если считать съ того дня, когда онъ въ послѣдній разъ занимался промысломъ, до той минуты, когда испустилъ послѣдній вздохъ— продолжалась три недѣли. Во все это время Гришка рѣдко, украдкою, видѣлся съ Захаромъ и другими комаревскими товарищами. Не мѣшаетъ замѣтить, онъ терпѣливо сносилъ, однакожъ, свое положеніе, онъ не показывалъ даже особеннаго неудовольствія, когда старикъ, въ припадкѣ тревожной подозрительности, заставлялъ его вставать по ночамъ и посылалъ посмотрѣть, все ли обстоитъ благополучно на дворѣ и подлѣ лодокъ.

По всей вѣроятности, Гришка обнадеживалъ уже себя тѣмъ, что недолго остается терпѣть такимъ образомъ, что скоро, можетъ-статься, заживетъ онъ по своей волѣ, и что, слѣдовательно, не стоитъ заводить шума. Быть можетъ, и это всего вѣроятнѣе, остатокъ совѣсти—чувство, которое, благодаря молодымъ лѣтамъ, не успѣло совсѣмъ еще погаснуть въ сердцѣ пріемыша — держало его въ повиновеніи у изголовья умирающаго благодѣтеля.

Въ послѣдніе пять дней Гришкѣ ни разу не удалось урваться въ Комарево; на него пали всѣ хлопоты и распоряженія касательно похоронъ; чуть ли не по два раза въ день принужденъ онъ былъ бѣгать въ Сосновку. Онъ не могъ располагать свободной минутой. Захаръ и товарищи ничего, слѣдовательно, не знали еще о

кончинѣ Глѣба. Извѣстіе это имѣло, впрочемъ, значеніе для одного Захара. Послѣ смерти рыбака онъ долженъ былъ бросить миткальную фабрику и перебраться на жительство къ пріемышу, который дѣлался полнымъ хозяиномъ въ домѣ усопшаго. Пріятели заранѣе въ этомъ условились; условіе было даже скрѣплено, въ свое время, штофомъ вина.

При всемъ томъ, въ настоящую минуту, Гришка мало помышлялъ о Захарѣ. Онъ спѣшилъ въ Комарево, имѣя въ виду одну цѣль: показаться товарищамъ въ новомъ свѣтѣ, хвастнуть передъ ними завидною своей долей. Онъ не зналъ еще хорошенько, какое сдѣлаетъ употребленіе изъ сегодняшняго дня, не зналъ также, къ какому способу прибѣгнетъ, чтобы вѣрнѣе удивить товарищей. Новое положеніе, о которомъ онъ мечталъ столько времени, наконецъ осуществилось. При этой мысли, голова его шла кругомъ, въ ушахъ шумѣло, сердце прыгало отъ нетерпѣнія. Онъ чувствовалъ непобѣдимую, непреклонную потребность расходиться, разгуляться, закрутиться сутокъ на пять по крайней мѣрѣ.

Къ сожалѣнію, Гришка не могъ поспѣть въ Комарево раньше вечера; помѣшали сосновскіе родственники, которые, по заведенному обычаю, пріѣхали прямо съ погоста поминать покойника. Поминки, начавшіеся далеко за полдень, продолжались вплоть до заката. Волей-неволей, надо было ждать.

Было уже совершенно темно, когда Гришка очутился у комаревской околицы.

Въ такую позднюю пору, особенно осенью, пахатныя деревушки давнымъ-давно уже спятъ. Земледѣлецъ, обнадеженный скирдою ржи, которою наградилъ его Господь за труды, ложится теперь рано. Въ сумерки вы не увидите огонька, не услышите звука въ пахатной деревушкѣ. Но Комарево, подобно всѣмъ промышленнымъ фабричнымъ селамъ, не утихало раньше полуночи. По вечерамъ, благодаря окрестной тишинѣ и темнотѣ ночи, которая позволяла любоваться сотнями ярко освѣщенныхъ оконъ, дѣятельность Комарева становилась еще замѣтнѣе. Длинныя, багровыя полосы, пересѣкавшія главную улицу — центръ фабрикъ и дѣятельности, — огни, повторявшіеся въ лужахъ, дикія взвизгиванія и пѣсни, глухо раздававшіяся внутри домовъ, страшная трескотня, производимая тысячью миткалевыхъ становъ на всемъ ходу, — все это придавало Комареву какой-то фантастическій видъ, вовсе несвойственный обыкновеннымъ деревнямъ. На главной улицѣ не было окна,

въ которомъ бы не горѣли огни и не двигались человѣческія фигуры, сгорбленныя въ три погибели и качавшіяся взадъ и впередъ какъ маятники. Въ эту пору въ Комаревѣ спали однѣ только тучныя, расплывшіяся жены хозяевъ фабрикъ и не менѣе тучныя дѣти ихъ. Остальное народонаселеніе, начиная съ семилѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и кончая шестидесяти-лѣтними стариками, неутомимо работало: сидѣло перегнувшись надъ станомъ или разматывало шнуры. Разсчетъ и нужда управляли здѣсь большимъ и малымъ. Самое время имѣло здѣсь свое особенное разсчисленіе. Трудовой день не обусловливался восходомъ и закатомъ солнца, какъ въ пахатной деревнѣ; онъ опредѣлялся числомъ аршинъ сотканнаго миткалю. Часы мѣряли аршинами: часъ приносилъ работнику семь копеекъ; размотанная шнуля приносила копейку. Барышъ или убытокъ каждаго ткача, каждаго размотчика зависѣли отъ нихъ самихъ. Всѣ бились изъ-за барышей и работали, слѣдовательно, безъ устали.

По этому самому, комаревскія улицы были совершенно почти пусты. Во все время, какъ Гришка пробирался къ фабрикѣ, гдѣ работалъ Захаръ, онъ не встрѣтилъ души. Изрѣдка до слуха его доходили торопливое шлепанье по лужамъ, затаенный возгласъ или шушуканье. Разъ, впрочемъ, наткнулся онъ и сшибъ съ ногъ мальчишку, перелетавшаго стрѣлою улицу и посланнаго съ пустымъ штофомъ къ Герасиму.

Отвѣсивъ мальчику подзатыльникъ за оплошность, пріемышъ молодцовато поправилъ шапку и направился къ двухъ-этажному зданію, стѣны и кровля котораго сливались съ мракомъ, между тѣмъ какъ верхній и нижній рядъ оконъ горѣли какъ отдушины огромной плавильной печи. Онъ не вошелъ, однакожъ, на крыльцо: проникнуть во внутренность фабрики, переговорить съ Захаромъ при свидѣтеляхъ и вызвать его на улицу— значило накликать со стороны хозяина или приказчика градъ упрековъ и брань на голову товарища. Для избѣжанія всего этого, фабричными ребятами придуманъ былъ слѣдующій порядокъ: постороннее лицо, нуждавшееся въ комъ-нибудь изъ нихъ, должно было прежде всего обойти весь нижній рядъ оконъ, высмотрѣть какое-нибудь знакомое лицо, ближайшее къ окну, и затѣмъ слегка постучать пальцемъ въ стекло. Знакомое лицо дѣлало видъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ, но, минуту спустя, оставляло работу, ловко шмыгало въ дверь и выбѣгало на улицу. Ему-то поручали вызвать такого-то или такую-то и за хлопоты приглашали обык-

новенно послѣ окончанія работы въ „Разставанье“ или къ „Ивану Елкину“ — названія, подъ которыми равно извѣстно было заведеніе флегматическаго Герасима. Въ послѣдніе два мѣсяца Гришка ознакомился уже въ совершенствѣ съ обычаями фабрикъ. Онъ поспѣшно обогнулъ крыльцо и подошелъ къ первому окну.

Тутъ сидѣлъ одинъ изъ ближайшихъ пріятелей Захара. Лишнее говорить, что онъ пользовался точно также дружбою пріемыша. То былъ рыжій и косой парень, но лихой и разбитной гуляка, по прозванію Семіонъ или Сѣвка-глазунъ. Этотъ Семіонъ, или Сѣвка держался обычая пропивать въ воскресенье все то, что заработывалъ въ продолженіе недѣли, если только не успѣвалъ заблаговременно проигрывать заработки въ три листка. Въ компаніи, гдѣ Захаръ игралъ роль коновода, Сѣвка былъ чѣмъ-то въ родѣ эсаула.

Но прежде, чѣмъ подать условный знакъ Сѣвкѣ, необходимо было убѣдиться, точно ли сидитъ онъ на своемъ мѣстѣ. Съ этою цѣлью, Гришка приложилъ лицо свое къ стеклу. Въ первую минуту онъ ничего не могъ разглядѣть: свѣтъ ослѣпилъ его совершенно.

Мало-по-малу передъ нимъ открылась нескончаемая перспектива брусьевъ, балокъ, столбовъ и жердей, скрещенныхъ на всѣ возможные лады, точно деревянная паутина. Весь нижній этажъ, состоявшій изъ четырехъ сквозныхъ срубовъ, былъ занятъ фабрикою. Во всѣхъ промежуткахъ этой деревянной паутины виднѣлись быстро вращавшіяся колеса, которыми управляли мальчики и дѣвочки, покрытыя струями пота. Они должны были задыхаться. Мудренаго нѣтъ: самый дюжій работникъ, прожившій годъ въ этой духотѣ, начиналъ хилѣть и сохнуть. Дерево сохло и трескалось; потолокъ и стѣны потѣли и лоснились какъ въ банѣ. Пламя сальныхъ свѣчей горѣло неподвижно, окруженное желтыми, тусклыми кругами; оно съ трудомъ проникало сгущенную атмосферу. Со всѣмъ тѣмъ въ нижнемъ этажѣ фабрики никогда не находилось свободнаго уголка. Опустѣвшее мѣсто тотчасъ же замѣщалось. Народъ тѣснился какъ огурцы въ бочкѣ; рѣшительно не было возможности ткнуть пальцемъ безъ того, чтобы не встрѣтить бруса, протянутой основы или человѣческаго затылка. Головы бабъ, дѣвокъ и ткачей всѣхъ возможныхъ возрастовъ высовывались отовсюду: красные и синіе платки, черные, рыжіе затылки и бороды, блѣдныя лица, розовыя и бѣлыя рубашки пестрѣли въ глазахъ, какъ стекла калейдоскопа, который стали бы вертѣть противъ свѣчки. Все это двигалось при свѣтѣ нѣсколькихъ десятковъ сальныхъ огарковъ, вставленныхъ въ

жестяные подсвѣчники; подсвѣчники держались на воздухѣ, помощью проволокъ, перпендикулярно висѣвшихъ съ потолка. Оглушительная трескотня челноковъ, удары ботановъ, шипѣніе колесъ, говоръ, хохотъ, пѣсни наполняли все зданіе. Въ настоящую минуту, за неимѣніемъ другого, болѣе точнаго сравненія, этотъ нижній этажъ могъ казаться чѣмъ-то въ родѣ исполинскаго желудка, въ которомъ происходило сильное воспаленіе.

Сѣвка сидѣлъ на обычномъ своемъ мѣстѣ. Пріемышъ постучалъ въ окно. Минуту спустя, на темномъ крыльцѣ застучали босыя ноги.

— Кто? произнесъ сиплый голосъ, весьма похожій на звукъ тупой пилы въ мягкомъ, гниломъ деревѣ.

— Я, Гришка... съ того берега...

— А, „Жукъ!“ воскликнулъ Сѣвка, поспѣшно сбѣгая ступеньки крылечка.

Между комаревскими гуляками заведенъ былъ обычай давать другъ другу прозвища: такъ, Сѣвку, благодаря, вѣроятно, огромнымъ глазамъ на выкатѣ, величали „Глазуномъ“; черные какъ смоль волосы пріемыша, смуглый цвѣтъ лица, нахмуренный видъ заслужили ему названіе „Жука“.

— Гдѣ ты пропадалъ? недѣлю не видали? спросилъ Сѣвка.

— Нельзя, братъ: хлопотали... Вѣдь у меня старикъ-атъ померъ...

— Что́ ты?..

— Да такъ...

— Стало, ты теперь хозяинъ! воскликнулъ Сѣвка, имѣвшій свои причины радоваться перемѣнѣ въ судьбѣ своего товарища.— Что-жъ, Жукъ, а? примолвилъ онъ полу-шутовскимъ, полу-серьезнымъ тономъ:—вѣдь, я чай, спрыснуть надо... какъ же такъ-то!.. ей-Богу надо спрыснуть!..

— Приходи опосля, какъ фабрику запрутъ, и другихъ нашихъ робятъ зови.

— Вотъ такъ-такъ! ладно, будемъ!

— Зови къ Герасиму, подтвердилъ пріемышъ:—дойди только теперь къ Захару, скажи: Гришка, молъ, дожидаетъ, оченно, скажи, безпремѣнно надо видѣть.

— Эвна! да рази ты не знаешь?

— А что?

— Стало, онъ у тебя вечоръ не былъ?

— Нѣтъ.

— Третій ужь день не живетъ у насъ.

— Полно...

— Право; разсчелся.

— Гдѣ-жъ онъ? стало, у Герасима?

— Знамо, тамъ; гдѣ-жъ больше и быть! Ступай туда: найдешь.

— Ладно; такъ приходите же, вымолвилъ Гришка, поспѣшно удаляясь.

— Духомъ будемъ! отозвался Сѣвка, исчезая въ непроницаемой темнотѣ фабричныхъ сѣней.

Кабакъ находился, какъ уже извѣстно, у околицы. Гришкѣ пришлось, слѣдовательно, повторить свое путешествіе по Комареву. Конецъ былъ порядочный, и прогулка, сама по себѣ, не представляла большого удовольствія, особенно въ ночное время. Грязь и лужи покрывали улицы. Хворостъ, брошенный такъ только, для проформы, въ глубокія ямы, наполненныя грязною жижей, обманывалъ ногу, Нужно было имѣть кошачьи глаза и кошачью легкость, чтобы выйти невредимымъ изъ этой топи.

Несмотря, однакожъ, на всѣ неудобства дороги, Гришка подвигался впередъ быстро и весело. Свистъ его былъ даже причиною пробужденія нѣсколькихъ собакъ, которыя до того времени спокойно спали подъ телѣгами и воротами. Онъ находился въ счастливѣйшемъ расположеніи духа и былъ похожъ на лѣниваго школяра, котораго только-что выпроводили изъ школы, и которому сказали: „ступай на всѣ четыре стороны!“

По мѣрѣ того, какъ пріемышъ приближался къ цѣли своего путешествія, освѣщенныя окна становились рѣже. Шумъ внутри фабрикъ отдалялся съ каждою минутой. Мало-по-малу онъ пропалъ совершенно. Въ ушахъ пріемыша раздавался только хляскъ, производимый его ногами, и шуршуканье вѣтра, который время отъ времени пробѣгалъ по соломеннымъ кровлямъ.

Теперь уже тянулись по большей части низенькія лачужки и полуобвалившіеся плетни, принадлежавшіе бѣднымъ обывателямъ. Густой, непроницаемый мракъ потоплялъ эту часть Комарева. Кровли, плетни и зданія сливались въ какія-то черныя массы, мало чѣмъ отличавшіяся отъ темнаго неба и еще болѣе темной улицы. Тутъ уже не встрѣчалось ни одного освѣщеннаго окна. Здѣсь жили одни старики, старухи и больные. Остальные всѣ, отъ мала до велика, работали на фабрикахъ.

Хриплый, удушливый лай и звяканье желѣзной цѣпи возвѣстили наконецъ близость „Разставанья“. Безъ этихъ признаковъ, трудно было догадаться, что подходишь къ обитаемому жилищу. Кабакъ казался еще мрачнѣе, еще темнѣе лачужекъ, потому, вѣроятно, что занималъ больше пространства въ темномъ небѣ. Отдѣленный отъ домовъ огородами, онъ оканчивалъ собою жилье съ этой стороны Комарева. Большая часть навѣсовъ заведенія и заднія ворота выходили уже въ луга—обстоятельство большой важности, если принять въ соображеніе торговыя операціи Герасима, которыя были такого рода, что должны были производиться, по возможности, тихомолкомъ. Мертвое молчаніе окружало зданіе, одиноко возвышавшееся посреди пустыря. Лаяли только собаки, да шумѣлъ вѣтеръ, гулявшій теперь на просторѣ. Но тюремная наружность „Разставанья“ не произвела, однакожъ, на Гришку непріятнаго дѣйствія. Напротивъ того, онъ ускорилъ шагъ, какъ человѣкъ, достигнувшій наконецъ своей цѣли послѣ долгаго странствованія. Онъ проворно вбѣжалъ на крыльцо и смѣлою, увѣренною рукою отворилъ дверь, обвѣшенную лохмотьями рогожи.

Герасимъ только-что легъ на скамью, скрывавшуюся за прилавокъ, когда Гришка вошелъ въ кабакъ. Сальный огарокъ, воткнутый въ желѣзный искалѣченный подсвѣчникъ, слабо освѣщалъ избу. Желтое пламя, придавленное шапкою нагара, выставляло напоказъ дюжины двѣ мелкихъ, но неуклюже-толстенькихъ стакановъ, съ зеленымъ и фіолетовымъ отливомъ, которые тѣснились на сосновой доскѣ прилавка, такой же жирной, какъ огарокъ, и черной, какъ полъ. Свѣтъ съ трудомъ уже досягалъ за предѣлы прилавка. Кой-гдѣ, впрочемъ, мелькали края полокъ, штофы и стклянки, украшавшіе заднюю стѣну. Бочка, стоявшая въ дальнемъ углу, едва-едва обозначалась красноватымъ кругомъ. Мѣдный кранъ бочки и жестяныя воронки, прицѣпленныя къ ея боку и тронутыя кой-гдѣ блескомъ свѣчи, казались висящими въ воздухѣ. Бревенчатый потолокъ и стѣны передней части избы, предназначавшейся для посѣтителей, оставались въ совершенной темнотѣ (прилавокъ раздѣлялъ избу пополамъ). Справа только не доходилъ онъ до стѣны, открывая посѣтителямъ сообщеніе съ задней дверью.

Кромѣ сверчка, который жалобно трещалъ подъ какимъ-то косякомъ, тутъ не было, казалось, живой души. Но едва только успѣлъ Гришка перекинуть ногу за порогъ, надъ краемъ прилавка показалось продолговатое, мертвенное лицо цѣловальника. Казалось,

подъ поломъ кабака скрывался механизмъ, имѣвшій непосредственное сообщеніе между петлями дверей и туловищемъ Герасима. Дверь отворялась—туловище приподымалось съ лавки; дверь запиралась—туловище опускалось. Замѣчательнѣе всего, что туловище находилось въ совершенномъ повиновеніи у двери и подымалось быстро или медленно, смотря по тому, быстро ли, или медленно, отворяли дверь.

— Здорово, дядюшка Герасимъ! молодцовато воскликнулъ пріемышъ, приподымая шапку и приближаясь къ прилавку.

Цѣловальникъ лѣниво протеръ красные больные глаза свои и еще лѣнивѣе подперся локтемъ. Увидѣвъ молодого парня, лицо и денежныя обстоятельства котораго были ему довольно знакомы, онъ не удостоилъ даже опустить наземь длинныхъ ногъ своихъ.

— Косушку, что ли? произнесъ онъ сонливымъ, неохотливымъ голосомъ.

— Возьмемъ и четверть! мало четверти, все ведро возьмемъ,— дай срокъ! сказалъ пріемышъ, очевидно старавшійся произвести выгодное впечатлѣніе на цѣловальника, передъ которымъ игралъ до сихъ поръ самую ничтожную роль.—Сами теперь хозяева, дядюшка Герасимъ! подхватилъ онъ подбоченясь и потряхивая волосами:— живемъ, какъ хотимъ!.. Слышь, дядюшка Герасимъ!.. Сами стали хозяева!

— Твое счастье, промямлилъ цѣловальникъ, зѣвая и потягиваясь.

Онъ ничего не зналъ еще о смерти Глѣба. Въ противномъ случаѣ, Герасимъ обошелся бы съ парнемъ ласковѣе и словоохотливѣе. Ему не разъ уже приводилось имѣть дѣло съ молодыми наслѣдниками. Онъ зналъ, какъ сговорчивы они на первыхъ порахъ, умѣлъ пользоваться случаемъ и обдиралъ ихъ обыкновенно до-чиста. Денегъ онъ никогда не спрашивалъ, пока въ рукахъ наслѣдника находился хоть какой-нибудь цѣнный предметъ изъ крестьянскаго хозяйства. Этимъ способомъ онъ навѣрняка пріобрѣталъ каждую вещь за половину цѣны. О деньгахъ заботиться было нечего: деньги наслѣдника, само собою разумѣется, не минуютъ перейти въ его руки. Но цѣловальникъ находился въ неизвѣстности о кончинѣ зажиточнаго рыбака и не видѣлъ пока надобности терять лишнія слова съ пріемышемъ. Приписывая удаль и веселость парня какому-нибудь полтиннику, случайно попавшему въ карманъ, Герасимъ нетерпѣливо спросилъ, что ему надо.

— Погоди, дай срокъ: будетъ время покуражиться; теперь до Захара есть надобность, торопливо отвѣчалъ Гришка.

— Такъ бы и сказалъ... Ступай въ харчевню, проворчалъ Герасимъ и снова повалился на лавку.

Гришка между тѣмъ прошелъ между стѣною и прилавкомъ и направлялся къ задней двери.

Дверь открывалась въ сѣни, служившія цѣловальнику складочнымъ мѣстомъ. Чего только не было въ этихъ стѣнахъ! Каждый могъ вдоволь любоваться кадками, корчагами, горшками и котлами, которые громоздились въ свободныхъ углахъ и даже, за неимѣніемъ мѣста, валялись на полу. Когда дверь, выходившая на дворъ, была затворена, въ сѣняхъ царствовалъ полу-мракъ, даже среди бѣлаго дня. Потолка не было, и свѣтъ проходилъ сквозь щели соломенной кровли; но ночью, и особенно теперь, когда небо заслонялось тучами, тутъ легко было сломить себѣ шею. При всемъ томъ, Гришкѣ достаточно было нѣсколько секундъ, чтобы выбраться изъ этого лабиринта и нащупать рукоятку внутренней двери. Онъ не замедлилъ очутиться подъ длиннымъ досчатымъ навѣсомъ, — родъ крытой галлереи, которая лѣпилась вдоль стѣны кабака и выходила открытою своею стороною на дворъ, окруженный сплошною стѣною сараевъ и навѣсовъ. Кромѣ кабака и харчевни, Герасимъ содержалъ также постоялый дворъ. Двѣ дороги: одна — изъ Зарайска, другая — изъ внутренней части уѣзда, въ Коломну, проходили подлѣ Комарева. Герасимъ не могъ, слѣдовательно, терпѣть убытка. Въ базарные дни, осенью и зимою, въ обозное время, въ посѣтителяхъ не было недостатка. Лошади и подводы наполняли дворъ. Часто даже, за тѣснотою, приходилось помѣщаться у воротъ. Галлерея примыкала правымъ концомъ своимъ къ большой избѣ, гдѣ жили цѣловальникъ и жена его, гдѣ ужинали и спали обозники и прохожіе. Лѣвый конецъ ея упирался въ другую избу, составлявшую съ заднею стѣною кабака прямой вогнутый уголъ. Постройки „Разставанья“ представляли, слѣдовательно, со стороны двора подобіе изломанной буквы П. Въ этой послѣдней избѣ находилась собственно харчевня. Окна смотрѣли на дворъ или навѣсы, такъ что съ галлереи не было возможности разсмотрѣть, что происходило въ харчевнѣ; но на этотъ разъ огонь, отражавшійся въ лужѣ, достаточно показывалъ присутствіе гостей. Гришка легко даже могъ бы разслышать голосъ и пѣсню Захара, еслибъ не помѣшали звуки желѣзной цѣпи и лай собаки, которая, заслышавъ шаги на галлереѣ, металась и лаяла сильнѣе прежняго.

XXV.

Отворивъ дверь харчевни, пріемышъ вступилъ въ крошечную темную коморку, стѣны которой, живьемъ сколоченныя изъ досокъ, не доходили до потолка. На полу шипѣлъ самоваръ, распространявшій вокругъ себя огненную, вычурную звѣзду. Труба самовара, наполненная пылающими угольями, освѣщала раздутое лицо батрака Герасима.

Гришка не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія и поспѣшно вошелъ въ просторную избу, уставленную множествомъ столовъ и лавокъ.

Два-три стола заняты были посѣтителями, принадлежавшими по большей части къ сословію комаревскихъ фабричныхъ; между ними виднѣлись и женщины.

Неподалеку, за особымъ столомъ, возсѣдалъ Захаръ. Передъ нимъ возвышался штофъ, зеленѣлъ стаканъ и красовалась гармонія, неизмѣнная его спутница.

— Гришка! онъ самый! воскликнулъ Захаръ, какъ только пріемышъ показался въ дверяхъ: — ахъ ты шутъ ты этакой! а я только тебя вспоминалъ! подхватилъ онъ, стремительно подымаясь и подходя къ товарищу: — ну, садись, братъ, присосѣживайся, вотъ тебѣ стаканчикъ „жизни“... Качай! заключилъ Захаръ, наливая вино.

Гришка оглянулъ присутствующихъ, молодцовато тряхнулъ волосами, выпилъ вино и стукнулъ даже стаканомъ объ столъ.

Пріемышъ, какъ вообще всѣ молодые люди, начинающіе разгульное поприще, стремился покуда къ тому только, чтобы прослыть въ кругу товарищей лихимъ, удалымъ малымъ. Самый вѣрный способъ сдѣлаться лихимъ и выиграть во мнѣніи такихъ товарищей заключается въ томъ, чтобы выпивать съ ними одинаковое число стакановъ. Новичокъ, перепившій самаго отчаяннаго пьяницу своей компаніи, занимаетъ уже видное мѣсто. Гришкѣ ни разу еще не удавалось перепить Сѣвку, хотя онъ мало уже въ чемъ уступалъ другимъ комаревскимъ гулякамъ; но самолюбіе его не удовлетворялось такимъ успѣхомъ. Многаго еще недоставало ему, чтобы сравняться съ товарищами. Такъ, напримѣръ, Гришка, шумѣвшій и кричавшій громче всѣхъ на попойкахъ, терялъ всю свою лихость

въ присутствіи прекраснаго пола. Имъ овладѣвала тогда страшная неловкость: у него отымался языкъ. Несмотря на стаканы вина, которые выпивалъ онъ залпомъ, чтобы сдѣлаться замѣтнымъ, никто не обращалъ на него вниманія. Въ этомъ отношеніи послѣдній мальчишка въ Комаревѣ былъ ловчѣе его. Быть можетъ, сознаніе своей зависимости, безденежье, непереставшее грызть ему сердце, сильнѣе еще возбуждали въ немъ робость: и радъ бы показать себя передъ людьми, да нечѣмъ! Наконецъ, ему попросту недоставало привычки къ женскому обществу. При жизни Глѣба, онъ имѣлъ случай исчезать не иначе, какъ ночью, а въ эту пору комаревскія красавицы рѣдко рѣшались посѣщать „Разставанье". Однимъ словомъ, Гришка не зналъ „приличнаго обращенья", какъ говорилъ Захаръ.

Но теперь обстоятельства перемѣнились. Гришка могъ отправляться въ Комарево, когда заблагоразсудится, пребывать тамъ, сколько душѣ угодно, пожалуй хоть вовсе туда переселиться. Можно, слѣдовательно, надѣяться, что онъ употребитъ съ пользою свою свободу. Подъ руководствомъ такого наставника, какъ Захаръ, онъ, безъ сомнѣнія, пойдетъ быстрыми шагами къ просвѣщенію и не замедлитъ постигнуть тайну „приличнаго обращенья".

— Гдѣ-жъ ты пропадалъ? началъ Захаръ.

— Чего, братецъ! рази ты не слыхалъ?

— А что?

— Да вѣдь у меня... старикъ-атъ... вѣдь померъ!

— Какъ? можетъ ли быть? воскликнулъ Захаръ, откидываясь назадъ и выказывая на мгновенно вспыхнувшемъ лицѣ своемъ всѣ признаки удивленья, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полнѣйшаго восторга.

— Право, отвѣчалъ Гришка, вниманіе котораго съ самаго начала бесѣды исключительно почти принадлежало постороннимъ лицамъ, находившимся въ харчевнѣ:—померъ,—третьяго дня померъ.

— Скажи ты на милость! а? Съ чего жъ такъ? Хворалъ, что ли? да нѣтъ, когда было хворать! Должно-быть сила, силища задавила его! Я и въ тѣ поры говорилъ, оченно былъ силенъ, безпремѣнно, какъ есть, задавитъ его сила! убѣждалъ Захаръ, окончательно уже захмѣлѣвшій отъ радости.—То есть вотъ какъ, повѣрите ли, братцы, подхватилъ онъ, оборачиваясь къ сидѣвшимъ за другими столами и съ живостію размахивая руками:—то есть отродясь не видалъ такого старика: плечи—вотъ!.. ростъ... то есть четверыхъ, выходитъ, молодцовъ, заткнетъ за поясъ... страшилище

былъ... то есть ни вообразить нельзя никакимъ манеромъ! Я и тогда говорилъ: тѣмъ и помретъ—сила его задавитъ.

— Ноньче утромъ хоронили, перебилъ Гришка, который, очевидно, тяготился долгимъ молчаніемъ.

— Скажи на милость! а? Вотъ она жисть-то, подумаешь! произнесъ Захаръ тономъ меланхоліи, между тѣмъ какъ ястребиные глаза его такъ и прыгали:—вотъ-те и Глѣбъ Савинычъ! жилъ-жилъ да и фю... фю...

Тутъ Захаръ приподнялъ брови, сжалъ губы и, наклонивъ голову, издалъ протяжный, дребезжащій свистъ, но это продолжалось всего одну секунду. Онъ быстро обратился къ пріемышу и произнесъ отрывисто.

— Стало ты, Гриша, хозяинъ теперича?

— Какъ же... все мнѣ предоставилъ! отвѣчалъ пріемышъ:— „тебѣ, говоритъ, предоставляю весь домъ, все мое добро, говоритъ; сыновьямъ, говоритъ, Петру и Василію, ничего не давай; все твое, говоритъ...“

— Ахъ, Глѣбъ Савинычъ, милый ты человѣкъ! воскликнулъ Захаръ съ неподдѣльнымъ, но потому-то самому комически-отвратительнымъ умиленіемъ.—То-то вотъ, напрасно мы тогда на него пеняли! и то, и сё,—а онъ вонъ какую добродѣтель сдѣлалъ... ужъ подлинно наградилъ, можно сказать! отецъ родной, все единственно! Скажи на милость! Такимъ манеромъ, выходитъ, сталъ ты, Гриша, богачомъ теперича? Вотъ и знайте вы его, каковъ онъ есть! все единственно первый нашъ фабрикантъ; а можетъ, тотъ еще семь верстъ не доѣхалъ до его капитала! подхватилъ Захаръ:—да, такъ вотъ каковъ онъ есть такой человѣкъ теперича,—старикъ-атъ жилъ въ акуратѣ, лучше быть нельзя: можетъ статься, двадцать лѣтъ копилъ, рубъ на рубъ складывалъ! такимъ манеромъ оставилъ по себѣ не одну сотню... можетъ-статься, выкинемъ какъ есть и всю тысячку! Теперича парни наши—все это, выходитъ, шишь-голь передъ нимъ—вотъ что! Ай да Григорій Акимычъ! знай теперь нашихъ! Да нѣтъ, я его довольно знаю: не зазнается—парень бравый, говорилъ Захаръ, дружески хлопая по плечу пріемыша, который старался принять значительный видъ и бодрился.—Слушай, Гриша, заключилъ Захаръ, перемѣняя вдругъ интонацію:—не о себѣ, братъ, говорю: что мнѣ! ничего мнѣ отъ тебя не надо! А только, воля твоя, надо бы, на радостяхъ-то, повеселить товарищей,—ей Богу! такъ ужъ, братъ, водится. Да вотъ и себя не мѣшаетъ маленечко,

того, знаешь, этакъ покуражить: вѣдь это, какъ есть, братецъ ты мой, по правилу слѣдуетъ... а?

— Только бы шли; за нами дѣло не станетъ, самодовольно вымолвилъ Гришка: —я и то заходилъ на фабрику.

— Когда?

— Да вотъ передъ тѣмъ, какъ сюда иттить; видѣлъ Глазуна, велѣлъ ему всѣхъ звать, какъ порѣшатъ за работой... Отъ него и провѣдалъ, что ты здѣсь... Сказывалъ, тебя хозяинъ разсчелъ...

Захаръ толкнулъ его ногою и прищурилъ лѣвый глазъ, давая этимъ знать, чтобъ онъ молчалъ. Ему не хотѣлось, видно, чтобы причина размолвки съ фабрикантомъ сдѣлалась извѣстна посторонпимъ лицамъ; а можетъ быть, знаки эти имѣли цѣлію показать Гришкѣ довѣріе и дружбу Захара.

— Да, какже! держи карманъ! нѣтъ братъ, не онъ меня разсчелъ—самъ отошелъ, ловко подхватилъ онъ:—станемъ, какже. угождать всякой шушерѣ, то не такъ, это не такъ... Ахъ ты, въ стекляночной-те разбей! чуфара ты этакая купеческая, самоварная! разжился—поди ты, какой форсъ взялъ... не угодишь никакъ! Ну, значитъ, и отваливай!

Но, по мѣрѣ того, однакожъ, какъ вино въ штофѣ исчезало, наглая наружность Захара замѣтно теряла свою веселость. Онъ не умолкалъ, впрочемъ, ни на минуту, разсказывалъ потѣшные анекдоты, игралъ на гармоніи и даже пѣлъ пѣсни: но во всемъ этомъ проглядывало какое-то принужденіе. Видно было, что Захаръ о чемъ-то заботился; онъ не переставалъ потирать лобъ, хмурилъ брови. чесалъ переносицу своего орлинаго носа,—словомъ, былъ, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ. Наконецъ онъ всталъ изъ-за стола, вышелъ изъ избы, выслалъ за чѣмъ-то батрака Герасима, который спалъ на полу подлѣ самовара, приложилъ глаза къ скважинѣ перегородки и кликнулъ пріемыша.

— Гриша, сказалъ онъ озабоченнымъ голосомъ: —подь-ка, братъ, сюды... на два слова.

Секунду спустя, Гришка очутился подлѣ товарища.

— Слушай, есть у те деньги? торопливо шепнулъ Захаръ.

— Нѣтъ, нѣту.

— Эхъ, плохо дѣло! произнесъ Захаръ.—Какъ же это, братецъ мой, а? подхватилъ онъ, досадливо тряхнувъ головою.

— Потому больше, думалъ, у тебя найдутся...

— Было точно цѣлковыхъ два, какъ разсчелся съ хозяиномъ;

всѣ вышли: то да се. Слушай Гриша, ты знаешь каковъ я есть такой! подхватилъ вдругъ Захаръ рѣшительнымъ тономъ: — ужъ сослужу службу,—одно говорю, слышь, заслужу! Теперь возьми ты: звалъ ребятъ, придутъ—угостить надо: какъ же безъ денегъ-то? никакимъ манеромъ нельзя. Вѣдь Герасимъ въ долгъ не повѣритъ,— право, жидъ, не повѣритъ; надо какъ нибудь перевернуться, а ужъ насчетъ себя одно скажу: заслужу тебѣ!

— Съ тѣмъ и шелъ—думалъ, у тебя будутъ...

— То-то и есть, нѣту. Тогда бы и разговору не было: бери, да и все тутъ; что мое, то твое: это все единственно... Воля твоя, Гриша, надо добыть: придутъ ребята—какъ же? негодится, братъ, осмѣютъ, осрамишься... Да что тебѣ! не искать стать! взялъ да и баста! свое берешь, не чужое! Самъ говоришь, тебѣ все предоставилъ: такимъ манеромъ это все одинственно.

— Да гдѣ взять-то? Поди-жъ ты, въ голову не пришло, какъ былъ дома! произнесъ Гришка, проклиная свою опрометчивость:— кабы напередъ зналъ... Куда за ними идти! время позднее... ночь...

— Вотъ, три-то версты! живо подхватилъ Захаръ.

— Знамо, недалече, да, я чай, дома-то спятъ всѣ; придемъ— всѣхъ только переполошимъ.

— Тихо можно обдѣлать, никто даже ни... ни... не ворохнется. И то сказать: рази воры какіе пришли? чего имъ полошиться-то?.. Пришелъ, взялъ, да и баста; свое добро взялъ, не чужое... ты не воровать пришелъ... Смотри, братъ, тебя бы не обворовали.

— Небось.

— А гдѣ деньги-то.

— Въ сундучкѣ, въ коморѣ; куда хоронилъ старикъ, тамъ и лежатъ...

— Эхъ ты, Ѳалалей! ахъ! воскликнулъ Захаръ чуть не во все горло: —что-жъ это ты надѣлалъ? Сыми мою голову, не будь я Захаръ, коли найдемъ теперь хоша одну копейку! рублемъ простъ буду, коли старуха, тѣмъ временемъ, какъ сюда шелъ, не забрала деньги!

— Небось, не возьметъ! съ увѣренностію возразилъ Гришка: — вѣдь ключъ-то отъ коморы—я его взялъ... передъ тѣмъ, какъ идти, взялъ...

— Ой-ли?

— Вотъ онъ.

— Такъ о чемъ же мы толкуемъ? что-жъ мы стоимъ? пойдемъ!

восторженно прошепталъ Захаръ, схватывая руку товарища. — Чего ждать-то? Толкомъ говорятъ: рази мы воровать идемъ? Твое добро, тебѣ предоставлено: значитъ, все единственно, властенъ взять, когда хочешь. Теперь даже взять податнѣе, черезъ ту, выходитъ, причину: возьмешь днемъ — всѣ увидятъ, содомъ подымутъ, шумъ, крикъ, упрекать станутъ; теперь никто не увидитъ — взялъ, да и баста! дѣло выйдетъ въ закрывъ, самое любезное: подумаютъ еще, ничего послѣ себя не оставилъ; тѣмъ и обойдется... Пойдемъ, Гришуха: того и смотри, придутъ ребята.

Пріятели вернулись за перегородку, взяли шапки, раскланялись съ пирующими и вышли изъ харчевни.

— Вотъ что, дружище, сказалъ Захаръ, когда они очутились въ крытой галлереѣ: — ты меня обожди минутку на улицѣ. Признаться, малость задолжалъ поньче вечеромъ Гараськѣ: думалъ, Сѣвка выручитъ. Надо слова два перемолвить съ Герасимомъ; безъ того, жидъ, не выпуститъ... Духомъ выйду къ тебѣ...

Гришка утвердительно кивнулъ головою, вступилъ въ сѣни, потомъ въ кабакъ. Голова цѣловальника тотчасъ же показалась надъ прилавкомъ; но Гришка не обратилъ на него вниманія и, оставивъ въ кабакѣ Захара, вышелъ на улицу.

Пріемышъ недолго дожидался. Минуту спустя, Захаръ явился къ нему, но уже безъ полушубка и шапки. Оба эти предмета остались на время „въ ученьи“ у Герасима, — такъ выразился по крайней мѣрѣ Захаръ.

Несмотря на грязь и лужи, которыя замедляли шагъ, пріятели скоро миновали луга и не замедлили очутиться въ кустахъ ивняка, гдѣ скрывался челнокъ пріемыша. Немного погодя, они переѣхали Оку и вышли на площадку.

Тьма кромешная окутывала избушки. Не было никакой возможности различить ихъ очертаніе посреди темнаго углубленія высокаго берегового хребта, который подымался черною, мрачною стѣною. Жалобное журчаніе ручья да изрѣдка шумъ вѣтра, который качалъ воротами, возмущали тишину площадки.

Шагахъ въ двадцати отъ дому, Гришка неожиданно остановился и поспѣшно удержалъ рукою Захара.

— Шт... никакъ... какъ словно кто-то на заваленкѣ? прошепталъ онъ измѣнившимся голосомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сквозь темноту можно было различить на заваленкѣ что-то бѣлѣвшееся: казалось, сидѣлъ кто-то. Смолкнувшій

на минуту вѣтеръ позволилъ даже разслышать тяжкій вздохъ и затаенное рыданіе.

— Должно-быть, старуха все убивается, шепнулъ Захаръ: — придется идти къ огороду.

Оба затаили дыханіе, припали къ землѣ и бережно стали огибать избы. За угломъ они снова поднялись на ноги и поспѣшили войти въ проулокъ, куда отворялись заднія ворота.

— Все одно, и здѣсь услышатъ; ворота добре пуще скрипятъ какъ разъ услышатъ, произнесъ нерѣшительно пріемышъ, потерявшій вдругъ почему-то всю свою смѣлость.

— Не годится, когда такъ... потому услышатъ... можетъ-статься, тамъ еще тесть твой? шепнулъ Захаръ, торопливо оглядываясь назадъ.

— Не знаю... можетъ, и тамъ.

— Какъ же быть-то? придется вѣдь лѣзть черезъ крышу, когда такъ... потому хуже, коли услышатъ... не драться же съ ними. Все дѣло спортимъ. Надо какъ-нибудь такъ, чтобы не догадались... Подумаютъ, не оставилъ старикъ денегъ,—да и все тутъ. Ну, пойдемъ: начали — кончать, значитъ, надо! проговорилъ Захаръ, ободряя товарища.

Они миновали проулокъ и выбрались къ ручью.

Съ этой стороны тянулся сплошной навѣсъ, соединявшійся съ избою посредствомъ небольшой бревенчатой постройки. Одна стѣна постройки выходила въ сѣни избы, другая примыкала къ навѣсу: это была комора; соломенная кровля ея шла въ уровень съ кровлею избы, но значительно возвышалась надъ кровлею навѣса, такъ что, взобравшись на навѣсъ, легко было проникнуть на чердакъ; съ чердака вела лѣстница въ сѣни, куда выходили дверь коморы, дверь избы и дверь на крылечко.

— Ну, что думать-то? полѣзай! шепнулъ Захаръ:—сыми напередъ сапоги-то — лучше: неравно застучатъ.

Онъ долженъ былъ, однакожъ, два раза повторить совѣтъ пріемышу. Въ ушахъ Гришки шумѣло; сердце его сильно билось въ эту минуту, несмотря на то, что онъ всячески ободрялъ себя мыслями, что беретъ свое добро, что можетъ взять его, когда заблагоразсудится. При всемъ томъ страхъ невольно прохватывалъ его до самаго сердца; онъ чувствовалъ, что дрожали его колѣни и пересыхало въ горлѣ. Онъ, можетъ быть, отказался бы даже отъ предпріятія, еслибъ не боялся прослыть трусомъ въ глазахъ Захара,

еслибъ не боялся насмѣшекъ товарищей, которымъ, безъ сомнѣнія, обо всемъ разскажетъ Захаръ... Послѣднее соображеніе мгновенно возвратило ему бодрость; онъ снялъ сапоги, поставилъ ногу въ ладонь Захара, махнулъ на кровлю и черезъ минуту исчезъ въ отверстіи, которое оставалось между кровлями коморы и навѣса.

Нѣсколько минутъ тягостнаго ожиданія прошли для Захара; повидимому, онъ также не владѣлъ всею своею смѣлостію. Прижавшись къ стѣнѣ, Захаръ не переставалъ оглядываться то въ одну сторону, то въ другую.

Наконецъ доска, закрывавшая изнутри маленькое окошко коморы, тихо отошла въ сторону, и лицо Гришки выглянуло наружу.

— Всѣ спятъ... Ступай, проговорилъ онъ едва слышно.

Захаръ проворно ухватился руками за верхній вѣнецъ, нащупалъ правой ногою мѣсто въ какой-то щели и съ помощью локтей живо вскарабкался на кровлю. Попасть на чердакъ не стоило ни малѣйшаго труда, стоило только лечь грудью на край навѣса, спустить ноги въ отверстіе кровли—и дѣлу конецъ: несравненно труднѣе было найти въ темнотѣ сходъ въ сѣни. Но Захару слишкомъ хорошо извѣстно было жилище Глѣба, чтобы могъ онъ сбиться съ пути или оступиться; онъ благополучно добрался до лѣстницы и еще благополучнѣе сошелъ внизъ. Прислушавшись минуту и убѣдясь хорошенько, что точно никто не пробуждался, онъ вступилъ въ комору, бережно заперевъ за собою дверь.

— Ну, братъ, зѣвать нечего... живо! Гдѣ сундукъ? произнесъ Захаръ, ощупывая въ потемкахъ товарища.

— Подъ нарой... завсегда тамъ былъ, отвѣчалъ Гришка, опускаясь наземь.

— Должонъ, значитъ, быть и теперича... Тащи... смотри только, не загреми... Что-жъ ты? промолвилъ Захаръ послѣ минутнаго напраснаго ожиданія.

— Что глотку-то дерешь! дай прежде сыскать: не найду никакъ, прошепталъ Гришка, ползая подъ нарою.

— Погоди... у меня никакъ вотъ тутъ спички были, торопливо промолвилъ Захаръ, роясь въ карманѣ шароваръ:—такъ и есть, тутъ.

Захаръ пригнулся къ полу; секунду спустя синій огонекъ сверкнулъ между его пальцами, разгорѣлся и освѣтилъ узенькія бревенчатыя стѣны, кое-гдѣ завѣшенныя одеждою, прицѣпленной къ деревяннымъ гвоздямъ; кой-гдѣ сверкнули хозяйственныя орудія, пила, рубанокъ, топоръ, державшіеся на стѣнѣ также помощію де-

ревянныхъ колышковъ; во всю длину стѣны, гдѣ прорублено было окошко, лѣпились досчатыя нары, намощенныя на козла — осеннее ложе покойнаго Глѣба; изъ подъ наръ выглядывали голыя ноги пріемыша.

— Смотри въ оба, не зѣвай, вымолвилъ Захаръ, просовывая руку съ огнемъ подъ нару.

— Вижу... здѣсь, вотъ онъ! шепнулъ Гриша.

— Шт... тащи... Эхъ, погасла, варварка! Ну, да ниито: и безъ огня теперича справимся.

Хриплый шорохъ по земляному полу возвѣстилъ, что сундукъ тронулся съ мѣста.

— Какъ же быть-то? вѣдь у сундука замокъ, а ключа-то нѣтъ, сказалъ Гришка, окончательно выдвигая сундукъ изъ-подъ нары.

— Ничего: былъ бы топоръ... Заднюю доску у сундука отымемъ: это все единственно, какъ есть все на виду окажется; оно и лучше... Ключъ, вѣрно, у старухи... Заложимъ опосля доску-то, на мѣсто поставимъ — она и не догадается. Кажись, тутъ былъ гдѣ-то топоръ.

— У двери на гвоздѣ... нашелъ?

— Тута; на, бери его, а я пока засвѣчу спичку, сказалъ Захаръ, подавая Гришкѣ топоръ.

Спичка вспыхнула, и Гришка принялся за дѣло. Старый, изветшалый задокъ сундука отошелъ безъ большихъ усилій, но въ ту самую минуту, какъ пріемышъ наклонялъ голову къ отверстію сундука, Захаръ, успѣвшій уже разглядѣть кое-что на днѣ, уронилъ спичку.

— Эхъ, измѣнила, окаянная! прошепталъ Захаръ, поспѣшно прислоняясь плечомъ къ плечу товарища и стараясь показать, что шаритъ у себя въ карманѣ.

Въ этомъ положеніи Захаръ могъ чувствовать малѣйшее движеніе своего пріятеля; суетливыя движенія Захара, который продолжалъ дѣлать видъ, какъ будто отыскиваетъ спичку, не могли возбудить подозрѣній Гришки.

— Шутъ ихъ знаетъ! не найдешь, да и полно! повторялъ Захаръ, обшаривая между тѣмъ свободною рукою сундукъ: — должно быть, всѣ... Нѣтъ, погоди, подхватилъ онъ, торопливо вынимая два цѣлковыхъ и запрятывая ихъ съ необычайнымъ проворствомъ, одинъ въ карманъ шароваръ, другой за пазуху, изъ предосторожности, вѣроятно, чтобы они не звякнули.

Захаръ, безъ сомнѣнія, повторилъ бы свою продѣлку; но движеніе Гришки дало знать, что рука его также протягивалась къ сундуку.

Спичка мгновенно отыскалась.

— Кошель! сказалъ Гришка.

Соколиные глаза Захара жадно устремились на руки товарища, и горящая спичка задрожала между его пальцами при видѣ раскрытаго кожанаго кошеля, въ которомъ находилось мелочью и цѣлковыми рублей сто ассигнаціями.

— Должно-быть, еще есть, глухо прошепталъ Захаръ, сдавливая пальцемъ огонь.

Но на этотъ разъ хитрость ни къ чему не послужила: рука пріемыша была уже въ сундукѣ, прежде чѣмъ Захаръ успѣлъ протянуть свою собственную.

— Тряпица съ деньгами! вымолвилъ Гришка голосомъ, задыхающимся отъ волненія.

Въ тряпицѣ, завязанной въ нѣсколько узловъ, нашлись, къ сожалѣнію, однѣ только заржавленныя, старыя скобки, задвижки, пуговицы, петли и гвозди, перемѣшанные, впрочемъ, съ нѣсколькими пятаками. Несмотря на тщательный розыскъ, въ сундукѣ не нашлось больше ни одного гроша; всѣ сокровища Глѣба заключались въ кожаномъ кошелѣ; то былъ капиталъ, скопленный трудолюбивымъ старикомъ въ продолженіе цѣлаго десятка лѣтъ!

— Ну, ничего! сказалъ Захаръ:—маленько обманулъ насъ старикъ, а все хошь не даромъ сходили: будетъ чѣмъ покуражиться!.. Пойдемъ: пора; я чай, ребята ждутъ! заключилъ онъ и, безъ дальнихъ разговоровъ, быстро вышелъ въ сѣни.

— Погоди: дай управиться; куда ты? вмѣстѣ пойдемъ, торопливо шепталъ Гришка.

— Одинъ не уйду... Ужь и струхнулъ... эхъ ты! грубо отозвался Захаръ.

Скрипъ лѣстницы возвѣстилъ, однакожъ, Гришкѣ, что товарищъ его спѣшилъ пробраться на чердакъ коморы.

Торопливость окончательно овладѣла тогда Гришкой. Забывъ всѣ предосторожности, онъ кой-какъ приложилъ оторванную доску къ сундуку, пихнулъ его подъ нару, оставилъ топоръ на полу и, не захлопнувъ даже подвижной доски, которою запиралось окошко, выбѣжалъ въ сѣни. Онъ сообразилъ, однакожъ, всю необходимость запереть дверь коморы; сундукъ, топоръ, окно—все это можно было

привести въ порядокъ завтра, но, во что бы то ни стало, надо запереть комору; а ключъ и замокъ никакъ между тѣмъ не отыскивались. Шаги Захара совсѣмъ умолкли. Гришка былъ одинъ въ сѣняхъ: ну, что, если жена, старуха или дѣдушка Кондратій, пробужденные шумомъ, выбѣгутъ вдругъ изъ избы?.. Ему послышалось даже, какъ словно кто-то ходилъ по избѣ. Гришка бросился со всѣхъ ногъ на лѣстницу, ведшую на чердакъ. Но едва только закинулъ онъ ногу на послѣднюю ступеньку, дверь въ самомъ дѣлѣ отворилась.

— Дунюшка? ты, родная? ась? проговорила тетушка Анна.

Затаивъ дыханіе, Гришка висѣлъ неподвижно на верхней ступенькѣ лѣстницы.

Къ счастію, вѣтеръ, зашумѣвшій въ эту минуту передними воротами, привлекъ вниманіе старушки: она прошла сѣни, загремѣла засовомъ, который замыкалъ дверь крыльца, и спустилась на дворъ.

Миновавъ чердакъ и выбравшись затѣмъ на кровлю навѣса, Гришка дохнулъ свободнѣе. Скатываясь на земь, онъ чуть не сѣлъ на шею Захара, который ожидалъ его, притаясь за плетнемъ.

— Что-жъ ты меня оставилъ? досадливо сказалъ пріемышъ: — я чуть было не влопался: старуха изъ избы выходила...

— Кто-жъ на заваленкѣ-то сидѣлъ? отрывисто возразилъ Захаръ: — стало, жена... Смотри, Жукъ, она за тобой присматриваетъ.

Но Гришка думалъ о томъ только, что дверь коморы настежь отворена. Онъ готовъ былъ въ эту минуту отдать половину своихъ денегъ, чтобы дверь эта была на-глухо забита, заколочена, чтобъ вовсе даже не существовала она въ сѣняхъ.

— Захаръ, сказалъ онъ: — вѣдь комора-то не заперта... какъ быть?.. а?.. вѣдь ключъ-то я обронилъ...

— Такъ что-жъ?.. Ужь ты, братъ, и оробѣлъ?.. Ахъ, ты, соломенная твоя душа!.. Такъ что-жъ, что отворена? пущай узнаютъ! Рази ты воровать ходилъ? Твое добро, тебѣ предоставлено, и не можетъ тебѣ запретить въ этомъ никто: захотѣлъ, взялъ, вотъ те все!.. Эхъ ты, Ѳалалей, пра, Ѳалалей!.. Ну, качай! чего сталъ!..

Ободренный такимъ доводомъ, Гришка надѣлъ сапоги и пустился догонять Захара. Онъ часто останавливался, однакожъ, припадалъ къ землѣ и шикалъ Захару, который почему-то выступалъ теперь, не принимая никакихъ предосторожностей, разъ или два принимался даже посвистывать.

Шагахъ въ тридцати отъ дома Гришка оглянулся назадъ.

Онъ явственно разслышалъ голосъ жены и старухи; но сколько ни напрягалъ слухъ, думая услышать крики, звавшіе на помощь, ничего не могъ разобрать. Вѣтеръ дулъ съ Оки и относилъ слова двухъ женщинъ.

Смѣлость возвратилась къ Гришкѣ не прежде, какъ когда очутился онъ въ челнокѣ вмѣстѣ съ Захаромъ. Онъ началъ даже храбриться. На луговомъ берегу Гришка пересталъ уже думать о растворенной двери коморы. Приближаясь къ комаревской околицѣ, онъ думалъ о томъ только, какъ бы получше выказать себя передъ товарищами.

И дѣйствительно, не было возможности выказать себя лучше того, какъ сдѣлалъ это Гришка. Даже Сѣвка-Глазунъ и самъ Захаръ не-отрѣзъ объявили, что не ждали такой удали отъ Гришки-Жука, давно даже не видали такого разливаннаго моря. Мудренаго нѣтъ: пирушка обошлась чуть ли не въ пятьдесятъ рублей. Гришка, „рѣшилъ“ въ одну ночь половину тѣхъ денегъ, которыя находились въ кошелѣ и которыя стоили Глѣбу десяти лѣтъ неусыпныхъ, тяжкихъ трудовъ!

XXVI.

Вѣсточка.

Само собою разумѣется, что Гришка, истративъ бо́льшую половину своего наслѣдства на угощеніе пріятелей, щедро, черезчуръ даже щедро,—отблагодарилъ ихъ за рѣдкіе стаканы вина, которыми угощали они его отъ времени до времени.

Но пріятели—въ томъ числѣ, конечно, Захаръ и Сѣвка—были другого мнѣнія. Убѣдить пріемыша ничего не стоило: онъ тотчасъ же подался. Видное мѣсто, которое занималъ онъ между ними, въ качествѣ главнаго распорядителя и виновника празднества, чрезвычайно льстило его самолюбію.

Роль амфитріона, особенно, когда играешь ее въ первый разъ, способна увлечь и не такихъ легкомысленныхъ малыхъ, какимъ

былъ пріемышъ; скряги, и тѣ въ подобныхъ случаяхъ забываютъ часто разсчетъ. Самолюбіе, какъ извѣстно, отуманиваетъ голову крѣпче всякаго хмѣля. Все это доставило пріемышу такое удовольствіе, было такъ ново для него, что онъ готовъ былъ на всевозможныя жертвы, только бы продлить свое торжество.

Съ того самаго вечера, какъ началась пирушка, Гришка не показывался уже дома. Дуня и тетушка Анна имѣли, однакожъ, возможность видѣть его каждый день. Вотъ какъ это было: избы покойнаго Глѣба находились, если только помнитъ читатель, на значительной высотѣ надъ поверхностію воды. Съ заваленки легко было обозрѣвать Оку на нѣсколько верстъ въ обѣ стороны. Дуня и старушка могли, слѣдовательно, видѣть какъ Гришка и удалая его компанія катались по рѣкѣ въ большой лодкѣ. Дикія, разгульныя пѣсни, крики и хохотъ пьяной толпы явственно доносились по вѣтру до избушекъ; иной разъ лодка подъѣзжала такъ близко, что старушка и сноха ея ясно различали безъ труда лица гулякъ; Гришка сидѣлъ обыкновенно рядышкомъ, рука въ руку, или обнявшись, съ Захаромъ; остальные члены веселой компаніи работали вкривь и вкось веслами, пѣли пѣсни, раскачивали лодку или распивали вино. Разъ даже, въ ненастный, дождливый день, они причалили къ площадкѣ; лодка была до того полна народу, что погружалась въ воду до борта; немало также воды находилось въ самой лодкѣ. Тѣ изъ присутствующихъ, которые были не такъ хмѣльны, вышли на берегъ и бросились къ челнокамъ, смиренно лежавшимъ на пескѣ. Во все время, какъ спускали челноки въ воду, Гришка ни разу не обернулся, не взглянулъ на домъ; ему не до того было: поддерживая рукою штофъ, онъ распѣвалъ во все горло нескладную пѣсню, между тѣмъ какъ голова его безсильно свѣшивалась то на одно плечо, то на другое...

Дуня и старушка наблюдали всю эту сцену изъ окошка. У нихъ никогда не доставало духу оставаться на заваленкѣ, и стоило показаться на Окѣ большой лодкѣ, какъ обѣ спѣшили уйти въ избу. На другой же день послѣ похоронъ Глѣба узнали онѣ продѣлку съ сундукомъ. Первый предметъ, остановившій вниманіе тетки Анны, когда, вставъ на зарѣ, вышла она въ сѣни, была отворенная дверь коморы. Въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ глаза старушки привыкли видѣть эту дверь на запорѣ. Отсутствіе огромнаго желѣзнаго замка, служившаго единственнымъ ея украшеніемъ, ошеломило старушку. Ноги ея подкосились, грудь наполнилась тяжкимъ предчув-

ствіемъ. Съ ужаснымъ крикомъ бросилась она въ избу и позвала Дуню.

Отпечатки грязныхъ ногъ явственно обозначались на полу сѣней и коморы. Комки мокрой грязи висѣли еще на перекладинахъ лѣстницы, ведшей на чердакъ. Спинка сундука, кой-какъ прислоненная, обвалилась сама собою во время ночи. Подлѣ лежали топоръ и замокъ. Окно было отворено!.. Но кто жъ были воры? Старушка и Дуня долго не рѣшались произнести окончательнаго приговора. Отсутствіе Гришки, прогулки въ лодкѣ, бражничество, возобновленная дружба съ Захаромъ обличили пріемыша. Надо было достать откуда-нибудь денегъ.

— Словно сердце мое чуяло! сказала тетушка Анна, тоскливо качая головою (это были почти первыя слова ея послѣ смерти мужа): — тому ли училъ его старикъ-атъ!.. давно ли, касатка... о-охъ!.. я и тогда говорила: на погибель на свою связался онъ съ этимъ Захаромъ!.. Добре вотъ кого жаль, заключила она, устремляя тусклые, распухшіе глаза свои на ребенка, который лежалъ на рукахъ Дуни.

Дуня не плакала, не отчаявалась; но сердце ея замирало отъ страха, и дрожали колѣни при мысли, что не сегодня—завтра придется встрѣтиться съ мужемъ. Ей страшно стало почему-то оставаться съ нимъ теперь съ глазу на глазъ. Она не чувствовава къ нему ненависти, не желая ему зла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желала его возвращенія. Надежда окончательно угасла въ душѣ ея; она знала, что кромѣ зла и горя ничего нельзя было ожидать отъ Гришки.

То, чего она такъ боялась, произошло скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. На пятыя сутки Гришка пришелъ домой, въ сопровожденіи Захара. Оба были шибко навеселѣ.

Увидѣвъ пріемыша, тетка Анна забыла на минуту свое горе. Сердце ея задрожало отъ негодованія.

— Разбойникъ! вскричала она, всплеснувъ руками:—то ли сулилъ ты покойнику, а? Гдѣ-жъ твоя совѣсть, потерянная душа твоя? гдѣ?

— Полно орать-то... проговорилъ Гришка, съ трудомъ ворочая языкъ.

— Разбойникъ! воръ! подхватила старушка, все болѣе и болѣе разгорячаясь.

— Тише, тетенька, слышимъ, не оглохли! промолвилъ Захаръ,

нагло посматривая на Дуню, которая стояла въ дальнемъ углу, блѣднѣе полотна.

— Ты, окаянный, зачѣмъ здѣсь? ты зачѣмъ пришелъ? Твое это все дѣло! ты погубитель нашъ! ты подучилъ его воровать! отчаянно кричала старушка.

— Да что ты въ самомъ дѣдѣ тетка, размахалась? проговорилъ наконецъ Захаръ, мало до сихъ поръ обращавшій на нее вниманія:—кто здѣсь кого обокралъ? смотри, не ты ли?.. Ему красть нечего... Хоша бы точно, заподлинно взялъ онъ деньги, выходитъ, красть ему нечего... свое взялъ—да и шабашъ!.. Пойдемъ, Гришка... что ее слушать, загуменную каргу...

— Знамо... свое... все мое... все мнѣ пре...доставлено!.. несвязно проговорилъ пріемышъ, слѣдуя за Захаромъ и напутствуемый бранью тетушки Анны.

Причина появленія двухъ пріятелей обнаружилась вскорѣ послѣ ихъ ухода. На дворѣ, подъ навѣсомъ, недалеко отъ заднихъ воротъ, находилась клѣть, или „лѣтникъ". Въ этой клѣти сохранялись обыкновенно до перваго снѣгу полушубки и вообще вся зимняя одежда. Заглянувъ туда случайно, тетушка Анна не нашла ни одного полушубка, даже своего собственнаго: клѣть была пустехонька.

Во весь этотъ день Дуня не сказала единаго слова. Она какъ словно избѣгала даже встрѣчи съ Анной. Горе дѣлаетъ недовѣрчивымъ: она боялась упрековъ разсерженной старухи. Но какъ только старушка заснула и мрачная ночь окутала избы и площадку, Дуня взяла на руки дочку, украдкою вышла изъ избы, пробралась въ огородъ и тамъ уже дала полную волю своему отчаянію. Въ эту ночь на голову и лицо младенца, который спокойно почивалъ на рукахъ ея, упала не одна горькая слеза...

Слезамъ этимъ суждено было не пересыхать многіе и многіе дни и ночи. Съ того самаго дня горе какъ червь основалось въ сердцѣ молодой женщины.

Одно изъ самыхъ тяжкихъ испытаній ея было раззореніе старика-отца. Это произошло почти въ то же время, какъ Гришка кутилъ въ Комаревѣ. Дѣдушкѣ Кондратію не трудно было раззориться; стоило только напасть „плевку" на пискарей и колюшекъ, на всю эту мелкоту, которую такъ глубоко презиралъ покойный Глѣбъ; такъ и случилось. Волей-неволей, дѣдушка Кондратій долженъ былъ покинуть маленькое озеро и искать новаго средства къ пропитанію.

Тяжко было семидесяти-восьмилѣтнему старику добывать насущный хлѣбъ другимъ, болѣе труднымъ промысломъ. Онъ перенесъ, однакожъ, переворотъ судьбы съ тою кротостію и смиреніемъ, какія отличали его во всѣхъ случаяхъ жизни. Старикъ казался такъ же спокоенъ, какъ когда, бывало, удилъ рыбу на берегу своего озера. Онъ всячески старался уговорить и успокоить дочь, которая не переставала убиваться о томъ, что не можетъ подать ему руку помощи. И въ самомъ дѣлѣ, при существовавшихъ обстоятельствахъ, она ровно ничѣмъ не могла пособить преклонному родителю. Сама она съ своимъ младенцемъ и тетушка Анна ждали уже минуты, когда останутся безъ куска хлѣба. Обѣ, однакожъ, приступили къ старику и стали просить его перебраться въ домъ, хотя на первое время; но дѣдушка Кондратій напрямикъ отказался.

— Ничего изъ этого не будетъ, только обременю васъ, сказалъ онъ: — надо самому хлопотать какъ-нибудь. Пока глаза мои видятъ, пока терпитъ Господь грѣхамъ — силъ не отымаетъ, буду трудиться. Старѣе меня есть на свѣтѣ, и тѣ трудятся, достаютъ себѣ хлѣбецъ. Долженъ и я самъ собою пробавляться... Можетъ-статься, приведетъ Господь, люди добрые не оставятъ, вамъ еще пригожусь на что-нибудь... Полно, дочка, сокрушаться обо мнѣ, старику: самую что ни-на-есть мелкую пташку не оставляетъ Господь безъ призрѣнія — и меня не оставитъ!..

И точно, Господь не оставилъ дѣдушку Кондратія. Около этого времени въ Сосновкѣ оказалась надобность въ пастухѣ. Прежній пастухъ, по обстоятельствамъ своимъ, принужденъ былъ оставить стадо. Дѣдушка Кондратій тотчасъ же занялъ его мѣсто и нанялся достеречь стадо до перваго снѣгу. Онъ, можетъ статься, не принялъ бы на себя такой хлопотливой, тяжкой обязанности, пріискалъ бы другое мѣсто, болѣе сродное его привычкамъ: нанялся бы плести сѣти, вязать вéрши или ковырять лаптишки; но дѣло въ томъ, что денегъ, вырученныхъ за челнокъ и лачужку, проданные на дрова комаревскому фабриканту, едва-едва достало на уплату за наемъ озера. Срокъ платежа подоспѣлъ, какъ на зло, къ этому самому времени. И то еще: въ Комаревѣ (маленькое озеро, равно какъ другія озера лугового берега, принадлежали Комареву), — и то многіе въ Комаревѣ положительно утверждали, что дѣдушка Кондратій дешево отдѣлался!

Послѣ того, какъ старика не стало на озерѣ, дни потянулись еще печальнѣе, еще грустнѣе для его дочери.

Дни сами уже по себѣ не были веселы: мрачная, суровая осень стояла на дворѣ. Рѣдко проглядывалъ блѣдный лучъ солнца. Чаще небо заслонялось хребтами сизыхъ, зловѣщихъ тучъ; лились дожди и дули свирѣпые вѣтры. Дни эти служили какъ бы продолженіемъ тому печально-пасмурному вечеру, когда Глѣбъ разстался съ жизнію. Они соотвѣтствовали, впрочемъ, какъ нельзя лучше душевному состоянію двухъ женщинъ, единственныхъ обитательницъ площадки. И Дуня, и тетушка Анна имѣли одинаковыя причины скорбѣть душею. Горе въ часъ времени изглаживаетъ изъ памяти цѣлые годы счастія! Обѣ онѣ жили нѣсколько сутокъ однимъ горемъ; горе сдѣлало ихъ ровнями. Старуха, казалось, была только слабѣе духомъ. Она не переставала жаловаться и сѣтовать на горькую судьбу свою. Имя покойнаго не сходило съ языка ея; утѣшеніе, которое могла она встрѣтить въ Дунѣ и ея ребенкѣ, отравлялось или воспоминаніями, или огорченіями, которыя доставлялъ ей пріемышъ — этотъ второй сынъ, какъ говорила она когда-то.

— Онъ погубитель, лютый злодѣй нашъ! того и норовитъ, какъ загубить насъ... Наказалъ насъ Господь! Прогнѣвали, знать, Творца, повторяла она.

Остановить Гришку не было никакой возможности. Попросить объ этомъ сосновскихъ родственниковъ—не поможетъ. Пожалуй хуже еще: на зло задуритъ, какъ провѣдаетъ! Прибѣгнуть къ сосновскимъ властямъ, къ сотскому, напримѣръ... Но у сотскаго и безъ того много своего дѣла. Впрочемъ, мысль о сотскомъ не приходила даже въ слабую голову старушки.

Въ одинъ изъ тѣхъ сумрачныхъ, ненастныхъ дней, когда душа тоскуетъ безъ печали, и когда Дуня и тетушка Анна, подавленныя горестію, переставали уже вѣрить въ возможность земныхъ радостей, судьба нежданно, негаданно, послала имъ утѣшеніе. Одинъ изъ самыхъ дальнихъ сосновскихъ родственниковъ привезъ старушкѣ письмо отъ Вани. То была первая о немъ вѣсточка. Ваня позаботился, однакожъ послать письмо болѣе полугода назадъ; но оно лежало на почтѣ и, безъ сомнѣнія, долго еще не достигло бы своего назначенія, еслибъ не помогъ случай, этотъ безсмѣнный, но не всегда вѣрный почтальонъ простонародья; отцу родственника встрѣтилась надобность съѣздить на почту для отправки паспорта. Письмо Вани, адресованное въ Сосновку, случайно подвернулось подъ руку почтмейстеру. Податель паспорта былъ изъ Сосновки. Письмо поступило къ нему за пазуху; но это ничего еще не значило: письмо могло-бы проле-

жать цѣлые годы въ Сосновкѣ, еслибъ сыну родственника не встрѣтилась необходимость побывать въ Комаревѣ и еслибъ домъ Анны не былъ на пути.

Не берусь передать движеніе, съ какимъ старушка ухватилась за вѣсточку отъ возлюбленнаго сына. Лицо ея приняло выраженіе какъ будто стояла она у воротъ и глядѣла на Ваню, который подымался по площадкѣ послѣ двухлѣтней разлуки. Но первая мысль ея, когда она пришла въ себя, первое воспоминаніе все-таки принадлежало мужу.

— Маленечко только и не засталъ-то! всего одну недѣльку! все бы порадовался, хоть бы въ рукахъ-то подержалъ, касатикъ! проговорила она, глядя на письмо и обливаясь слезами:—Ваня! сынокъ ты мой любезный... утѣха ты моя... Ванюшка! съ горячностію подхватила она, прижимая грамотку къ тощей, ввалившейся груди своей.

— Полно, матушка! Вишь, какую радость послалъ тебѣ Господь! Чѣмъ плакать-то, ступай-ка лучше скорѣе къ батюшкѣ, въ Сосновку: онъ грамотку-то тебѣ прочитаетъ... Ступай; я пособлю одѣться, говорила Дуня, слѣдуя за старушкой, которая суетилась какъ угорѣлая и отыскивала платокъ, между тѣмъ какъ платокъ находился на головѣ ея.

Дуня проводила старушку до самой вершины берегового хребта и вернулась домой не прежде, какъ когда тетушка Анна исчезла изъ виду.

Въ обыкновенное время, если считать отдыхи, старухѣ потребовалось бы безъ малаго часъ времени, чтобы дойти до Сосновки; но на этотъ разъ она не думала даже отдыхать, а между тѣмъ пришла вдвое скорѣе. Ноги ея помолодѣли и двигались сами собою. Она не успѣла, кажется, покинуть берегъ, какъ уже очутилась на верстѣ отъ Сосновки и увидѣла стадо, лежавшее подлѣ темной, безлиственной опушки рощи.

Минуту спустя, старуха и дѣдушка Кондратій, который поспѣшилъ опустить наземь кочедыкъ и лапти, сидѣли рядышкомъ.

— То-то вотъ горе-то наше: глазами ноньче уже плохъ сталъ, матушка, произнесъ старикъ, развертывая письмо съ замѣтнымъ удовольствіемъ: — святцы, ниито, пока еще разбираю, вижу, а вотъ ужъ писанную-то грамотку и не знаю какъ... разберу-ли. Э-э! да никакъ самъ грамотку-то писалъ! подхватилъ онъ, потряхивая головою—почтенною головою, окруженною прядями бѣлыхъ какъ снѣгъ

и мягкихъ какъ ленъ волосъ:—точно, его, его рука! ужъ мнѣ ли не знать! самъ, вѣдь, матушка, училъ его! Вишь ты, и пригодилось теперь. То-то, вотъ, доброе никогда не пропадаетъ: рано ли, поздно ли, завсегда окажется... Ну-тка! ну-тка! заключилъ онъ, прищуривая глаза и прикладывая къ нимъ, въ видѣ зонтика, дрожащую ладонь свою.

Письмо начиналось, какъ начинаются обыкновенно всѣ письма такого рода—изъявленіемъ сыновней любви и покорности и нижайшею просьбою передать заочный поклонъ всѣмъ родственникамъ, „а именно, во первыхъ“ (тутъ съ точностію обозначены были имена и отечества дражайшей родительницы-матушки, дѣдушки Кондратія, Дуни, братьевъ, пріемыша, всѣхъ сосновскихъ тетокъ, двоюродныхъ братьевъ съ ихъ дѣтками и сожительницами, упомянутъ даже былъ какой-то Софронъ Дроновъ, крестникъ тетушки Анны).

— И никого-то онъ не забылъ, соколикъ мой, Ванюшка, и всѣхъ-то онъ, батюшка, помнитъ! Ужъ на что вотъ Софрона крестника, и о немъ помянулъ, золотой! проговорила старушка, всхлипывая.

— Что говорить! добрая, ласковая душа его: все оттого, матушка! памятенъ оттого ему всякъ человѣкъ, всякъ уголокъ родного мѣста... Да, добрый у тебя сынокъ; наградилъ тебя Господь милосердый: послалъ на старости лѣтъ утѣшеніе!.. Полно, матушка, Анна Савельевна, о чемъ тужить... послушай-ка лучше... вотъ онъ тутъ еще пишетъ:

„Что же касается до меня (писалъ дальше Ваня), то я, по милости ко мнѣ всемогущаго Создателя, хранимый всеблагимъ Его провидѣніемъ, и по настоящее время нахожусь живъ и здоровъ, весьма благополученъ, чего стократно и вамъ, батюшка и матушка, желаю, какъ-то: мирныхъ, благодѣтельныхъ и счастливыхъ дней, хорошихъ успѣховъ во всѣхъ вашихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ. Продолжая дальше сіе письмо, прошу васъ, батюшка, вскорѣ по полученіи онаго, увѣдомить меня, живы ли вы и въ какомъ положеніи находитесь...“

На этомъ мѣстѣ всхлипываніе старушки превратилось вдругъ въ громкое рыданіе, и дѣдушка Кондратій прервалъ чтеніе, потому что глаза его вдругъ плохо что-то, совсѣмъ плохо стали разбирать послѣднія строки; почеркъ оставался, однакожъ, все такъ же четокъ и крупенъ. Но „затмѣніе“ дѣдушки Кондратія, какъ называлъ онъ

временное свое ослѣпленіе, продолжалось не долго. Старикъ протеръ ладонью глаза свои и снова сталъ читать:

„... Въ какомъ положеніи находитесь... да,—и хотя я не могу никакой помощи на дѣлѣ вамъ оказать, но усугублю хоть свои усердныя ко Господу Богу молитвы, которыя я не перестаю Ему возсылать утромъ и вечеромъ о вашемъ здравіи и благоденствіи: усугублю и удвою свои молитвы, да сдѣлаетъ васъ долголѣтно счастливыми, а мнѣ сподобитъ, что я въ счастливѣйшія времена поживу съ вами еще сколько-нибудь на землѣ, побесѣдую съ престарѣлымъ моимъ родителемъ и похороню во время благопріятное ваши старыя косточки...“

— Перестань, матушка Анна Савельевна! Послушай-ка лучше, что я скажу тебѣ, произнесъ старичокъ, перевертывая послѣднюю страничку письма, на которой находились только подпись да названіе полка и губерніи, куда слѣдовало адресовать отвѣтъ:—мы пока, слышь, ничего, не скажемъ ему... о нашемъ объ горѣ... Христосъ съ нимъ! Ему, сердечному, и безъ того скучно жить въ одиночествѣ. Провѣдаетъ, и того, матушка, тошнѣе будетъ, востоскуетъ оттого добрая душа его, ослабнетъ духомъ... въ служебномъ дѣйствіи человѣку это не годится! Пущай до поры до времени ничего не вѣдаетъ: легче будетъ оттого на сердцѣ и легче жизнь ему покажется... А написать—напишемъ. Надо порадовать его вѣсточкою о сродственникахъ... все какъ слѣдуетъ... Полно, матушка Анна Савельевна! Божья на то была воля... Богъ ровняетъ, матушка, наши скорби и радости... вишь, какую сотворилъ тебѣ милость: какого далъ сынка въ утѣху твоей печали и старости... Дастъ Господь, доживешь до радостнаго дня, увидишься: какіе еще твои года! доживешь, сынка встрѣнешь... Призритъ онъ тебя, успокоитъ... вмѣстѣ поживете...

— Гдѣ ужъ дожить, отецъ! гдѣ дожить! произнесла старушка, зажмуривая глаза и покачивая головою:—какая наша жисть то, поглядѣлъ бы ты! горе одно, горе-горькое, только, батюшка, и видишь! Не токма, что мнѣ, кормилецъ: Дуня помоложе меня, и той сотвори Господь пережить жисть-то нашу!.. О-охъ, Ванюшка, Ванюшка! батюшка ты мой! охъ, нѣтъ, не видать ужъ мнѣ, соколикъ, свѣтлыхъ глазъ твоихъ! Можетъ-статься, и пожили бы, касатикъ, подхватила она, утирая слезы и принимаясь махать руками:—и пожили, може статься, кабы не онъ, злодѣй-то нашъ! Поглядѣлъ бы ты теперь... и ее-то всее, дочь-то твою, безъ солнца злодѣй высушилъ!

— Слышалъ, матушка, знаю, тягостно проговорилъ старикъ.

Но тетушка Анна не могла уже остановиться. Стоило только произнести ей имена Гришки и Захара, она мгновенно забывала свое горе и вся превращалась въ негодованіе. Въ эту минуту она забыла даже письмо Вани. Слезы высохли на глазахъ ея, и только мокрые слѣды на впалыхъ, сморщенныхъ щекахъ показывали, что она за секунду передъ тѣмъ разливалась-плакала. Каждое движеніе доброй старушки преисполнилось необычайною живостію. Произнося имя Гришки, она размахивала руками и сжимала даже костлявые, безкровные кулаки свои. Задумчивое молчаніе собесѣдника какъ словно сильнѣе еще поощряло старушку, которая, можетъ-быть, во всю жизнь не имѣла еще такого удобнаго случая и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ побудительныхъ причинъ изливать всѣ свои несчастія и жаловаться — слабость свойственная вообще всѣмъ старухамъ, жизнь которыхъ была стѣснена долгое время.

Но нѣтъ никакой возможности передать всѣхъ жалобъ тетушки Анны; еще труднѣе было бы слѣдить за прихотливыми изгибами ея крайне непослѣдовательной рѣчи. Рѣчь ея можно только сравнить съ ручьемъ, который бѣжитъ по неровной мѣстности: то журчитъ между камнями и дѣлится на безчисленное множество тоненькихъ струекъ, то вдругъ разливается по лужайкѣ, то низвергается съ высоты и неожиданно пропадаетъ, чтобы немного дальше снова зашумѣть между прутьями лозняка... Голосъ старушки, выраженіе всей фигуры измѣнялись съ непостижимою быстротою; все существо ея мгновенно отдавалось подъ вліяніе словъ и воспоминаній, которыя возникали вереницами въ слабой головѣ ея: они переходили отъ украденныхъ полушубковъ къ Дунѣ, отъ Дуни къ замку у двери коморы, отъ замка къ покойному мужу, отъ мужа къ внучкѣ, отъ внучки къ Захару, отъ Захара къ дѣдушкѣ Кондратію, котораго всеслезно просила она вступиться за сиротъ и сократить словами безпутнаго, потеряннаго парня, — отъ Кондратія переходили они къ Ванѣ и только-что полученному письму, и, вмѣстѣ съ этими скачками, голосъ ея слабѣлъ или повышался, слезы лились обильными потоками или вдругъ пересыхали, лицо изображало отчаяніе или уныніе, руки безсильно опускались или дѣлали угрожающіе жесты.

Наружность дѣдушки Кондратія представляла между тѣмъ во все это время самую рѣзкую противоположность съ наружностію собесѣдницы. По мѣрѣ того, какъ она оживлялась, лицо его скло-

нялось на грудь; время отъ времени онъ глубоко вздыхалъ, подымалъ шапку и крестился. Несмотря на глубокую грусть, изобразившуюся въ чертахъ старика съ самаго начала этого объясненія, онъ не произнесъ ни одной жалобы, ни одного укорительнаго слова. Слушая разсказъ о дѣйствіяхъ зятя и горькой судьбѣ, которая, безъ сомнѣнія, ожидала дочь и внучка, онъ скорѣе молился за нихъ, чѣмъ негодовалъ на виновника ихъ несчастія.

— То-то же вотъ и есть, самъ суди, кормилецъ, какая жизнь-то наша: гдѣ ужъ тутъ дожить, родной! День-деньской ходишь вотъ такъ-то,—ходишь-убиваешься, слезъ-то однихъ выплачешь больше теперь, чѣмъ во всю жисть-то, заключила старушка, неожиданно прекращая свою живую мимику и снова принимаясь всхлипывать:—ее-то добре жаль, дочку-то твою, да и ребенка-то жаль пуще всего... Безъ солнца злодѣй высушилъ! Тоскуетъ-убивается, касатка, какъ горька-кукушечка... Утопилъ ее, злодѣй, въ слезахъ горькіихъ. Что и будетъ съ нею, не вѣдаю... Хошь бы ты, право, батюшка, вступился за нихъ; хошь бы разочекъ поговорилъ ему... А ужъ намъ-то—и не знаемъ, какъ и быть-то! знамо, бабье дѣло. Инда страхъ напалъ, родной! сокрушилъ, злодѣй, совсѣмъ!.. Понавѣдайся, родной, поговори ему: авось онъ тебя послушаетъ, посовѣстится...

— Гдѣ ужъ тутъ, матушка!.. Я и тогда говорилъ тебѣ: слова мои не помогутъ,—только грѣха примешь! произнесъ наконецъ старикъ тихимъ, но глубоко огорченнымъ голосомъ.—Ужъ когда твоего старика не послушалъ—онъ ли его не усовѣщевалъ! онъ ли не говорилъ ему!—меня не послушаетъ!.. что ужъ тутъ!.. Я, признаться, и прежде не видѣлъ въ немъ степенства; только и надежда была вся на покойника! имъ только все держалось... Надо Бога просить, матушка—такъ и дочкѣ скажи: Бога просить надобно. Единъ Онъ властенъ надъ каменнымъ сердцемъ!..

Этими словами окончилась бесѣда, потому что наступило время, когда старикъ долженъ былъ возвратиться съ своимъ стадомъ въ Сосновку. Тетушка Анна, бережно уложивъ за пазуху письмо Вани, пошла провожать его до околицы. Но видъ деревни, въ которой старушка родилась и провела свою молодость вплоть до замужества, соблазнилъ ее: она вошла на улицу. Первый человѣкъ, попавшійся ей навстрѣчу, былъ какой-то родственникъ; мудренаго нѣтъ: всѣ почти сосновскіе жители приводились сродни тетушкѣ Аннѣ. Нельзя же было не подойти и не поздороваться; къ тому же, она вспом-

нила, что имя родственника находилось въ письмѣ Вани. Но Ваня крѣпко наказывалъ передать поклонъ всѣмъ сосновскимъ родственникамъ и родственницамъ. Совѣсть взяла старушку: передать поклонъ одному и ничего не сказать другимъ, значило нанести послѣднимъ горькую, вовсе незаслуженную обиду. Основываясь на этомъ, тетушка Анна поспѣшила завернуть въ первую избу. Отъ поклоновъ перешло къ тому, другому, третьему, десятому, и наконецъ къ настоящему житью-бытью старушки. Предметъ этотъ, какъ уже извѣстно, производилъ на нее дѣйствіе раскаленныхъ угольевъ, подложенныхъ подъ кострюлю съ нагрѣтою уже водою: она вскипѣла мгновенно; то же самое повторилось во всѣхъ почти сосновскихъ избахъ, не исключая избы крестника Софрона Дронова. Однимъ словомъ, тетушка Анна, какъ говорится, закалякалась, и хватилась, что пора домой, тогда уже, когда на дворѣ было темнѣе, чѣмъ въ погребѣ. Дѣлать нечего: пришлось позаночевать у крестника.

На другое утро она поднялась, однакожъ, прежде чѣмъ дѣдушка Кондратій выгналъ свое стадо и, несмотря на убѣжденія родственниковъ, приглашавшихъ ее погостить еще денекъ въ Сосновкѣ, суетливо поплелась домой.

Тетушка Анна приближалась уже къ краю углубленія берегового хребта, гдѣ начиналась тропинка, ведшая къ избамъ, когда взглянувъ на Оку, увидѣла челнокъ, который быстро удалялся отъ площадки. Въ челнокѣ, сколько могла разсмотрѣть она, сидѣли двѣ фигуры: нетрудно догадаться, что то были Захаръ и Гришка. Ей показалось даже, что въ ту минуту, какъ она стала спускаться къ избамъ, одинъ изъ нихъ началъ махать шапкой, какъ словно прощался съ нею или здоровался. Старушка плюнула и поспѣшила домой: предчувствіе чего-то недобраго мгновенно овладѣло ея душою. Она застала Дуню въ страшныхъ слезахъ и отчаяніи. Изъ словъ молодой женщины оказалось, что Захаръ и Гришка забрали неводъ и сѣти и отправились продавать ихъ въ Комарево. Чувство радости, пробужденное въ сердцѣ старушки вѣсточкою любимаго сына, мгновенно исчезло. Такъ глухою, позднею осенью, блѣдный лучъ солнца, продравшись неожиданно сквозь мрачно нависнувшія тучи, оживляетъ на минуту безлиственную чащу маленькой рощи, которая давнымъ-давно между тѣмъ ждетъ отдыха подъ мягкимъ покровомъ снѣга.

Но Гришка былъ уже на слишкомъ скользкой дорогѣ, чтобы

остановиться. Вскорѣ поразилъ онъ тетушку Анну чуть ли не въ самую чувствительную часть ея сердца. Въ одинъ прекрасный день онъ явился домой и завладѣлъ, съ помощію неизмѣннаго друга своего Захара, всѣми горшками, корчагами, самыми любимыми лагунчиками старушки,—словомъ, унесъ всю посуду. Въ отвѣтъ на отчаянные крики и вопли старушки, пріятели увѣряли, что съ наступленіемъ весны, когда начнется промыселъ, возвратятъ ей всѣ горшки и накупятъ еще много новыхъ, нарочно съѣздятъ за ними въ Коломну, а не то и въ самую Москву.

Въ ожиданіи этого благополучнаго времени, они постепенно уносили изъ дому все, что ни попадалось подъ руку. За горшками послѣдовалъ остатокъ муки, купленный Глѣбомъ въ дешевую пору, за мукою—кадки, въ которыхъ солили рыбу, и наконецъ не стало уже видно на берегу площадки большой лодки и вершей.

Всѣ эти предметы перешли, какъ и слѣдовало ожидать, подъ широкіе, помѣстительные навѣсы Герасима, или въ извѣстныя уже сѣни „Разставанья“.

Тетушка Анна бѣгала неоднократно къ дѣдушкѣ Кондратію, но безъ малѣйшаго успѣха. И что въ самомъ дѣлѣ могъ сдѣлать дѣдушка Кондратій?

Такъ въ самое непродолжительное время, всего въ мѣсяцъ какой-нибудь, раззорился и опустѣлъ домъ, полный когда-то какъ чаша и возбуждавшій зависть самыхъ зажиточныхъ, хозяйственныхъ мужиковъ околодка! такъ пошло прахомъ и разсѣялось хозяйство, сооруженное, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, неусыпными трудами заботливаго, честнаго рыбака Глѣба Савинова!

Наконецъ, когда во всемъ домѣ не нашлось вещи, которую можно было бы промѣнять на стаканъ вина, Захаръ и Гришка окончательно основались на площадкѣ.

Въ первые дни пребываніе ихъ не ознаменовалось ничѣмъ особенно замѣчательнымъ. Не произнося ни съ кѣмъ ни слова, лежали они на лавкѣ или бродили врозь по двору или окрестностямъ площадки. Оба, казалось, избѣгали даже разговора между собою и мрачно, недовѣрчиво поглядывали другъ на друга. Взглянувъ на нихъ, посторонній человѣкъ, не знающій прошлаго Захара и Гришки, легко могъ подумать, что то были два человѣка, которые только-что совершили какое-нибудь недоброе дѣло, совѣстились глядѣть другъ другу въ глаза и каялись въ своемъ проступкѣ, особенно

тотъ, который былъ помоложе. Но Дуня и тетушка Анна думали иначе. Руководимыя женскимъ инстинктомъ, который въ иныхъ случаяхъ открываетъ истину вѣрнѣе, чѣмъ могли бы сдѣлать это опытъ и разсудокъ, онѣ думали, что мрачное спокойствіе, временно овладѣвшее Захаромъ и Гришкою, не поведетъ къ добру. Душа ихъ невольно наполнилась страхомъ и предчувствіемъ.

Тишина въ жизни буйнаго, необузданнаго человѣка не предвѣщаетъ ничего добраго. То же самое бываетъ, говорятъ, на морѣ.

Читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы, насколько вѣрно оправдались предчувствія Дуни и старушки.

XXVII.

Ночь на Окѣ.

Страшная буря свирѣпствовала на Окѣ, въ Комаревѣ, въ Сосновкѣ и, вѣроятно, далеко-далеко во всей окрестности. Она началась съ разсвѣтомъ. Уже съ самаго утра юго-западный вѣтеръ перемѣнилъ вдругъ направленіе — превратился въ „низовой“, то есть началъ дуть прямо противъ теченія. Поверхность Оки, на которой во всю ночь отражался, словно въ зеркалѣ, полный мѣсяцъ и небо съ бѣгающими по немъ облаками, покрылась на зарѣ мелкою, чешуйчатою рябью; каждая изъ этихъ маленькихъ волнъ, бѣжавшихъ въ упоръ вѣтру, почти видимо выростала. Вскорѣ рѣка, смятая назадъ волнами и вѣтромъ, задержанная въ своемъ теченіи, начала вздуваться и заливать низменные берега. Тучи, собиравшіяся нѣсколько сутокъ на горизонтѣ, заволновались заодно съ рѣкою. Разорванныя въ нѣсколькихъ мѣстахъ порывами вѣтра, онѣ точно обрушились, но остановленныя посреди паденія, мигомъ превратились въ груды фантастическихъ развалинъ, которыя продолжали двигаться, мѣняя съ каждою секундой свой цвѣтъ, величину и очертаніе: то падали онѣ другъ на дружку, смѣшивались, растягивались тяжелыми закругленными массами и принимали видъ исполинскихъ темно-синихъ чудовищъ, плавающихъ по разъяренному морю; то росли, вздымались, какъ горные хребты, и медленно потомъ расходились, открывая глубокія долины и пропасти, на днѣ

которыхъ проносились клочки другихъ облаковъ; то снова все это смѣшивалось въ одинъ неопредѣленный хаосъ, полный страшнаго движенія...

Вѣтеръ крѣпчалъ съ каждымъ часомъ.

Къ полудню, по широкому раздолью Оки, которая сдѣлалась уже какого-то желтовато-бураго цвѣта, шумно гулялъ „бѣлоголовецъ". За версту теперь слышался глухой гулъ, производимый плескомъ разъяренныхъ волнъ о камни и края берега. Голосъ бури заглушалъ человѣческій голосъ. Стоя на берегу, рыбаки кричали и надрывались безъ всякой пользы. Тѣ, къ кому обращались они, слышали только смѣшанный ревъ воды, или „хлоповень"—слово, которое употребляютъ рыболовы, когда хотятъ выразить шумъ валовъ.

„Хлоповень пошла!" говорятъ они.

Часамъ къ двумъ по полудни сверкнула молнія и прокатился громъ. Почти въ ту же секунду ударилъ ливень. Каждое облако, каждая тучка превратились, казалось, въ источники огромныхъ рѣкъ и водопадовъ. Все это произошло такъ неожиданно, что рыбаки, стоявшіе на берегу, не успѣли сдѣлать крестнаго знаменія, какъ уже потоки мутной, желтой воды, увлекавшіе въ быстринѣ своей пучки поблеклыхъ травъ, корни и булыжникъ, съ ревомъ покатились по уступистымъ скатамъ нагорнаго берега. Земля замѣсилась и не держала ноги. Буря страшно грохотала по окрестности...

Рыболовамъ невольно пришли тогда въ голову бѣдные путешественники, одиноко шествующіе посреди безлюдной, пустынной дороги; они вспомнили также своего брата, рыбака, и помянули мореходa, застигнутаго на морѣ. Море было далеко—верстъ за восемьсотъ, или, даже за цѣлую тысячу отстояло море,—но буря ревѣла съ такою силой, что не было никакой возможности представить себѣ, чтобы находилось на землѣ хотя одно мѣсто, гдѣ бы свѣтило солнце и раскидывалось голубое, ясное небо. Къ тому же, простолюдинъ и особенно коренной рыбакъ, который живетъ по большей части отдѣленный отъ общества и остается по тому самому при застарѣлыхъ своихъ понятіяхъ, твердо увѣренъ, что если дождь обмываетъ его челнокъ, то всѣ челноки, существующіе на землѣ, терпятъ ту же участь, что если буря свирѣпствуетъ надъ его домомъ, буря свирѣпствуетъ съ одинаковой яростью по всей „землѣ-планидѣ". Но это въ сущности ничего не значитъ: застарѣлыя понятія не мѣшаютъ рыбаку молиться въ такое время и просить

Бога послать утѣшеніе и помощь мореходамъ, плавающимъ въ морѣ, и пѣшеходамъ-странникамъ, идущимъ по дорогамъ.

Ливень и мрачное небо ускорили сумерки; въ октябрѣ и безъ того уже скоро окутываютъ они землю. Наступила ночь. Буря ожесточалась между тѣмъ съ каждымъ часомъ и выла все яростнѣе и грознѣе. Такъ утверждали по крайней мѣрѣ жители селъ и деревень, лежащихъ на откосѣ берегового хребта, почти надъ самою Окою. Впрочемъ, ночью все кажется какъ-то страшнѣе. Самая тишина пробуждаетъ уже страхъ. Буря ночью во сто разъ ужаснѣе бури днемъ. Каждый звукъ, причину котораго легко объясняешь себѣ при дневномъ свѣтѣ, приводитъ тогда въ содроганіе. Сердце невольно стѣсняется и бьется ускореннымъ тактомъ. Разсудокъ, не успокоенный, не поддержанный зрѣніемъ, мгновенно наполняется ужасомъ, блуждаетъ въ смущеніи и потемкахъ, какъ нищій слѣпецъ, брошенный на дорогѣ вожакомъ своимъ.

Октябрь былъ въ половинѣ. Полный мѣсяцъ ярко свѣтилъ теперь въ звѣздномъ небѣ. А между тѣмъ надъ поверхностію земли висѣли слои тяжелыхъ, зловѣщихъ тучъ, шелъ ливень, грохотала буря и немолчно раздавались удары грома, повторявшіеся въ ущельяхъ и долинахъ высокаго берега.

Изрѣдка, посреди страшнаго смѣшенія крутившихся тучъ, появлялись какъ словно блѣдно-молочныя пятна: изрѣдка хребты тучъ, разорванные вѣтромъ, пропускали край серебрившагося облака, и вслѣдъ затѣмъ, въ неизмѣримой глубинѣ воздушныхъ пропастей, показывался мѣсяцъ, глядѣвшій испуганными какими-то глазами. Порывъ вѣтра мгновенно задувалъ его, но, минуту спустя, серебрянный лучъ снова продирался въ другомъ мѣстѣ и нежданно озарялъ нагорный берегъ, который попеременно то выставлялся во всемъ дикомъ величіи своемъ, то вдругъ пропадалъ посреди ночи. Ока также освѣщалась этими переходящими лучами и выказывала на мгновеніе свои пѣнистые буруны, разбивающіеся въ дребезги; новый порывъ вѣтра, и снова все застилалось мракомъ. Слухъ наполнялся дико-ревущими голосами, шумомъ ливня, раскатами грома, который долго еще послѣ того, какъ потухала молнія, рокоталъ въ отдаленныхъ лощинахъ; слышалось завываніе вѣтра, свиставшаго въ кустахъ и оврагахъ, и тысячи другихъ неопредѣленныхъ звуковъ, въ которыхъ суевѣріе находитъ всегда такую обильную пищу для того душевнаго волненія и ужаса, которыхъ такъ боится, но которые, однакожъ, любитъ.

При всемъ томъ, подлежитъ сильному сомнѣнію, чтобы кто-нибудь изъ окрестныхъ рыбарей, начиная отъ Серпухова и кончая Коломной, оставался на берегу. Привыкшіе къ бурямъ и невзгодамъ всякаго рода, они, вѣрно, предпочитали теперь отдыхъ на лавкахъ, или сидѣли, вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и батраками, вокругъ стола, передъ чашкой съ горячей ушицей. Нужны были самыя крайнія побудительныя причины: лодка, оторванная отъ причала и унесенная въ рѣку, верши, сброшенныя въ воду вѣтромъ, чтобы заставить кого-нибудь выйти изъ дому.

Надо полагать, что такія причины встрѣтились у Захара и Гришки, потому что, часовъ около восьми вечера, въ то время, какъ буря была во всей своей силѣ, оба они вышли на площадку. Имъ нечего было, однакожъ, безпокоиться о большой лодкѣ, она, сколько извѣстно, давнымъ-давно красовалась на заднемъ дворѣ „Разставанья“; верши также спокойно лежали въ защитѣ отъ непогоды подъ всевмѣщающими навѣсами комаревскаго цѣловальника. При всемъ томъ, Захаръ и Гришка спѣшили къ рѣкѣ.

Захаръ, опережавшій нѣсколькими шагами пріемыша, часто останавливался, выжидалъ товарища и принимался дѣлать живые, пояснительные знаки, причемъ правая рука его каждый разъ протягивалась къ луговому берегу. Сквозь частую сѣтку ливня и темноту, въ той сторонѣ мелькалъ время отъ времени огонь; пламя, заливаемое попеременно дождемъ или подживляемое сучьями, то потухало совершенно, то вспыхивало. Въ послѣднемъ случаѣ легко было замѣтить, что костеръ располагался неподалеку отъ Оки. Причина, побудившая Гришку и Захара выйти изъ дому, очевидно, имѣла прямое, непосредственное отношеніе къ этому огню. Глаза двухъ пріятелей, не отрывавшіеся отъ костра, достаточно подтверждали такое предположеніе: оба, какъ видно, дома еще переговорили о своемъ предпріятіи. Во всю дорогу Захаръ ограничивался одними жестами.

Достигнувъ берега, они тотчасъ же спустили на воду челнокъ, лежавшій опрокинутымъ на пескѣ.

Принимая въ соображеніе нетерпѣливыя движенія Захара и не совсѣмъ ласковыя наименованія, какими снабжалъ онъ Гришку, легко было догадаться, что расторопность послѣдняго не удовлетворяла требованіямъ перваго, или не исполнялъ онъ, какъ слѣдовало, условій, въ которыхъ оба согласились заблаговременно. Гришка, точно, неохотно какъ будто бы рѣшался подвергать дождю и вѣтру

свою голову и спину, едва прикрытую лохмотьями рубашки. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на брань товарища, онъ вяло взвалилъ на плечи багоръ и весла, и медленно, словно по принужденію, вошелъ въ челнокъ. Одной секунды достаточно было Захару, чтобы прыгнуть на корму, ударить рулевой лопатой въ берегъ и отпихнуть челнокъ, который, подобно шелухѣ, тотчасъ же запрыгалъ по разъяреннымъ бурунамъ.

Благодаря силѣ, сноровкѣ молодцовъ, а также хорошему устройству посудинки, имъ не предстояло большой опасности; но все-таки не мѣшало держать ухо востро. Брызги воды и пѣны ослѣпляли ихъ поминутно и часто мѣшали дѣйствовать веслами. Но, несмотря на темноту, несмотря на суровые порывы вѣтра, которые кидали челнокъ изъ стороны въ сторону, они не могли сбиться съ пути. Костеръ служилъ имъ надежнымъ маякомъ. Захаръ, сидѣвшій на рулѣ и управлявшій посудиной, не отрывалъ глазъ отъ огня, который замѣтно уже приближался.

— Клади весла — берегъ близко! крикнулъ во всю мочь Захаръ, принимаясь сильнѣе грести рулевой лопатой и силясь повернуть носъ челнока противъ вѣтра и гребня волнъ:—багоръ, живо багоръ!.. вечоръ гнали плоты... за погодой, должно быть, остановились... они тутъ гдѣ-нибудь!.. Наткнемся какъ разъ... щупай багромъ!..

Опасность мгновенно возвратила Гришкѣ его проворство. Онъ бросилъ весла и, повернувшись лицомъ къ носу челнока, вооружился багромъ. Минуту спустя, раздался сухой ударъ — конецъ багра вонзился въ дерево, и челнокъ ударился о край довольно большой лодки, свободно прыгавшей по волнамъ, но привязанной къ берегу длинной веревкой. Захаръ не ошибся: плоты, которые прогонялись наканунѣ, дѣйствительно были въ нѣсколькихъ шагахъ, и не будь багра въ рукахъ Гришки, челнокъ непремѣнно бы налетѣлъ на нихъ; лодка принадлежала прогонщикамъ лѣса. Привязавъ челнокъ къ лодкѣ, Захаръ и Гришка ловко перебрались въ нее; изъ лодки перешли они на плоты и стали пробираться къ берегу, придерживаясь руками за бревна и связи, чтобы не скатиться въ воду, которая съ дикимъ ревомъ набѣгала на плоты, страшно сшибала ихъ другъ о дружку и накренивала ихъ такъ сильно, что часто одна половина бревенъ подымалась на значительную высоту, тогда какъ другая глубоко уходила въ волны.

Грохотъ бури, казалось, усиливался еще оглушительнѣе по мѣрѣ

приближеніи къ луговому берегу. Вѣтеръ завывалъ и рвался какъ бѣшеный въ кустахъ ивняка, которые преграждали ему дорогу. Къ этому примѣшивался плескъ волнъ, которыя разбивались о плоты и берегъ, забѣгали въ кусты, быстро скатывались назадъ, подтачивая древесные корни, увлекая за собою глыбы земли, дерну и цѣлыя ветлы; въ заливахъ и углубленіяхъ, защищенныхъ отъ вѣтра, вода, вспѣненная прибоемъ или наволокомъ, обломками камыша, прутьевъ, древесной коры, присоединяла ропотъ къ яростному плесканью волнъ. Здѣсь вода и воздухъ рвались и метались, смѣшиваясь въ одинъ общій грохотъ, далеко слышный по всей луговой окрестности.

Наши молодцы продолжали карабкаться на четвереньках, переходя съ одного плота на другой. Достигнувъ наконецъ берега съ бо̀льшими усиліями, чѣмъ употреблено было, чтобы переѣхать Оку, они остановились и перевели духъ.

Мѣсяцъ, украдкою глянувшій въ эту минуту, освѣтилъ блѣдное лицо пріемыша. Въ чертахъ его обозначались явные слѣды внутренней тревоги и безпокойства. Не въ первый разъ, однакожъ, приводилось Гришкѣ переѣзжать Оку въ такую бурю; онъ давно уже успѣлъ свыкнуться съ опасностями жизни рыбака. Надо полагать, что смущеніе, овладѣвшее имъ, происходило совершенно отъ другихъ причинъ. Захаръ догадывался, вѣроятно, въ чемъ дѣло, Взглянувъ еще разъ по направленію къ костру, который заслонился кустами, какъ только ступили они на берегъ, онъ поспѣшно обратился къ пріемышу и, какъ бы желая ободрить его, весело воскликнулъ:

— Чего тутъ?.. Вишь, половину ужъ дѣла отмахнули!.. Рази намъ въ первака: говорю, какъ жилъ этта я въ Серпуховѣ, у Григорья Лукьянова — бывало, это у насъ въ частую такъ-то пошаливали... одно слово: обдѣлаемъ — лучше быть нельзя!.. Смотри, только ты не зѣвай, дѣлай, какъ, примѣрно, я говорилъ; а ужъ насчетъ то-есть меня не сумнѣвайся: одно слово—Захаръ! Смотри же, жди гдѣ сказано: духомъ буду... Ну, что-жъ, на дождѣ-то стоять?.. Качай! заключилъ Захаръ, оправляя мокрые волосы, которые хлестали его по лицу.

Отслонивъ руками вѣтви ивняка, онъ снова пустился въ путь. Гришка молча послѣдовалъ за товарищемъ. Нѣсколько времени пробирались они кустами; миновавъ ихъ, они снова остановились. Захаръ повторилъ Гришкѣ свои наставленія, и оба опять разста-

лись. Гришка пошелъ вправо, Захаръ прямехонько направился къ костру, который показался, какъ только пріятели выбрались на опушку ивняка.

Немного погодя, ноги Захара ступали уже въ тѣни, которую бросали головы и спины двухъ человѣкъ, сидѣвшихъ противъ огня. Огромное стадо воловъ окружало костеръ со всѣхъ сторонъ на далекое разстояніе. Захаръ явственно различалъ, при свѣтѣ огня, раздуваемаго вѣтромъ, рогатыя, склоненныя къ землѣ головы животныхъ, которыя то ярко выставлялись изъ мрака, то совсѣмъ какъ будто пропадали. Со всѣхъ сторонъ раздавалось глухое чавканье и фырканье, которыхъ не могъ даже заглушить шумъ ливня и вѣтра. Тряхнувъ мокрыми волосами, Захаръ подошелъ увѣренною поступью къ костру.

Заслышавъ шаги, гуртовщики проворно обернулись.

— Стенка, ты? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ, братцы, я... Здравствуйте, братцы! Богъ помочь!... Увидѣлъ огонекъ—завернулъ погрѣться; скороговоркою возразилъ Захаръ, приводя въ дѣйствіе слова свои.

Гуртовщики оглядывали его съ головы до ногъ.

Захаръ, потирая руки передъ огнемъ, дѣлалъ также свои наблюденія; но свѣтъ и тѣнь перебѣгали съ такою быстротою на лицахъ гуртовщиковъ, что не было рѣшительно возможности составить себѣ вѣрнаго понятія о ихъ наружности.

Захаръ приступилъ тотчасъ же къ объясненіямъ.

— Ну, ужъ, братцы, погодка! сказалъ онъ, покрякивая и топая ногами.

— Нешто! равнодушно отвѣчали гуртовщики, снова усаживаясь на корточки передъ костромъ.

Дождь яростно, однакожъ, хлесталъ ихъ по спинѣ; но они мало объ этомъ заботились, утѣшаясь, вѣроятно, тѣмъ, что грудь, руки и ноги оставались въ теплѣ. Мокрая ихъ одежда, подогрѣваемая спереди огнемъ, испускала отъ себя паръ, подобный тому, какой подымается вечеромъ надъ водою.

— Одолжите, братцы, мѣстечко: смерть прозябъ... Сѣсть некуда: вишь, кака мокреть!.. А что можно примѣрно, согнать вола? спросилъ Захаръ.

— Згони, пожалуй, флегматически сказалъ одинъ изъ гуртовщиковъ.

— Эй, ты, цопъ! цопъ! ге! крикнулъ Захаръ, толкая ногою

ближайшаго быка, который лѣниво поднялся на переднія ноги, потомъ на заднія, и неохотно отошелъ въ сторону.

Намѣреніе занять мѣсто, гдѣ лежало прежде животное, показывало, что Захаръ дѣйствительно уже не въ первый разъ имѣлъ дѣло съ гуртовщиками, какъ говорилъ онъ объ этомъ Гришкѣ. Гуртовщики, приготовляющіеся къ ночлегу посреди пустыря, устраиваютъ себѣ ложе слѣдующимъ образомъ: оня дадутъ сначала быку належаться на избранномъ мѣстѣ, потомъ отгоняютъ его прочь и поспѣшно занимаютъ его мѣсто; ложе оказывается всегда сухимъ и теплымъ, и сохраняетъ свои качества на всю ночь. Злхаръ усѣлся такъ, однакожъ, что спина его была обращена къ Окѣ, а лицо — къ Комареву. Ему слѣдовало, во что бы ни стало, отвлечь на время вниманіе собесѣдниковъ отъ той части стада, которая располагалась къ сторонѣ Комарева.

— Отколь вы, братцы? словоохотливо началъ Захаръ.

— Зъ Воронежа.

— Те-е-къ, понимаю: сдалече, стало-быть. Самъ бывать не бывалъ, а слыхать слыхалъ... А я такъ вотъ изъ Серпухова иду въ эту сторону... Не знаете ли, братцы, какое здѣсь такое есть Комарево село. Перевозилъ меня рыбакъ съ той стороны, говорилъ: „пройдешь, говоритъ, луга, тутъ тебѣ и будетъ“. А гдѣ его искать-то? лѣшій его найдетъ теперь!.. Забѣжишь, пожалуй, въ такое мѣсто, гдѣ самъ сатана рѣдьки не строгалъ: потому, выходитъ, зги не видать; ночь, все единственно; и вѣтеръ къ тому пуще силенъ: собаки не услышишь... Вотъ даже шапку сорвалъ, какъ рѣку переѣзжали, что ты станешь дѣлать!.. Вы, я чай, проходили черезъ селото, потому знать должны. Иду туда на счетъ, то есть примѣрно, портняжескаго дѣла: мы этимъ занимаемся... Комарево, слышь, Комарево? должно быть, недалече?..

— Ко-марево? Эй, Лександръ! слышь, Комарево? проговорилъ одинъ изъ гуртовщиковъ, вопросительно взглядывая на другого.

— Комарево? нѣтъ, не знаемъ, братъ... ге! Микитка!

— А?

— Не туда ли пошли Стёпка и другіе товарищи. Комарево... кажись, слыхалъ такое.

— А рази вы здѣсь не одни, братцы? товарищи есть? спросилъ Захаръ.

— Насъ пять чіловікъ.

„Эхъ, плохо дѣло!“ подумалъ Захаръ: „того и смотри, въ ка-

бакѣ теперь... кабы только фалалей Гришка на нихъ не наткнулся".

— Что жъ они васъ оставили? громко промолвилъ Захаръ, озираясь на стороны и напрягая слухъ, не слышно ли чего со стороны села.

Шумъ вѣтра и ливня одинъ раздавался въ лугахъ; раскаты грома становились, однакожъ, рѣже; буря какъ словно стала утихать.

— Такъ какъ же это они ушли, а васъ оставили? повторилъ Захаръ.

— Придутъ! равнодушно отвѣчали гуртовщики.

— Надобность есть, стало, какая въ Комаревѣ?

— Въ шинокъ пошли.

— Ге-ге! началъ было Захаръ.

— Го-го! подхватили гуртовщики въ одинъ голосъ.

— Вотъ какъ! стало, они до винца-то охотники?

— Дюже пьютъ.

— Ну, а вы-то какъ же, братцы?

— Вси любятъ горілку.

— Небось принести посулили?

— Завтра объ утро придутъ—принесутъ!

— Ночуютъ, стало, въ Комаревѣ?

— Ночуютъ.

Полагая, что пустопорожнее каляканье его съ гуртовщиками продолжалось довольно долго, что Гришка, вѣрно, успѣлъ уже въ это время спроворить дѣло и ждалъ его въ условномъ мѣстѣ, Захаръ медленно поднялся на ноги.

— Нѣтъ, братцы, какъ здѣсь ни тепло, въ избѣ, надо полагать, теплѣе, сказалъ онъ, безъ всякой торопливости, зѣвнулъ, даже нѣсколько разъ и потянулся:—ей-Богу, право, о-о. Пойду-ка и я тяпну чарочку: вѣрнѣе будетъ—скорѣе согрѣешься... Къ тому и пора: надо къ селу подбираться... О-хе, хе. Авось найду какъ-нибудь село-то—не соломинка. Скажите только, въ какую сторону пошли ваши ребята?

— Туда все шли, отвѣчали гуртовщики, неопредѣленно кивая головою въ луга.

— Должно быть, недалече. Найду какъ нибудь! Прощайте, братцы! спасибо за хлѣбъ-соль, за угощенье!.. Эхъ, шапки-то нѣтъ:

поклониться нечѣмъ! подхватилъ Захаръ, посмѣиваясь. — Не взыщите, ребята; человѣкъ дорожный; прощайте и такъ.

— Зъ Богомъ! флегматически отвѣчали гуртовщики.

По мѣрѣ удаленія отъ костра, Захаръ прибавлялъ шагу; отдалившись отъ него на значительное разстояніе, онъ пустился въ бѣжки. Время отъ времени онъ останавливался, столько же, чтобы перевести духъ, столько же, чтобы прислушаться, и снова продолжалъ путь, стараясь по возможности, держаться направленія Комарева. Вѣтеръ дулъ съ Оки, подталкивалъ Захара въ спину и облегчалъ ему ходьбу. Сообразивъ, вѣроятно, что жилье уже недалеко, Захаръ остановился, оглянулся направо и налѣво и, приложивъ сложенные пальцы къ губамъ, пронзительно свистнулъ.

Минуту спустя, гдѣ-то въ отдаленіи, ему отвѣчали такимъ же свистомъ.

Захаръ поспѣшно пошелъ въ ту сторону и, немного погодя, сквозь темноту и частую сѣтку дождя, смѣнившаго ливень, различилъ навѣсы. Тутъ онъ убавилъ шагу, подобрался къ плетню и снова свистнулъ, но уже несравненно тише прежняго.

— Здѣсь! сказалъ кто-то нетерпѣливымъ голосомъ.

— Ай да Гриня! произнесъ Захаръ, быстро подходя къ пріемышу:—ну, что? гдѣ товаръ?

— Тутъ, глухо отозвался пріемышъ.

— Ой-ли! Вотъ люблю! восторженно воскликнулъ Захаръ, приближаясь къ быку, который, стоя подъ навѣсомъ, въ защитѣ отъ дождя и вѣтра, спокойно помахивалъ хвостомъ:—молодца; ей-Богу, молодца! ай да Жукъ!.. А ужъ я, братецъ ты мой, послушалъ бы только, какіе турусы разводилъ этимъ дурнямъ... то-то потѣха!.. Ну, вотъ, братъ, вишь и сладили! чего кобенился! говорю: намъ не впервые:—обработаемъ важнѣющимъ манеромъ. Наши теперь деньги, все единственно; гуляемъ теперечa, только держись!..

Захаръ не счелъ нужнымъ сообщить Гришкѣ о томъ, что товарищи гуртовщиковъ находились, быть можетъ шагахъ въ двадцати: дрожащій голосъ ясно обличалъ, что пріемышъ и безъ того уже струхнулъ порядкомъ. Не обращая вниманія на непріязненныя слова пріемыша и дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ его робости, Захаръ подхватилъ дружескимъ, но торопливо-озабоченнымъ голосомъ:

— Ну, дружище, теперича подожди меня здѣсь: требуется на-

передъ перемолвить съ Герасимомъ. Выходитъ, дѣло по настоящему въ дорогѣ покедова... Безъ него нельзя: поговорить требуется... то, да сё... Товаръ смотри только не выпусти; это всему дѣлу голова — заглавіе!..

И Захаръ, не дожидаясь отвѣта, мигомъ исчезъ за угломъ навѣса.

Гришка пробормоталъ глухимъ голосомъ проклятіе и яростно топнулъ ногою. Секунду спустя, онъ снова вернулся на прежнее свое мѣсто и, затаивъ дыханіе, снова припалъ къ плетню. Не зачѣмъ было, однакожъ, принимать излишнихъ предосторожностей; одинъ страхъ развѣ внушалъ ихъ. Гришка могъ пѣть, кричать, свистать, сколько было душѣ угодно, не опасаясь привлечь на себя вниманіе: буря утихала, но ревъ ея все еще заглушалъ человѣческій голосъ. Благодаря темнотѣ, въ трехъ шагахъ не было даже возможности различить быка, который, какъ бы сговорившись заодно съ Гришкой, смиренно, не трогая ни однимъ членомъ, изрѣдка лишь помахивая хвостомъ, стоялъ подлѣ навѣса.

XXVIII.

Отсутствіе Захара продолжалось долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Такъ по крайней мѣрѣ показалось Гришкѣ, который дрожалъ столько же отъ страха, сколько отъ стужи. Въ каждомъ звукѣ: въ шорохѣ соломы, приподымаемой порывами вѣтра, въ шумѣ воды, которая, скатываясь съ кровель, падала въ ближайшія лужи, поминутно слышались ему погоня и крики, звавшіе на помощь. Онъ скорчивался тогда въ-три-погибели, плотнѣе припадалъ къ плетню и мысленно проклиналъ Захара,—проклиналъ часъ, въ который вышелъ изъ дома. Нѣсколько разъ намѣревался онъ пуститься въ бѣгство; но каждый разъ чувство ложнаго стыда и ложной совѣстливости удерживало его на мѣстѣ. Къ этому примѣшивалось также другое чувство; онъ боялся этимъ поступкомъ вооружить противъ себя Захара. Разрывъ съ Захаромъ казался ему теперь страшнѣе всего на свѣтѣ. Онъ столько же боялся послѣдствій такого разрыва, сколько одиночества.

Голосъ Захара, раздавшійся гдѣ-то неподалеку, мгновенно возвратилъ пріемышу часть его смѣлости. Онъ выбрался изъ-подъ плетня и сталъ на ноги. Шаги приближались въ его сторону; секунду спустя, тихо скользнулъ деревянный засовъ, запиравшій изнутри заднія ворота „Разставанья“, подлѣ котораго находился пріемышъ.

— Что̀ тутъ много разговаривать! надо сперва поглядѣть, послышался сопливый, гнусливый голосъ, по которому Гришка тотчасъ же узналъ Герасима.

— Экой ты, братецъ мой, чудной какой, право! чего глядѣть-то? веди, говорю, на дворъ: тамъ пожалуй хошь съ фонаремъ смотри. Какъ есть, говорю, первый сортъ: Глѣбъ Савинычъ худого не любилъ, у него, чтобъ было самое настоящее. И то сказать, много ли здѣсь увидишь, веди на дворъ! пересыпалъ Захаръ, точно выбивалъ дробь языкомъ.

— Что вести-то! можетъ, еще не по цѣнѣ, промямлилъ цѣловальникъ и, не обращая вниманія на дальнѣйшія замѣчанія Захара, подошелъ къ Гришкѣ.

— Твоя животина? спросилъ онъ, принимаясь ощупывать бока вола, который очень охотно поддался такому осмотру.

— Онъ хозяинъ, живо подхватилъ Захаръ: —я такъ, примѣрно, для компанства.

— Какая же цѣна твоя? спросилъ Герасимъ, обращаясь къ пріемышу.

— Да какая... я что... началъ было Гришка.

Но Захаръ тотчасъ же перебилъ его.

— Десять цѣлковыхъ, одно слово, сказалъ онъ рѣшительнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, что тутъ! пожалуй съ вами еще бѣду наживешь, флегматически произнесъ Герасимъ.

— Какую такую бѣду?

— Никакъ Глѣбъ не держалъ скотины. Кто васъ знаетъ, гдѣ вы ее взяли! добавилъ цѣловальникъ, отворачиваясь и дѣлая видъ, какъ будто хочетъ уйти.

— Ну, вотъ, поди-жъ ты, толкуй поди съ нимъ! Эхъ дядя, дядя! воскликнулъ Захаръ, удерживая его:—вѣдь я жъ говорю тебѣ,—слышишь, я говорю, передъ тѣмъ, какъ помереть ему, купилъ въ Сосновкѣ у родственника: хотѣлъ бить на солонину.

Тутъ Захаръ украдкою толкнулъ Гришку въ спину.

— Точно... на солонину... это точно... повторилъ Гришка, которымъ овладѣла вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поперхота.

— Все одно, цѣна несходная, флегматически возразилъ Герасимъ.

— Сколько жъ по твоему?

— Пять цѣлковыхъ.

— Нѣтъ, милушка, тридцать лѣтъ поживешь, такой цѣны не найдешь! Когда такъ, мы лучше погодимъ до ярмарки: въ томъ же Комаревѣ двадцать цѣлковыхъ дадутъ.

— Ваше счастье. Ступайте.

— Мы насчетъ, то есть, примѣрно, тебѣ хотѣли сдѣлать въ уваженье.

— Мнѣ не надо.

— Да ты скажи настоящую цѣну?

— Не надо, проговорилъ цѣловальникъ, снова поворачиваясь къ воротамъ.

— Погоди, постой!

Захаръ подбѣжалъ къ Герасиму, пригнулся къ его уху и шепнулъ скороговоркою:

— Ну, чего ты ломаешься? вѣдь деньги-то опять къ тебѣ придутъ!

— Ты-то изъ чего хлопочешь? громко возразилъ цѣловальникъ:— сбыть скорѣй съ рукъ хочется. Видно, взаправду, замореная какая скотина-то.

— Ахъ! э! поди вотъ толкуй съ нимъ! эхъ ты! воскликнулъ Захаръ, отчаянно ударяя себя ладонями по поламъ рубахи, съ которой вода текла какъ изъ жолоба.

— Вотъ тутъ у меня гуртовщики стоятъ: ихъ, что ли, поразспросить, сказалъ Герасимъ, умышленно растягивая каждое слово:—я въ этомъ товарѣ толку не знаю. Ихъ нешто привести— поглядѣть.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! подхватилъ Гришка, поспѣшно подходя къ Герасиму:—пожалуй, бери за пять цѣлковыхъ... бери...

— Что ты станешь дѣлать! э! была не была! снова воскликнулъ Захаръ:—хозяинъ поддался, стало, мнѣ тутъ нечего: веди на дворъ!.. Гришка, гони быка на дворъ! заключилъ онъ, бросаясь отворять ворота.

Минуту спустя, животное стояло подъ навѣсами въ одномъ изъ заднихъ угловъ, неподалеку отъ большой лодки.

— Ну, давай деньги! сказалъ Захаръ, какъ только Герасимъ заперъ ворота.

— Экой прыткій! а подписку-то? флегматически замѣтилъ цѣловальникъ.

— Какую тебѣ еще подписку?

— Безъ того не возьму; подписку надо отъ хозяина; можетъ, быкъ-атъ у васъ краденый... я почемъ знаю...

— Экой... ахъ, братецъ ты мой, чудной какой, право! говорятъ, купилъ въ Сосновкѣ, на солонину... чего-жъ тебѣ еще?

— Я этого не знаю.

— Фу, ты!.. эхъ!.. Гришка, никакъ ты грамотѣ обучался; развяжись, братецъ мой, подпиши поди.

— Зналъ, да забылъ... какъ есть забылъ... торопливо отозвался пріемышъ, который во все это время находился позади Захара и цѣловальника.

— Можно и безъ него, лѣниво промолвилъ Герасимъ: — никакъ въ кабакѣ сидѣлъ Ермилъ-конторщикъ: пожалуй онъ подпишетъ... Безъ того не возьму... ведите куда хотите.

— Такъ, стало, пять цѣлковыхъ? по рукамъ, что ли? пять цѣлковыхъ и могарычи!

— Не мое дѣло: кто продавалъ, съ того и могарычи, какъ словно нехотя проговорилъ Герасимъ, подымаясь на крылечко, служившее сообщеніемъ между дворомъ и извѣстною уже галлереею.

Тутъ цѣловальникъ сказалъ, чтобы спутники его шли въ харчевню, а самъ, повернувшись лицомъ къ избѣ, противоположной этому зданію, закричалъ протяжнымъ голосомъ:

— Матрена... а... Матрена... а... а!

Немного погодя, босыя ноги хозяйки Герасима торопливо застучали по деревянному помосту галлереи, и она вся въ попыхахъ остановилась передъ мужемъ.

— Сбѣгай въ кабакъ, Ермила-конторщика позови; скажи, хозяинъ, молъ, требуетъ; въ харчевнѣ, скажи... да принеси бумажки лоскутокъ, чернильницу захвати... ступай!..

И, какъ бы утомленный такою длинной рѣчью, Герасимъ медленно, едва передвигая ноги, подошелъ къ двери харчевни. Онъ провелъ тутъ нѣсколько минутъ, но сколько ни напрягалъ слуха, ничего не могъ разслышать изъ разговора пріятелей, кромѣ того

развѣ, что Захаръ называлъ товарища соломенной душой, фалалѣемъ, смѣялся и хлопалъ его по плечу, между тѣмъ какъ Гришка ругалъ его на всѣ корки.

Герасимъ, шмыгнувъ раза два по полу котами, вошелъ въ харчевню.

Почти вслѣдъ за нимъ явилась жена со свѣчою, клочкомъ бумаги и пузырькомъ съ чернилами, изъ котораго выглядывалъ обглодокъ пера; за нею вошелъ Ермилъ-конторщикъ. То былъ низенькій, оборванный человѣкъ, въ синеватомъ сюртукѣ, пережившемъ нѣсколькихъ владѣльцевъ, съ такимъ крутымъ и высокимъ воротникомъ, что лысая голова Ермила выглядывала изъ него какъ изъ кузова кибитки; крупный, рдѣющій носъ опредѣлялъ пьянчужку съ перваго взгляда.

Герасимъ передалъ ему въ короткихъ словахъ сущность дѣла.

— Что-жъ, можно, съ нашимъ великимъ удовольствіемъ, только бы вотъ молодцы-то, промолвилъ Ермилъ, прищуривая стеклянные глаза на Гришку и Захара:—было бы, значитъ, изъ чего хлопотать... станете „обмывать копыта *)“, меня, позовите...

— Ладно, катай! сказалъ Захаръ.

— Извольте, извольте, съ нашимъ удовольствіемъ, шутливо вымолвилъ Ермилъ.

Затѣмъ немедленно онъ сѣлъ за столъ и, вынувъ изъ пузырька обглодокъ пера и пригнувъ лысину къ лѣвому плечу, принялся выводить каракули.

Присутствующіе пододвинулись, кромѣ Гришки, который стоялъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ и время отъ времени поглядывалъ съ явнымъ безпокойствомъ на дверь.

По мѣрѣ того, какъ слова являлись на бумагѣ, Ермилъ произносилъ ихъ во всеуслышаніе.

„Я нижеподписавшійся симъ свидѣтельствую“, читалъ Ермилъ, владѣвшій, повидимому, большимъ навыкомъ въ такого рода дѣлахъ—„свидѣтельствую, что продалъ комаревскому цѣловальнику, Герасиму Павлову быка; быкъ же сей получилъ я по наслѣдію отъ покойнаго родителя моего, рыбака Глѣба Савинова...“

— Купилъ, слышь, на солонину, неожиданно перебилъ Захаръ.

— Это не наше дѣло, вымолвилъ цѣловальникъ.

---

*) Всевозможныя торговыя сдѣлки скрѣпляются въ простонародьи виномъ или чаемъ,—чаще, однакожъ, виномъ. Когда дѣло идетъ о продажѣ скота, слово „могарычъ“ замѣняется выраженіемъ: „обмывать копыта“.

— Это онъ точно, замѣтилъ Ермилъ: — это здѣсь несоотвѣтственно. „Деньги же съ него, цѣловальника Герасима Павлова...“ Сколько денегъ то?

— Пять цѣлковыхъ, сказалъ Герасимъ.

„Деньги сполна полу...“

— Нѣтъ, погоди, стой! крикнулъ Захаръ: — давай напередъ деньги.

— Что ты орешь-то! отдамъ, промолвилъ Герасимъ.

— Ну, и отдавай, когда такъ: намъ не вѣрилъ, и мы те не вѣримъ! промолвилъ Захаръ.

Цѣловальникъ медленно повернулся и вышелъ изъ харчевни. Захаръ остановилъ его на порогѣ и велѣлъ захватить въ счетъ два штофа.

Минутъ пять спустя, вернулся цѣловальникъ, въ сопровожденіи жены, которая держала два штофа и стаканы. Захаръ поспѣшно завладѣлъ деньгами: сосчитавъ ихъ на ладони, онъ кивнулъ головою Герасиму и подмигнулъ Гришкѣ, который не обратилъ на него вниманія; глаза и слухъ пріемыша казались прикованными къ выходной двери харчевни.

— Теперь пиши, сколько хошь! сказалъ Захаръ, обращаясь къ Ермилу и запрятывая въ карманъ деньги.

Ермилъ снова помакнулъ перо и продолжалъ:

„Деньги же пять рублей серебромъ сполна получилъ, въ чемъ и подписуюсь. За незнаніемъ грамоты руку приложилъ отставной приказный Ермилъ Акишевъ“.

— Погоди, сказалъ цѣловальникъ: — подпиши ужъ ты и за свидѣтеля.

— А какъ, примѣрно, насчетъ, то есть, водочка будетъ, Герасимъ Павлычъ? спросилъ Акишевъ, лукаво прищуривая лѣвый глазъ.

— Будетъ.

— Самое, выходитъ, любезное дѣло, когда такъ, подхватилъ Ермилъ.

И тотчасъ же подмахнулъ.

„При сей продажѣ свидѣтелемъ былъ отставной приказный Ермилъ Акишевъ, въ чемъ и руку приложилъ...“

— Ну, давайте, братцы, обмывать копыта, я свое дѣло исполнилъ, за вами дѣло, проговорилъ Ермилъ, придвигаясь къ штофамъ, которые привлекательно искрились передъ огаркомъ.—Что

это товарищъ твой не веселъ? парень молодой—съ чего бы такъ? присовокупилъ онъ, посматривая на Гришку, между тѣмъ какъ Захаръ наливалъ стаканы.

— Скучаетъ все по покойникѣ, братецъ ты мой; извѣстно, жаль! подхватилъ Захаръ.

Онъ подошелъ къ Гришкѣ и торопливо шепнулъ ему что-то на ухо; тотъ тряхнулъ волосами, приблизился къ столу, взялъ стаканъ, залпомъ выпилъ вино, сѣлъ на лавку и положилъ голову въ ладонь.

— Ну... ну, бывайте здоровы! произнесъ Ермилъ, принимая стаканъ изъ рукъ Захара и медленно, какъ бы боясь пролить каплю, поднесъ вино къ синимъ губамъ своимъ.

— Полно, Гришуха! не воротишь, одно слово—не воротишь! У меня вотъ отца и матери нѣтъ; кабы не величали Силаичемъ, не зналъ бы какъ и отца-то звали: сирота круглый, значитъ, все единственно,—а вишь, не тужу! говорилъ Захаръ, успѣвшій уже опорожнить шкальчикъ и пододвигая Гришкѣ штофъ.—Ну-ка-сь, тяпнемъ-ка по чарочкѣ, съ горя! тяпнемъ за всѣ хвосты!.. Ну, а вы-то что-жъ... Дядя Герасимъ? хоша ты подвелъ насъ, обмишулилъ, надулъ, все единственно,—намъ это наплевать! мы зла не помнимъ, Ермилъ, пейте же, чего стали!.. Эхъ, нѣтъ у меня гармоніи! подхватилъ Захаръ, воодушевляясь и ударяя кулакомъ по столу:—то-то бы повеселилъ честную компанію... эхъ-ма!..

Захаръ закинулъ при этомъ назадъ голову, кашлянулъ и затянулъ тоненькимъ, пронзительнымъ дискантомъ своимъ:

Попила-то моя головушка,
Попила-то, погуляла-а а!..
И, эхъ, хотятъ то меня, добра молодца.
Поймати у прилуки у моей сударышки,
У милушки у Аннушки... и! и!..

— Чтожъ вы, ребята, подтягивай!

— Ты потише, братъ, равнодушно сказалъ Герасимъ, готовившійся уже выйти изъ харчевни.

— А что?

— Да то же, что тише; приходи завтра: ноньче нельзя, возразилъ Герасимъ, которымъ снова овладѣли вялость и сонливость, какъ только окончилась сдѣлка.

— Это еще по какому случаю? спросилъ удивленный Захаръ.

— Нельзя, да и только, вотъ-те и все тутъ; ступайте вонъ! вымолвилъ цѣловальникъ, направляясь къ двери.

Захаръ разразился было бранью, но Ермилъ Акишевъ поспѣшилъ удержать его.

— Малый, удалая голова, не шуми! сказалъ онъ: — не годится,—по той причинѣ, не годится, слышь: съ утра судъ ждутъ; того и смотри, наѣдетъ. Михайла Иванычъ давно здѣсь.

— Какой Михайло Иванычъ?

— А становой!

При этомъ извѣстіи Гришка поднялъ голову, и лицо его поблѣднѣло, какъ полотно.

Захаръ опустилъ стаканъ.

— Судъ... зачѣмъ? спросилъ онъ, значительно понижая голосъ, но стараясь сохранить спокойный видъ.

— Покража случилась: фабриканта Никанора обокрали, отвѣчалъ Ермилъ, приподымаясь съ мѣста.

Захаръ не разспрашивалъ дальше: на этотъ разъ смущеніе овладѣло имъ столько же, сколько и самимъ Гришкой. Онъ торопливо забралъ штофы и послѣдовалъ за Ермиломъ, пріемышемъ и цѣловальникомъ, которые выходили изъ харчевни.

Заднія ворота „Разставанья“ открывались только въ экстренныхъ случаяхъ. Гришкѣ и Захару предстояло выйти изъ заведенія не иначе, какъ черезъ кабакъ.

Въ кабакѣ было немного народу, но, тѣмъ не менѣе, шелъ довольно живой разговоръ. Обкраденный фабрикантъ служилъ предметомъ бесѣды.

— Такъ какъ же, Кузьма Демьянычъ, какъ, по твоему, что съ ними теперь будетъ! спрашивалъ одинъ изъ присутствующихъ, обращаясь къ старику, занимавшему середину кружка.

— А что будетъ—извѣстно что: за некошное дѣло будетъ поученьице тошное... знамо, спасиба не скажутъ.

— И будь безъ хвоста, не кажись кургузъ, умѣй концы хоронить! произнесъ кто-то.

— Вотъ такъ ужъ сказалъ! Ты думаешь, концы схоронилъ, такъ и правъ вышелъ? Нѣтъ, братъ, поначе не такъ: ночью сплутовалъ—день скажетъ; на днѣ морскомъ, и тамъ не утаишь концовъ-то. Въ неправдѣ-то самъ Богъ запинаетъ... вездѣ сыщутъ.

— И слава те Господи!

— Ненаказанный не уйдетъ!

— По дѣломъ: не воруй! сказалъ высокій, черноволосый человѣкъ въ синей мѣщанской чуйкѣ.

— Что больно сердитъ?

— Видно, самого обокрали: онъ и серчаетъ.

— Было всего, началъ высокій человѣкъ: — гналъ это я — вотъ все одно, какъ теперь — гналъ гурты: мы больше по этой части; сами изъ Москвы, скупаемъ товаръ въ Воронежѣ. Такъ вотъ разъ увели у меня вола:

— Какъ такъ?

— Да такъ, взяли да и увели: дѣло было ночью.

— Эки мошенники!

— Ну, такъ что-жъ?

— Вѣстимо, не сидѣлъ скламши руки. Стоялъ это я подлѣ села, подъ Рязанью: я къ становому. Ну, спасибо ему, заступился; сейчасъ кинулись это въ кабакъ — тутъ и взяли.

— Ну, то-то вотъ и есть! какъ не найти! вездѣ найдутъ. На днѣ окіяна-моря, и тамъ сыщутъ.

Морозъ пробѣжалъ по всѣмъ суставчикамъ пріемыша, и хмѣль, начинавшій уже шумѣть въ головѣ его, мгновенно пропалъ. Онъ круто повернулъ къ двери и шмыгнулъ на улицу. Захаръ, больше владѣвшій собою, подошелъ къ Герасиму, успѣвшему уже смѣнить батрака за прилавкомъ, потомъ прошелся раза два по кабаку, какъ бы ни въ чемъ не бывало и, подобравъ штофы подъ мышки, тихо отворилъ дверь кабака. Очутившись на крыльцѣ, онъ пустился со всѣхъ ногъ догонять товарища.

Буря какъ словно пріутихла. Дождь по крайней мѣрѣ лилъ уже не съ такою силою, и громовыхъ ударовъ не было слышно. Одинъ только вѣтеръ все еще не унимался. Унылый ревъ его, смѣшиваясь съ отдаленнымъ гуломъ волнующейся рѣки, не заглушаемый теперь раскатами грома и шумомъ ливня, наполнялъ окрестность.

Гришка дохнулъ вольнѣе не прежде, какъ когда вышелъ изъ Комарева и очутился въ лугахъ. Онъ не убавлялъ, однакожъ, шагу; забывъ, казалось, о существованіи Захара, онъ продолжалъ подвигаться къ рѣкѣ, то бѣгомъ, то медленно, то снова пускаясь бѣжать. Въ головѣ его была одна только мысль: онъ думалъ, какъ бы поскорѣе добраться домой. Время отъ времени въ смущенной душѣ его какъ будто просвѣтлялось, и тогда онъ внутренно давалъ себѣ крѣпкую

клятву — никогда, до скончанія вѣка, не бывать въ Комаревѣ, не выходить даже за предѣлы площадки, жить тихо-тихо, такъ чтобъ о немъ и не вспоминалъ никто. Но какъ быть съ Захаромъ? куда дѣть его? Онъ все дѣло погубитъ!.. При этомъ Гришка мысленно возвращался къ Комареву, „Разставанью", прежней безпорядочной жизни и наконецъ къ происшествію настоящей ночи. Встревоженное воображеніе пріемыша рисовало тѣ же полныя ужаса картины, которыя преслѣдуютъ людей, имѣющихъ причины бояться правосудія. Холодъ проникалъ его насквозь. Ноющая тоска, тяжкое предчувствіе, овладѣвшее имъ въ то время еще, какъ онъ выходилъ изъ избы, давили ему грудь и стѣсняли дыханіе: точно камень привѣшивался къ сердцу и задерживалъ его движеніе. Онъ не былъ въ состояніи разъяснить себѣ своихъ мыслей. Смутно, безсознательно проносилось тогда въ душѣ его что-то похожее на раскаянье; но раскаянье, внушенное въ минуты страха, ненадежно. Въ душѣ парня снова дѣлалось темно, какъ ночью послѣ зарницы. Услышавъ за собою голосъ Захара, онъ остановился, столько же изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не услышалъ товарища и не пустился слѣдить за нимъ, столько же и потому, что чувство одиночества казалось невыносимымъ. Онъ обрадовался бы теперь обществу маленькаго ребенка. При всемъ томъ, во все продолженіе пути, онъ слова не сказалъ Захару. Онъ ограничился тѣмъ только, что шелъ подлѣ. Обогнувъ на значительное разстояніе костеръ, который все еще пылалъ у опушки, они достигли наконецъ кустовъ ивняка.

Встревоженныя чувства пріемыша замѣтно успокоились, когда онъ продрался вмѣстѣ съ Захаромъ въ кусты. Кусты эти могли служить даже среди бѣлаго дня надежнымъ убѣжищемъ отъ преслѣдованій. Забравшись въ самую середину чащи, пріятели остановились, какъ бы по условному знаку. Захаръ предложилъ выпить для смѣлости. Гришка молча взялъ штофъ и поспѣшилъ привести въ дѣйствіе совѣтъ; въ горлѣ его и груди было сухо: послѣ первыхъ глотковъ онъ почувствовалъ уже облегченіе,—даже душа его какъ будто окрѣпла. Захаръ пилъ между тѣмъ изъ другого штофа, и такимъ образомъ оба значительно поубавили вина.

Переѣздъ черезъ Оку совершился благополучно: и люди и штофы вышли на берегъ невредимы. Подымаясь по площадкѣ, Захаръ насвистывалъ уже пѣсню. Гришка, между тѣмъ, опередившій своего товарища, стучалъ кулаками въ ворота.

— Что безъ толку шумишь-то? ай кулаки-то наемные? сказалъ

Захаръ, на котораго хмѣль дѣйствовалъ, по привычкѣ, вѣроятно, не такъ сильно, какъ на пріемыша.

Онъ приблизился къ воротамъ, нащупалъ веревочку, перекинутую черезъ перекладину, потянулъ ее книзу и приперъ плечомъ ворота, которыя тотчасъ же отворились.

— Вотъ тутъ стучи, пожалуй, коли есть охота: заперлись изнутри! промолвилъ Захаръ, когда онъ и Гришка поднялись на крылечко.—Экъ ихъ заспались какъ! все съ горя, должно быть!.. гей! гей! отворяй!..

Но Захаръ ошибся, потому что съ первыми словами его въ сѣняхъ раздались торопливые шаги и дверь отворилась.

— А-а-а! Авдотья Кондратьевна! маленько какъ будто потревожили васъ... прости, милая! какъ быть! съ дѣлами не справились! воскликнулъ Захаръ.

— Что те не докличешься?.. лучину! сурово сказалъ Гришка, входя въ сѣни.

— О-о-о! густымъ басомъ подхватилъ Захаръ, передразнивая пріемыша:—сейчасъ видно, хозяинъ пришелъ. Эхъ ты! жонка-милушка встрѣчаетъ, дверь отворяетъ—чѣмъ бы приласкать: спасибо, молъ, любушка жонушка, а онъ... эхъ ты, лапотникъ!.. Ну, пойдемъ, пойдемъ, смѣясь, примолвилъ онъ, пробираясь съ Гришкой въ избу.

— Кто тамъ? раздался голосъ съ печки, какъ только переступили они порогъ.

— Хозяинъ пришелъ, касатушка-бабушка! шутливо отозвался Захаръ.

— Мать наша, пречистая пресвятая Богородица, спаси и помилуй насъ грѣшныхъ! простонала со вздохомъ старушка.

— Ну, скоро, што-ль? огня давай! нетерпѣливо крикнулъ Гришка, топнувъ ногою.

— Полно тебѣ! Ну, что ты вправду: о! да о! что орешь-то! дай срокъ. Авдотья Кондратьевна, може статься, не найдетъ... съ просонья-то... Постой, милая, я подсоблю, заключилъ Захаръ, ощупывая стѣны и пробираясь къ Дунѣ.

Но въ ту же минуту подлѣ печки сверкнулъ синій огонекъ. Блѣдное исхудалое лицо Дуни показалось изъ мрака, и вслѣдъ затѣмъ выставилась вся ея фигура, освѣщенная трепетнымъ блескомъ разгорѣвшейся лучины, которая дрожала въ рукѣ ея. Защемивъ лу-

чину въ свѣтецъ и придвинувъ его на середину избы, она тихо отошла къ люлькѣ, висѣвшей на шестѣ въ дальнемъ углу.

Не обративъ на нее вниманія, а также и на тетушку Анну, которая слѣзала съ печи, Гришка подошелъ къ столу, сѣлъ на скамьѣ, подлѣ окна и, уперевъ на столъ локти, опустилъ голову въ ладони.

— Э-эхъ! воскликнулъ, съ притворнымъ вздохомъ и жестомъ, Захаръ, который не переставалъ до сихъ поръ щурить соколиные глаза свои на Дуню.

Онъ приблизился къ столу, поставилъ штофы, подсѣлъ къ пріемышу и дружески ударилъ его по спинѣ.

Увидѣвъ штофы, тетка Анна сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, всплеснула руками и мгновенно разразилась градомъ упрековъ и жалобъ.

Въ отвѣтъ на это, Захаръ оглянулъ старушку съ головы до ногъ и залился тоненькимъ смѣхомъ.

Выходка эта окончательно взорвала старуху. Но Захаръ и Гришка продолжали дѣлать видъ, какъ будто не замѣчаютъ ея. Каждый попивалъ изъ своего штофа, но съ тою разницею, однакожъ, что пріемышъ, по мѣрѣ того, какъ исчезало вино, дѣлался болѣе и болѣе сумрачнымъ, тогда какъ Захаръ веселѣлъ съ каждой минутой. Подъ конецъ онъ вступилъ даже въ объясненія съ тетушкой Анной. Отвѣчая на каждое ея слово скоморошной какой-нибудь выходкой, онъ нерѣдко въ то же время обращался къ Дунѣ, которая изрѣдка выглядывала изъ-за люльки и подымала кроткій, дрожащій голосъ, стараясь уговорить старушку.

— Слышь, тетка, Авдотья Кондратьевна настоящее тебѣ говорятъ: полно надсажаться... Эхъ, пустая какая!.. Ну, за что ты ругаешься? за что?.. Ой ли? да разв мы пьянствуемъ! такъ ли пьянствуютъ-то?.. Охота горло драть... къ тому и года твои старые, слышь: покой требуется... говорилъ, посмѣиваясь, захмѣлѣвшій уже Захаръ, между тѣмъ какъ старуха надрывалась, осыпая его бранью и всевозможными проклятіями:—ой, перестань, право-ну, перестань! Лучше бы вотъ къ намъ подсѣла: знамо, горлышко промочить; оно же у тебя звонкое такое!.. Авдотья Кондратьевна! Эхъ, памятна ты, милая! полно серчать-то. Ну, что! садись, право, садись... А ужъ какую бы я вамъ пѣсенку спѣлъ! и-ихъ! одно слово: распотѣшу!.. заключилъ Захаръ.

И, уперши кулаками въ бока, тряхнувъ молодцовато волосами, Захаръ запѣлъ, подмигивая Дунѣ:

Что ты, Дуня, приуны-ы-ла?
Воздохнула тяжело?
Раздушенька вспомянула
Любезнаго своего...

Дуня вынула изъ люльки спавшаго ребенка, подошла къ старухѣ и, взявъ ее за руку, принялась увѣщевать ее.

— Уйдемъ, матушка, перестань... оставь ихъ... пойдемъ лучше посидимъ гдѣ нибудь... что кричать то... брось... они лучше безъ насъ уймутся... шептала она, силясь увести старушку, которая хотя и подавалась, но съ каждымъ шагомъ, приближавшимъ ее къ двери, оборачивалась назадъ, подымала безкровные кулаки свои и посылала новыя проклятія на головы двухъ пріятелей.

— Куда вы? крикнулъ было Захаръ, неожиданно прерывая свою пѣсню.

Но Дуня захлопнула дверь за собою и старухой.

— А ну васъ, когда такъ! подхватилъ Захаръ, махнувъ рукою и опуская ее потомъ на плечо Гришки, который казался совершенно безувственнымъ ко всему, что происходило вокругъ:— ней, душа! али боишься, нечѣмъ будетъ завтра опохмѣлиться?.. небось, деньги еще есть! не горюй!.. что было, то давно сплыло! думай, не думай—не воротишь... да и думать-то не о чемъ... стало, все единственно... веселись, значитъ!.. пей!.. ну!.. заключилъ Захаръ, придвигая штофъ къ пріятелю.

Но рѣчь Захара не произвела никакого дѣйствія на товарища. Онъ сидѣлъ по прежнему подпершись локтемъ и опустивъ голову. Онъ не замѣтилъ даже, повидимому, отсутствія жены и старухи.

Захаръ веселѣлъ съ каждымъ новымъ глоткомъ. Прошелъ какой нибудь полу-часъ съ тѣхъ поръ какъ ушли женщины, но времени этого было достаточно ему, чтобы спѣть нѣсколько дюжинъ самыхъ разнобразнѣйшихъ пѣсенъ. Пѣсни эти, правда, рѣдко кончались и становились нескладнѣе; но зато голосъ пѣвца раздавался все звончѣе и размашистѣе. Изрѣдка прерывался онъ, когда нужно было вставить въ свѣтецъ новую лучину. Онъ совсѣмъ уже какъ будто запамятовалъ происшествіе ночи; самыя пріятныя картины рисовались въ его воображеніи...

Пріемышъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ весельи товарища. Раскинувъ теперь руки по столу и положивъ на нихъ голову

свою, съ разсыпавшимися въ безпорядкѣ черными кудрями, онъ казался погруженнымъ въ глубокій сонъ. Разъ, однакожъ, неизвѣстно отчего, вѣтеръ ли сильнѣе застучалъ воротами, или въ памяти его, отягченной сномъ и хмѣлемъ, неожиданно возникъ одинъ изъ тѣхъ страшныхъ образовъ, которые преслѣдовали его дорогой, только онъ поднялъ вдругъ голову и вскочилъ на ноги.

— Гдѣ онѣ? гдѣ? проговорилъ онъ, оглядывая избу шальными, блуждающими глазами.

— Ушли, братъ! смѣясь, отвѣчалъ Захаръ.—Ну ихъ совсѣмъ! ломаются—не таковскія!

— Куда? гдѣ? куда ушли? крикнулъ Гришка, сурово отталкивая Захара и выходя изъ-за стола.

Хмѣль совсѣмъ уже успѣлъ омрачить разсудокъ пріемыша. Происшествіе ночи живо еще представлялось его памяти. Мысль, что жена и тетка Анна побѣжали въ Сосновку, смутно промелькнула въ разгоряченной головѣ его. Ступая нетвердою ногою по полу, онъ подошелъ къ двери и отворилъ ее однимъ ударомъ. Онъ хотѣлъ уже броситься въ сѣни, но голосъ старухи остановилъ его на порогѣ и разсѣялъ подозрѣнія. Тѣмъ неменѣе онъ топнулъ ногою и закричалъ во все горло:

— Сюда ступайте! сюда!

— Не ходи, родная, не ходи, ни за что не ходи! воскликнула старушка, удерживая, вѣроятно, Дуню.

— Сюда ступай, коли хочешь быть цѣла! сюда, говорю! бѣшено закричалъ Гришка.

— Не ходи, Дунюшка! не бойся, родная: онъ ничего не посмѣетъ тебѣ сдѣлать... останься со мною... онъ те не тронетъ... чего дрожишь! полно, касатка .. плюнь ты на него, раздавался голосъ старушки уже въ сѣняхъ.

Но такъ какъ увѣщеванія эти ни къ чему, видно, не служили, тетушка Анна бросилась вслѣдъ за Дуней, опередила ее, и не успѣла та войти въ двери, какъ уже старуха влетѣла въ избу и остановилась передъ Гришкой.

— Чего тебѣ, разбойникъ, отъ нея надыть? воскликнула она, заслоняя Дуню, которая тщетно старалась войти въ двери. — Зачѣмъ она тебѣ? Погибели ея хочешь, что-ли, злодѣй ты такой!

— Молчи! сурово произнесъ Гришка, отталкивая ея руку.

Голосъ старухи вдругъ оборвался, и она зарыдала; но это продолжалось одну секунду. Она снова заслонила Дуню, стоявшую въ

дверяхъ, со спавшимъ на груди ея младенцемъ, и подхватила съ возраставшимъ негодованіемъ:

— На кого руку-то поднялъ, вспомни! вспомни, кому грозишь-то! Злодѣй ты, злодѣй этакой! вѣдь я тебя, злодѣя на рукахъ на своихъ выносила! вспомни ты это! Думаешь, боюсь я тебя? не дамъ я ее, не дамъ тебѣ! чего тебѣ отъ нея надо? чего? аль мало тебѣ, утопилъ насъ въ слезахъ горькіихъ; погибели нашей хочешь, злодѣй ты этакой! Постойте, я найду еще судъ на васъ обоихъ, нехристей окаянныхъ. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей! подхватила она, отчаянно махая руками и обращаясь то къ пріемышу, то къ Захару, который покачивался подлѣ печки.—Вы думаете, я ничего про васъ не вѣдаю? Погодите, васъ спросятъ еще, гдѣ вы вино-то взяли: вѣдь денегъ то у васъ давно нѣту... Сама довѣдаюсь, сама спрошу пойду, душегубцы вы, нехристи! Завтра же схожу въ Комарево... у всѣхъ стану спрашивать...

При этомъ Гришка, сдѣлавшій уже нѣсколько шаговъ къ столу, бросился со всѣхъ ногъ къ старухѣ и бѣшено замахнулся.

Въ ту же самую минуту на дворѣ раздались голоса.

— Здѣсь! не зѣвай, ребята, здѣсь! закричалъ кто-то въ сѣняхъ.

Гришка не успѣлъ придти въ себя, какъ уже въ дверяхъ показалось нѣсколько человѣкъ. Первое движеніе Захара было броситься къ лучинѣ и затушить огонь. Гришка рванулся къ окну, вышибъ раму и выскочилъ на площадку. Захаръ пустился вслѣдъ за нимъ, но едва просунулъ онъ голову, какъ почувствовалъ, что въ ноги ему вцѣпилось нѣсколько дюжихъ рукъ.

— Гришка! крикнулъ онъ отчаянно.

Но отвѣта не было.

— Ребята, кричалъ одинъ изъ молодцевъ, державшихъ Захара. — Одинъ далъ тягу въ окно, выскочилъ, бѣги за нимъ! живѣй! ребята! другого ужъ сцапали... тащи его, ребята!

Два человѣка стремглавъ пустились изъ избы. Остальные вцѣпились еще крѣпче въ Захара и, несмотря на то, что онъ бился, какъ бѣлуга, попавшаяся въ неводъ, втащили его въ избу.

— Батюшки! караулъ! рабойники! вопила тетушка Анна.

— Засвѣти огня, огня! подхватило нѣсколько голосовъ.

— Слышь, огня давай! добрымъ словомъ говорятъ! произнесъ кто-то надъ самымъ ухомъ старухи.—Какихъ еще нашла тутъ разбойниковъ? не разбойники—пришли за разбойниками—вотъ что! Ну, живо поворачивайся... огня, говорятъ!

— Да кто-жъ вы, батюшка... о-охъ! какіе такіе? охъ! Съ нами крестная сила! Дайте хоть ребенка-то положить, заговорила Анна, перебѣгая отъ люльки къ печкѣ.

— Ну, живо! живо! вздуешь огня, сама увидишь, какіе такіе... Крѣпче держи его, ребята: извернется — уйдетъ; давай кушакъ... вяжи его.

Послышалась свалка, сопровождаемая ударами и бранью. Но сила Захара ничего не могла значить передъ силою пятерыхъ дюжихъ молодцовъ. Когда старушка подошла съ лучиной, онъ стоялъ уже окрученный по рукамъ.

— Такъ вотъ вы зачѣмъ! Вяжите его, отцы! вяжите его, разбойника: онъ самый и есть злодѣй! завопила Анна, послѣ того, какъ одинъ изъ присутствующихъ взялъ изъ рукъ ея лучину и защемилъ ее въ свѣтецъ.—Всѣхъ насъ погубилъ, отцы вы мои! Слава те Господи! давно бы надыть! всему онъ причиной; и парня-то погубилъ...

Старушка ударилась въ слезы.

— Не вѣрьте ей, братцы, не вѣрьте! она такъ... запужалась... вретъ... ей-Богу, вретъ! его ловите... обознались... безвязно кричалъ между тѣмъ Захаръ, обращая попеременно то къ тому, то къ другому лицо свое, обезображенное страхомъ:—вретъ, не вѣрьте... кабы не я... парень-то, что она говоритъ... давно бы въ острогѣ сидѣлъ... я... онъ, всему голова... Богъ тебя покараетъ, Анна Савельевна, за... за напраслину!

— Отцы вы мои! Отсохни у меня руки, пущай умру безъ покаянія, коли не онъ погубилъ парня-то! отчаянно перебила старушка.—Спросите, отцы родные, всякъ знаетъ его, какой онъ злодѣй такой! Покойникъ мой со двора согналъ его, къ порогу не велѣлъ подступаться,—знамо, за недобрыя дѣла!.. Какъ померъ, онъ, разбойникъ, того и ждалъ - опять къ намъ съ домъ вступилъ.

— Что же это въ самомъ дѣлѣ, братцы! вѣдь это разбой, все единственно! кричалъ Захаръ, ободряясь.—За что связали? должны напередъ спросить... Ѳедотъ Кузьмичъ! вступись! подхватилъ онъ ласковѣе.—Вступись, знакомый человѣкъ! ты меня знаешь... встрѣчались... помнишь? Ѳедотъ Кузьмичъ!

— Ладно, братъ, тамъ разберутъ; вишь нашелъ какого знакомаго? Ѳедотъ Кузьмичъ! слышь! смѣясь, отвѣчалъ Ѳедотъ Кузьмичъ.—Крѣпче держи его, ребята! Тамъ разсказывай, какъ придемъ; тамъ васъ разберутъ, кто куда принадлежитъ.

— Отцы вы мои... охъ! да что-жъ такое это они надѣлали? что прилучилось-то? спросила тетушка Анна, неожиданно прерывая рыданія.

— Быка увели, обокрали вотъ этого молодца, возразилъ Ѳедотъ Кузьмичъ, указывая головою на высокаго, плечистаго мужика въ синей чуйкѣ, державшаго Захара за воротъ.

— Царица небесная! то-то вотъ! я какъ вино-то увидѣла... охъ, словно сердце мое чуяло... не добромъ достали вино-то!... Да какъ же это, родной?.. охъ, батюшки!

— А такъ же, что этотъ вотъ мошенникъ калякалъ съ работниками на лугу, а тотъ быка уводилъ: „я, говоритъ, портной; портной, говоритъ, иду изъ Серпухова!“ смѣясь, отвѣчалъ Ѳедотъ Кузьмичъ:—и то портной; должно быть, изъ тѣхъ, что ходятъ вотъ по ночамъ съ деревянными иглами да людей грабятъ.

— Отсохни руки и ноги, коли не по наговору! меня тамъ вовсе и не было; спроси хоть въ Комаревѣ, быстро заговорилъ Захаръ.

— Ладно, тамъ скажешь...

— Ну, пойдемте, братцы! перебилъ гуртовщикъ.

— Нѣтъ, погоди, надо другого дождаться; далеко не убѣжитъ: парни ловкіе—догонятъ!.. Слышь, еще и росписку цѣловальнику дали! подхватилъ словоохотливый Ѳедотъ Кузьмичъ.—„Такъ и такъ, говорятъ, быкъ достался, вишь, по наслѣдію отъ отца покойника...“

— Батюшка! да у насъ и въ заводѣ скотины-то не было! отродясь и не держали! воскликнула Анна.

— Мы ихъ и въ кабакѣ-то нонче видѣли.

— Когда ты меня видѣлъ? въ кое время? меня тамъ и не было! произнесъ Захаръ.

Не обращая на него вниманія, словоохотливый Ѳедотъ Кузьмичъ разсказалъ старухѣ, какъ гуртовщикъ, отправляясь съ другими работниками на ночлегъ въ избу цѣловальника, услышалъ, подъ навѣсомъ ревъ быка, какъ, движимый подозрѣніемъ, спустился на дворъ съ работниками, отыскалъ животное, убѣдился, что быкъ точно принадлежалъ ему, и какъ затѣмъ побѣжалъ къ становому, который къ счастію, находился въ Комаревѣ, по случаю покражи у фабриканта. Далѣе Ѳедотъ Кузьмичъ сообщилъ о томъ, какъ становой, собравъ понятыхъ, вошелъ въ кабакъ, допросилъ цѣловальника, и какъ цѣловальникъ тотчасъ же выдалъ воровъ, показалъ росписку, пояснилъ, откуда были воры, и разсказалъ даже, гдѣ найти ихъ.

— Добро еще, лодка попалась у берега; спасибо прогонщикамъ, припасли! а то бы пришлось, пожалуй, бѣжать на паромъ въ Болотово, заключилъ разсказчикъ.

Во все время этого объясненія Захаръ не давалъ отдыха языку своему. Онъ опровергалъ съ неописанною наглостью всѣ обвиненія, требовалъ очной ставки съ Герасимомъ, называлъ его мошенникомъ, призывалъ въ доказательство своей невинности росписку, въ которой не былъ даже поименованъ, складывалъ всю вину на Гришку, говорилъ, что пріемышъ всему дѣлу голова—заглавіе, поминутно обращался къ дружбѣ Ѳедота Кузьмича, и проч. Но Ѳедотъ Кузьмичъ только подтрунивалъ, а гуртовщикъ, державшій Захара за воротъ рубахи, не переставалъ его потряхивать.

— А вотъ никакъ и другого ведутъ! произнесъ одинъ изъ понятыхъ, прислушиваясь къ шагамъ, раздавшимся на дворѣ.

При этомъ Дуня сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла броситься къ двери; но въ дверяхъ показались только два человѣка, и она опустилась на лавку.

— Убѣжалъ! сказали въ одинъ голосъ вошедшіе.

Не было, однакожъ, сомнѣнія, что они употребили всевозможныя старанія, чтобы поймать бѣглеца: ноги ихъ до колѣнъ были покрыты грязью, оба дышали какъ опоенныя клячи, проскакавшія десять верстъ безъ отдыху.

— Нѣтъ, не поймали! подхватилъ одинъ изъ нихъ, съ трудомъ переводя дыханіе.—Совсѣмъ было схватили... да въ рѣку кинулся... не подоспѣли...

— Ладно, далеко не убѣжитъ! сказалъ Ѳедотъ Кузьмичъ.— Пачпорта не успѣлъ захватить. Искать надо въ Комаревѣ, либо въ Болотовѣ: дальше не пойдетъ, а можетъ-статься, и весь въ рѣкѣ-Окѣ остался... завтра все объявится, на виду будетъ!.. Добро, хошь этого-то молодца скрутили: придемъ не съ пустыми руками... Веди его, ребята!

И понятые потащили изъ избы Захара, который не переставалъ увѣрять, что идетъ своею охотой, что будетъ жаловаться за безчестіе, что становой ему человѣкъ знакомый, что все Комарево за него вступится, потому всякій знаетъ, какой онъ есть такой человѣкъ,—увѣрялъ, что онъ не лапотникъ какой-нибудь, а мѣщанскій сынъ, что вязать мѣщанина—это все единственно, что вязать купца—никто не смѣетъ,—что Гришка всему дѣлу голова—заглавіе, что обвинять его, Захара, въ покражѣ быка—значитъ, все един-

ственно, обвинять въ этомъ дѣлѣ Ѳедота Кузьмича, и проч. Но его не слушали и продолжали тащить по двору, причемъ раздосадованный гуртовщикъ, не выпускавшій изъ желѣзной пятерни своей ворота рубахи, не переставалъ долбить кулакомъ другой руки мѣщанскую шею Захара.

XXIX.

Наслѣдники.

Буря утихла, хотя тяжеловѣсныя, свинцовыя тучи все еще бродили по небу, но онѣ не посылали уже дождя. Вѣтеръ упалъ, перемѣнилъ направленіе. Тучи быстро неслись теперь къ западу, укладывались темносизыми слоями и медленно потомъ опускались къ горизонту, который замыкался косыми полосами ливней. Тамъ все еще сверкали молніи и время отъ времени грохоталъ громъ; но удары удалялись и постепенно ослабѣвали. Часто послѣ молніи ихъ вовсе не было слышно. На востокѣ свѣтлѣло между тѣмъ съ каждымъ часомъ. Мѣстами начинало уже открываться прозрачное, зелено-блѣдное дно осенняго неба. Но лучи солнца, продирающіеся сквозь рѣдѣющія облака, не веселили окрестности: при солнечномъ блескѣ рѣзче еще выказывалось опустошительное дѣйствіе бури и поздняго времени года. Повсюду, куда ни обращался взоръ, разстилались черныя, безжизненныя поля, изрѣзанныя бороздами, наполненными водою. Нагія деревья, съ вѣтвями, изломанными бурей, печально высились на окраинѣ дороги. Самыя лужи, засоренныя мелкими вѣтками и желтыми листьями, тускло отражали лучи солнца. Темными полосами тянулись въ отдаленіи пустынные лѣса. Ни одинъ звукъ не веселилъ слуха. Вся природа ждала, казалось, отдыха подъ мягкимъ покровомъ снѣга. Недолго дожидаться: октябрь на половинѣ. Не сегодня, завтра, того и-смотри, посыпятся пушистыя хлопья снѣгу и покроютъ собою продрогнувшую землю...

Этого ждалъ также, заодно съ природой, и дѣдушка Кондратій. Онъ давно уже съ ногъ смотался, слѣдуя за своимъ стадомъ по топкимъ полямъ и обнаженнымъ рощамъ, которыя не защищали его отъ дождя и вѣтра. Съ первымъ снѣгомъ оканчивалась тяжкая

пастуховская должность. Старикъ позаботился уже пріискать къ тому времени новое мѣсто: онъ нанялся плести сѣти у одного богатаго сосновскаго мужика, торговавшаго рыболовными снастями. Кромѣ того, что занятіе это соотвѣтствовало лѣтамъ и склонностямъ дѣдушки Кондратія, оно обезпечивало его вѣрнымъ кускомъ хлѣба на всю зиму. Этимъ способомъ не будетъ онъ никому въ тягость. Быть можетъ, даже, дастъ Богъ, пригодится еще дочери и внучку.

Занятый такими мыслями, старикъ торопливо слѣдовалъ за стадомъ, которое, на находя корма, бродило ускореннымъ шагомъ по полямъ и оглашало ихъ унылымъ ревомъ. Переходя съ одной нивы на другую, дѣдушка Кондратій незамѣтно дотянулъ до полудня. Пора было подумать объ обѣдѣ и отдыхѣ. Старикъ направился въ небольшую лощину, лежавшую верстахъ въ двухъ отъ Сосновки и служившую съ незапамятныхъ временъ всѣмъ пастухамъ мѣстомъ отдохновенія. Осенью бока лощины, покрытые частымъ орѣшникомъ, защищали пастуха и животныхъ отъ вѣтра; въ жаркіе лѣтніе дни они служили надежнымъ убѣжищемъ отъ зноя. Лощина представляла еще то удобство, что на днѣ ея, мѣстами заросшемъ кустами лозняка и сочной травою, мѣстами усѣянномъ плитнякомъ, бѣжалъ ручей. Стаду привольно было лежать на отдыхѣ подлѣ берега.

Въ ожиданіи обѣда, который приносили пастуху изъ Сосновки, дѣдушка Кондратій расположился на камняхъ подлѣ ручья. Но дѣльный старикъ никогда не сидѣлъ безъ дѣла. Отцѣпивъ отъ кушака связку лыкъ, положивъ на колѣни колодку и взявъ въ руки кочадыкъ, онъ принялся оканчивать начатый лапоть.

Надо полагать, что старикъ обознался временемъ и было уже больше полудня. Едва успѣлъ онъ раза два ковырнуть кочадыкомъ, какъ на днѣ лощины показался сынъ мужика, у котораго дѣдушка Кондратій нанималъ уголъ. Парень несъ обѣдъ.

То былъ малый лѣтъ шестнадцати, съ широкимъ, румянымъ, добродушнымъ лицомъ и толстыми губами. Нельзя было не замѣтить, однакожъ, что губы его на этотъ разъ измѣняли своему назначенію: онѣ не смѣялись. И вообще во всей наружности парня проглядывало выраженіе какой-то озабоченности, вовсе ему несвойственной; онъ не отрывалъ глазъ отъ старика, какъ словно ждалъ отъ него чего то особеннаго.

— Дѣдушка Кондратій, — слышь! а дѣдушка Кондратій! крикнулъ онъ шаговъ еще за тридцать. — Слышь! что ты вечоръ-то говорилъ! слышь, все по твоему вышло!

— Что я говорилъ? не помню, родной... о чемъ бишь? промолвилъ старикъ, прерывая работу.

— А какъ же, помнишь, говорилъ, дома-то у васъ, гдѣ дочка-то живетъ... слышь! все какъ есть по твоему вышло: вѣдь старшіе-то сыновья Глѣба Савиныча пришли!

— Такъ ли? ты, паренекъ, толкомъ говори,—такъ ли? правда ли? произнесъ старикъ, задумчивое лицо котораго вдругъ оживилось.

Въ послѣднее время онъ только и помышлялъ о возвращеніи Петра и Василія: они, безъ сомнѣнія, не замедлятъ оставить рыбацкія слободы и вернуться домой, какъ только провѣдаютъ о смерти отца. На нихъ основывались всѣ надежды дѣдушки Кондратія: присутствіе Петра и Василія должно было положить конецъ безпутству Гришки, должно было возвратить дому прежній порядокъ и спасти дочь, внучка и старуху отъ вѣрной погибели. Старикъ не зналъ еще, до какой степени разстройства и раззоренія доведенъ былъ въ послѣднее время домъ Глѣба Савиныча.

— Взаправду пришли, дѣдушка, подхватилъ парень: — пришли нонѣ утромъ.

— Да кто жъ тебѣ сказалъ? небось, Анна Савельевна у васъ въ Сосновкѣ?.. она сказала?

— Нѣтъ, вишь ты, пришли это они съ нашими ребятами... тѣ остались дома, а эти въ Сосновку пришли; они все разсказали...

— Ну, слава те Господи! вымолвилъ, перекрестившись, старикъ.—Пришли-таки въ домъ свой! все пойдетъ, стало, порядкомъ! люди немалые, степенные... слава те Господи!

— Да ты, дѣдушка, послушай,—дѣло-то какое! живо подхватилъ парень.—Они, наши, сосновскіе-то ребята, сказывали, твой зять-то... Григорьемъ, что ли звать?.. слышь, убѣжалъ, сказываютъ, нонче ночью... убѣжалъ и не знать куда!.. всѣ, говорятъ, понятые изъ Комарево искали его—не нашли... А того, слышь, пріятеля-то, работника, Захара, такъ того захватили, сказываютъ. Нонче, вишь, ночью обокрали этто они гуртовщика какого-то, вотъ что волы-то прогоняютъ... А въ Комаревѣ судъ, говорятъ, понаѣхалъ—сейчасъ и дослѣдились...

При этомъ дѣдушка Кондратій снова перекрестился, но уже голова его была опущена и дрожала вмѣстѣ съ рукою, творившею крестное знаменіе.

— Ты, дѣдушка, не пуще тужи: може-статься, уйдетъ еще твой-то—не поймаютъ! добродушно подхватилъ парень.—А ужъ какъ,

говорятъ, старшій-то сынъ Глѣба Савиновича на его, на Гришку-то, серчаетъ... то-то бы ты послушалъ, какъ наши ребята сказывали: какъ увидалъ, говорятъ, какъ раззорено въ домѣ-то—сказываютъ, все, вишь, пустехонько,—такъ, говорятъ, и взлютовался! „Попадись, говоритъ, онъ мнѣ въ руки, живымъ не оставлю!“ Такъ взлютовался, слышь, инда на жену его, на дочь твою, накинулся. Оба, и старшій, и младшій, хотятъ, вишь, въ судъ жаловаться, и ей, слышь, дочери-то твоей, грозятъ... Ужъ какъ же, говорятъ, она, дочь-то твоя, убивается...

Во все это время старикъ не переставалъ крестить впалую грудь свою, которая тяжело подымалась.

— Яша, батюшка, голубчикъ, не оставь старика: услужи ты мнѣ! воскликнулъ онъ наконецъ, приподнимаясь на ноги, съ быстротою, которой нельзя было ожидать отъ его лѣтъ:—услужи мнѣ! Поколь Господь продлитъ вѣкъ мой, не забуду тебя!.. А я... я было на нихъ понадѣялся! заключилъ онъ, обращая тоскливо безпокойное лицо свое къ сторонѣ Оки и проводя ладонью по глазамъ, въ которыхъ показались двѣ тощія, едва примѣтныя слезинки.

— Что-жъ, дѣдушка, я, пожалуй, туда сбѣгаю: погляжу, что у нихъ; пожалуй, и дочкѣ твоей скажу, коли что велишь.

— Нѣтъ, батюшка, не о томъ прошу: гдѣ ужъ тутъ! самому идти надобность... Кабы ты, родной, на то время приглядѣлъ за стадомъ, я... что хошь тебѣ за это...

— Вотъ! да я и безо всего останусь! только бы... батюшка, смотри, только забранится!.. и то велѣлъ скорѣй домой идти. Сбѣгать развѣ попросить?

— Сбѣгай, родимый, сбѣгай!.. Сотвори тебѣ Господь многія радости!.. Сбѣгай, баьюшка, скажи отцу: Кондратій, молъ, проситъ. Надобность, скажи, великая, безпремѣнная... онъ вѣрно не откажетъ... сбѣгай, родной, я здѣсь погожу...

— Ладно, дѣдушка, ладно! только бы отпустилъ, духомъ вернусь! сказалъ Яша.

И, поставивъ котомку съ обѣдомъ наземь, пустился онъ изъ лощины, сопровождаемый благословеніями старика.

Лишнее говорить, что дѣдушка Кондратій не прикасался къ обѣду, даромъ что давно прошелъ полдень: онъ забылъ о голодѣ.

Какъ только молодой парень исчезъ за откосомъ лощины, старикъ снялъ шапку, опустился съ помощью дрожащихъ рукъ своихъ на колѣни и, склонивъ на грудь бѣлую свою голову, весь отдался молитвѣ.

*

Остатки послѣднихъ облаковъ заслоняли солнце. Синяя тѣнь потопляла дно и скаты лощины. Стадо окружало старика молчаливыми, неподвижными группами. Благоговѣйная тишина, едва-едва прерываемая журчаньемъ ручья, наполняла окрестность...

Молодому парню достаточно было одного полу-часа, чтобы сбѣгать въ Сосновку и снова вернуться къ старику. Онъ засталъ его уже сидящаго на прежнемъ мѣстѣ; старикъ казался теперь спокойнѣе. Увидѣвъ Яшу, онъ поднялся на ноги и поспѣшно, однакожъ, пошелъ къ нему, на встрѣчу.

— Ступай, дѣдушка! ступай! весело кричалъ парень.—Батюшка говоритъ—можно!.. отпустилъ меня... старикъ, говоритъ, хорошій; можно, говоритъ, уважить... такъ и сказалъ... ступай, дѣдушка!

— Спасибо ему!.. и тебѣ родной, спасибо! Пока Господь вѣкъ продлитъ, буду молить за васъ Господа! проговорилъ Кондратій, между тѣмъ какъ Яша оглядывалъ его съ прежнимъ добродушнымъ любопытствомъ.

— Такъ ты, родной, посиди за меня... я скоро вернусь...

— Ты, дѣдушка, не пуще тормошись. Я вотъ и полушубокъ захватилъ: посижу, пожалуй, хошь до вечера; а коли не вернешься, стало не управился, такъ я, пожалуй, что и стадо домой пригоню...

— Господь наградитъ тебя! произнесъ умиленно старикъ.— Вотъ находитъ это сумлѣніе: думаешь, вывелись добрые люди! Бога только гнѣвимъ такими помыслами... Есть добрые люди! Благослови тебя Творецъ, благослови и весь родъ твой!

Старикъ надѣлъ обѣими руками шапку, взялъ посохъ и, простившись съ Яшей, торопливо вышелъ изъ лощины.

Семь верстъ, отдѣлявшія Сосновку отъ площадки, пройдены были старикомъ съ невѣроятною для его лѣтъ скоростью. Въ этотъ промежутокъ времени онъ передумалъ болѣе, однакожъ, чѣмъ въ послѣдніе годы своей жизни. Знаменіе креста, которымъ поминутно осѣнялъ себя старикъ, тяжкіе вздохи и поспѣшность, съ какой старался онъ достигнуть своей цѣли, ясно показывали, какъ сильно взволнованы были его чувства и какое направленіе сохраняли его мысли.

Ока освѣщалась уже косыми лучами солнца, когда дѣдушка Кондратій достигнулъ тропинки, которая, изгибаясь по скату берегового углубленія, вела къ огородамъ и избамъ покойнаго Глѣба. Съ этой минуты глаза его ни разу не отрывались отъ кровли из-

бушекъ. До слуха его не доходило ни одного звука, какъ будто тамъ не было живого существа. Старикъ не замедлилъ спуститься къ огороду, перешелъ ручей и обогнулъ уголъ, за которымъ когда-то дядя Акимъ увидѣлъ тетку Анну, бросавшую на воздухъ печеные изъ хлѣба жаворонки.

Но другого рода картина предстала глазамъ дѣдушки Кондратія; онъ остановился, какъ вкопанный; въ глазахъ его какъ словно помутилось. Онъ слышалъ только рыданія дочери, которая сидѣла на заваленкѣ и ломала себѣ руки,—слышалъ жалобный плачъ ребенка, который лежалъ на колѣняхъ матери,—слышалъ охи и увѣщевательныя слова Анны, сидѣвшей тутъ же.

— Мать пресвятая Богородица! воскликнула она, увидѣвъ Кондратія: самъ Господь тебя посылаетъ!.. Дунюшка, глянька-сь, глянь: отецъ пришелъ.

Дуня откинула волосы, въ безпорядкѣ разсыпавшіеся по лицу ея, быстрымъ движеніемъ передала старухѣ ребенка и, зарыдавъ еще громче, упала отцу въ ноги.

— Батюшка! батюшка! говорила она, хватаясь съ какимъ-то отчаяніемъ за одежду старика и цѣлуя ее:—батюшка, отыми ты жизнь мою! отыми ее!.. не знала бъ я ее, горемычная!.. не знала бъ лучше, не вѣдала!..

— Дунюшка, опомнись! Христосъ съ тобою... не гнѣви Господа... Единъ Онъ властенъ въ жизни нашей... Полно! я тебя не оставлю... пока жить буду, не оставлю... повторялъ отецъ, попеременно прикладывая ладонь то къ глазамъ своимъ, то къ груди, то ласково опуская ее на голову дочери.

— Батюшка, отецъ ты нашъ! да вѣдь дѣло-то какое, кабы зналъ ты! всхлипывая, говорила тетушка Анна:—вѣдь парень-то, мужъ-то ея, убѣжалъ! убѣжалъ, отецъ! нонче ночью убѣжалъ, касатикъ!.. Что затѣяли-то лиходѣи!.. что затѣяли, кабы зналъ ты!.. О-охъ!.. Добро, батюшки, хоть того-то злодѣя схватили!.. Охъ, какъ не плакать-ста, кормилецъ!.. А имъ, Петру и Василью, немало ужъ я говорила: ни въ чемъ-то, говорю, она не виновница, за что, говорю, вы ее обижаете?.. Охъ, родной! нѣтъ, не вижу въ нихъ себѣ утѣхи! Не того ждала я отъ нихъ, горькая!.. А тотъ такъ и убѣжалъ, злодѣй: не поймали! покинулъ ее! сироту горькую оставилъ съ малымъ дитяткомъ... Вася побѣжалъ, не провѣдаетъ ли чего на той сторонѣ: можетъ, захватили... Что затѣяли-то! Стояли, это, гурты, кормилецъ,—гурты стояли; а они...

— Знаю, матушка, знаю... не слушая ее, проговорилъ старикъ, стараясь приподнять дочь, которая продолжала обнимать его ноги и рыдала, произнося несвязныя причитанья.

Тетушка Анна мгновенно оставила свои объясненія, посадила внучка на заваленку, проворно утерла слезы и бросилась подсоблять старику. Оба приподняли Дуню и повели ее къ заваленкѣ; но едва успѣли они усадить ее, въ воротахъ показался Петръ.

Еслибъ дѣдушка Кондратій не былъ предувѣдомленъ, что Петръ и Василій точно возвратились домой, онъ, конечно, не узналъ бы въ вошедшемъ старшаго сына покойнаго Глѣба. Петръ состарился цѣлыми десятью годами, хотя всего-на-все четыре года, какъ покинулъ кровъ родительскій; въ кудрявыхъ волосахъ его, когда-то черныхъ какъ крыло ворона, серебрилась сѣдина; нахмуренныя брови сходившіяся дугою надъ орлинымъ его носомъ, свѣшивались на глаза, которые глядѣли такъ же изподлобья, но значительно углубились и казалось теперь потухшими. Цыганское лицо его, дышавшее когда-то энергіей и напоминавшее лицо отца въ минуты гнѣва, теперь осунулось, опустилось; впалыя щеки, покрытыя морщинками, и синеватыя губы почти пропадали въ кудрявой, всклокоченной бородѣ; высокій станъ его сгорбился; могучая шея походила на древесную кору. Но не время и заботы состарили Петра.

Увидѣвъ Кондратія, Петръ подошелъ къ нему такъ быстро и такъ близко, что тетка Анна поспѣшила стать между ними.

— Петруша, касатикъ... выслушай меня! воскликнула она, между тѣмъ какъ старикъ стоялъ подлѣ дочери съ поникшею головою и старался придти въ себя: — я ужъ сказывала тебѣ, — слышь, я сказывала, мать родная, — не кто другой. Неужто злодѣйка я вамъ досталась! подхватила Анна: — поклепали тебѣ на него, родной, — злые люди поклепали: онъ, батюшка, ни въ чемъ непричастенъ — и дочка его.

— Ни къ чему непричастны! это мы видимъ!... возразилъ Петръ. — Свелъ свою дочь безпутную съ отцовымъ пріемышемъ, такимъ же мошенникомъ, подольстились къ отцу, примазались къ нашему дому, а послѣ покойника обокрали насъ.

— Батюшка! закричала Дуня, которая до того времени слушала Петра, вздрагивая всѣмъ тѣломъ: — батюшка! подхватила она снова бросаясь отцу въ ноги: — помилуй меня! не отступись... До какого горя довела я тебя... посрамила я тебя, родной мой!.. всему я одна виновница... сокрушила я твою старость...

— Дитятко... Дунюшка... встань, дитятко, не убивай себя попустому, говорилъ старикъ разбитымъ, надорваннымъ голосомъ:— въ чемъ-же вина твоя? въ чемъ?.. Очнись ты, утѣха моя, мое дитятко! оставь его, не слушай... Господь видитъ дѣла наши... Полно, не круши меня слезами своими... встань, Дунюшка!...

— Петруша, полно! Господь тебя покараетъ за напраслину! твердила Анна, между тѣмъ, какъ сынъ ея мрачно глядѣлъ въ другую сторону:—полно, не осуждай ихъ! Не прикасались они—волоскомъ не прикасались къ нашему добру. Помереть мнѣ безъ покаянія, коли терпѣли мы отъ нихъ лихость какую; окромя добраго слова да совѣта, ничего не видали... Вы одни, ты да Вася, виновники всему горю нашему: кабы отца тогда послушали, остались бы дома, при васъ, знамо, не то бы и было. Не посмѣлъ бы онъ, Гришка-то, волоска тронуть. Не то бы и было, кабы отца-то послушали!.. А его, старика, не осуждай, батюшка; отецъ твой почиталъ его, Петя: грѣхъ будетъ на душѣ твоей!.. Кабы не онъ, не было бы тебѣ родительскаго благословенія: онъ вымолилъ вамъ у отца благословеніе!..

— Дай Богъ давать, не давай Богъ просить, матушка Анна Савельевна! оставь его! сказалъ дѣдушка Кондратій, обращаясь къ старухѣ, которая заплакала:—пускай его! объ чемъ ты его просишь?.. Господь съ нимъ! я на него не серчаю! и нѣтъ на него сердца моего... За что, только вотъ, за что онъ ее обидѣлъ! заключилъ онъ, снова наклоняя голову, снова принимаясь увѣщевать и уговаривать дочь, которая рыдала на груди его.

Лицо Петра оставалось по прежнему безчувственнымъ.

— Меня не разжалобишь! видали мы это! промолвилъ онъ:— только бы вотъ Васька поймалъ этого разбойника; тамъ разсудятъ, спросятъ, кто велѣлъ ему чужіе дома обирать, спросятъ, подъ чьимъ былъ началомъ, и все такое... Добро самъ пришелъ, не надо бѣгать въ Сосновку, тамъ разсудятъ, на комъ вина... Да вотъ никакъ и онъ! присовокупилъ Петръ, кивая головою къ Окѣ, на поверхности которой показался челнокъ.

Дуня вырвалась изъ объятій отца, отерла слезы и устремила глаза въ ту сторону; дыханіе сперлось въ груди ея, когда увидѣла она въ приближающемся челнокѣ одного Василія. Она не посмѣла, однакожъ, послѣдовать за Петромъ, который пошелъ на встрѣчу брату. Старикъ и Анна остались подлѣ нея, хотя глаза ихъ слѣдили съ замѣтнымъ безпокойствомъ за челнокомъ.

Василій присталъ наконецъ къ площадкѣ. Съ того мѣста, гдѣ находилась Дуня, ея отецъ и Анна, нельзя было разслышать, что говорили братья. Надо думать, однакожъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мимика выразительна не меньше словъ: съ первымъ же движеніемъ Василія, Дуня испустила раздирающій крикъ и какъ помѣшанная бросилась къ тому мѣсту, гдѣ стояли братья. Старикъ и Анна, у которыхъ при этомъ сердце стѣснилось тягостнымъ предчувствіемъ, поспѣшили за нею. На этотъ разъ стариковскія ноги измѣнили; не успѣли сдѣлать они и двадцати шаговъ, какъ уже Дуня была подлѣ братьевъ. Страшный крикъ снова огласилъ площадку; онъ надрѣзалъ какъ ножомъ сердце старика. Дѣдушка Кондратій не остановился, однакожъ, хотя колѣни его подгибались и дрожали заодно съ сердцемъ. Что-то похожее на младенческое, но неизобразимо-горькое вырвалось изъ груди его, когда увидѣлъ онъ, какъ Дуня отчаянно заломила руки и ударилась о-земь. Силы измѣняли ему, но онъ все бѣжалъ, все бѣжалъ, всхлипывая и не переставая креститься. Тетка Анна слѣдовала за нимъ и также крестилась и шептала молитву.

Подбѣжавъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала дочь, старикъ опустился на колѣни и, приложивъ лицо свое къ ея блѣдно-мертвенному лицу, сталъ призывать ее по имени.

— Нехристи! что вы надѣлали! Бога въ васъ нѣтъ!... вѣдь вы бабу-то убили! отчаянно вскричала Анна.

— Ничаво: очнется! отрывисто возразилъ Петръ, отходя въ сторону и мрачно оглядываясь кругомъ.

— Полно матушка! братъ настоящее говоритъ: не о чемъ ей убиваться! сказалъ Василій, представлявшій все тотъ же образецъ веселаго, но пустого, взбалмошнаго мужика:—взаправду не о чемъ ей убиваться, сама же ты говорила, топилъ онъ ее въ слезахъ,— теперь ужъ не станетъ.

— Какъ... развѣ?..

— Да, потонулъ,—вотъ и все тутъ,—мокрою бѣдою погибъ: выходитъ рыбакъ былъ...

Старуха ухватилась руками за голову, сѣла наземь и завопила, какъ воютъ обыкновенно о покойникѣ.

— Полно тебѣ серчать, Петруха! что ужъ тутъ! говорилъ между тѣмъ Василій:—покойника худымъ словомъ не поминаютъ. На томъ свѣтѣ его лучше насъ осудятъ.

Тутъ Василій тряхнулъ волосами съ самымъ безпечнымъ видомъ, подошелъ къ матери и началъ увѣщевать ее.

— О-охъ! произнесла она наконецъ, отымая руки отъ лица:— какъ же, батюшка... о-охъ! гдѣ жъ ты провѣдалъ о немъ? али гдѣ видѣлъ?

— Самъ не видалъ, а сказываютъ, болотовскіе рыбаки вытащили его ночь на зарѣ. Весь судъ, сказываютъ, туда поѣхалъ: слѣдствіе, что ли, какое вишь требуется...

Тетка Анна снова опустилась было наземь, но глаза ея случайно встрѣтили Дуню и дѣдушку Кондратія. Причитаніе, готовое уже вырваться изъ груди ея, мгновенно замерло; она какъ словно забыла вдругъ свое собственное горе, поспѣшно отерла слезы и бросилась подсоблять старику, который, повидимому, не терялъ надежды возвратить дочь къ жизни. Анна побѣжала къ рѣкѣ, зачерпнула въ ладонь воды и принялась кропить ею лицо Дуни. Глаза старика не отрывались отъ лица дочери. Надежда мало-по-малу возвращалась къ нему: лицо Дуни покрывалось по прежнему мертвенною блѣдностью, глаза были закрыты, губы сжаты, но грудь начинала подыматься и ноздри дрожали.

Старикъ прошепталъ молитву, трижды перекрестился и снова устремилъ неподвижный, пристальный взоръ на дочь.

Немного погодя, она открыла глаза и, какъ бы очнувшись послѣ долгаго сна, стала оглядывать присутствующихъ; руки и ноги ея дрожали. Наконецъ она остановила мутный взоръ на какомъ-то предметѣ, который находился совершенно въ другой сторонѣ противъ той, гдѣ стояли люди ,ее окружавшіе.

— Должно быть, ребенка ищетъ, сердечная, въ полголоса сказала Анна.

Дуня сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла приподняться и кинуться въ ту сторону, куда глядѣли глаза ея.

— Не сокрушайся о немъ, родная, ласково подхватила старушка:—я уложила его на заваленкѣ, передъ тѣмъ, какъ пошли мы за тобою. Спитъ, болѣзная; не крушись...

— Полно взаправду убиваться, молодка!.. э! мало ль приняла ты изъ-за него горя-то! сказалъ Василій, которому, въ свою очередь, хотѣлось утѣшить молодую женщину:—стало, такъ ужъ Богу было угодно!.. Кабы не это, можетъ-статься, еще бы хуже было,— знамо такъ! .. Вѣдь вотъ теперь товарища его—слыхалъ я нонѣ: въ Комаревѣ говорили—въ Сибирь, сказываютъ, ушлютъ... Тамъ

у нихъ въ Комаревѣ какого то вишь фабриканта обокрали, такъ всю вину на эвтого слагаютъ; онъ, сказываютъ, подучилъ, а тотъ во всемъ ссылается на твоего на мужа: онъ, говоритъ, всему голова— затѣйщикъ... То то же и есть! лучше было помереть ему,—право, такъ.

Обвивъ руками шею старика, приложивъ лицо къ груди его, Дуня рыдала какъ безумная.

— Дуня, дитятко, полно! Не гнѣви Господа; Его святая воля! говорилъ старикъ, поддерживая ее:—тебѣ Создатель милосердый оставилъ дитятко, береги себя въ подпору ему... Вотъ и я, я стану оберегать тебя... Дунюшка, дитятко мое!.. Пока глаза мои смотрятъ, пока руки владѣютъ, не покину тебя, стану беречь тебя и ходить за тобою, стану просить Господа... Онъ насъ не оставитъ .. Полно!..

И долго еще говорилъ дѣдушка Кондратій, выбиваясь изъ силъ и призывая остатокъ ослабѣвающаго духа своего, чтобы утѣшить дочь.

Наконецъ, когда рыданія ея утихли, онъ передалъ ее на руки Анны, поднялся на ноги и, отозвавъ поодаль Василія, разспросилъ его обстоятельно о томъ, какъ отыскали Григорія и гдѣ находилось теперь его тѣло. Старикъ думалъ отправиться туда немедленно и отдать покойнику послѣдній христіанскій долгъ.

Во время объясненія его съ Василіемъ, тетушка Анна подсобила Дунѣ встать на ноги; поддерживая ее подъ руку, старушка повела ее къ дому. Петръ послѣдовалъ за ними. Онъ оставилъ однакожъ, обѣихъ женщинъ у заваленки и, не сказавъ имъ слова, вошелъ въ ворота.

Получивъ отъ Василія кой-какія свѣдѣнія касательно покойнаго зятя, дѣдушка Кондратій поднялся по площадкѣ и подошелъ къ дочери и старухѣ. Тутъ старикъ, призвавъ на помощь все свое благоразуміе и опытъ, началъ бережно уговаривать дочь послѣдовать за собою въ Болотово. Рѣчь его, проникнутая благочестіемъ, укрѣпила упавшій духъ молодой женщины, и хотя слезы ея лились теперь сильнѣе, можетъ быть, прежняго, но она не произносила уже безсвязныхъ словъ, не предавалась безумному отчаянію. Тетушка Анна вызвалась на время ихъ отсутствія смотрѣть за ребенкомъ.

— И то, касатушка, я то... горе, горе, подумаешь... о охо-хо; а раздумаешь: будь воля Божія!.. заключила старушка, которая такъ же скоро утѣшалась, какъ скоро приходила въ отчаяніе.

Одинъ Глѣбъ постоянно только жилъ въ ея памяти—Глѣбъ, да еще Ваня.

Василій взялся перевезти Дуню и дѣдушку Кондратія на другую сторону.

— А я, я на васъ не серчаю, ей-Богу, не серчаю! сказалъ онъ, когда всѣ трое очутились въ челнокѣ:—братъ серчаетъ, а мнѣ что? я и то говорилъ ему, да поди не столкуешь никакъ! уперся, на одномъ сталъ!.. Вы ни въ какихъ эвтихъ худыхъ дѣлахъ его, покойника-то, непричастны: за что серчать-то?.. Коли отецъ—дай Богъ ему царствіе небесное—коли отецъ почиталъ тебя—человѣкъ также былъ съ разсудкомъ, худыхъ дѣловъ также не любилъ—стало, обсудилъ тебя, каковъ ты есть человѣкъ такой,—ну, намъ, стало, и не приходится осуждать тебя: отецъ зналъ лучше... Я на тебя не серчаю!..

— Спасибо тебѣ за ласковое, доброе твое слово. Пошли тебѣ Создатель благословеніе въ дѣткахъ твоихъ! промолвилъ дѣдушка Кондратій, подымая глаза на Василія, но тотчасъ же переводя ихъ на дочь, которая сидѣла прислонясь локтями въ бортъ челнока и, склонивъ лицо къ водѣ, старалась подавить рыданія. Рыданія измѣняли ей, однакожъ, во все продолженіе пути.

Дорога въ село Болотово проходила черезъ Комарево; послѣднее отстояло отъ перваго верстахъ въ четырехъ. Но дѣдушка Кондратій пошелъ лугами. Этимъ способомъ избѣгалъ онъ встрѣчъ съ знакомыми и избавлялся отъ разспросовъ, которыми, конечно, не замедлили бы осадить его, еслибъ только направился онъ черезъ Комарево.

Когда они пришли въ Болотово, начинало уже смеркаться. Но сумерки замедлялись огненною, багровою зарею, которая медленно потухала на западѣ. Надо было ждать холодной, ясной ночи. Небо очистилось уже отъ облаковъ: кое гдѣ начинали мигать звѣзды. На востокѣ, въ туманномъ горизонтѣ, чуть-чуть разгоралось другое зарево: то былъ мѣсяцъ, свѣтлый ликъ котораго не суждено уже было видѣть Григорію... Но мѣсяцъ еще не показывался.

У дѣдушки Кондратія находился въ Болотовѣ одинъ давнишній знакомый—также рыбакъ по ремеслу. Нельзя было миновать разспросить его о томъ, гдѣ находилось тѣло Григорія, потому что Василій ничего не сказалъ объ этомъ предметѣ; онъ зналъ только, что тѣло утопленника найдено рыбаками и находится въ Болотовѣ. Съ этой цѣлью старикъ отправился къ знакомому рыбаку. Разспросивъ его обо всемъ, Кондратій вернулся къ дочери и вышелъ съ нею изъ Болотова,—но уже въ другую околицу.

Пройдя около четверти версты, они почувствовали подъ ногами песокъ и увидали свѣтлую полосу Оки, которая описывала огромную дугу. Мѣсто было уединенное и глядѣло совершеннымъ пустыремъ. Шумъ шаговъ пропадалъ въ сыпучемъ пескѣ, кой гдѣ покрытомъ широкими листьями лопуха. Кой-гдѣ чернѣли головастые стволы ветелъ. У самаго берега одиноко подымалась лачужка рыбака, отыскавшаго утопленника. Свѣтъ мелькалъ въ окнѣ. Полный мѣсяцъ, подымавшійся надъ горизонтомъ, бросалъ длинныя, черныя тѣни. При свѣтѣ его, старикъ и его дочь различили неподалеку отъ лачуги, подлѣ самаго края берега, двѣ человѣческія фигуры, которыя стояли подпершись палками. То были караульщики, приставленные къ тѣлу утопленника; производилось еще слѣдствіе, и трупъ не велѣно было трогать. Дѣдушка Кондратій и Дуня подошли ближе.

Григорій лежалъ въ томъ положеніи, въ какомъ вытащили его изъ воды: руки его были закинуты за голову, лицо обращено къ лугу; но мокрыя пряди черныхъ кудрявыхъ волосъ совсѣмъ почти заслоняли черты его.

Кондратія и Дуню не подпустили близко. Они опустились поодалъ на колѣни и стали молиться...

Изъ всѣхъ скорбныхъ сценъ, которыя когда либо совершались на этомъ дикомъ пустырѣ, это была, конечно, самая печальная и трогательная; изъ всѣхъ рыданій, которыя когда либо вырывались изъ груди молодой женщины, оплакивающей своего мужа, рыданія Дуни были самыя отчаянныя и искреннія. Ни одинъ еще тесть не прощалъ такъ охотно зла своему зятю и не молился такъ усердно за упокой души его, какъ молился старикъ Кондратій...

Ему вновь потребовалось призвать на помощь весь остатокъ ослабѣвающаго духа, чтобъ оторвать дочь отъ рокового мѣста и возвратить ее къ знакомому рыбаку. Старикъ думалъ оставить у него на время дочь; самъ онъ положилъ воспользоваться ночью и сходить въ Сосновку. Ему хотѣлось отдать послѣдній долгъ покойнику и предать какъ можно скорѣе тѣло его землѣ. Для этого ему необходимо было повидаться съ отцомъ Яши, взять у него денегъ и уговориться съ кѣмъ-нибудь занять мѣсто пастуха во время его отсутствія. Сообщивъ дочери свои намѣренія, старикъ не медля ни минуты, разстался съ нею и пошелъ къ парому, который содержало болотовское общество.

На той сторонѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько подводъ, которыя направлялись къ Сосновкѣ; мужики охотно согласились посадить

старика. На зарѣ онъ прибылъ въ Сосновку. Все устроилось согласно его желанію. Добродушный Яша вызвался стеречь стадо, отецъ его ссудилъ Кондратія деньгами и даже подвезъ его къ тому мѣсту Оки, противъ котораго располагалось Болотово.

Дѣдушка Кондратій не нашелъ, однакожъ, Дуни у рыбака. Онъ узналъ, что слѣдствіе кончилось и тѣло велѣно было немедленно предать погребенію. Старикъ отправился на погостъ, нимало не сомнѣваясь, что тамъ найдетъ свою дочку. Онъ дѣйствительно нашелъ ее распростертою надъ свѣжимъ бугоркомъ, который возносился немного поодаль отъ другихъ могилъ.

Вечеромъ того же дня, отслуживъ панихиду, они покинули Болотово. Возвращались они тѣмъ же путемъ, какимъ ѣхалъ ночью старикъ. Очутившись противъ Комарева, которое съ высокаго берега виднѣлось какъ на ладони, отецъ и дочь свернули влѣво. Имъ слѣдовало зайти къ тетушкѣ Аннѣ и взять ребенка, послѣ чего Дуня должна была уйти съ отцомъ въ Сосновку и поселиться у его хозяина.

Издали еще увидѣли они старуху, сидѣвшую съ внучкомъ на заваленкѣ. Петра и Василія не было дома: изъ словъ Анны оказалось, что они отправились — одинъ въ Озеро, другой—въ Горы; оба пошли попытать счастія, не найдутъ ли рыбака, который откупилъ бы ихъ мѣсто и взялъ за себя избы. Далѣе сообщала она, что Петръ и Василій, послѣ продажи дома и сдачи мѣста, отправятся на жительство въ „рыбацкія слободы", къ которымъ оба уже привыкли, и гдѣ, по словамъ ихъ жизнь привольнѣе здѣшней. Старушка слѣдовала за ними.

— Эхъ, матушка Анна Савельевна, сказалъ Кондратій:—ужъ лучше пожила бы ты съ нами! Не тѣ ужъ годы твои, чтобы слоняться по свѣту по бѣлому, привыкать къ новымъ, чужимъ мѣстамъ... Останься съ нами. Много ли намъ надыть? хлѣбца ломоть до кашки ребенку — вотъ и все; пожили бы еще вмѣстѣ: немного годковъ намъ съ тобою жить остается.

— О-охъ, касатикъ, болѣзный ты мой! твердила старушка, понуривъ голову и прикладывая сморщенныя ладони къ тощей груди своей:—мнѣ и то думалось, думалось такъ-то, отецъ; да вотъ съ ними то жаль, касатикъ, разстаться... съ Васей-то; да и Петрушу жаль, отецъ!.. Какъ увидала ихъ, родной, такъ вотъ теперь и разстаться-то тошнехонько... И внучатъ поглядѣть хоцца; давно ужъ не видала... сказываютъ, меня переросли!.. Нѣтъ, родной, ужъ

я пойду,—пойду, батюшка! подхватила она вдругъ съ необыкновенною живостью:—авось еще, приведетъ Богъ, приду, васъ провѣдаю: всего-то, сказываютъ, двѣсти верстъ оттолѣва—доплетусь какъ-нибудь... Пойду на богомолье въ Коломну—къ вамъ зайду: поживемъ, може-статься, вмѣстѣ.

Старуха передала ребенка Дунѣ, обѣщала придти въ Сосновку проститься,—и они разстались, потому что было довольно уже поздно, а къ свѣту дѣдушкѣ Кондратію слѣдовало возвратиться домой.

Старику и его дочери привелось прощаться съ Анной скорѣй, чѣмъ они предполагали. Не прошло трехъ дней, какъ старушка явилась въ Сосновку. Избы были проданы. Петръ, Василій и Анна отправлялись на слѣдующее утро въ „рыбацкія слободы". Вечеромъ, Кондратій, Дуня и еще нѣсколько родственниковъ проводили старушку за околицу.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Тетушка Анна, всегда точная, вѣрная своему слову, не сдержала, однакожъ, своего обѣщанія. Не было о ней ни слуху, ни духу. Уже дѣдушка Кондратій выплелъ всѣ свои сѣти и давно бродилъ вмѣстѣ съ сосновскимъ стадомъ по полямъ, которыя теперь зеленѣли; уже Дуня начинала меньше тосковать и часто даже съ улыбкою поглядывала на своего сынишку, который теперь бѣгалъ; но тетушка Анна все еще не выполняла своего обѣщанія и не приходила навѣстить ихъ.

Наконецъ, Софронъ, крестникъ старушки—тотъ самый Софронъ Дроновъ, у котораго разъ какъ-то заболталась она и осталась ночевать—привезъ извѣстіе, что тетушка Анна приказала долго жить...

Въ маленькомъ хозяйствѣ Дуни и отца ея было въ ту пору очень мало денегъ; но деньги эти, до послѣдней копейки, пошли, однакожъ, на панихиду за упокой души рабы Божіей Анны,—и каждый годъ потомъ, въ тотъ самый день, сосновскіе прихожане могли видѣть, какъ дѣдушка Кондратій и его дочка, ставили передъ образомъ тонкую восковую свѣчу, крестились и произносили молитву, въ которой часто поминалось имя доброй тетушки Анны.

XXX.

Заключеніе.

Я былъ на Волгѣ въ первые годы моего дѣтства. Въ памяти моей успѣли изгладиться живописные холмы, лѣса и села, которые, на протяженіи многихъ и многихъ сотенъ верстъ, смотрятся въ свѣтлыя, благодатныя волжскія воды. Судьба забросила меня въ другую сторону, перенесла на другую рѣку; съ тѣхъ поръ я не разлучался съ Окою. Не знаю, обдѣлила меня судьба, или наградила, знаю только, что, проживъ двадцать-пять лѣтъ сряду на Окѣ, я ни разу не жаловался. Я скоро сроднился съ нею и теперь люблю ее, какъ вторую отчизну. Не вините же меня въ пристрастіи—въ нѣкоторыхъ случаяхъ пристрастіе извинительно—не вините-же, если берега Оки, ея окрестности и маленькія рѣчки, въ нее впадающія, кажутся мнѣ краше и живописнѣе другихъ береговъ, мѣстностей и рѣчекъ Россіи. Не стану распространяться о преимуществахъ одной рѣки передъ другою, не скажу, напримѣръ, что Ока пространнѣе Волги и тому подобное... Тутъ же сознаюсь, что необъятное, обаяющее раздолье, жизнь и кипучая, одушевленная дѣятельность принадлежитъ Волгѣ. Ока уже, молчаливѣе, мельче и безрыбнѣе,—по крайней мѣрѣ въ нашихъ мѣстахъ. Она вполнѣ оживляется только въ половодье. Въ остальное время года, и особенно лѣтомъ, рѣдко увидите вы на ней нескончаемые караваны расшивъ; не промелькнутъ передъ очами вашими вереницы громадныхъ судовъ и барокъ, нагруженныхъ богатствомъ цѣлаго края; рѣдко услышите вы тѣ звонкіе клики и удалыя, веселящія сердце пѣсни бурлаковъ, которыя немолчно, говорятъ, раздаются на Волгѣ. Не тревожатъ также Оку колеса пароходовъ: невозмутимо гладкою скатертью стелятся ея мирныя воды. Барка цѣликомъ повторяется на ровной ея поверхности,—повторяется вмѣстѣ съ высокимъ, бородастымъ рулевымъ въ круглой бараньей шапкѣ,—повторяется съ соломеннымъ шалашомъ, служащимъ работникамъ защитою отъ дождя и зноя, съ бѣлою костлявою бичевною клячей, которая, смиренно стоя на носу и пережовывая тощее сѣно, терпѣливо ждетъ своей участи. Огонекъ, зажженный ночью на баркѣ, отражается въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Въ знойную лѣтнюю пору Ока оживляется по

большей части одними бѣлыми чайками или рыболовами, снующими какъ угорѣлые по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. На песчаныхъ отмеляхъ, выдающихся иногда изъ средины рѣки,—отмеляхъ, усѣянныхъ мелкими, бѣлыми какъ сахаръ раковинами, покрытыхъ кое-гдѣ широкими, пахучими листьями лопуха, трещатъ цѣлыя полчища коростелей, чибезовъ, куликовъ; кое-гдѣ надъ ними, стоя на одной ногѣ и живописно изогнувъ шею, высится сѣрая цапля. Къ вечеру воцаряется совершеннѣйшая тишина; какъ словно пріостанавливается даже тогда самое теченіе; поверхность рѣки не дрогнетъ. Съ такою отчетливостью повторяется въ водѣ высокій хребетъ нагорнаго берега, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить границы между водою и землею; берегъ кажется продолженіемъ рѣки. Въ этомъ, часто темномъ отраженіи начинаютъ сверкать, какъ искры, играющія рыбки, появляются круги и долго потомъ дрожатъ серебрянныя, разбѣгающіяся нити. Тихо, безъ шума, безъ погрома, отрываются тогда отъ берега легкіе челноки рыбаковъ, которые спѣшатъ забросить свои верши.

Не знаю, какъ вамъ, мой читатель, но что до меня касается, люблю я эту торжественную тишину посреди широкаго простора водъ, замкнутаго высокимъ, величественно живописнымъ берегомъ! Въ виду природы, на душу впечатлительную нисходятъ иногда минуты невообразимо благодатныя и свѣтлыя. Душа превращается какъ будто тогда въ глубокое, невозмутимо-тихое, прозрачное озеро, отчетливо отражающее въ себѣ голубое небо, надъ нимъ раскинувшееся, и весь міръ, его окружающій. Достаточно уже ничтожнаго звука, чтобы докучливо потревожить сладкую задумчивость. Малѣйшій шумъ въ эти созерцательныя минуты возмущаетъ душу такъ же точно, какъ возмущается заснувшая поверхность озера отъ слабаго прикосновенія: все давнымъ-давно уже смолкло; а между тѣмъ водяной кругъ все еще дрожитъ на его ровномъ зеркалѣ... Къ тому же, тишина никогда не бываетъ безмолвна. Чуткій. счастливый слухъ всегда съумѣетъ передать душѣ таинственно робкіе, но гармоническіе напѣвы...

И такъ, тишина, въ которую большую часть года погружены берега Оки, придаетъ имъ въ глазахъ моихъ еще новую прелесть. Особенно пріятно любоваться высокимъ берегомъ, спускаясь въ лодкѣ внизъ по теченію отъ Серпухова до Коломны.

То покрытый плотною, кудрявою чащей орѣшника или молодого дубняка, то спускаясь къ водѣ ярко-зелеными, закругленными какъ

куполъ холмами, то исполосованный пашнями на подобіе шахматной доски, берегъ этотъ перерѣзывается иногда пропастями, глубина которыхъ даетъ еще сильнѣе чувствовать подъемъ хребта надъ поверхностью рѣки. Виды измѣняются безпрерывно; точно стоите вы на мѣстѣ и развертываютъ передъ вами громадную панораму. Кое-гдѣ, по зеленымъ косогорамъ, то плавнымъ, то крутымъ, лѣпятся села, вьются тропинки, кажущіяся издали нѣжными полосками, нарисованными тонкою, прихотливою кистью. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ монастыри и скромныя деревенскія церкви, съ зеленѣющими кровлями и блистающими на солнцѣ крестами. Нерѣдко между кремнистыми, отвѣсными обрывами, открываются, какъ бы для контраста, свѣтлыя, улыбающіяся долины. Рѣзвые ручьи и маленькія рѣчки въ родѣ Смедвы, мѣстами заслоненныя ветлами, живописно извиваются посреди яркозеленыхъ лощинъ, покрытыхъ мелкимъ березнякомъ. Иногда весь берегъ представляетъ одну сплошную, синеватую стѣну сосноваго бора, который не прерывается цѣлыя версты. На песчаныхъ прибрежныхъ отмеляхъ мелькаютъ кое-гдѣ лачужки рыбаковъ, съ прислоненными къ нимъ баграми и саками, съ раскинутымъ бреднемъ, лежащими неподалеку вершами и черными, опрокинутыми кверху, насквозь просмолеными челноками. Мѣстами берегъ, подмытый водою, осыпался весь сверху до низу и отвѣсною стѣною стоитъ надъ водою, показывая свои мѣловые, глиняные и песчаные слои, пробуравленные норками стрижей, водяныхъ ласточекъ. Въ такихъ мѣстахъ этихъ птичекъ появляется обыкновенно несмѣтное множество. Надъ ними, въ неизмѣримой вышинѣ неба, вы ужъ непремѣнно увидите беркута, родъ орла: распластавъ дымчатыя крылья свои, зазубренныя по краямъ, распушивъ хвостъ и издавая слабый крикъ, похожій на пискъ младенца, онъ стоитъ неподвижно въ воздухѣ или водитъ плавные круги, постепенно понижаясь къ добычѣ. Мѣстами берегъ удаляется, расходится амфитеатромъ и даетъ мѣсто злачнымъ лугамъ, оживленнымъ одинокими столѣтними дубами, подъ тѣнью которыхъ отдыхаетъ стадо ближней деревни... Но всего не опишешь! Однимъ словомъ—великолѣпная, непрерывная, блестящая панорама, которая ждетъ еще своего поэта и живописца. Но поэты и живописцы... впрочемъ, намъ нѣтъ до этого дѣла.

Не думайте, однакожъ, чтобы луговой берегъ не имѣлъ также своей прелести. Есть время въ году, когда онъ кажется еще красивѣе, еще разнообразнѣе нагорнаго берега. Время это—Петровки.

Не мѣшаетъ вамъ сказать мимоходомъ, что луга эти въ общей сложности могутъ составить добрый десятокъ маленькихъ германскихъ герцогствъ; они проходятъ непрерывною лентою черезъ нѣсколько губерній,—однимъ словомъ, длина ихъ равняется длинѣ Оки. Въ ширину простираются они среднимъ числомъ верстъ на восемь и оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются лѣса и села. Ближе не селятся къ рѣкѣ за водопольемъ. Къ іюлю пространство это представляетъ сплошное море травъ, въ которыхъ крестьянскія ребятишки могутъ свободно прятаться, какъ въ лѣсу. Миріады душистыхъ цвѣтовъ и растеній разливаютъ въ вечернемъ воздухѣ свое благоуханіе. Въ знойный полдень, пестрое цвѣтное море какъ словно зыблется и переливается изъ края въ край, хотя вѣтеръ не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ. Сюда-то въ Петровки стекается народъ окрестныхъ деревень и толпы косарей, которыхъ заблаговременно нанимаютъ къ этому времени жители Комарева, Горъ, Болотова, Озёръ и другихъ. Въ нашемъ простонародьи покосъ считается праздникомъ. Все является сюда въ полной воскресной пестротѣ своей. Еслибы собрать весь кумачъ, всѣ платки, понявы, пестрыя рубашки и позументъ, кторые пестрѣютъ здѣсь во время покоса, можно бы, кажется, покрыть ими пространство въ пятьдесять верстъ окружности. Народъ располагается кучками, артелями или даже цѣлыми вотчинами, каждая семья подлѣ своей подводы, подлѣ котелка. Три недѣли сряду проживаютъ здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ. Подымитесь на нагорный берегъ,—подымитесь ночью и взгляните тогда на луга: костры замелькаютъ передъ вами какъ звѣзды, имъ конца нѣтъ въ обѣ стороны, они пропадаютъ за горизонтомъ... Съ восходомъ солнца весь этотъ луговой берегъ представляетъ картину самаго полнаго, веселаго оживленія. Косари выстраиваются въ одну линію и, дружно звеня косами, начинаютъ подвигаться къ рѣкѣ, укладывая направо и налѣво тучные ряды травы, перемѣшанной съ клеверомъ, душистою голкой, кашкой, медуникой и сотнями другихъ цвѣтовъ. Такъ подвигаются они, однакожъ, цѣлыя двѣ недѣли, между тѣмъ какъ бабы и дѣвки, слѣдуя за ними съ граблями, ворочаютъ сѣно или навиваютъ его островерхими стогами. Вотъ тогда-то полюбуйтесь этими лугами,—полюбуйтесь въ праздникъ, когда по всему ихъ протяженію несется одинъ общій говоръ тысячи голосовъ и одна общая пѣсня: точно весь русскій людъ собрался сюда на какое-то семейное празднество! Давно уже наступила ночь, давно зажглись костры. Уже заря брежжетъ на востокѣ,

уже серебрянный серпъ мѣсяца клонится къ горизонту и блѣднѣетъ, а пѣсня, между тѣмъ, все еще не умолкаетъ... и нѣтъ, кажется, конца этой пѣсни, какъ нѣтъ конца этимъ раздольнымъ лугамъ. Пѣсню эту затянули еще, быть можетъ, въ далекой губерніи, и вотъ понеслась она—понеслась дружнымъ, неумолкаемымъ хоромъ и, постепенно разливаясь мягкими волнами все дальше и дальше, до самой Нижегородской губерніи, а тамъ, подхваченная волжскими косарями, пойдетъ до самой Астрахани, до самаго Каспійскаго моря!.. И если пѣсня эта, если видъ этихъ луговъ не порадуютъ тогда вашего сердца, если душа ваша не дрогнетъ, но останется равнодушною, совѣтую вамъ пощупать тогда вашу душу, не каменная ли она... а если не каменная, то ужъ вѣрно способна только оживляться за преферансомъ, волноваться при словахъ: „пасъ“, „ремизъ“, „куплю“, и прочей дряни...

Но простите мнѣ, мой читатель, если я такъ далеко отвлекъ васъ отъ главнаго предмета. Мнѣ слѣдуетъ еще досказать вамъ мою простонародную повѣсть. Къ общему нашему удовольствію, я на этотъ разъ не займу васъ слишкомъ долго.

Лѣтъ десять послѣ происшествій, описанныхъ мною въ послѣдней главѣ, около Петровокъ и, кажется, даже въ самый Петровъ день, на дорогѣ изъ Сосновки къ площадкѣ, служившей сценою нашему разсказу, можно было встрѣтить одинокаго пѣшехода. Съ перваго взгляда дѣлалось очевиднымъ, что пѣшеходъ былъ безсрочный солдатъ, возвращавшійся на родину. Легко было также догадаться, что родина его была Ока, потому что, не обращая вниманія на знойное солнце, обливавшее его потомъ, онъ быстро подвигался впередъ, взбѣгалъ на всѣ возвышенности и поминутно щурилъ глаза по направленію къ Окѣ, которая заслонялась еще холмами.

Пѣшеходъ этотъ былъ Ваня, младшій сынъ покойнаго рыбака Глѣба Савинова. Солдатская шинель и пятнадцать лѣтъ, проведенныя внѣ дома, конечно, много измѣнили его наружность; но при всемъ томъ трудно было обознаться: возмужалое, загорѣвшее лицо его отражало, какъ и прежде, простоту души, прямизну нрава и какое-то внутреннее достоинство,—словомъ, онъ представлялъ все тотъ же благородный, откровенный, чистый типъ славянскаго племени, который, какъ мы уже сказали, такъ часто встрѣчается въ нашемъ простонародьи. Свѣтлые, умные, хотя нѣсколько задумчивые глаза Вани смотрѣли по прежнему откровенно и привѣтливо.

Ваня пришелъ наканунѣ въ Сосновку. О смерти отца, матери

и пріемыша зналъ онъ уже давно. Ему извѣстно также было о продажѣ родныхъ избъ и разъединеніи старшихъ братьевъ, которые, послѣ ссоры, неизвѣстно гдѣ проживали. Ему оставалось только провѣдать о томъ, живы ли Дуня и дѣдушка Кондратій. Послѣ отца и матери они были для него самыми близкими по сердцу людьми. Дѣдушка Кондратій все еще живъ. Мало того: несмотря на свои восемьдесятъ-девять лѣтъ, старикъ все еще не хотѣлъ даромъ ѣсть хлѣбъ, все еще трудился. Онъ нанялся въ это лѣто караудить комаревскій садъ заодно съ дочкой. Ваня спѣшилъ слѣдовательно въ Комарево.

По мѣрѣ приближенія къ цѣли, сердце его все сильнѣй и сильнѣй сдавливалось тѣмъ невыразимо тягостнымъ волненіемъ, какое приводится испытывать каждому въ минуты, предшествующія свиданію послѣ долгой разлуки. Въ поспѣшности человѣка, который бѣжитъ на свиданіе самое радостное, заключается, кажется, столько же желанія скорѣе освободиться отъ этого тягостнаго волненія, сколько нетерпѣнія обнять близкихъ сердцу.

Вскорѣ передъ нимъ сверкнуло маленькое озеро, окаймленное какъ бахрамою купами ольхи, орѣшника и ветелъ. Еще минута, и показалась Ока во всемъ своемъ величіи; еще шагъ, и онъ очутился на тропинкѣ у берегового углубленія, увидѣлъ площадку,— эту площадку, замѣнявшую ему цѣлую родину. Каждый предметъ, попадавшій на глаза, вызывалъ въ душѣ его дорогія воспоминанія. Ваня перешелъ ручей—свидѣтель дѣтскихъ игръ...

Ручей, вырываясь по прежнему изъ подъ камней и узловатыхъ корней ветелъ, огибалъ свѣтлою, журчащею струею огородъ, избы и прошумѣвъ между булыжникомъ, вливался въ Оку подлѣ того мѣста, гдѣ когда-то тетушка Анна постукивала валькомъ. Время не оставило на немъ ни малѣйшаго слѣда, не измѣнило его на волосъ, между тѣмъ какъ все измѣнилось вокругъ. Отецъ покойнаго Глѣба плескался еще въ томъ ручьѣ, въ ребяческомъ возрастѣ; Глѣбъ родился на этомъ ручьѣ; Глѣбъ умеръ сѣдымъ старикомъ, умерла жена его—ручей все еще бѣжитъ тою же свѣтлою, говорливою струею; и нѣтъ сомнѣнія, долго еще переживетъ онъ дѣтей тѣхъ маленькихъ ребятишекъ, звонкіе голоса которыхъ раздавались теперь на площадкѣ...

Миновавъ огородъ, миновавъ проулокъ, Ваня повернулъ за уголъ. Онъ не долго оставался передъ избами. Каждая лишняя минута, проведенная на площадкѣ, отравляла радостное чувство, съ какимъ

*

онъ спѣшилъ на родину. Мы уже объяснили въ другомъ мѣстѣ нашего разсказа, почему родина дороже простолюдину, чѣмъ людямъ, принадлежащимъ высшимъ сословіямъ.

Отеревъ мокрые пальцы свои о засученныя полы сѣрой шинели, Ваня прошелъ мимо дѣтей, которыя перестали играть и оглядывали его удивленными глазами. Ребятишки проводили его до самаго берега. Два рыбака, стоя по колѣни въ водѣ, укладывали неводъ въ лодку. То были, вѣроятно, сыновья сѣдого, сгорбленнаго старика, котораго увидѣлъ Ваня въ отдаленіи, съ сакомъ на плечѣ.

Ваня подошелъ къ рыбакамъ и попросилъ, чтобы который нибудь изъ нихъ перевезъ его на ту сторону.

Переѣхавъ рѣку, Ваня пробирался между кустами ивняка, шелъ тою же самой песчаной дорожкой, усѣянной мелкими раковинами, на которой, бѣгая когда-то съ пріемышемъ, встрѣтилъ въ первый разъ Дуню. Немного погодя очутился онъ у опушки, и чуть ли не на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ тогда дѣдушка Кондратій.

Ваня прибавилъ шагу. Спустя нѣсколько времени, увидѣлъ онъ Комарево.

Ваня совсѣмъ почти не былъ знакомъ съ Комаревымъ, и потому, вступивъ въ околицу, не обратилъ рѣшительно никакого вниманія на то, что на крыльцѣ „Раставанья“ вмѣсто Герасима стоялъ жирный, коренастый мужикъ въ красной рубахѣ, плисовыхъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ. Послѣ уже узналъ онъ, что прежній цѣловальникъ Герасимъ попался въ какомъ-то темномъ дѣлѣ и отправленъ былъ на поселеніе.

Какъ мы уже сказали, былъ Петровъ день. Благодаря этому обстоятельству, комаревскія улицы были полны народа; отовсюду слышались пѣсни и пискливые звуки гармоніи. Но Ваня ни на минуту не остановился, чтобы поглазѣть на румяныхъ, разряженыхъ въ пухъ и прахъ дѣвокъ, которыя ласково провожали его глазами.

Онъ продолжалъ также ходко подвигаться къ двумъ церквямъ, которыя занимали середину села. Къ задней части церквей примыкало кладбище; за кладбищемъ начинался садъ. Тамъ гдѣ оканчивалось кладбище, плетень сада дѣлалъ крутой поворотъ влѣво, образуя съ задворками сосѣдней улицы узенькій, извилистый переулокъ. Съ одной стороны тянулся непрерывный рядъ навѣсовъ, съ другой—плетень, обросшій ежевичникомъ и крапивой; надъ плетнемъ круглились сплошною, темнозеленою массою фруктовыя деревья, покрытыя дозрѣвающимъ плодомъ. Вѣтви старыхъ рябинъ, клена и

черемухи, разсаженныхъ кое-гдѣ за плетнемъ, досягали иногда до кровель навѣсовъ и мѣстами бросали въ переулокъ синюю тѣнь, испещренную мелкими солнечными пятнами. Въ переулкѣ было такъ же тихо, какъ было шумно на улицѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по этому переулку, Ваня услышалъ какъ словно знакомый голосъ. Онъ поспѣшно приложилъ глаза къ щелямъ плетня; но въ этомъ мѣстѣ зелень совершенно заслонила внутренность сада. Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ—и вдругъ остановился. Сердце его сильно забилось; краска заиграла на загорѣвшихъ щекахъ его.

Неподалеку, подъ густою тѣнью развѣсистой яблони, увидѣлъ онъ соломенный шалашъ, у входа въ которомъ сидѣлъ дряхлый, сгорбленный, бѣловатый старикъ. Несмотря на подслѣповатость и сильное дрожаніе въ рукахъ, дѣдушка Кондратій все еще работалъ; на колѣняхъ его лежали длинныя тесмы лыкъ и начатый лапоть, въ который, однакожъ, не всегда удачно попадалъ онъ кочадыкомъ своимъ. На травѣ подлѣ него сидѣла его дочь; противъ нея возвышался кленовый гребень съ тучнымъ пучкомъ льну, изъ котораго тянула она лѣвою рукою тонкую, дрожащую нитку, между тѣмъ какъ въ правой рукѣ ея гудѣло и подпрыгивало веретено.

Жаркій лучъ солнца, скользнувъ между листами яблони и захвативъ на пути своемъ верхушку шалаша, падалъ на руки Дуни, разливая прозрачный, желтоватый полу-свѣтъ на свѣжее, еще прекрасное лицо ея. Въ двухъ шагахъ отъ Дуни и дѣдушки Кондратія рѣзвился мальчикъ лѣтъ одиннадцати, съ бѣлокурыми вьющимися волосами, свѣжими глазами и лицомъ такимъ же кругленькимъ и румянымъ, какъ яблоки, которыя надъ ними висѣли.

Наружность ребенка, его движенія и голосъ такъ живо напоминали мать, что Ванѣ представилось, будто онъ снова видитъ передъ собою Дуню, собирающую валежникъ въ кустахъ ивняка; картина счастливаго, беззаботнаго дѣтства промелькнула передъ нимъ, и сердце его забилось еще сильнѣе, краска еще ярче заиграла на загорѣлыхъ щекахъ.

Онъ бросился къ калиткѣ сада и побѣжалъ къ шалашу...

Не стану утруждать читателя описаніемъ этой сцены. И безъ того уже, увидите вы, найдется много людей, которые обвинятъ меня въ излишней сентиментальности, излишнихъ, ни къ чему не ведущихъ, „изліяніяхъ“,—обвинятъ въ неестественности и стремленіи къ идеаламъ, изъ которыхъ всегда „невѣсть что такое выходитъ“...

и проч. и проч. А критики? Но у „критиковъ“, какъ вы знаете, не по хорошему милъ бываешь, а по милу хорошъ; нельзя же быть другомъ всѣхъ критиковъ!

Впрочемъ, ихъ въ сторону.

Доскажу вамъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію моихъ сермяжныхъ героевъ.

Сосновское общество отрѣзало безсрочному узаконенный участокъ земли. Но Ваня не захотѣлъ оставаться въ Сосновкѣ. Видъ Оки пробудилъ въ немъ желаніе возвратиться къ прежнему, отцовскому промыслу. Землю свою отдалъ онъ подъ пашню сосѣду, а самъ снялъ въ наймы маленькое озеро, на гладкой поверхности котораго, съ послѣднимъ половодьемъ, не переставала играть рыба. Онъ обстроился и тотчасъ же перевелъ къ себѣ въ домъ дѣдушку Кондратія, его дочь и внучка.

И снова, сквозь темную листву орѣшника, ольхи и ветелъ, стала просвѣчивать соломенная, облитая солнцемъ кровля; снова между блѣдными вѣтвями ивы показалась раскрытая дверь. Подъ вечеръ, на порогѣ усаживался дѣдушка Кондратій, строгавшій дряхлою рукою удочку, между тѣмъ какъ дочь сидѣла подлѣ съ веретеномъ, внукъ рѣзвился, а Ваня возвращался домой съ вершами подъ мышкой или неся на плечѣ длинный сакъ, наполненный рыбой, которая блистала на солнцѣ, медленно опускавшемся къ посинѣвшему уже хребту высокаго нагорнаго берега.

Такъ проходила ихъ жизнь. Ваня ходилъ за старикомъ какъ нѣжный родной сынъ, берегъ его внучка, ласково, какъ братъ, обходился съ Дуней, и никогда ни единымъ словомъ не поминалъ ей о прежнихъ, прожитыхъ горестяхъ...

462780
LR
G8576
Grigorovich, Dmitry Vasil'evich
Полное собраніе сочиненій.
том 5.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED